This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 833,554

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

cP 18862

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

Koshelev, Nic. Petrovich

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

Томъ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА.

КНИГА II.

Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева.

Изданіе О. Ѳ. Кошелевой.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°
Пименовская ул., собственный домъ.
1889.

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

СЧК Kotzapanov, Nil Petrovich

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

1806 – 1883
Biografiia Aleksandra Ivanovicha Kosheleva
494/1123

ТОМЪ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

WO 14710
C.P 1886.2
v. 1, pt. 2

КНИГА II.

Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева.

Изданіе О. Ѳ. Кошелевой.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собственный домъ.
1889.

DK188
.K65K6

v.1
pt.2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Образованіе Ал. Ив. Кошелева въ Москвѣ.—Семья Кирѣевскихъ.—Критика въ концѣ двадцатыхъ годовъ и значеніе въ ней И. В. Кирѣевскаго.—Ал. С. Норовъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служба Ал. Ив. Кошелева въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.—Кружки, къ которымъ примкнулъ Кошелевъ: С. Е. Раичъ, кн. В. Ф. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Дм. В. Веневитиновъ, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. А. Соболевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ.—Начало знакомства съ А. Ст. Хомяковымъ.—Общественное значеніе А. И. Кошелева въ качествѣ члена стараго славянофильскаго кружка 56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служба Александра Ивановича въ канцеляріи Министерства иностранныхъ дѣлъ.—Занятія въ комитетѣ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи.—Блудовъ и Дашковъ.—Родственный кружокъ Александра Ивановича въ Петербургѣ: Р. А. Кошелевъ и Абр. С. Норовъ.—Петербургскій кружокъ кн. Одоевскаго.—Домъ гр. Лаваль.—Архарова.—К. Я. Булгаковъ.—Свѣтскія удовольствія.—Е. А. Карамзина.—А. О. Россетъ.—Научныя занятія Александра Ивановича.—Изданіе „Московскаго Вѣстника“.—Черты характера Александра Ивановича 175

Поправки и дополненія къ книгѣ первой 233

Поправки и дополненія къ книгѣ второй 264

Примѣчанія къ первой книгѣ 270

Примѣчанія къ книгѣ второй 316

Прибавленіе первое:

Статьи и рѣчи по случаю кончины А. И. Кошелева 12 ноября 1883 г. 329

Прибавленіе второе:

Перечень переводовъ произведеній болѣе замѣчательныхъ европейскихъ авторовъ съ XVIII в. по 1830 годъ 334

Прибавленіе третье:

Содержаніе „Русскаго Вѣстника“ 373

Прибавленіе четвертое:

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся Н. Гречемъ, съ 16 октября 1812 г. по 1816 годъ 411

Прибавленіе пятое:

Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 г. 434

Прибавленіе шестое:

Письмо Александра Сергѣевича Норова къ Алек. Иван. Кошелеву 439

Ку-17-55

К Н. 2

Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образованіе Ал. Ив. Кошелева въ Москвѣ.—Семья Кирѣевскихъ.—Критика въ концѣ двадцатыхъ годовъ и значеніе въ ней И. В. Кирѣевскаго.—Ал. С. Норовъ.

Въ 1821 году, четырнадцати лѣтъ, Александръ Ивановичъ съ матерью переѣхалъ въ Москву, для продолженія тамъ своего образованія. Случайное близкое сосѣдство сдружило семейство Кошелевыхъ съ Кирѣевскими; молодые люди встрѣтились на урокахъ у Мерзлякова. Кирѣевскій и Кошелевъ жили на одной улицѣ и часто возвращались вмѣстѣ домой; вскорѣ познакомились ихъ матери и дружба такъ тѣсно связала между собою юношей, что они, съ того времени, по выраженію Александра Ивановича, стали „жить какъ бы одною жизнью". Поэтому, излагая біографію Александра Ивановича, необходимо, насколько доступно, на первыхъ же порахъ познакомиться съ семьею Кирѣевскихъ. При этомъ я съ намѣреніемъ привожу нѣсколько подробностей о родителяхъ лицъ, встрѣчающихся въ біографіи Александра Ивановича: характеръ родителей и вообще семейныя традиціи, занимая важное мѣсто въ непосредственномъ развитіи нисходящаго потомства, не остаются безъ косвеннаго вліянія и на ходъ образованія самой эпохи. Прочность цивилизаціи вообще условливается числомъ семей, постоянно передающихъ въ своей средѣ — отъ родителей къ дѣтямъ—потребность и результатъ образованія.

Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Встарину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ

уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями: предку ихъ, Бѣлевскому дворянину Василію Семеновичу, въ началѣ XVII вѣка, пожаловано за осадное сидѣнье бывшее его помѣстье село Долбино, въ 7 верстахъ отъ Бѣлева, въ вотчину: это и было великолѣпное родовое имѣніе Кирѣевскихъ, сохранившееся за ними до сихъ поръ. Въ Долбинѣ прошли всѣ первые дѣтскіе годы И. В. и П. В. Кирѣевскихъ. Отецъ ихъ, В. И. Кирѣевскій, былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный: онъ зналъ пять языковъ, библіотека имъ собранная свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію, въ молодости онъ переводилъ и даже печаталъ романы и другіе литературныя произведенія, но по преимуществу занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной и устроилъ у себя лабораторію. Онъ служилъ въ гвардіи, и выйдя въ отставку секундъ-майоромъ, поселился въ Москвѣ. Въ 1805 году, 30 лѣтъ отъ роду, В. И. Кирѣевскій женился на 15-лѣтней А. П. Юшковой.

Такимъ образомъ въ родъ Кирѣевскихъ вошла одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, которая не только подняла на ноги свою многочисленную семью, но оставила прочный слѣдъ въ движеніи русской мысли своего времени. Авдотья Петровна Елагина (1789—1877) была дочерью П. Н. Юшкова, занимавшаго важное мѣсто въ администраціи Тульской губерніи въ царствованіе императрицы Екатерины, и Варвары Аѳанасьевны, урожденной Буниной, очень образованной женщины и прекрасной музыкантши. Отецъ Варвары Аѳанасьевны, именитый Бѣльскій воевода Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, отъ плѣнной турчанки Саломе, привезенной бѣлевскимъ крестьяниномъ-маркитантомъ, прижилъ сына Вас. Андр. Жуковскаго (1783—1852 года); такимъ образомъ Авдотья Петровна Кирѣевская приходилась побочною племянницей Жуковскому. Послѣ смерти старика Бунина вдова его Марья Григорьевна сблизилась съ турчанкой, принявшею христіанскую вѣру еще до рожденія Жуковскаго, и съ теплымъ участіемъ отнеслась къ ребенку своего мужа. Впослѣдствіи Бунина говаривала: „будь живъ мой Иванъ (сынъ ея, умершій юношей), я бы не знала кого мнѣ больше любить, его или Васяньку“ (т. е. Жуковскаго). У Аѳанасья Ивановича и Марьи Григорьевны Буниныхъ, кромѣ Варвары Аѳанасьевны Юшковой, было еще три дочери, изъ которыхъ замѣчательна болѣе другихъ Екатерина Аѳанасьевна, замужемъ за Протасьевымъ, роднымъ братомъ первой жены Карамзина. Варвара

Аѳанасьевна Юшкова была крестною матерью Жуковскаго и, кромѣ Авдотьи Петровны Кирѣевской, имѣла другую дочь, Анну Петровну, по мужу Зонтагъ, извѣстную составительницу дѣтскихъ книгъ. Екатерина Аѳанасьевна Протасьевна имѣла также двухъ дочерей: Марью Андреевну, воспѣтую Жуковскимъ подъ именемъ Свѣтланы, въ которую онъ былъ влюбленъ и отказался отъ нея только въ силу непреклонной воли матери, и Александру Андреевну, крестницу Жуковскаго. Впослѣдствіи первая изъ нихъ вышла замужъ за дерптскаго проф. Майера, а вторая— за Воейкова, вскорѣ, по ходатайству Жуковскаго, получившаго каѳедру въ Дерптѣ. Племянницы Жуковскаго сдѣлались, по своему возрасту, его совоспитанницами. Родственныя связи въ этой многочисленной семьѣ имѣли очень большое значеніе и прежде всего отразились на самомъ Жуковскомъ, который въ свою очередь имѣлъ огромное вліяніе на развитіе молодыхъ Кирѣевскихъ.

Первоначальное воспитаніе Авдотьи Петровны ведено было очень тщательно. Гувернантками при ней были эмигрантки изъ Франціи временъ революціи, женщины получившія, по-тогдашнему, серьезное образованіе. Въ особенности называютъ графиню Дореръ, отличавшуюся вполнѣ аристократическими привычками и характеромъ. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на умственный и нравственный строй покойной и придало ей французскую аристократическую складку, общую всѣмъ лучшимъ людямъ той эпохи. Съ нѣмецкимъ языкомъ и литературой Авдотья Петровна познакомилась чрезъ учительницъ, дававшихъ ей уроки, и В. А. Жуковскаго, который воспитывался съ нею, былъ ея другомъ и, будучи старше ея семью годами, былъ вмѣстѣ ея наставникомъ и руководителемъ въ занятіяхъ. Русскому языку училъ ее Филатъ Гавриловичъ Покровскій, человѣкъ очень знающій и написавшій много статей о Бѣлевскомъ уѣздѣ, напечатанныхъ въ „Политическомъ Журналѣ". Авдотья Петровна пяти лѣтъ отъ роду лишилась матери и переѣхала съ отцомъ въ село Мишенское, Бѣлевскаго уѣзда, къ бабушкѣ своей Марьѣ Григорьевнѣ Буниной, и тамъ была выдана бабушкою за Кирѣевскаго. Несмотря на свое образованіе, Кирѣевскій былъ человѣкъ своеобразный; онъ страстно любилъ свою жену и довершилъ ея образованіе, читая съ нею серьезныя книги, въ особенности историческаго содержанія и Библію. Вѣроятно, въ то время окончательно утвердилась въ молодой тогда Авдотьѣ Пет-

ровнѣ глубокая религіозность, безъ сомнѣній и колебаній, которая сопровождала ее до могилы. Кирѣевскій былъ религіозенъ до нетерпимости, ненавидѣлъ французскихъ энциклопедистовъ и Вольтера, скупалъ и истреблялъ ихъ сочиненія. Отъ брака съ Кирѣевскимъ Авдотья Петровна имѣла 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ трое достигли зрѣлаго возраста: Иванъ Васильевичъ (род. 1806), Петръ (1808) и Марья Васильевна (1811 г.). Счастливое супружество покойной съ первымъ мужемъ продолжалось недолго.

По случаю нашествія французовъ, В. И. Кирѣевскій переѣхалъ въ другую свою деревню, слободу Кирѣевскую, вблизи Орла, и здѣсь далъ пріютъ многимъ бѣжавшимъ семействамъ. Безпомощное состояніе раненыхъ плѣнныхъ французовъ, неурядица и злоупотребленіе въ гошпиталяхъ возмущали его. Будучи частнымъ человѣкомъ, онъ самопроизвольно, безъ всякаго полномочія или приглашенія отъ властей, принялъ на собственное свое попеченіе госпиталь въ Орлѣ, заботился о плѣнныхъ и раненыхъ, обращалъ якобинцевъ и революціонеровъ къ религіи, спокойно перенося оскорбленія, которыми они его за то осыпали, и 1 ноября 1812 года сдѣлался жертвой госпитальной горячки, оставивъ глубоко огорченную жену 23-лѣтнею вдовою, а старшаго сына—на седьмомъ году, такъ что воспитаніе Кирѣевскихъ прошло совершенно подъ вліяніемъ матери. Послѣ смерти перваго мужа Авдотья Петровна переселилась съ своими дѣтьми къ своей вдовой теткѣ Екат. Аѳан. Протасьевой, проживавшей также въ Орлѣ и по близости въ своемъ имѣніи, д. Муратовой. Съ этимъ семействомъ жилъ и Жуковскій. Здѣсь Авдотья Петровна очутилась въ образованномъ свѣтскомъ кружкѣ, который составился въ селѣ Черни, у Алекс. Алекс. Плещеева. Плещеевъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой, женщинѣ очень образованной, имѣлъ свой домашній оркестръ и былъ неподражаемый чтецъ и декламаторъ, вслѣдствіе чего поступилъ позднѣе лекторомъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ кружкѣ Плещеева, кромѣ его жены, Жуковскаго, дочерей Е. Аѳ. Протасьевой и близкихъ пріятелей и знакомыхъ: Д. Н. Блудова, Д. А. Кавелина, Апухтина—участвовали многіе изъ образованныхъ плѣнныхъ французовъ, въ томъ числѣ генералъ Бонами. Здѣсь проводили время очень весело, читали, разыгрывали французскія пьесы, играли въ распространенныя тогда jeux d'esprit, исполняли музыкальныя пьесы. Но черезъ два года кружокъ этотъ разстроился: съ выходомъ А. А.

Протасьевой за Воейкова семейство Протасьевыхъ переселилось въ Дерптъ, а Авдотья Петровна вернулась въ Долбино, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, оставившимъ ополченіе въ 1813 году и прожившимъ въ Долбинѣ два года до отъѣзда своего въ Петербургъ. Выросшій въ постоянномъ женскомъ образованномъ и родственномъ кругу, Жуковскій выработался такимъ, какимъ остался на цѣлую жизнь. Романтикъ по своей природѣ, Жуковскій развился въ этомъ смыслѣ, благодаря окружающей обстановкѣ, независимо отъ вліянія со стороны распространившагося тогда романтическаго направленія въ поэзіи и литературѣ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ: „Обвитый розами скелетъ,—это можно сказать не объ одной славѣ, но и о жизни, т.-е. о томъ, что̀ называется жизнью въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта,—скелетъ, скелетъ! И посмотрѣть на него убійственно даже для самого уединенія. Бо̀льшая часть мечтаній должна погибнуть,—то, что̀ иногда дѣлаетъ прелесть уединенія—эта *даль*, населенная прекрасными твореніями, исчезаетъ“. Взглядъ Жуковскаго на жизнь очень рельефно выражается въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его письма къ Авдотьѣ Петровнѣ отъ 11 іюня 1815 года, когда Жуковскій только-что поступилъ на службу въ Петербургѣ: „Надобно все видѣть здѣсь вблизи, чтобъ увѣриться, что служба для пользы невозможна; для выгоды же служатъ тѣ, которые имѣютъ особенныя, неестественныя способности... Все это несравненно разительнѣе здѣсь, въ Петербургѣ, въ виду тѣхъ людей, которые лучшими благами жизни жертвуютъ для пріобрѣтенія этихъ ничтожныхъ благъ, которыхъ сумма называется фортуной! Повѣрьте, что это—муміи, окруженныя великолѣпными пирамидами, которыхъ величіе не для нихъ существуетъ. Кто же захочетъ въ муміи для того только, чтобъ имѣть честь быть погребеннымъ въ пирамидѣ! Вы пишете мнѣ: *подумай, наконецъ, о своей выгодѣ*. Стараться сдѣлать для себя ненужнымъ весь этотъ приходъ пустяковъ и ничтожностей—значитъ думать объ истинной своей выгодѣ. Прежде причиною моего равнодушія къ этому причету было одно чувство, которое наполняло душу и исключительно ею владѣло; теперь къ благодѣтельному этому чувству, которое сберегу, какъ пламень Весты, присоединялась и нѣкоторая опытность. Богатства мнѣ искать нельзя. Я его не найду, да и не счи-

таю его нужнымъ. Почести—сущая низость, когда стоишь на той сценѣ, на которой раздается хвала, гулъ шумный и невнятный. Быть полезнымъ... эта химера только въ Бѣлевѣ кажется чѣмъ-то существеннымъ. Здѣсь ее имѣть невозможно. Можетъ быть придетъ такое время, когда она обратится въ существенность; а теперь стóитъ только поглядѣть на тѣхъ людей, которые посвятили себя общественной дѣятельности, чтобы сказать себѣ, какъ эта цѣль безумна. Будешь биться какъ рыба объ ледъ и только что себя разобьешь въ дребезги, и, чтò всего важнѣе, убьешь въ себѣ прежде смерти то, чтò составляетъ твою жизнь, и останешься до гроба скелетомъ.—Итакъ, друзья, изо всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что я постараюсь здѣсь доставить себѣ только то, чтò всего мнѣ нужнѣе: *независимость*, свободу дѣйствовать въ маломъ кругѣ, дѣйствовать мыслію и душою, не унижая этой дѣятельности разрушительными заботами о завтрашнемъ днѣ. Моя честь, фортуна и все—мое перо. Но чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти съ нимъ изъ смертельнаго петербургскаго климата, переселиться на родину". Это идеально-поэтическое настроеніе, отвращеніе отъ службы и почестей, равнодушіе къ богатству и любовь къ литературѣ Жуковскій передалъ и Кирѣевскимъ.

Многія изъ лучшихъ произведеній Жуковскаго написаны въ этомъ, какъ самъ онъ выражается, поэтическомъ уединеніи; памятникомъ того времени остались двѣ большія черновыя тетради, подъ заглавіемъ Долбинскія стихотворенія; въ нихъ много писано и для печати и не разъ воспѣваются тихій Долбинскій пріютъ и Долбинская семья. Замѣчательно, что Жуковскій имѣлъ какое-то инстинктивное влеченіе къ дѣлу воспитанія; онъ предложилъ самъ быть опекуномъ и воспитателемъ Кирѣевскихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени къ Елагинымъ изъ Петербурга Жуковскій говоритъ: „При свиданіи будемъ говорить о томъ, чтò для меня есть *одно изъ главныхъ дѣлъ жизни*, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана и, право, не даромъ сказалъ, что въ этотъ планъ *входитъ много моего будущаго*". Но этому желанію не суждено было сбыться: уѣхавши изъ Долбина для изданія своихъ стихотвореній, Жуковскій туда не возвращался и поступилъ въ Петербургѣ на службу. Жизнь свою въ Долбинѣ Жуковскій считалъ однимъ изъ счастливѣйшихъ періодовъ и, въ началѣ своего переселенія въ Петербургъ, ему не понравившійся, постоянно мечталъ

о счастіи туда вернуться; а привязанность къ своимъ племянницамъ онъ сохранилъ до самой смерти. Въ 1852 году, за пять недѣль передъ кончиною, Жуковскій писалъ къ П. А. Плетневу: „Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ: изъ двухъ мужескаго пола и двухъ—женскаго. Къ первой принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней—двѣ старушки—Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь!"... Во время пребыванія Жуковскаго въ Долбинѣ И. В. Кирѣевскій былъ еще не старѣе девяти лѣтъ, и потому въ то время вліяніе на него Жуковскаго если и было, то не могло быть значительно; но дружескія къ нему отношенія Жуковскаго не прекращались во все время ихъ жизни. Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ Кирѣевскаго; въ свою очередь и Жуковскій, горячо привязавшись къ нему, при всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго спѣшилъ являться первымъ ревностнымъ сотрудникомъ, и если обстоятельства того требовали, то и энергическимъ заступникомъ. Въ 1830 году И. В. Кирѣевскій молодымъ человѣкомъ отправлялся за границу, и въ Петербургѣ Жуковскій встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Кирѣевскій привезъ свой дѣтскій журналъ и первыя свои печатныя статьи, которыя показывалъ Жуковскому: Жуковскому особенно понравилась повѣсть, которую онъ хвалилъ на каждомъ словѣ. „Ты будешь современемъ писателемъ,—ободрялъ молодого Кирѣевскаго Жуковскій,—когда поучишься хорошенько. У тебя въ слогѣ есть свой характеръ, виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой". Жуковскій показалъ этотъ журналъ Пушкину, тотъ также оказался въ восторгѣ и просилъ напечатать „Зиму" въ „Литературной Газетѣ", но Жуковскій не далъ. Для Кирѣевскаго Жуковскій сдѣлалъ вечеръ и собралъ всѣхъ литераторовъ; по отъѣздѣ Кирѣевскаго Жуковскій писалъ къ матери: „Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философское твореніе. Его узнать весело". Когда И. В. Кирѣевскій задумалъ издавать журналъ „Европеецъ", Жуковскій нарочно пріѣзжалъ въ Москву, участвовалъ въ составленіи плана и открылъ журналъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, сказкою „о войнѣ мышей и лягушекъ".

Въ 1817 году, послѣ отъѣзда Жуковскаго, А. П. Кирѣевская въ другой разъ вышла замужъ за своего внучатнаго брата Ал. Ал. Елагина. Елагинъ, горячо полюбившій своихъ пасынковъ,

вмѣстѣ съ матерью былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1821 года, и молодые Кирѣевскіе привязались къ своему вотчиму, какъ ко второму отцу. Какія отношенія существовали между пасынками и вотчимомъ, всего лучше показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Кирѣевскаго къ Елагину изъ-за границы: „Папенька перенесъ свою мнительность изъ міра физическаго въ нравственный, и какъ прежде сомнѣвался въ своемъ здоровьѣ, такъ теперь сомнѣвается въ моей любви къ нему. Еслибы онъ могъ хоть на минуту переселиться въ мою душу, то вѣрно раскаялся бы въ своемъ несправедливомъ мнѣніи, которое для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ я дальше отъ васъ, чѣмъ меньше способовъ имѣю высказаться вамъ вполнѣ, чѣмъ, съ другой стороны, яснѣе и полнѣе представляются мнѣ я его любовь, и все что̀ онъ сдѣлалъ для меня, и все что̀ онъ мнѣ и намъ. Еслибы онъ подслушалъ хоть разъ, какъ я, всякій день, въ сердечныхъ мысляхъ объ васъ, съ любовью, благодарностью и дружбой благословляю его внутри души, онъ вѣрно бы мысленно прижалъ меня къ груди своей, какъ достойнаго сына". Эту картину семейной жизни Кирѣевскихъ мы дополнимъ отношеніями Ивана Васильевича къ брату. Братья Кирѣевскіе были такъ тѣсно между собою связаны, что Хомяковъ говаривалъ: „невозможна отдѣльная біографія Ивана или Петра Васильевичей, возможна только біографія братьевъ Кирѣевскихъ". Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ домашнимъ Иванъ Васильевичъ говоритъ: „Сегодня рожденіе брата: этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ,—онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу! Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо—величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ" (Соч. т. I, стр. 30—31).

Я съ намѣреніемъ такъ долго останавливался на внутреннемъ строѣ цѣлой семьи Кирѣевскихъ. Біографія Кошелева покажетъ, что такія же искреннія и возвышенныя отношенія существовали между матерью и сыномъ. Патріархальный бытъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, царствовалъ, какъ извѣстно, и въ семействахъ Аксаковыхъ, Хомяковыхъ и Самариныхъ. Такая обстановка съ дѣтства имѣла громадное значеніе для всего умственнаго кругозора представителей славянофильскаго ученія. Семейныя и религіозныя традиціи усвоены были ими какъ священный завѣтъ, согрѣвавшій

ихъ раннюю молодость, въ ту пору, когда юная душа открыта для впечатлѣній, а умъ не подкупленъ сухою логикой и жизненными разочарованіями. Оттого впослѣдствіи, когда науки и глубокая дума заставили ихъ серьезно и критически относиться къ окружающей средѣ и явленіямъ общественной жизни,—они не могли безусловно и безповоротно оторваться отъ этихъ традицій, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь.

Елагинъ былъ сначала усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума" онъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ; но въ 1819 году чрезъ Веланскаго познакомившись съ сочиненіями Шеллинга, онъ сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ и въ деревнѣ переводилъ его „Письма о догматизмѣ и критицизмѣ". Елагинъ въ теченіе всей своей жизни не переставалъ заниматься философскими вопросами. Познакомившись въ Берлинѣ съ философіей Гегеля, И. В. Кирѣевскій совѣтуетъ своему вотчиму достать „Encyclopedie der philos. Wissenschaften von Hegel". „Здѣсь,—говоритъ онъ,—вы найдете столько любопытнаго, сколько не представляетъ вся новѣйшая нѣмецкая литература вмѣстѣ взятая. Сочиненіе это трудно понять, но игра стóитъ свѣчъ". Изъ Мюнхена, гдѣ Кирѣевскій долго слушалъ Шеллинга и записывалъ его лекціи, онъ хотѣлъ отослать эти записки къ отцу, но остановился потому, что противъ прошлогодней его системы оказалось *новаго немного*. Это доказываетъ, что Елагинъ хорошо изучилъ философію Шеллинга и познакомилъ съ нимъ своего пасынка. Что касается до самой Авдотьи Петровны, то одинъ изъ самыхъ преданныхъ ея питомцевъ, К. Д. Кавелинъ, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Авдотья Петровна не была писательницею, но участвовала въ движеніи и развитіи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу". Чтобъ оцѣнить ея вліяніе на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковскій читалъ ей свои произведенія въ рукописи и уничтожалъ или передѣлывалъ ихъ по ея замѣчаніямъ. Авдотья Петровна много переводила съ иностранныхъ языковъ, но значительная часть этихъ переводовъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей, не была напечатана. Въ молодости (въ 1808—1809 году) она перевела, по заказу Жуковскаго, издававшаго тогда „Вѣстникъ Европы", много романовъ и получала за нихъ гонораръ книгами. Такъ, переведенъ ею, между прочимъ, „Донъ Кихотъ"

Флоріана; въ „Европейцѣ“ напечатанъ сдѣланный ею переводъ одной рыцарской повѣсти изъ „Sagen der Vorzeit“ Фейтъ Вебера, а въ „Москвитянинѣ“ 1845 года—отрывки, отмѣченные Ив. Кирѣевскимъ изъ мемуаровъ Стефенса. Наконецъ много ея переводовъ напечатано въ „Библіотекѣ для воспитанія“, издававшейся по ея иниціативѣ П. Г. Рѣдкинымъ, между прочимъ нѣсколько дѣтскихъ повѣстей изъ Гофмана и большая статья о Троянской войнѣ; въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“ Фролова—„Письма изъ путешествія“ извѣстнаго этнографа Кастрена. Остались ненапечатанными: „Левана, или о воспитаніи“ Жанъ-Поль Рихтера, „Жизнь Гусса“ Боншоза, въ двухъ томахъ, „Тысяча одна ночь“, „Принцесса Брамбилла“ Гофмана, многія бесѣды швейцарскаго проповѣдника Вине (Discours sur quelques sujets religieux par Vinet, 2 тома), имѣвшія большое значеніе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Кирѣевскаго, Хомякова и Кошелева. Еще въ самый годъ своей кончины Авдотья Петровна перевела одну изъ проповѣдей ревельскаго проповѣдника Гуна. Основательно знакомая со всѣми важнѣйшими европейскими литературами, не исключая новѣйшихъ, за которыми слѣдила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила старинную французскую литературу. Любимыми ея писателями остались Расинъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Бернардинъ де Сентъ Пьеръ, Массильонъ, Фенелонъ. Покойная до самой кончины имѣла живой, ясный умъ; она всю свою жизнь сохранила основныя, характерныя черты того времени, когда воспитывалась и сложилась. Литературные, художественные, религіозно-нравственные интересы преобладали въ ней надъ всѣми прочими; политическіе и общественные вопросы отражались въ ея умѣ и сердцѣ своей гуманитарной и литературно-эстетическою стороной. Такова вообще была складка того поколѣнія, къ которому принадлежала Авдотья Петровна, и этому направленію она осталась вѣрна до послѣднихъ дней жизни. Рядомъ съ этимъ Авдотья Петровна занималась живописью и женскими рукодѣліями, въ которыхъ была большою мастерицей. Не было собесѣдницы болѣе интересной, остроумной и пріятной. Въ разговорѣ съ Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замѣчая какъ идетъ время. Живость, веселость, добродушіе, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ея личномъ знакомствѣ съ массою интереснѣйшихъ личностей и событій, прошедшихъ предъ нею въ те-

ченіе долгой жизни, и ко всему этому удивительная память,—все это придавало ея бесѣдѣ невѣроятную прелесть. Всѣ, кто зналъ и посѣщалъ ее, испытали на себѣ ея доброту и внимательность. Авдотья Петровна спѣшила на помощь всякому, часто даже вовсе незнакомому, кто только въ ней нуждался. Поразительные примѣры этой черты ея характера разсказываются ея родными и близкими. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I и въ продолженіе всего царствованія императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, семейный салонъ Елагиныхъ въ Москвѣ былъ средоточіемъ и сборнымъ мѣстомъ всей русской интеллигенціи,—всего, что было у насъ самаго просвѣщеннаго, литературнаго и научно-образованнаго. За все это продолжительное время составлялись въ Москвѣ литературные кружки, смѣнялись московскія литературныя направленія, задумывались литературныя и научныя предпріятія, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать исторію русскаго литературнаго и научнаго движенія за это время, не встрѣчаясь на каждомъ шагу съ гостепріимными хозяевами тогдашнихъ московскихъ салоновъ, въ числѣ которыхъ Авдотья Петровна занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ этихъ литературныхъ кружкахъ и салонахъ зарождалась, воспитывалась, созрѣвала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись къ литературной и научной дѣятельности нарождавшіяся русскія поколѣнія (1).

Подъ вліяніемъ такой благотворной среды молодой Кирѣевскій развился чрезвычайно рано: еще ребенкомъ, на седьмомъ году, онъ такъ хорошо выучился играть въ шахматы, что обыгрывалъ генерала Бонами и плѣнныхъ французскихъ офицеровъ; десяти лѣтъ онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми лучшими произведеніями русской словесности и такъ-называемой классической французской литературы; двѣнадцати лѣтъ онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Родственный кружокъ Елагиныхъ, какъ видно, посвящалъ свое время исключительно литературнымъ занятіямъ. Изъ приведеннаго выше письма Жуковскаго видно, что въ Долбинѣ издавался даже домашній журналъ. Жуковскій говоритъ по этому случаю: „Въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей: пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ“.

Впослѣдствіи, когда Кирѣевскіе повыросли, во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ прежніе литературные разговоры нерѣдко

стали замѣняться бесѣдами и спорами съ вотчимомъ о предметахъ чисто-философскихъ. Между прочимъ Кирѣевскому еще въ Долбинѣ попались Локкъ и Гельвецій. Вотъ его мнѣніе о Гельвеціи, которое онъ высказалъ позже, когда А. И. Кошелевъ, бывшій уже на службѣ въ Петербургѣ, написалъ ему о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него чтеніемъ Гельвеція: „О Гельвеціи, я думаю, и самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, еслибы прочелъ его теперь; но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдываніе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція“.

Такимъ образомъ Кирѣевскій явился въ Москву на житье съ матерью, уже знакомый съ движеніемъ философской мысли, преимущественно нѣмецкой; совершенно напрасно г. Пятковскій въ біографіи Веневитинова утверждаетъ, что Кирѣевскій въ молодости былъ ярымъ послѣдователемъ философіи энциклопедистовъ и Вольтера. 14 іюля 1821 года переѣхала Авдотья Петровна съ мужемъ и дѣтьми въ Москву и прожила здѣсь безвыѣздно четырнадцать лѣтъ, до 1835 года; съ этой же поры начались знакомство и дружба ея съ Александромъ Ивановичемъ и его матерью. Отъ втораго брака Авдотья Петровна имѣла также четверыхъ дѣтей: Василья Алексѣевича, родившагося въ 1818 году и потомъ вступившаго въ бракъ съ Екатериной Ивановной Мойеръ, Николая, род. въ 1822 г., Андрея въ 1823 и дочь Елизавету въ 1825 году. Въ 1835—1836 году Елагина жила за границею, преимущественно въ Дрезденѣ, гдѣ ходили въ школу ея дѣти (отъ втораго брака) и гдѣ она, черезъ Жуковскаго, сошлась съ извѣстнымъ Людвигомъ Тикомъ; къ числу ея знакомыхъ принадлежалъ и Шеллингъ, который изъ числа своихъ слушателей помнилъ и отличалъ братьевъ Кирѣевскихъ. Въ другой и послѣдній разъ отправилась за границу Авдотья Петровна въ 1841 году, чтобы познакомиться съ невѣстою Жуковскаго. Съ половины сороковыхъ годовъ счастливая до тѣхъ поръ жизнь Авдотьи Петровны была

омрачена тяжелыми испытаніями. Начиная съ 1844 по 1859 годъ перенесла она рядъ тяжелыхъ потерь: смерть унесла у нея мужа (1846 г.), сына ея Андрея Елагина (1844 г.), дочь Елизавету Ал. Елагину (1848 г.), двоюродную сестру Воейкову (1844 г.), близкаго ея друга Валуева (1845 г.), тетку ея Протасьеву (1848 г.), обоихъ братьевъ Кирѣевскихъ (1856 г.), Мойера (1858 г.) и дочь отъ перваго брака Марью Васильевну (1859 г.).

Послѣдніе годы жизни Авдотья Петровна проводила въ Москвѣ, лѣтомъ въ деревнѣ, иногда оставаясь тутъ круглый годъ, но большею частью возвращаясь на зиму въ Москву. Жила она съ своимъ сыномъ Н. А. Елагинымъ, который остался неженатымъ, устроилъ для нея прекрасную усадьбу и домъ въ деревнѣ Уткинѣ, близъ роднаго ея пепелища, села Петрищева, и съ трогательною нѣжностью заботился объ угасавшей матери. Здѣсь доживала Авдотья Петровна дни свои, окруженная дорогими воспоминаніями прошлаго, не переставая заниматься, читать, рисовать. Съ избраніемъ сына, Ник. Алекс., въ предводители дворянства Бѣлевскаго уѣзда она перестала ѣздить на зиму въ Москву и проводила зимніе мѣсяцы въ Бѣлевѣ. Но не долго суждено ей было наслаждаться тихой, спокойной, радостною старостью: 11 февраля 1876 года скоропостижно скончался Н. А. Елагинъ. Изъ всего многочисленнаго семейства оставался въ живыхъ только одинъ сынъ, В. А. Елагинъ. Но воспитаніе дѣтей приковывало его къ Дерпту. Сюда, въ семейство сына, и переселилась Авдотья Петровна въ 1876 году и здѣсь тихо скончалась 1-го іюня 1877 года, на 86 году отъ рожденія. Незадолго до ея кончины Общество любителей россійской словесности избрало ее своимъ почетнымъ членомъ.

Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ вспоминаетъ, какъ много въ жизни онъ обязанъ былъ вліянію Авдотьи Петровны. Авдотья Петровна искренно была привязана къ Александру Ивановичу. Въ одномъ письмѣ отъ 3 мая (года не обозначено), по случаю происшествія съ А. И. Кошелевымъ, Елагина писала: „Мой милый Кошелевъ! зачѣмъ вы больны? Какъ можно было не позаботиться о себѣ, когда васъ разбили лошади! Вѣдь это грѣхъ не столько противъ Ольги и Даши, сколько противъ меня. Ваша дружба съ Иваномъ привязала меня къ вамъ материнскою любовью; вы обязаны мнѣ усладить это чувство. Будьте же здоровы, Бога ради!“ Въ другомъ письмѣ: „Нѣтъ, мы никогда не разстанемся, дорогой мой

Кошелевъ! Пятьдесятъ пять лѣтъ вашей дружбы съ Иваномъ, пятьдесятъ пять сыновней вашей любви ко мнѣ, пятьдесятъ пять моей материнской любви къ вамъ не истребляются". И не одинъ Александръ Ивановичъ многимъ обязанъ былъ Авдотьѣ Петровнѣ. Кавелинъ, въ своемъ біографическомъ очеркѣ, живо описываетъ, какую школу для начинающихъ молодыхъ людей представляли тогда московскіе кружки, во главѣ которыхъ стоялъ гостепріимный салонъ Елагиныхъ: „Вводимые въ замѣчательно-образованное семейство добротою и радушіемъ хозяевъ, юноши, только-что сошедшіе со студенческой скамейки, получали доступъ въ лучшее общество, гдѣ имъ было хорошо и свободно, благодаря удивительной простотѣ и непринужденности, царившей въ домѣ и на вечерахъ. Здѣсь они встрѣчались и знакомились со всѣмъ, что тогда было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ, прислушивались къ спорамъ и мнѣніямъ, сами принимали въ нихъ участіе и мало-помалу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ". Къ числу молодыхъ людей, воспитавшихся такимъ образомъ въ домѣ и салонѣ Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали (въ тридцатыхъ годахъ): Дм. Ал. Валуевъ, слишкомъ рано умершій для науки, А. Н. Поповъ, М. А. Стаховичъ, позднѣе трое Бакуниныхъ (братья эмигранта), художникъ Мамоновъ и другіе. Всѣ они были приняты въ семействѣ Елагиныхъ на самой дружеской ногѣ,—Валуевъ даже жилъ въ ихъ домѣ,—и вынесли изъ него самыя лучшія, самыя дорогія воспоминанія. Кавелинъ прибавляетъ, что онъ самъ на себѣ испыталъ всю обаятельную прелесть и все благотворное вліяніе этой среды въ золотые дни студенчества; ей онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями. Съ любовью, глубокимъ почтеніемъ и благодарностью возвращается онъ мыслями къ этой счастливой порѣ своей молодости и со всѣми его воспоминаніями изъ этого времени неразрывно связана свѣтлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны, которая всегда относилась къ нему и другимъ начинающимъ юношамъ съ безконечною добротой, съ неистощимымъ вниманіемъ и участіемъ. Таково было нравственное вліяніе этой замѣчательной женщины; не даромъ въ письмѣ отъ 23 сентября 1842 года къ А. Н. Попову Авдотья Петровна выражалась: „Усовершенствованіе науки еще не главное; умъ—второе отдѣленіе души; нужно усовершенствовать душу и не дать ей пасть" (Р. Арх. 1886, III, 336).

Выше было сказано, что первоначальное образованіе Александра Ивановича Кошелева и Ивана Васильевича Кирѣевскаго шло параллельно и вмѣстѣ. Когда Александру Ивановичу минуло 14 лѣтъ, мать его пригласила для продолженія его образованія профессоровъ. Изъ нихъ два, по словамъ Александра Ивановича, оказали на него сильное дѣйствіе: Мерзляковъ—по русской и классической словесности и Шлецеръ—по политическимъ наукамъ. Мерзляковъ, говоритъ Александръ Ивановичъ, бывалъ иногда великолѣпенъ; но, къ сожалѣнію, часто лѣнился и нерѣдко любимый имъ „ерофеичъ" связывалъ его языкъ и путалъ его понятія до того, что онъ вовсе не могъ преподавать. Въ хорошіе дни онъ прекрасно объяснялъ свойства русскаго языка, „пріохочивалъ къ древнимъ классикамъ" (Записки, стр. 6). Это побудило Александра Ивановича учиться по-гречески сперва у кандидата университета В. И. Оболенскаго, а потомъ у грека Байло, человѣка очень образованнаго, издавшаго въ Парижѣ, на счетъ московскихъ грековъ братьевъ Зосимовъ, нѣсколько классиковъ (Плутарха, Исократа и др.). Байло былъ учителемъ въ домѣ Кирѣевскихъ; съ ними занимался также по-гречески Шевыревъ. Александръ Ивановичъ значительно усовершенствовался въ греческомъ языкѣ, такъ что сталъ читать греческихъ классиковъ почти безъ лексикона; онъ перевелъ нѣсколько книгъ Ѳукидидовой исторіи Пелопоннезской войны и много отрывковъ изъ Платоновой „Республики". Изученію греческаго языка особенно помогло то обстоятельство, что Байло говорилъ съ Александромъ Ивановичемъ по-новогречески, такъ что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ онъ выражался на этомъ нарѣчіи свободно. Латинскій языкъ Александръ Ивановичъ зналъ, по его словамъ, порядочно, но онъ для Кошелева остался мертвымъ. Сынъ извѣстнаго академика и истолкователя Нестора, Авг. Шлецеръ, въ 1800 г. былъ приглашенъ на каѳедру политической экономіи сперва въ Дерптскій, а въ 1801 г. въ Московскій университетъ. Онъ, кромѣ другихъ своихъ, довольно многочисленныхъ, сочиненій, издалъ „Начальныя основанія государственнаго хозяйства" (М. 1805),—руководство, переведенное на нѣмецкій и французскій языки и долго служившее таковымъ при преподаваніи даже въ германскихъ университетахъ. По словамъ князя Вяземскаго (Соч. т. VIII, стр. 377), Шлецеръ въ то время пользовался въ Москвѣ извѣстностью и уваженіемъ, чему въ особенности способствовали его публичныя лекціи. Карамзинъ говоритъ объ этихъ лек-

ціяхъ: „Нѣмецкій языкъ, на которомъ г. Шлецеръ преподаетъ исторію, хотя вообще у насъ не столь извѣстенъ, какъ французскій, однако же сей достойный профессоръ имѣетъ довольно слушателей изъ числа благородныхъ молодыхъ людей, для которыхъ наставленія его могутъ быть тѣмъ полезнѣе". О немъ Александръ Ивановичъ даетъ такой отзывъ: „Шлецеръ вводилъ меня въ нѣмецкую науку и этимъ онъ былъ для меня весьма полезенъ. Онъ познакомилъ меня съ Гереномъ и вообще пристрастилъ меня къ нѣмецкой литературѣ. Самъ Шлецеръ былъ человѣкъ очень умный, очень ученый и весьма общительный. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ его уроки, которые, вмѣсто полутора часа, продолжались и два, и три часа". Одновременно съ Кошелевымъ Ив. Вас. Кирѣевскій также бралъ уроки у Мерзлякова, Снегирева и другихъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, слушалъ публичныя лекціи профес. Павлова. Погодинъ („Гражданинъ" 1873 г.) передаетъ, что Хомяковъ и Кирѣевскіе учились вмѣстѣ у извѣстнаго Глаголева, единственнаго тогда доктора философіи, но въ какое именно время, Погодинъ не опредѣляетъ; странно, что Александръ Ивановичъ, который во все продолженіе *ученія* былъ вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ, ничего о Глаголевѣ не упоминаетъ. Впрочемъ, показаніе Погодина едва ли вѣрно. По другимъ свѣдѣніямъ, Кирѣевскій познакомился съ Хомяковымъ черезъ Веневитинова и только послѣ запрещенія „Европейца" короткое ихъ знакомство перешло въ дружбу. Въ молодости Кирѣевскій выучился по-латыни и по-гречески столько, сколько нужно для экзамена; уже въ сороковыхъ годахъ, почувствовавъ неосновательность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, Кирѣевскій снова сталъ заниматься этими языками и успѣлъ настолько, что могъ въ подлинникѣ читать классиковъ и св. отцовъ. Въ эту же пору Кирѣевскій и Кошелевъ вмѣстѣ начали учиться по-англійски, и, кромѣ того, Кошелевъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованія. Въ эти юные годы друзья не проводили праздно время и серьезно предались ученію. „Меня особенно интересовали,—говоритъ Ал. Ив.,—знанія политическія, а Кирѣевскаго—изящная словесность и эстетика, но оба мы чувствовали потребность въ философіи. Локка мы читали вмѣстѣ; простота и ясность его изложенія насъ очаровывала. Впрочемъ все научное намъ было по душѣ и все нами узнанное мы другъ другу сообщали". Въ сентябрѣ 1821 года Александръ Ивановичъ по-

ступилъ въ Московскій университетъ по словесному факультету. Тутъ онъ слушалъ лекціи: Мерзлякова—словесности, Каченовскаго—русской исторіи, Гейма—статистики, Давыдова—латинской словесности и Двигубскаго—физики. „Эти лекціи,—говоритъ Кошелевъ,—оставили во мнѣ мало живыхъ воспоминаній: профессора читали, а мы ихъ слушали только по обязанности. Возбудительнаго, животворнаго они намъ ничего не сообщили". Въ университетѣ А. Ив. Кошелевъ познакомился съ М. П. Погодинымъ, но въ это время они мало сблизились. Погодинъ уже оканчивалъ курсъ, а Кошелевъ только поступалъ; Кошелевъ запомнилъ только, что Погодинъ былъ отличнымъ студентомъ и всегда славно отвѣчалъ на вопросы профессоровъ. Тогда профессора, кромѣ чтеній, еще *спрашивали* студентовъ, какъ это дѣлается теперь въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но Ал. Ив. вскорѣ оставилъ университетъ по обстоятельству, характеризующему студенческій бытъ того времени. На другой годъ его поступленія (1822 г.) совѣтъ университета сдѣлалъ постановленіе, въ силу котораго студенты должны были слушать не менѣе восьми профессоровъ. Это распоряженіе не понравилось студентамъ и многіе не хотѣли ему подчиниться. „Бунтовщиковъ" призвали въ правленіе и ректоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій объявилъ, что если студенты вольнодумничаютъ и не хотятъ исполнять требованіе совѣта, то должны оставить университетъ. Студенты доказывали ректору невозможность достаточно подготовляться къ обязательному слушанію восьми курсовъ, но ректоръ настаивалъ на исполненіи, выражаясь весьма грубо и повелительно. Большинство подчинилось, а человѣкъ десять—въ томъ числѣ и Кошелевъ—вышли изъ университета.

Послѣ выхода изъ университета Ал. Ив. возобновилъ уроки у Мерзлякова, Шлецера и другихъ преподавателей и, вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ, налегъ на чтеніе. Всего болѣе они занимались нѣмецкою философіей, и преимущественно Шеллингомъ. Въ 1822 году Кошелевъ и Кирѣевскій держали въ университетѣ экзаменъ, требовавшійся указомъ 1809 года для поступленія на службу. Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ" передаетъ много забавныхъ воспоминаній объ этомъ экзаменѣ. Въ статистикѣ, за кончиною проф. Гейма, экзаменовалъ Мерзляковъ, вовсе ея не знавшій, а по политической экономіи—Цвѣтаевъ, едва знакомый съ первыми началами этой науки. Предсѣдательствовавшій на экзаменѣ ректоръ

Прокоповичъ-Антонскій, припомнивъ обстоятельства выхода Кошелева изъ университета, всячески къ нему придирался, а Цвѣтаевъ, несмотря на относительное достоинство отвѣтовъ, хотѣлъ поставить лучшую отмѣтку Кирѣевскому, который бралъ у него уроки, и уступилъ только защитѣ Мерзлякова. Въ выданномъ Александру Ивановичу Московскимъ университетомъ 11 декабря 1822 г. аттестатѣ видно, что онъ оказалъ слѣдующіе успѣхи: въ грамматическомъ познаніи россійскаго языка, въ сочиненіи на ономъ и въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій—очень хорошіе; въ исторіи всеобщей и россійской съ частями, къ нимъ принадлежащими, географіей и хронологіей, въ статистикѣ вообще, въ особенности Россійскаго государства—очень хорошіе; въ правѣ естественномъ—очень хорошіе; въ правѣ римскомъ и частномъ гражданскомъ, съ приложеніемъ сего послѣдняго къ россійскому законодательству — хорошіе; въ политической экономіи и законахъ уголовныхъ—очень хорошіе; въ ариѳметикѣ и алгебрѣ, въ геометріи и тригонометріи—очень хорошіе; въ физикѣ—хорошіе. Аттестатъ подписали: ректоръ А. Прокоповичъ-Антонскій и деканы Двигубскій, Мухинъ, Мерзляковъ и Цвѣтаевъ. Чувство дружбы привязывало Александра Ивановича въ его молодые годы къ Кирѣевскому болѣе, нежели къ остальнымъ членамъ его кружка, и не поколебалось и съ отъѣздомъ Кошелева изъ Москвы. Въ первомъ же своемъ отвѣтномъ письмѣ, послѣ поступленія Ал. Ив. на службу въ Петербургѣ, Кирѣевскій, высказывая закравшіяся въ его душу подозрѣнія, что Кошелевъ, живя въ свѣтѣ и вступивъ въ новыя связи, забылъ его, говоритъ: „Твое письмо, милое, дружеское, разомъ уничтожило всѣ сплетенія несправедливыхъ подозрѣній, сказавъ: Кошелевъ—тотъ же; онъ тебя любитъ и увѣренъ въ твоей любви“. Эту неизмѣнную привязанность къ Кирѣевскому Александръ Ивановичъ сохранилъ до кончины послѣдняго; посмертную услугу своему другу Кошелевъ оказалъ изданіемъ его сочиненій. Къ нимъ приложены матеріалы для біографіи Кирѣевскаго, составленные Елагинымъ. Изъ переписки Александра Ивановича съ Максимовичемъ видно, что за составленіе біографіи Кирѣевскаго первоначально взялся Максимовичъ, но составленная имъ біографія не была принята.

Складъ ума у И. В. Кирѣевскаго былъ по преимуществу философскій, направленный къ отысканію примиренія между про-

тиворѣчіемъ въ жизни и мысли; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, умъ Кирѣевскаго не лишенъ былъ и поэтическаго оттѣнка. А. И. Кошелеву, заявившему въ своемъ письмѣ, что онъ осуждаетъ въ себѣ предпочтеніе поэтическаго увлеченія сухому, но дѣльному изложенію, Кирѣевскій отвѣтилъ: „не испорченность ума, какъ ты думаешь, но большая зрѣлость заставляетъ тебя предпочитать поэтическое сухимъ выкладкамъ. Самъ Шеллингъ—поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума. Только необходимость принаравливаться къ ограниченному понятію читателей заставляетъ его иногда быть сухимъ. Но, мнѣ кажется, онъ въ этомъ ошибся: кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ее, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ". До самаго отъѣзда своего за границу, въ началѣ января 1830 года, Кирѣевскій находился въ періодѣ броженія и ни на чемъ не сосредоточивался. Въ 1828 г. (октября 1-го) онъ писалъ Кошелеву: „Съ твоего отъѣзда мои занятія состояли въ ничегонедѣланіи. Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не думай однако, чтобы я не писалъ стиховъ,—я часто ихъ дѣлаю, хотя, разумѣется, никому не показываю. Но мое стихотворство не мѣшаетъ моей дѣятельности. Не знаю, отчего мнѣ даже некогда и читать то, что̀ хочется,—а некогда, вѣроятно, отъ того, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда, одну съигралъ, одну перевелъ, но мои проекты о Жуковскомъ, о критикѣ о философіи въ Россіи — до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ ты поминаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро". Кирѣевскій рожденъ былъ литераторомъ и потому съ ранней молодости,—хотя хронологически позже другихъ членовъ кружка,—выступилъ на литературное поприще. Въ письмѣ къ Кошелеву въ 1827 году онъ говоритъ: „не думай, чтобы я забылъ, что я русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага отечества. Нѣтъ, всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы я могу ему быть полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое мож-

по сему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не безполезно провелъ мою молодость—и уже теперь могу съ пользою дѣлиться моими свѣдѣніями. Но, цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его, и дамъ въ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата (П. В. Кирѣевскій и трое Елагиныхъ), которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами, и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Мы возвратимъ право истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ къ закону и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога".

Еще въ началѣ 1827 года, когда въ Москвѣ возобновились литературные вечера у княг. З. А. Волконской, на которыхъ бывалъ Кирѣевскій, кн. Вяземскій, игравшій на этихъ вечерахъ главную роль, взялъ съ него слово написать что-нибудь для прочтенія, и Кирѣевскій написалъ „Царицынскую ночь", свой первый литературный опытъ (Соч. I, 1—4). Весной 1828 года, когда московскіе литераторы провожали уѣзжавшаго въ Петербургъ Мицкевича, за ужиномъ, при поднесеніи ему серебрянаго кубка, И. В. Кирѣевскому первому пришлось произнести свои стихи въ честь польскаго поэта. Изъ писемъ Кирѣевскаго изъ-за границы видно, что онъ сохранялъ связи свои съ Мицкевичемъ еще въ 1831 году. Упоминая о вліяніи Мицкевича на тогдашнюю нашу литературу, Кирѣевскій объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Польская литература, также какъ и русская, была не только отраженіемъ литературы французско-нѣмецкой, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Какъ могла она дѣйствовать на Россію? Чтобъ обѣ словесности вступили въ сношенія непосредственныя и заключили союзъ прочный, нужно было одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго на сеймѣ первоклассныхъ правителей европейскихъ умовъ; ибо одно господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературы. Мицкевичъ, сосредоточивъ въ себѣ духъ своего народа, первый далъ польской націи право имѣть голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

далъ ей возможность дѣйствовать и на нашу поэзію" (Соч. т. I, 41—42). Въ томъ же 1828 году Кирѣевскій написалъ для „Московскаго Вѣстника" „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина", съ обозначеніемъ имени автора цифрами *9* и *11* (Соч. т. I, 4—18). Въ концѣ 1829 года М. А. Максимовичъ, собираясь издать альманахъ „Денницу" на 1830 годъ, убѣдилъ Кирѣевскаго написать для него обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ, которое не понравилось Жуковскому. Подъ этою статьей Кирѣевскій въ первый разъ выставилъ свое имя. Въ 1829 году Кирѣевскій уже думалъ о заведеніи типографіи и объ изданіи журнала, но въ это время душу Кирѣевскаго занимали чувства болѣе нѣжныя. Получивши въ августѣ 1829 года отказъ въ сватовствѣ отъ будущей своей жены, онъ сильно былъ огорченъ и медики, для поправленія разстроеннаго его здоровья, посовѣтовали ему отправиться за границу, куда тому полгода уже выѣхалъ братъ его, Петръ Васильевичъ. Короткимъ своимъ пребываніемъ за границею (съ начала января по 16 ноября 1830 года) Кирѣевскій воспользовался съ увлеченіемъ и слушалъ Гегеля, Шеллинга, Окена, Риттера, Шлейермахера, Ганса, Савиньи, Раумера, Штура, Шорна (исторію новѣйшихъ искусствъ); со многими изъ знаменитостей онъ сошелся и велъ оживленныя бесѣды. Кирѣевскій не терялъ времени за границею; не даромъ въ письмѣ своемъ къ Кошелеву онъ писалъ: „На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово и которую, слѣдовательно, я не могу бросить на вѣтеръ". Въ письмѣ отъ 13 февраля, то-есть вскорѣ послѣ пріѣзда въ Берлинъ, Кирѣевскій писалъ: „Я теперь то что внѣ меня, то что я вижу, то что я слышу — плюсъ нѣсколько мыслей о Москвѣ, неизмѣнныхъ, какъ Господи помилуй" (Соч. I, 34). Плодомъ его путешествій былъ журналъ „Европеецъ", который, какъ показываетъ самое названіе, долженъ былъ познакомить русскую публику съ состояніемъ наукъ, литературы и искусствъ на Западѣ Но, какъ видно изъ отзывовъ Кирѣевскаго о Гегелѣ и въ особенности о Шлейермахерѣ, Кирѣевскій, относясь къ нимъ критически, уже въ то время выработалъ въ своемъ умѣ основныя задачи своего православно-религіознаго, философскаго синтеза, который не успѣлъ онъ развить съ надлежащею полнотой и послѣдовательностью до самой своей смерти. Оставляя въ сторонѣ философскія попытки Кирѣевскаго, отно-

сящіяся въ позднѣйшей эпохѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о другой сторонѣ его дѣятельности, которая касается прямо литературы и выяснилась въ разсматриваемое нами время, но до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Я имѣю въ виду критическую дѣятельность Кирѣевскаго.

Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ совершился переломъ въ нашей литературѣ: новая, такъ-называемая романтическая, школа окончательно отодвинула старую—классическую. Существенныя измѣненія въ литературѣ отражаются и въ критикѣ: вслѣдъ за новыми образцами, почва для которыхъ созрѣла въ обществѣ, является и новая оцѣнка этихъ образцовъ, какъ теоретическое сознаніе требованій отъ литературы, выставленныхъ жизнію. Такъ и у насъ съ половины двадцатыхъ годовъ теряетъ значеніе старая критическая школа, представителемъ которой былъ Мерзляковъ, а законодателями: Горацій, Буало, Баттё, Лагарпъ и Ешенбургъ. Точно также какъ новая литературная школа получила несвойственное ей названіе романтической, такъ и новая критическая школа окрещена тѣмъ же именемъ. Распространеніе этой школы хронологически совпадаетъ съ тѣмъ значительнымъ и кратковременнымъ участіемъ въ современной журналистикѣ, которую приняли декабристы. А. Бестужевъ (Марлинскій) началъ помѣщать рецензіи въ „Сынѣ Отечества" съ 1819 года и принялъ участіе въ одномъ изъ первыхъ полемическихъ споровъ, на который вызваны были литераторы появленіемъ сочиненія Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы". Съ изданіемъ „Полярной Звѣзды" (1823—1825 г.) Бестужевъ ввелъ въ моду появленіе ежегодныхъ литературныхъ обозрѣній, безъ которыхъ не обходился потомъ ни одинъ альманахъ и которыя возобновлены были съ 1840 года Бѣлинскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ „Сынѣ Отечества" Бестужевъ напалъ преимущественно на Катенина и вступилъ съ нимъ въ продолжительное препирательство. Но „обозрѣнія" Бестужева представляли или общія мѣста всѣмъ извѣстныя, но написанныя бойкимъ языкомъ, или перечень писателей, безъ опредѣленія ихъ относительнаго значенія, съ краткими характеристиками, отличающимися не столько вѣрностью, сколько претензіей на оригинальность, сводившуюся къ блестящей напыщенности внѣшней формы выраженія, скрывавшей внутреннюю пустоту. Часто эти характеристики обнаруживали въ авторѣ даже положительное отсутствіе критическаго такта. Такъ, въ

первомъ своемъ обозрѣніи за послѣднее пятнадцатилѣтіе (до 1823 г.) Бестужевъ говоритъ о Пушкинѣ: „новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь; обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью; послѣ чтенія каждой остается что-нибудь въ памяти или въ чувствѣ. Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты, языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ: это—музыка; не упоминаю о плавности ихъ: по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ" („Полярн. Звѣзда" 1823 г., 24 и 25). Въ то же время о Булгаринѣ говорится: „Булгаринъ глядитъ на предметъ съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военною искренностію и правдою, безъ пестроты, безъ игры словъ. Обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей. Его „Записки объ Испаніи" и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами" (тамъ же, 38 и 39).—Нѣсколько ранѣе Бестужева на поприще критики выступилъ Кюхельбекеръ и получилъ несравненно важнѣе значеніе, хотя о немъ съ этой стороны не сказано было до сихъ поръ ни слова. Кюхельбекеръ, кромѣ того, интересенъ для насъ своею близостью къ лицамъ насъ занимающимъ: если и объ этомъ также не говорилось, то это объясняется извѣстнымъ его положеніемъ, вслѣдствіе котораго неудобно было произносить его имя, а еще неудобнѣе указывать на личныя съ нимъ сношенія. Кюхельбекеръ, какъ мы увидимъ дальше, принадлежалъ къ кружкамъ, гдѣ собирались Александръ Ивановичъ и современная ему молодежь. Посѣщалъ ли Кюхельбекеръ оба кружка, т.-е. болѣе обширное, чисто литературное общество Рапча и тѣсный, интимный кружокъ архизныхъ шеллингистовъ—рѣшить нѣтъ данныхъ. Но сотрудничество его съ Одоевскимъ въ изданіи „Мнемозины" доказываетъ, что Кюхельбекеръ въ этомъ литературномъ кружкѣ пріобрѣлъ нѣкоторый вѣсъ. Кюхельбекеръ не былъ шеллингистомъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака, по которому можно было бы сдѣлать заключеніе, что онъ занимался философскими вопросами. Но литература съ ранней молодости составляла предметъ занятій Кюхельбекера, онъ изучилъ ее хорошо въ лицеѣ и, какъ сейчасъ увидимъ, имѣлъ на нее серьезный,

вѣрный взглядъ. Поэтому критическіе взгляды Кюхельбекера можно признавать за тѣ убѣжденія, которыя болѣе или менѣе были ходячими между молодежью, къ которой принадлежалъ Александръ Ивановичъ. Каченовскій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. переводъ статьи, изъ издававшейся въ Петербургѣ минист. иностр. дѣлъ съ 1814 по 1824 годъ газеты „Conservateur impartial“ (№ 78), подъ заглавіемъ: „Взглядъ на нынѣшнее состояніе словесности“ (№ 18, стр. 154—157). По указанію Кюхельбекера въ его дневникѣ („Рус. Стар.“ 1875, XIV, 75), статья эта принадлежитъ ему; Кюхельбекеръ къ этому прибавляетъ: „нахожу, что въ мысляхъ своихъ я мало перемѣнился“. Кромѣ того, въ № 85 той же газеты напечатана статья „Опыты въ стихахъ и прозѣ Батюшкова“, оставшаяся непереведенною, гдѣ авторъ сравниваетъ между собою, какъ корифеевъ новѣйшей школы, Жуковскаго и Батюшкова. Обѣ эти статьи написаны Кюхельбекеромъ въ годъ его выхода изъ лицея. Переведенную статью, очень коротенькую, мы считаемъ необходимымъ привести вполнѣ: „Въ царствованіе императрицъ Анны и Елизаветы Европа видѣла рожденіе изящной словесности и поэзіи у народа, который тогда еще самъ, такъ сказать, недавно былъ созданъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, многіе писатели, изумленные гигантскимъ шествіемъ Россіи на пути просвѣщенія, не усомнились первые опыты русскихъ музъ сравнить съ образцовыми произведеніями языка Расиновъ и Вольтеровъ. Историкъ Левекъ смѣло поставилъ Сумарокова на ряду съ Лафонтеномъ, — съ неподражаемымъ Лафонтеномъ, которому, по общему признанію, до сихъ поръ еще не было равнаго.

„Нынѣ оставлены мнѣнія столь высокопарныя, столь вредныя успѣхамъ искусства. Наши Виргиліи, наши Цицероны, наши Гораціи исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенною древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ. Наши литераторы принимаютъ сторону здравой критики: и г. Мерзляковъ доказалъ первый, что Херасковъ,—впрочемъ, весьма почтенный писатель,—очень далекъ отъ того, чтобы быть Гомеромъ, и что самая лучшая поэма его далека даже отъ Вольтеровой „Генріады“. При такихъ обстоятельствахъ не безполезно бросить взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словесности и показать оное иностранцамъ. Мы ограничиваемся здѣсь поэзіей, съ нѣкотораго времени испытавшею перемѣну важную, достойную вниманія ученаго свѣта.

„Несмотря на усилія Радищева, Нарѣжнаго и нѣкоторыхъ другихъ,—на усилія, которымъ быть можетъ со временемъ узнаютъ цѣну,—въ нашей поэзіи даже до начала 19 столѣтія господствовало ученіе совершенно основанное на правилахъ французской литературы. Стихи безъ риѳмъ не почитались стихами; одни только Лагарпомъ одобренные образцы имѣли у насъ достоинство; не хотѣли вѣрить, чтобы у нѣмцевъ и англичанъ могли быть хорошія поэмы. Тиранство мнѣнія простиралось такъ далеко, что не смѣли принимать никакой другой мѣры, кромѣ ямбической.

„Въ 1802 году г. Востоковъ изданіемъ своихъ „Опытовъ лирической поэзіи" изумилъ, можно даже сказать—привелъ въ смущеніе, публику; въ сей книгѣ увидѣли многія оды Гораціевы переведенныя мѣрою подлинныхъ стиховъ латинскихъ. Онъ показалъ образцы стиховъ сафическаго, элегическаго, и говорилъ съ восторгомъ о произведеніяхъ германской словесности, дотолѣ неизвѣстныхъ или неуважаемыхъ.

„Но скоро,—съ чѣмъ нельзя не согласиться,—явились два человѣка, которые стараются исполнить на дѣлѣ то, что было начато Востоковымъ. Гнѣдичъ вводитъ у насъ героическіе стихи древнихъ; сія новизна сдѣлаетъ „Иліаду" его достопамятною эпохою нашей словесности и будетъ торжествомъ хорошаго вкуса надъ предубѣжденіями. Съ другой стороны, Жуковскій не только перемѣняетъ внѣшнюю форму нашей поэзіи, но даже даетъ ей совершенно другія свойства. Принявши образцами своими великихъ геніевъ, въ недавнія времена прославившихъ Германію, онъ далъ (выразимся словами одного изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ) *германическій* духъ русскому языку, *ближайшій къ нашему національному духу, какъ тотъ, свободному и независимому*".

Въ наше время подобное заявленіе не заключаетъ въ себѣ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго; но въ этомъ заявленіи подразумѣвалась первая попытка отнестись критически къ авторитетамъ стараго времени, которыхъ относительное достоинство измѣрялось только сравненіемъ съ выдающимися представителями европейской литературы, съ которыми они не имѣли ничего общаго. Насколько подобная попытка представлялась новою, оригинальною и странною для своей эпохи, видно изъ возраженія, которое помѣстилъ какой-то В. С. изъ Петербурга въ томъ же „Вѣстникѣ Европы" подъ заглавіемъ: „Взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словес-

ности" (1817, №№ 23—24, 193—204). Авторъ находитъ, что разбираемое сочиненіе можетъ быть „назначено единственно для свѣдѣнія иностранцевъ, охотно вѣрящихъ даже и тому, qu'il y a en Russie une éspèce de chiens, qu'on appelle sobbakas" (стр. 194). Противъ заявленнаго мнѣнія, что наши Виргиліи, Цицероны и проч. могутъ заслуживать уваженіе только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ, критикъ говоритъ: „Стóитъ ли возражать противъ сего забавнаго ораторства. Періодъ сей столько же несправедливъ, сколько фальшиво все зеркало, показывающее иностранцамъ состояніе нашей словесности. Неужели имена Ломоносова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Николева, Фонъ-Визина, Болтина, Емина и наконецъ Державина обречены на вѣчный покой въ дурныхъ школьныхъ книгахъ? Лира Дмитріева издавала пріятнѣйшіе звуки также прежде 19 столѣтія. Но сколько можно еще насчитать второклассныхъ писателей, кои въ нѣкоторомъ отношеніи поспорятъ съ тѣми образцами, до появленія которыхъ предубѣжденіе торжествовало будто бы надъ хорошимъ вкусомъ, а русскій языкъ чуждъ былъ германическаго духа" (195—196). Въ концѣ авторъ съ ужасомъ восклицаетъ: „*избавь насъ отъ сего германическаго духа, ближайшаго къ нашему національному*" (курсивъ въ подлинникѣ, стр. 202).

Кюхельбекеръ также помѣстилъ въ тогдашнихъ журналахъ нѣсколько мелкихъ и весьма снисходительныхъ рецензій, гдѣ, между прочимъ, одобрилъ плохую поэму князя Шихматова „Петръ Великій", чего ему никогда не могъ простить Пушкинъ. Другую крупную статью Кюхельбекеръ помѣстилъ въ 1824 году во второй части „Мнемозины", подъ заглавіемъ: „О направленіи нашей поэзіи, преимущественно лирической, за послѣднее десятилѣтіе" (29—44). Статья эта была написана уже послѣ того, какъ Кюхельбекеръ въ Москвѣ сошелся съ лицами, составлявшими занимающіе насъ кружки; сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Жуковскій первый у насъ сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру. Современно ему, Батюшковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Жуковскій и Батюшковъ *на время* стали корифеями нашихъ стихотворцевъ и особенно той школы, которую нынѣ выдаютъ намъ за романтическую.

„Но что такое поэзія романтическая?

„Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно свергъ съ себя иго рабскаго подражанія римлянамъ и рѣшился бороться съ ними. Впослѣдствіи въ Европѣ всякую поэзію свободную, *народную*, стали называть романтическою. Существуетъ ли въ семъ смыслѣ романтическая поэзія между нѣмцами? Исключая только Гёте, и то только въ нѣкоторыхъ, немногихъ его твореніяхъ, нѣмцы всегда и во всякомъ случаѣ были учениками французовъ, римлянъ, грековъ, англичанъ, наконецъ итальянцевъ и испанцевъ. Что же отголосокъ ихъ произведеній? Что же *наша* романтика?!" („Мнемоз." ч. II, 34 и 35) Современную нашу литературу Кюхельбекеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Переводчиковъ... никто, кромѣ нашихъ дюжинныхъ, не переводитъ. Подражатель не знаетъ вдохновенія: онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принуждаетъ себя пересказать чужія понятія и ощущенія. Сила?—Гдѣ найдемъ ее въ большей части своихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеній? У насъ все *мечта* и *призракъ*, все *мнится*, и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, *какъ бы*, *нѣчто*, *что-то*. Богатство и разнообразіе?—Прочитавъ любую элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, — знаешь всѣ. Чувствъ у насъ давно уже нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Всѣ мы въ-запуски толкуемъ о своей погибшей молодости, до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску и наперерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ періодическихъ изданіяхъ. Если-бы сія грусть не была просто риторическою фигурою, иной, судя по нашимъ Чайльдъ-Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси поэты уже рождаются стариками. Картины вездѣ однѣ и тѣ же: *луна*, которая, разумѣется, *уныла* и *блѣдна*, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря, изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія *труда*, *нѣги*, *покоя*, *веселья*, *печали*, *лѣни* писателя и *скуки* читателя; въ особенности же *туманъ*: туманъ надъ водами, туманъ надъ боромъ, туманъ надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя" (36—38). Можно ли злѣе, но въ то же время глубже и вѣрнѣе охарактеризовать нашу почти исключительно стихотворную литературу двадцатыхъ годовъ? Вмѣсто подражанія современной

нѣмецкой и французской поэзіи, Кюхельбекеръ указываетъ, въ видѣ образцовъ, великихъ поэтовъ Греціи, Востока и въ особенности Англіи, которые „изученіемъ природы, силою, избыткомъ и разнообразіемъ чувствъ, картинъ, языка и мыслей,—*народностью своихъ твореній* неизгладимо вырѣзали *имена свои на скрижаляхъ безсмертія*“ (36). „Между тѣмъ у насъ ставятъ на одну доску: словесности греческую и латинскую, англійскую и нѣмецкую, великаго Гёте и недозрѣвшаго Шиллера, исполина между исполинами Гомера и ученика его Виргилія, роскошнаго, громкаго Пиндара и прозаическаго Горація, достойнаго послѣднихъ древнихъ трагиковъ Расина и Вольтера, который чуждъ былъ истинной поэзіи, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона“ (стр. 41). Но всего рельефнѣе значеніе статьи выражаетъ требованіе Кюхельбекера отъ русской литературы: „*Вѣра праотцевъ, нравы, отечественныя лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшій, чистѣйшій, вѣрнѣйшій источникъ для нашей словесности.* Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели,—изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ,—сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первая („Русланъ и Людмила“), подаютъ великія надежды“ (42 и 43). Для нашего времени и эти строки не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго; но необходимо припомнить то, что писалось по части критики до Кюхельбекера,—припомнить, насколько лучшіе наши литераторы того времени, не исключая Пушкина въ первую его эпоху, преклонялись предъ корифеями западной литературы и совершенно отвертывались отъ своей народной дѣйствительности, презирали именно пѣсни и сказанія народныя, о которыхъ они даже не имѣли понятія. Вотъ почему требованія, высказанныя Кюхельбекеромъ, являются первымъ толчкомъ къ позднѣйшему народному направленію въ литературѣ. Стремленіе это, конечно, зародилось въ самомъ обществѣ, но впервые въ области критики его формулировалъ и поставилъ настоящимъ образомъ Кюхельбекеръ, а исполнилъ задачу на дѣлѣ Пушкинъ. Товарищескія, дружескія отношенія Пушкина съ Кюхельбекеромъ не представляются поэтому случайностью, не оставившею слѣдовъ въ литературѣ: вліяніе въ этомъ смыслѣ Кюхельбекера на Пушкина едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ біографическомъ очеркѣ Кюхельбекера („Русская Стар.“

1875), основанномъ на воспоминаніяхъ его дочери, есть, между прочимъ, замѣтка, это подтверждающая, а именно, что „Пушкинъ высоко цѣнилъ въ Кюхельбекерѣ талантъ критика и съ особымъ удовольствіемъ посылалъ ему во время ссылки, черезъ родныхъ, свои сочиненія".

Кромѣ этого вліянія на Пушкина, внѣ всякаго сомнѣнія, что столкновеніе Кюхельбекера съ занимающимъ насъ кружкомъ не прошло безслѣдно. Точно также какъ статьи самого Одоевскаго въ „Мнемозинѣ" служатъ выраженіемъ философскихъ стремленій кружка, точно также критическая статья Кюхельбекера даетъ понятіе о господствовавшемъ тамъ литературномъ воззрѣніи. Воззрѣніе это характеризуется стремленіемъ къ реализму и къ народности въ литературѣ. Стремленіе къ реализму видно изъ того предпочтенія, которое Кюхельбекеръ отдаетъ Шекспиру — этому первому и величайшему реалисту въ европейской литературѣ—предъ Байрономъ, который тогда овладѣлъ умами всей читающей публики. Есть указанія, что кружокъ раздѣлялъ это предпочтеніе. На Шекспира указалъ Рожалинъ Веневитинову и мы увидимъ ниже, какъ высоко ставилъ его послѣдній; П. В. Кирѣевскій переводилъ Шекспира и Кальдерона. Указаніе на народныя пѣсни и былины, какъ на источникъ для народной поэзіи, также не осталось безъ поддержки. Пушкинъ въ первой своей поэмѣ „Русланъ" черпалъ изъ этого источника; П. В. Кирѣевскій принялся за ихъ собираніе. Бестужевъ въ обозрѣніи слѣдующаго года („Полярн. Звѣзда" за 1825 годъ) тоже заговорилъ о народности: „Насъ одолѣла страсть къ подражанію. Было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза остается невѣстою-невидимкою". Помимо людей, находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Кюхельбекеру, слова его находили отголосокъ и у другихъ. Въ первой книжкѣ „Атенея", издававшагося Павловымъ, помѣщена статья довольно запутанная и написанная напыщеннымъ языкомъ, но въ общемъ проповѣдующая также необходимость народно-реальнаго направленія въ литературѣ, подъ заглавіемъ „О направленіи поэзіи въ наше время" (1828 года, № 1, январь). „Напрасно нѣкоторые силились возстановить достоинство идеаловъ въ поэзіи: *отъ ихъ,*

кажется, минулъ безвозвратно. Мы требуемъ теперь человѣка дѣйствительнаго, съ его слабостями, страстями, заблужденіями, странностями. Новыя потребности указали и на новые источники. Мы начали отыскивать забытыя, кинутыя преданія, памятники народнаго невѣжества и легковѣрія, нестройной гражданственности, или вымышленные причудливымъ, младенчествовавшимъ воображеніемъ. Разсчетомъ вѣка охлажденные, не позволяя себѣ необдуманныхъ порывовъ души, мы за то съ бо́льшимъ жаромъ стали собирать, *какъ нѣкое сокровище, неясныя, но живыя, свободныя чувствованія простой старины, звучащія еще въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ*". Между тѣмъ Бѣлинскій, уже въ 1841 г., подъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій, переданныхъ ему Надеждинымъ, такъ понималъ народность: „Не должно забывать ни на одну минуту, что герой искусства и литературы есть *человѣкъ*, а не баринъ, а тѣмъ болѣе *не мужикъ*. И самъ геній въ изображеніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэзіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: беллетристическій же талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи" (Соч. V, 29). „Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ-поэтъ настраиваетъ свою разнообразную, гармоническую лиру на монотонный ладъ народной мелодіи, онъ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ" (37).

К. Ф. Рылѣевъ оставилъ послѣ себя одну только, но также очень замѣчательную, статью: „Нѣсколько мыслей о поэзіи", отрывокъ изъ письма къ NN, помѣщенный въ „Сынѣ Отечества" за 1825 годъ (№ CIV). Рылѣевъ, въ самый разгаръ борьбы, защищалъ мысль очень простую и вѣрную, но которая въ то время была недоступна и для послѣдователей классицизма, и для сторонниковъ романтизма, что „обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда есть и будутъ одни и тѣ же" (CIV, 145—146). Такимъ образомъ декабристы въ короткій періодъ своей журнальной дѣятельности заняли выдающееся мѣсто въ исторіи русской критики.

Почти одновременно съ Кюхельбекеромъ, въ томъ же 1824 г., споръ между классицизмомъ и романтизмомъ оживилъ кн. Вяземскій. Въ исторіи нашей новѣйшей критики, сформировавшейся послѣ Мерзлякова князь Вяземскій занимаетъ очень важное мѣсто и долженъ считаться ея родоначальникомъ. Вяземскій выступилъ на критическое поприще еще въ 1810 году статьями: „Запросы господину Василію Жуковскому отъ современниковъ и потомковъ", гдѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько возраженій относительно выбора въ изданное Жуковскимъ „Собраніе русскихъ стихотвореній", и „Письмо къ Батюшкову", гдѣ онъ представилъ разборъ перевода Висковатова трагедіи Кребильона „Радомастъ и Зеновія". Затѣмъ Вяземскій въ тогдашнихъ журналахъ помѣстилъ: 1815 года—„Письмо съ Липецкихъ водъ", осмѣивавшее извѣстную комедію Шаховскаго подъ этимъ заглавіемъ; 1816 г.—статью о Державинѣ, по случаю его кончины („С. В. Евр."); 1817 г.—„О жизни и сочиненіяхъ Озерова"; въ 1823 г.—„Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева". Оба послѣдніе этюда, по своей серьезности и внутреннему достоинству, представляли небывалое до того времени явленіе въ исторіи нашей критики. Эти критическіе труды Вяземскаго пополнились его извѣстнымъ сочиненіемъ „О Фонъ-Визинѣ", которое написано было въ 1828—30 году, но появилось въ печати только въ 1848 году, хотя отрывки изъ него появлялись въ разныхъ журналахъ и альманахахъ—„Литературной Газетѣ" бар. Дельвига, „Современникѣ", издававшемся Пушкинымъ и потомъ Плетневымъ, въ „Утренней Зарѣ" и проч. Вяземскій оказывалъ огромное вліяніе на Полевого въ началѣ изданія „Телеграфа". К. А. Полевой въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что Н. А. Полевой, особенно въ первое время, еще не вполнѣ увѣренный въ своей литературной опытности, отдавалъ свои критическія статьи на пересмотръ кн. Вяземскому. Нѣкоторыя отъ начала до конца были написаны княземъ; нѣкоторыя онъ передѣлывалъ почти совершенно (Зап. 115 и 116). Въ 1823 г. Вяземскій напечаталъ въ „Сынѣ Отечества" разборъ „Кавказскаго плѣнника". Это была первая серьезная критическая статья о Пушкинѣ, о которомъ всѣ другіе помѣщали только библіографическія замѣтки—просто, или сопровождая ихъ болѣе или менѣе неумѣренными, но ничѣмъ не мотивированными похвалами. Вяземскій, не ограничиваясь внѣшнею формой и относительными красотами поэмы, занимается разсмотрѣніемъ ха-

рактеровъ самого плѣнника и черкешенки. При этомъ Вяземскій, въ отвѣтъ на обѣщаніе Пушкина изобразить „Мстислава древній поединокъ", замѣчаетъ: „Слишкомъ долго поэзія русская чуждалась природныхъ своихъ источниковъ и почерпала въ посторонпихъ родникахъ жизнь заемную, въ коей отзывалось одно искусство, но не отзывалось чувству біеніе чего-то роднаго и близкаго" (82, 125). Статья, которая надѣлала въ свое время много шума, была „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова", предпосланный Вяземскимъ изданію „Бахчисарайскаго фонтана" (Москва, 1824). Разговоръ этотъ подалъ поводъ къ извѣстной въ свое время полемикѣ между М. Дмитріевымъ, ополчившимся за классицизмъ въ „Вѣстникѣ Европы", и тѣмъ же Вяземскимъ, отвѣчавшимъ ему въ „Дамскомъ Журналѣ". Это была первая полемика между классицизмомъ и романтизмомъ, какъ между двумя безличными сторонами, первая борьба по принципу; притомъ борцы съ обѣихъ сторонъ, — какъ скоро подняты были забрала,—оказались крупными. М. Дмитріевъ былъ самый обильный и извѣстный въ свое время классикъ, послѣдній и самый твердый устой упадавшаго классицизма. Понятно, что въ разгарѣ полемики вся читающая публика того времени была заинтересована. Сущность указаній кн. Вяземскаго была такова: „Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ; можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ-называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народнаго въ „Петріадѣ" и „Россіадѣ" кромѣ именъ" (VI). На возраженіе классика, что новая романтическая школа искажаетъ языкъ Ломоносова, пишетъ наобумъ, щеголяетъ новыми выраженіями, новыми словами,—Вяземскій отвѣчаетъ: „законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе, и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэтовъ нашихъ китайской неподвижности?" „Наши поэты современные слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гёте и Шиллеру. Въ настоящее время германскія музы распространили свое владычество и на французскую литературу. Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшинъ вашихъ: опредѣлено ли въ точности, что такое ро-

мантическій родъ и какія онъ имѣетъ отношенія и противоположности съ классическимъ? Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случалось мнѣ отыскать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полнаго, математическаго, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многіе вѣруютъ въ классическій родъ, потому что такъ имъ ведѣно; многіе не признаютъ романтическаго рода, потому что онъ не имѣетъ еще законодателей, обязавшихъ въ вѣрности безусловной и безпрекословной. Въ опредѣленіи классической поэзіи условились, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ея—въ природѣ; она есть, она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ. Дайте срокъ, придетъ часъ, педантство и на ея воздушную надежду положитъ свое свинцовое клеймо". Вообще надо сказать, что, при исключительно подражательномъ характерѣ нашей литературы, разница между нашею классическою и романтическою школой была только внѣшняя, хронологическая: внутренняго, самобытнаго и мѣстнаго основанія романтизмъ у насъ не имѣлъ. Погодинъ былъ совершенно правъ, когда въ 1828 году, въ письмѣ въ Петербургъ о литературныхъ новостяхъ, приходитъ къ такому опредѣленію: „классиками называютъ себя тѣ, которые бранятъ, не читая, все новое; а романтиками—которые не знаютъ ничего стараго. Первые повторяютъ свои далекіе зады и думаютъ, что родъ человѣческій остановился вмѣстѣ съ ними, а послѣдніе мечтаютъ, что родъ человѣческій ими только-что начинается" (II, 214). Поэтому полемика, хотя она и обратила на себя общее вниманіе, не имѣла никакихъ послѣдствій: оба лагеря попрежнему остались раздѣленными и не пришли ни къ какому соглашенію.

Крупнымъ представителемъ новой, народившейся критической школы былъ Н. И. Надеждинъ, оживившій своими статьями послѣдніе три года „Вѣстника Европы" (1828—1830 г.). Надеждинъ—*классикъ*, иначе и быть не могло, потому что въ то время другаго теоретическаго образованія въ области литературы, кромѣ классическаго, не было. Въ семинаріяхъ того времени классическое образованіе имѣло серьезное значеніе, такъ какъ оно знакомило съ древними писателями изъ первыхъ рукъ, а не по французскимъ переводамъ, бывшимъ подъ рукою у большинства тогдашнихъ литераторовъ, занимавшихся переложеніями Горація, Пин-

дара и другихъ классическихъ лириковъ. Съ этой точки зрѣнія классической эстетики, созданной Аристотелемъ, преподавалъ Надеждинъ русскую словесность въ Рязанской семинаріи. Но онъ выступилъ на литературное поприще тогда уже, когда романтическое направленіе окончательно побѣдило классицизмъ во всей Европѣ и дошло до насъ. Надеждинъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, замѣчательно воспріимчивый и легко овладѣвавшій предметомъ, къ изученію котораго онъ обращался. Въ душѣ Надеждинъ и оставался классикомъ. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ и капитальныхъ статей („О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи", 1830 г., I, 3 и 122), задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ возстановить вкусъ, испорченный „злоупотребленіемъ и искаженіемъ романтической поэзіи", Надеждинъ прямо приходилъ къ такому заключенію: „Установить добрый вкусъ, который долженъ быть стражемъ и учредителемъ генія, можно только возвращеніемъ къ тщательному и благоговѣйному изученію священныхъ памятниковъ классической древности" (132). Для него самыми главными врагами новѣйшей европейской литературы представлялись: *кощунъ французскій* Вольтеръ и *англійскій ненавистникъ* Байронъ (31). Но Надеждинъ долженъ былъ признать побѣду романтизма какъ совершившійся фактъ, противъ котораго борьба была не мыслима. Этого мало: относясь къ романтизму хладнокровно, какъ къ историческому явленію, на глазахъ его совершившемуся, Надеждинъ предвидѣлъ преходящее его значеніе и совершенно ясно сознавалъ задачу литературы, поставленную теченіемъ современной жизни. Надеждинъ говоритъ: „если кумирная неподвижность *классической* поэзіи не по духу нашихъ временъ, то столь же мало сообразно съ нимъ и необузданное скаканіе поэзіи романтической. Распукленные *Агамемноны* не болѣе приторны, какъ и обмундированные *Донъ-Кихоты*. И заставлять поэтическую фантазію безпрестанно скитаться съ странствующими *рыцарями* по вертепамъ колдуновъ, страшилищъ и привидѣній—не менѣе безсмысленно и смѣшно, какъ принуждать ее вертѣться до упаду вокругъ *Иліонскихъ* стѣнъ и отпѣвать безконечно фамилію Атридовъ и Пріамидовъ" (13). „Человѣкъ классическій былъ позорный рабъ влеченію животной своей природы, человѣкъ романтическій былъ своенравный самовластитель движеній своей природы. И тамъ и здѣсь упирался онъ въ крайности: или какъ невольникъ вещественной

необходимости, или какъ игралище призраковъ собственнаго своего воображенія. Нашъ вѣкъ какъ будто соединяетъ или, по крайней мѣрѣ, стремится къ соединенію сихъ двухъ крайностей, чрезъ упроченіе, просвѣтлѣніе и торжественное на алтарѣ истинной мудрости освященіе узъ *общественныхъ*. Человѣкъ, искусившійся въ школѣ кровавыхъ опытовъ, научился укрощать свою свободу силою сей же самой свободы и покоряться спасительному игу гражданскаго устройства, безъ всякой опасности для внутренняго своего достоинства" (15). Такимъ образомъ Надеждинъ уже въ то время предчувствовалъ то соціально-народное, бытовое направленіе, которое вскорѣ и осуществилось въ лицѣ Гоголя. Въ своихъ критическихъ воззрѣніяхъ Надеждинъ съ самаго начала также держался стараго завѣта. „Законы искусническаго творчества извлекаются изъ критическихъ наблюденій надъ безсмертными твореніями великихъ геніевъ, осіявающихъ, подобно лучезарнымъ свѣтиламъ, вселенную: Гомеровъ и Софокловъ, Виргиліевъ и Гораціевъ, Дантовъ и Тассовъ, Корнелей и Расиновъ, Клопштоковъ и Шиллеровъ. Сіи-то законы, будучи собраны и приведены въ систематическій порядокъ, составляютъ *уложеніе* души человѣческой, содержащее въ себѣ *правила*, коими должны быть безпрекословно подчиняемы всѣ наши умственныя, нравственныя и творческія дѣйствія и по которымъ должны судиться всѣ преступленія противъ здраваго смысла, чистой совѣсти и добраго вкуса" (113). Очевидно, что это есть только поновленіе технической эстетики, господствовавшей у классиковъ, не обращавшейся къ анализу самой сущности присущаго человѣку чувства прекраснаго. Но очень скоро Надеждинымъ овладѣло то увлеченіе нѣмецкою умозрительною философіей, которое тогда распространилось въ Москвѣ, гдѣ рано появился разсматриваемый нами кружокъ шеллингистовъ. Свое воззрѣніе на эстетику Надеждинъ совершенно независимо выработалъ на основаніи философіи Канта и Шеллинга; и эти воззрѣнія онъ признавалъ за единственную исходную точку для критики. Взглядъ на „Начала и законы изящнаго, короче—философія изящнаго", Надеждинъ называлъ *догматикою* журнала. Основаніемъ этой философіи изящнаго служило слѣдующее положеніе: „Сущность всякой человѣческой дѣятельности составляетъ идея, какъ общій и вѣчный законъ проявленій человѣческой природы. Содержаніе этой идеи составляетъ *гармонія* или соотвѣтствіе между всѣми частны-

ми, отдѣльными проявленіями человѣческой жизни, стремящимися къ объединенію, — въ силу того, что эта гармонія есть вѣчный и высшій законъ всей природы. Эта идея по отношенію къ нравственной сферѣ, которая для того времени совершенно совпадала съ тѣмъ, что въ настоящее время разумѣется подъ соціальнымъ строемъ общества, есть идея *добра* или *блага*. По отношенію къ искусству эта идея воплощается въ идеѣ *красоты*, которая въ свою очередь видоизмѣняется въ идею *высокаго* и *прекраснаго*". Исходя изъ этого основного положенія и пользуясь указаніями своихъ учителей, Надеждинъ построилъ совершенно самостоятельно цѣлую философію или теорію прекраснаго, изложенную имъ въ диссертаціи и въ статьяхъ „О вѣчномъ и прекрасномъ", помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1829 годъ. Воззрѣніе Надеждина, дополненное дальнѣйшею разработкой нѣмецкой умозрительной эстетики со стороны Гегеля и Шлегеля, усвоено было, въ видѣ руководящей системы, Бѣлинскимъ, но не принесло ему никакой пользы, кромѣ превратнаго отношенія къ народу и его творчеству, какъ указано выше.

Естественнымъ послѣдствіемъ вышеуказаннаго основного начала были требованія отъ художника природы не реальной, а идеализированной. Взглядъ свой, какъ эта идеализированная природа должна проявляться въ литературѣ, Надеждинъ формулировалъ совершенно опредѣленно: „Напрасно вопіютъ поборники лжеромантическаго раскола: и мы живописцы природы, и хотимъ живописать всю ее. Ничто естественное не зазорно!... Сей поэтическій цинизмъ тогда только могъ быть допущенъ, когда бы поэзія была не болѣе какъ раболѣпная подражательница и списчица природы. Но сія первородная дщерь безсмернаго духа, по сознанію самихъ раскольниковъ, есть священнослужительница Вѣчнаго Существа. Всѣ произведенія ея должны быть ознаменованы таинственною печатью Божества, предъ алтаремъ коего она священнодѣйствуетъ. Что же есть изящество, какъ не всесовершеннѣйшая гармонія? И нынѣ гармонія можетъ быть подслушиваема въ буйныхъ вихряхъ неистовыхъ страстей, задушающихъ обуреваемую ими душу" (20—21). „Безъ сомнѣнія, великая картина природы составлена изъ смѣшенія свѣта съ тѣнями; часто также заблужденія и страсти людскія покрываютъ ее мрачными пятнами. Но развѣ сіи тѣни и пятна должны служить первообразами для соревнующаго ей генія? Изоб-

ражайте природу, но—не испачканную собственнымъ нашимъ *тщаніемъ* и *трудами*, а въ ея первообразной красотѣ и лучезарности" (91—92). „Мало ли въ натурѣ есть вещей, которыя совсѣмъ не идутъ для показу. Что же касается до повѣстничествъ и безпутствъ, то имъ нѣсть числа. Выставлять ихъ напоказъ—значитъ оскорблять человѣческую природу, которая никогда не можетъ выносить равнодушно собственнаго уничиженія" (1889 года, I, 227). „Романъ есть не что иное, какъ опоэтизированная исторія, а не пошлая обыкновенность" (III, 202). Я сказалъ уже, что Надеждинъ относился къ современной литературѣ какъ къ *исторической побѣдѣ*, но въ сущности душа его болѣла о безвозвратной погибели классической. Поэтому отношеніе его къ современной русской литературѣ, подъ вліяніемъ усвоенной чужой теоріи, было только *отрицательное*. Надеждинъ былъ совершенно правъ, когда онъ казнилъ блѣдныя подражанія тогдашнихъ романтиковъ и осуждалъ ихъ напускной байронизмъ. Опредѣливши значеніе идеала съ точки зрѣнія Шеллинга, Надеждинъ продолжаетъ: „Теперь спрашиваю тебя: замѣчательно ли подобное возвышенное идеализированіе въ хламѣ мелочныхъ ориѳмованныхъ блестюшекъ, засаривающихъ безпрестанно Парнасъ нашъ? Имѣютъ ли многіе изъ записныхъ писакъ нашихъ, бредящихъ безпрестанно идеалами, хотя малѣйшее предощущеніе объ нихъ въ то время, когда разраждаются, безъ всякихъ болѣзней и трудовъ, недоношенными своими произведеніями. Льзя ли ожидать чего-нибудь дѣльнаго, связнаго и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-какъ, на живую нитку, и свѣтящихся насквозь отъ множества—ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ—скважинъ и щелей, нисколько не замыкаемыхъ безчисленными тире и точками... Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеями, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ основѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать, а просто пишетъ то, что на умъ взбредетъ?... Таковы-то едва ли не всѣ нынѣшніе піитическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются открывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ... Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богато-обриѳмованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли à la Byron. Пошли безпре-

станныя рѣзанья, стрѣлянья, душегубства—ни за что, ни про что... для одного романтическаго эффекта. Разродилось такое множество поэмъ, коихъ вся ткань соплетена изъ низкихъ распутствъ или ужасныхъ преступленій. Всѣ ихъ герои суть или ожесточенные изверги, или заматорѣвшіе въ бездѣльничествѣ повѣсы. Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ, обыкновенно бываютъ: пуншъ, бордо, аи, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ: муромскія лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, спаленные закоулки и Ѳермопилы" (87 и 88). Но Надеждинъ не понялъ даже Пушкина. Надеждинъ признаетъ за Пушкинымъ талантъ, но въ какомъ смыслѣ? Помимо совершенства внѣшней формы, Надеждинъ находитъ, что „никто не можетъ оспаривать пальму поэтическаго живописца у пѣвца „Нулина". Его произведенія исполнены картинами, схвачены съ натуры рукою мастерскою, одушевленною — иногда даже *слишкомъ* — вѣрною" (221). Но въ другомъ мѣстѣ онъ и это оспариваетъ. Пушкину, по его мнѣнію, „не дано видѣть и изобразить природу поэтически—съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на изнанку. Слѣдовательно, онъ не можетъ нигдѣ блистать, какъ только въ *арабескахъ*. „Русланъ и Людмила" представляетъ прекрасную галлерею физическихъ арабесковъ; „Евгеній Онѣгинъ" есть арабескъ міра нравственнаго". Вообще же поэзія Пушкина для Надеждина не болѣе, какъ „рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копѣйку. Ея стихія — пересмѣхать все, худое и хорошее, не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это и сообщаетъ особую физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ-Полева юморизма. Нечего Бога гнѣвить,—что правда, то правда,—мастеръ посмѣяться и посмѣшить... когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру!... И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно по всѣмъ правамъ назвать геніемъ, но *каррикатуры*" (1829, III, 30—31). Для Надеждина самое лучшее произведеніе есть „Графъ Нулинъ"; но и „оно въ сущности есть нуль, во всей математической полнотѣ значенія сего слова" (1829, I, 218). Поэтому Надеждинъ не нашелъ для Пушкина никакого болѣе

подходящаго совѣта, какъ „разбайрониться добровольно и добросовѣстно! ...*сжечь Годунова* и докончить Онѣгина!“ (1830, II, 200).

Понятія Надеждина о народности крайне смутны. Прежде всего, съ точки зрѣнія его теоріи, народность не представлялась существеннымъ признакомъ литературнаго произведенія и потому онъ давалъ здѣсь отвѣтъ только тогда, когда представлялся вопросъ въ частномъ случаѣ, и то не въ смыслѣ ученаго теоретика, а просто здравомыслящаго человѣка. Разбирая романъ Булгарина, Надеждинъ совершенно правильно смотритъ на народность; онъ говоритъ, что народность есть познаніе народнаго духа и вѣрность ему въ изображеніи, и что съ этой точки зрѣнія герои Булгаринскаго романа могутъ быть названы кѣмъ угодно—французами, испанцами, киргизами и т. п. Въ этой же статьѣ онъ указываетъ на повѣсти Нарѣжнаго и Погодина, какъ на наиболѣе народныя, въ смыслѣ вѣрности изображенія, — что̀ и совершенно справедливо... для того времени. Въ другой статьѣ, указывая на басни Крылова, Хемницера, Дмитріева и Измайлова, онъ говоритъ, что „басня ознаменована у насъ печатью высшей народности, всматривается въ бытъ русскій, подслушиваетъ рѣчь русскую,—однимъ словомъ, есть вѣстовщицъ духа и характера русскаго“. Но тотчасъ же прибавляетъ, что „патріотическій *энѳусіасмъ*— родовое, непреложное наслѣдіе русской поэзіи“. Поэтому „народными“ поэтами у него являются Ломоносовъ и всѣ послѣдующіе слагатели патріотическихъ одъ, а лучшее произведеніе Жуковскаго — единственно дающее ему право на безсмертіе — „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Надеждинъ, въ пониманіи Пушкина, близко сошелся съ крупнымъ въ то время представителемъ классицизма, М. Дмитріевымъ, ратовавшимъ въ „Атенеѣ“ подъ буквою *В.* Разбирая IV и V главы „Онѣгина“, Дмитріевъ помѣстилъ тамъ (1828, ч. I, № 4) весьма суровый разборъ, гдѣ замѣчаетъ между прочимъ, что „въ произведеніи Пушкина нѣтъ характеровъ, нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого такая говорливость у Пушкина; такъ много замѣтныхъ повтореній, возвращеній къ одному предмету и кстати, и не кстати; столько отступленій, особенно тамъ, *гдѣ есть случай посмѣяться надъ чѣмъ-нибудь, высказать свои сарказмы* и потолковать о себѣ“.

Но самымъ яркимъ и талантливымъ представителемъ самобытной

русской критики, содѣйствовавшей переходу литературы изъ подражательной въ народную, былъ Полевой. Съ появленіемъ Пушкина весь современный ему литературный періодъ давно уже получилъ названіе Пушкинскаго; а потому и современная критика, по самой силѣ вещей, приняла тотъ же характеръ и можетъ получить названіе *Пушкинской*. Всегда, когда въ литературѣ впервые нараждается крупный талантъ, начинающій собою новое ея направленіе, въ области критики рядомъ съ нимъ появляется его *глашатай*. Въ немъ общественное сочувствіе переходитъ въ страстное убѣжденіе, во имя котораго онъ указываетъ мѣсто и расчищаетъ путь для народнаго избранника, прославляетъ его дѣятельность и безжалостно уничтожаетъ все старое, забывая, что оно въ свое время служило исторически-необходимою средой развитія. Такого рода дѣятельность предполагаетъ извѣстнаго рода талантъ, заключающійся въ способности ясно сознавать потребности и симпатіи общества и идти къ нимъ на встрѣчу съ искреннимъ и страстнымъ убѣжденіемъ. Эту задачу выполнилъ Полевой, и въ этомъ состоитъ тайна его успѣха въ свое время и великая его заслуга въ исторіи движенія русской жизни. Полевой угадалъ зараждавшуюся внутри общества потребность къ самобытной мысли и къ народному творчеству; онъ былъ весь съ ногъ до головы человѣкъ новаго направленія, враждебнаго старому, и тревожно, настойчиво,—хотя безпорядочно и неумѣло,—стремился ко всему, что было новаго въ болѣе просвѣщенной западной литературѣ, которая еще не потеряла для того времени значенія неизбѣжнаго руководителя. Характеръ дѣятельности Полевого совершенно вѣрно указалъ Бѣлинскій. „Главнѣйшая услуга Полевого,—говоритъ онъ,—и услуга великая, состояла въ уничтоженіи ложныхъ авторитетовъ. Онъ явился на журнальное поприще въ то время, когда „мадригалъ Лилетѣ“ давалъ право на поэтическое безсмертіе; когда литературное почитаніе было во всей силѣ; когда столько дикихъ предразсудковъ царствовало въ понятіяхъ о поэзіи. И вотъ онъ сталъ дѣйствовать съ энергіей, пыломъ и смѣлостью, открыто пошелъ противъ всего, что казалось ему устарѣвшимъ, отсталымъ, и уничтожалъ его во имя *новаго*“ (Соч. III, 110). Полевой съ излишнею ревностью выступилъ противъ Карамзина, но это было понятно: Карамзинъ былъ ближайшій, еще не утратившій своего вліянія представитель старой, подражательной литературы; онъ еще все лежалъ тормазомъ, пред-

ставляя твердый и непоколебимый устой, на который опиралось въ своей упорной борьбѣ съ новымъ направленіемъ прежнее; необходимо было сдвинуть Карамзина съ этого именно мѣста, а тамъ безъ труда онъ занялъ свое, по праву ему принадлежащее. Такова была отрицательная дѣятельность Полевого. Но въ ней была и сторона положительная. Я уже сказалъ, что въ Пушкинскій литературный періодъ и критика должна была получить характеръ Пушкинской, т. е. главная ея задача должна была состоять въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе и указать мѣсто Пушкина въ русской литературѣ. Полевой первый инстинктивно подмѣтилъ *народное значеніе* Пушкина, хотя не съумѣлъ опредѣлить его точно и вѣрно. Въ разборѣ „Евгенія Онѣгина", помѣщенномъ въ „Телеграфѣ" за 1825 г. (II, № 5), Полевой въ первый разъ, восторженно отзывался о Пушкинѣ, которому онъ приписывалъ „не талантъ, а что-то выше",—призналъ за Пушкинымъ *народность*. „Онѣгинъ не скопированъ съ французскаго или англійскаго: мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были никогда" (Зелинскій: „Крит. лит.", ч. II, 15). Въ то время мысль о признаніи Пушкина народнымъ была настолько непонятна и неприлична, и кромѣ того она была высказана Полевымъ такъ некстати по поводу первой главы „Онѣгина", что противъ Полевого возсталъ первый Веневитиновъ („Сынъ Отеч." 1825 года, ч. C, № 8, за подписью: въ—). Веневитиновъ, не отрицая въ Пушкинѣ таланта, видитъ въ Онѣгинѣ подражаніе Байрону, но отрицаетъ совершенно народность этого героя. „Народнаго,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи, и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театръ и на балы. Въ „Русланѣ" Пушкинъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ" (Зел. II, 21 и 22). Полевой, инстинктивно сознавая потребность народности и угадывая присутствіе ея у Пушкина, не умѣлъ опредѣлить ея сущность. Изъ его возраженія Веневитинову видно, что Полевой понималъ народность съ чисто-*внѣшней* стороны. „Общество,—говоритъ онъ,—куда поставилъ своего героя Пушкинъ, мало представляетъ отпечатковъ русскаго народнаго быта, но всѣ сіи отпечатки подмѣчены и выражены съ удивительнымъ искусствомъ. Ссылаюсь на описаніе Петербургскаго театра, воспитаніе Онѣгина, поѣздку къ Талону, похороны дяди, не исчисляя мно-

жества другихъ чертъ народности" (Зелин., II, 29). Оттого Полевой за самое *народное* произведеніе Пушкина признаетъ „Полтаву".

Объяснивъ, въ какомъ положеніи находилась русская критика до появленія Кирѣевскаго, мы можемъ опредѣлить и его значеніе. Кирѣевскій написалъ въ это время пять критическихъ статей: въ 1828 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ"—нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина (Соч. I, 5 — 18), въ „Денницѣ" за 1830 г.—обозрѣніе русской литературы за 1829 г. (19—46), въ „Европейцѣ" 1831 и 1832 года—обозрѣніе русской словесности за 1831 г. (86—102), „Русскіе альманахи на 1832 годъ" (103—105) и „Горе отъ ума на Московскомъ театрѣ" (106—110). Вслѣдъ за этимъ „Европеецъ" на третьемъ же нумерѣ былъ запрещенъ, 22 февраля 1832 года. Вѣроятно, не многіе замѣтили, что на страницѣ 72—85 „Сочиненій Кирѣевскаго" возстановлена та часть статьи его „Девятнадцатый вѣкъ", которая въ то время подала поводъ къ запрещенію и не явилась въ печати. Прочитавши ее, всякому станетъ ясно, какія въ то время трудности относительно цензуры должны были преодолѣвать писатели и какія—теперь совершенно невинныя и вполнѣ благонамѣренныя—статьи тогда признавались опасными и даже могли подвергнуть журналъ запрещенію. Мѣра эта глубоко поразила Кирѣевскаго и онъ почти вовсе оставилъ литературныя занятія. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ написалъ, не выставивши имени, только двѣ статьи: маленькій разборъ стихотвореній Языкова, помѣщенный въ „Телескопѣ", и небольшую статейку о русскихъ писательницахъ, по просьбѣ А. П. Зонтагъ, для Одесскаго альманаха, изданнаго съ благотворительною цѣлью; кромѣ того были напечатаны, также безъ подписи, написанныя еще прежде для „Европейца": повѣсть „Опалъ", отрывокъ изъ романа „Двѣ жизни", и незаконченная повѣсть „Островъ". Въ 1845 году Погодинъ передалъ Кирѣевскому изданіе „Москвитянина", но безъ оффиціальнаго разрѣшенія послѣднему быть издателемъ журнала. Кирѣевскій издалъ первыя три книжки и тамъ помѣстилъ обширную критическую статью, подъ заглавіемъ „Обозрѣніе современнаго состоянія литературы" (т. II, 1—59), оставшуюся неоконченною. Въ біографіи Кирѣевскаго объяснено, что на четвертой же книжкѣ Кирѣевскій отказался отъ изданія „Москвитянина", отчасти вслѣдствіе невозможности издавать журналъ, не бывши его полнымъ хозяиномъ, отчасти по разстроенному здоровью. Но, кромѣ того, про-

долженіе названной выше статьи, гдѣ Кирѣевскій обѣщалъ изложить сущность славянофильскаго воззрѣнія, было остановлено. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу, написанномъ въ 1855 году, Кирѣевскій говоритъ: „прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала („Бесѣды"). Хочетъ ли Хомяковъ ѣхать въ Петербургъ, и когда именно? Мнѣ это не только интересно знать, но и нужно. Если онъ не поѣдетъ, или поѣдетъ еще не скоро, то я буду писать къ Норову (тогда мин. нар. просв.) о себѣ. *Мнѣ очень наскучило быть нѣмымъ*". Нѣсколько позже, въ томъ же году, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „видно, что Кирѣевскій дѣйствительно писалъ министру" и министръ съ ужасомъ говорилъ Хомякову, что Кирѣевскій ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему писать и въ то же время самъ прибавляетъ, что убѣжденій своихъ онъ измѣнить не можетъ. На это Хомяковъ сказалъ: „это понятно,— честные люди не могутъ перемѣнять своихъ убѣжденій, какъ рубашку". Литературная дѣятельность Кирѣевскаго возобновилась со времени изданія „Бесѣды" въ 1856 году, но она приняла чисто-философское направленіе и прекратилась смертью его въ іюнѣ того же года. Изъ этого видно, что критическая дѣятельность И. В. Кирѣевскаго была остановлена въ самомъ началѣ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ; слѣдовательно, надлежащаго *значенія* она не могла получить и мы можемъ оцѣнить только его *точку отправленія*.

Мы уже видѣли, что относительно Пушкина до 1828 года въ нашей критической литературѣ не было высказано *никакого общаго взгляда:* болѣе другихъ статей замѣчательны разборы „Кавказскаго плѣнника" Плетнева въ „Соревнователѣ просвѣщенія" за 1822 годъ (Зелин. I, 89) и князя Вяземскаго въ „Сынѣ Отечества" того же года (ibid., 100); и кромѣ того вышеприведенная полемика Полевого съ Веневитиновымъ. Вообще собственно критическія статьи Полевого по русской литературѣ начинаются съ 1830 г., а до тѣхъ поръ Полевой ограничивался болѣе или менѣе краткими извѣстіями о появленіи произведеній Пушкина, носившими болѣе библіографическій характеръ. Поэтому статья Кирѣевскаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 года „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина", подписанная *9. 10*, есть первая серьезная оцѣнка Пушкина, какъ поэта. Между тѣмъ не только тогда, но и до настоящаго времени статья эта осталась незамѣченною. Ки-

рѣевскій *первый* пришелъ къ заключенію, что поэзія Пушкина дѣлится на три періода: періодъ школы *итальянско-французской*, куда относится „Русланъ" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній; второй періодъ, гдѣ поэзія Пушкина является *отголоскомъ лиры* Байрона: „Кавказскій плѣнникъ", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Братья-разбойники"; третій періодъ—*Русско-Пушкинскій*: „Цыгане", „Евгеній Онѣгинъ" и въ особенности „Борисъ Годуновъ". „Отличительныя черты этого періода—живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи русскихъ пѣсенъ, къ которому чаще всего возвращается русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни" (I, 17). Итакъ, *народность* представлялась Кирѣевскому въ смыслѣ *прирожденнаго чувства*, котораго опредѣленно выразить онъ не умѣлъ; но во всякомъ случаѣ это была *внутренняя* народность, а не внѣшняя, какъ ее понималъ Полевой. Я не буду вдаваться въ разборъ трехъ обозрѣній русской литературы, представленныхъ Кирѣевскимъ, такъ какъ это повело бы слишкомъ далеко и не относится прямо къ поставленной мною задачѣ—опредѣлить точку отправленія Кирѣевскаго для современной критики. Въ обозрѣніяхъ этихъ Кирѣевскій вообще снисходителенъ, и притомъ *по принципу:* по его убѣжденію, дурныя сочиненія и бездарные писатели воспитываютъ неопытныхъ читателей и такъ же необходимы для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобреніе земли для будущаго урожая. Но кто потрудится прочесть разборъ „Бориса Годунова" и „Наложницы" Баратынскаго (Соч. I, 88—102), тотъ, конечно, не откажетъ Кирѣевскому въ глубокомъ и вѣрномъ художественномъ пониманіи. Что же касается до *точки отправленія*, то она была поставлена въ слѣдующемъ видѣ: „Ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны насъ научить мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенностямъ нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное, не цѣнимъ хорошаго приличнаго, потому что ищемъ невозможнаго совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное, потому что смотримъ на него

изъ дали общей мысли и, вообще, мѣряемъ себя на чужой аршинъ, и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній. Только тогда, когда *новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ*, получатъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей" (Соч. 1, 89 и 90). Такимъ образомъ, чувствуя нарожденіе народной литературы, Кирѣевскій сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость для нея и народной критики, понимая несвоевременность ея появленія при отсутствіи образцовъ. Въ этомъ сознаніи предстоящаго народнаго развитія въ литературѣ и жизни выразилось то общее направленіе, тотъ духъ, которымъ славянофилы вообще отдѣлились отъ западниковъ. И славянофилы оказались правы! Они предчувствовали народную литературу до ея появленія, а западники должны были ей покориться уже послѣ появленія этой литературы, и притомъ появленія независимо отъ ихъ теоріи, неслышно и неожиданно, внутри самого общества, созрѣвавшаго въ своей самобытности. Оттого въ Бѣлинскомъ, значенія котораго я вовсе не желаю умалять, произошелъ переломъ. Пока онъ находился подъ вліяніемъ нѣмецкой эстетики, Бѣлинскій, какъ мы видѣли, не придавалъ никакой цѣны произведеніямъ народнаго творчества; послѣ появленія Гоголя и зачатковъ народной литературы тотъ же Бѣлинскій перешелъ на точку зрѣнія, ранѣе провозглашенную Кирѣевскимъ, и откинулъ *общія положенія*, совершенно излишнія для вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній, гдѣ онъ руководился единственными указаніями своего вѣрнаго и тонкаго художественнаго пониманія. И это не одинъ примѣръ, гдѣ тогдашніе *западники* принуждены были сами измѣнять свой взглядъ по многимъ вопросамъ нашей умственной и соціальной жизни, тогда какъ славянофилы сохранили съ самаго начала цѣльность своихъ убѣжденій, оправданныхъ послѣдующими событіями и стремленіями.

Интересно, какъ оцѣнены были критическія статьи Кирѣевскаго современною литературой. Въ написанномъ Кирѣевскимъ обзорѣ литературы за 1829 годъ („Денница" Максимовича) было, между прочимъ, высказано, что „нѣжная краса лиры греческой не вынесла бы холода мрачнаго сѣвера, еслибы Дельвигъ на ея классическія формы *не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія*"

(Соч. I, 37). Обозрѣніе за 1829 г. возбудило противъ себя сильную полемику и въ особенности журналы подцѣпили это неудачное выраженіе; съ обыкновенною своею рѣзкостью глумился надъ Кирѣевскимъ Булгаринъ въ „Сѣверн. Пчелѣ", такъ что семья Кирѣевскаго, бывшаго тогда за границей, возмутилась и написала ему. Кирѣевскій отвѣчалъ: „отчего васъ такъ занимаютъ критики на меня? Вы напередъ знали, что Булгаринъ будетъ отвѣчать, и отвѣчать съ желчью. Писать противъ него было бы неприлично и,— простите мнѣ эту гордость,—мнѣ кажется, было бы унизительно защищаться отъ *его* нападеній" (Соч. I, 40). Съ этой несчастною „душегрѣйкой" не переставъ носиться и Бѣлинскій, хотя онъ замѣтилъ статью и призналъ въ ней *присутствіе мысли*. Бѣлинскій нападалъ на обще-принятый тогда хвалебный тонъ этой статьи, въ особенности на сочувствіе Кирѣевскаго къ поэзіи Шевырева. Замѣчательно, что въ томъ же смыслѣ отозвался о статьѣ Жуковскій. Жуковскій такъ говорилъ Кирѣевскому по этому поводу: „Гдѣ нашелъ ты литературу?. Какой къ чорту въ ней жаръ? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только о нѣмцахъ, французахъ" и пр. Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также,—однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ" (Соч., I, 23).

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій (108—156) стоитъ какъ будто особнякомъ, хотя его значеніе въ первоначальномъ славянофильскомъ кружкѣ было очень важно. Петръ Васильевичъ смолоду былъ крайне застѣнчивъ и нелюдимъ; поэтому изъ друзей брата съ нимъ сходились только тѣ, кого судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ одною кровлей. Съ Хомяковымъ и Кошелевымъ онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ ставилъ своего брата чрезвычайно высоко. Въ письмѣ къ родителямъ изъ-за границы, послѣ свиданія съ братомъ въ Мюнхенѣ, Ив. В. Кирѣевскій говоритъ о счастливой перемѣнѣ съ нимъ съ внѣшней стороны и прибавляетъ, что „эта счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, *несокрушимо одинокій*, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять,—ему недоставало одного: опытности жизни, и это

именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и сообщительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо-вредною, еслибы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно, внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все-таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенное съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые можетъ-быть сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка". Хомяковъ говорилъ, что не видалъ человѣка съ бо́льшими миссіонерскими способностями. Послѣ смерти Ивана Васильевича, получивъ извѣстіе о болѣзни Петра Васильевича, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „Очень боюсь за Петра Васильевича, и ты знаешь, что съ самой смерти И. В. я не ожидалъ, чтобы Петръ вынесъ горе. Грустно будетъ, если онъ умретъ; хотя собственно плодовъ отъ его письменной дѣятельности ждать нельзя, но *онъ имѣетъ на свой округъ зажигательное вліяніе.* Чудная и чистая душа!" Предчувствіе Хомякова сбылось: Петръ Васильевичъ скончался черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ потери брата. П. В. Кирѣевскій мало оставилъ послѣ себя литературныхъ трудовъ. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 22 ноября 1851 года, въ отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ „Сборникѣ", Кирѣевскій писалъ: „Несмотря на все мое желаніе писать какъ можно больше и скорѣе, до сихъ поръ, кажется, какъ будто сама природа привязала къ моему перу камень; и это, повѣрьте, совсѣмъ не отъ смиренія и не отъ излишней совѣстливости, а частью отъ непривычки излагать свою мысль на бумагу, частью же и отъ самаго свойства моихъ занятій, т. е. раскапыванія старины, при которомъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлою фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее донельзя. Естественно, что такого рода занятіе не дастъ литературнаго навыка". Плодомъ этихъ занятій Кирѣевскаго была единственная его оригинальная статья, напечатанная, въ формѣ пись-

ма къ Погодину, въ „Москвитянинѣ“ 1845 года. Въ статьѣ этой Кирѣевскій доказываетъ, что поселившіеся на русскихъ земляхъ славянскія племена и народы издревле имѣли мѣстное самоуправленіе, во главѣ котораго стояли туземные князья, и что призванные князья варяги вовсе не имѣли характера завоевателей. Статья эта не достаточно обставлена доказательствами и во многомъ представляетъ характеръ гипотетическій, но она показываетъ въ авторѣ глубокое пониманіе древняго быта. Кромѣ того Кирѣевскій ссылается на памятники и обычаи другихъ славянскихъ племенъ и этимъ старается объяснить событія того времени въ Россіи. Помимо изученія памятниковъ, Кирѣевскій избралъ другой, болѣе живой путь, чтобы уяснить себѣ особенность нашего народнаго строя. Изъ приведеннаго выше намека Хомякова видно, что Петръ Васильевичъ проще всѣхъ относился къ крестьянскому быту и ближе всѣхъ его узналъ: доказательствомъ служитъ, что даже въ то время Кирѣевскій оказывалъ на народъ большое нравственное вліяніе. Статья Кирѣевскаго согрѣта искренней и горячею любовью къ русскому народу: какъ оскорбился покойный, когда Погодинъ, доказывая пассивность подчиненія славянъ пришельцамъ, между прочимъ упомянулъ, что даже христіанская вѣра была *навязана* князьями, безъ всякаго желанія со стороны народа.

Въ эпоху крѣпостного права единственнымъ достояніемъ крестьянина, куда спрятались всѣ его нравственно-человѣческія думы и стремленія, и памятью о другой, болѣе счастливой порѣ была его, проникнутая грустнымъ оттѣнкомъ, *пѣсня*. Ее съ любовью заслушивался Петръ Васильевичъ и первый принялся за ея собираніе, чтобы и это народное достояніе не погибло въ обстановкѣ, все болѣе и болѣе притупляющей. Это было самое важное и цѣнное дѣло всей его жизни. П. И. Якушкинъ разсказываетъ, что Кирѣевскій ѣздилъ по Россіи нѣсколько разъ самъ, съ единственною цѣлью записывать пѣсни; всѣ, кто только успѣвалъ записать какую-нибудь пѣсню, доставляли ее непремѣнно Петру Васильевичу. Между сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ вы встрѣчаете Пушкина, Гоголя, Кольцова, Даля, Языковыхъ, Погодина, Шевырева и много, много другихъ. Не было ни одной губерніи, отъ которой бы не было пѣсенъ. „Прибавьте къ этому, — говоритъ Якушкинъ, — добросовѣстность собирателя, глубокую его образованность, необыкновенное эстетическое и народное чутье и болѣе тридцати пяти лѣтъ неусыпныхъ

трудовъ". Кирѣевскій возсоздавалъ народныя пѣсни, т.-е. бралъ нѣсколько варіантовъ одной и той же пѣсни и выбиралъ изъ каждаго варіанта тотъ стихъ, который казался ему лучше, указывая добросовѣстно на тотъ варіантъ, которымъ онъ пользовался, такъ что повѣрка была вполнѣ доступна. „И никто не нашелъ не только стиха,—прибавляетъ Якушкинъ,—но ни одного даже *слова*, которое бы показалось не народнымъ: такъ глубоко понималъ нашъ первый (и по времени, и по способностямъ) собиратель народной поэзіи. Умеръ Петръ Васильевичъ, а съ нимъ умерла и надежда видѣть когда-нибудь сборникъ русскихъ пѣсенъ, какого мы могли ожидать при жизни Петра Васильевича". (Соч. Якушкина, издан. 1884 г., 462). Якушкина на избранный имъ путь направилъ П. В. Кирѣевскій. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Якушкинъ, тогда студентъ Московскаго университета, узнавши, что Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, записалъ одну и отправилъ къ собирателю съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. Петръ Васильевичъ за эту пѣсню выдалъ 15 руб. ассигнаціями. Якушкинъ вскорѣ повторилъ опытъ и на третій разъ получилъ приглашеніе познакомиться. Кирѣевскій сразу отгадалъ богато одаренную и честную натуру незабвеннаго моего товарища и пріятеля (²) и пригласилъ его заняться собираніемъ пѣсенъ по мѣстамъ, давши ему средства на первое его путешествіе въ сѣверныя поволжскія губерніи. Съ той поры до самой своей смерти (въ 1872 году) Якушкинъ, подобно своему учителю, изъ собиранія пѣсенъ сдѣлалъ задачу цѣлой своей жизни. Павелъ Ивановичъ впослѣдствіи сошелся со всѣмъ кружкомъ славянофиловъ и былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Бесѣды". Въ Орловской губерніи Якушкинъ поселился около Стаховича. Мы уже видѣли, что Стаховичъ молодымъ человѣкомъ попалъ въ число самыхъ близкихъ людей въ семействѣ Елагиныхъ, былъ въ особенности друженъ съ П. В. Кирѣевскимъ и точно также привлеченъ былъ послѣднимъ къ дѣлу собиранія пѣсенъ. Между прочимъ, Стаховичъ былъ однимъ изъ немногихъ, имѣвшихъ способность уловлять и класть на музыку народные мотивы русскихъ пѣсенъ. П. В. Кирѣевскій и Стаховичъ, о которомъ интересныя подробности переданы въ біографическомъ очеркѣ Якушкина, написанномъ С. В. Максимовымъ (стр. XIII—XVI), были люди имѣвшіе самое сильное вліяніе на Якушкина,—люди, къ которымъ онъ всегда сохранялъ глубокую и сердечную привязан-

ность. „Кружку славянофиловъ,—справедливо замѣчаетъ Максимовъ,—П. И. Якушкинъ обязанъ былъ самыми существенными изъ своихъ вѣрованій и самымъ главнымъ въ своихъ честныхъ и прямыхъ убѣжденіяхъ". Къ сожалѣнію, послѣ смерти П. В. Кирѣевскаго отъ его изданія устраненъ былъ его непосредственный ученикъ,—человѣкъ, который послѣ Кирѣевскаго ближе и лучше всѣхъ зналъ народный бытъ и складъ русской пѣсни. Общество любителей русской словесности для изданія сборника Кирѣевскаго избрало К. С. Аксакова, Даля и Безсонова, а матеріальныя средства на изданіе пожертвовалъ Александръ Ивановичъ. Вся забота по изданію перешла къ г. Безсонову, съ которымъ по этому поводу въ 1864 году происходила извѣстная полемика П. И. Якушкина, гдѣ правда едва ли осталась на сторонѣ издателя. Личное собираніе пѣсенъ П. В. Кирѣевскимъ поставило его въ болѣе близкія сношенія съ народомъ, а это сближеніе дало ему возможность понять, что основы самостоятельнаго русскаго мышленія лежатъ въ изученіи своего народнаго быта, и посредствомъ живыхъ сношеній съ крестьянскою средой едва ли не первый успѣлъ онъ угадать зачатки политической свободы въ нашей древней жизни. Сначала къ нему примкнули только Хомяковъ и Валуевъ; съ братомъ своимъ, который долѣе другихъ оставался западникомъ, Петръ Васильевичъ вступалъ въ ежедневные споры. „Состояніе это,—говоритъ г. Бартеневъ,—не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Но наконецъ Иванъ Васильевичъ уступилъ и взглядъ его постепенно сталъ измѣняться по мѣрѣ того, какъ несокрушимо цѣльное убѣжденіе младшаго брата укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней вѣчевой Руси". П. В. Кирѣевскій обладалъ многообразными свѣдѣніями, говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Свое литературное поприще онъ началъ въ 1827 году сотрудничествомъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ", гдѣ помѣстилъ въ 1827 г. подробное изложеніе курса греческой новѣйшей литературы, читаннаго въ Женевѣ Яковаки Ризо и изданнаго Іос. Гумбертомъ (IV, 85—103, 284—304); перевелъ „Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ", комедію Кальдерона, съ испанскаго (XI, 234—271), отрывки изъ сочиненія „Жизнь и путешествія Колумба", Вашингтона Ирвинга, переводъ котораго былъ изданъ уже послѣ

смерти Кирѣевскаго (IX, 190—202, 309—320); въ томъ же году онъ издалъ отдѣльно переводъ съ англійскаго повѣсти лорда Байрона „Вампиръ“ (3). Въ іюлѣ 1829 года Кирѣевскій поѣхалъ за границу для слушанія лекцій въ германскихъ университетахъ и въ Мюнхенѣ сошелся довольно близко съ Шеллингомъ и Океномъ. Отсюда же онъ прислалъ въ „Московскій Вѣстникъ“ небольшой очеркъ подъ заглавіемъ „Шеллингъ“ (1831, I, 111—116). Съ лѣта 1831 года Кирѣевскій принялся за собираніе пѣсенъ. Его переводы изъ молодыхъ лѣтъ остались въ рукописи: нѣсколько оконченныхъ трагедій Кальдерона, съ испанскаго, и Шекспира, съ англійскаго; послѣ него осталась бездна выписокъ изъ лѣтописей и кромѣ того онъ имѣлъ намѣреніе издавать въ переводѣ исторію европейскихъ государствъ. Но важнѣе его литературной дѣятельности и его разносторонняго и многодѣльнаго образованія былъ тотъ элементъ искренней любви къ народу и горячей въ него вѣры, который вносилъ Петръ Васильевичъ въ тѣсный кружокъ старыхъ славянофиловъ. Кружокъ этотъ состоялъ всего изъ четырехъ человѣкъ, но за то какъ онъ былъ полонъ: выдающійся, аналитическій умъ Хомякова; самобытный и оригинальный философскій синтезъ Кирѣевскаго; глубоко убѣжденная, практическая дѣятельность Кошелева какъ нельзя лучше дополнялись всѣмъ запасомъ жизненнаго общенія Петра Васильевича съ народомъ, чтобы сердечною теплотой подкрѣпить истину, добытую сухимъ анализомъ ума.

Другой, и притомъ первый по хронологіи, другъ дѣтства, съ которымъ Александръ Ивановичъ сошелся еще прежде, чѣмъ съ Кирѣевскимъ, былъ Александръ Сергѣевичъ Норовъ. Кошелевъ и Норовъ для того времени были близкіе сосѣди: мать Александра Ивановича жила въ селѣ Ильинскомъ Бронницкаго уѣзда, а Норовы—въ 45 верстахъ, въ имѣніи „Надеждино“.

Норовы выѣхали изъ „Нѣмецъ“ въ Великій Новгородъ: въ половинѣ XV столѣтія тамъ жилъ Василій Норовъ, котораго сынъ (?) Иродіонъ Васильевичъ, Новгородскій бояринъ, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ переведенъ на помѣстье въ Коломенскій уѣздъ (1485) и можетъ-быть принадлежалъ къ Московской партіи, въ то время тѣснимой въ Новгородѣ. Изъ членовъ этого рода, не вошедшихъ ни въ одну роспись, въ 1796 г. былъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ Сергѣй Александровичъ Норовъ (1765—1829), женатый на Татьянѣ Михайловнѣ, урожденной Ко-

шелевой; но какая именно это Кошелева, мнѣ опредѣлить не удалось. У нихъ были сыновья: Василій, Аврамъ, Дмитрій и Александръ. Старшій изъ братьевъ, В. С. Норовъ, служилъ въ лейбъ-егерскомъ полку и считался служакою, страстно любившимъ военное дѣло. Однажды великій князь Николай Павловичъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ, при фронтѣ разругалъ его и, топнувши ногой по землѣ, обрызгалъ его грязью. Норовъ подалъ въ отставку и то же сдѣлали всѣ офицеры полка. Это было сочтено за бунтъ. Норовъ и многіе офицеры переведены были тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки. Нѣсколько времени спустя Норовъ получилъ отставку и поселился у матери въ Москвѣ. Здѣсь онъ вступилъ въ общество декабристовъ. Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ Василій Норовъ былъ арестованъ въ Москвѣ, вечеромъ, когда у него сидѣли гости, въ томъ числѣ и Кошелевъ, отвезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпость съ другими заговорщиками. Норовъ оказался изъ числа наименѣе виновныхъ и, по окончаніи слѣдствія и суда, выпущенъ былъ на свободу. Дмитрій Сергѣевичъ Норовъ также служилъ въ военной службѣ. Съ Аврамомъ Сергѣевичемъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи. Изъ всѣхъ братьевъ Норовыхъ Александръ Ивановичъ больше сошелся съ Александромъ Сергѣевичемъ, съ которымъ онъ находился постоянно вмѣстѣ.

Съ самаго переѣзда Александра Ивановича въ Москву начинается обширная и непрерывная переписка Кошелева съ А. С. Норовымъ, продолжавшаяся до отъѣзда Александра Ивановича за границу. Изъ этой переписки, заключающейся болѣе нежели въ ста письмахъ, можно было почерпнуть свѣдѣнія о занятіяхъ Александра Ивановича въ Москвѣ до перехода его на службу въ Петербургъ.

Дружба къ Александру Ивановичу наполняла все существо А. С. Норова, человѣка болѣзненнаго, крайне мечтательнаго и, какъ видно, не совсѣмъ счастливаго въ семейномъ быту. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (6 мая 1831 года). Норовъ такъ объясняетъ чувства свои къ Александру Ивановичу: „на разсвѣтѣ нашего бытія, когда мы стали любить изо всей силы, когда мы хотимъ заставить какъ бы насильно любить себя, въ то самое время душа моя была безъ пріюта въ семъ мірѣ: она бросилась къ тебѣ и ты пріютилъ ее. Благодарю Бога, что слѣпое чувство послужило мнѣ вмѣсто разсудка, и если оно такъ постоянно, несмотря на время и разлуку, то отъ того только, что зрѣлый и хладный разсудокъ теперь под-

тверждаетъ выборъ моего сердца. Какъ сладостно про себя чувствовать: я сначала полюбилъ его однимъ сердцемъ, теперь люблю его и сердцемъ, и разумомъ,—слѣдовательно, еще лучше и больше прежняго люблю его. Однакожь признаюсь: чувство всегда будетъ во мнѣ брать верхъ надъ познаніемъ. *Хочу*, если оно согласно съ добромъ, для меня сильнѣе, нежели: *долженъ*".

Слабое здоровье, вслѣдствіе изуродовавшаго его ушиба, мѣшало службѣ А. С. Норова въ архивѣ и онъ постоянно числился въ отпуску, проживая у отца въ деревнѣ. Тамъ Александръ Сергѣевичъ занимался литературой и писалъ стихи. Это было тогда общее занятіе, но не серьезное, въ видѣ забавы, что̀ такъ мѣтко характеризовалось ходячимъ тогда прозвищемъ „*баловня-поэта*".

Любопытно въ этомъ случаѣ письмо къ Александру Ивановичу отъ И. В. Кирѣевскаго: оно показываетъ, какъ тогда смотрѣли на стихотворство. „Хочешь ли быть хорошимъ писателемъ въ прозѣ, пиши стихи. Я увѣренъ, что Титовъ моего мнѣнія. Что Шеллингъ любитъ поэзію и хорошо знаетъ всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, это извѣстно; но, читая его рѣчь объ искусствѣ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. За то Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной риѳмы; за то онѣ незваныя приходили къ нему въ его прозѣ, за то читатели Канта къ читателямъ Шеллинга какъ 5 къ 5.000. Изъ всего этого слѣдуетъ: Кошелевъ, пиши стихи! Не будешь писать стиховъ, не будешь имѣть читателей, какъ бы твои мысли хороши ни были; слѣдовательно: Кошелевъ, пиши стихи! Я увѣренъ, что не только для усовершенствованія слога, но и для образованія ума и воображенія, для развитія чувства изящнаго (которое, какъ мы съ тобой знаемъ, есть начало, причина, мѣра и цѣль всякаго усовершенствованія), слѣдовательно для счастья жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни—необходимо писать стихи; и потому, Кошелевъ, пиши стихи! Ты вѣрно согласенъ, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше владѣетъ языкомъ; но развей эту мысль и ты увидишь, что въ ней самой заключается еще другая: чѣмъ лучше владѣетъ человѣкъ языкомъ, тѣмъ онъ образованнѣе. Слѣдовательно, опять возвратимся къ моему призыву: Кошелевъ, пиши стихи!" (Соч., I, 15 и 16). На такой рѣшительный вызовъ Александръ Ивановичъ отвѣтилъ категорическимъ: „не могу". Александръ Сергѣевичъ Норовъ смотрѣлъ на дѣло проще: онъ писалъ

стихи *отъ бездѣлья*; и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Александру Ивановичу утѣшается такою мыслію: „О, еслибы всѣ на свѣтѣ *бездѣльники* отъ *бездѣлья* только бы и дѣлали что писали стихи: тогда сильный не притѣснялъ бы слабаго, а въ судахъ не брали бы взятокъ!“ Въ другомъ письмѣ Норовъ выражается: „моя безсребряная муза ни гроша не давала мнѣ, но я ей одолженъ лучшими часами въ жизни, которые не отдалъ бы ни за милліоны“. А. С. Норовъ не былъ одаренъ поэтическимъ талантомъ; стихи его плохи и теперь совершенно забыты, но написалъ онъ ихъ въ теченіе жизни множество; даже въ письмахъ иногда проза смѣняется если не сильными и звучными, то, очевидно, довольно легко ему дающимися, а иногда и прочувствованными стихами. Друзья его поощряли и старались—хотя большею частью безуспѣшно—напечатать его произведенія; не разъ они же, изъ расположенія къ автору, являлись для него и строгими критиками. Но, въ свою очередь, Норовъ не сдавался, писалъ въ отвѣтъ длинныя письма и упорно отстаивалъ прелесть подобранныхъ имъ риѳмъ. Такъ въ одномъ письмѣ къ Александру Ивановичу Норовъ пишетъ: „Отъ души благодарю за твою строгую критику; ты заранѣе пріучаешь меня смирять авторское—„не тронь меня“. Вѣрь, что я умѣю цѣнить выгоду и счастье имѣть друга, который въ глаза говоритъ что̀ думаетъ. Ты меня заставилъ написать маленькое предисловіе къ „Мору“ и усилить въ немъ слабыя мѣста“ (18 марта 1831 г.). Кирѣевскій пишетъ Александру Иванозичу (1 октября 1828 г.): „на другой день послѣ твоего отъѣзда былъ у меня Александръ Норовъ съ своей поэмой. Я уговорилъ его не печатать ее, не сдѣлавши нѣкоторыхъ поправокъ; а поправки я ему задалъ такія, что, надѣюсь, будетъ еще работы по крайней мѣрѣ на годъ. Мнѣ того только и хотѣлось, ибо въ поэмѣ много хорошихъ мѣстъ, но вся она никуда не годится. Чѣмъ больше онъ будетъ поправлять ее, тѣмъ лучше“ (Соч., I, стр. 17). Можетъ-быть это первые наброски поэмы „Моръ“, сочиненной А. С. Норовымъ на появленіе холеры. Поэма эта сохранилась въ бѣловомъ оригиналѣ въ бумагахъ Александра Ивановича, помѣченная: „1830 г. октябрь. Село Ключи“, съ эпиграфомъ Апост. Павла: „Грядетъ гнѣвъ Божій на сына противленія!“ и съ посвященіемъ „Петру Яковлевичу Чаадаеву, въ знакъ благодарности“. А. С. Норовъ помѣщалъ съ 1819 по 1821 г. свои стихотворенія въ „Благонамѣренномъ“ и „Вѣстникѣ Европы“ и кромѣ

того въ московскихъ альманахахъ—„Сѣверной Лирѣ“ и „Ураніи“ (4). Переведенная Норовымъ комедія „Тартюфъ“ Мольера, подъ названіемъ „Фарисеевъ“, зимой 1832 г. поставлена была на Петербургской сценѣ и, по словамъ автора, „принята была очень благосклонно“ (письмо 8 марта 1832 г.). Переводъ этотъ, повидимому, напечатанъ не былъ. Гораздо значительнѣе длинный списокъ произведеній Норова не попавшихъ въ печать, таковы: переводъ сатиры Буало „le Festin“, поэмы „Узникъ“ и „Моръ“, нѣсколько стихотворныхъ посланій къ Глѣбову и другимъ лицамъ. Норовъ собирался, съ помощью друзей, издать альманахъ изъ своихъ сочиненій, готова уже была и виньетка, но не нашлось издателя. Въ стихотвореніяхъ А. С. Норова господствуетъ элегическій тонъ, въ подражаніе Ламартину, Шенье и Мильвуа. Въ концѣ ноября 1819 года А. С. Норовъ былъ избранъ членомъ Петербургскаго Общества любителей наукъ и художествъ. Друзья ввели А. С. Норова и въ свой литературный кружокъ: по предложенію Александра Ивановича онъ былъ избранъ въ 1822 г. въ члены общества, устроеннаго Раичемъ. А. С. Норовъ, благодаря за честь, отговаривался нездоровьемъ и приводилъ въ доказательство, что онъ, состоя членомъ Петербургскаго Общества, въ теченіе цѣлаго года ничего не посылалъ. Послѣ отъѣзда Александра Ивановича въ Петербургъ Норовъ жалуется, что прежніе друзья стали къ нему холодны и онъ никогда почти съ ними не видится; въ пріятельскихъ отношеніяхъ Норовъ остался только съ И. В. Кирѣевскимъ и Шевыревымъ. Послѣ переѣзда въ Петербургъ дружба Александра Ивановича къ А. С. Норову охладѣла и послѣдній все рѣже и рѣже сталъ получать письма отъ Александра Ивановича. Норовъ предчувствовалъ это при самой разлукѣ и совершенно вѣрно и откровенно изложилъ причины въ письмѣ отъ 18 октября 1826 г.: „Не знаю, кто первый кого полюбилъ (вѣроятно я,—ты былъ еще ребенокъ); но съ тѣхъ поръ, какъ мы сдружились, разстояніе нашихъ возрастовъ не было чувствительно между нами. Разсудокъ твой рано развился, а я и до сихъ поръ, какъ ты говоришь, въ дѣтствѣ. Пока мы были равны, и взаимная дружба была въ равновѣсіи. Но ты шелъ впередъ, а я стоялъ“. И дѣйствительно, дружба дѣтства не могла продолжаться, обѣ натуры не сходны были между собой и въ А. С. Норовѣ недостатокъ образованія, умъ слишкомъ обыкновенный, узкость интересовъ, сосредоточенныхъ на мелкой

деревенской обстановкѣ и плохихъ виршахъ самого автора—все это естественно удаляло Александра Ивановича отъ стараго друга. Какъ это подѣйствовало на Александра Сергѣевича, видно изъ приложеннаго письма; оно интересно, какъ поэтическая исповѣдь одной изъ тѣхъ личностей, для которыхъ привязанность является необходимою потребностью ихъ любящей натуры, но не уравновѣшивается соразмѣрнымъ запасомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Взаимному охлажденію способствовало и то, что вскорѣ А. С. Норовъ поселился вдали, въ своей Саратовской деревнѣ Ключи, и никогда болѣе не видался лично съ Александромъ Ивановичемъ. Но послѣдній не забывалъ совсѣмъ своего стараго друга: черезъ двадцать лѣтъ Александръ Ивановичъ написалъ къ нему письмо и получилъ восторженный отвѣтъ. Когда появилась подъ редакціей Александра Ивановича „Бесѣда", Норовъ также откликнулся и горячо пожелалъ успѣха полезному дѣлу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служба А. Ив. Кошелева въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.—А. Ф. Малиновскій.—Кружки, къ которымъ примкнулъ Кошелевъ: С. Е. Раичъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Дм. В. Веневитиновъ, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. А. Соболевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ.—Начало знакомства съ А. Ст. Хомяковымъ.—Общественное значеніе А. И. Кошелева въ качествѣ члена стараго славянофильскаго кружка.

Вскорѣ послѣ выдержанія экзамена Александръ Ивановичъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и назначенъ былъ прямо изъ Петербурга, по протекціи своего двоюроднаго дяди и попечителя, Родіона Александровича Кошелева. Это приводило въ нѣкоторое смущеніе тогдашняго начальника архива, А. Ф. Малиновскаго. Изъ переписки съ А. С. Норовымъ видно, какъ Малиновскій ухаживалъ за Александромъ Ивановичемъ при самомъ поступленіи на службу; онъ разрѣшилъ ему подольше оставаться въ деревнѣ и принять тамъ присягу на вѣрность службѣ.

А. Ф. Малиновскій (1762—1842), родившійся въ Москвѣ, былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета и въ 1777 г. говорилъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ, когда университетъ

праздновалъ рожденіе вел. кн. Александра Павловича. Малиновскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ переводчиковъ во всѣхъ Новиковскихъ журналахъ, начиная съ изданія „Утренняго Свѣта" въ С.-Петербургѣ. Дѣятельность свою въ качествѣ переводчика Малиновскій продолжалъ и послѣ Новикова. Въ особенности, по привязанности къ театру, Малиновскій принялся усиленно за переводъ театральныхъ пьесъ. Изъ переводовъ его имѣли наибольшій успѣхъ на сценѣ и выдержали нѣсколько изданій: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе", комедія Коцебу, „Эйлалія Мейнау, или слѣдствія примиренія", ком. соч. Циглера, служащая продолженіемъ первой, „Бѣдность и благородство души", ком. Коцебу, „Попугай", драма Коцебу. Кромѣ того Малиновскій въ 1813 г. написалъ оперу „Старинныя святки", которую играли у насъ по торжественнымъ днямъ, пока не смѣнилъ ее „Пожарскій", Крюковскаго. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Глинки Малиновскій помѣстилъ статью „О россійскомъ театрѣ"—очень краткую и не содержащую въ себѣ ничего интереснаго. Жихаревъ въ „Дневникѣ чиновника" разсказываетъ, что Малиновскій заставлялъ переводить театральныя пьесы Коцебу молодыхъ людей, служившихъ у него въ архивѣ. Въ „Словарѣ русскихъ писателей" Геннади упомянуто, между прочимъ, что Малиновскій издавалъ переводы изъ Коцебу вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ по архиву Ждановскимъ, не упоминая своего имени. Въ 1783 году Малиновскій перевелъ съ французск. „Духъ Бюффона", а въ 1787 г. напечаталъ „Разсужденіе о началѣ и основаніи гражданскихъ общежитій", гдѣ старался опровергнуть теоріи Жанъ-Жака Руссо ([3]). На службу Малиновскій поступилъ актуаріусомъ въ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ Миллеръ.

Императрица Екатерина возложила на Миллера обязанность составить изъ хранящихся въ архивѣ бумагъ дипломатическое собраніе всѣхъ трактатовъ и постановленій между Россіей и разными иностранными державами, по примѣру извѣстнаго сочиненія Дюмона (I. Dumont: „Corps universel diplomatique", Amsterdam 1726—31, fol. 8 vol. Supplement, 1739, 5 vol. fol). Миллеръ началъ разборъ дипломатическихъ актовъ съ помощью своихъ учениковъ—Бантышъ-Каменскаго, Стриттера и Соколовскаго. Изъ нихъ Стриттеръ состоялъ директоромъ архива по смерти Миллера съ 1783 г. по 1800 годъ, а съ того года до 1814—Бантышъ-Каменскій. Та-

кимъ образомъ Московскій архивъ былъ созданіемъ Миллера и оставался вѣренъ данному имъ направленію, пока сохранялись его традиціи.

При Бантышъ-Каменскомъ исполненію мысли Екатерины содѣйствовалъ своими средствами гр. Румянцевъ и въ 1811 году 3 мая при архивѣ открыта была „Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ", предшественница Археографической коммиссіи. Въ 1813 году на средства Румянцева выпущенъ былъ первый томъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ". Въ 1814 году, по смерти Бантышъ-Каменскаго, помощникъ его Малиновскій назначенъ былъ главнымъ начальникомъ архива и занималъ эту должность до самой смерти своей, въ теченіе 28 лѣтъ. Въ то же время въ помощь ему назначенъ кандидатъ К. Ф. Калайдовичъ, а въ 1816 г. главнымъ смотрителемъ въ коммиссію поступилъ П. М. Строевъ. Оба они оказали незабвенныя услуги русской археологіи, благодаря щедрости гр. Румянцева, и время управленія Малиновскаго сдѣлали самою цвѣтущею эпохой въ исторіи Московскаго архива.

Изъ трудовъ Малиновскаго, соединенныхъ съ его служебными обязанностями, извѣстны: „Историческое и дипломатическое сочиненіе о Крымѣ", посвященное императрицѣ Екатеринѣ (1794), „Изслѣдованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ герцогствомъ Голштинскимъ" (1801), „Описаніе мастерской оружейной палаты" (1803—1836, издана только часть), „Біографическое свѣдѣніе о кн. Дм. Мих. Пожарскомъ" (1818), „Жизнь сановниковъ, управлявшихъ Посольскимъ приказомъ, канцлеровъ и министровъ иностранныхъ дѣлъ" (1820), „Описаніе Москвы" (не оконченное). При немъ же изданы II, III и часть IV тома „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ". Малиновскій былъ членомъ „Общества любителей россійской словесности" при Московскомъ университетѣ и нѣсколько лѣтъ его предсѣдателемъ. Въ трудахъ Общества Малиновскій помѣстилъ біографіи кн. Вас. Васил. Голицына, боярина Артамона С. Матвѣева, боярина Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокина и нѣсколько важныхъ матеріаловъ по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Польшею. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Погодина, Малиновскій считалъ документы, хранившіеся въ архивѣ, за „канцелярскую тайну" и всячески старался преграждать доступъ къ нимъ постороннихъ. Такъ онъ не дозволялъ выпустить трудъ Строева:

„Критическое розысканіе, служащее къ объясненію и поправкѣ хронологіи въ начальной исторіи Сибирскаго царства“,—подъ тѣмъ предлогомъ, что Строевъ *не получилъ разрѣшенія*. Вообще Малиновскій, происходя изъ духовнаго званія, старался скрыть это и представить собою родовитаго барина, вслѣдствіе чего боялся уронить свое достоинство и былъ тяжелъ для подчиненныхъ, но сосовершенно смирялся и заискивалъ у лицъ имѣвшихъ за собою сильную протекцію

Независимо отъ своей ученой задачи, Московскій архивъ получилъ другое значеніе. „При Павлѣ,—говоритъ Вигель,—строгости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ русскихъ дворянъ къ подьяческой службѣ. До того времени московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища. Одна волна недорослей, франтовъ, гонитъ въ архивъ другую. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ. Манерные и раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми; подлѣ кн. Гагарина и гр. Мусина-Пушкина вы бы увидѣли Тархова въ старомъ фризовомъ сюртукѣ“ (Воспом., I, 172—173). Дипломатическая карьера соединяла въ себѣ всѣ достоинства: и почетъ, и возможность быстраго повышенія, и удовольствіе съ большимъ содержаніемъ отъ казны пріятно проводить время за границею. Оттого наплывъ молодежи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ достигалъ крайнихъ предѣловъ во время вступленія на службу Александра Ивановича: въ канцелярію коллегіи зачислено было до 500 человѣкъ, изъ которыхъ каждый дожидался назначенія. Сложность и обширность порученія, лежавшаго на Московскомъ архивѣ, давали возможность начальнику архива, подъ благовиднымъ предлогомъ, наполнять свой архивъ молодежью; а пристрастіе къ дипломатической карьерѣ сдѣлало архивъ моднымъ сборищемъ „блестящей“ московской молодежи и званіе архивнаго юноши, воспѣтое Пушкинымъ, для Москвы замѣняло петербургское почетное положеніе „гвардейца“ прежней золотой Екатерининской эпохи. Число чиновниковъ архива доходило въ то время до 120. Въ Московскомъ архивѣ начали свою службу самые способные изъ молодежи: такъ въ архивъ въ числѣ другихъ вступили гр. В. Н. Панинъ, Дашковъ, Блудовъ, немного ранѣе Вигель и др. Уговаривая Александра Ивановича къ поступленію въ архивъ, А. С.

Норовъ, родственникъ Малиновскаго, также служившій въ архивѣ, въ письмѣ своемъ говоритъ: „Безпрестанно къ намъ опредѣляются изъ Петербурга". Кн. Голицынъ, опредѣлившійся сюда изъ иностранной коллегіи, признается, что у нихъ въ коллегіи, кромѣ канцеляріи гр. Нессельроде, совсѣмъ нѣтъ дѣла и что наши дипломатическія выписки очень уважаемы при дворѣ и въ министерствѣ. Но это было не совсѣмъ такъ. Жихаревъ, желая посвятить себя дипломатической части, направился изъ Москвы прямо въ Петербургъ, въ коллегію, и передаетъ въ „Дневникѣ чиновника", что когда оберъ-секретарь коллегіи Витманъ спросилъ его, желаетъ ли онъ дѣйствительно служить или числиться, Жихаревъ отвѣчалъ, что желаетъ служить дѣйствительно и за тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, иначе опредѣлился бы въ Московскій архивъ. На это Витманъ замѣтилъ съ усмѣшкою: „да, для переводовъ Коцебу подъ дирекціей Малиновскаго" („Дневн. чиновника": „Отеч. Записки 1855 г., стр. 388). Точно также гр. Остерманъ не совѣтовалъ Жихареву опредѣляться въ архивъ, потому что „молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду".

Александръ Ивановичъ поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ (14 класса), съ причисленіемъ къ Московскому архиву, 23 мая 1823 года, и тогда же опредѣлились туда братья Кирѣевскіе (*). Кромѣ нихъ въ архивѣ служили вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ: кн. Одоевскій, Дм. и Ал. Веневитиновы, Шевыревъ, Мельгуновъ, С. Мальцевъ, Соболевскій, двое кн. Мещерскихъ, кн. Трубецкой и мн. др. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ сдѣлались искренними друзьями Александру Ивановичу на цѣлую жизнь. Въ теченіе своей службы въ архивѣ Кошелевъ составилъ „Годъ сношеній Россіи съ Турецкою имперіей". А. С. Норовъ, который сообщаетъ этотъ фактъ, совѣтуетъ Кошелеву, для подготовленія себя къ архивнымъ работамъ, заняться въ деревнѣ и прочитать въ особенности „Histoire des traités" *Schoel*'я: „это очень полезно для нашей работы и даже необходимо, чтобы знать положеніе нашего двора въ отношеніи къ другимъ европейскимъ", а затѣмъ—*Histoire des traités de France jusqu'a nos jours*: „въ предисловіи изложены очень хорошо правила, какъ именно дѣлать выписки изъ дипломатическихъ матеріаловъ и по какимъ признакамъ должно вѣрить или не вѣрить реляціямъ резидентовъ". Но эти серіозныя занятія по архиву нисколько не привлекали блестящую

молодежь, и, при равнодушномъ отношеніи начальства, собираясь аккуратно въ архивѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ, архивные юноши сначала проводили время въ бесѣдахъ, а потомъ вздумали писать сказки. Для этого соединились десять человѣкъ въ общество и условились писать каждый не болѣе двухъ страницъ, а слѣдующій долженъ былъ продолжать, не зная задуманнаго плана. Эти невинныя занятія повлекли однако же къ болѣе серьезнымъ. Въ томъ же 1823 году сгруппировалось литературное общество около Раича. С. Е. Раичъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ родной братъ кіевскаго митрополита Филарета; по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Сначала Раичъ былъ семь лѣтъ въ домѣ Тютчевыхъ воспитателемъ будущаго поэта Ѳедора Ивановича, который былъ искренне къ нему привязанъ, а затѣмъ перешелъ къ Н. Н. Муравьеву, основателю знаменитаго училища колонно-вожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, Анд. Ник. Муравьева. Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца училища колонно-вожатыхъ Ал. Вас. Шереметева и братьевъ Булыгиныхъ и домашнимъ учителемъ въ домѣ бывшаго министра С. С. Ланского, гдѣ сошелся съ княземъ Одоевскимъ, женатымъ на сестрѣ послѣдняго. Раичъ былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ поэтовъ своего времени, участвовалъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ: послѣднее его стихотвореніе помѣщено въ „Москвитянинѣ": „Цвѣтокъ на гробъ Батюшкова". Кромѣ того онъ издалъ отдѣльно: въ 1821 г.— полный переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ; въ 1828 г. — одновременно съ Мерзляковымъ—полный переводъ Тассова „Освобожден. Іерусалима"; въ 1832—1837 г.—переводъ „Неистоваго Орланда" Аріосто, котораго напечатаны 24 пѣсни, а остальныя 9 остались въ рукописи, за неимѣніемъ средствъ къ изданію. Послѣдній переводъ, напечатанный Раичемъ въ 1849 году, была поэма „Аретъ"—сказаніе изъ временъ Марка Аврелія, замѣчательная по своему нравственному содержанію. Раичъ кромѣ того приготовлялъ къ изданію „Чтеніе объ исторіи итальянской литературы", откуда помѣщенъ отрывокъ (о происхожденіи итальянскаго языка) въ „Чтеніяхъ Общества любителей росс. словесности", а другой („Политическое состояніе Италіи до XII вѣка)—въ „Русс. Зрителѣ", издававшемся подъ именемъ Калайдовича (1828, №№ 13, 14 и 32). Съ 1829 по 1839 г. (съ значительными перерывами) Раичъ издавалъ

журналъ „Галатею“ (7), одинъ изъ самыхъ плохихъ журналовъ, не представляющій ничего замѣчательнаго, хотя на первыхъ порахъ въ немъ принимали участіе извѣстные въ то время поэты (Пушкинъ, Ознобишинъ, Полежаевъ и др.). Журналъ этотъ велъ самую ожесточенную войну съ „Телеграфомъ“, издававшимся Полевымъ, и большую часть „Галатеи“, притомъ самую живую, составляетъ именно эта полемика. По поводу ея кн. Вяземскій писалъ 7 апрѣля 1829 года И. И. Дмитріеву: „Не понимаю, какъ Раичъ могъ унизиться до такой степени. Галатея его напоминаетъ московскихъ бабъ, торгующихъ на перекресткахъ гнилыми яблоками: тотъ же товаръ и тѣ же ругательства. Мнѣ не вѣрится, что самъ Раичъ—хозяинъ своего журнала: я ожидалъ бы отъ него болѣе благопристойности и по характеру его, и по прежнимъ мнѣніямъ объ общей невѣжливости нашихъ журналовъ. Критики его болѣе отзываются героемъ поэмы Василья Львовича, чѣмъ воспитанникомъ Виргилія и Тасса, образовавшимся въ школѣ Георгикъ и „Освобожденнаго Іерусалима“. Раичъ нѣкоторымъ образомъ вашъ крестникъ: вы воспріяли его изъ чернильной купели, осѣнили знаменіемъ академической медали“ („Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 605).

Въ журналѣ Раича помѣщались постоянно отчеты о представленіяхъ на московской сценѣ, принадлежавшіе С. Т. Аксакову: это были лучшіе для своего времени критическіе отзывы о сценическомъ искусствѣ. Конечно, они затрогивали самолюбіе многихъ, такъ что Щепкинъ и другіе артисты Московскаго театра принуждены были протестовать противъ неправильно приписанной имъ обидчивости. Характеръ Раича въ коротенькихъ некрологахъ, появившихся послѣ его смерти (въ началѣ 1855 г.), выставляется съ самой симпатической стороны. Дмитріевъ говоритъ о немъ: „Истинный поэтъ былъ для него, безъ всякой метафоры, жрецомъ изящнаго. Красота, выражаемая поэзіей и искусствомъ, была, по его понятіямъ, отраженіемъ добра и истины внутренняго, моральнаго міра“ (Мих. Дмитріевъ, „Моск. Вѣд.“ 1855 г., № 141). По словамъ Миллера, Раичъ былъ „добродушнѣйшій человѣкъ, страстно преданный литературѣ, поэтъ-младенецъ въ душѣ до глубокой старости, не произнесшій ни одного слова ропота во всю свою жизнь, не пожелавшій зла никому на свѣтѣ, всегда веселый, всегда трудолюбивый. Раичъ любилъ окружать себя молодыми людьми, горячо сочувствовалъ всему прекрасному и благородному и радо-

вался проявленію каждаго молодаго таланта". Этими свойствами Раича объясняется образованіе около него того кружка молодыхъ людей, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. По словамъ И. С. Аксакова, Раичъ „былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывающій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединившій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ" („Жизнь Погодина" Барсук., 161—162).

Въ обществѣ Раича если не блестящее, то привычное и полезное мѣсто занималъ другъ его и, какъ мы видѣли, на короткое время учитель Александра Ивановича, В. И. Оболенскій. Онъ былъ одною изъ самыхъ типичныхъ личностей стараго времени. Сынъ священника Орловской губерніи, онъ въ 1809 г. пришелъ пѣшкомъ въ Москву и въ маѣ мѣсяцѣ 1810 г. поступилъ студентомъ въ университетъ; въ 1812 г. онъ пѣшкомъ, съ однимъ греколатинскимъ лексикономъ, отправился въ Ярославскую губернію и, возвратившись оттуда, кончилъ курсъ кандидатомъ и поступилъ учителемъ въ Тверскую гимназію. Но стремленіе къ образованію одержало верхъ и изъ учителей Оболенскій въ 1820 г. снова вернулся въ университетъ продолжать занятія. Съ 1821 г. онъ былъ учителемъ и надзирателемъ въ университетскомъ пансіонѣ и принесъ здѣсь много пользы старшимъ воспитанникамъ, которыхъ онъ руководилъ совѣтами и снабжалъ книгами изъ своей библіотеки. Здѣсь Оболенскій былъ товарищемъ по службѣ Раича, бывшаго также учителемъ въ пансіонѣ въ то время, съ чего и началась связь ихъ съ молодыми людьми, съ которыми они снова встрѣтились въ настоящемъ обществѣ. Простой душой, скромный и чуждый всякой зависти, въ разговорахъ и на лекціяхъ Оболенскій поражалъ своею начитанностью и внезапно высказывалъ мысли оригинальныя, въ которыхъ виднѣлись высокій умъ и благородная душа. Бѣдныхъ, но даровитыхъ студентовъ Оболенскій приглашалъ къ себѣ жить даромъ, училъ ихъ и давалъ пользоваться своей библіотекой („Слов. моск. профес.", II, 157—160).

Въ томъ же 1821 году поступилъ преподавателемъ въ Университетскій пансіонъ М. П. Погодинъ. Толки объ устройствѣ общества между этими тремя сослуживцами по пансіону начались съ 1822 года, а въ слѣдующемъ—общество дѣйствительно осуществилось. Въ немъ соединились элементы весьма разнородные, но по

преимуществу молодые; сюда примкнули бывшіе воспитанники университетскаго пансіона: Шевыревъ, Титовъ, кн. Одоевскій, Ознобишинъ, А. И. Писаревъ, П. И. Колошинъ, Н. В. Путята; бывшіе ученики Раича: А. Н. Муравьевъ, Ѳ. И. Тютчевъ, профессоръ университета Вас. П. Андросовъ, товарищъ Погодина по университету Ант. Фр. Томашевскій, М. А. Максимовичъ, начавшій съ 1826 г. преподавать естественную исторію въ благородномъ пансіонѣ, пріятель Погодина Кубаревъ и др. Александра Ивановича Кошелева ввелъ въ общество Раича бывшій учитель его Оболенскій, а Кошелевъ въ свою очередь указалъ на А. С. Норова. Въ это же общество по архивнымъ связямъ вступили братья Веневитиновы. Кромѣ этихъ лицъ, вездѣ указанныхъ въ составѣ Раичевскаго общества, слѣдуетъ еще упомянуть двухъ, которыя тамъ появлялись несомнѣнно, хотя о нихъ говорится мимоходомъ: то были Н. А. Полевой и В. К. Кюхельбекеръ.

Н. А. Полевой началъ свою литературную дѣятельность въ 1822 году помѣщеніемъ небольшихъ статеекъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Вѣстникѣ Европы" и получилъ отъ Россійской академіи большую серебряную медаль за изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ. Послѣ переѣзда въ Москву Полевой сошелся изъ числа членовъ кружка съ кн. Одоевскимъ, представившимъ Полевого въ общество Раича, когда тамъ возникли толки о журналѣ. Полевой съ обществомъ не сошелся. Братъ Н. А. Полевого, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, въ своихъ „Запискахъ" объясняетъ это отчасти недоброжелательствомъ Писарева, бывшаго въ ссорѣ съ Полевымъ за его отзывъ о Писаревѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ", отчасти барскимъ аристократизмомъ, чуждавшимся купца. Но это едва ли справедливо: вопервыхъ, Писаревъ не пользовался въ обществѣ такимъ значеніемъ, чтобы личныя его отношенія могли повліять на всѣхъ членовъ въ смыслѣ удаленія кого-либо по этой только причинѣ; вовторыхъ, въ обществѣ Раича сходились не одни баричи, а образованные люди всѣхъ сословій, многіе изъ духовнаго званія и даже сынъ крестьянина—Погодинъ. Самъ же Полевой указываетъ, что такіе кровные аристократы, какъ князья Вяземскій и Одоевскій, наравнѣ съ Кирѣевскимъ и Баратынскимъ, оставались на долгое время пріятелями Полевого. Послѣ выхода уже Полевого изъ общества князь Одоевскій въ началѣ 1825 года писалъ довольно дѣятельно музыкальныя статьи и юмористическіе очерки

для „Московскаго Телеграфа", а Полевой помѣстилъ двѣ небольшія статьи въ „Мнемозинѣ" („Спутникъ жизни", ч. IV, 56—62, и „Эпиграмма", ч. II, 44). Причина удаленія Полевого была болѣе серьезная: Полевой совершенно не сходился съ членами общества въ главномъ вопросѣ о характерѣ журнала, и притомъ онъ своимъ образованіемъ, а не рожденіемъ, отсталъ очень далеко отъ своихъ сочленовъ и, безъ сомнѣнія, сознавалъ это самъ. У Полевого собирался свой кружокъ, въ которомъ появлялись Мицкевичъ, Баратынскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, И. В. Кирѣевскій и Д. П. Шелиховъ, литераторъ и сельскій хозяинъ, пламенный послѣдователь Шеллинга. Характеристично для того времени, что и кружокъ Полевого съ жаромъ изучалъ Шеллинга и слѣдилъ за возрожденіемъ европейской литературы въ лицѣ тогдашнихъ ея великихъ представителей. Такимъ образомъ Полевой, какъ и Бѣлинскій, познакомился съ нѣмецкою философіей въ живой рѣчи, а не изучалъ ее самъ, и потому онъ только схватилъ на лету общее направленіе, не познакомясь съ самою сущностью и не будучи поэтому въ состояніи дать ей какое-либо серьезное приложеніе.

О Кюхельбекерѣ, какъ членѣ Раичевскаго общества, не упоминалъ до сихъ поръ никто,—вѣроятно, по извѣстному его положенію; но извѣстно, что въ 1823 г. Кюхельбекеръ пріѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто учителя въ Университетскомъ пансіонѣ. Пребываніе его въ Москвѣ было непродолжительно, но онъ успѣлъ на столько сойтись съ княземъ Одоевскимъ, что сдѣлался соиздателемъ его журнала „Мнемозины".

Общество Раича было чисто-литературное. „У насъ,—писалъ Погодинъ 11 марта 1823 г. кн. Голицыну,—составилось общество друзей. Собираемся раза два въ недѣлю и читаемъ свои сочиненія и переводы. У насъ положено, между прочимъ, перевести всѣхъ греческихъ и римскихъ классиковъ и перевести со всѣхъ языковъ лучшія книги о воспитаніи, и уже начаты Платонъ, Демосѳенъ и Титъ Ливій" (Барсук. „Жизнь Погод.", 212). Благодаря тому, что Погодинъ велъ обстоятельный дневникъ, можно опредѣлить характеръ чтеній, происходившихъ въ Раичевскомъ обществѣ. Въ засѣданіи 12 апрѣля 1823 г. Погодинъ читалъ свой переводъ изъ Тита Ливія „Софонизба", замѣчанія на мнѣнія Карамзина о „Началѣ Русскаго государства", о характерѣ Іоанна Грознаго; кромѣ того читалъ свой переводъ „Рене" Шатобріана. Въ этомъ же засѣданіи кто-

то читалъ разсужденіе о физикѣ, которое Погодину очень понравилось (Барсук., стр. 217). Осенью 1823 года Погодинъ прочелъ свою „Ніобу", которую перевелъ изъ Овидія; но это чтеніе, кажется, не имѣло успѣха, ибо онъ, какъ самъ сознается, не слишкомъ много слышалъ похвалъ. Въ засѣданіи, бывшемъ 31 октября, толковали о Тацитѣ и Цицеронѣ, отрывокъ изъ котораго Погодинъ переводилъ съ Кубаревымъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Погодинъ прочелъ свой переводъ изъ Аста. Въ засѣданіи 29 ноября читали „Бахчисарайскій фонтанъ" (249). Въ засѣданіи 30 января 1825 г. Погодинъ прочелъ Батте и „Опозорился". Въ другомъ засѣданіи онъ прочелъ переводъ свой изъ Макіавеля (303); изъ другихъ лицъ: Шевыревъ—свои переводы съ греческаго и опыты стихотвореній; кн. Одоевскій прочелъ переводъ первой главы натуральной философіи Окена „О значеніи нуля, въ которомъ успокоиваются плюсъ и минусъ"; Александръ Ивановичъ прочелъ нѣкоторые переводы изъ Ѳукидида и Платона и отрывки изъ „Исторіи Петра I", которою онъ тогда съ любовью занимался. Помимо своего участія въ обществѣ, А. И. продолжалъ свое самообразованіе чтеніемъ и занятіемъ науками: такъ, онъ прочелъ Робертсона „Исторію правленія Карла V", сочиненія Шеллинга и занимался математикою (въ 1825 г.). Относительно послѣдней А. И. писалъ Норову: „Философія съ математикой неразрывны, какъ мы съ тобой два неразрывные друга"; изъ Шеллинговыхъ сочиненій онъ для Норова дѣлалъ извлеченія. Норовъ въ письмахъ своихъ замѣчалъ А. И., что онъ слишкомъ скоро читаетъ книги; по его мнѣнію, необходимо было дѣлать изрѣдка промежутки, чтобы обдумать все прочитанное; онъ приводитъ при этомъ французское изреченіе, что „душа живетъ умственными занятіями, какъ тѣло необходимою пищею, только съ нѣкоторымъ отдыхомъ, давая время организму переварить и усвоить введенныя въ него питательныя вещества". Вообще любимымъ предметомъ занятій А. И. была исторія и онъ въ это время принялся за составленіе введенія въ исторію. Изъ письма А. С. Норова видно, что тогда же онъ окончательно обработалъ сочиненіе „О могуществѣ и упадкѣ Турецкой имперіи", которое хотѣлъ прочесть въ обществѣ Раича. Вѣроятно, на эту тему онъ былъ наведенъ занятіями своими въ архивѣ, разбирая дипломатическія сношенія съ Турціей; по словамъ Норова, „сочиненіе сіе смѣло могло быть прочтено въ присутствіи просвѣщенной пу-

блики, и я увѣренъ, что оно будетъ хорошо принято" (11 февраля 1823 г.). Занятія свои исторіею А. И. не прекращалъ и въ Петербургѣ, откуда, какъ видно изъ письма къ Кирѣевскому отъ 1 октября 1828 года, онъ хотѣлъ прислать послѣднему отрывки изъ сочиненій по исторіи (Сочин., I, стр. 15). Въ Петербургѣ Кошелевъ не покидалъ и вопроса о Турціи и изучалъ въ подлинникѣ „Исторію Оттоманской имперіи" Гаммера.

Общество Раича—не оффиціальное, но живое—обратило на себя вниманіе Москвы: его посѣтилъ разъ московскій градоначальникъ князь Дм. Влад. Голицынъ, бывали именитые литераторы, въ родѣ И. И. Дмитріева, и тогда общество изъ тѣсной квартиры Раича въ домѣ Ланскихъ, въ Газетномъ переулкѣ, переходило въ Муравьевское училище (на Большой Дмитровкѣ), а впослѣдствіи въ квартиру сенатора Рахманова, къ сыну котораго Раичъ поступилъ воспитателемъ. Общество выпустило въ 1823 году, по примѣру Карамзина, сборникъ подъ заглавіемъ „Новыя Аониды", гдѣ перепечатаны были изъ журналовъ и отдѣльныхъ изданій лучшія стихотворенія изъ появившихся въ 1822 году, а именно: Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гнѣдича, кн. Вяземскаго, Тютчева, М. Дмитріева, Д. И. Давыдова, Ф. Глинки, Писарева, А. Крылова, Олина, Мансурова, Нечаева. Затѣмъ въ обществѣ возникли толки объ изданіи журнала. Я уже говорилъ, что въ первой четверти нынѣшняго столѣтія потребность въ новомъ журналѣ живо сознавалась всѣми лицами, принимавшими участіе въ литературномъ движеніи. Сознаніе это было до такой степени сильно, что П. М. Строевъ, еще будучи студентомъ, предпринялъ въ 1815 г. изданіе журнала подъ заглавіемъ „Современный наблюдатель россійской словесности". Журналъ этотъ, отвѣчая потребностямъ времени, получилъ преимущественно критическое направленіе, но онъ продержался только съ марта до конца іюля (18 нумеровъ). Уже 3 мая 1823 года общество разсуждало объ этомъ дѣлѣ и въ его засѣданіи принялъ участіе кн. Вяземскій. Журналистъ по призванію, Полевой сейчасъ же ухватился за бродившую мысль о журналѣ и представилъ свой планъ, который не былъ принятъ. Какъ серьезно смотрѣло общество на изданіе журнала, видно изъ прочтенной въ обществѣ статьи Д. Веневитинова „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала". Статья эта въ высшей степени замѣчательна для своего времени и мы считаемъ необходимымъ представить изъ нея

длинное извлеченіе. Веневитиновъ съ самаго начала становится на высшую философскую точку зрѣнія: „Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать?—Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную, вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки или искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и, слѣдовательно, неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобы осуществить свое чувство, чтобы убѣдиться въ его силѣ; поэтъ *искусственнымъ образомъ* переноситъ себя въ борьбу съ природой, съ судьбой, чтобы въ семъ противорѣчіи испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества, а *любомудріе ясно открываетъ въ ней цѣль всей природы*. Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ нравственныя свои усилія, ознаменованныя печатью особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; *цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія*. Съ этою мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже до нѣкоторой степени совершенства и входя, слѣдственно, въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія его получила извнѣ; оттуда *это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности*. Начало и причина медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи была та самая

быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и *еслибы онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ народа развился бы собственно своею силою и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное.* Но мы, какъ будто предназначенные противорѣчить исторіи словесности, *мы получили форму литературы прежде самой ея сущности.* Вотъ положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе совершенно отрицательное". Отъ этого общаго недостатка, замѣчаемаго въ литературѣ нашей вообще, авторъ переходитъ къ частному—къ области эстетической критики. „Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались у насъ законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя, съ безсильною упорностію, стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, еслибы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но, къ несчастію, оно не произвело значительной пользы, ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. *Мы отбросили французскія правила не отъ того, чтобы могли ихъ опровергнуть какою-нибудь положительною системою, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ.* Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ". Такое пониманіе направленія нашей литературы и критики естественно и неизбѣжно должно было привести Веневитинова къ сознанію о необходимости прочной современно-научной или философской основы въ самомъ общественномъ пониманіи, которая должна была возбудить дѣятельность самобытной народной мысли, а средствомъ для этого Веневитиновъ признавалъ *журналъ.* Цѣль и направленіе этого журнала Веневитиновъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: „Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя

происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и, *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго,—картину, *въ которой бы она видѣла собственное свое предназначеніе*. Сей цѣли, кажется, вполнѣ удовлетворило бы такое сочиненіе, *въ которомъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы*. Такое сочиненіе будетъ *журналъ*, и его вообще можно будетъ раздѣлить на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самого ума и свойствъ его, другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ. Не безполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому, къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если будемъ вникать въ причины, породившія современную намъ образованность, и перенесемся на нѣкоторое время въ эпохи ей предшествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въ ономъ представятся. Такимъ образомъ мы сами сдѣлаемся предметомъ нашихъ розысканій. Итакъ, *философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ*—вотъ предметы, заслуживающіе особеннаго нашего вниманія, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, *и найдетъ сіе основаніе*, сей залогъ своей самобытности и, слѣдовательно, своей нравственной свободы—въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія".

Эту задачу—создать научную эстетическую критику на началахъ нѣмецкой умозрительной философіи выполнила послѣдующая критическая школа, начавшаяся съ Бѣлинскаго, но самую задачу поставилъ Веневитиновъ. Понятно, что Полевой, для котораго идеалъ журнала представлялся въ видѣ сборника, удовлетворяющаго потребности къ чтенію разнообразіемъ, занимательностью и общедоступностью своего содержанія,—совсѣмъ не раздѣлялъ такой серьезно научной и исключительной программы и пошелъ въ дру-

чую сторону. Вотъ какъ описываетъ кн. Вяземскій *рожденіе* „Телеграфа“ въ своей автобіографіи: „Полевой былъ въ то время еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранчивое посланіе на имя мое, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“, въ отвѣтъ на мое извѣстное—и также не совсѣмъ вѣжливое—посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды онъ засталъ у меня графа Мих. Віельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Віельгорскій спросилъ Полевого, что онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣстъ ничего, отвѣтилъ онъ.—Зачѣмъ не примитесь вы издавать журналъ?—продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отпѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Віельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ его предпріятіи, и такъ далѣе. Дѣло было рѣшено. Вотъ какъ въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевомъ переулкѣ, зачато было дѣло, которое послѣ надѣлало много шуму на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя „Телеграфу“ (Соч. I, стр. XLVIII). Вяземскій говоритъ, что это для него была пора самой напряженной дѣятельности: иная книжка „Телеграфа“ вся была наполнена имъ или матеріалами имъ сообщенными; онъ писалъ полемическія статьи то подъ своимъ именемъ, то подъ разными псевдонимами (Журнальный сыщикъ), то подъ буквами. „Сначала медовые мѣсяцы сожитія съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла; но потомъ, вслѣдствіе несогласій—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ, а просто въ личномъ и чисто-литературномъ,—Вяземскій отказался отъ сотрудничества въ „Телеграфѣ“.

По словамъ Кс. Полевого, поводомъ къ размолкѣ была критика на XII томъ „Исторіи Карамзина“, помѣщенная Полевымъ въ „Телеграфѣ“. Члены кружка Раича, предупрежденные въ намѣреніи издавать журналъ, принялись за альманахи. Альманахи, изданные членами Раичевскаго общества, были: „Уранія“, „Сѣверная Лира“ и „Денница“. Альманахи эти, въ видѣ обычныхъ сборниковъ преимущественно стиховъ и мелкихъ прозаическихъ статей, не выражали вовсе стремленій отдѣлившагося меньшинства, которое принимало въ нихъ сравнительно мало участія.

Въ „Уранiи", изданной Погодинымъ (1825), изъ членовъ Раичевскаго общества въ стихотворномъ отдѣлѣ приняли участiе: Раичъ, Ознобишинъ, Шевыревъ, Тютчевъ, Ал. Норовъ, Максимовичъ; со стороны помѣстили свои мелкiя произведенiя: Мерзляковъ, неизбѣжный Пушкинъ, князь Вяземскiй, Мих. Дмитрiевъ, Баратынскiй, Нечаевъ, В. Капнистъ, Д. И. Глинка, Невѣдомскiй, Полежаевъ и начинающiй студентъ Ротчевъ, съ которымъ сблизился Погодинъ. Въ прозаической части Погодинъ помѣстилъ двѣ повѣсти („Нищiй" и „Каково аукнется, такъ и откликнется"), Веневитиновъ—отрывки („Утро, полдень, вечеръ и ночь"), кн. Одоевскiй—аллегорiю („Завѣтная книга", древнее преданiе); кромѣ того участвовали Снегиревъ и др.

Въ „Сѣверной Лирѣ", изданной Раичемъ и Ознобишинымъ, въ отдѣлѣ стихотворенiй изъ членовъ общества помѣстили свои произведенiя: Раичъ, Ознобишинъ, Тютчевъ, Шевыревъ, Ал. Норовъ, Анд. Муравьевъ, Максимовичъ, Д. Веневитиновъ; изъ постороннихъ поэтовъ: В. Туманскiй, Баратынскiй, кн. Вяземскiй, Абр. Норовъ, Ротчевъ, Н. Грековъ, М. Дмитрiевъ. Прозаическiй отдѣлъ довольно слабъ и заключаетъ въ себѣ: повѣсть Булгарина („Янычаръ"), отрывокъ Веневитинова („Скульптура, живопись и музыка"), аллегорiю В. Титова („Три единства") и пр.

Въ „Денницѣ", изданной Максимовичемъ (3 т. 1830, 1831 и 1834 гг.), прозаическая часть беретъ перевѣсъ: въ это время стихи и повѣсти перешли почти исключительно въ альманахи, а журналы получили направленiе преимущественно критическое. Изъ поэтовъ въ „Денницѣ" приняли участiе: Языковъ, Тютчевъ, князь Вяземскiй, Пушкинъ, А. Вельтманъ, Ѳ. Глинка, Раичъ, Шевыревъ, П. Сумароковъ—въ первой части; Веневитиновъ (посмертное стихотворенiе „Пѣснь Кодры" изъ Эгмонта), Мерзляковъ, Баратынскiй, Хомяковъ, Тепловъ—во второй. Въ прозаической части помѣщены: Д. Веневитинова—„Анаксагоръ", бесѣда Платона, Н. Полевого—„Сохатый", сибирское преданiе, и „Постоялый дворъ", Погодина—„Психологическiя явленiя", Вельтмана—отрывокъ изъ 2-й части „Странники", Ор. Сомова—отрывокъ изъ нескончаемой повѣсти „Гайдамаки" и др. Тамъ же И. В. Кирѣевскiй помѣстилъ первую свою статью съ подписью: „Обозрѣнiе русской литературы за 1829 г."

Отдѣлившееся отъ Раичевскаго общества меньшинство составило другое общество—болѣе интимное и солидарное, гдѣ сошлись

главнымъ образомъ „архивные юноши“: братья Кирѣевскіе, Веневитиновы, князь Одоевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Соболевскій, Мельгуновъ; сюда же Веневитиновы ввели Рожалина и Максимовича. Погодинъ посѣщалъ это общество, но онъ всегда холодно относился къ чисто-философскимъ занятіямъ. Центромъ этого кружка былъ Д. А. Веневитиновъ, а собирались его члены обыкновенно въ квартирѣ князя Одоевскаго. Здѣсь господствовали Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Герресъ и др. Члены читали свои философскія сочиненія, но чаще и по большей части вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ. Веневитиновъ прочелъ прозаическіе отрывки „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“, „Анаксагоръ“,—единственное, что̀ осталось напечатаннымъ изъ чтеній на этихъ бесѣдахъ (Вен. соч., изд. Пятковскаго, стр. 151—164). „Въ то время,—по словамъ Кошелева,—кружокъ совершенно предался изученію умозрительной философіи и считалъ христіанское ученіе годнымъ только для народныхъ массъ. Особенно высоко цѣнило общество Спинозу, творенія котораго оно ставило выше Евангелія и другихъ священныхъ писаній. Предсѣдателемъ общества былъ князь Одоевскій, а главнымъ ораторомъ—Дм. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ и заставилъ Кирѣевскаго выразиться, что Веневитиновъ рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи“. Кружокъ, собиравшійся у кн. Одоевскаго, былъ крайне оживленный; Алекс. Ив. говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что „далеко за полночь продолжались ихъ вечернія бесѣды и приносили несравненно болѣе пользы, нежели уроки профессоровъ. Это былъ кружокъ тогдашней либеральной молодежи въ Москвѣ, неизвѣстно почему казавшійся подозрительнымъ и опаснымъ“. Такимъ признаетъ его обвинительная записка противъ Полевого, поданная въ III-е Отдѣленіе 23 августа 1827 года: „Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники „Телеграфа“. Покровители онаго—князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. По всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Соймонова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ въ Петербургъ. Кирѣевскаго также ожидаютъ. Титовъ здѣсь служитъ въ Иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ. Извѣстный Со-

болевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь какъ дитя. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы—кн. Вяземскій и Полевой; пріятели—Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи" (Сухомлиновъ, „Истор. Вѣстн.", III, стр. 522 и 523). Этимъ отчасти объясняется то *особенное* преслѣдованіе, которому подвергались славянофилы въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, хотя знамя ихъ было вполнѣ русское и *благонадежное*. Этимъ же доносомъ объясняется, по всей вѣроятности, и нерасположеніе къ Александру Ивановичу покойнаго государя Николая Павловича, не разрѣшавшаго заслуженныя Кошелевымъ по службѣ награды. Александръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности этого кружка. А. С. Норовъ, въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г., говоритъ: „Скажи мнѣ, началась ли у тебя переписка съ Веневитиновыми? Какъ люблю я воспоминать наши зимнія вечера по субботамъ! Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много пріобрѣлъ,— болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертаціи съ Веневитиновымъ. Физіономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостію и соглашался".

Кружокъ молодежи остановился на Шеллингѣ, котораго философія получила тогда наибольшее распространеніе въ обществѣ. Питомцы Университетскаго пансіона принесли шеллингизмъ изъ своего учрежденія, гдѣ, какъ мы видѣли, посѣялъ его И. И. Давыдовъ; Кирѣевскій вынесъ его изъ дому и посвятилъ въ него Кошелева; Веневитиновыхъ познакомилъ съ нимъ Павловъ. Занятія Шеллинговою философіей для членовъ кружка, какъ для большинства русскихъ людей, мало увлекающихся отвлеченностью, были простою, но, безъ сомнѣнія, полезною гимнастикой ума. Только для Кирѣевскаго и князя Одоевскаго эти занятія имѣли существенное значеніе: для перваго это было необходимою стадіей серьезнаго философскаго изученія, которое продолжалъ онъ и впослѣдствіи; а для послѣдняго шеллингизмъ составилъ заманчивый фонъ его литературныхъ произведеній.

Общество просуществовало до 14 декабря 1825 года, когда чле-

ны сочли необходимымъ его прекратить потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а также и потому, что политическія событія сосредоточили на себѣ вниманіе ихъ и всего общества. „Живо помню,—разсказываетъ Александръ Ивановичъ,—какъ послѣ этого несчастнаго числа (14 декабря) князь Одоевскій созвалъ членовъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества любомудрія".

Близость къ Александру Ивановичу и вліяніе на него кружка мыслящей и либеральной молодежи, среди которой онъ развивался въ молодые годы своей московской жизни, заставляютъ остановиться нѣсколько подолѣе на лицахъ, составлявшихъ этотъ кружокъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, Александръ Ивановичъ усвоилъ многія качества, которыя остались на цѣлую жизнь и получили широкое примѣненіе впослѣдствіи: привычку къ труду, серьезную работу мысли, не дававшую ему успокоиться на ограниченности однихъ практическихъ, большихъ и малыхъ, общественныхъ и личныхъ интересовъ и вопросовъ, стремленіе къ литературной дѣятельности, какъ къ одному изъ общественныхъ проявленій работы мысли въ образованномъ человѣкѣ.

Однимъ изъ самыхъ постоянно близкихъ къ Александру Ивановичу людей кружка былъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій (1803—1869 гг.); онъ же выступилъ однимъ изъ первыхъ на литературное поприще и занялъ тамъ видное мѣсто. Оцѣнку литературной дѣятельности князя Одоевскаго въ послѣднее время сдѣлалъ г. Скабичевскій въ своемъ изслѣдованіи — „Очеркъ умственнаго развитія нашего общества". Г. Скабичевскій придаетъ значеніе не столько литературнымъ произведеніямъ Одоевскаго, сколько его философскимъ обобщеніямъ и выводамъ. „Универсальная образованность,—говоритъ г. Скабичевскій,—ставившая Одоевскаго *цѣлою головой выше своихъ современниковъ*, невольно приводила его къ такимъ идеямъ и вопросамъ, которые въ *туманныхъ и темныхъ головахъ* людей 30 годовъ были немыслимы". Въ своихъ поискахъ за этими идеями, г. Скабическій въ нѣсколькихъ строчкахъ Одоевскаго открываетъ даже идею о развитіи органической жизни, близкую къ теоріи Дарвина (?!), которую Одоевскій такъ сказать предчувствовалъ, хотя, конечно, *не имѣлъ о ней понятія* (?!). Это *предчувствіе* со стороны князя Одоевскаго теоріи Дарвина есть своего

рода натяжка; въ двадцатыхъ годахъ былъ у насъ единственный человѣкъ, на котораго можно указать, какъ на предчувствовавшаго эволюціонную теорію, это—Галичъ, о которомъ мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ (т. I, стр. 446).

Почему Одоевскій ограничился одними только предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями въ духѣ положительнаго міросозерцанія, а не сдѣлался положительнымъ мыслителемъ всецѣло, г. Скабичевскій объяснилъ „тѣмъ раздвоеніемъ, которое находилось въ умахъ всѣхъ современниковъ Одоевскаго—и на Западѣ, и у насъ. Съ одной стороны, наука невольно наталкивала ихъ на новыя идеи, которыя насильно вырвались изъ нихъ; съ другой стороны, они пугались этихъ идей и спѣшили укрыться отъ нихъ подъ сѣнь различныхъ мистическихъ и метафизическихъ ученій". Но это объясненіе,—если въ немъ и есть какая-либо доля правды,—весьма односторонне и потому неосновательно. Съ одной стороны, не всѣ „идеи, вѣрованія и предразсудки", другими словами—не все историческое достояніе прошедшаго существуетъ исключительно въ смыслѣ тормоза для дальнѣйшаго развитія мысли; а съ другой стороны опытъ и наблюденіе, доступные мыслящему уму въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, не исчерпываютъ всей области человѣческихъ знаній. Поэтому раздвоеніе между новыми идеями и традиціями старой эпохи, существующее всегда и вездѣ, не есть вовсе особый, характеристическій признакъ 30-хъ годовъ; и при этомъ такое раздвоеніе никогда не мѣшало людямъ, къ тому призваннымъ, становиться положительными мыслителями всецѣло. Одоевскій ограничился „однимъ только предчувствіемъ и темными гаданіями" отчасти потому, что въ его время „предчувствія" и „гаданія" имѣли такое значеніе, какъ теперь положительное знаніе. „Моя юность,—говоритъ самъ Одоевскій,—протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферой, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія природы, точно такъ какъ теперь вѣримъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка — казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи*. Изъ естествен-

ныхъ наукъ лишь одна казалась достойною вниманія любомудра— анатомія, какъ наука человѣка. Мы принялись за оную практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера; но анатомія естественно натолкнула насъ на физіологію, науку тогда только-что начинавшуюся и которой первый плодовитый зародышъ появился у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ физіологіи, естественно, встрѣчались намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ были темны безъ естественныхъ наукъ. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики были приведены къ необходимости завестись колбами, рецепіентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи" („Русскій Архивъ" 1874 года, I, 316 — 318). Хотя Одоевскій еще въ молодости пробовалъ заниматься историческимъ изученіемъ философіи и даже помѣстилъ въ „Мнемозинѣ" статью „Секта идеалистико-эклектическая", отрывокъ изъ составленнаго авторомъ „Словаря исторіи философіи" (IV, 160—192), но въ концѣ концовъ Одоевскій былъ шеллингистомъ. Философія Шеллинга, въ смыслѣ системы тождества, была скорѣе произведеніе поэта, нежели система мыслителя: это была величайшая эпопея романтизма, которой равняется—и то только по красотѣ формы и большей удобопонятности — изложеніе „Фауста" Гёте. Оттого во время господства шеллингизма такъ подвинулись поэзія и искусство. Даже сухая и мертвая діалектика Гегеля не похоронила этого вліянія: поэтическій духъ Шеллинга пробился въ Гегелевой эстетикѣ и потому она дольше сохраняла значеніе и шире распространилась, нежели всѣ остальныя части Гегелевой философіи. Подъ вліяніемъ шеллингизма развилась въ Германіи та романтическая литература, гдѣ въ художественномъ созданіи воплощалась фантазія художника во всей ея безграничности,—литература, которой представителями были: Жанъ-Поль Рихтеръ и Гофманъ. Точно такой же складъ міросозерцанія развился подъ вліяніемъ Шеллинга и у Одоевскаго, вслѣдствіе чего онъ принялъ за образецъ главнымъ образомъ Гофмана, вліяніе котораго осталось на его произведеніяхъ. Помимо этого и по природѣ своей Одоевскій былъ художникъ, а не мыслитель, человѣкъ жившій воображеніемъ, фантазіею, которому кропотливая усидчивость и рѣзко отграниченная и точно опредѣленная аналитическая работа мысли, создающія мыслителя, были несвойственны. Этимъ отчасти объясняется и его

универсальность. Въ „Старичкахъ на островѣ Панхаи“ Одоевскому, между прочимъ, представлялся кружокъ стариковъ-младенцевъ, которые всѣ сидѣли, наморщивъ брови, и съ важностью складывали песчинку къ песчинкѣ; имъ хотѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобное храму Гемиѳеи: эта аллегорія названа „*Опытными знаніями*“. Цивилизація же, по мнѣнію Одоевскаго, движется только трудами „безсмертныхъ юношей“, ихъ очи пламенѣютъ небеснымъ огнемъ, ихъ не туманитъ *ничтожное земное*; ихъ взоры быстро стремятся къ *возвышенному* („Мнемоз.“ 71, 8). Отчужденіе Одоевскаго отъ опытнаго знанія проглядываетъ даже тамъ, гдѣ онъ самъ признаетъ его необходимымъ. Одоевскій, напримѣръ, въ письмѣ къ пріятелю-помѣщику изъ Выборга, отъ 20 августа 1850 г., пишетъ, между прочимъ: „вольно же было природѣ вмѣсто благороднаго чувства чиноманіи вставить въ меня любовь къ козявкамъ подъ микроскопомъ, а особливо къ одной весьма неблагоприличной вещи, а именно къ цвѣточной сѣменной пыли (pollen, le floûte des fleurs); только и грежу, чтобы основать на нихъ (прошу не шутить) полную, *безъ исключеній*, систему ботанической классификаціи; *да вотъ бѣда: нужны пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, чтобы убѣдить въ этомъ другихъ такъ, какъ я самъ убѣжденъ*“ („Рус. Арх.“ 1879 г., № 4, стр. 526). Неужели и здѣсь,—въ томъ, что темное предчувствіе кн. Одоевскаго не обратилось въ научную истину, которой, прибавимъ мимоходомъ, наука и до сихъ поръ не выработала, несмотря на всѣ наблюденія цвѣточной пыли подъ микроскопомъ,—виновато то „раздвоеніе“, о которомъ говоритъ г. Скабичевскій?! Гораздо проще и вѣрнѣе опредѣлилъ значеніе Одоевскаго Бѣлинскій: „Одоевскій,—говоритъ онъ,—изображаетъ собою человѣка нашего времени, впавшаго въ отчаяніе сомнѣнія и уже не въ знаніи, а въ произволѣ чувства ищущаго разрѣшенія на свои вопросы“ (IX, 55). Всего же нагляднѣе внутренній процессъ своей дѣятельности изобразилъ самъ Одоевскій, приводя такой разсказъ про одного изъ своихъ героевъ: „онъ употреблялъ для объясненія все, что ему ни попадалось, алхимію и іероглифику, медицину и математику; отъ пророческаго тона онъ нисходилъ къ самой пустой полемикѣ, отъ философскихъ разсужденій—къ гостиннымъ фразамъ; *вездѣ спѣсь, пустота, странность*. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, жаль, что бумага не можетъ сохранить его сердечнаго убѣжденія въ истинѣ словъ, имъ ска-

занныхъ, драматическаго участія къ судьбѣ художниковъ, особеннаго искусства отъ простаго предмета восходить постепенно до сильной мысли и сильнаго чувства,—*грустной насмѣшки надъ обыкновенными занятіями обыкновенныхъ людей*" (Одоевск. соч., т. I, стр. 214).

Одоевскій выступилъ на литературное поприще очень рано, еще на пансіонской скамьѣ, помѣстивъ небольшой переводный отрывокъ изъ Лабрюера въ пансіонскомъ сборникѣ „Калліопа" 1820 года (IV, 226). Въ „Вѣстн. Евр." 1821 г. (апрѣль, №№ 7 и 8) помѣщены переводы кн. Одоевскаго: „Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ", читанный на французскомъ языкѣ воспитанниками Университетскаго благороднаго пансіона по случаю акта 2 апрѣля 1821 г., и „Премудрость и благость Божія въ отношеніи къ человѣку", съ греческаго изъ Іоанна Златоуста. Съ 1822 г. Одоевскій началъ помѣщеніе оригинальныхъ статей въ „Вѣстникѣ Европы" подъ рубрикою „Письма къ Лужницкому старцу", какъ называли тогда Каченовскаго, жившаго въ Лужникахъ. Подъ этою рубрикой участвовали разныя лица ([8]), подъ вымышленными именами, изъ коихъ первымъ былъ Григ. Ѳед. Квитко-Основьяненко, начавшій здѣсь въ 1820 году помѣщеніе небольшихъ юмористическихъ статей. Одоевскій въ 1822 году помѣстилъ небольшой очеркъ, подъ заглавіемъ „Странный человѣкъ", гдѣ подъ именемъ Ариста, заимствованнымъ у Вейсса, онъ очевидно описываетъ самого себя, неподчиняющагося господствующимъ приличіямъ, стремящагося къ наукѣ и серьезнымъ занятіямъ и предпочитающаго пріязнь умнаго и честнаго человѣка изъ низшаго круга пустымъ свѣтиламъ большаго свѣта, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію. Судя по тому, что Одоевскій въ то же время помѣстилъ отрывокъ перевода изъ Лабрюера и заимствовалъ имя своего героя у Вейсса, очевидно, что онъ еще находился подъ вліяніемъ нравственно-сатирической литературы, которая осмѣивала господствующіе пороки и недостатки, противопоставляя имъ исключительные для своего времени характеры въ видѣ идеала. Въ такомъ родѣ въ 1823 году онъ помѣстилъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Дни досадъ". Здѣсь Одоевскій продолжаетъ свой протестъ противъ предразсудковъ, пустоты и невѣжества большаго свѣта. Погодинъ говоритъ, что эти статьи произвели движеніе между сверстниками. Когда въ обществѣ Раича зашелъ толкъ о жур-

налѣ, Одоевскій первый отозвался рѣшительно и смѣло: „для первой книжки я напишу повѣсть". „Увѣренность,—говоритъ Погодинъ,—съ которою произнесены были эти слова, подѣйствовала на нѣкоторыхъ изъ насъ очень сильно: каковъ Одоевскій! прямо такъ и говоритъ, что напишетъ повѣсть,—стало-быть онъ надѣется на себя!" Эта самонадѣянность не обманула ни самого Одоевскаго, ни публику: когда толки о журналѣ между членами его кружка прекратились, вслѣдствіе рѣшенія объ изданіи „Телеграфа", Одоевскій объявилъ въ декабрѣ 1823 года объ изданіи „Мнемозины". Съ этою цѣлью онъ познакомился съ товарищемъ и пріятелемъ Пушкина, В. Кюхельбекеромъ.

Мы уже отчасти познакомились съ Кюхельбекеромъ, какъ съ выдающимся критикомъ; считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ безвременно погибшемъ, въ свое время замѣчательномъ, но теперь совсѣмъ позабытомъ дѣятелѣ нашей литературы. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (1797—1846 г.) былъ сынъ выходца изъ Саксоніи, австрійскаго дворянина, имѣвшаго помѣстье въ Эстляндіи и бывшаго долго управляющимъ Павловска (имѣніе вел. кн. Павла Петровича). Пока Кюхельбекеръ былъ дома, на его воспитаніе имѣла вліяніе главнымъ образомъ старшая сестра его, Юстина Карловна (род. 1786 г.), которую онъ называлъ второю матерью и съ которой онъ сохранялъ самыя сердечныя связи въ теченіе всей своей жизни: она была замужемъ за дерптскимъ профессоромъ Глинкою. Глинка (1777—1818) изъ военной службы перешелъ на ученое поприще, получилъ званіе доктора въ Геттингенскомъ университетѣ и занялъ каѳедру русской словесности въ Дерптѣ (1802—1810). Въ 1811 г. Глинка назначенъ былъ состоять „кавалеромъ" при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ и преподавалъ русскую словесность императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ княжнамъ. Домашнее свое воспитаніе Кюхельбекеръ докончилъ сначала въ частномъ пансіонѣ Верро, а затѣмъ въ Царскосельскомъ лицеѣ (въ 1811—1817 годахъ). Онъ былъ товарищемъ Пушкина, Дельвига, барона Корфа, кн. Горчакова и декабриста Пущина. Кюхельбекеръ, въ числѣ выдающихся воспитанниковъ, награжденъ былъ серебряною медалью.

Бар. Корфъ такъ опредѣляетъ значеніе лицея своего времени: „Лицей въ то время былъ не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего это-

го вмѣстѣ, и, вопреки Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ не соотвѣтствующимъ ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цѣли... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполнѣ предаваться самой изысканной лѣни; но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей. Несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше другихъ... Какъ это дѣлалось, трудно дать отчетъ. Мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ. Основательнаго, глубокаго въ нашихъ познаніяхъ было конечно немного; но *поверхностно* мы имѣли идею обо всемъ и очень были богаты блестящимъ всезнаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче отыгрываться" (Гаевскій, „Соврем." 1863, № 7, 131—132). Это отсутствіе серьезнаго образованія, вмѣстѣ съ аристократическою нетерпимостью, надолго осталось характеристикою лицейскаго образованія и, къ несчастью, сказалось въ дѣятельности замѣчательно талантливыхъ людей, составившихъ первый выпускъ лицея, не исключая и Пушкина. Но лицей того времени былъ въ особенности замѣчателенъ страстью къ литературѣ воспитанниковъ: между ними безпрестанно одинъ журналъ смѣнялъ другой, мѣнялись редакторы и кружокъ сотрудниковъ, но большинство воспитанниковъ попробовали свои силы еще въ ранней молодости. Въ числѣ лицейскихъ литераторовъ не послѣднее мѣсто занималъ Кюхельбекеръ. Кюхельбекеръ уже въ то время знакомъ былъ съ современными нѣмецкими классиками и благоговѣлъ предъ Клопштокомъ; онъ распространялъ свои знанія въ товарищескомъ кругу и познакомилъ Дельвига съ антологическими стихотвореніями Гёльти и съ идилліями Геснера. Кюхельбекеръ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, но по-русски онъ въ то время зналъ плохо, и стихи давались ему съ величайшимъ трудомъ, до конца лицейскаго воспитанія. Пушкинъ, постоянно смѣявшійся надъ его безплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по-нѣмецки, но Кюхельбекеръ возражалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи такъ еще мало, что и онъ не будетъ лишнимъ (147). Неуклюжій, всегда мечтательный и увлекающійся, Кюхельбекеръ часто подвергался насмѣшкамъ и шалостямъ своихъ товарищей: было даже въ лицеѣ дѣло „о сумасшествіяхъ Кюхельбекера" (9). По отзыву его дочери, г-жи Косовой, сообщившей

записку для біографическаго его очерка, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ (1875, ч. XIII), вмѣстѣ съ чувствительнымъ сердцемъ, отличительною чертою нравственнаго существа Вильгельма Карловича, въ немъ съ ранней молодости необыкновенно развились фантазія и восторженность. Семи, осьмилѣтнимъ ребенкомъ онъ углублялся въ рощахъ отцовскаго помѣстья, громко и восторженно импровизуя сложныя рыцарскія сказки и поэмы. Отецъ его, встревоженный экзальтаціей ребенка, часто прерывалъ самые восторженные порывы сына ариѳметическими задачами, но наклонности къ поэзіи не могъ въ немъ уничтожить (355). Отзывъ этотъ, совершенно противорѣчащій тѣни, наброшенной на Кюхельбекера въ „Запискахъ“ Греча (стр. 383), вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ людей близкихъ и безпристрастныхъ. Баратынскій, хорошо знавшій Кюхельбекера, сообщаетъ о немъ такую характеристику въ письмѣ своемъ къ Н. Путятѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до 14-го декабря: „Онъ человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно, въ родѣ Руссо, онъ будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака: та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей (!?), и порой та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву,—человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ-быть и для славы) и для несчастія“ („Русск. Арх.“ 1867 года, стр. 266). Грибоѣдовъ въ письмѣ къ сестрѣ Кюхельбекера, Юстинѣ Карловнѣ Глинкѣ, отъ 26 января 1823 года выражался такимъ образомъ: „Что подѣлываетъ нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастію, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь немногими истинными удовольствіями, доставленными намъ обществомъ, мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самымъ искреннимъ увлеченіемъ, радушіемъ и любовью? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности“ („Рус. Стар.“ 1875, XIII, 345). Но всего оригинальнѣе совѣты, которые даетъ въ своихъ письмахъ Кюхельбекеру тогдашній директоръ Царскосельскаго лицея Энгельгардтъ, оставившій по себѣ такую добрую память

между своими бывшими воспитанниками. Онъ признаетъ, что Кюхельбекеръ страдаетъ не за *дѣла*, а за *слова*, и даетъ ему совѣтъ быть воздержаннымъ на языкъ и знать, когда и при комъ можно пускаться въ разсужденія... Такъ и видишь передъ собой то тяжелое время, когда неосторожно сказанное слово, безъ всякой другой вины, могло навсегда погубить человѣка...

Послѣ выхода изъ лицея Кюхельбекеръ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ то же время былъ старшимъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ пансіонѣ, учрежденномъ при педагогическомъ институтѣ. Въ 1820 году Кюхельбекеръ отправился за границу секретаремъ при Алекс. Львовичѣ Нарышкинѣ; изъ Берлина, чрезъ Дрезденъ и Авиньонъ, путешественники проѣхали въ Марсель, оттуда въ Ниццу и 2 марта 1821 года пріѣхали въ Парижъ. Тамъ Кюхельбекеръ, наскучивши капризами избалованнаго аристократа, разошелся съ Нарышкинымъ. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ началъ во французскомъ „Атенеѣ" чтенія о славянской литературѣ, гдѣ, коснувшись старинной свободы, первый указалъ на новгородское вѣче, какъ на зародышъ либеральныхъ учрежденій. Такой тонъ не понравился русскому посольству, лекціи были остановлены и Кюхельбекеру велѣно было вернуться въ Россію. Нарышкинъ отъ Кюхельбекера совершенно отказался и послѣдній прибылъ въ Петербургъ осенью 1821 года, съ поэтомъ В. И. Туманскимъ. Это былъ первый случай, вслѣдствіе котораго Кюхельбекеръ *попалъ на замѣчаніе*. Несмотря на то, по рекомендаціи А. И. Тургенева и гр. Нессельроде, онъ вскорѣ получилъ мѣсто на Кавказѣ чиновника особыхъ порученій при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. Но тамъ Кюхельбекеръ пробылъ около полугода, поссорился съ однимъ изъ своихъ начальниковъ, далъ ему плюху и въ маѣ 1822 года вернулся въ Петербургъ. Остальное время 1822 г. и часть 1823-го Кюхельбекеръ провелъ у сестры своей Ю. К. Глинки въ духовщинскомъ ея имѣніи, селѣ Закупѣ, Смоленской губерніи. Съ 27 іюля 1823 г. Кюхельбекеръ переселился въ Москву, гдѣ получилъ уроки русской словесности въ Университетскомъ пансіонѣ, а также давалъ частные уроки и занимался литературой. Къ этой эпохѣ относится изданіе „Мнемозины". Въ апрѣлѣ 1825 года Кюхельбекеръ, вернувшись въ Петербургъ, поселился на дачѣ въ семействѣ Н. И. Греча, гдѣ прожилъ до половины лѣта, а остальную часть лѣта и всю осень провелъ

у сестры своей, въ Смоленской губерніи, вмѣстѣ съ братомъ, морскимъ офицеромъ, только-что возвратившимся изъ кругосвѣтнаго плаванія и также подвергшимся ссылкѣ. Съ октября 1825 года Кюхельбекеръ жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ декабристомъ и даровитымъ поэтомъ, поручикомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, кн. А. И. Одоевскимъ. 5 декабря 1825 г. Кюхельбекеръ писалъ матери, что онъ надѣется, по рекомендаціи Шишкова и И. М. Муравьева-Апостола, получить мѣсто профессора литературы, проектированное адмираломъ Грейгомъ для образованія морскихъ офицеровъ; а 14 декабря совершилось роковое событіе. Кюхельбекеръ, пробиравшійся за границу, былъ задержанъ въ Варшавѣ и 25 января 1826 годъ привезенъ въ Петербургъ. — Въ тайное общество Кюхельбекеръ введенъ былъ Рылѣевымъ въ послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ, слѣдовательно не задолго до самой катастрофы. Замѣчательно показаніе Кюхельбекера въ слѣдственной коммиссіи, что̀ именно побудило его вступить въ заговоръ. Это была распространяющаяся и въ народѣ порча нравовъ, особенно же лукавство и недостатокъ честности, которыя Кюхельбекеръ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности, въ которой находится рабъ насчетъ права пользоваться своимъ имуществомъ. „Признаюсь,— говоритъ Кюхельбекеръ,—что эта причина была одна изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ Русскій,—народъ первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому и мощному языку, коему въ Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными,—я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и можетъ-быть опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Другою причиной моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время, не въ силу цензурнаго устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ“ (Богдановичъ, „Исторія Императора Александра“, VI, 412). Демократическія тенденціи Кюхельбекера обнаружились, между прочимъ, въ шуточномъ его разсказѣ, напечатанномъ въ „Мнемозинѣ“: „Земля безглавцевъ“. Здѣсь описывается фантастическое путешествіе на луну, въ страну Акефалію, гдѣ все воспитаніе направлено къ тому, чтобы совершенно уничтожить въ человѣкѣ голову и сердце, а ходячею

монетой для расплаты по всѣмъ сдѣлкамъ, общественнымъ и частнымъ, приняты палочные удары и побои; одной черни въ Акефаліи позволено сохранять сердце и голову, совершенно излишнія, по мнѣнію высшихъ классовъ, части тѣла человѣческаго; но и самые простолюдины силятся сбыть ихъ съ рукъ и, по большей части, успѣваютъ въ своихъ покушеніяхъ („Мнем.", II, 148). Вообще декабристы, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, проникнуты были желаніемъ общаго блага. Волны патріотизма, подпятыя событіями 1812 года, еще не улеглись въ то время и молодежь проникнута была искреннею и горячею, хотя заблудившеюся въ политическихъ мечтаніяхъ, любовью къ родной странѣ. Это чувство, наравнѣ съ другими, одушевляло Кюхельбекера, такъ что не безъ основанія авторъ біографическаго очерка въ „Русской Старинѣ" называетъ Кюхельбекера *первымъ славянофиломъ*. Кюхельбекеръ хотѣлъ даже носить русское платье, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, и, несмотря на свое не русское происхожденіе и на иностранный акцентъ, онъ неистово вооружался противъ германизмовъ, галлицизмовъ и вообще чужихъ словъ въ русскомъ языкѣ („Русск. Стар." 1875 г., XIII, 337, примѣч.). Кюхельбекеръ въ своемъ дневникѣ самъ выражается, что онъ болѣе сочувствовалъ направленію Шишкова, Грибоѣдова и Катенина, заботившихся объ очищеніи русскаго языка и обновленіи его древнеславянскимъ. Кюхельбекеръ послѣ выхода изъ лицея тотчасъ же попалъ въ литературную среду Пушкинъ вообще остался истиннымъ и вѣрнымъ другомъ Кюхельбекера; въ своей „Лицейской Годовщинѣ" (19-го октября 1825 г.) онъ называетъ „его братомъ по музѣ и судьбѣ"; ему же Пушкинъ посвятилъ нѣсколько посланій, проникнутыхъ искреннею пріязнію. Неоднократно, послѣ ссылки Кюхельбекера, Пушкинъ домогался разрѣшенія властей доставлять ему книги и вступить въ переписку, но всякій разъ получалъ отказъ. Впрочемъ письма Пушкина, какъ видно, иногда доходили до его несчастнаго друга чрезъ родныхъ; что же касается до Жуковскаго, то онъ переписывался съ Кюхельбекеромъ больше чрезъ Третье Отдѣленіе, но получалъ отъ него письма иногда также чрезъ оказію. На Кавказѣ Кюхельбекеръ дружески сошелся съ Грибоѣдовымъ. Кромѣ своихъ товарищей, Пушкина и Дельвига, Кюхельбекеръ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ со всѣми тогдашними литераторами старшаго и младшаго поколѣнія: съ Жуковскимъ,

Крыловымъ, Катенинымъ (съ которымъ онъ былъ въ родствѣ и близкой пріязни), Воейковымъ, Измайловымъ, Гнѣдичемъ, Д. Давыдовымъ, Плетневымъ, Сомовымъ, Баратынскимъ, Туманскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Рылѣевымъ, А. Бестужевымъ, кн. А. Одоевскимъ,—съ журналистами: Гречемъ, Булгаринымъ и друг. Кюхельбекеръ началъ писать стихи еще бывши въ лицеѣ: въ „Амфіонѣ", издававшемся въ Москвѣ Мерзляковымъ (а не въ „Вѣстникѣ Европы", какъ показано ошибочно въ біографическомъ очеркѣ), онъ помѣстилъ въ 1815-мъ году три стихотворенія: „Безсмертный духъ" (IX, 21—24), „Мертвый живому" (IX, 25—27) и „Пѣснь Лапландца" (тамъ же, 34—35). Послѣднія двѣ пьесы перепечатаны въ „Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій", издававшемся Россійскою академіей. Стремленіе къ поэзіи у Кюхельбекера было врожденное, а не привитое господствовавшею тогда модою. Въ 1821 г. изъ смоленскаго имѣнья своей сестры Кюхельбекеръ писалъ Жуковскому: „Недостатки моей поэмы я очень самъ чувствую и вѣрно исправлю ихъ; но нынѣ долженъ уже пожертвовать для *хлѣба насущнаго* авторскою славою; переводить же или заняться чѣмъ-нибудь инымъ, а не поэзіею, не могу, еслибы и пришлось мнѣ умереть съ голоду" („Русск. Арх." 1871 г., 0171). Въ 1827 или 28 году, вскорѣ послѣ своего заключенія, Кюхельбекеръ писалъ племяннику своему Николаю Григорьевичу Глинкѣ: „Ни о чемъ въ свѣтѣ, кажется, я столько не думалъ, какъ объ искусствѣ, которому посвятилъ жизнь свою, посвятилъ ее, можетъ-быть, безъ всякой пользы. Безъ пользы?—Конечно, если разумѣть подъ пользою выгоды житейскія или даже самыя наслажденія славою: имя мое забудется (говоря о моихъ литературныхъ грѣхахъ, какъ будто бы о произведеніяхъ другаго), ибо хотя я можетъ-быть и былъ бы чѣмъ-нибудь со временемъ, но всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны, и, несмотря на то, никогда не буду жалѣть о томъ, что я былъ поэтомъ,—утѣшенія, которыя доставляла мнѣ поэзія въ теченіе моей бурной жизни, столь велики, что довольно и ихъ,—довольно, говорю, для меня и ихъ,—и я считалъ бы себя неблагодарнымъ, еслибы требовалъ для себя отъ поэзіи еще чего другаго" („Русск. Стар.", XVII, 351). Въ дневникѣ своемъ подъ 29 января 1831 г. Кюхельбекеръ записалъ: „Сегодня я отмѣчу нѣчто отрадное и благое. Слава Богу, опять у меня пошли стихи на ладъ, а это для меня очень важно, потому что когда сочиняю, тогда

меня не мучитъ хандра" (XIII, 499). Съ 1818 по 1820 г., до отъѣзда своего за границу, Кюхельбекеръ принималъ ревностное участіе въ петербургскихъ журналахъ—„Сынѣ Отечества", „Благонамѣренномъ", „Трудахъ общества соревнователей литературы и просвѣщенія" и „Невскомъ Зрителѣ": тамъ онъ помѣщалъ свои стихотворенія, повѣсти и критическія статьи ([10]). Въ 1823 году онъ издавалъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ альманахъ „Мнемозину", а съ 1825 г. возобновилось сотрудничество его въ петербургскихъ журналахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кюхельбекеръ отъ мелкихъ стихотвореній перешелъ къ созданію крупныхъ произведеній. Онъ издалъ отдѣльно „Шекспировы духи", драматическую шутку въ двухъ дѣйствіяхъ (Соч. Кюхельбек. С.-Пб. 1825 г.), и началъ трагедію „Аргивяне", изъ которой отрывки помѣщены въ „Мнемозинѣ", и фантастическую мистерію „Ижорской", изъ которой отрывки появились, безъ его подписи, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828 годъ. Въ крѣпостномъ заключеніи Кюхельбекеръ, насколько можно было, занимался чтеніемъ, преимущественно Библіи и Гомера, выучился англійскому языку и переводилъ трагедію Шекспира „Ричардъ III", написалъ пьесу „Зоровавель" и много другихъ мелкихъ стихотвореній; кромѣ того онъ велъ дневникъ, отрывки изъ котораго напечатаны въ „Русской Старинѣ" 1875 года ([11]). Освободившись отъ десятилѣтняго странствованія по крѣпостямъ, Кюхельбекеръ поселенъ былъ, въ концѣ 1871 года, въ Баргузинѣ, заштатномъ городѣ Забайкальской области, въ Восточной Сибири, и здѣсь женился на дочери почтмейстера Артепова, Дросидѣ Ивановнѣ. Біографическій очеркъ называетъ ее, несмотря на совершенное отсутствіе образованія, доброй, любящей и внимательною женой. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела она на Пущина, когда его посѣтила въ Ялуторовскѣ семья Кюхельбекеровъ, на пути изъ Акшинской крѣпости въ Курганскій уѣздъ, Тобольской губерніи. Некрасивая жена Вильгельма Карловича показалась Пущину необыкновенно тяжелою своимъ нравомъ и симпатіи между супругами не было никакой („Русск. Арх." 1879 г., III, 473). Въ Сибири бѣдность удручала изгнанника, денегъ присылаемыхъ родными не хватало, заработокъ отъ обученія дѣтей сокращался, а между тѣмъ время дѣлало свое. 14 августа 1846 года скончался Кюхельбекеръ отъ чахотки въ Тобольскѣ, куда ему дозволено было переѣхать по случаю болѣзни. Несмотря на всѣ эти невзгоды, Кюхельбекеръ до самой

смерти своей не оставлялъ занятій литературою; онъ оставилъ по себѣ цѣлый сундукъ рукописей; умирая, онъ сказалъ женѣ: „Это мое достояніе: сохрани для дѣтей". Изъ свой ссылки Кюхельбекеръ напечаталъ „Ижорскаго" (С.-Пб. 1832 г.) на счетъ III-го Отдѣленія Собств. Канц.: есть указаніе, что изданіемъ этимъ завѣдывалъ Пушкинъ и вырученными отъ продажи деньгами нѣкоторое время поддерживалъ изгнанника. Третья часть „Ижорскаго", доставленная также въ III-е Отдѣленіе, осталась не напечатанною. Но когда въ 1840 г. сдѣлано было представленіе, не будетъ ли дозволено печатать произведенія Кюхельбекера безъ имени автора,— получился отвѣтъ: „еще не время". Въ 1861 году въ „Отечественныхъ Запискахъ" проскользнули два стихотворенія Кюхельбекера безъ подписи: „19 октября 1836 г." (т. 139, стр. 38) и „19 октября 1837 г." (тамъ же, стр. 40). Въ 1862 году часть стихотвореній Кюхельбекера, написанныхъ во время ссылки, напечатана была за границею („Собраніе стихотвореній декабристовъ". Берлинъ, 1862 г.).

Критическую оцѣнку литературной дѣятельности Кюхельбекера мы уже сдѣлали; а стихотворенія его не представляютъ ничего выдающагося. До ссылки Кюхельбекеръ писалъ элегіи и посланія въ томъ шаблонномъ стилѣ, который самъ онъ осудилъ въ приведенной нами критической статьѣ, а стихотворенія во время заключенія проникнуты глубокою религіозностью и тѣмъ отсутствіемъ озлобленія, которое поражаетъ иногда въ благодушныхъ и чистыхъ людяхъ, терпѣливо переносящихъ жестокіе удары судьбы. Крупныя произведенія Кюхельбекера также не заслужили одобренія современниковъ. О комедіи Кюхельбекера Пушкинъ писалъ Плетневу: „Кюхельбекера „Духи"—дрянь: стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится". При выходѣ въ свѣтъ „Ижорскаго" Бѣлинскій очень неодобрительно отозвался объ этой мистеріи: „Грустно видѣть человѣка съ умомъ, съ большею или меньшею степенью образованія, человѣка съ уваженіемъ къ святымъ предметамъ человѣческаго обожанія, любящаго искусства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ жестоко обманывающагося насчетъ своего призванія, такъ дурно понимающаго высокое слово: исскуство! Для того, чтобы быть поэтомъ, мало ума,—нужны чувство и фантазія. Дѣлать поэмы можетъ всякій, творить—одинъ поэтъ. Работа всегда остается работою, какъ бы ни высока была ея цѣль" (Соч., I, 414).

Но порой всѣ невзгоды—и семейныя, и общественныя, удручавшія изгнанника, вырывались наружу въ трогательно-поэтическихъ думахъ, которыхъ нельзя прочесть безъ сочувствія:

Они моихъ страданій не поймутъ,
Для нихъ смѣшонъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ—
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли!
Хоть мигъ покоя дайте! Нѣтъ и нѣтъ...
Вотъ вспыхнуло: я вспрянулъ, я поэтъ!
Божественный объемлетъ душу пламень,
Толпятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ—и все напрасно: нѣтъ!
Пропало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепетъ струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ звукахъ
И умеръ бы, какъ грома дальній гулъ...
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ!
Нѣтъ, не страшусь убійственныхъ объятій
Огромнаго несчастья: рокъ, души!
Ты выжмешь жизнь,—не выдавишь души...
Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватей,
Отъ лепета сосѣдей и друзей...
Не говорите мнѣ: «ты—Прометей!»
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прикованъ,
Его терзалъ не глупый воробей,
А мощный коршунъ... Былъ я очарованъ
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой
И съ нею всѣ земныя испытанья;
Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,—
Умретъ, но не лишится воздаянья
И вырветъ напослѣдокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ суровыхъ... Бѣдный я слѣпецъ!
Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей темницы,
Толкаетъ въ міръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ),
А мой-то міръ исчезъ, какъ блескъ зарницы,
И быть нулемъ—отнынѣ мнѣ удѣлъ!

„Мнемозина“ появилась какъ органъ меньшинства или интимнаго кружка. Издатели желали положить начало новой журналистикѣ, ближайшею цѣлью которой было бы ознакомленіе публики съ нѣмецкою философіей. „Съ сожалѣніемъ должно признаться,—говоритъ Одоевскій,—что мы, русскіе, еще не богаты философическими сочиненіями. Правда, мы богаты курсами словесности, учебниками, краткими и пространными риториками и піитиками, физическими и химическими книгами, но въ нихъ философія почтена вещію постороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного—уже не говорю полнаго—курса философіи, нѣтъ даже ни одного журнала, котораго бы хотя нѣсколько страницъ были посвящены философіи, который бы знакомилъ насъ съ усиліями геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣетъ никакого существеннаго значенія, точно также какъ всякое тѣло безцвѣтно, когда оно не подвержено дѣйствію свѣта. Не говорю уже о высшей необходимости истинной философіи,—этой необходимости не втолкуешь глухонѣмымъ; но еслибы кто захотѣлъ внимательнѣе посмотрѣть на отношенія, связующія явленія съ ихъ началами, то нашелъ бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и въ наукахъ—только подражатели, есть презрѣніе къ любомудрію. Этого мало: не только боятся говорить о философіи, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкоторые почитаютъ сію науку не только безполезною, но даже вредною,—до сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна 18-го вѣка. Много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинной, небесною философіей и—философіей Вольтеровъ и Гельвеціевъ“ („Мнемоз.“, IV, 160—163). Поэтому Одоевскій, для отличія, называетъ истинныхъ философовъ *любомудрами*, и съ тѣхъ поръ въ кружкѣ славянофиловъ удержалось слово любомудріе, означающее философію въ истинномъ значеніи этого слова.—Въ нѣсколькихъ словахъ о „Мнемозинѣ“ самихъ издателей, помѣщенныхъ въ самомъ концѣ, при прекращеніи изданія, цѣль его опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „Главнѣйшая цѣль изданія нашего была—распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратить вниманіе нашихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему при-

страстію къ французскимъ теорикамъ; наконецъ показать, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы, отыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И издатели „Мнемозины" могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли: „Литературные Листки", „Сынъ Отечества", „Сѣверный Архивъ", нападая на „Мнемозину", списывали, и теперь еще списываютъ, изъ нея сужденія о французской словесности, о необходимости народной поэзіи; даже въ „Литературныхъ Листкахъ" „Мнемозина" заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и наизворотъ,—заставила журналистовъ говорить о нѣмецкихъ мыслителяхъ, такъ что иногда подумаешь, будто бы наши критики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ". На сколько же цѣль эта была выполнена? Въ чемъ заключалось содержаніе „Мнемозины"?

„Мнемозина", какъ всѣ тогдашніе альманахи, наполнялась преимущественно стихами и отчасти прозаическою беллетристикой. Въ „Мнемозинѣ" изъ знаменитостей приняли участіе: Пушкинъ, другъ Кюхельбекера, Грибоѣдовъ, князь Вяземскій и Баратынскій. Грибоѣдовъ приходился родственникомъ Одоевскому и связанъ былъ съ нимъ музыкальными вкусами; кромѣ того, въ возникшей тогда въ Москвѣ полемикѣ о „Горѣ отъ ума" Одоевскій сталъ на сторону почитателей, съ княземъ Вяземскимъ во главѣ, а между противниками самые горячіе были М. Дмитріевъ и Писаревъ, вышедшіе изъ пансіона за годъ до Одоевскаго. Пушкинъ помѣстилъ въ „Мнемозинѣ" „Посланіе къ морю" и поэму „Демонъ", а Грибоѣдовъ— „Давида". Въ прозаической беллетристикѣ всѣ статьи принадлежатъ самимъ издателямъ. Кн. Одоевскимъ были помѣщены: „Старики или островъ Панхаи", шесть „Апологовъ", „Радуга"—индѣйское преданіе, „Слѣдствіе сатирической статьи", отрывокъ изъ романа „Элладій"—картина изъ свѣтской жизни; Кюхельбекеръ: „Отрывки изъ путешествія по Европѣ", „Адо"—эстонская повѣсть, „Земля безголовцевъ"—юмористическая фантазія. Изъ числа переводовъ напечатаны: „Многомѣры", соч. Жанъ-Поль Рихтера, „Бельфагоръ"—повѣсть изъ Макіавеля, „Тимонъ, или мизантропъ"—разговоръ, переведенный изъ Лукіана Шевыревымъ. Изъ философскихъ статей единственная серьезная принадлежитъ М. Г. Павлову: „О способахъ изслѣдованія природы", гдѣ излагается ученіе о сущности познаванія опытнаго и умозрительнаго и о преимуществѣ по-

слѣдняго по Канту. Самъ Одоевскій помѣстилъ замѣтку „О философахъ идеалистико-эклектической секты“ (Ксенофанъ за 536 лѣтъ до Р. Хр., Парменидъ за 504 г., Зенонъ около 504 л. и Мелиссъ около 450 л.) и статьи философско-дидактическія, въ которыхъ выставляется преимущество умозрительной философіи: „Листки, вырванные изъ Парнасскихъ вѣдомостей“, „Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія“. Боровковъ перевелъ изъ книги „О Германіи“, г-жи Сталь, очеркъ весьма поверхностный и не совсѣмъ вѣрный, подъ заглавіемъ „Кантъ“. Съ тѣхъ поръ въ журналахъ начали появляться переводы изъ названнаго сочиненія о нѣмецкой философіи, такъ что главнымъ образомъ большинство тогдашней публики познакомилось съ нѣмецкою философіей по сочиненію г-жи Сталь. Такимъ образомъ для Одоевскаго философія въ то время представлялась предметомъ серьезнаго изученія; но въ то же время, по словамъ Погодина, Одоевскій „пристрастился къ сочиненіямъ мистиковъ среднихъ вѣковъ—химиковъ и алхимиковъ, физиковъ и метафизиковъ. Слушая его, нельзя было не подумать, что еслибы родился онъ въ средніе вѣка, то вѣрно сдѣлался бы самымъ ревностнымъ ученикомъ Парацельса и пошелъ бы съ полною готовностью на костеръ съ Саванаролою“. Кромѣ того въ „Мнемозинѣ“ началась наша журнальная полемика, и именно та литературная война Москвы съ Петербургомъ, которую послѣ него продолжали московскіе журналы, издаваемые Погодинымъ и Шевыревымъ, сначала „Московскій Вѣстникъ“, а потомъ „Москвитянинъ“. Эта война составляла главный жизненный вопросъ литературы въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ (съ тридцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ) и раздѣлила всю читающую публику на два враждебные лагеря, впрочемъ весьма смутно разумѣвшихъ самого себя и противниковъ. Грозныя посланія Одоевскаго къ Булгарину и Гречу въ „Мнемозинѣ“ представляли тогда новость въ нашей литературѣ. „Мнемозина“,—говоритъ Погодинъ,—несмотря на свои достоинства: новизну и разнообразіе, не оказала однако же большаго вліянія на общество, и издатели едва могли покончить уже въ 1825 г.“ Это понятно: новыя мысли не вдругъ пробиваются въ общество и возбуждаютъ къ себѣ сочувствіе. Но, безъ сомнѣнія, „Мнемозина“, *какъ первое явленіе новѣйшей журналистики*, проложила дорогу и приготовила почву позднѣйшему ея проявленію въ Москвѣ, въ видѣ „Телеграфа“,

„Телескопа“ съ „Молвою“, „Московскаго Наблюдателя“ и „Московскаго Вѣстника“.

Въ 1826 году Одоевскій оставилъ московскую службу въ архивѣ и перешелъ въ Петербургъ. Тамъ Одоевскій поступилъ подъ начальство Блудова и оставался въ теченіе 20 лѣтъ (1826—1846 гг.).

Блудовъ съ 1822 года состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1830 году онъ нѣсколько лѣтъ управлялъ министерствомъ юстиціи въ отсутствіе Дашкова, съ 1832 г. завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до 1837 года, когда сдѣланъ вторично министромъ юстиціи, а въ 1839 г. назначенъ управляющимъ II Отдѣленія Собственной Канцеляріи (по кодификаціи законовъ), членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Одоевскій съ самаго начала сдѣланъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Блудовѣ и вступилъ въ состоявшее подъ непосредственнымъ его завѣдываніемъ главное управленіе по дѣламъ иностранныхъ духовныхъ исповѣданій; въ 1862 г. онъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался въ 1869 г. Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей Одоевскій былъ членомъ редакціи „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ и разныхъ временныхъ коммиссій, требовавшихъ спеціальныхъ познаній, какъ наприм. по приведенію въ однообразіе россійскихъ мѣръ.

Время съ 1830 по 1840 годъ составляетъ періодъ его усиленной литературной дѣятельности, къ которому относятся почти всѣ главныя его литературныя произведенія. Позднѣйшая литературная дѣятельность Одоевскаго не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что Одоевскій принадлежалъ къ петербургской журналистикѣ, хотя онъ принималъ участіе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и прислалъ подъ псевдонимомъ Каллидора три отрывка: „Минута свиданія“ (1827, II, 145—146), „Міръ звуковъ“ (IV, 43—46) и „Два дня въ жизни земнаго шара“ (1828, X, 120—128).

Изъ служебной дѣятельности Одоевскаго мы остановимся на одномъ эпизодѣ, на участіи его въ составленіи цензурнаго устава. Цензурный уставъ 1826 года, по словамъ кн. Одоевскаго, былъ составленъ съ чрезвычайною поспѣшностью и даже, какъ слухи носились, бывшій тогда директоромъ департамента народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, желая сколь возможно угодить требованію, поднесъ къ подписи министра Шишкова готовый проектъ, найденный въ архивѣ министерства народнаго

просвѣщенія, сочиненія знаменитаго Магницкаго, при пособіи Рунича. Этотъ уставъ, кромѣ необычайной стѣснительности всѣхъ мѣръ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ запрещались не только цѣлые роды сочиненій, но и цѣлые отдѣлы наукъ; запрещалось не только что-либо противное какому бы то ни было правительству или какому бы то ни было вѣроисповѣданію, но—философія, политика, геологія, вообще всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходитъ мыслію къ божеству, наконецъ даже біографія, мемуары и т. п. Такъ какъ уставъ 1826 года касался только русскихъ книгъ, то въ 1827 году повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому составить проектъ для цензуры книгъ иностранныхъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства. На представленіе министра, дозволено ли будетъ, при составленіи устава о цензурѣ иностранной, не держаться въ точности правилъ устава 1826 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ цензурнаго устава вообще. Съ этою цѣлью образованъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ членами были: министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, графъ Бенкендорфъ, президентъ академіи, и другія лица. Главнымъ редакторомъ комитета былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. В. Дашковъ, а секретаремъ при немъ кн. Одоевскій. Выработанный этимъ комитетомъ проектъ высочайше утвержденъ 22 апрѣля 1826 года въ смыслѣ общаго цензурнаго устава. Основное положеніе проекта было то, что мотивами къ запрещенной книгѣ могутъ служить только положенія и мысли, направленныя противъ вѣры, престола, нравственности и личной чести (Уст. ст. 3). Но комитетъ не счелъ возможнымъ ввести въ проектъ устава всѣ тѣ убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія государственнаго вопроса о цензурѣ. Многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ имъ установленныхъ и утвержденныхъ государемъ ([12]). Къ сожалѣнію, событія 1830, а потомъ 1848 года дали поводъ не къ развитію цензуры въ смыслѣ комитета 1828 года, но къ разнымъ самопроизвольнымъ административнымъ распоряженіямъ, запутавшимъ цензурное дѣло разными не только безполезными, но вредными для самой цензуры формальностями, не говоря уже о гибельномъ ихъ дѣйствіи на развитіе наукъ въ Россіи. Нельзя при этомъ не привести собственныя соображенія Одоевскаго о цензурѣ. Главное примѣненіе цензурныхъ правилъ Одоевскій видитъ въ томъ,

что „цензура должна бороться съ неопредѣлительностью человѣческаго языка и съ возможностью одному и тому же выраженію давать всѣ возможные смыслы. Это открываетъ широкій просторъ цензору, если мотивы запрещенія выражены въ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что одна и та же фраза,—какъ ежедневно показываетъ опытъ,—можетъ показаться сегодня невинною, завтра предосудительною". При этомъ Одоевскій, упоминая объ оптическихъ обманахъ, играющихъ такую важную роль въ толкованіяхъ о цензурѣ, останавливается на вопросѣ о такъ-называемомъ вредѣ отъ книгъ „для публики". „Спрашивается, гдѣ эта публика? Книга, наиболѣе расходящаяся въ Россіи, есть календарь, но и его расходится не болѣе 20.000 экземпляровъ". Приводя затѣмъ цифры подписчиковъ по главнымъ изданіямъ, Одоевскій приходитъ къ заключенію, что число читающей публики у насъ надобно положить не свыше 100.000 человѣкъ: „спрашивается, что значатъ 100.000 въ массѣ 75 милліоновъ, и можно ли назвать эту сотню тысячъ публикою?" „Другой опасный оптическій обманъ заключается въ предположеніи, что отъ книги переходятъ мысли въ общество. Такъ! Но только тѣ, которыя нравятся обществу; не нравящіяся обществу мысли падаютъ незамѣченными. Большею частью книги (кромѣ книгъ геніальныхъ, весьма рѣдко появляющихся) суть лишь термометръ идей, уже находящихся въ обществѣ. Разбить термометръ—не значитъ перемѣнить погоду, а лишь уничтожить средство слѣдить за ея перемѣнами. Тѣ или другія мысли являются въ обществѣ подъ вліяніемъ не книгъ, но тысячи многоразличныхъ и многосложныхъ, часто почти неуловимыхъ причинъ. Рядъ событій политическихъ, судебныхъ, административныхъ, семейныхъ—ближе затрогиваетъ участіе публики, нежели всѣ явленія литературныя, интересующія немногихъ; и то, что называется мыслью, распространенною въ публикѣ, есть не иное что какъ выводъ болѣе или менѣе точный изъ всѣхъ отдѣльныхъ толковъ, производимыхъ какимъ-либо происшествіемъ. Вся разница между рѣзкою мыслью въ говорѣ и въ печати та, что, по самому свойству литературной рѣчи, эта мысль является на письмѣ въ формѣ болѣе благообразной и, какъ уже напечатанная, въ большей части случаевъ или перестаетъ возбуждать говоръ, или порождаетъ другую мысль, противодѣйствующую первой и ослабляющую ея дѣйствіе" („Русск. Арх". 1874, № 7, стр. 11—30).

Сочиненія Одоевскаго имѣли большое вліяніе на современниковъ. „Старички на островѣ Панхаи", гдѣ Одоевскій осмѣивалъ довольство обыденными пошлыми потребностями и ставилъ обязанностью стремленіе къ идеалу, къ *возвышенному*, и „Апологи", гдѣ онъ началъ свое подражаніе Гофману, произвели на молодежь впечатлѣніе, которое, по словамъ Погодина, было сильно и „Одоевскій возбудилъ надежды". То же самое подтверждаетъ Бѣлинскій: „Эти Апологи,—говоритъ онъ,—замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностью, потому что могли нравиться не всѣмъ. Старички острова Панхаи называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи и не любя пищи, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; но за то юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противоположность пошлой прозѣ жизни,—это юношество читало ихъ съ жадностію, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту". Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій повторяетъ: „Чтеніе такихъ произведеній, какъ „Бригадиръ", „Балъ" и „Насмѣшка мертвеца", производитъ на молодую душу, свѣжую, не подвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю первную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти піесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія" (Бѣлин. соч., т. IX, стр. 46 и слѣд.). Г. Скабичевскій говоритъ по этому поводу: „Если все поколѣніе Бѣлинскаго зачитывалось въ юности Гофмана, наполняло журналы переводами этого крайняго романтика, приводило мысли его въ критическихъ статьяхъ, если вліяніе Гофмана мы видѣли даже на Гоголѣ („Носъ", „Портретъ"), то этимъ поколѣніе тридцатыхъ годовъ было прямо обязано Одоевскому, который первый познакомилъ съ Гофманомъ своими подражаніями этому писателю. Даже его „Русскія ночи" формою своею напоминаютъ „Серапіоновыхъ братьевъ" Гофмана, въ которыхъ также представляется бесѣда молодыхъ людей по ночамъ о различныхъ предметахъ, вы-

зывающихъ на размышленіе. Вліяніе многихъ идей кн. Одоевскаго отражается, между прочимъ, и на первыхъ сочиненіяхъ Герцена; такъ основная мысль „Записокъ доктора Крупова" была высказана въ одномъ изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Русскихъ ночахъ" (гл. IV, стр. 16). Это вѣрно, за исключеніемъ того, что знакомство въ русской литературѣ съ Гофманомъ началось еще прежде подражаній Одоевскаго, такъ какъ переводы изъ Гофмана, какъ мы видѣли, появлялись въ журналахъ предшествовавшей эпохи. Какъ бы то ни было, значеніе для общества Одоевскій получилъ художественными своими произведеніями, а не тѣми „предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями", ради которыхъ г. Скабичевскій поднимаетъ его „цѣлою головою выше своихъ современниковъ". Одоевскій никогда самъ себя не причислялъ къ славянофиламъ. Въ одномъ письмѣ къ Александру Ивановичу онъ помѣстилъ о нихъ слѣдующій рѣзкій и не совсѣмъ справедливый приговоръ: „Я теперь убѣждаюсь, что всѣ эти господа славяне—все тѣ же нѣмцы, только въ зипунахъ, выстроили себѣ рядъ словъ съ неопредѣленнымъ значеніемъ и думаютъ, что они ими все истолковали; а подо всѣмъ этимъ просто лѣнь помѣщичья, только вмѣсто преферанса или гранъ-пасьянса они раскладываютъ лѣтописи и потому считаютъ себя вправѣ ни въ грошъ не ставить наши пріюты, рукодѣльни, общія квартиры, школы, простонародныя книги и прочую рухлядь, надъ которой мы потѣемъ,—у нихъ все это—Западъ и потому ересь..." (Спб., 29 мая 1847). Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ, какъ поверхностное знакомство съ чужимъ образомъ мыслей, останавливаясь на крайностяхъ и внѣшнихъ проявленіяхъ, ведетъ къ недоразумѣнію и превратному пониманію даже между друзьями. Вообще Одоевскій, послѣ переѣзда въ Петербургъ, охладѣлъ къ тѣмъ изъ старыхъ товарищей архивнаго кружка, которые измѣнили свое направленіе и послѣдовали за Хомяковымъ, за исключеніемъ Александра Ивановича. Самъ Хомяковъ не сочувствовалъ Одоевскому; въ одномъ изъ писемъ къ Веневитинову Хомяковъ говоритъ: „Одоевскій попрежнему хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилого сыру, т.-е. современности индустріальной и матеріальной и древнихъ пыльныхъ знаній алхиміи и каббалы. Впрочемъ ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы: исторія кончается Семирамидой (намекъ на занятія Хомякова древнею исторіей), а все что хоть годомъ

позже — ce sont les commerages d'aujour d'hui". Но по вліянію славянофильскаго кружка, къ которому быть-можетъ самъ, того не сознавая, принадлежалъ Одоевскій если не умомъ, то сердцемъ, по личнымъ связямъ съ нѣкоторыми изъ лицъ, составившихъ кружокъ, или совершенно самостоятельно, наблюдая окружающее подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, онъ сходился съ славянофилами иногда даже въ крайностяхъ ихъ ученія. Свой „Эпилогъ", гдѣ онъ въ поэтической картинѣ изображаетъ ложь современной науки, искусства и религіи, и недостатки общественнаго строя на Западѣ, Одоевскій заключаетъ слѣдующими словами: „Чтобы достигнуть полнаго, гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій, Западу, несмотря на всю величину его, недостаетъ другаго Петра, который бы привилъ ему могучіе соки „славянскаго Востока" (Сочин., I, стр. 381). Иногда же темныя предчувствія кн. Одоевскаго принимали оттѣнокъ апокалипсическихъ пророчествъ. Въ статьѣ „Изъ бумагъ князя Одоевскаго" (напечатанной въ № 7 „Рус. Арх." 1874 г.) есть такое мѣсто: „На какую ни указать тревожную причину настоящаго состоянія умовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и особенно въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, всякая будетъ справедлива: и эгоистическія страсти, и жажда наслажденій, и исканіе легкаго обогащенія, и религіозный фанатизмъ, и полное безвѣріе, и злоба, и самоуправство, и безпардонный деспотизмъ,— все это было ближайшею причиной смутъ, тревогъ, войнъ и проч. Но всѣ эти причины второстепенны, ихъ дѣйствіе не разросталось бы такъ сильно, еслибы не было для нихъ почвы; эта почва—духъ, ходящій во глубинѣ! Исполните все, чего желаютъ самыя крайнія партіи, и онѣ все будутъ недовольны, *ибо недовольно все человѣчество.* Это болѣзненное состояніе походитъ на тотъ моментъ, когда птица роняетъ перья, змѣя смѣняетъ кожу, гусеница хочетъ разорвать свою куколку. Общее тайное слово, выговариваемое человѣчествомъ: „приспѣло время мое". Нельзя не предчувствовать какой-то важной реформы въ общественномъ устройствѣ всего міра; въ чемъ она будетъ состоять—не извѣстно. Стремленіе ускорить этотъ моментъ выражается въ разныхъ формахъ: пробужденіемъ такъ-называемой національности, общимъ вооруженіемъ и проч. Духъ ходитъ повсюду, надъ всей Европой, надъ Китаемъ, надъ Америкой. Луи Наполеонъ и Крымская война, Итальянская война, Польша и проч. суть взрывы этого подземнаго духа. Въ Россіи

открытъ для него клапанъ освобожденіемъ крестьянъ; американцы силятся открыть подобный, но сколько крови уже ими пролито!... То, что называютъ судьбами міра, зависитъ въ эту минуту отъ того рычажка, который изобрѣтается какимъ-то голоднымъ оборвышемъ на какомъ-то чердакѣ, въ Европѣ или въ Америкѣ, и которымъ рѣшится вопросъ объ управленіи аэростатами" („Настоящій моментъ", стр. 47).

Съ Александромъ Ивановичемъ кн. Одоевскій находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, до самой смерти послѣдняго. Открывая по этому случаю засѣданіе Общества любителей россійской словесности, Александръ Ивановичъ самъ выразился, что онъ связанъ былъ съ нимъ почти полувѣковою дружбой, которая не нарушалась ни однимъ самымъ кратковременнымъ охлажденіемъ. Александръ Ивановичъ тѣснѣе сблизился съ Одоевскимъ уже въ Петербургѣ. Весной въ первый годъ своего туда пріѣзда онъ писалъ матери: „Назадъ тому нѣсколько времени я признался Одоевскому, что я не любилъ его и онъ былъ даже мнѣ противенъ,—я принималъ его за человѣка гордаго, пустого; теперь вижу, что это совсѣмъ другой—прекрасный человѣкъ" (28 мая 1827 г.). Начиная съ тѣхъ поръ, взаимная пріязнь обоихъ только возрастала и обратилась въ самую тѣсную дружбу. Александръ Ивановичъ повѣрялъ одному Одоевскому свои задушевныя, сердечныя тайны и всегда встрѣчалъ теплое участіе и преданный совѣтъ; Одоевскій при всякомъ запутанномъ обстоятельствѣ съ полною довѣрчивостью обращался къ Кошелеву, какъ къ испытанному другу, и никогда не обманывался. Переписка Александра Ивановича съ кн. Одоевскимъ продолжалась до самой смерти покойнаго князя; она была непрерывною до тѣхъ поръ, пока Одоевскій не переѣхалъ въ Москву. Переписка эта, совершенно интимная и преимущественно по различнымъ личнымъ вопросамъ, касавшимся обоихъ, обнаруживаетъ ясно и взаимную пріязнь обоихъ, и благородный, симпатичный характеръ покойнаго князя. Вотъ нѣкоторыя выдержки. Вскорѣ послѣ отъѣзда Александра Ивановича изъ Петербурга (5 февраля 1832 г.), Одоевскій писалъ Кошелеву: „Если кто-нибудь изъ насъ, любезный Александръ, имѣетъ право другъ на друга сердиться, то ужь это вѣрно я, а не ты. Еслибы Кошелевъ сдѣлалъ въ моихъ глазахъ что-нибудь, что̀ бы мнѣ не нравилось, то я бы началъ съ того, что не повѣрилъ бы своимъ глазамъ; а тебѣ за тысячу верстъ не

пришло въ голову подумать, что можетъ существовать какая-нибудь причина, почему дѣло твое не дѣлается и почему Одоевскій тебѣ о немъ не пишетъ. Стыдно, братецъ, право стыдно. У твоего Одоевскаго можетъ-быть много горя, можетъ-быть горе убило его душу, сдѣлало ни на что неспособнымъ, можетъ-быть каждая минута его жизни есть тяжкое бореніе, на которое истрачивается вся его дѣятельность,—но кто далъ тебѣ право думать, что я забылъ о тебѣ, кто далъ тебѣ право думать, что я помнилъ о тебѣ, „пока воспоминаніе о тебѣ было горячо"? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? Бога ради вырѣжь эту фразу изъ твоего письма, или, лучше сказать, изъ моего сердца: она принадлежитъ къ числу величайшихъ огорченій, которыя только я имѣлъ въ мою жизнь; увѣренъ, что она тѣмъ же будетъ и для тебя, когда узнаешь всѣ обстоятельства дѣла". Александръ Ивановичъ обдѣлывалъ всѣ денежныя и практическія дѣла покойнаго князя, который самъ признавалъ свою неумѣлость въ этомъ отношеніи. Въ одномъ изъ писемъ, касающихся до управленія имѣніемъ, Одоевскій пишетъ: „Я вполнѣ полагаюсь на твою старую дружбу,—что ты скажешь, то и сдѣлаю, ибо я на управленіе имѣніемъ въ Россіи смотрю какъ на дѣло невозможное, по крайней мѣрѣ для меня; для этого надобно то, чего у меня нѣтъ вовсе и чего назвать не умѣю: то что̀ есть—противно моимъ понятіямъ, то что̀ я бы захотѣлъ—будетъ противно благу крестьянъ, это я понимаю; при такой дилемѣ надобно выйти изъ нелѣпаго положенія и предоставить свое имѣніе тѣмъ, которые нашли возможность разрѣшить эту непостижимую для меня задачу". Въ свою очередь Одоевскій исполнялъ всѣ порученія Кошелева, когда жилъ въ Петербургѣ, и даже принималъ нѣкоторое участіе въ его романѣ съ дѣвицею Россетъ, сообщая ему изъ Петербурга свѣдѣнія, добытыя его женою, о состояніи духа покинутой особы. Одоевскій живо интересовался всѣми публицистическими трудами Александра Ивановича. Такъ Одоевскій занимался въ Москвѣ перепискою подъ своимъ наблюденіемъ проекта Александра Ивановича по освобожденію крестьянъ для представленія Государю; онъ пишетъ по этому случаю: „работа твоя очень хороша. Жаль, что она не болѣе сжата. Перемѣнять заглазно—дѣло невозможное: я исправилъ только явныя описки" (12 ноября 1856 года). Въ другомъ письмѣ (11 февраля 1869 г.) Одоевскій пишетъ. „Я прочелъ твою статью

лишь *одинъ разъ*: этого для меня мало. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки, но въ головѣ ихъ у меня еще множество. Бога ради не печатай этой статьи, не прочитавъ ея еще разъ со мною, или возврати мнѣ ее и я напишу эти замѣтки *на особыхъ листахъ*, ибо иныя выйдутъ длинны. Противъ такихъ твоихъ убѣжденій относительно сліянія судебной части съ *распорядительною* (настоящее названіе администраціи) я имѣю тысячи фактовъ, почерпнутыхъ мною изъ подлинныхъ дѣлъ.—Твоя статья, по моему убѣжденію, весьма *опасна*". 27 ноября 1856 года Одоевскій писалъ Кошелеву: „3-ю книжку „Русской Бесѣды" я получилъ, но успѣлъ только пробѣжать; она мнѣ кажется дѣльнѣе и благоразумнѣе двухъ первыхъ, но статья Даля („Письмо къ издателю А. И. Кошелеву", „Русск. Бесѣда" 1856 г., IV, стр. 1—16, Смѣсь), несмотря на все ея остроуміе, изъ рукъ вонъ; хотѣлось бы мнѣ написать многое о „Русской Бесѣдѣ", но куда помѣстить?—во враждебные вамъ журналы я помѣщать не хочу, а вы выходите лишь чрезъ три мѣсяца, когда живой вопросъ въ минуту появленія—уже замеръ и забылся. Необходимо бы вамъ завести при „Русской Бесѣдѣ" какой-нибудь еженедѣльный журнальчикъ, хоть подъ именемъ „Болтовня",—именно для рукопашныхъ схватокъ". Изъ писемъ Одоевскаго видно, что онъ иногда наводилъ Александра Ивановича на серьезныя занятія. Такъ въ письмѣ отъ 30 марта 1855 г. онъ говоритъ: „Ты знаешь хорошо откупную часть; c'est une question à l'ordre du jour. Что бы тебѣ написать твои мысли объ этомъ предметѣ, которыя бы я передалъ въ министерство финансовъ". По всей вѣроятности, это навело Александра Ивановича на мысль составить извѣстную его „Записку по откупному дѣлу", открывшую ему доступъ въ коммиссію по этому вопросу. Между прочимъ, въ письмахъ Одоевскаго есть намекъ, какъ рано Александръ Ивановичъ задумывалъ выступить на литературное—и притомъ на журнальное—поприще. Письмо Одоевскаго написано еще при жизни матери Александра Ивановича, скончавшейся въ концѣ 1835 года и, какъ видно по обстоятельствамъ, въ немъ излагаемымъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Александра Ивановича изъ Петербурга. Въ письмѣ, между прочимъ, значится: „Планъ „Годовика" присылай ко мнѣ; въ томѣ, кромѣ содержанія, надобно означить, откуда какія статьи будутъ почерпаемы. О статистическихъ свѣдѣніяхъ надобно подать просьбу въ мин. внутр. дѣлъ, а объ экс-

трактахъ изъ указовъ — въ мин. юстиціи. — Д. Н. Блудову не нравится названіе; онъ нѣкогда самъ имѣлъ мысль издавать подобную книгу подъ названіемъ *Современный Лѣтописецъ*,—названіе, которое я самъ рекомендую". Къ сожалѣнію, въ письмахъ Одоевскаго очень мало свѣдѣній о немъ самомъ. Есть любопытный отрывокъ письма, съ надписью „одному Кошелеву", изображающій тревожное настроеніе Одоевскаго.

Изъ этого письма видно, между прочимъ, что одно изъ лучшихъ произведеній кн. Одоевскаго, повѣсть „Себастіанъ Бахъ", есть выраженіе внутренняго состоянія собственной его души. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: „Ты удивишься, когда узнаешь, что мои арлекинскія сказки я писалъ въ самыя горькія минуты моей жизни: послѣ этого не упрекай же меня въ слабости характера,—это дѣйствіе было сильнымъ торжествомъ воли, къ которому не многіе могутъ быть способны. Въ это время я успѣлъ перейти всѣ степени нравственнаго страданія; по странному стеченію обстоятельствъ, долженъ былъ дѣйствовать прямо противъ себя, и утѣшаетъ меня одно, что я въ семъ случаѣ поступилъ хорошо и благородно. Когда увидимся, тогда все разскажу тебѣ. Одинъ разъ я позволилъ себѣ увлечься горемъ, и „Бахъ" есть слабый отпечатокъ того, что̀ происходило въ душѣ моей. Пожалѣй обо мнѣ: фактически часть моей жизни растерзана, глубокое чувство подавлено, а отъ этой борьбы, что̀ ни говори, душа всегда остается въ потерѣ: на такую борьбу она истрачиваетъ лучшія свои силы, и это ослабленіе я чувствую". Есть цѣлое письмо Одоевскаго (29 августа, года не означено) о музыкѣ: „Мнѣ бы хотѣлось завести музыкально-археологическую переписку, которая бы могла печататься въ „Русской Б—дѣ" и была бы не безъ интереса для всѣхъ, ибо русская музыка—сокровище не початое. Я бы пригласилъ и Львова, и Улыбышева, и было бы то дѣло и новое, и подлинно русское (по моимъ мнѣніямъ), ибо музыка—единственное изъ искусствъ, которое, какъ извѣстная цифра, входитъ въ *иксъ*, называемый русскою народностію. Богъ отказалъ намъ и въ живописи, и въ архитектурѣ, и самая поэзія наша существуетъ только при милости музыки, образовавшей даже и гармоничность нашего языка. Хоть вы съ Хомяковымъ и брезгуете музыкою, но она все-таки единственная щелочка, сквозь которую можно заглянуть въ русскую душу. Между прочимъ, лишь посредствомъ музыки можно объяснить разныя

особенности въ филологическомъ организмѣ нашего языка, о чемъ до сихъ поръ никто не помышлялъ. Ты этого не поймешь безъ примѣра: есть физіологическія условія, по которымъ, при томъ или другомъ изворотѣ мелодіи, невольно выговаривается *а* или *о* и—наоборотъ. Многіе изъ такихъ буквенныхъ измѣненій перешли въ *говорковый* языкъ изъ *пѣтыхъ* пѣсенъ; ритмъ пѣсенъ сократилъ или продолжилъ многія слова, независимо отъ ритма стихотворнаго, и проч. и проч. Но все это требуетъ разработки и соединеннаго участія нѣсколькихъ лицъ, ибо по этой части отдѣльныя знанія каждаго весьма скудны". О своихъ служебныхъ занятіяхъ Одоевскій писалъ вскорѣ послѣ перехода въ 8-й департаментъ сената въ Москвѣ (8 іюня 1863 г.): „Нынче не я одинъ, многіе другіе сенаторы, не какъ встарь, *дѣйствительно* читаютъ дѣла; секретари не могутъ надивиться и не всѣ изъ нихъ довольны этою сенаторскою любознательностію". Не даромъ Александръ Ивановичъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", такъ охарактеризовалъ своего покойнаго друга: „Отличительнымъ свойствомъ кн. Одоевскаго было, что онъ прежде всего и болѣе всего былъ человѣкъ, братъ всякаго человѣка. Узнавать все до человѣчества относящееся и могущее быть для него пригоднымъ, дѣйствовать на пользу своихъ собратій и помогать ближнему и совѣтомъ, и дѣломъ, и своими небольшими достатками—было дѣломъ всей его жизни.... Одоевскій глубоко, благоговѣйно уважалъ свободу личности всякаго человѣка и никогда не позволялъ себѣ рыться въ чужой совѣсти. Въ самыхъ искреннихъ бесѣдахъ онъ никогда и ни о комъ не говорилъ дурно,—напротивъ, всегда старался отыскивать лучшія побужденія, которыя могли заставить людей дѣйствовать такъ или иначе,—и особенное наслажденіе онъ находилъ въ защитѣ обвиняемыхъ".

Центръ интимнаго кружка, какъ я сказалъ уже, составлялъ Д. А. Веневитиновъ. Родъ Веневитиновыхъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. По изслѣдованіямъ М. А. Веневитинова, родъ предковъ его происходитъ изъ служилыхъ людей Московскаго государства, поселенныхъ на Украинѣ, или порубежной линіи, въ Веневѣ, гдѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича упоминаются, подъ начальствомъ большихъ бояръ и воеводъ, служилые люди, дворяне, дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки. При заселеніи Воронежской губерніи туда переводились служилые люди, сохранившіе память о своей прежней родинѣ въ родовомъ

своемъ прозваніи, какъ, напримѣръ, Веневитиновъ — изъ Венева. Въ Воронежѣ Веневитиновы появились еще въ началѣ XVII столѣтія. Атаманъ воронежскихъ дѣтей боярскихъ Терехъ, т.-е. Терентій, Веневитиновъ упоминается въ 1622, 28 и 29 годахъ и былъ пожалованъ землями въ городскихъ воронежскихъ дачахъ. Отъ него происходятъ всѣ воронежскіе дворяне Веневитиновы. Родителямъ Д. А. Веневитинова принадлежало большое имѣніе въ Воронежской губерніи. Родился онъ въ Москвѣ 14 сентября 1805 г. Объ отцѣ Веневитинова не встрѣчается никакихъ біографическихъ свѣдѣній; Веневитиновъ потерялъ отца въ раннемъ дѣтствѣ и своимъ образованіемъ обязанъ матери. Мать Веневитинова, Анна Николаевна, рожденная княжна Оболенская, принадлежала къ числу высоко-нравственныхъ, серьезныхъ и искренне вѣрующихъ женщинъ, которыхъ мы постоянно встрѣчаемъ въ кружкѣ занимающихъ насъ людей и которымъ обязаны своимъ первоначальнымъ развитіемъ лучшіе люди прошедшей эпохи. Подъ вліяніемъ матери, говоритъ г. Пятковскій, чуждымъ мелкихъ стѣсненій и родительской тираніи, освоился нашъ поэтъ съ тою „нравственной свободой", про которую онъ часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ; но эта свобода, дававшая полный просторъ самобытному развитію ребенка, не исключала систематическаго, но согрѣтаго нѣжно-любящимъ сердцемъ матери вліянія, которое устраняло въ молодые годы опасности соблазна и направляло молодую душу къ стремленіямъ нравственнымъ и возвышеннымъ. Такъ мать до 17 лѣтъ не пускала Веневитинова въ театръ; но въ то же время она соединяла въ своемъ домѣ общество образованныхъ и выдающихся людей, такъ что домъ ея былъ однимъ изъ тѣхъ московскихъ салоновъ, куда охотно собирались литераторы и художники, гдѣ Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, читалъ своего „Бориса Годунова" и получилъ за это замѣчаніе отъ гр. Бенкендорфа. Обученіемъ своего сына мать Веневитинова сама занималась до восьмилѣтнаго возраста, а затѣмъ, по господствовавшему тогда обычаю, пригласила француза гувернера Дорёра. Выборъ этотъ, какъ видно, былъ сдѣланъ осторожно и сознательно: отставной капитанъ французской службы, эльзасецъ Дорёръ, умный и образованный, имѣлъ хорошее вліяніе на Веневитинова. Между прочимъ, преподаваніе свое онъ началъ съ латинской грамматики и на первыхъ же порахъ познакомилъ Веневитинова съ классическою литературой. Горацій и Виргилій

не сходили съ рабочаго стола Веневитинова и онъ 14 лѣтъ уже пробовалъ свои силы на переводахъ стихами изъ этихъ поэтовъ: сохранился и напечатанъ въ его сочиненіяхъ небольшой отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ, относящійся къ этому раннему его возрасту. Классическое образованіе Веневитинова дополнено было приглашеніемъ, нѣсколько уже позже, преподавателемъ греческаго языка грека Байло, о которомъ мы говорили выше. Судя по тому, что Кошелевъ и Веневитиновъ хорошо выучились по-гречески и оба пристрастились къ древней греческой литературѣ, надо думать, что Байло былъ хорошимъ педагогомъ и умѣлъ въ свои уроки внести живые элементы, такъ что развивающее его вліяніе на учениковъ несомнѣнно. По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, мать Веневитинова приглашала къ себѣ на домъ учителей; кто они были — неизвѣстно, но, повидимому, они особеннаго вліянія на Веневитинова не имѣли. Несмотря на уроки француза-гувернера и вопреки тогда уже отживавшей, но все-таки сохранившейся модѣ, Веневитиновъ чувствовалъ мало расположенія къ французской поэзіи; онъ остановился только на одномъ изъ новѣйшихъ, для его времени, и болѣе задушевномъ поэтѣ — Грессе; изъ него Веневитиновъ довольно близко къ подлиннику перевелъ стихотвореніе „Вѣточка". Знакомство съ нѣмецкою поэзіей г. Пятковскій приписываетъ гувернеру Дорёру, но едва ли это вѣрно при полномъ равнодушіи образованныхъ французовъ къ иноземной литературѣ. Гораздо правдоподобнѣе видѣть здѣсь вліяніе Герке, съ которымъ, какъ видно изъ писемъ, Веневитиновъ близко сошелся. Герке былъ нѣмецъ, родившійся въ Москвѣ и окончившій тамъ университетскій курсъ въ 1793 году; онъ былъ гувернеромъ старшаго брата Д. А. Веневитинова, умершаго въ дѣтствѣ, и съ тѣхъ поръ остался другомъ дома, вполнѣ преданнымъ семейству Веневитиновыхъ. Герке былъ человѣкъ живой и интересующійся литературою и поэзіею; въ посланіи къ нему Веневитиновъ, между прочимъ, говоритъ: блаженъ

Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И разумъ съ пламенной душой.

Но нельзя не принять въ этомъ случаѣ въ соображеніе и тогдашнее состояніе московской журналистики, о которомъ мы уже

говорили: вообще она занималась нѣмецкою литературой если не болѣе, то наравнѣ съ французскою, причемъ, именно во время ученья Веневитинова, Каченовскій въ „Вѣстникѣ Европы“ познакомилъ читателей съ Байрономъ и издалъ отдѣльною книгой свои переводы твореній Байрона съ французскаго. Веневитиновъ, смолоду любившій чтеніе, по всей вѣроятности былъ знакомъ съ лучшими московскими журналами, гдѣ оригинальная русская литература того времени мало представляла пищи для такой даровитой натуры, и только „Исторію государства Россійскаго“ Карамзина Веневитиновъ прочелъ съ жадностью, какъ большинство современныхъ грамотныхъ людей, молодыхъ и старыхъ. Поэтому поэтическая дѣятельность Веневитинова остановилась преимущественно на нѣмецкой литературѣ и на самомъ крупномъ ея представителѣ того времени — на Гёте. Замѣчательно, что, по словамъ Анненкова, Веневитиновъ обратилъ вниманіе на Гёте Пушкина, который плохо зналъ по-нѣмецки. — Послѣ домашняго воспитанія Веневитиновъ въ 1820 году поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ. Здѣсь на него подѣйствовали въ особенности Мерзляковъ, о которомъ часто Веневитиновъ вспоминалъ съ сочувствіемъ и впослѣдствіи, несмотря на то, что онъ первый печатно выступилъ противъ его теоріи, и Павловъ, который во время поступленія Веневитинова въ университетъ только-что вернулся (въ 1820 г.) изъ-за границы и началъ свои блестящія лекціи. Въ числѣ другихъ профессоровъ Веневитиновъ посѣщалъ лекціи анатоміи извѣстнаго профес. Лодера, отличавшагося живостью и ясностью своего изложенія. Въ этомъ случаѣ онъ сошелся съ кн. Одоевскимъ, который, какъ мы видѣли, уже закончивши свое образованіе, также посѣщалъ аудиторію профес. анатоміи. Въ университетѣ Веневитиновъ близко сошелся съ Рожалинымъ. Начитанный и прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, Рожалинъ также имѣлъ, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на пристрастіе Веневитинова къ нѣмецкой поэзіи: Гёте и для Рожалина былъ излюбленнымъ поэтомъ. Кромѣ того Рожалинъ первый настойчиво указалъ Веневитинову на Шекспира, котораго послѣдній изучалъ по нѣмецкимъ переводамъ Авг. Шлегеля, такъ какъ Веневитиновъ не зналъ англійскаго языка (Пятковскій). Памятью отношеній Рожалина къ Веневитинову остались два посланія послѣдняго, гдѣ Веневитиновъ открываетъ своему другу внутреннее состояніе своей души, именно въ тѣ минуты,

когда постигали его невзгоды и разочарованія. Въ первомъ посланіи (1824 г.) Веневитиновъ говоритъ:

Обманутый и небомъ и мечтою,
Я проклялъ жребій и мечты...
Но издали манилъ мнѣ ты.
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ
И съ сладкой жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

Смыслъ этихъ словъ объясняется тѣмъ, что молодой и впечатлительный Веневитиновъ былъ разочарованъ въ одномъ близкомъ человѣкѣ, въ которомъ онъ долгое время заблуждался, и именно въ эту пору онъ радостно ухватился за симпатію другаго друга, остававшагося ему вѣрнымъ до самой смерти. Изъ втораго посланія видно, что Веневитиновъ и Рожалинъ были сходны по характеру: оба они были идеалисты, оба требовали отъ жизни того, чего обыкновенно она не даетъ, и терпѣли разочарованіе. Посланіе свое поэтъ начинаетъ обращаясь съ совѣтами къ Рожалину:

Оставь, о другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищетъ вчужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.
Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.

Затѣмъ, повѣдавъ другу длинный и скорбный рядъ собственныхъ страданій и разочарованій, поэтъ, припоминая указанія Рожалина, заключаетъ свое посланіе слѣдующимъ замѣчательнымъ отрывкомъ о Шекспирѣ:

Но нѣтъ, не все мнѣ измѣнило:
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ,—
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ.
Его бесѣды и уроки
Ловлю вниманьемъ жаднымъ я:
Они и ясны и глубоки,
Какъ будто волны бытія:

Въ его фантазіи богатой
Я полной жизнію ожилъ
И ранній опытъ не купилъ
Восторговъ раннею утратой.
Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но, какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни ткань.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань,
Какъ гордому владыкѣ міра:
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира?

Кромѣ наукъ, Веневитиновъ оказалъ замѣчательныя способности къ музыкѣ и живописи. По словамъ князя Одоевскаго, Веневитиновъ былъ отличный музыкантъ и читалъ всѣ теоретическія сочиненія о музыкѣ, что тогда, а особенно въ Москвѣ, было рѣдкостью. Вообще кружокъ образованной московской молодежи, наравнѣ съ наукой и литературой, предавался эстетическимъ наслажденіямъ искусствами и въ особенности музыкою. Къ этому кружку принадлежалъ музыкантъ и композиторъ Геништа. Погодинъ сошелся съ нимъ, когда онъ проживалъ вмѣстѣ въ Знаменскомъ у кн. Трубецкихъ: Геништа былъ человѣкъ образованный и интересовавшійся философскими вопросами: въ его библіотекѣ, по словамъ Погодина, было полное собраніе сочиненій Руссо. Ученикъ знаменитаго Гесслера, Геништа старался знакомить на своихъ концертахъ московскую публику съ классическою нѣмецкою музыкой: одинъ изъ такихъ концертовъ съ восторгомъ описанъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ". Геништа кромѣ того клалъ на музыку стихи современныхъ поэтовъ: такъ имъ написана музыка къ пѣснѣ „Черкешенки" въ поэмѣ Пушкина „Кавказскій плѣнникъ". Геништа былъ свой человѣкъ на вечерахъ княгини Волконской и въ домѣ Веневитиновыхъ. Къ этому же кружку принадлежалъ А. Н. Верстовскій: кн. Одоевскій помѣстилъ въ „Вѣст. Евр." за 1824 г. нѣсколько словъ о кантатахъ Верстовскаго (1824, ч. 139, стр. 64—69).

Мы видѣли, какъ рано Веневитиновъ началъ свое поэтическое поприще. Шестнадцати лѣтъ онъ написалъ посланіе „Къ друзьямъ", гдѣ, отвергая славу, общее тогда для дворянства стремленіе къ воинскимъ почестямъ и наслажденіе богатствомъ и роскошью поэтъ говоритъ, что онъ

Веселъ участью своею
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Эти первые друзья молодости Веневитинова были Ф. Я. Скарятинъ, даровитый художникъ, которому обязана своимъ учрежденіемъ Московская школа живописи и ваянія, и Ф. С. Хомяковъ, братъ Алексѣя Степановича. Черезъ два года послѣ слушанія университетскихъ лекцій Веневитиновъ выдержалъ установленный указомъ 1809 года экзаменъ и поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, одновременно съ товарищами, составившими тѣсный между собою кружокъ. До поступленія своего въ кружокъ шеллингистовъ Веневитиновъ *исключительно* занимался литературою и писалъ стихи, хотя онъ не покидалъ этого занятія и впослѣдствіи, до самой смерти. Характеръ своей поэзіи Веневитиновъ опредѣлилъ самъ въ замѣчательной своей статьѣ, о которой мы уже упоминали: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала". „Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ,—говоритъ Веневитиновъ,—есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя піитическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были *глубокими мыслителями*, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: *у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія*". Оттого поэтъ Веневитиновъ былъ совсѣмъ не похожъ на другихъ современныхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ исключительно любовь, красавицъ и вино. Въ этомъ отдавали ему справедливость и современники, которые назвали его *поэтомъ мысли*. Бѣлинскій, который высоко цѣнилъ Веневитинова, замѣтилъ, что *онъ только одинъ*

могъ согласить мысль съ чувствомъ, идею съ формою (Соч., I, 95). Г. Пятковскій говоритъ, что бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій, по всей вѣроятности, впервые навели Веневитинова на занятіе философіей. Можетъ-быть это и такъ, но изъ переписки Веневитинова съ А. И. Кошелевымъ видно, что свое философское образованіе Веневитиновъ выработалъ въ своемъ кружкѣ, гдѣ тому же дѣлу предались съ жаромъ всѣ товарищи. Въ концѣ августа или началѣ сентября 1825 года Веневитиновъ пишетъ Кошелеву, что онъ не успѣлъ въ теченіе лѣта приняться за чтеніе Шеллинговой „Натуральной философіи": „Меня попеременно развлекали—то неожиданный пріѣздъ Хомякова, то дѣла, то собственныя маранья, критика и пр. Теперь я занимаюсь гораздо постояннѣе и прилежнѣе прежняго и положилъ посвятить нѣсколько мѣсяцевъ Платону и Окену. Къ Платону начинаю привыкать, читаю его довольно свободно и не могу надивиться ему, надуматься надъ нимъ. Вотъ идеалистъ! Изъ Окена доставлю вамъ на дняхъ переводъ. Я избралъ для сего его „Теософію" и увѣренъ, что она приведетъ васъ въ восторгъ, тѣмъ болѣе, что вы теперь занимаетесь математикой, а у него вся система зиждется на сей наукѣ. И какая мысль: о Богѣ говорить высшею математикой, которая теперь въ моихъ глазахъ самый блестящій, самый совершенный плодъ на древѣ человѣческихъ познаній! Выраженія мнѣ часто измѣняютъ при переводѣ Окена; но меня то ободряетъ, что, можетъ, намъ предоставлено имѣть хоть нѣсколько вліянія на образованіе нашего ученаго языка. Образованіе весьма нужное!"

Изъ печатныхъ философскихъ статей Веневитинова извѣстны: отрывокъ, прочтенный имъ въ своемъ кружкѣ, „Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ" (стр. 151) и „Письма къ графинѣ N о философіи" (174), начало философской переписки его съ кн. А. И. Трубецкой, гдѣ Веневитиновъ намѣренъ былъ понятнымъ и простымъ языкомъ изложить общія начала философіи. Изъ этихъ отрывковъ видно, что Веневитиновъ понималъ философію въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, какой придавали ей нѣмецкіе философы, начиная съ Канта. Содержаніе ея есть „познаніе — не устремленное на какой-нибудь особенный предметъ, но познаніе — какъ простое дѣйствіе ума, свойственное всѣмъ наукамъ, какъ простая *познавательная способность*, причемъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся". Замѣчательно стремленіе автора свести фило-

софію съ ея учено-педантическаго пьедестала: „если я на одну минуту перестану быть яснымъ,— говоритъ Веневитиновъ,— то изорвите мое письмо, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ". Въ критикѣ Веневитиновъ примыкаетъ къ новѣйшей ея школѣ, впервые заявленной, какъ мы видѣли, Кюхельбекеромъ. Въ полемической статьѣ съ Полевымъ, разбирая только-что появившуюся тогда первую главу „Онѣгина", Веневитиновъ находитъ, что Евгеній Онѣгинъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ Байрономъ, который „въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка" и является міровымъ поэтомъ, произведшимъ эпоху въ литературной исторіи человѣчества. Возраженіе Веневитинова противъ народности типовъ, выведенныхъ въ Онѣгинѣ, мы уже видѣли; впослѣдствіи, разбирая напечатанную въ „Московскомъ Вѣстникѣ" сцену Пимена съ Григоріемъ изъ „Бориса Годунова", Веневитиновъ замѣтилъ новое направленіе въ поэзіи Пушкина: „Нынѣ поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, совершенно окончено. Независимость его таланта — вѣрная порука его зрѣлости. Эта сцена своей простотой и энергіей можетъ быть смѣло поставлена на ряду со всѣмъ, что ни есть лучшаго у Шекспира и Гёте". Замѣчательно, что самъ Пушкинъ обратилъ вниманіе именно на статью Веневитинова по поводу „Евгенія Онѣгина": „Это единственная статья,— говоритъ онъ,—которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ; все остальное— или брань, или переслащенная дичь". По поводу этой статьи Пушкинъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, просилъ познакомить его съ Веневитиновымъ. Немедленно послѣ знакомства Веневитиновъ близко сошелся съ Пушкинымъ, что М. А. Веневитиновъ, кромѣ внутренней симпатіи обоихъ даровитыхъ людей, приписываетъ ихъ родственнымъ связямъ, такъ какъ въ то время даже отдаленныя родственныя связи имѣли большое значеніе для взаимнаго сближенія. Біографическія свѣдѣнія о Веневитиновѣ не полны безъ объясненія одного изъ важнѣйшихъ эпизодовъ его московской жизни. Сложилась легенда, будто Веневитиновъ питалъ глубокую и безумную страсть къ кн. З. Волконской,—страсть, которая заставила его покинуть Москву и броситься въ Петербургъ въ разгаръ всевозможныхъ развлеченій, чтобы заглушить душевныя страданія,— развлеченій, которыя были одною изъ главныхъ причинъ его преждевременной кончины. Легенда эта, изображающая Веневитинова

въ видѣ одного изъ тѣхъ пустыхъ и жалкихъ романтическихъ героевъ, которые встрѣчались часто на страницахъ старыхъ романовъ и для которыхъ въ жизни не существовало ничего, кромѣ любовной тоски и отвращенія отъ жизни, болѣе или менѣе подсказывается во всѣхъ его біографіяхъ. Племянникъ покойнаго, М. А. Веневитиновъ, на основаніи интимной переписки покойнаго и семейныхъ преданій, въ „Русскомъ Архивѣ" возстановилъ истину и снялъ съ своего дяди не особенно лестное пятно, которое постарались на него набросить слишкомъ усердные біографы. Дѣло въ томъ, что любовь къ кн. Волконской, повидимому, запала въ сердце Д. А. Веневитинова и, при отъѣздѣ, присоединилась ко всѣмъ сожалѣніямъ, навѣяннымъ разлукою съ Москвой, гдѣ Веневитиновъ покидалъ семью, друзей и привычную обстановку. Это, естественно, и заставило Веневитинова высказать въ письмѣ изъ Петербурга: „Москву оставилъ я какъ шальной; не знаю, какъ не сошелъ съ ума". Но любовь эта была платоническая, не раздѣленная и не переходившая за границы самыхъ строгихъ свѣтскихъ приличій. Веневитиновъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ, какъ скоро открылась вакансія въ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ же просто и сознательно, какъ это сдѣлалъ А. И. Кошелевъ, какъ дѣлали всѣ, кто разсчитывалъ на продолженіе дипломатической карьеры. Петербургъ встрѣтилъ Веневитинова (въ началѣ октября 1826 г.) очень недружелюбно: при самомъ въѣздѣ онъ былъ арестованъ и просидѣлъ двое или трое судокъ въ III Отдѣленіи, что́ не осталось безъ вліянія и на его слабую физическую организацію, и на нравственное настроеніе. Поводомъ къ аресту было то, что Веневитиновъ и Ф. С. Хомяковъ пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ библіотекаремъ гр. Лаваля, французомъ Воше, возвращавшимся изъ Сибири, куда онъ отвозилъ жену декабриста, княг. Е. И. Трубецкую, урожденную графиню Лаваль. Правительство въ то время строго слѣдило за всѣми сношеніями сосланныхъ декабристовъ и обратило вниманіе на возвращавшагося изъ Сибири Воше, участь котораго, до разъясненія дѣла, раздѣлилъ и сидѣвшій съ нимъ въ одномъ экипажѣ случайный и непричастный къ дѣлу спутникъ. Изъ писемъ Веневитинова къ сестрѣ и другихъ документовъ видно, что жизнь Веневитинова въ Петербургѣ сложилась совершенно нормально и нѣтъ ни малѣйшаго признака, по чему можно бы было заключить, что онъ намѣренно искалъ развлеченій, чтобы забыться

отъ внутренней тревоги. Веневитиновъ помѣстился вмѣстѣ съ Хомяковымъ, своимъ неизмѣннымъ другомъ отъ ранней юности и до могилы, посѣщалъ балы и маскарады, но это было обыкновеннымъ слѣдствіемъ его общественнаго положенія, родственныхъ связей и знакомствъ въ высшемъ кругу, а также возраста, не пренебрегающаго этими развлеченіями, и прежнихъ привычекъ. Но любимымъ обществомъ Веневитинова были литераторы, изъ которыхъ многіе встрѣтили его очень дружелюбно. Въ особенности Веневитиновъ сошелся съ Дельвигомъ и затѣмъ съ Козловымъ; въ письмахъ къ сестрѣ онъ упоминалъ о свиданіи своемъ съ Катенинымъ, который ему очень не понравился и котораго онъ назвалъ пустымъ и болтуномъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, въ декабрѣ, Веневитиновъ писалъ: „я дружусь съ моими дипломатическими занятіями, молю Бога, чтобы поскорѣе былъ заключенъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями". При этомъ Веневитиновъ находилъ время заниматься литературою: всѣ лучшія его стихотворенія написаны въ Петербургѣ. Все это не оставляетъ сомнѣнія, что московская любовь не возмущала настолько душу поэта, чтобы убить въ его глазахъ цѣну жизни. Если передъ смертью чувство вспыхнуло ярче обыкновеннаго и вылилось въ нѣсколькихъ стихахъ, напоминающихъ тревожную и вырывающуюся наружу страсть, то это было физіологическимъ слѣдствіемъ безпокойнаго состоянія умирающаго, когда образы прошедшаго, принимая фантастическіе размѣры, возмущаютъ спокойное и нормальное отношеніе къ окружающему. Въ перепискѣ съ сестрою и матерью Веневитиновъ каждый разъ даетъ порученія къ кн. Волхонской, но порученія эти, доказывающія отсутствіе прямыхъ сношеній, также не выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ сношеній хорошихъ знакомыхъ. Физическая природа Веневитинова была давно потрясена: въ Москвѣ онъ застудилъ корь и получилъ расположеніе къ простудѣ, которая — при его небрежномъ отношеніи къ себѣ въ этомъ случаѣ—свела его въ могилу. Веневитиновъ занемогъ воспаленіемъ, вслѣдствіе простуды, еще въ декабрѣ 1826 года, а въ мартѣ 1827 года онъ окончательно простудился послѣ бала у Ланскихъ и 15 марта скончался. Во время болѣзни Веневитиновъ былъ въ постоянномъ поэтическомъ возбужденіи, такъ что сохранилось нѣсколько набросанныхъ карандашомъ отрывковъ. Возбужденіе было въ немъ такъ сильно, что всѣ свои

мысли высказывалъ онъ окружающимъ друзьямъ въ стихахъ. Въ Петербурѣ Веневитиновъ хотѣлъ написать романъ, котораго планъ сообщилъ онъ самымъ близкимъ друзьямъ. Въ этомъ романѣ Веневитиновъ желалъ въ простой, но рельефной картинѣ изложить свой поэтически-философскій взглядъ на жизнь. Долго, пока друзья не разбрелись по разнымъ сторонамъ, сохранялся трогательный обычай: въ день кончины Веневитинова вечеромъ собирались они на грустный пиръ и въ числѣ приборовъ, предназначенныхъ для наличныхъ собесѣдниковъ, ставился одинъ *пустый*, въ память усопшаго ([13]). Эта неумиравшая память объясняется глубоко-симпатичною личностью Д. А. Веневитинова. Въ коротенькой біографіи Веневитинова, помѣщенной въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Плюшара и написанной П. А. Плетневымъ, знавшимъ въ Петербургѣ Веневитинова, характеръ его опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: „вѣрный и независимый вкусъ, благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское простосердечіе и знаніе потребностей лучшаго общества, *дружелюбіе и мечтательность*—такъ плѣнительно сливались и обнаруживались въ немъ, что узнавъ его нельзя было не любить. Въ его сердцѣ, также какъ и въ умѣ, соединялось все лучшее. По чистотѣ собственныхъ чувствованій, онъ былъ довѣрчивъ и съ удовольствіемъ дѣлился всѣми благами души своей".

Близкія сношенія Александра Ивановича съ Веневитиновымъ относятся къ эпохѣ служенія ихъ въ архивѣ (1823 — 1826 гг.). Въ это время лѣтомъ, когда оба они разъѣзжались по своимъ усадьбамъ, между друзьями происходила оживленная переписка, изъ которой уцѣлѣло нѣсколько писемъ Веневитинова къ Кошелеву. Вотъ письмо изъ Москвы, отъ 25 іюня 1825 года: „Вы видите, любезный другъ Александръ Ивановичъ, что я не медлю отвѣчать на ваше письмо. Вчера его получилъ, а сегодня уже готовъ отвѣтъ. Не воображайте себѣ, чтобы такая поспѣшность происходила отъ излишней точности,—нѣтъ! Вамъ извѣстно, что это не моя слабость; но я съ вами давно не видался, давно не сообщался мыслями, и такъ поговорить-то хочется.—Чего бы я не далъ, чтобы видѣть Александра Ивановича въ новомъ его мірѣ, гдѣ онъ сочетаетъ всѣ веселія сельской жизни, всѣ наслажденія эстетическія съ важною опредѣленностью математика, гдѣ посвящаетъ золотое время свое природѣ, Шеллингу и Франкеру и, пере-

нося живыя чувства, эти цвѣты молодости, съ полей воображенія въ область разсудка, готовитъ себѣ обильную жатву. Продолжайте, сказалъ бы я ему,—эти наслажденія не потеряны. Кого не румянила заря жизни, тотъ жизни никогда не зналъ. Но что дѣлаютъ между тѣмъ ваши друзья въ Москвѣ?—Точно то же, что и прежде дѣлали? Такъ же поздно приходятъ въ архивъ, забывая примѣры Кошелева и Мещерскаго. Но, къ несчастію, успѣхъ ободряетъ мою лѣнь. Вы знаете, какъ я мало трудился надъ годомъ своимъ (*служащіе въ архивѣ обязаны были каждый составить годъ дипломатическихъ сношеній съ извѣстнымъ государствомъ*) и онъ, кажется, самъ собою достигъ благополучнаго окончанія. Кому слава?—не знаю. Но объ этомъ не безпокоюсь.—Послѣднихъ нумеровъ „Телеграфа" я почти не читалъ, т. е. почти, оттого что прочелъ статью кн. Вяземскаго о замѣчаніяхъ Давыдова на 3 статьи въ „Записк. Наполеона". Статья любопытная не столько по мыслямъ Вяземскаго объ этой книжкѣ, какъ по выпискамъ изъ Давыдова. Вотъ воинъ-поэтъ! Какое сильное чувство любви къ отечеству, и какъ видно, что это чувство въ немъ не предразсудокъ! Прочтите самую книжку и вы будете въ восхищеніи. Еще изъ „Телеграфа" знаю я статью Одоевскаго, я читалъ ее у него въ рукописи. Каково отдѣлалъ онъ Дмитріева? Эти критики не намъ чета. Рубятъ хладнокровно и рады срубить голову у своей жертвы; а мы довольны и тѣмъ, что скажемъ, что нашъ противникъ всегда былъ безъ головы; и то бранитъ кн. Черкасскій.—Я не забылъ своего обѣщанія и сегодня пошлю статью свою противъ Мерзлякова къ вамъ въ домъ, чтобъ она къ вамъ была переслана. Вы едва ли ее прочтете,—такъ намарано; но что дѣлать, переписывать некогда. Она въ нынѣшнемъ нумерѣ должна быть напечатана. Другая же еще не поспѣла. Я хочу ее послать къ Бестужеву,—онъ у меня ее просилъ,—только дайте еще вылежаться".

Веневитиновъ дѣлился съ Александромъ Ивановичемъ своими философскими занятіями. Такъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ онъ говоритъ: „Вы не ждали моей посылки, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, но я случаемъ получилъ на короткое время 1820 годъ журнала Окена („Isis") и не могу не подѣлиться съ вами этимъ сокровищемъ. Сколько статей, которыя бы мы прочли съ вами съ необыкновеннымъ удовольствіемъ! Всего вамъ сообщить невозможно; но зная, что вы прилежно, съ миромъ занимаетесь

математикой, я заключилъ, что вамъ пріятно будетъ видѣть мнѣнія двухъ славныхъ математиковъ-идеалистовъ о сей наукѣ. Для сего и перевелъ я ученый споръ между Вагнеромъ и Блише. Вагнеръ, кажется, такъ пристрастился къ математикѣ, что онъ въ ней видитъ зерно всѣхъ наукъ и изъ нея выводитъ онъ развитіе. Мысль можетъ-быть слишкомъ страстная, но въ наукѣ всякая страсть позволительна и даже назидательна, ибо усилія ума не могутъ быть безполезными; я осмѣлился прибавить свое замѣчаніе къ статьѣ Вагнера и прошу васъ сдѣлать то же". Вотъ еще письмо Веневитинова о философіи. Къ сожалѣнію, письма Александра Ивановича не сохранилось и нельзя опредѣлительно указать, въ чемъ заключался споръ; но письмо разъясняетъ вообще взглядъ Веневитинова на философію: „Я прочелъ письмо ваше съ большимъ удовольствіемъ и вижу, что древо истиннаго познанія пустило въ разсудкѣ вашемъ глубокіе корни,—это не мѣшаетъ, что я еще хочу поспорить; я не выдаю словъ своихъ за истину, но только за искреннее выраженіе своего убѣжденія, и радъ принимать истину изъ устъ другаго. Ваша діалектика очень вѣрна; всѣ ваши доказательства выливаются изъ одного начала; но мнѣ кажется, что вы потеряли изъ виду основной законъ всякой философіи, — главную мысль, на которой она должна держаться. Если цѣль всякаго познанія, цѣль философіи есть гармонія между міромъ и человѣкомъ (между идеальнымъ и реальнымъ), то эта же самая гармонія должна быть *началомъ* всего. Всякая наука, чтобы быть истинною наукою, должна возвратиться къ своему *началу;* другой цѣли нѣтъ. Вы соглашаетесь, что должно воспослѣдовать примиреніе идеальнаго міра съ реальнымъ, но не забывайте, что на этой степени (хотя эта точка—идеалъ) не будетъ уже наука, а будетъ одно—всевѣдѣніе. Теперь я заключу, что эта степень—цѣль философіи—была необходимо ея началомъ. (Трудно будетъ въ письмѣ распространяться объ этомъ, однакожь я постараюсь когда-нибудь развить вамъ всѣ свои понятія объ этомъ положеніи перваго человѣчества.) Книга „Бытія" въ ясной аллегоріи даетъ вамъ понятіе о первомъ состояніи человѣчества, или даже о состояніи первобытнаго человѣка. И подлинно: представьте себѣ, что въ такомъ человѣкѣ всѣ чувства были мысли, что онъ все чувствовалъ,—слѣдовательно, что онъ все зналъ. Не страшитесь сей мысли: она съ перваго взгляда можетъ показаться романтизмомъ, но это отъ то-

го, что я дурно объясняюсь; эта мысль одна можетъ ясно доказать, что человѣкъ носитъ въ душѣ своей весь видимый міръ, что субъектъ совершенно въ объектѣ, что всѣ законы явленій, случаевъ и пр. заключаются въ высокой мысли о законѣ. Если вы съ этимъ согласитесь, то вы ясно допустите, что тогда родилась философія, когда человѣкъ раззнакомился съ природою: такъ и представляю я себѣ разныя эпохи человѣчества. Не жду, чтобы вы согласились на эту мысль по одному письму сему,—я знаю, что оно не можетъ ее доказать; пишите ваши возраженія, но обратите ваше вниманіе на книгу „Бытія". Посмотрите, какъ Богъ бесѣдуетъ съ человѣкомъ съ глазу на глазъ, приводитъ ему всѣхъ животныхъ, и онъ ихъ всѣхъ окинулъ однимъ взглядомъ, всѣмъ далъ имена. Замѣтьте, что первобытный человѣкъ ничему не удивляется въ Раю, онъ какъ будто все постигъ. Это преданіе древнѣйшаго историка (которое, кажется, было преданіемъ всѣхъ народовъ) много объясняетъ. Потомъ пройдите *золотой вѣкъ* древнихъ стихотворцевъ, сравните его съ книгою Моусея, и тогда надѣюсь, что споръ нашъ разрѣшится. Это, конечно, доказательства опытныя, но я въ началѣ письма старался подтвердить свою мысль идеальною философіей, и для того только прибавляю вамъ сіи примѣры, чтобы васъ не устрашали заключенія, которыя въ глазахъ многихъ доказываютъ атеизмъ. Лучшее изданіе Платона есть новое изданіе съ переводомъ латинскимъ („Аста эстетика"). Я недавно купилъ Платона, но усталъ отъ своего изданія,—оно безъ перевода и безъ нотъ (примѣчаній) и тѣмъ очень замедляется чтеніе". Статьи, приготовляемыя къ печати, Веневитиновъ передавалъ на просмотръ Александру Ивановичу и очень цѣнилъ его замѣчанія и возраженія. Такъ, по поводу критической статьи Веневитинова противъ Мерзлякова Александръ Ивановичъ, повидимому, не вполнѣ согласился съ положеніемъ, что Гомеръ былъ философъ. По этому поводу Веневитиновъ пишетъ: „Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за ваши замѣчанія на статью мою. Они всѣ такъ основательны, что еслибъ вы у меня настоятельно требовали отвѣта, то принудили бы меня или согласиться, или написать цѣлую систему. По излишней приверженности къ спорамъ, я бы избралъ можетъ-быть сіе послѣднее средство, тѣмъ болѣе, что мы, безъ сомнѣнія, были бы согласны съ вами въ общихъ началахъ и стоило бы согласиться въ примѣненіяхъ. Былъ ли Го-

меръ философомъ? Вопросъ вамъ не нравится?... Не буду защищать, хорошо ли я выразился въ этомъ случаѣ, постараюсь только объяснить вамъ мысль свою. Мнѣ кажется, ее уже объясняетъ послѣдующее. Стремился ли онъ сосредоточить и развить разсѣянныя понятія религіи? Я вообще раздѣляю всѣ успѣхи человѣческаго познанія на три эпохи: на эпоху эпическую, лирическую и драматическую. Эти эпохи составляютъ эмблему не только всего рода человѣческаго, но жизни всякаго, самого времени. Первая живетъ воспоминаніями; тутъ первенствуетъ не мысль человѣка, а видимый міръ, получаемыя впечатлѣнія. Въ этой первой эпохѣ жили древніе, въ ней писалъ Гомеръ. Она вообще можетъ назваться эпохою *прошедшаго*. Самъ Пиндаръ есть лирикъ совершенно эпическій. Онъ никогда не выходитъ отъ мысли общей, но всегда отъ частнаго; такимъ образомъ объясняю я себѣ греческихъ (и французскихъ) трагиковъ, отъ того соразмѣрности частей у нихъ совершеннѣе. Напротивъ того мы живемъ въ эпохѣ совершенно лирической. Поэмы Клопштока, Байрона суть поэмы эпико-лирическія. Эта эпоха—*настоящаго*. Здѣсь мысль независимо отъ времени выливается изъ души поэта и распложается во всѣхъ явленіяхъ. Такая поэзія неопредѣленна—такъ, какъ сама мысль, какъ самое *настоящее*. Всѣ трагедіи наши суть лирическія. Третья эпоха составится изъ этихъ двухъ—такъ, какъ поэзія драматическая изъ эпической и лирической, какъ будущее (въ мысли человѣка) изъ настоящаго и прошедшаго. Въ этой эпохѣ мысль будетъ въ совершенномъ примиреніи съ міромъ. Въ ней, какъ въ трагедіи, равно будутъ дѣйствовать характеръ человѣка и сцѣпленіе обстоятельствъ. Это будетъ эпоха драматическая. — Возвращаемся къ Гомеру. Переходъ изъ одной изъ сихъ эпохъ въ другую долженъ быть постепеннымъ и во всякой эпохѣ отражаются двѣ другія. Теперь вопросъ, на какой степени стоитъ Гомеръ: философъ ли онъ, т. е. выходитъ ли онъ отъ мысли общей, соединяетъ ли все въ единство? Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не философъ, оттого, можетъ, и выше своихъ послѣдователей; но душа его была въ гармоніи съ природою, ясно отражая впечатлѣнія природы, оттого поэмы его заключаютъ лучшую философію, ибо онѣ ясны и просты, какъ природа. Вы можетъ-быть съ этимъ согласитесь, когда остановитесь на этой мысли: *человѣкъ, чтобы сдѣлаться философомъ, т. е. искать мудрости, необходимо*

долженъ былъ раззнакомиться съ природою, съ своими чувствами. Младенецъ—не философъ".

Вотъ какъ въ письмѣ къ Александру Ивановичу Веневитиновъ описываетъ свои впечатлѣнія послѣ появленія отвѣта Полевого на критику Веневитинова первой главы Онѣгина (перепечатана въ изданіи Пятковскаго, стр. 206 — 212): „Двѣ недѣли не писалъ я къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; другой бы началъ извиненіями, а я вамъ сдѣлаю выписку изъ исторіи этихъ двухъ недѣль, и вы увидите причину, по которой я замедлилъ отвѣчать на ваше письмо. Одну недѣлю мы были въ разъѣздахъ: ѣздили въ деревню къ теткѣ, ѣздили къ графинѣ Пушкиной и писать было невозможно; другая причина — важная, важнѣйшая—вами уже можетъ быть угадана. Взгляните на „Телеграфъ" и имѣйте терпѣніе прочесть длинную, мнѣ посвященную статью; смотрите, съ какою подлостью авторъ во мнѣ предполагаетъ зависть къ извѣстности Пушкина, и судите сами, могъ ли я оставить безъ отвѣта такое обвиненіе тогда, какъ все клянется Пушкинымъ и когда многіе знаютъ, что я писалъ статью на Онѣгина. Вы можете себѣ представить, что я, прочтя эту антикритику, зашагалъ въ комнатѣ, потеръ себѣ лобъ, поломалъ пальцы и взялся за перо. Въ одинъ день вылилась статья—увы!—предлинная и, кажется, убійственная для Полевого; но, прежде нежели ее отправить въ Питеръ, я поклялся впередъ ничего не печатать въ этомъ ничтожномъ журналѣ и выбрать другую сферу дѣйствія, Статья Полевого произвела въ нѣсколькихъ пріятеляхъ негодованіе. Въ доказательство Рожалинъ послалъ въ „Вѣстникъ Европы" славное письмо къ редактору, въ которомъ онъ защищаетъ мои мнѣнія и обличаетъ самозванца-литератора; письмо дѣльное, котораго таланта не стóитъ Полевой и въ которомъ сочинитель умѣлъ скрыть всякое личное участіе. Кирѣевскій въ жару также написалъ не совсѣмъ удачный сборъ колкостей на Полевого, но потомъ разорвалъ написанное. Много пролитыхъ чернилъ! Судите сами о моемъ мараньѣ и о письмѣ Рожалина,—я ихъ сегодня отправлю въ вашъ домъ".

Въ Петербургѣ Веневитиновъ пробылъ всего около полугода и довольно часто встрѣчался съ Александромъ Ивановичемъ въ домѣ графа Лаваль, гдѣ оба они были обычными гостями; но о прежнихъ интимныхъ сношеніяхъ нѣтъ указаній ни въ письмахъ

Александра Ивановича, ни въ его „Запискахъ". Вѣроятно, кругъ знакомства въ Петербургѣ у обоихъ былъ различный, а тѣснаго общаго, какой существовалъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ не составилось. Болѣзнь Веневитинова вызвала теплое участіе Александра Ивановича и онъ умеръ на рукахъ послѣдняго, познакомившагося при этомъ случаѣ съ А. С. Хомяковымъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" Александръ Ивановичъ говоритъ, что въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ имъ съ А. С. Хомяковымъ у постели больнаго Веневитинова, не допускавшаго къ себѣ никого, кромѣ Ф. С. Хомякова, въ третьей комнатѣ, среди тревогъ и страховъ, они много толковали и *спорили* о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о христіанствѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ.

Николай Матвѣевичъ Рожалинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и поименованъ въ числѣ кандидатовъ словеснаго факультета въ 1824 году; въ этомъ году познакомился съ нимъ тамъ М. П. Погодинъ. Изъ записокъ Погодина и Кс. Полевого видно, что Рожалинъ былъ человѣкъ большаго ума и прекрасно образованный: Погодинъ разсказываетъ, что Рожалинъ для какого-то князя написалъ диссертацію и тотъ получилъ за нее золотую медаль. Рожалинъ въ особенности былъ друженъ съ Кирѣевскими и Дм. Веневитиновымъ и находился подъ особымъ покровительствомъ Авд. П. Елагиной. Такимъ образомъ онъ тѣсно примкнулъ къ кружку собиравшемуся около Веневитинова и попалъ въ общество Раича. Рожалинъ въ первый годъ изданія „Московскаго Вѣстника" (1827) принималъ въ немъ дѣятельное участіе переводами и помѣстилъ нѣсколько рецензій на выходившія книги ([14]). Что касается до рецензій, то онѣ самыя заурядныя. Такъ, напримѣръ, разбирая вновь вышедшій томъ стихотвореній гр. Хвостова, Рожалинъ ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Что можетъ прибавить разборъ нашъ къ той славѣ, которою сочинитель давно уже пользуется въ нашемъ литературномъ мірѣ? Ежели любители поэзіи прочтутъ пятый томъ его стихотвореній, то найдутъ въ немъ точно тѣ же признаки, какими отличается прежде вышедшее четырехтомное ихъ собраніе" („Моск. Вѣстн.", IV, 84). И это вовсе не иронія. Впрочемъ Рожалинъ тяготился журнальною работой. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу онъ, между прочимъ, говорилъ: „Журнальныя занятія совсѣмъ мнѣ не по вкусу: онѣ слишкомъ разно-

родны, и все — къ сроку, наскоро. По-моему, это останавливаетъ образованіе серіозное и образуетъ только шарлатановъ". Единственный капитальный трудъ, оставшійся послѣ Рожалина, есть переводъ соч. Гёте: „Страданія юнаго Вертера"; книга эта издана была А. А. Елагинымъ и, по свидѣтельству Кирѣевскаго, быстро расходилась: переводъ, для своего времени, замѣчательно хорошій. Выборъ этой книги, конечно, не былъ случайный: героя нѣсколько напоминалъ характеромъ и самъ Рожалинъ,—впечатлительный, отыскивающій идеальныхъ привязанностей, часто переходившихъ въ разочарованіе и наполнявшихъ его душу страданіемъ. По крайней мѣрѣ нельзя не заключить этого изъ характеристики Рожалина, попадающейся въ перепискѣ Кирѣевскаго: „Рожалинъ не понимаетъ того, что нельзя разсчесть умомъ, когда чувство не наведетъ на этотъ разсчетъ"... „Уединеніе можетъ сдѣлать его не то что мизантропнѣе, а людебоязненнѣе, хотя онъ способенъ къ тому и другому"... „Видно у Рожалина были добрые пріятели, которые такъ его ласкали иголочками, потому что мы до сихъ поръ не можемъ навести на прежнюю колеину, хотя и стараемся каждый своимъ манеромъ: я — философствованіемъ, а Петруха — своимъ простымъ, дружескимъ, откровенно-деликатнымъ обращеніемъ".

За границу Рожалинъ отправился въ концѣ мая 1828 года съ женою Кайсарова, въ качествѣ гувернера. Кн. Волконская и Жуковскій надавали ему рекомендацій во всѣ европейскіе города. Шевыревъ 29 мая 1829 года писалъ о немъ Елагиной изъ Флоренціи: „Въ Веймарѣ я разстался съ нашимъ другомъ съ улыбкой надежды на скорое свиданіе въ Италіи. Теперь, повидимому, онъ слава Богу спокоенъ и доволенъ настоящимъ; одна неизвѣстность будущаго его тревожитъ. Въ Россію ему пока не хочется ни за что и потому его мѣсто на два, на три года непремѣнно въ чужихъ краяхъ. Теперь онъ весь живетъ въ мірѣ греческомъ и латинскомъ, совершенно съ любовью преданъ своему предмету и, судя по настоящимъ занятіямъ, обѣщаетъ намъ Винкельмана или Гейне русскаго. Съ Кирѣевскимъ жить онъ не можетъ, а мы-то на него и надѣялись. Если Кайсарова остается въ чужихъ краяхъ, онъ остается у нихъ и не хочетъ отойти, потому что не хочетъ ей сдѣлать непріятности, и ее уважаетъ, ей благодаренъ. Если же мужъ призоветъ жену въ Россію, онъ непремѣнно отходитъ, и тогда (если не будетъ другаго средства) я бросаюсь въ ноги къ

нашей дорогой княгинѣ (кн. Зин. Ал. Волконской, съ которой путешествовалъ Шевыревъ, занимаясь обученіемъ ея сына), Рожалина тащу сюда и мы съ нимъ составимъ маленькій университетъ à deux professeurs для молодаго князя" („Рус. Арх." 1879, I, 138). Между тѣмъ изъ переписки И. В. Кирѣевскаго видно, что въ апрѣлѣ 1830 года Рожалинъ жилъ уже одинъ въ Дрезденѣ, безъ Кайсаровой, и тамъ съ нимъ встрѣтился И. В. Кирѣевскій. — Въ письмѣ своемъ Кирѣевскій говоритъ: „Рожалинъ занимается много и дѣльно; привыкъ къ сухому, не потерявъ нисколько внутренней теплоты. Выучился по-англійски и по-польски; послѣдній языкъ особенно знаетъ онъ прекрасно; читалъ съ выборомъ и никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета своихъ занятій—филологіи и древностей. Кругъ его знакомства не широкій, но выборъ дѣлаетъ честь его характеру. Вообще однако можно сказать, что во все это время (въ теченіе 2 лѣтъ) онъ былъ почти одинъ, что̀ однако не имѣло невыгоднаго вліянія на его обыкновенное расположеніе духа и дало его образу мыслей и выраженіямъ бо̀льшую оригинальность, безъ односторонности. Завидное качество, какъ и вообще его поведеніе въ отношеніи къ внѣшнимъ обстоятельствамъ его цѣлой жизни" (Кирѣев. соч., I, 51—52). Въ Дрезденѣ, по настоянію Елагиныхъ, Рожалинъ началъ,—впрочемъ, какъ видно, неохотно,—путешествіе свое съ П. В. Кирѣевскимъ. Послѣдній въ концѣ ноября 1830 года вернулся въ Россію, а Рожалинъ остался за границей и переѣхалъ въ Италію. Оттуда Рожалинъ писалъ Александру Ивановичу: „Кромѣ развалинъ, которыя я почти всѣ осмотрѣлъ и изучилъ, главными предметами моего изученія были и останутся Ватиканъ и Капитолій, да еще нѣкоторые частные музеи и галлереи. Я буду доволенъ, если успѣю живымъ образомъ пройти здѣсь вообще исторію искусства,—рыться много въ подробностяхъ у меня здѣсь недостаетъ времени. Мюнхенъ познакомилъ меня счастливо съ *древнѣйшими* эпохами греческой скульптуры, здѣсь предо мною богатый кладезь для познанія *лучшихъ* временъ ея, а особливо *римскаго* искусства. Что касается до живописи, то здѣсь узнаете все, что въ ней есть лучшаго, отъ Андрея дель Сарто до позднѣйшихъ временъ. Но отъ первыхъ мастеровъ—Giotto, Masanio и пр. почти нѣтъ ничего. Проѣздомъ назадъ я остановлюсь на нѣсколько времени во Флоренціи и въ Болоньи, чтобы дополнить эту Lücke. Занятія мои въ древней литературѣ также полу-

чаютъ здѣсь какую-то особенную жизнь, хотя я отдаю имъ меньше времени. Мѣстность, климатъ, остатки древностей, даже нѣкоторые обычаи объясняютъ мнѣ многое. Но все это только матеріалы. Плановъ для чего-нибудь цѣлаго, для какого-то сочиненія у меня нѣтъ. Строить въ чужихъ краяхъ намъ невозможно: мѣсто, цѣль, мѣра всему—найдется только въ Россіи".

Въ 1831 году Рожалинъ, страдавшій чахоткою, сильно расхворался въ Италіи. Въ этомъ году Александръ Ивановичъ также совершилъ свою первую поѣздку за границу.

Въ письмѣ изъ Женевы отъ $^{18}/_{30}$ ноября 1831 г. Александръ Ивановичъ писалъ Одоевскому: „Рожалинъ въ Римѣ, занимается жестоко древними языками и обѣщаетъ быть славнымъ филологомъ. Его намѣреніе—поселиться въ Москвѣ и имѣть каѳедру въ университетѣ". Вотъ два письма Рожалина къ Александру Ивановичу, которыя характеризуютъ какъ самого Рожалина, такъ и существовавшія между ними отношенія.

10-го декабря 1831 года.

„Милый Кошелевъ, я зналъ черезъ Веневитинова, что ты ѣздилъ въ Карлсбадъ; но что ты будешь въ двухъ шагахъ отсюда, объ этомъ я не думалъ, не гадалъ. Твои строки меня очень обрадовали. Давно уже мы не видались съ тобою. Сколько воды утекло! Какъ бы хорошо еслибъ Италія, о которой тебѣ поразсказалъ Шевыревъ, съ ея чудесами искусства и красавицами, одержала въ душѣ твоей верхъ надъ этой пустой Франціею, которую ты и въ Петербургѣ зналъ совершенно. Я-бъ тебя увидѣлъ: сколько бы новаго ты разсказалъ мнѣ, вѣрно бы и много милаго стараго привезъ съ собою. На мою бѣду, васъ собралась теперь въ Женевѣ цѣлая Россія и, вѣроятно, вамъ не скоро придетъ въ голову разстаться. По крайней мѣрѣ пиши больше. Мнѣ кажется, вижу тебя отсюда. Петербургскія канцеляріи и красавицы сгубили молодца,— не правда ли, ты похудѣлъ и нахмурился? Я такъ избаловался на чужбинѣ. Разстался съ здоровьемъ, съ большею частью надеждъ и вижу, наконецъ, что все мнѣ дорогое около меня разсыпается. Поэтому не смѣю сказать тебѣ: пріѣзжай повидаться. Ты нашелъ бы меня, вѣроятно, совсѣмъ не такимъ, какимъ отправилъ изъ Петербурга: я сталъ суровъ и скученъ и быть со мною — тоска. Ты пеняешь, что я не отвѣчалъ тебѣ на письмо изъ Карлсбада. Дѣло

въ томъ, что когда оно было писано, меня уже не было въ Мюнхенѣ, а мои тамошніе коммиссіонеры, даромъ что нѣмцы, не заблагоразсудили переслать его. Досадно. Да кстати вотъ важный вопросъ: здоровы ли Кирѣевскіе и все ихъ семейство? Они ко мнѣ совсѣмъ не пишутъ. Иногда думаю, что у нихъ горе, несчастіе, но иногда кажется мало всего этого. Ихъ молчаніе наполняетъ меня такою желчью, что я готовъ летѣть на край свѣта и даже дальше, если надо. Ты былъ въ Москвѣ и видѣлъ ихъ. Обяжи меня навсегда—скажи все, что о нихъ знаешь, не скрывай ничего. У насъ погода райская. Сегодня было тепло, какъ на Руси бываетъ въ маѣ. Дулъ мой другъ—широкко и усыпилъ грудную боль, съ которой я проснулся. Теперь поздно. Я покуда прощусь съ тобою, обнявъ тебя крѣпко. Ты обнимешь за меня Шевырева, Соболевскаго и Волконскаго".

29 марта.

„Милый другъ Кошелевъ, за хворостью, хандрой, дѣлами и лѣнью я до сихъ поръ не писалъ къ тебѣ. Но за столько причинъ ты вѣрно извинишь меня. Божусь честью, что и нечего было сказать тебѣ. Я уже предавно ничего не дѣлаю, не имѣю даже плановъ на будущее, теперь принужденъ ѣхать въ Россію, ѣду съ твердымъ намѣреніемъ также ничего не дѣлать, и потому, безъ притворства, ничто какъ-то не оставляетъ на мнѣ никакого слѣда и при лучшей охотѣ подѣлиться не чѣмъ. Жаль, что ты не былъ въ Италіи, не видалъ ея и Рима своими глазами: глядя на тебя, какъ бы ты сталъ здѣсь тѣшиться, и я бы развеселился и быть-можетъ на словахъ развязался бы языкъ мой. Не могу надивиться, что всѣхъ васъ русскихъ тянетъ этотъ старомодный, безнравственный, пустой Парижъ и что весь міръ вамъ кажется ничто передъ нимъ. Странно также, что люди, какъ ты, не могутъ понять и вкусить моей Германіи. Я крѣпко поморщился, прочитавъ твои на нее нападки. Правда, ты видѣлъ ее проѣздомъ и слишкомъ бѣгло, а въ этомъ краю ничто не бросается въ глаза,—всего надобно искать и дорываться. Кирѣевскій говорилъ тебѣ, что я нѣмцевъ ненавижу, а Шевыревъ, что обожаю? Знаете ли, что и то и другое почти правда? Я, точно, не совсѣмъ люблю *нѣмцевъ,* хотя и уважаю ихъ за многое, но *Германія* такъ согласна со мной во всемъ, что я не могу вообразить земли, гдѣ бы здоровый и больной человѣкъ могли

жить уединеннѣе, покойнѣе, довольнѣе собой и даже веселѣе. Обо всемъ этомъ покалякаемъ на просторѣ, ежели Богъ приведетъ свидѣться на Руси".

Но всѣмъ этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Вскорѣ Рожалинъ умеръ, гдѣ и когда именно—я не могъ получить свѣдѣній.

Владиміръ Павловичъ Титовъ кончилъ образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ имя его записано на золотой доскѣ, вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ и Шевыревымъ. Это школьное товарищество и совмѣстная служба въ Московскомъ архивѣ ввели Титова въ кружокъ, собиравшійся около Веневитинова, и въ общество Раича. Титовъ, какъ всѣ члены кружка, былъ шеллингистомъ; Погодинъ, сблизившійся прежде другихъ съ кн. Одоевскимъ и съ Титовымъ, какъ товарищемъ Шевырева, говоритъ, что Титовъ основательно изучилъ Шеллинга и потому Погодинъ взялъ съ него обѣщаніе перевести „Трансцендентальный идеализмъ" Шеллинга. Изъ замѣчательнаго письма В. П. Титова къ М. П. Погодину (Барсуковъ, 234—236) видно, что Титовъ, наравнѣ съ другими членами кружка, занимался классическою литературой и философіей. До какой степени идеи гармоніи и единства проникали тогда умы мыслящихъ людей, видно изъ слѣдующихъ оригинальныхъ положеній, высказанныхъ въ письмахъ. „Человѣкъ вскорѣ достигнулъ бы божественнаго просвѣщенія, еслибы не препятствовало тому половое раздвоеніе организма, по которому одно нераздѣльное никогда не можетъ исполнить идею одного рода, а по соединенію съ другимъ вновь себя производитъ. Вагнеръ говоритъ, что вѣкъ разнообразія, необходимости, *анализа*—вѣкъ женскій (?!)—составляетъ древность; вѣкъ единства свободы, синтеза—вѣкъ мужской—составляетъ новѣйшее" (254—255). „Ученіе Іисуса Назаретскаго рѣшило борьбу древняго съ новѣйшимъ: представительное правленіе должно быть вѣнцомъ новѣйшаго вѣка; реформація была ступенью" (236). Титовъ въ то время былъ очень набоженъ. Разъ, вернувшись отъ обѣдни, Титовъ завелъ религіозный разговоръ съ Погодинымъ; но разсказъ Погодина настолько кратокъ и отрывистъ, что никакого результата вывести нельзя, въ чемъ именно заключались религіозныя убѣжденія Титова (Барсуковъ, стр. 303). В. П. Титовъ имѣлъ смолоду влеченіе къ литературѣ. Есть основаніе думать, что онъ участвовалъ еще въ трудахъ

воспитанниковъ благороднаго пансіона, затѣмъ Титовъ принялъ участіе въ московскомъ альманахѣ „Мнемозинѣ" („Эмблемы"), въ „Сѣверной лирѣ" („Три единства", „Быль") и въ петербургскомъ альманахѣ, издававшемся Дельвигомъ, „Сѣверные Цвѣты" на 1827 г. (подъ псевдонимомъ Тита Космократова) ([15]). Титовъ участвовалъ въ 1827 и 1828 гг. въ изданіи „Московск. Вѣстника", но Погодинъ въ письмахъ къ Кошелеву жалуется, что онъ лѣнится и, наконецъ, что онъ совсѣмъ махнулъ рукой на его сотрудничество. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" Титовъ помѣщалъ частью оригинальныя статьи („Радость и печаль", „Нѣсколько мыслей о зодчествѣ", „о достоинствѣ поэта", „о романѣ, какъ представителѣ образа жизни нынѣшнихъ европейцевъ"), отчасти рецензіи на книги, отчасти переводы и извлеченія, въ томъ числѣ извлеченія изъ сочиненія Флетчера о Россіи (on the Ross. commonwealth). Титовъ не имѣлъ литературнаго таланта и оригинальныя его статьи—въ аллегорическомъ и нравственно-сантиментальномъ родѣ—щеголяютъ тщательно выглаженнымъ слогомъ, но страдаютъ бѣдностью или туманностью содержанія.

Титовъ, племянникъ Дашкова, также какъ и Александръ Ивановичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и сдѣланъ былъ столоначальникомъ въ азіатскомъ департаментѣ. Отдавая полную справедливость его способностямъ и усердію, Александръ Ивановичъ, въ письмахъ къ матери, признаетъ, что онъ вполнѣ заслужилъ такое назначеніе на первыхъ порахъ своей службы. Въ ноябрѣ 1830 года Титовъ сдѣланъ третьимъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ. Извѣщая объ этомъ свою мать, Кошелевъ прибавляетъ: „Я очень радъ за него. Хоть Турція и не составляетъ для него обѣтованную землю, но онъ радъ уѣхать куда угодно, только чтобы распроститься съ скучными гостиными петербургскими" (18 ноября 1830 г.). Это было начало извѣстной и блестящей дѣятельности Владиміра Павловича по дипломатической части и вмѣстѣ концомъ литературныхъ его трудовъ. Титовъ съ Александромъ Ивановичемъ сохранилъ самыя дружескія сношенія до самой смерти послѣдняго и, проводя лѣто въ своемъ рязанскомъ имѣніи, почти ежегодно посѣщалъ Александра Ивановича въ его Песочнѣ. Масса писемъ, сохранившихся у Александра Ивановича отъ Владиміра Павловича, служитъ выраженіемъ ихъ личной пріязни, но ничего интереснаго для пуб-

лики эти письма не представляютъ, такъ какъ даже изъ Константинополя Титовъ, со скромностью настоящаго дипломата, не написалъ ничего интереснаго.

С. А. Соболевскій родился въ Ригѣ 10 сентября 1803 года, но по воспитанію, долговременному жительству и связямъ принадлежалъ преимущественно Москвѣ. Мать Соболевскаго, А. И. Лобкова, была женщина замѣчательнаго ума и страстно любила сына, который платилъ ей глубокою привязанностью. Соболевскій съ раннихъ лѣтъ получилъ тщательное образованіе; ребенкомъ онъ уже читалъ по-латыни и переводилъ на латинскій языкъ цѣлыя главы исторіи Карамзина. Изъ Москвы его отправили въ Петербургъ, въ благородный пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, гдѣ наставниками его были: Куницынъ, Галичъ, Арсеньевъ, Раупахъ, Германъ, Кюхельбекеръ, который пользовался особою симпатіей воспитанниковъ, а въ числѣ товарищей—композиторъ Глинка и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, чрезъ котораго Соболевскій сблизился съ его братомъ, а также съ Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими литераторами. По возвращеніи въ Москву, Соболевскій поступилъ на службу въ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Соболевскій занялъ видное мѣсто среди блестящихъ архивныхъ юношей: мать не щадила для него издержекъ, и онъ являлся всюду богатымъ баловнемъ, любившимъ кутежи, хорошій столъ, вино и женщинъ, такъ что за послѣднюю страсть Пушкинъ назвалъ его Калибаномъ. Но у Соболевскаго была даровитая натура, которая внушала ему сочувствіе къ болѣе возвышеннымъ интересамъ и сближала его съ людьми умными, талантливыми и стремящимися къ образованію. Отвѣчая на вопросъ: чѣмъ заслужилъ А. С. Соболевскій вниманіе современниковъ и ближайшаго потомства,—біографъ его Бартеневъ говоритъ: „Кому, кому не оказалъ онъ помощи своимъ участіемъ, своимъ благоразумнымъ совѣтомъ! Всякое дѣльное занятіе встрѣчало въ немъ горячую поддержку. Умудренный опытностью и разностороннимъ чтеніемъ, онъ спѣшилъ съ добрымъ словомъ и полезнымъ указаніемъ къ ученому труженику, къ человѣку начинавшему какое-либо доброе и дѣльное предпріятіе“ („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 2144). Соболевскій обладалъ большимъ критическимъ тактомъ. „Мицкевичъ и Пушкинъ повѣряли ему свои стихотворенія до выхода въ свѣтъ, принимали его совѣты, дорожили его примѣчаніями, его тонкимъ умѣньемъ подмѣтить

слабую или сильную сторону—въ самомъ ли ходѣ изложенія, въ оттѣнкѣ ли слога и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ".

Соболевскій со времени своей службы въ архивѣ примкнулъ къ кружкамъ, къ которымъ принадлежалъ А. И. Кошелевъ. Соболевскій принималъ дѣятельное участіе въ бесѣдахъ, спорахъ и литературныхъ предпріятіяхъ своихъ друзей, но не видно нигдѣ собственныхъ его работъ. Обладая стихомъ и живымъ запасомъ остроумія, онъ изрѣдка поражалъ кого-нибудь—большею частью своихъ пріятелей—эпиграммой, быстро разносившеюся по всѣмъ слоямъ общества. Соболевскій писалъ свои стихи по-русски, по-французски и по-нѣмецки; они были настолько остры и блестящи, что иногда приписывались Пушкину. Часто нескромные по содержанію, они лишены были желчной придирчивости и не возбуждали вражды въ близкихъ людяхъ къ автору. Но совсѣмъ иное дѣйствіе оказывали они на лицъ постороннихъ. Кс. Полевой въ своихъ „Запискахъ" говоритъ, что „уморительные эпитеты", какіе придавалъ Соболевскій членамъ Раичевскаго общества, были одной изъ причинъ, почему братъ его разошелся съ обществомъ („Записки", стр. 73). Нѣсколько стихотвореній Соболевскаго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" (1874, II, 461; 1881, II, 494; 1888, X). Вообще эпиграммы Соболевскаго, какъ всякія другія, имѣли только временное значеніе: пока живъ самъ человѣкъ — и свѣжъ въ памяти случай, подавшій къ нимъ поводъ.

Въ 1826 г., осенью, по возвращеніи Пушкина изъ Пскова въ Москву, онъ остановился у Соболевскаго, который взялся за печатаніе второй главы „Евгенія Онѣгина". Извѣстна близкая связь Пушкина съ Соболевскимъ и вліяніе послѣдняго: Соболевскій устранилъ поединокъ Пушкина съ граф. Ф. И. Толстымъ въ сентябрѣ 1826 г. и, по общему мнѣнію, своимъ присутствіемъ могъ бы во время воспрепятствовать и роковой дуэли поэта. Не разъ Соболевскій выручалъ Пушкина въ общественныхъ его сношеніяхъ и денежныхъ затрудненіяхъ и вообще помогалъ ему въ хозяйственныхъ дѣлахъ, гдѣ Пушкинъ, какъ большинство поэтовъ, былъ въ высшей степени безпеченъ и неаккуратенъ. Ту же услугу приходилось Соболевскому оказать и Мицкевичу. Около половины 1831 года Соболевскій жилъ въ Римѣ съ Мицкевичемъ и гр. Гейнр. Ржевусскимъ. Въ августѣ варшавское временное правительство предписало Мицкевичу явиться въ ратный станъ для одушевленія

воиновъ. Соболевскій принялся улаживать денежные интересы Мицкевича, бѣгалъ по банковымъ конторамъ и вступалъ во всѣ необходимыя письменныя сношенія. Въ 1828 году мать Соболевскаго умерла и ему достался только капиталъ, записанный на его имя: богатыя помѣстья отошли къ законнымъ наслѣдникамъ. Соболевскій долженъ былъ прекратить широкую жизнь и барскія затѣи. Вскорѣ онъ отправился за границу. 3 іюля 1830 г. И. В. Кирѣевскій, въ письмѣ къ своимъ, записалъ: „Сегодня Соболевскій отъиде; онъ прожилъ съ нами больше мѣсяца въ Мюнхенѣ и отправился теперь въ Миланъ, а оттуда въ Туринъ, гдѣ пробудетъ мѣсяца два. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ. У насъ опять тихо, порядочно и трезво; что же касается до нашихъ главныхъ занятій, т.-е. лекцій и проч., то имъ не мѣшалъ и Соболевскій, который бурлилъ только въ антрактахъ, но за то такъ, что бѣдный Рожалинъ всякій день принужденъ былъ откупаться отъ его крика слезами и виномъ, хотя и это не всегда помогало“ (Кир. соч., I, 61). Но Соболевскій не занимался за границей только кутежомъ и фланерствомъ; онъ старался сходиться съ замѣчательными людьми и собралъ богатый запасъ разнообразныхъ свѣдѣній по части наукъ и искусствъ. За границей Соболевскій положилъ начало своей богатой и обширной библіотекѣ. Въ письмѣ изъ Женевы отъ 18 (30) ноября 1831 года Александръ Ивановичъ писалъ кн. Одоевскому: „Соболевскій ѣдетъ въ Россію, селится въ Москвѣ и намѣренъ сдѣлаться великимъ промышленникомъ (industriel). Я его весьма полюбилъ: онъ славный малый и весьма въ свою выгоду перемѣнился. Промышленность обращаетъ его особенное вниманіе, и если онъ въ первые годы не разорится, то надѣется сдѣлаться милліонщикомъ (почтеннымъ, по его словамъ, человѣкомъ)“. Въ другомъ письмѣ отъ 8 (20) ноября Кошелевъ писалъ: „единственная моя здѣсь (въ Женевѣ) отрада—это Соболевскій. Онъ, право, добрый малый, имѣетъ сердце хорошее и даже можетъ быть славнымъ семьяниномъ. Ты бы его не узналъ,—такъ путешествія его измѣнили. Вообрази: сдѣлался сентиментальнымъ,—чудо, да и только!“ Изучивши, между прочимъ, бумаго-прядильное дѣло, Соболевскій, вернувшись въ Россію, вмѣстѣ съ С. И. Мальцевымъ основалъ такъ-называемую „Самсоньевскую мануфактуру“ на Выборгской Сторонѣ въ Петербургѣ и велъ на первое время самъ коммерческое дѣло. Въ 1852 г. онъ вернулся въ Москву и жилъ

тамъ безвыѣздно. Своею спеціальностью Соболевскій избралъ библіографію и по этому предмету велъ обширную переписку не только съ русскими, но и съ европейскими библіографами. Библіографическія статьи Соболевскаго помѣщались въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ „Русскомъ Архивѣ", гдѣ онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ, начиная съ своей заграничной поѣздки, Соболевскій отсталъ отъ большинства своихъ прежнихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время разстроился и самый кружокъ, члены котораго разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Общественное свое значеніе въ Москвѣ утратилъ Соболевскій довольно рано. Бергъ разсказываетъ, что на вечерахъ гр. Растопчиной, гдѣ собиралось молодое поколѣніе литераторовъ 50-хъ годовъ, въ 1849 году изрѣдка появлялся Соболевскій. Новое литературное поколѣніе относилось къ нему холодно: для него онъ былъ старъ и важенъ. „Его диктаторскіе пріемы, небрежный тонъ разговора, манера входить и выходить, по-министерски разваливаться на креслахъ— все это не нравилось молодежи". Очевидно, что—помимо этой внѣшней причины охлажденія — между Соболевскимъ и новымъ литературнымъ поколѣніемъ не установилось никакой внутренней связи и не было общихъ интересовъ. Молодежь отгадывала внутреннюю пустоту Соболевскаго, помимо его качествъ, дѣлавшихъ его дорогимъ для людей близкихъ. Человѣкъ, который тратитъ свои силы только на эпиграммы, во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ свою неспособность или нежеланіе посвятить ихъ настоящему общему дѣлу. Соболевскій, какъ членъ Общества любителей россійской словесности, избранъ былъ въ коммиссію по изданію пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Соболевскій умеръ 6 октября 1870 года; бумаги его достались по завѣщанію Лонгинову, но, повидимому, онъ не сообщилъ никакого матеріала; а обширная и цѣнная библіотека Соболевскаго разошлась по рукамъ.

К. С. Аксаковъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ студентства 1832—1835 годовъ", мимоходомъ высказалъ такую замѣтку: „Шевыревъ (тогда только-что появившійся на каѳедрѣ) казался для студентовъ радостнымъ событіемъ; но и тутъ очарованіе продолжалось недолго" („День" 1862 г., № 40, стр. 3). Въ бумагахъ Кошелева сохранилось письмо по этому случаю Шевырева къ издателю „Дня", И. С. Аксакову, гдѣ Шевыревъ очень обижается этою замѣткой и

оправдывается слѣдующимъ образомъ. Заявленіе Аксакова, по мнѣнію Шевырева, требуетъ объясненія. „Я считаю,—говоритъ Шевыревъ, — объясненіе нужнымъ не столько въ отношеніи къ моей личности, не зависѣвшей никогда ни отъ чьего-нибудь очарованія, сколько въ отношеніи къ психологическому процессу мысли, который совершался тогда въ молодыхъ поколѣніяхъ и въ которомъ хранится можетъ-быть тайна того, что̀ совершается теперь въ новыхъ. Скоро возникъ антагонизмъ между мною и Станкевичемъ, стоявшимъ во главѣ того поколѣнія, къ которому *принадлежалъ и К. С.* Причиною тому была Гегелева философія. Я вмѣстѣ со всѣми своими сверстниками и друзьями былъ шеллингіанцемъ. Съ Гегелевымъ ученіемъ я познакомился за границею, въ Римѣ, и узналъ его изъ живыхъ устъ польскаго поэта Горчинскаго, который былъ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и близкихъ учениковъ Гегеля и даже нѣсколько лѣтъ жилъ у него въ домѣ. Тогда уже я объявилъ себя противникомъ этого ученія и нерѣдко велъ жаркіе споры съ ревностнымъ гегелистомъ. Когда я возвратился въ Россію и принялъ каѳедру, ученіе Гегеля начало сильно распространяться у насъ. Тогда стали выходить разныя части его философіи, обработанныя его учениками. Тогда и у насъ отозвалось ученіе Гегелево въ лекціяхъ профессоровъ Рѣдкина, Крюкова и, позднѣе, Грановскаго. Я слѣдилъ за Гегелевою философіей по книгамъ, которыя тогда выходили. Со вниманіемъ я прочиталъ лекціи философіи и исторіи, изданныя Гегелемъ и почти уже переработанныя сыномъ самого Гегеля, эстетику въ изданіи Гото и другія. Но и онѣ не увлекли меня. Я оставался, въ теченіе всего моего университетскаго поприща, постояннымъ и добросовѣстнымъ противникомъ Гегелева ученія. Странно, что вашъ братъ не упомянулъ о томъ, какъ онъ вмѣстѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ Д. Топоринымъ пріѣзжалъ ко мнѣ для чтенія подъ моимъ руководствомъ трагедій Шиллера. Нѣмецкая поэзія ввела его и въ нѣмецкую философію. Когда онъ принялся за Гегелеву эстетику, то возникали между нами безпрерывные споры, и вотъ откуда объясняется, почему не долго длилось его очарованіе отъ моихъ лекцій, равно какъ и Станкевича, вліянію котораго онъ сильно подвергался“.

Степанъ Петровичъ не совсѣмъ вѣрно понялъ разочарованіе на первыхъ же порахъ университетской молодежи. 23 ноября 1830 года С. П. Шевыревъ писалъ Погодину изъ Рима: „Два пути

передо мной: сцена и каѳедра: готовиться надо на обѣ, потому что у насъ—запасайся двумя тетивами. Склонность моя внутренняя влечетъ къ первой. Я изъ дѣтства имѣлъ эту способность: „Валленштейновъ лагерь“ и другіе переводы изъ Шиллера убѣдили меня въ этомъ; „Ромулъ“ (трагедія задуманная Шевыревымъ, гдѣ онъ хотѣлъ „вмѣстить весь Римъ древній отъ Ромула до щита Сабинскаго и стѣнъ Этрусковъ!?!) будетъ рѣшительно пробнымъ камнемъ. Итакъ, видишь, что я лѣзу на сцену: это моя главная мысль, покуда я не убѣдился въ невозможности исполнить оную. Далѣе—каѳедра. Да я не забываю о другой тетивѣ: къ счастью же, онѣ обѣ близки другъ къ другу“ (Погодинъ—„Воспоминаніе о Шевыревѣ“, стр. 19). Эта странная двойственность показываетъ только, что въ сущности у Шевырева не было призванія ни къ той, ни къ другой, а только тревожное и самонадѣянное стремленіе чѣмъ бы то ни было произвести эффектъ и добиться извѣстности. Въ настоящемъ, талантливомъ человѣкѣ сцена исключаетъ каѳедру и наоборотъ; для Шевырева онѣ были *близки другъ къ другу*!! И такъ это осталось на всю его жизнь; достигнувъ каѳедры, онъ все-таки въ душѣ оставался *актеромъ*. Шевыревъ, безспорно, былъ человѣкъ работящій, много читалъ, и иногда усиленный трудъ разъяснялъ для него вопросъ: поэтому, когда Шевыревъ относился къ вопросу просто, въ качествѣ скромнаго эрудита,—онъ былъ на своемъ мѣстѣ и могъ принести пользу. Но когда шевелились въ немъ сценическія наклонности, когда онъ становился на ходули, чтобы озадачить слушателей и пожать лавры, вѣнчающія художника, тогда Шевыревъ становился невыносимъ на каѳедрѣ. Сейчасъ же онъ устремлялся въ погоню за мишурнымъ блескомъ напыщенныхъ и внѣшне-красивыхъ фразъ, скрывавшихъ совершенную пустоту внутренняго содержанія. Притомъ и актеръ онъ былъ устарѣлый, Кокошкинской школы, которая ввела непріятную пѣвучесть неестественной и утомляющей слухъ декламаціи, прерываемой иногда, даже на лекціяхъ, искусственными слезами. Понятно, что слушатели его на первыхъ же порахъ разочаровывались. Не многіе изъ современныхъ Шевыреву профессоровъ пользовались такою незавидною репутаціей между студентами. А. Н. Аѳанасьевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Русск. Стар.“ 1886 г., августъ) высказывалъ и личный, и общераспространенный тогда между студентами взглядъ, что Шевыревъ былъ человѣкъ „мелочно-самолюбивый, искательный,

наклонный къ почестямъ и готовый при случаѣ подгадить; лекціи его были довольно сухи и мало представляли дѣльнаго содержанія, которое было бы почерпнуто изъ дѣйствительныхъ фактовъ; ему не доставало филологическихъ свѣдѣній" (стр. 369 и 370). Шевырева давно уже безжалостно, но совершенно вѣрно охарактеризовалъ авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода" („Соврем." 1885 года, т. LV). „Не подлежитъ сомнѣнію, что гг. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ не считаютъ г. Шевырева своимъ (67). Г. Шевыревъ многими былъ считаемъ за славянофила, и онъ самъ отчасти подавалъ къ тому поводъ очень часто, или, лучше сказать, постепенно, въ каждой статьѣ своей развивая три или четыре темы, повидимому сходныя съ мыслями славянофиловъ. Различіе было, повидимому, только въ томъ, что г. Шевыревъ выражалъ эти мнѣнія гораздо краснорѣчивѣе, и такъ какъ краснорѣчіе состоитъ въ употребленіи различныхъ фигуръ, какъ-то: усугубленія, наращенія, напряженія и т. п., то по необходимости мысли эти выражались у него гораздо сильнѣе, нежели у г. Аксакова, г. Кирѣевскаго или г. Хомякова. Мы сказали бы даже: выраженіе этихъ мыслей у него отчасти *доведено до излишней утрировки*, еслибы могло быть излишество въ столь пріятной вещи, какъ краснорѣчіе" (79). „Внимательное разсмотрѣніе статей ученаго автора приводитъ каждаго къ рѣшительному убѣжденію, что если г. Шевыревъ находитъ нѣкоторыя отдѣльныя мысли славянофиловъ полезными, но слишкомъ недостаточно развитыми и слишкомъ слабо выраженными у самихъ славянофиловъ, и потому старается повторять ихъ мысли какъ можно чаще, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, сообщая имъ самое всеобъемлющее значеніе, прилагая ихъ ко всякому данному предмету,—если, говоримъ мы, онъ дѣлаетъ это, то дѣлаетъ какъ *мыслитель своеобразный*" (стр. 81).

Дѣйствительно, Шевыревъ много вредилъ славянофиламъ тѣмъ, что его *утрированныя* и *своеобразныя* толкованія нѣкоторыхъ положеній славянофильскаго кружка считались за profession de foi всѣхъ лицъ, къ этому кружку принадлежавшихъ. Славянофилы, въ свою очередь, также цѣнили Шевырева по достоинству: они были близки къ нему и считали его своимъ, какъ человѣка раздѣлявшаго ихъ убѣжденія и примкнувшаго къ ихъ кружку, но не ожидали отъ него никакого серьезнаго участія въ разрѣшеніи затронутыхъ ими вопросовъ. И. В. Кирѣевскій, въ письмѣ къ Александру Ивано-

вичу, разбирая ученіе Вине объ отношеніи церкви къ государству, между прочимъ, остановился на томъ, что Вине толкуетъ о государствѣ *вообще* и объ убѣжденіи *вообще*, не примѣняя своихъ разсужденій къ дѣйствительнымъ отношеніямъ какого-либо изъ господствующихъ исповѣданій, къ существующей формѣ государственнаго устройства. Оттого у Вине, говоритъ Кирѣевскій, „является такая неопредѣленность, такая преувеличенность, такая несоотвѣтственность одной мысли къ другой, что первыя сто страницъ второй части показались мнѣ войной Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами, или *упражненіями талантливаго студента на курсѣ какого-нибудь швейцарскаго Шевырева*".—Sapienti sat. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Шевыревъ извѣстенъ былъ какъ поэтъ, помѣщавшій свои стихотворенія въ московскихъ журналахъ и альманахахъ, а также какъ критикъ „Московскаго Вѣстника". Пока главнымъ достоинствомъ стихотвореній считалась внѣшняя форма и музыкальность стиха, помимо внутренняго содержанія,— поэтическія произведенія Шевырева, удовлетворявшія этимъ условіямъ, могли нравиться современникамъ; но теперь они забыты и не дали Шевыреву права на признаніе въ немъ поэта, въ истинномъ его значеніи, такъ какъ красивая форма у Шевырева прикрывала полное отсутствіе серьезной мысли. Во всякомъ впрочемъ случаѣ стихи Шевырева были неизмѣримо выше поэтическихъ опытовъ Надеждина, вовсе не оправдавшаго предположенія, что критикъ посовѣстится напечатать собственныя плохія произведенія. Критическая дѣятельность Шевырева началась главнымъ образомъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" и развилась вполнѣ въ „Москвитянинѣ"; эта позднѣйшая эпоха до насъ не касается и совершенно вѣрно оцѣнена Чернышевскимъ. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" Шевыревъ только-что выступилъ на критическое поприще, сохраняя всю скромность начинающаго. Шевыревъ разбиралъ всѣ сколько-нибудь крупныя произведенія, появлявшіяся въ литературѣ, и останавливался главнымъ образомъ на переводахъ тогдашнихъ корифеевъ западной литературы. Такъ, онъ помѣстилъ разборы Вальтеръ-Скотта („Веверлей"), Гёте („Helena", „Zwischen Spiel zu Faust", „Гецъ Фонъ-Берлихингенъ"), Манцони (ком. „Обрученные"), Шекспира („Отелло"), Байрона („Манфредъ"), Козлова („Чернецъ" и „Княгиня Наталья Долгорукая") и проч. Кромѣ того Шевыревъ въ 1827 г. помѣстилъ „Обозрѣніе русской словесности за 1827 годъ"

и „Обзоръ русскихъ журналовъ" за тотъ же годъ. За разборъ „Helena" Шевырева похвалилъ Гёте и письмо его (въ переводѣ) помѣщено было въ „Московскомъ Вѣстникѣ". Критика Шевырева пользовалась нѣкоторымъ значеніемъ въ глазахъ современниковъ. Баронъ Розенъ писалъ Шевыреву 17 марта 1833 года: „Есть на святой Руси только два записныхъ рецензента, которыхъ мнѣніемъ я дорожу: вы да И. В. Кирѣевскій" („Рус. Арх." 1878 г., IV, 48). Дѣйствительно, это былъ первый опытъ оригинальныхъ, а не переводныхъ сужденій о крупныхъ представителяхъ западной литературы. Шевыревъ знакомъ былъ съ статьями современныхъ нѣмецкихъ критиковъ и излагалъ ихъ результаты въ формѣ понятной и принаровленной къ понятіямъ большинства, не удовлетворявшагося переводными статьями, иногда дурно выбранными, всегда разсчитанными на публику, хорошо знакомую съ установившимся уже взглядомъ на литературу. Но Шевыревъ и въ начальной своей критической дѣятельности, хотя менѣе нежели въ послѣдующей, прибѣгалъ къ выраженіямъ напыщеннымъ, но безсодержательнымъ. Вотъ, напримѣръ, объясненіе характера „Отелло": „Огромный исполинъ, только въ самомъ себѣ, и именно въ зародышѣ силъ своихъ носящій роковую каплю яда, которая одна только могла преждевременно погубить его,—Ахиллъ, ничѣмъ неприступный жалу смерти, кромѣ пяты, незакаленной въ водахъ Стикса,—удавъ, котораго никто не побѣждаетъ, кромѣ его собственнаго пресыщенія: вотъ основная идея, олицетворенная въ гигантскомъ характерѣ Отелло („Моск. Вѣстн." 1828 г., X, 471).

Шевыревъ, во время отсутствія Погодина въ Петербургъ въ 1828 году, напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" обозрѣніе журналовъ и началъ полемику между Москвою и Петербургомъ, обратившуюся вскорѣ въ задорную и неприличную брань. Булгаринъ, по своему характеру, придалъ этой критикѣ смыслъ посягательства на его карманъ. Между тѣмъ „Московскій Вѣстникъ" относился къ литературѣ добросовѣстно и отдавалъ справедливость ближайшему и самому опасному сопернику—„Телеграфу", издававшемуся Полевымъ. По мнѣнію „Вѣстника", „Телеграфъ" есть „лучшій журналъ въ Россіи и болѣе соотвѣтствующій общему назначенію журнала. Онъ имѣетъ неотъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то время, когда задремали всѣ журналисты въ непростительной нерѣшительности и отъучили пуб-

лику отъ чтенія, когда во всѣхъ находилась потребность сообщаться со всѣмъ новымъ, говорить и судить обо всемъ, онъ весьма удачно пособилъ сему недостатку: въ любителяхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту, пріохотилъ новыхъ читателей, возбудилъ въ нихъ участіе ко всему современному въ литературѣ, желаніемъ мыслить пробудилъ въ другихъ это благородное желаніе, навелъ страхъ на тѣхъ мелкихъ писателей, которые прежде безнаказанно печатали все безъ разбора; наконецъ, показавъ другимъ журналистамъ примѣръ въ неутомимомъ трудолюбіи, въ смышленой расторопности,—однимъ словомъ, во всемъ искусствѣ журналиста,—проложилъ путь другимъ, приготовилъ читателей для журнала, болѣе совершеннаго по образу мыслей, и тѣмъ принесъ (хотя отрицательно) много пользы просвѣщенію отечественному. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чтобы имя его означало новую эпоху въ исторіи русскаго журнализма, какъ *журнала критическаго и современнаго*" („Моск. Вѣстн." 1828 г., VIII, 104 и 105).

29 декабря 1871 года праздновался въ Москвѣ пятидесятилѣтній юбилей ученой, литературной и общественной службы М. П. Погодина. Юбиляра чествовалъ Московскій университетъ, съ которымъ, по словамъ самого Погодина, соединена была судьба его, вся жизнь, и городъ Москва — своего, какъ выразился тогдашній городской голова Ляминъ, „исконнаго гражданина, принадлежащаго Москвѣ рожденіемъ, воспитаніемъ, жительствомъ, службою государственной и общественной, направленіемъ мыслей, убѣжденіями, чувствомъ, самымъ своеобразнымъ характеромъ своей дѣятельности". Петербургскій университетъ командировалъ на праздникъ своимъ депутатомъ Бестужева-Рюмина, Варшавскій университетъ—своего ректора Лавровскаго, Московская духовная академія—профессора Казанскаго, Археологическая коммиссія—Н. В. Калачова; Московскія общества: „Исторіи и древностей"—гр. М. В. Толстаго, „Испытателей природы"—А. Г. Фишера фонъ Вальдгеймъ, „Любителей естествознанія"—Щуровскаго, „Любителей россійской словесности"—А. И. Кошелева, „Археологическое общество"—Сонцева, „Любителей духовнаго просвѣщенія"—арх. Амфилохія, „Юридическое"—присяжныхъ повѣренныхъ Фальковскаго и Жилина-Козлова, дирекція Московскихъ музеевъ—Д. В. Дашкова, Московскій отдѣлъ Славянскаго комитета—Н. А. Попова, Петербургскій отдѣлъ—Бестужева-Рюмина и Шафранова. Принесены были по-

здравленія: отъ С.-Петербургской академіи наукъ, университетовъ Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Одесскаго, отъ С.-Петербургской и Кіевской духовныхъ академій, отъ С.-Петербургской публичной библіотеки, отъ отдѣловъ Славянскаго комитета въ Кіевѣ и Одессѣ, отъ Одесскаго славянскаго общества, отъ общества Московскихъ хоругвеносцевъ, отъ Одесскаго Болгарскаго попечительства, болѣе 30 телеграммъ отъ учебнаго вѣдомства и въ томъ числѣ 24 поздравленія отъ различныхъ гимназій и прогимназій, массы поздравленій отъ частныхъ кружковъ и лицъ, въ томъ числѣ отъ кн. П. А. Вяземскаго и отъ единственныхъ оставшихся въ живыхъ членовъ упомянутыхъ нами московскихъ кружковъ— В. П. Титова и А. Веневитинова. Были адресы отъ московскихъ и петербургскихъ литераторовъ, но они были подписаны большею частью профессорами и учеными, не носящими званія литераторовъ. Собственно литераторы участія въ торжествѣ не приняли: на адресахъ нѣтъ подписи ни одного редактора современныхъ изданій (кромѣ „Торговаго Сборника") и ни одного изъ лицъ занимающихся собственно такъ-называемою литературою. За то западные и южные славяне громко откликнулись на празднество извѣстнаго русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля: были присланы поздравленія отъ чешскихъ обществъ: „Свѣтоборъ", „Чешскаго музея", „Историческаго общества" въ Прагѣ, „Умѣлецкой бесѣды" (общество художниковъ), „Академическаго читальнаго общества" въ Прагѣ, „Литературнаго общества славянъ" тамъ же, „Общества сельской бесѣды" въ Вѣнѣ, отъ „Славянской Матицы" въ Пильзенѣ, „Южно-Славянской академіи наукъ и искусствъ"— въ Загребѣ, отъ Бѣлградскаго ученаго общества, отъ Болгарскаго книжевнаго дружества въ Браиловѣ, отъ словацкихъ папистовъ изъ Венгріи, отъ всѣхъ обществъ, существующихъ у словенцевъ, населяющихъ Крайну, Истрію и часть Штиріи и Каринтіи, письма отъ чешскаго историка Палацкаго и отъ извѣстнаго серболужницкаго писателя—Смоляра. Подписи всѣхъ именитыхъ ученыхъ, литераторовъ и политическихъ дѣятелей славянства заявляли, насколько заслуги Михаила Петровича извѣстны и дороги соплеменнымъ народностямъ за предѣлами Россіи. Изъ приложеннаго описанія юбилейнаго торжества М. П. Погодина видно, что онъ до 1871 г. напечаталъ сорокъ два отдѣльныхъ сочиненія, въ число которыхъ входятъ такіе капитальные труды, какъ „Древняя рус-

ская исторія до Монгольскаго ига" (3 тома, 1870—1871 г.), „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи" (7 томовъ, 1847—1856 г.), „Несторъ", историко-критическое разсужденіе (1839 г.), „Норманскій періодъ русской исторіи" (1857 г.), „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ" (1860 г.), „Н. М. Карамзинъ" (1866 г.), „А. П. Ермоловъ" (1863 г.). Переводы Погодина: „Начертаніе древней географіи Нича" (1823 г.), „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители" Добровскаго (1825), „Историческія изслѣдованія Эверса" (1826 г.), „О жилищахъ древнихъ руссовъ" Неймана (1826 г.), „Гецъ фонъ Берлихингенъ", траг. Гёте (1827 г., 2-е изд. 1866 г.), „Риттеровы карты Европы" (1827 г.), „Всеобщая исторія для дѣтей" Шлецера (2 тома, 1829—1830 г.), „Славянская грамматика" Добровскаго (1833 г.). Изданія памятниковъ Погодина: „Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства" Кирилова (1831 г.), „Псковская лѣтопись" (1837 г.), „Сочиненія Ивана Посошкова" (2 ч., 1842 и 1863 гг.), „Метрики Кн. Литовскаго" (1843 г.), „Собраніе документовъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича" (1860 г.), „Русскій историческій альбомъ" (1838—1844 гг.), „Образцы славянскаго древнописанія" (1840 г.). Погодинъ издавалъ 3 журнала: „Московскій Вѣстникъ" 4 года (1827—1830 г.), „Москвитянинъ" 16 лѣтъ (1841—1856 г.), „Русскій" въ теченіе 1868 г. и „Спеціальный русскій историческій сборникъ", 7 томовъ (1838—1844 г.). Альманахи, изданные Погодинымъ: „Уранія", литературный альманахъ (1826 г.), „Гостинецъ на новый годъ" (1850 г.), „Утро", литературный сборникъ (3 тома, 1859, 1866 и 1868 годы), „Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ" (1865 г.). Кромѣ того Погодинъ издалъ 34 сочиненія разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ „Словарь свѣтскихъ писателей" митр. Евгенія, „Историческая переводная библіотека" въ 5 т., „Славянскія древности Шафарика" пер. Бодянскаго, „Древніе и нынѣшніе болгары" Ю. Венелина и „Сочиненія Ф. Н. Глинки". По повременнымъ изданіямъ разсѣяно множество статей Погодина, подписанныхъ и не подписанныхъ. Погодинъ самъ писалъ въ „Гражданинѣ", что „въ продолженіе 50-ти слишкомъ уже теперь лѣтъ не было не только года, но даже мѣсяца, едва ли недѣли—безъ какой-либо статьи". Притомъ среди этого дворянскаго, по большей части аристократическаго кружка одинъ Михаилъ Петровичъ былъ сынъ крестьянина. Отецъ Погодина былъ крестьянинъ села Никольскаго-

Галкина, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, изъ имѣнія графа П. Г. Чернышева, доставшагося за дочерью фельдмаршалу И. П. Салтыкову. Петръ Моисеичъ Погодинъ сначала былъ писаремъ въ московской домовой конторѣ Салтыкова, потомъ управляющимъ и, наконецъ, за честную, трезвую, усердную и долговременную службу *отпущенъ на волю* гр. П. И. Салтыковымъ въ 1806 году, т.-е. чрезъ пять лѣтъ послѣ рожденія Михаила Петровича. Нельзя не признать, что вы имѣете дѣло съ *крупнымъ человѣкомъ*. Его историко-научная дѣятельность оцѣнена людьми компетентными и сюда не относится; его публицистическая дѣятельность едва ли подлежитъ разбору вполнѣ безпристрастному и откровенному въ настоящую минуту. Поэтому я вкратцѣ коснусь чисто-литературной дѣятельности Михаила Петровича, тѣмъ болѣе, что она именно совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю, и притомъ меньше всего извѣстна и оцѣнена.

Въ нашей ходячей литературѣ конца двадцатыхъ годовъ изъ иностранныхъ писателей преимущественное вліяніе имѣлъ Вальтеръ-Скоттъ, котораго переводы—хорошіе, дурные и даже подложные—наводняли книжный рынокъ, какъ прежде сочиненія Коцебу и Лафонтена. Слѣдомъ за знаменитымъ создателемъ историческаго романа появились и плохіе его подражатели: изъ Германіи—Фонъ-деръ-Вельде и изъ Франціи—виконтъ д'Арленкуръ. Рядомъ съ этимъ продолжались переводы нравственно-сатирическихъ или описательныхъ романовъ въ лицѣ Вашингтона-Ирвинга, Жюи и его подражателей, въ родѣ Кольне и др. Эта эпоха въ русской литературѣ представлена была Лажечниковымъ, Загоскинымъ и Булгаринымъ, за которыми слѣдовала цѣлая плеяда болѣе или менѣе бездарныхъ и теперь забытыхъ романистовъ: Масальскій, Погорѣльскій, Бѣгичевъ, Ор. Сомовъ (подъ псевдонимомъ Порф. Байскаго), Вас. Ушаковъ, Н. Данилевскій, Ал. Орловъ, Ѳед. Кузьминъ, Ив. Калашниковъ, Ф. Щегловъ, Ив. Гурьяновъ и т. д. Къ этому же разряду относятся и первоначальныя повѣсти Н. Полевого („Повѣсти и литературные отрывки Н. Полевого" 6 ч., М. 1829 года). Но, подъ вліяніемъ потребности къ самостоятельной народной литературѣ, первымъ представителемъ которой явился Гоголь („Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", повѣсти, изданныя пасѣчникомъ Рудымъ-Панькомъ, Спб., 1831—32 гг.), зарождалась народно-реальная или бытовая школа, которой предстояло въ будущемъ окончатель-

ное торжество. Зачатки ея видны были въ произведеніяхъ Нарѣжнаго ([16]) и Погодина. Погодинъ не принадлежалъ къ числу литературныхъ талантовъ; въ повѣстяхъ своихъ онъ заплатилъ дань господствовавшему направленію. Есть у него повѣсть, гдѣ вся завязка построена на возбужденіи въ читателяхъ нервовъ разными страшными разсказами, хотя и здѣсь Погодинъ не прибѣгаетъ къ чертямъ и привидѣніямъ, уже сошедшимъ со сцены: такова его повѣсть „Васильевъ вечеръ", о которой онъ самъ говоритъ, что написалъ ее *на заказъ*, потому что повѣсти „*пострашнѣе* любитъ наша любопытная публика" („Пов., III, 185—186). Есть повѣсти, гдѣ, подъ вліяніемъ Гёте, Погодинъ описываетъ идеальную любовь, сродство душъ, одинаково стремящихся къ возвышенному, къ искусству: такова повѣсть „Русая коса", интересная по біографическимъ подробностямъ (см. Барсукова: „Жизнь Погодина", I, 306—309). Вообще же изъ повѣстей Погодина замѣчательнѣе другихъ повѣсти—„Невѣста на ярмаркѣ" („Повѣсти", II, 65 и слѣд.), „Черная немочь" (ч. III, 1 и слѣд.) и разсказъ „Нищій". Первыя двѣ повѣсти имѣли въ свое время значительный успѣхъ. Въ первой повѣсти на сцену выведена пожилая маменька, пріѣхавшая на ярмарку сбыть трехъ взрослыхъ дочерей. Характеръ самой маменьки очерченъ мастерски и она лицо совсѣмъ живое. Вторая повѣсть представляетъ молодого человѣка съ выдающимися способностями и непреодолимою страстью къ ученью, котораго отецъ съ матерью—купцы—всячески стараются отъ этого отвести и сватаютъ ему раскрашенное и глупое *чучело*—дочь хлѣбнаго торговца, вслѣдствіе чего молодой человѣкъ топится въ Москвѣ-рѣкѣ. Въ этой повѣсти купцы-родители и сваха замѣчательно вѣрно и живо нарисованы: все начало повѣсти—визитъ матери къ священнику и его женѣ, разговоръ матери съ отцомъ и появленіе свахи (ч. III, 1—26), затѣмъ вторичное появленіе свахи въ домѣ и объявленіе о предстоящемъ сватовствѣ сыну (64—75)—очень похожи на сцены въ „Женидьбѣ" Гоголя и выходки самодуровъ-купцовъ у Островскаго. Но замѣчательнѣе всего разсказъ „Нищій", это въ литературѣ того времени единственный рѣзкій и искренній протестъ противъ крѣпостного права. Содержаніе разсказа очень просто: хорошій и богатый крестьянинъ горячо полюбилъ старостину дочь, ему отвѣтившую; сватовство началось, но пріѣхалъ баринъ: *злодѣй* взялъ къ себѣ силой невѣсту, а родителей сослалъ въ даль-

нюю деревню. Женихъ не вытерпѣлъ и на мосту ножомъ ранилъ обидчика, но былъ схваченъ... „За это меня... но что было, то прошло; такъ тому и быть“ (ч. I, 73). Черезъ нѣсколько времени виновный отданъ былъ въ солдаты, былъ въ походахъ, дрался героемъ, замѣченъ былъ Суворовымъ. „Выслуживъ двадцать пять лѣтъ,—разсказывалъ нищій,—получилъ отставку и пошелъ на свою родину, но не дошелъ,—верстъ за сорокъ такъ стало мнѣ тошно, тяжело, такъ возобновилось въ памяти все былое, прошедшее, что я не могъ идти далѣе, воротился и въ ближайшемъ городѣ нанялся къ попу въ батраки, работалъ лѣтъ пять, пока во мнѣ было силы, но я выбился изъ силъ и ѣсть мнѣ было нечего. Руки поднять я на себя не могъ,—мнѣ натолковали съизмаленька, какой это страшный грѣхъ,—къ тому же я ослабѣлъ и тѣломъ, и духомъ; я рѣшился идти въ Москву и питаться милостынею“ (I, 75). Разсказъ согрѣтъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ народу; авторъ самъ говоритъ въ началѣ: „на всѣхъ гуляньяхъ я всегда бываю въ толпѣ народной, вступаю въ разговоръ со всякимъ встрѣчнымъ, смѣюсь, балагурю и каждый разъ возвращаюсь домой съ новыми мыслями о свойствахъ, хорошихъ и дурныхъ, благословеннаго народа Русскаго.—Такимъ образомъ легко мнѣ было познакомиться и съ героемъ моей повѣсти“ (56). Повѣсть эта написана Погодинымъ въ 1825 году и первоначально напечатана въ альманахѣ „Уранія“ (182). Вскорѣ послѣ декабрьской катастрофы Погодинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ напалъ на него страхъ, какъ бы не случилось съ нимъ чего за его повѣсть „Нищій“: какъ бы не увидѣли здѣсь согласія съ образомъ мыслей заговорщиковъ и не притянули бы къ допросамъ. Но все обошлось благополучно: было не до него“ (Барсуковъ, стр. 329). Тѣмъ не менѣе за эту повѣсть Погодинъ остался въ подозрѣніи и самъ говоритъ, что—„страха ради іудейска“ — онъ, въ качествѣ редактора „Московскаго Вѣстника“, боялся являться слишкомъ часто въ обществѣ своихъ друзей, среди которыхъ были люди подозрительные. Мицкевичъ былъ подъ надзоромъ полиціи, да и самъ Пушкинъ съ Баратынскимъ были не совсѣмъ еще обѣлены. Сочувствіе къ крѣпостнымъ проглядываетъ очень опредѣленно и при описаніи помѣщичьяго быта въ „Невѣстѣ на ярмаркѣ“: у барыни людямъ житье хуже каторги (II, 153); про нее лакей разсказываетъ: „такая у насъ жидъ барыня: коли день кого не поколотитъ, такъ къ

вечеру рада на стѣны лѣзть; и тутъ не попадайся никто на глаза" (109); „горничная Маша не ложится спать, не попробовавши плѣтки; барышни, спѣша одѣться на встрѣчу жениху, ее, бѣдную, затолкали, засовали, защипали совсѣмъ и во всемъ мірѣ она могла завидовать только повару, который, подъ личнымъ надзоромъ у Анны Михайловны, зарумянился скорѣе своей телятины" (136). Современные критики также оцѣнили повѣсти Погодина. Бѣлинскій писалъ: „Повѣсти г. Погодина („Нищій" и „Черная немочь") замѣчательны по вѣрному изображенію простонародныхъ нравовъ, по теплотѣ чувства, по мастерскому разсказу, а послѣдняя—и по прекрасной поэтической идеѣ, лежащей въ основаніи" (Соч. I, 116). Бѣлинскій отводитъ вообще Погодину почетное мѣсто: „Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь—здѣсь полный кругъ исторіи русской повѣсти" (205).

На чисто-литературную сторону дѣятельности Погодина ложился тотъ общій характеристическій складъ его ума, который мѣшалъ правильной его оцѣнкѣ со стороны его современниковъ. Погодинъ вовсе лишенъ былъ художественнаго смысла или таланта, то-есть того объединяющаго синтеза, который отдѣльные бытовые факты возводитъ въ типы, олицетворяющіе жизненныя задачи даннаго общества, научныя частности—въ теорію, объясняющую смыслъ явленій извѣстнаго порядка. Самое изложеніе Погодина обыкновенно представлялось въ видѣ афоризмовъ, иногда даже наружно между собою не связанныхъ; Погодинъ излагалъ свои наблюденія въ той отрывочной формѣ, въ которой они усвоивались аналитическою работой его ума, и самъ не въ состояніи былъ свести ихъ вмѣстѣ и придать имъ стройную, синтетическую систему. Но за то Погодинъ въ высокой степени обладалъ даромъ кропотливаго и вѣрнаго анализа или наблюдательности: это именно помогало ему иногда уловить драгоцѣнныя данныя для высшихъ теоретическихъ соображеній и всегда давало возможность правильно оцѣнивать ближайшую обстановку частныхъ фактовъ и практическіе пріемы для удовлетворенія потребностей и задачъ текущей минуты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ былъ настоящій русскій человѣкъ, который непосредственнымъ чувствомъ понималъ многія черты русской жизни, не схватываемыя одною работою мысли. К. Н. Бестужевъ разсказываетъ, что, еще на первомъ курсѣ его студенческаго образованія, онъ пришелъ къ Погодину и сталъ съ

юношескою самоувѣренностью защищать модное тогда мнѣніе объ исключительномъ будто бы характерѣ древней русской исторіи. Погодинъ слушалъ долго и отвѣтилъ короткимъ замѣчаніемъ: „А. святаго Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ элементомъ?“ И дѣйствительно,—прибавляетъ Бестужевъ,—чѣмъ болѣе онъ работалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, какъ въ жизни много такого, что не укладывается въ опредѣленныя и ясныя рамки, и какое сильное вліяніе на всю жизнь народа, на всю его исторію, оказываетъ именно это неопредѣленное: вся нравственная, вся религіозная жизнь народа относится къ разряду фактовъ, которые нельзя ни свѣсить, ни смѣрить, ни опредѣлить, а въ нихъ-то всего болѣе отражается духъ народный“ („Пятидесят. службы Погод.“, 64). Когда въ Москвѣ выставлены были картины Ѳедотова, обратившія на себя общее вниманіе, Погодинъ первый подмѣтилъ въ нихъ признакъ народнаго творчества и сравнилъ ихъ съ комедіями Островскаго (Стасовъ, „Вѣстн. Европы“ 1885, III, 219).

Погодинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, также какъ и съ другими славянофилами. Начиная съ молодыхъ лѣтъ, онъ встрѣчался съ ними въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ, обществахъ и салонахъ; но, во всякомъ случаѣ, Погодина нельзя причислять къ числу собственно славянофиловъ. Менѣе близкія отношенія Александра Ивановича къ Погодину доказываются тѣмъ, что во всей сохранившейся перепискѣ Кошелева нашлось только одно письмо къ нему Погодина, о которомъ мы скажемъ ниже.

М. А. Максимовичъ (1804—1873 гг.) родился въ приднѣпровскомъ селѣ Прозоровѣ, Золотоношскаго уѣзда, отъ старинной дворянской фамиліи. Прадѣдъ Максимовича былъ золотоношскимъ предводителемъ, а дядя служилъ въ знаменитой Бубновской сотнѣ и извѣстенъ былъ въ народѣ подъ именемъ „стараго майора“. Мать Максимовича была по рожденію Тимковская и приходилась младшею сестрой двухъ профессоровъ, извѣстнаго путешественника и двухъ писателей. Максимовичъ, по окончаніи курса въ новгородско-сѣверской гимназіи, поступилъ въ Московскій университетъ по словесному факультету, а чрезъ два года перешелъ въ физико-математическій, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1823 г.). Послѣ окончанія курса Максимовичъ былъ оставленъ при университетѣ. Любимою наукой Максимовича, начиная съ гимназіи, была ботаника,

которую онъ изучалъ въ университетѣ подъ руководствомъ проф. Гольдбаха и Гофмана; но въ то же время онъ вполнѣ подчинялся вліянію только-что начавшаго свои чтенія М. Г. Павлова. По окончаніи курса Максимовичъ записался на медицинское отдѣленіе и кромѣ того слушалъ лекціи профес. Давыдова, „ставшаго тогда оракуломъ въ словесномъ отдѣленіи". На послѣднихъ лекціяхъ Максимовичъ познакомился съ Титовымъ и Шевыревымъ. Максимовичъ былъ преподавателемъ ботаники въ Московской Земледѣльческой школѣ, по приглашенію Павлова, въ Московской коммерческой Практической академіи, обучалъ естественной исторіи въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ (съ 1826 г., въ теченіе 7 лѣтъ), завѣдывалъ Университетскимъ ботаническимъ садомъ, а съ 1828 г. былъ сначала адъюнктомъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Московская университетская служба Максимовича окончилась съ его переходомъ въ Кіевъ. Максимовичъ, не занимая виднаго мѣста въ наукѣ, былъ однимъ изъ самыхъ живыхъ и талантливыхъ преподавателей и популяризаторовъ своей науки, вносившимъ въ нее, какъ самъ онъ выражался, „хмѣлинку поэзіи"; лекціи его слушались съ увлеченіемъ, его отдѣльныя сочиненія и статьи по естествознанію обращали на себя общее вниманіе читающей публики. Одинъ изъ его слушателей говоритъ: „Когда нитью разсказа овладѣвалъ Максимовичъ, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе; самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка, и самый простой и обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ" (Шульгинъ, „Ист. Кіевскаго унив.", 169). Князю В. Ф. Одоевскому изданныя Максимовичемъ „Основанія зоологіи" (1824 г.) такъ понравились, что онъ написалъ о нихъ похвальный отзывъ и, познакомившись съ авторомъ, ввелъ его въ кружокъ Раича и архивныхъ юношей, а вслѣдъ за тѣмъ и въ салоны Елагиныхъ и княгини Волконской. Общее вниманіе, которое обратилъ на себя Максимовичъ своими естественно-научными трудами, происходило вслѣдствіе того, что, помимо яснаго и блестящаго изложенія, Максимовичъ вносилъ въ свою науку, по современнымъ понятіямъ, серьезный и глубокій философскій взглядъ на природу. Поданное Максимовичемъ профес. Павлову разсужденіе „О системѣ растительнаго царства" вызвало со стороны послѣдняго похвалу, „какъ первый плодъ его ученія о природѣ", а ректоръ

Антонскій и проф. Двигубскій выразили неудовольствіе „за излишество философскаго элемента въ диссертаціи". Но не одна только ботаника занимала Максимовича; въ такой же мѣрѣ онъ занимался и литературой. Максимовичъ въ это время помѣщалъ стихи въ тогдашнихъ журналахъ и московскихъ альманахахъ, продолжая это занятіе и впослѣдствіи, въ издаваемыхъ имъ сборникахъ („Кіевлянинѣ" и „Украинцѣ"). Въ „Денницѣ" 1834 года Максимовичъ помѣстилъ три сказки для дѣтей, изданныя впослѣдствіи отдѣльно. („Три сказки и одна побасенка". Кіевъ, 1845 года) и выдержавшія не одно изданіе. Сначала Максимовичъ близко сошелся съ Полевымъ и былъ постояннымъ сотрудникомъ „Телеграфа", помѣщая въ немъ критическія статьи относительно книгъ съ естественно-научнымъ содержаніемъ; а съ 1831 года, разойдясь съ Полевымъ, онъ перенесъ свою дѣятельность въ „Телескопъ". Изъ критическихъ статей Максимовича въ чисто-литературномъ смыслѣ извѣстны: критическая статья о „Полтавѣ" Пушкина, помѣщенная въ „Атенеѣ", разборъ перевода „Слово о полку Игоревѣ" Вельтмана въ „Молвѣ", гдѣ Максимовичъ впервые затронулъ произведеніе, занимавшее его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и „Обзоръ русской литературы за 1832 годъ" въ „Денницѣ" 1834 г. Обзоръ этотъ возбудилъ, между прочимъ, полемику между Максимовичемъ и Полевымъ. Съ 1830 по 1834 годъ Максимовичъ издалъ три томика альманаха „Денница", о которыхъ мы уже говорили. Максимовичъ въ стихотвореніяхъ своихъ ничѣмъ не выдавался, хотя онъ и не лишенъ былъ поэтическаго таланта, какъ это доказывается прекраснымъ его переложеніемъ „Слова о полку Игоревѣ" на малороссійскій языкъ (въ альманахѣ „Украинецъ"). Въ критикѣ Максимовичъ доказывалъ историческую вѣрность характера въ лицахъ, выведенныхъ Пушкинымъ въ „Полтавѣ". Важнѣйшимъ же литературнымъ трудомъ Максимовича было изданіе малороссійскихъ пѣсенъ: первый сборникъ—„Малороссійскія пѣсни" (М. 1827 г.); второй—„Украинскія народныя пѣсни" (ч. I, М. 1834 г.) и къ нему голоса украинскихъ пѣсенъ, положенныя на ноты Алябьевымъ (М. 1834 г.); третій „Сборникъ украинскихъ пѣсенъ "(К. 1849 года). Замѣчательно, что въ кружкѣ архивныхъ юношей встрѣтились двое самыхъ усердныхъ и толковыхъ собирателей народной пѣсни: П. В. Кирѣевскій и М. А. Максимовичъ; сборникъ послѣдняго въ 1827 году изданъ былъ на деньги Соболевскаго.

Значеніе русскихъ народныхъ пѣсенъ для литературы Максимовичъ понималъ серьезнѣе и глубже большинства своихъ современниковъ. Въ предисловіи къ „Малороссійскимъ пѣснямъ" 1827 года Максимовичъ говорилъ: „Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе: да создастся поэзія истинно-русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныхъ, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи большаго вниманія заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная". И дѣйствительно, первый сборникъ пѣсенъ Максимовича оказалъ прямое и непосредственное свое вліяніе на нашу литературу въ лицѣ двухъ важнѣйшихъ ея представителей—Пушкина и Гоголя. Максимовичъ разсказывалъ, что въ то время, когда Пушкинъ писалъ „Полтаву", Максимовичъ засталъ разъ поэта за своимъ сборникомъ. „А я обираю ваши пѣсни", сказалъ Пушкинъ. Въ Москвѣ, на обѣдѣ у графа Уварова, послѣдній хвалилъ только-что прослушанную имъ лекцію Максимовича по ботаникѣ,—между прочимъ, въ отношеніи къ литературному изложенію. Пушкинъ замѣтилъ: „да, мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литераторомъ; онъ подарилъ насъ малороссійскими пѣснями". Гоголь писалъ Максимовичу: „Моя радость, жизнь моя пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что эти черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, дивными лѣтописями. Да я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, вмѣсто тѣхъ печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость пришлите этотъ экземпляръ мнѣ" („Вѣстн. Евр." 1874, II, 449—450). Теперь, когда малорусскія народныя сказки отчасти изданы г. Рудченкомъ (1869—1870), можно наглядно видѣть, какъ обильно Гоголь черпалъ изъ народныхъ преданій и разсказовъ. Вліяніе „Сборника" Максимовича отразилось и внѣ Россіи, у соплеменныхъ славянъ. На юбилеѣ Максимовича Лопатинскій изъ Галичины обратился къ юбиляру съ такою здравицею: „Вы почитаетесь создателемъ нашей галицко-русской литературы; вашъ сборникъ южно-русскихъ пѣсенъ побу-

дилъ въ первый разъ нашихъ людей къ литературной дѣятельности; а ваше южно-русское правописаніе установилось въ Галичинѣ. Вотъ почему вы считаетесь патріархомъ нашей народной, галицко-русской письменности". Въ то же время Максимовичъ выступилъ первымъ писателемъ собственно для народа изъ нашей ученой литературной среды. Его „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ", изданная въ 1833 году, содержащая въ себѣ популярное изложеніе системы мірозданія, выдержала двѣнадцать изданій и была въ свое время очень распространенною въ низшихъ школахъ и между грамотнымъ населеніемъ; она была неизбѣжнымъ и ходячимъ товаромъ у всякаго разнощика съ книгами и картинками для народа. Объ этой книгѣ, еще въ то время, Д. В. Давыдовъ выразился: „Книга Наума" заслужила отъ меня большое уваженіе; она—не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, а смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселянина". Максимовичъ издалъ впослѣдствіи „Историческій бытъ Россіи, или повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ въ Русской землѣ и о дѣяніяхъ ея православныхъ государей", книга для народнаго чтенія (М. 1842 года), и „Краткій Букварь для Русскаго народа" (М 1859 г.).

Въ 1834 году Максимовичъ перешелъ профессоромъ русской словесности въ открывавшійся тогда Кіевскій университетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ ректоромъ, но сложилъ съ себя это званіе въ 1835 году, а въ 1841 г., 36-ти лѣтъ, по болѣзни отказался и отъ профессорской должности. Съ 1843—1845 года, нѣсколько оправившійся, Максимовичъ снова читалъ лекціи по особому приглашенію, но съ 1845 года Максимовичъ навсегда оставилъ профессорскую службу. Въ Кіевѣ Максимовичъ обратился къ изученію древней русской исторіи, преимущественно Южной Руси, и напечаталъ въ разныхъ столичныхъ и мѣстныхъ журналахъ множество статей по этому предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ усердныхъ дѣятелей въ учрежденныхъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ археологической коммиссіи для изслѣдованія Югозападнаго края и археографической коммиссіи. Самыя эти коммиссіи до нѣкоторой степени вызваны были стараніями Максимовича учредить особое общество, въ родѣ Московскаго, для изслѣдованія исторіи и памятниковъ южно-русскаго народа. Кіевская дѣятельность Максимовича до насъ не относятся. Въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевскаго

университета" дѣятельность эта характеризована слѣдующимъ образомъ: „Труды Максимовича по древне-русской литературѣ и особенно по русскому языку, теперь уже конечно совершенно устарѣвшіе и потерявшіе значеніе, обращаютъ на себя вниманіе своимъ остроуміемъ и ставятъ его на ряду съ лучшими изслѣдователями русской литературы и языка стараго времени. Работы Максимовича по исторіи Южной Руси вообще и Кіева въ частности, помимо своихъ замѣчательныхъ выводовъ, представляютъ цѣлую массу тщательно собраннаго матеріала, которымъ даже и теперь могутъ пользоваться наши историки" (385). Но нельзя не замѣтить, что Максимовичъ былъ первымъ піонеромъ того національнаго движенія, которое стремилось воскресить остатки и права подавленной народности въ средѣ ополяченной Южной Руси. Еще въ 1837 году, въ своей университетской рѣчи—„объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи"—Максимовичъ высказалъ эту новую для своего времени мысль, впослѣдствіи сдѣлавшуюся лозунгомъ цѣлаго общественнаго и правительственнаго направленія. Въ этомъ смыслѣ напутствовалъ Максимовича Хомяковъ, въ письмѣ, написанномъ Максимовичу въ 1840 году, когда появилась первая книжка „Кіевлянина": „Пора Кіеву отозваться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слова и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы: онъ—городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями". Но стихотвореніе Хомякова „Кіевъ" не было пропущено цензурою. Профессоръ Драгомановъ написанный имъ некрологъ Максимовича оканчиваетъ слѣдующими словами: „Изучая Кіевскую Русь и ея народъ, истолковывая ее, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, начиная въ провинціальномъ городѣ учено-литературную дѣятельность, М. А. Максимовичъ тѣмъ именно и успѣлъ сослужить и прямо, и косвенно наукѣ, литературѣ и обществу всей Россіи, и показалъ, чего именно можно ждать отъ народныхъ силъ Кіевской Руси, при наступающихъ лучшихъ условіяхъ народной и областной жизни" („Вѣстн. Европы" 1874 г., II, 453).

Связи Максимовича съ лицами занимающаго насъ кружка, близкія и искреннія во все время московской его жизни, сохранились неизмѣнно и послѣ перехода въ Кіевъ. Съ 1849—50 г. Максимовичъ послѣ своей женидьбы пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ онъ издалъ

послѣднюю книжку „Кіевлянина", въ которой приняли участіе: Погодинъ, Соловьевъ, Бѣляевъ, кн. Оболенскій, помѣстили стихотворенія Ив. Аксаковъ, К. Павлова, граф. Растопчина и др. Когда предпринято было изданіе „Русской Бесѣды", редакторы обратились къ Максимовичу. Максимовичъ охотно отозвался на этотъ призывъ: въ концѣ 1857 года вмѣстѣ съ женою переѣхалъ въ Москву, около полугода помогалъ Александру Ивановичу въ редакціи „Русской Бесѣды" (но не былъ ея редакторомъ, какъ сказано въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевскаго университета") и помѣстилъ тамъ нѣсколько интересныхъ статей". Въ то же время Максимовичъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ принялъ дѣятельное участіе въ возстановленіи распавшагося съ 1830 г. „Московскаго Общества любителей россійской словесности" и сдѣлался секретаремъ и однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей воскресшаго Общества. Въ началѣ 1859 г. Максимовичъ выпустилъ въ Москвѣ первую книжку „Украинца" и впослѣдствіи принималъ участіе въ журналахъ „Основа" и „День". Лично съ Александромъ Ивановичемъ Максимовичъ сохранялъ близкія и пріятельскія отношенія до самой своей смерти. Писемъ Максимовича сохранилось немного и они относятся къ принятой на себя Максимовичемъ обязанности разобрать бумаги умершаго И. В. Кирѣевскаго. Максимовичъ составилъ біографію послѣдняго, но, какъ уже мною было замѣчено, біографія эта не была принята; поэтому извѣстіе, помѣщенное въ „Словарѣ Кіевскихъ профессоровъ", что труды И. В. Кирѣевскаго изданы подъ редакціею Максимовича, не совсѣмъ вѣрно.

Этотъ небольшой, товарищескій кружокъ необходимо дополнить характеристикой лица, которое въ то время стояло довольно далеко, но вскорѣ получило преобладающее значеніе. Такимъ явился А. С. Хомяковъ, который не только повелъ за собою во всей послѣдующей дѣятельности наиболѣе выдающихся членовъ кружка, но собралъ подъ своимъ знаменемъ другой, болѣе обширный кружокъ, которому суждено было играть не малозначительную, хотя до сихъ поръ не оцѣненную роль въ исторіи нашего образованія.

Александръ Ивановичъ познакомился съ Хомяковымъ въ 1823 г. въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ; но знакомство это, по всей вѣроятности, относится къ случайному проѣзду Хомякова черезъ Москву, при переходѣ изъ Астраханскаго кирасирскаго полка въ гвардію, и потому не могло быть продолжительнымъ. Затѣмъ, какъ

мы видѣли, Александръ Ивановичъ ближе столкнулся съ Хомяковымъ въ 1827 г. въ Петербургѣ у постели умирающаго Веневитинова. Въ это время, въ письмѣ къ матери (28 мая 1827 г.), Кошелевъ такъ описывалъ свое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ Хомяковымъ: „А. С. Хомяковъ удивительный человѣкъ: свою нравственную страсть онъ доводитъ до послѣдней крайности. Въ большомъ обществѣ и въ особенности при дамахъ онъ невыносимъ. Онъ никогда не хочетъ быть любезнымъ, опасаясь кого-нибудь тѣмъ привести въ соблазнъ. Не только Великій постъ, онъ соблюдаетъ и всѣ прочіе посты. Всю Страстную недѣлю онъ не ѣстъ мяса, а въ Великую пятницу совсѣмъ воздерживается отъ пищи. Но не подумайте, чтобы онъ былъ святоша (bigôt) или фанатикъ. Ни то, ни другое. Онъ находитъ что такъ должно поступать по убѣжденію, и вовсе не осуждаетъ, если другіе поступаютъ иначе. Онъ очень образованъ, имѣетъ большія способности къ поэзіи и вообще человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ". Самъ Хомяковъ говоритъ о строгомъ имъ исполненіи обрядовъ православной церкви такимъ образомъ: „Принадлежа къ свѣтскому обществу, вы изъ уваженія къ нему исполняете до нѣкоторой степени условныя приличія, хотя вы и сами не придаете имъ никакого значенія и часто даже чувствуете отъ того большую для себя тяжесть. Неужели же церковь, какъ общество вѣрующихъ, также усвоившее себѣ извѣстную обрядность, заслуживаетъ меньшаго уваженія?" Другое дѣло—отношеніе къ существу религіи: здѣсь Хомяковъ является глубоко убѣжденнымъ, искренно религіознымъ человѣкомъ.

Объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ (1804—1860 гг.) сохранилось очень мало біографическихъ данныхъ. Жизнь его была больше внутренняя, оставившая мало слѣдовъ, особенно въ виду того, что Хомяковъ, независимо отъ него, устраненъ былъ отъ всякой общественной дѣятельности. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству. Въ ихъ домѣ сохранились родовые разсказы, старинныя вещи и бумаги изъ временъ Елизаветы, Петра и царя Алексѣя Михайловича, который особенно былъ милостивъ къ предку Алексѣя Степановича, своему старшему подсокольничьему Петру Семеновичу Хомякову, и писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ архивѣ Хомяковыхъ. Хомяковъ дорожилъ этимъ воспоминаніемъ и съ любовью изучалъ исторію своихъ предковъ лѣтъ за 200 въ глубь старины. Отецъ и мать Хо-

мякова были природные москвичи и только по лѣтамъ проживали въ деревнѣ. Замѣчательно, что воспитаніе Хомякова, точно также какъ Кирѣевскихъ, Кошелева и другихъ членовъ кружка, главнымъ образомъ лежало на матери. Отецъ Хомякова былъ человѣкъ очень умный и образованный. Несмотря на страсть къ разнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, напримѣръ къ откупамъ, и къ картамъ,—онъ былъ однимъ изъ основателей Московскаго Англійскаго клуба,—отецъ Хомякова былъ человѣкъ серьезный и занимавшійся наукою. Послѣ него остались рукописныя записки по математикѣ, которою онъ особенно любилъ заниматься въ свободное время. Мать, урожденная Кирѣевская,—не родня впрочемъ И. и П. В. Кирѣевскимъ,—была тоже умная и образованная женщина, замѣчательная сильнымъ характеромъ и большою энергіей, которую она передала и своему сыну. Замѣчательно, что мать Хомякова отличалась необыкновеннымъ участіемъ къ явленіямъ общественной жизни, такъ что 80-лѣтнею старухой она заболѣвала отъ разныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ началѣ Александровскаго царствованія. Въ августѣ 1857 года, послѣ кончины матери, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „Не говорю объ ней, какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьезные—религіозные, политическіе и общественные? Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатерининская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1800—1825 годовъ), ни придавлено (1827 до 1855 года)".

Родители Хомякова, какъ видно, старались дать ему тщательное образованіе, какое могли сообщить учителя-эмигранты. Оно заключалось обыкновенно въ усвоеніи новѣйшихъ языковъ, преимущественно французскаго, и въ изученіи латинскаго языка и литературы. Учителя-эмигранты того времени сами были воспитаны на классической литературѣ, и оттого мы видимъ, что всѣ лица насъ занимающія провели свою молодость въ изученіи классиковъ. Хомяковъ усвоилъ себѣ языки французскій, нѣмецкій и англійскій и читалъ свободно по-латыни. Изъ жившихъ въ домѣ учителей сохранилась память объ аббатѣ Boivin. У насъ вообще сложилось неблаговидное представленіе о французскихъ эмигрантахъ, воспитывавшихъ

прежнее дворянское поколѣніе; въ особенности предубѣжденія противъ нихъ высказывались въ современной литературѣ. Но въ числѣ этихъ эмигрантовъ попадались конечно люди съ серьнымъ образованіемъ, болѣе способные передать своимъ питомцамъ результаты европейской культуры, нежели домашніе педагоги того времени. Эти эмигранты передали дворянству того времени эстетическій аристократическій лоскъ салоновъ старой, дореволюціонной Франціи. Все дѣло было въ выборѣ, и мы видимъ, что Хомяковъ, Веневитиновъ, Кирѣевскій, какъ всѣ образованные люди того времени, озабоченные воспитаніемъ своихъ дѣтей, умѣли найти изъ числа эмигрантовъ людей подходящихъ. Хомяковъ въ дѣтствѣ отличался остроуміемъ и стремленіемъ къ независимости. Сохранился о немъ такой анекдотъ. Еще во время своихъ уроковъ у аббата, Хомяковъ въ какой-то книгѣ отыскалъ папскую буллу, замѣтилъ въ ней опечатку и, показывая аббату, спрашивалъ его, зачѣмъ же онъ считаетъ папу непогрѣшительнымъ, тогда какъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Алексѣй Степановичъ воспитывался дома съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, умершимъ въ 1828 году на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ чиновникомъ по дипломатической части при Паскевичѣ. О немъ сохранилось воспоминаніе какъ о чрезвычайно даровитомъ человѣкѣ. Старшій Хомяковъ былъ любимымъ сыномъ родителей, такъ какъ своей успѣшною службой въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ удовлетворялъ родительскому тщеславію и въ молодые годы получилъ званіе камеръ-юнкера.

Одно изъ первыхъ впечатлѣній, которое запало въ воспріимчивую душу Хомякова, было французское нашествіе. Хомякову было 8 лѣтъ, когда сгорѣла Москва, съ которой соединены были воспоминанія его дѣтства. Съ тѣхъ поръ все постоянно говорило о великой борьбѣ. Въ началѣ 1815 года отецъ Хомякова со всѣмъ семействомъ переѣхалъ изъ Смоленской деревни въ Петербургъ. Во всю дорогу мальчики слышали только военные разсказы, мечтали, что они ѣдутъ драться съ Наполеономъ, и, пріѣхавши въ Петербургъ, жалѣли о Ватерлооскомъ сраженіи. „Съ кѣмъ же мы будемъ теперь драться?—спрашивалъ старшій братъ младшаго?— Стану бунтовать славянъ,—отвѣчалъ десятилѣтній Хомяковъ. На эту мысль, по разсказамъ, наведенъ былъ Хомяковъ лубочными портретами сербскаго вождя, Чернаго Георгія, попадавшимися ему

почти на каждой станціи по дорогѣ въ Петербургъ. Таково было положеніе всѣхъ старѣйшихъ славянофиловъ: свидѣтели въ раннемъ возрастѣ Московскаго пожара, они встрѣтились съ Западомъ на первыхъ же порахъ враждебно и не могли придти въ то состояніе безусловно и съ самозабвеніемъ преклоняющагося поклоненія, въ какое могли встать люди позднѣйшаго поколѣнія, приходившіе туда, съ наболѣвшею дома душой, найти отраду подъ сѣнью чужой, но гостепріимной культуры. Самый Петербургъ, съ его европейскимъ лоскомъ, оффиціальными пріемами, съ массой иностранцевъ и иноземнымъ говоромъ даже на улицахъ,—поразилъ и испугалъ мальчиковъ, выросшихъ въ православной и патріархальной Москвѣ того времени или же въ деревнѣ. „Имъ все чудилось, что они очутились въ какомъ-то нерусскомъ городѣ, гдѣ ихъ непремѣнно заставятъ перемѣнить вѣру; и оба мальчика твердо положили себѣ лучше вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона“ (Бартеневъ). Въ Петербургѣ Хомяковы оставались около двухъ лѣтъ; тамъ учителемъ русской словесности у нихъ былъ А. А. Жандръ. Жандръ перевелъ нѣсколько хоровъ и одну сцену изъ трагедіи Расина „Гофолія“; вмѣстѣ съ Катенинымъ, кн. Шаховскимъ и Ченцовымъ—одно дѣйствіе изъ трагедіи Корнеля „Горацій“ (1817 г.), вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ—съ французскаго комедію Барта „Притворная невѣрность“ (1817), передѣлалъ Шиллеровы сцены подъ заглавіемъ „Семела“, миѳологическое представленіе (1825) и помѣстилъ два-три стихотворенія въ современныхъ журналахъ. Членъ театральнаго кружка, собиравшагося около князя Шаховскаго, пріятель Грибоѣдова, Катенина и Гнѣдича, Жандръ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ классическаго направленія, подававшихъ руку шишковистамъ, и противниковъ новой литературной школы, основанной Карамзинымъ и Жуковскимъ. Бездарный, теперь забытый драматургъ не могъ имѣть прочнаго вліянія на одареннаго смолоду поэтическимъ талантомъ Хомякова; но его консервативныя убѣжденія въ литературѣ косвенно укрѣпляли привязанность Хомякова къ отечественной старинѣ и ея преданіямъ.

Хомяковы изъ Петербурга вернулись въ Москву и здѣсь заканчивалось ихъ образованіе приглашеніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ, въ томъ числѣ Щепкина, преподававшаго имъ математику. Хомяковъ былъ вольнымъ слушателемъ въ университетѣ. Гр. Ос-

тенъ-Сакенъ въ числѣ учителей Хомякова называетъ Мерзлякова. Вѣроятно, Сакенъ слышалъ объ этомъ отъ самого Хомякова, и отсюда можемъ заключить, что Мерзляковъ своими лекціями произвелъ сильное и сохранившееся въ памяти вліяніе на Хомякова. Алексѣй Степановичъ жадно принялся за чтеніе, пользуясь богатою библіотекой своего отца и профессора Щепкина, ссужавшаго его книгами. Тогда онъ положилъ начало обширной, изумлявшей всѣхъ съ нимъ встрѣчавшихся, начитанности и остановился преимущественно на литературѣ и исторіи. Гр. Остенъ-Сакенъ говоритъ о молодомъ Хомяковѣ, поступившемъ на службу, что „образованіе его было поразительно превосходное, и что во всю жизнь свою онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ". Но, какъ бы то ни было, образованіе Хомякова лишено было опредѣленнаго плана и строгой системы, въ томъ видѣ, какъ они существовали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: и это сказалось въ позднѣйшей литературной дѣятельности Хомякова. Правда, была здѣсь и хорошая сторона: умъ Хомякова не принялъ того односторонняго и отвлеченнаго направленія, которое вырабатывается книжнымъ изученіемъ, устраняющимся отъ столновенія съ жизнію. Въ этомъ смыслѣ Хомяковъ не безъ основанія замѣтилъ въ своей „Семирамидѣ", что „многія истины, и можетъ-быть самыя важныя истины, какія только дано познать человѣку, передаются отъ одного къ другому безъ логическихъ доводовъ, однимъ намекомъ, пробуждающимъ въ душѣ скрытыя ея силы: мертва была бы наука, которая стала бы отвергать правду потому только, что она не явилась въ формѣ силлогизма" (Соч., III, 50—51). „Книга получила излишній авторитетъ и душная тѣснота кабинетной жизни поглотила и засушила въ Германіи силы, которыхъ развитіе могло бы быть плодотворнымъ для міра" (533). Но отсутствіе систематическаго образованія лишило Хомякова той сдержанности и того недовѣрія къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, къ недостаточно обоснованнымъ гипотезамъ, которыя вообще замѣчаются у людей, не прошедшихъ въ молодости опредѣленной и систематической школы. Кромѣ того Хомяковъ, по самой природѣ своей, былъ поэтъ и иногда увлекался порывомъ своей фантазіи въ строгой области науки. „Ученость,—говоритъ Хомяковъ въ своей „Семирамидѣ",—можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: чувство художника есть внутреннее чутье, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ" (III, 131).

Но во всякомъ случаѣ Хомяковъ былъ живой и самобытный человѣкъ. При его впечатлительной натурѣ, явленія окружающей жизни не только не проходили безслѣдно, но глубоко западали въ душу и возбуждали сильную дѣятельность мысли, стремившейся, при врожденной ему энергіи, переходить, гдѣ только возможно, въ дѣло. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ напечатано посланіе къ Веневитинову, написанное Хомяковымъ при первомъ извѣщеніи о греческомъ возстаніи, когда ему было около 16 лѣтъ. Въ немъ Хомяковъ выразилъ свое сочувствіе къ грекамъ и стремленіе стать въ ряды народа, возставшаго за свою свободу. Пылкій юноша, какъ Байронъ, предавался такимъ мечтамъ:

Такъ, я пойду, друзья, пойду въ кровавый бой
За счастіе страны, по сердцу мнѣ родной,
И, новый Леонидъ Эллады возрожденной,
Я буду жить въ вѣкахъ и памяти вселенной.
Я гряну какъ Перунъ.—Прелестный, сладкій сонъ!
Но никогда—увы!—не совершится онъ.

Но, отрезвившись, Хомяковъ даетъ такое удобоисполнимое обѣщаніе:

О еслибъ гласъ царя призвалъ насъ въ грозный бой!
О еслибъ онъ велѣлъ, чтобъ русскій мечъ стальной,
Спаситель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Отмстилъ за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы, грудью ставъ средь доблестныхъ бойцевъ,
За грековъ мщенье, честь и вѣру праотцевъ,
Я ожилъ бы еще разцвѣтшею душою
И, снова подружась съ Каменою благою,
На лирѣ сладостной, въ объятіяхъ друзей,
Я пѣлъ бы старину и битвы древнихъ дней!

И Хомяковъ, какъ сейчасъ увидимъ, сдержалъ свое слово. Но и его юношескія мечтанія не остались только плодомъ воображенія. Въ домѣ Хомяковыхъ былъ прежде гувернеромъ нѣкто Арбе, домашній человѣкъ у князей Маврокордато. Онъ былъ агентомъ филеллиновъ, часто ѣзжалъ къ Хомяковымъ, передавалъ извѣстія о ходѣ греческаго возстанія, и замѣтивъ, что бывшій его воспитанникъ жадно слушаетъ его разсказы, вошелъ съ нимъ въ ближайшія сношенія и не задумался достать ему фальшивый паспортъ.

Семнадцатилѣтній Хомяковъ задумалъ бѣжать, чтобы присоединиться къ греческому возстанію: взявъ съ собою какія были деньги (около 50 руб. асс.), Хомяковъ купилъ засапожный ножъ и, поздно вечеромъ, въ ваточной шинелишкѣ, ушелъ изъ дому, но, конечно, его вернули, едва онъ успѣлъ перебѣжать за Серпуховскую заставу. Нельзя не остановиться съ любовью на этомъ первомъ проявленіи юношеской энергіи: она была за свободу! И Хомяковъ остался вѣренъ этому внутреннему чувству; онъ ненавидѣлъ насиліе и произволъ во всѣхъ его видахъ и никогда не мирился съ нимъ, во имя государственныхъ или національныхъ интересовъ. Къ 1818 или 1819 году относится также и первый, напечатанный въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности", трудъ шестнадцатилѣтняго Хомякова—переводъ Тацитовой „Германіи". Изъ воспоминаній о Хомяковѣ гр. Остенъ-Сакена („Утро" 1866, стр. 426) видно, что Хомяковъ весною 1822 года, на восемнадцатомъ году, привезенъ былъ отцомъ къ Сакену въ Ново-Архангельскъ—для поступленія въ военную службу—и принятъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Сакенъ. „Я былъ тогда женатъ,—говоритъ Сакенъ,—и принялъ въ нашъ домъ юношу Хомякова какъ сына, ибо при первомъ уже свиданіи онъ внушилъ мнѣ и женѣ моей полное сочувствіе". На-ряду съ вышеприведеннымъ отзывомъ Сакена объ общемъ образованіи Хомякова, Сакенъ съ большою похвалой отзывается о внѣшнихъ качествахъ Хомякова, имѣющихъ важность въ глазахъ кавалериста: „Хомяковъ ѣздилъ верхомъ отлично, прыгалъ черезъ препятствія въ вышину человѣка и превосходно дрался на эспадронахъ". Черезъ годъ Хомяковъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Хомяковъ прибылъ въ Петербургъ въ то время, когда политическое движеніе охватило гвардейскую молодежь и были въ полномъ разгарѣ тайныя общества, приведшія къ декабрьской катастрофѣ. Любопытно отношеніе къ этому движенію Хомякова. Сочувствуя стремленіямъ лучшихъ людей тогдашняго времени, насколько выражалось въ нихъ горячее желаніе блага отечеству, Хомяковъ никогда не соглашался со многими изъ нихъ въ средствахъ исполненія. У близкихъ своихъ знакомыхъ Мухановыхъ, часто видаясь съ Рылѣевымъ и его друзьями, въ своихъ горячихъ спорахъ съ ними онъ постоянно держался той мысли, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Такъ однажды, осенью

1824 года, они до поздней ночи проспорили съ Рылѣевымъ объ этомъ предметѣ. Смыслъ словъ молодаго офицера былъ таковъ: „Что такое войско?—Это собраніе людей, которыхъ народъ вооружилъ на свой счетъ и которымъ онъ поручилъ защищать себя: оно служитъ народу. Гдѣ же будетъ правда, если эти люди, въ противность своему назначенію, начнутъ распоряжаться народомъ по своему произволу?“ Другаго своего знакомца, кн. А. И. Одоевскаго, Хомяковъ бѣсилъ, увѣряя его, что онъ вовсе не либералъ, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Въ 1825 году Хомяковъ вышелъ въ отставку и отправился за границу, гдѣ оставался до 1826 года, такъ что событіе 14 декабря провелъ онъ въ Парижѣ. Тамъ Хомяковъ жилъ долго и уединенно, много занимался живописью и писалъ трагедію свою „Ермакъ“. Къ этому же времени относятся первыя мелкія стихотворенія Хомякова. Въ Россію Хомяковъ вернулся объѣхавши землю западныхъ славянъ, куда въ его время не заѣзжалъ никто изъ русскихъ путешественниковъ. Это также указываетъ на оригинальность политическаго воззрѣнія Хомякова, смолоду оцѣнившаго важность племенныхъ нашихъ отношеній, для изученія коренныхъ основъ нашей общей со всѣми славянами русской старины. 12 октября 1826 года Хомяковъ, вмѣстѣ со всѣми членами кружка, присутствовалъ въ Москвѣ на чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова“, въ домѣ Веневитиновыхъ. „На другой день,—говоритъ Погодинъ, было назначено чтеніе „Ермака“, только-что конченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ приносилъ жертву. „Ермакъ“, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ „Бориса Годунова“ и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали похвалу. Мы почти не слыхали его. Всякій думалъ свое. Пушкинъ такъ отзывался о „Ермакѣ“: „Ермакъ“ идеализированный—лирическое произведеніе въ формѣ драмы. „Ермакъ“, лирическое произведеніе пылкаго, юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи“. Несмотря на то, „Ермакъ“, поставленный въ 1832 году на сцену Петербургскаго театра, имѣлъ успѣхъ.

Ф. С. Хомяковъ писалъ 30 августа 1829 г. А. В. Веневитинову (брату Веневитинова), что Малый театръ, гдѣ давали „Ермака“,

былъ полонъ до невѣроятности и успѣхъ былъ блистательный. Неимовѣрно, какое вліяніе онъ произвелъ при превосходной игрѣ Каратыгина. Рукоплесканія были оглушительны и при окончаніи вызывали автора (бывшаго тогда подъ Шумлою). „Ермакъ" былъ осыпанъ похвалами въ „Сѣверной Пчелѣ", но Полевой („Телеграфъ" 1829 г., № 17) помѣстилъ о немъ рѣзкую критику, называя трагедію несвязною, неестественною и слабою, такъ какъ въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, все на ходуляхъ, все сентенціи и риторическія чувства. „Ермакъ" былъ написанъ совершенно во вкусѣ трагедій Озерова, и потому не удивительно, что онъ восхищалъ современную публику; но онъ уже не удовлетворялъ новую критическую школу въ лицѣ Полевого. Молодежь тогдашняго времени восхищалась „Ермакомъ": К. С. Аксаковъ разсказываетъ, что въ его время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) студенты на своихъ пирушкахъ пѣли пѣсни изъ „Ермака". Такимъ образомъ А. С. Хомяковъ только въ 1826 году сблизился съ кружкомъ, собиравшимся около Веневитинова, и, повидимому, принялъ горячее участіе въ его интересахъ: толки о журналѣ происходили въ домѣ Хомяковыхъ, причемъ оба брата были на-лицо. Но пребываніе Хомякова въ Москвѣ на этотъ разъ было непродолжительно: въ началѣ 1827 г. онъ уже находился въ Петербургѣ, у постели умиравшаго Веневитинова, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, столкнулся съ А. И. Кошелевымъ; но пробылъ тамъ недолго и въ 1828 г. снова вступилъ въ военную службу въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Во все время Турецкой кампаніи 1828 г. Хомяковъ былъ адъютантомъ у князя Мадатова, участвовалъ въ сраженіяхъ и отличался холодною, блестящею храбростью. Во время кампаніи Хомяковъ на мѣстѣ познакомился съ болгарскимъ населеніемъ. Въ 1829 году, послѣ заключенія мира, Хомяковъ вышелъ въ отставку, изъ Адріанополя въ январѣ 1830 г. пріѣхалъ въ Россію и опять посѣтилъ Петербургъ. Кошелевъ говоритъ, что во время пребыванія его въ Петербургѣ съ 1827 по 1831 г. Хомяковъ часто живалъ тамъ и тогда они почти ежедневно видѣлись или у кн. Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. „Вечера и обѣды у кн. Одоевскаго, въ которыхъ принималъ участіе В. П. Титовъ, все болѣе и болѣе,—говоритъ Александръ Ивановичъ,—скрѣпляли нашу дружбу и сильно содѣйствовали къ нашему умственному и нравственному развитію". Но въ это время ни о какомъ славянофильскомъ круж-

кѣ—въ томъ смыслѣ, какъ онъ сложился впослѣдствіи—не было и помину. Нѣтъ даже данныхъ, чтобы судить, насколько въ это время подвинулся самъ Хомяковъ въ созданіи того цѣльнаго міровоззрѣнія, которое впослѣдствіи объединило между собою членовъ кружка и создало изъ нихъ партію, съ которой приходилось считаться образованному меньшинству того времени. Извѣстно только, что самъ Хомяковъ очень цѣнилъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ письмѣ къ А. В. Веневитинову онъ говоритъ: „Одоевскій да Карамзины мирятъ меня съ Петербургомъ". Затѣмъ Александръ Ивановичъ свидѣлся вновь съ Хомяковымъ въ Москвѣ въ началѣ 1833 года и съ того времени начались между ними тѣ постоянныя связи, о которыхъ придется говорить впослѣдствіи.— Непосредственно послѣ отставки Хомяковъ поселился въ деревнѣ, не занимаясь пока хозяйствомъ при жизни отца. А. С. Хомяковъ былъ страстнымъ охотникомъ; въ одномъ письмѣ къ А. В. Веневитинову въ 1830 или 31 году онъ говоритъ: „погода хорошая, собаки лихи, зайцы есть,—такъ съ этимъ не соскучусь. Прибавлю къ тому, что я изъ Турціи привелъ коней славныхъ, чудной ѣзды, покойныхъ какъ люлька, горячихъ какъ кипятокъ и быстрыхъ какъ Добрынинъ Златокопытъ. Книги есть, есть билліардъ и смѣшные сосѣди,—чего же больше?" Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія существуютъ объ Алексѣѣ Степановичѣ въ періодъ времени насъ занимающій. Мы не будемъ въ настоящее время говорить ничего о литературной и ученой дѣятельности Хомякова, такъ какъ она относится къ позднѣйшей эпохѣ, и тогда мы постараемся представить оцѣнку его значенія въ исторіи нашего общественнаго движенія. Но, для полноты сообщенныхъ нами свѣдѣній, мы прибавляемъ слѣдующую характеристику Хомякова, сдѣланную хорошо знавшимъ его М. П. Погодинымъ, въ рѣчи, произнесенной, по поводу его кончины, въ „Обществѣ любителей россійской словесности". Перечисливши ученыя и литературныя заслуги Хомякова, Погодинъ говоритъ: „И въ это же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку и беретъ привилегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимнею порошей за зайцами и описываетъ всѣ достоин-

ства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянья въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ Св. Владиміру, но не могъ получить его потому, что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ отъ любезныхъ сосѣдей и сосѣдокъ... Явился Хомяковъ—и все собраніе заливается единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются, и, съ первыхъ словъ, начинается споръ, споръ горячій, о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Споръ—это была стихія Хомякова: въ спорѣ чѣмъ онъ былъ живѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась творческая сила Хомякова, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе.— А въ чемъ Хомяковъ, столько разнообразный въ проявленіяхъ своей дѣятельности, полагалъ свое назначеніе? Незнавшіе его, разумѣется, не отгадываютъ никогда этого мнѣнія. Онъ считаетъ себя рожденнымъ для живописи—и по цѣлымъ недѣлямъ, бывало, сидѣлъ онъ держа въ рукахъ палитру, малюя свой портретъ чрезъ зеркало, портретъ своей жены, сочиняя сцены, располагая пейзажи, составляя новыя краски, чертя архитектурные планы, кои приводилъ иногда и въ исполненіе".

Замѣтимъ, что для большинства нашей публики, совершенно незнакомой съ учеными и литературными трудами Хомякова, онъ до сихъ поръ представляется только въ смыслѣ лирическаго поэта и блестящаго дебатёра. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 29 мая 1847 года кн. Одоевскій такъ выражался о Хомяковѣ: „Съ Хомяковымъ можно теперь меньше спорить, нежели когда-нибудь: что за лихой діалектическій наѣздникъ! Онъ такъ изловчился въ этомъ дѣлѣ, что я ограничиваюсь лишь требованіемъ опредѣлять слова, которыя онъ употребляетъ, метая ихъ со стороны въ сторону и раскидывая противорѣчія на далекія пространства, чтобы ихъ не замѣтили. Никогда его разговоръ не былъ такъ блистателенъ и такъ интересенъ: Семирамида, Гунны, Аттила—всѣ торчатъ на самыхъ блестящихъ иголкахъ, хотя и воткнутыхъ въ мыльный пу-

вырь. Впрочемъ, во всемъ этомъ Хомяковъ отвѣчаетъ самъ за себя, но никакъ не беретъ солидарности за всю славянофильщину". Мухановъ, хорошо знавшій Хомякова, въ своемъ „Воспоминаніи" о немъ, замѣчаетъ: „въ разговорахъ его съ глазу на глазъ нельзя было правильнѣе и глубже разсуждать о предметахъ высшей важности; какъ только являлось болѣе слушателей, онъ *перемѣнялъ совершенно направленіе своихъ рѣчей и вводилъ въ нихъ воззрѣнія столь парадоксальныя, часто неосновательныя*, и поддерживалъ ихъ силою и доводами, испещренными необыкновенною живостью и игривостью" („Русск. Арх." 1887 г., II, стр. 244). Эта блестящая діалектическая ловкость, доставлявшая Хомякову случай во время спора торжествовать надъ противникомъ, и страсть къ намѣреннымъ парадоксамъ, скрывавшимъ истинный смыслъ и серьезность его воззрѣнія на вопросъ, уязвляли самолюбіе многихъ и, по всей вѣроятности, играли нѣкоторую роль въ нерасположеніи, которое оказывалъ Герценъ преимущественно къ Хомякову, относясь болѣе сочувственно къ остальнымъ славянофиламъ.

Такимъ образомъ, съ самаго своего появленія въ кружкѣ шеллингистовъ, Хомяковъ стоялъ особнякомъ,—онъ никогда не былъ шеллингистомъ.

Хомяковъ, послѣ сближенія своего съ кружкомъ, не былъ съ нимъ солидаренъ, спорилъ и имѣлъ свой образъ воззрѣнія, не имѣющій ничего общаго съ германскою философіей, съ книгой и наукой, а заимствованный изъ жизни, изъ преданій. Очевидно, что А. С. Хомяковъ являлся въ кружокъ философствующихъ юношей не въ качествѣ ученика или сотрудника, а въ качествѣ самостоятельнаго мыслителя, и ранѣе или позже, больше или меньше перетянулъ каждаго изъ нихъ на свою сторону, несмотря на то, что такъ-называемое „славянофильское" направленіе не выработало вовсе особой школы или опредѣленной и для всѣхъ членовъ кружка обязательной системы міровоззрѣнія,—системы, ищущей для себя пропаганды или, по крайней мѣрѣ, признанія со стороны общества. Это удостовѣряли сами члены кружка. Погодинъ прямо говоритъ: „Славянофилы никогда не составляли такъ-называемаго общества, которое имѣло бы свой особенный катихизисъ, то-есть исповѣдывали бы убѣжденія равно для всѣхъ обязательныя. Они не собирались даже никогда вмѣстѣ, по чьему бы то ни было приглашенію, а только случайно, и по большей части толковали вдвоемъ или втроемъ, не имѣли ни-

когда спеціальныхъ намѣреній и никогда не условливались дѣйствовать совокупными силами. Они не знали даже вполнѣ, да и не заботились о томъ, что̀ каждый изъ нихъ думалъ, или какъ судилъ о томъ или другомъ предметѣ. Между ними господствовала совершенная свобода, и каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный образъ мыслей, который вырабатывался у него независимо отъ прочихъ, подвергаясь, разумѣется, только ихъ вліянію, посредственному или непосредственному" (Погодинъ, „Гражд". 1873, № 11). Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ" такъ объясняетъ происхожденіе славянофильскаго кружка: „Кружокъ составился не искусственно, не съ предварительно опредѣленною какою-либо цѣлью, а естественно, самъ собою, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и видовъ. Люди, одушевленные одинакими чувствами къ наукѣ и своей странѣ, движимые потребностью не попугаями повторять, что̀ говорится тамъ, гдѣ-то на Западѣ, а мыслить и жить самобытно и связанные взаимною дружбой и пребываніемъ въ одномъ и томъ же городѣ (Москвѣ),—видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшіе вопросы, дѣлили другъ съ другомъ и общественныя радости (которыхъ было очень мало), и общественное горе (котораго было въ избыткѣ), и такимъ образомъ, незамѣтно даже для самихъ участниковъ, составился кружокъ единодушный и единомысленный. Онъ составился такъ незамѣтно, что нельзя даже приблизительно опредѣлить года его нарожденія („Записки", 68). Хомяковъ, въ предисловіи къ „Русской Бесѣдѣ", обращался къ читателямъ съ такимъ заявленіемъ: „въ ней вы встрѣтите людей искренне любящихъ просвѣщеніе, но которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ, касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ". (Сочин., I, стр. 544). Тѣмъ не менѣе, въ славянофильскомъ кружкѣ значеніе Хомякова было преобладающее. Стóитъ для этого припомнить, что̀ писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ А. И. Кошелеву сейчасъ же послѣ смерти Хомякова: „Успѣли ли вы измѣрить страшную пустоту, которую онъ по себѣ оставилъ? Я до сихъ поръ по нѣскольку разъ въ день какъ будто открываю его отсутствіе. О чемъ бы я ни думалъ, каждая мысль невольно дойдетъ до него и вдругъ оборвется. Всѣ помыслы, всѣ начинанія примыкали и обращались къ нему. Горизонтъ человѣческой мысли стѣснился и цѣлая область духа, до которой онъ одинъ могъ насъ поднимать, закрылась для насъ навсегда. Я не постигаю возмож-

ности жить, работать, мыслить безъ него и дѣлаю надъ собой ежечасныя усилія, чтобъ окончательно не упасть духомъ; но я работаю механически, безъ участія къ дѣлу". Что же новаго приносилъ съ собою въ кружокъ философствующихъ юношей этотъ самобытный носитель народныхъ преданій? Чѣмъ перетянулъ онъ ихъ на свою сторону? Откуда сложился его собственный взглядъ и гдѣ онъ нашелъ ему подтвержденіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ— значитъ указать источникъ и цѣль славянофильскаго ученія. Не въ первый разъ этотъ вопросъ встрѣчается въ литературѣ. На первыхъ порахъ, въ эпоху страстной борьбы между славянофилами и западниками, позволительно было обвинять славянофиловъ въ презрѣніи къ западному просвѣщенію и въ желаніи вернуться къ допетровскимъ порядкамъ во всемъ ихъ безобразіи, — отыскивать неразрывную солидарность и прямое преемство между ними и послѣдователями Шишкова ([17]). Въ 1845 году, въ статьѣ, помѣщенной въ „Москвитянинѣ" („Обозрѣніе современнаго состоянія литературы". Сочин., II, 1—58), Кирѣевскій говоритъ: „Нѣкоторые думаютъ, что полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ современемъ пересоздать всего русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и непишущихъ литераторовъ, и тогда вся совокупность образованности нашей придетъ въ согласіе съ характеромъ нашей литературы. По ихъ понятію, развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, переиначить наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, изгладить нашу особенность и такимъ образомъ сдѣлать насъ европейски просвѣщенными" (стр. 35). „Другое мнѣніе, противоположное этому безотчетному поклоненію Запада и столько же одностороннее, хотя гораздо менѣе распространенное, заключается въ безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины и въ той мысли, что современемъ новопріобрѣтенное европейское просвѣщеніе опять должно будетъ изгладиться изъ нашей умственной жизни развитіемъ нашей особенной образованности. Оба мнѣнія равно ложны" (37). Опровергая послѣднее мнѣніе, Кирѣевскій приводитъ такіе доводы: „Каково бы ни было просвѣщеніе европейское, но если однажды мы сдѣлались его фанатиками, то истребить его вліяніе уже внѣ нашей силы, хотя бы мы того и желали. Можно подчинить его другому, высшему, направить къ той или другой цѣли, но всегда оно

останется существеннымъ, уже неизъемлемымъ элементомъ всякаго будущаго развитія нашего. Легче узнать все новое на свѣтѣ, чѣмъ забыть узнанное. Впрочемъ, еслибы мы и могли даже забывать по произволу, еслибы мы могли возвратиться въ ту отдѣленную особенность нашей образованности, изъ которой вышли, то какую пользу получимъ мы отъ этой новой отдѣленности? Очевидно, что, рано или поздно, мы опять пришли бы въ соприкосновеніе съ началами европейскими, опять подверглись бы ихъ вліянію, опять должны бы были страдать отъ ихъ разногласія съ нашею образованностію, прежде чѣмъ успѣли бы подчинить ихъ нашему началу, и такимъ образомъ безпрестанно возвращались бы къ тому же вопросу, который занимаетъ насъ теперь. Но, кромѣ всѣхъ другихъ несообразностей этого направленія, оно имѣетъ еще и ту темную сторону, что, безусловно отвергая все европейское, тѣмъ самымъ отрѣзываетъ насъ отъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка, ибо нельзя же забывать, что просвѣщеніе европейское наслѣдовало всѣ результаты образованности греко-римскаго міра, который, въ свою очередь, принялъ въ себя всѣ плоды умственной жизни всего человѣческаго рода. Оторванное такимъ образомъ отъ общей жизни человѣчества, начало нашей образованности, вмѣсто того, чтобы быть началомъ просвѣщенія живаго, истиннаго, полнаго, необходимо сдѣлается началомъ односторонности и, слѣдовательно, утратитъ все свое общечеловѣческое значеніе. Всякая форма жизни, однажды прошедшая, уже болѣе невозвратима, какъ та особенность времени, которая участвовала въ ея созданіи. Возстановить эти формы—то же, что воскресить мертвеца, оживить земную оболочку души, которая уже разъ отъ нея отлетѣла. Здѣсь нужно чудо: логики недостаточно,— по несчастію, недостаточно даже и любви" (Сочин., II, 38 и 39). „Всѣ споры о превосходствѣ Запада или Россіи, о достоинствѣ исторіи европейской или нашей и тому подобныя разсужденія— принадлежатъ къ числу самыхъ безполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать празднолюбіе мыслящаго человѣка" (40). Въ написанной Хомяковымъ программѣ къ „Бесѣдѣ" (1856 г.) онъ говоритъ: „Когда русское общество стало лицомъ къ лицу съ западною наукой, изумленное, ослѣпленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстью, къ которой только была способна его нѣсколько лѣнивая приро-

да. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, что̀ бы стоило памяти въ родѣ человѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше знаніе оцѣнило (хотя можетъ-быть еще не вполнѣ) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ,—намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные западною наукою, которымъ мы вѣримъ такъ безусловно,—намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ то же время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не казаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества“ (Сочин. Хомякова, I, стр. 546 и 547). Съ мнѣніями Александра Ивановича въ томъ же смыслѣ и даже гораздо шире, чѣмъ онъ вообще отличался отъ своихъ единомышленниковъ, мы еще не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Между тѣмъ Бѣлинскій, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ („Отеч. Записки“ 1846 г.), т. е. послѣ уже заявленія Кирѣевскаго, спрашивалъ: „Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ нужно вернуться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михай-

ловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)" (Соч. Бѣл., XI, 23). Очевидно, что подобное обвиненіе было не болѣе какъ *полемическій пріемъ*—настолько же вѣрный и добросовѣстный, насколько придуманное также Бѣлинскимъ и повторенное новѣйшими критиками сопоставленіе славянофильскаго ученія со статьями „Маяка", тогда какъ между славянофилами и редакціей послѣдняго не было никакой солидарности, никакого сходства ни въ убѣжденіяхъ, ни въ средствахъ къ достиженію предположенныхъ цѣлей. Между тѣмъ такіе полемическіе пріемы часто становились въ публикѣ, незнакомой съ ученіемъ славянофиловъ, единственнымъ основаніемъ враждебнаго къ нимъ отношенія. Помню Московскій университетъ сороковыхъ годовъ. Партія западная представлена была тѣми блестящими профессорами, которые служили лучшимъ украшеніемъ университета того времени и оказывали благодѣтельное и неотразимое вліяніе на слушателей. За славянофиловъ ратовалъ одинъ Шевыревъ, этотъ enfant terrible славянофильства, который созданъ былъ чтобы сдѣлать смѣшнымъ и уронить дѣло, имъ защищаемое. Естественно, что славянофиловъ,—которыхъ мы не знали, ибо сами они тогда мало высказывались въ печати,—мы считали за „гасильниковъ просвѣщенія" и глубоко ихъ ненавидѣли. Такъ и пошло съ тѣхъ поръ... Но когда страсти утихли и началось болѣе спокойное отношеніе къ дѣлу, продолжать прежнія обвиненія въ презрѣніи славянофиловъ къ западной наукѣ и въ желаніи возвратиться къ старому—было нельзя: ложь была слишкомъ очевидна. Тогда было пущено въ ходъ другое объясненіе, что славянофилы построили свои теоріи на началахъ германской философіи и, слѣдовательно, также мало, какъ и ихъ противники, стояли на народной почвѣ. Это объясненіе впервые высказано было А. Н. Пыпинымъ. Поводомъ къ этому заключенію было то, что Аксаковъ, еще до окончательнаго присоединенія своего къ славянофильскому кружку, написалъ свою диссертацію о Ломоносовѣ подъ вліяніемъ философіи Гегеля и заимствовалъ оттуда и складъ мышленія, и самый способъ выраженія. Но въ этомъ именно и укорялъ Аксакова Хомяковъ, признавая его диссертацію „плодомъ нѣмецкаго измышленія". Въ объясненіи А. Н. Пыпина есть конечно доля правды; но какая? Дѣйствительно, напримѣръ, Веневитиновъ, исходя изъ началъ нѣмецкой философіи, пришелъ къ отрицательному выводу, заключающемуся въ

ученіи славянофиловъ, что „еслибы просвѣщеніе у насъ предоставлено было *естественному ходу*, то характеръ народа развился бы собственною своей силой и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное". Это есть выводъ изъ теоріи національности, поставленной на очередь Шеллингомъ, высказавшимъ положеніе, что каждый народъ имѣетъ свое особенное призваніе и вноситъ свой даръ въ непрерывный складъ общечеловѣческаго развитія. Подобный выводъ, безъ сомнѣнія, облегчалъ для нашихъ Шеллингистовъ соглашеніе съ Хомяковымъ въ необходимости для насъ самобытнаго развитія, свободнаго отъ безусловной подражательности западнымъ образцамъ. Но подобныя общія заключенія могутъ служить только точкой къ повороту въ другую сторону, поводомъ къ работѣ мысли въ иномъ направленіи, — положительнаго содержанія они никакого дать не могутъ. Положеніе Пыпина, что нѣмецкая философія служила основаніемъ для славянофильскаго ученія или, по крайней мѣрѣ, способствовала его развитію, настолько же справедливо, насколько заключеніе кн. Одоевскаго, что „Шеллингъ былъ, *можетъ-быть неожиданно для него самого* (?!), истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи и Россіи" („Русск. Арх." 1874, I, 318). Новѣйшая школа, обратившаяся къ изслѣдованію крестьянскаго быта, ближе подошла къ справедливости и не отрицаетъ въ ученіи славянофиловъ народной подкладки. Такъ г. Капустинъ, въ статьѣ „Къ вопросу объ экономической сторонѣ славянофильскаго ученія", опредѣляетъ значеніе его вообще слѣдующимъ образомъ: „оно не было бы цѣнно,—говоритъ онъ,—еслибы вся система эта была только плодомъ измышленія, игрой ума, еслибы она въ корнѣ не была основана на дѣйствительности и не представляла бы прямыхъ выводовъ изъ явленій живой жизни". Г. Капустинъ приписываетъ это тому, что даровитѣйшіе изъ славянофиловъ, родясь и выростая въ деревнѣ на рукахъ нянекъ и мамокъ, взятыхъ прямо изъ народа, вмѣстѣ съ молокомъ всасывали познаніе крестьянской жизни. Учась впослѣдствіи исторіи, роясь въ археологіи, они свѣдѣніями изъ давно протекшей жизни дополняли все, что ими было схвачено изъ жизни народа. Такимъ образомъ самые даровитые изъ нихъ поняли суть многихъ явленій самой далекой старины, сходныхъ иногда до тождественности съ тѣмъ, что они сами подмѣтили въ деревнѣ, и, выводя изъ этихъ явленій начала, построили на

нихъ цѣльное ученіе. Вотъ почему ихъ выводы изъ подмѣченныхъ ими явленій сельской жизни—не плодъ какихъ-либо апріористическихъ заключеній, что и подтверждается тѣми данными и фактами, которые добыты въ послѣднее время путемъ научныхъ изслѣдованій сельской поземельной общины. Строгое обобщеніе этихъ фактовъ приводитъ большею частью какъ разъ къ тѣмъ выводамъ и понятіямъ объ общинѣ, которыя мы встрѣтили въ ученіи основателей славянофильства" („Сѣверный Вѣстникъ" 1885 года, № 1, стр. 69, 65—66). Замѣчательно, что то же самое наивное позаимствованіе началъ старинной народной жизни у мамокъ и дядекъ допускаетъ И. С. Аксаковъ. Въ біографіи Тютчева И. С. Аксаковъ говоритъ, что „нянькамъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи русской словесности (!!!). Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ *по крайней мѣрѣ отчасти* (и то слава Богу!) искать объясненія, какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторванное отъ народа общество, въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробивались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа". Подобное объясненіе возможно со стороны Ивана Сергѣевича, до котораго славянофильское ученіе дошло, по мѣткому выраженію А. Ѳ. Писемскаго, *по духовному завѣщанію*. Совершенно справедливо, что жизнь стараго помѣщика была несравненно ближе къ народу, нежели существующія отношенія образованныхъ людей. Пасха, храмовые и семейные праздники, вся обстановка прежней деревенской жизни—все это поддерживало между помѣщикомъ и крестьяниномъ традиціонную связь, смягчавшую жесткость легальнаго крѣпостнаго права. Даже самая охота—обычная забава стариннаго дворянства—сводила помѣщика съ его дворней на болѣе равной почвѣ, какъ участниковъ общаго развлеченія. Все это существовало для Хомякова, какъ жителя деревни и охотника, наравнѣ съ массою другихъ, поставленныхъ въ тѣ же условія; но все это не шло далѣе выгоднаго и удобнаго для обѣихъ сторонъ, хотя бы случайнаго, умиротворенія крѣпостническихъ отношеній. Никому не приходило въ голову въ то время искать въ этой близости ключа къ уясненію себѣ отношеній древней Руси, какъ не приходитъ никому въ голову теперь возстановить замиреніе въ этихъ именно формахъ. Слѣдова-

тельно, источникъ міровоззрѣнія Хомякова надо искать въ другой средѣ. Хомяковъ былъ помѣщикъ, никогда и нигдѣ онъ не отказывался отъ этого соціальнаго положенія,—слѣдовательно, въ немъ и лежитъ разгадка. Для того, чтобы найти точку отправленія міровоззрѣнія Хомякова или, другими словами, общую черту славянофильскаго ученія, необходимо выяснить значеніе дворянства и существовавшихъ въ средѣ его традицій.

Со времени эмансипаціи, подъ вліяніемъ сложившихся условій данной минуты, стало общераспространеннымъ новое воззрѣніе на значеніе дворянства въ политическомъ строѣ нашего отечества. Оно явилось *исключительно* въ смыслѣ рабовладѣльческаго сословія, которое, въ силу воздѣйствія на него благодѣтельной, но внѣшней для него силы, утратило свою вредную для страны привилегію. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что дворянство, какъ атрофированный наростъ на излѣченномъ организмѣ, должно такъ или иначе, изморомъ, прекратить свое безполезное существованіе. Нельзя не признать такой взглядъ естественнымъ при томъ спасительномъ крутомъ переломѣ, который переживаетъ Россія: довлѣетъ дневи злоба его! Но съ точки зрѣнія исторической правды такое воззрѣніе невѣрно. Съ точки зрѣнія исторической правды не слѣдуетъ забывать, что Московская Русь, со всѣхъ сторонъ окруженная врагами, прежде всего должна была отбиваться и что въ этой непрерывной борьбѣ дворянское служилое сословіе, *все безъ изятія*, составляло главное ядро того земскаго ополченія, которое кровью и жизнью раздвинуло предѣлы теперешней обширной Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ періодъ народной колонизаціи на окраинахъ, захваченныхъ толпами вольныхъ бродниковъ, только водвореніе помѣстнаго служилаго сословія, образуя экономическіе центры для осѣдлаго земледѣльческаго населенія, завершало окончательное прикрѣпленіе и такимъ образомъ дворянское служилое сословіе несло свою службу не только *оружіемъ*, но и *плугомъ*. Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что впослѣдствіи, когда наравнѣ съ военною службой потребовалась просвѣтительная, когда на одной доскѣ съ лагеремъ и оружіемъ поставлены были школа и наука, служилое дворянское сословіе, несмотря на возрастъ, силой загонялось въ школу, а потомъ добровольно представляло собою относительно самый культурный слой въ странѣ и создало нашу прежнюю литературу,

гдѣ самые выдающіеся представители принадлежатъ къ дворянству. Но этого мало. Начиная съ XVI вѣка, когда въ Россіи создалось уѣздное управленіе, не знавшее губерніи и тянувшее къ Москвѣ, когда не существовало еще раздѣленія властей и судъ смѣшивался съ администраціею, главнымъ распорядителемъ въ уѣздѣ былъ *губный староста;* а онъ избирался исключительно изъ дворянъ цѣлымъ населеніемъ уѣзда. Профес. Ключевскій, разбирая разрядные списки, пришелъ къ заключенію, что дворянство тогда уже имѣло прочную сословную организацію въ уѣздахъ; что тогда уже происходили выборные дворянскіе съѣзды, для избранія окладчиковъ, участвовавшихъ въ разверстаніи помѣстій и служившихъ начальствующими лицами въ земскихъ полкахъ; что, пользуясь правомъ петиціи (челобитной), предоставленнымъ въ древней Руси всѣмъ безъ исключенія, дворянскіе съѣзды о своихъ нуждахъ ходатайствовали передъ царемъ. Выборными отъ уѣздовъ на земскихъ соборахъ являлись преимущественно дворяне, хотя встрѣчаются и лица другихъ сословій, даже священники. Все это показываетъ, что дворянству въ древней Руси принадлежало право *земскаго представительства* въ той своеобразной формѣ, которая выработалась условіями того времени. Съ Петра все измѣнилось. Смыслъ Петровской реформы состоялъ въ томъ, что медленному поступательному движенію страны онъ далъ такой толчокъ, въ силу котораго Россія неожиданно и неудержимо вдвинулась въ систему европейскихъ государствъ, гдѣ ей безспорно суждено было играть великую роль. Съ этой точки зрѣнія всѣ обвиненія противъ Петровской реформы не состоятельны. Но понятно, что для выполненія этого толчка прежній органическій строй народной жизни не годился и его слѣдовало *временно* измѣнить. Петръ это и сдѣлалъ. Страна не только для враговъ, но и для всѣхъ живущихъ обратилась въ военный станъ, гдѣ царствуетъ только дисциплина, гдѣ всѣ повинуются назначенному начальству, гдѣ вліяніе народнаго представительства и самоуправленія не имѣетъ мѣста. Служилое дворянское сословіе Петръ силой погналъ въ лагерь и школы, а мѣсто губнаго старосты заняли офицеры поселеннаго полка. Но такая мѣра была временная и не могла постоянно держаться. Императрица Екатерина, вслѣдъ за освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы, даровала ему привилегію сословнаго дворянскаго самоуправленія въ цѣломъ уѣздѣ—и тѣмъ вовсе его

лишила земской почвы, разорвала связь его съ мѣстнымъ населеніемъ. Къ чести дворянства надо сказать, что оно мало воспользовалось этою привилегіей: дворянскія собранія никогда не представлялись живымъ институтомъ, лучшіе изъ дворянъ оставались къ нимъ чуждыми и не являлись. Традиціонная связь дворянства съ мѣстнымъ населеніемъ пережила эти реформы и сохранилась до сихъ поръ. На это указываютъ неопровержимые факты. Во время крѣпостнаго права единственные оживленные выборы происходили тамъ, гдѣ завязывалась борьба дворянства съ губернаторомъ. Безъ сомнѣнія, эта борьба начиналась чаще изъ-за интересовъ личныхъ и сословныхъ; но иногда основаніемъ къ ней служили интересы общіе. Притомъ же тамъ, гдѣ насильственно сведены общіе интересы съ сословными, разграничить ихъ въ точности нѣтъ возможности. Послѣ освобожденія крестьянъ Петербургское дворянство само ходатайствовало распространить оставшееся у него въ видѣ сословной привилегіи право петиціи на всѣ другія сословія; въ средѣ лучшей части дворянства и въ настоящее время политическимъ идеаломъ представляется возвратъ ему, въ формѣ, какую признаетъ за благо высшая власть, права земскаго представительства по избранію всѣхъ сословій, открывъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступъ въ дворянское сословіе всѣмъ остальнымъ, на основаніи образовательнаго ценза. Помимо того, въ самый періодъ крѣпостнаго права существовали факты, указывавшіе на сохранившуюся память о прежнемъ значеніи дворянства.

Сознавая свою полноправность надъ отдѣльною личностью, рѣдкій помѣщикъ не признавалъ значенія крестьянскаго міра, предъ которымъ останавливалось его полновластіе. Въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ вводилось крестьянское выборное управленіе, помѣщикъ не вмѣшивался во внутреннее управленіе и не принималъ даже жалобъ на міръ, сознавая мірской приговоръ выше своей власти. Это было явленіе своеобразное, чисто-русское, сколокъ съ тѣхъ отношеній, въ которыхъ въ древности стоялъ русскій царь въ отношеніи къ своему народу. Міръ, который служилъ гарантіею прочности и удобства древне-русскаго самоуправленія, исполнялъ то же значеніе и въ крѣпостномъ правѣ,—разумѣется, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это допускалъ самъ помѣщикъ ([18]). Оттого лучшіе люди въ дворянствѣ, даже сознавая нѣкоторыя экономическія выгоды личнаго землевладѣнія, подъ вліяніемъ старинной дворянской тра-

диціи, защищали крестьянскую общину во время составленія Положенія и не допускаютъ мысли о ея разложеніи и въ настоящее время. Итакъ, вотъ въ чемъ состояла дворянская традиція. Эта традиція уму такого даровитаго и самобытнаго мыслителя, какъ Хомяковъ, помогла понять разладъ современной жизни; она его историческому чутью уяснила внутренній складъ русской жизни, прежде чѣмъ добрались до него присяжные изслѣдователи кропотливымъ разборомъ мертвыхъ памятниковъ; она сложилась въ цѣльную, опредѣленную систему, которая своей жизненною правдой перетянула близкихъ къ нему людей, находившихся въ одинаковомъ соціальномъ положеніи. Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ, славянофильское ученіе формулируется такимъ образомъ: съ одной стороны, возобновить взаимныя отношенія между правительствомъ и мѣстнымъ русскимъ самоуправленіемъ—не въ качествѣ враждебныхъ сторонъ, а въ смыслѣ мирнаго объединенія; а съ другой стороны, освобожденіемъ крестьянскаго міра и участіемъ его въ выборномъ началѣ создать естественную гарантію противъ всякаго личнаго произвола. Все, что писалось славянофилами, направлено было съ строго выдержанною системою къ достиженію этихъ двухъ главныхъ результатовъ. Оставшаяся послѣ нихъ литература, по независимымъ отъ нихъ условіямъ, и не полна, и не могла достигнуть той совершенно ясной опредѣленности, которая сразу дается всякому читателю. Это—общая участь всякаго ученія, распространяющагося подъ гнетомъ внѣшнихъ препятствій; къ нему болѣе всего примѣнимо извѣстное изреченіе Горація: „beatae plane aures, quae non vocem, foris sonantem, sed intus auscultant veritatem“ (блаженны уши, внимающіе не одному пустому звону рѣчей, но истинѣ, сокрытой въ ихъ глубинѣ). Въ этомъ смыслѣ, оставшаяся послѣ славянофиловъ литература имѣетъ для насъ только историческую цѣну; но ихъ неотъемлемая и важная заслуга состоитъ въ томъ, что они первые выяснили значеніе земли и земства, какъ ея представителя. Эта мысль была настолько вѣрна и общепонятна, что она вскорѣ перешла въ жизнь и литературу и до нѣкоторой степени осуществилась въ реформѣ предъидущаго царствованія. Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ единственнымъ ея практическимъ истолкователелемъ. Когда настала пора дѣйствовать, Александръ Ивановичъ остался одинъ въ живыхъ изъ числа первыхъ славянофиловъ, одинъ онъ и остался вѣренъ своему знамени. По-

этому въ его позднѣйшей дѣятельности—литературной и общественной—славянофильское ученіе получило опредѣленную, практически-законченную формулу, ясную для всѣхъ, но во многомъ несходную съ тѣми воззрѣніями, которыя высказывали считавшіе себя, самозванно, непосредственными преемниками стараго славянофильства. Это и есть та немаловажная заслуга, которая А. И. Кошелеву даетъ извѣстное мѣсто въ исторіи нашего образованія; объясняя ее, мы невольно должны были забѣжать впередъ, дабы сразу опредѣлить для читателей ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемый біографическій очеркъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей недавняго прошлаго.

Изъ другихъ товарищей Александра Ивановича слѣдуетъ упомянуть о Мельгуновѣ, но о немъ я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній; писемъ же Мельгунова къ Александру Ивановичу не нашлось. Извѣстно только, что Мельгуновъ былъ человѣкъ болѣзненный и долго лѣчился за границею, по временамъ возвращаясь въ Россію; состояніе свое онъ разстроилъ и часто прибѣгалъ къ помощи друзей. Александръ Ивановичъ, по старой пріязни, и въ этомъ не отказывалъ Мельгунову; сохранилась довольно обширная переписка его по этому предмету съ Шевыревымъ, который былъ затянутъ въ денежныя отношенія съ Мельгуновымъ, впослѣдствіи оказавшіяся очень непріятными для Степана Петровича, не располагавшаго большими средствами. Мельгуновъ принималъ нѣкоторое участіе въ литературѣ: онъ помѣщалъ статьи свои въ „Отечественныхъ Запискахъ" и много помогалъ въ изданіи „Litterarische Bilder aus Rusland, herausgegeben von König" (Stuttg. 1837 г.), гдѣ поэтому содержится нѣсколько интересныхъ и неизвѣстныхъ подробностей о Пушкинѣ, Веневитиновѣ и Хомяковѣ.

Мы видѣли, что московскіе кружки, къ которымъ принадлежалъ Александръ Ивановичъ, распались при извѣстіи о событіи 14 декабря. Кружки эти не имѣли никакого политическаго оттѣнка, но, тѣмъ не менѣе, общее неудовольствіе, распространившееся тогда въ обществѣ, не могло не отразиться и на собиравшейся въ нихъ молодежи. Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о вечерѣ, проведенномъ имъ въ февралѣ или мартѣ 1825 года у внучатнаго его брата М. М. Нарышкина, гдѣ присутствовали находившіеся тогда въ Москвѣ декабристы Рылѣевъ, Пущинъ, князь Оболенскій и нѣкоторые другіе. Рылѣевъ читалъ свои

патріотическія думы и общій разговоръ склонился на необходимость перемѣны въ существующемъ строѣ. Этотъ вечеръ произвелъ на Александра Ивановича сильное впечатлѣніе, которое онъ передалъ на другой же день своимъ друзьямъ—И. В. Кирѣевскому, Веневитинову и Рожалину. Молодые люди въ свою очередь заговорили о политикѣ и съ особеннымъ рвеніемъ принялись за чтеніе французскихъ публицистовъ—Бенжамена Констана, Ройе Колляра и другихъ. На время нѣмецкая философія сошла съ перваго плана. Но скоро этотъ политическій бредъ уступилъ мѣсто тревожной и томительной неизвѣстности. Въ „Запискахъ" Александра Ивановича и въ перепискѣ его за это время съ Норовымъ эпоха отъ 14 декабря 1825 года до коронаціи императора Николая въ августѣ 1826 года описана подробно. Прежде всего начались аресты; развѣтвленіе заговора было совсѣмъ неизвѣстно въ публикѣ, и каждая семья ожидала, что одинъ изъ ея членовъ, такъ или иначе, привлеченъ будетъ къ слѣдственному дѣлу. Александръ Ивановичъ былъ совсѣмъ къ нему непричастенъ, между тѣмъ матери его постоянно чудилось, что за нимъ пріѣхали; она положила его спать подлѣ своей комнаты, приготовила теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу. Затѣмъ назначенъ былъ верховный судъ и тогда вопросъ, какая кара постигнетъ виновныхъ, волновалъ общество, въ средѣ котораго оставались родные, друзья, знакомые арестованныхъ. Слухи изъ Петербурга доходили смутные и искаженные. Нельзя равнодушно читать за это время письмо А. С. Норова, старшій братъ котораго былъ арестованъ, гдѣ описывается тяжелое и мучительное состояніе неизвѣстности, въ которомъ находилась семья. Когда въ Москву присланы были 300 экземпляровъ донесенія слѣдственной коммиссіи, они были расхвачены въ одинъ день и Норовы слезно умоляли Алексадра Ивановича достать одинъ экземпляръ, чтобы прочесть все, касающееся арестованнаго В. С. Норова. Между тѣмъ, по случаю предстоящей коронаціи, отпуски служащихъ были прекращены и архивные юноши пѣшкомъ обходили московскія окрестности, скрѣпляя свою взаимную дружбу передъ тѣмъ временемъ, когда приходилось имъ разстаться и между собой, и съ Москвой. Александръ Ивановичъ вскорѣ перешелъ на службу въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служба Александра Ивановича въ канцеляріи минист. иностранныхъ дѣлъ.—Занятія въ комитетѣ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи.—Блудовъ и Дашковъ.—Родственный кружокъ Александра Ивановича въ Петербургѣ: Р. А. Кошелевъ и Абр. С. Норовъ.—Петербургскій кружокъ кн. Одоевскаго.—Домъ гр. Лаваль.—Архарова.—К. Я. Булгаковъ.—Свѣтскія удовольствія.—Е. А. Карамзина.— А. О. Россетъ.—Научныя занятія Александра Ивановича.—Изданіе „Московскаго Вѣстника".— Черты характера Александра Ивановича.

Въ сентябрѣ 1826 года Александръ Ивановичъ отправился на службу въ Петербургъ. Переходъ свой въ Петербургъ Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ" объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Вскорѣ послѣ коронаціи, т. е. въ сентябрѣ 1826 г., во время пребыванія въ Москвѣ великихъ міра сего, родственникомъ нашимъ кн. С. И. Гагаринымъ былъ я представленъ гр. Нессельроде. Онъ пригласилъ меня пріѣхать въ Петербургъ, обѣщавъ меня помѣстить въ свою канцелярію". Кошелевъ получилъ назначеніе въ экспедицію, которою завѣдывалъ графъ Лаваль и которой поручено было дѣлать выписки для Императора изъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Опредѣленіемъ своимъ у Лаваля Александръ Ивановичъ былъ очень доволенъ. Изъ письма его къ матери видна причина его удовольствія: „въ канцелярію министерства невозможно было поступить прямо, безъ подготовки. Тотъ, кто съ этою цѣлью поступалъ въ экспедицію графа Лаваля, долженъ былъ себя считать счастливымъ. По крайней мѣрѣ здѣсь знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, тогда какъ тѣ, кто зачисляется прямо въ коллегію министерства иностранныхъ дѣлъ, должны были заниматься или бухгалтеріею, или переводомъ судебныхъ актовъ, или—въ самомъ счастливомъ случаѣ—перепискою съ послами, живущими въ Петербургѣ по частнымъ ихъ дѣламъ" (1 ноября 1826 г.). „Недавно въ коллегію просились семь человѣкъ изъ Петербурга и гр. Нессельроде заявилъ, что онъ болѣе никого въ свою канцелярію принять не можетъ, а гр. Лаваль—что у него рѣшительно нѣтъ мѣста". Александръ Ивановичъ счастливо попалъ въ то время, когда гр. Боргъ, одинъ изъ чиновниковъ гр. Лаваля, посланъ былъ секретаремъ посольства во Флоренцію. Экспедиція Лаваля открывала хорошую дорогу,—оттуда въ теченіе года получили очень почетныя мѣста: Жерве и Гурьевъ—въ Константинополѣ, гр. Боргъ—во Флоренціи.

Начальникъ Александра Ивановича, гр. Лаваль, сынъ французскаго эмигранта, бывшій членъ главнаго правленія училищъ временъ Стурдзы и Магницкаго, былъ человѣкъ не глупый, но придворный въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова и мало свѣдущій въ дѣлѣ. Александръ Ивановичъ въ одномъ письмѣ къ матери упоминаетъ, что этотъ двигатель просвѣщенія въ его извлеченіи поправилъ двѣ строчки и сдѣлалъ четыре ошибки. Александръ Ивановичъ вскорѣ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ у Лаваля и пользовался большимъ его расположеніемъ; но, несмотря на свое желаніе, гр. Лаваль ничего не могъ сдѣлать для Александра Ивановича по службѣ, такъ какъ самъ не пользовался никакимъ кредитомъ. Товарищей у Александра Ивановича было двое—Кремеръ и Виттъ ([19]). Первый былъ человѣкъ очень умный и весьма способный; онъ завѣдывалъ французскими и англійскими журналами. Виттъ былъ великолѣпнымъ и неутомимымъ переписчикомъ. Вскорѣ къ нимъ присоединился воспитанникъ лицея А. Крузенштернъ (потомъ бывшій сенаторъ) и впослѣдствіи баронъ Медемъ, очень умный и образованный человѣкъ, получившій воспитаніе за границею, съ которыми очень сошелся Александръ Ивановичъ и вмѣстѣ занимался политическими науками и исторіею. Баронъ Медемъ, когда Кремеръ поступилъ секретаремъ посольства въ Вашингтонѣ, занялъ его мѣсто. Александру Ивановичу сначала поручены были нѣмецкія газеты; но такъ какъ онѣ скоро ему надоѣли своею безцвѣтностью, то онъ принялся за французскія и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ учиться по-англійски и каллиграфіи, на томъ основаніи, что красивый почеркъ считался необходимою принадлежностью дипломата. Выучившись хорошо по-англійски, Александръ Ивановичъ перешелъ съ января 182 7г. на англійскія газеты. Посылая къ матери „Journal de St.-Petersbourg", онъ пишетъ ей: „Если вы читаете парламентскіе дебаты, то знайте, что они прошли черезъ мои руки. Большая часть отчетовъ о нихъ составлена по моимъ извлеченіямъ. Обратите вниманіе на засѣданіе 29 и 31 января, 11 и 14 февраля. Конечно, это только скелетъ изъ моихъ извлеченій, — самое интересное должно было быть выпущено" (24 февраля 1828). Эти занятія не остались безъ вліянія на образъ мыслей Александра Ивановича. „Я такъ сжился,—пишетъ онъ матери,—съ духомъ англійскаго парламента, такъ ознакомился съ обрядами парламентскаго производства, что, кажется, могъ бы исполнить обязанности президента одной изъ палатъ. Вотъ

вамъ новость: я сдѣлался англоманомъ во всей силѣ этого слова. Я читаю только по-англійски, думаю только о чемъ-нибудь англійскомъ, изучаю только то, что касается Англіи. Я могу себя поздравить съ пріобрѣтеніемъ довольно подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной странѣ" (24 февраля 1828 г.). Иногда онъ изъ своихъ газетныхъ занятій старался извлекать даже практическую пользу. Такъ въ одномъ письмѣ къ матери онъ, по случаю преній въ англійскомъ парламентѣ о пошлинахъ на привозный хлѣбъ, даетъ ей такой совѣтъ: „если хлѣбъ подорожаетъ въ Англіи, то мы получимъ очень выгодный рынокъ. Вотъ, милая маменька, на что вы должны обратить вниманіе, какъ заботливая хозяйка, обращающая особое вниманіе какъ на усовершенствованіе земледѣлія, такъ и на улучшеніе быта своихъ крестьянъ" (11 марта 1827 г.).

Служба Александра Ивановича въ экспедиціи графа Лаваля текла мирно, обыденнымъ порядкомъ, безъ всякихъ особенныхъ перемѣнъ. Только разъ въ письмахъ къ матери Александръ Ивановичъ упоминаетъ, что, вслѣдствіе замѣчанія, полученнаго отъ начальства, графъ Лаваль сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Кремеръ и Кошелевъ были отвѣтственными лицами: первый—за французскую часть, а второй—за нѣмецкую и англійскую; остальные чиновники (Крузенштернъ и Медемъ) были имъ подчинены и должны были заниматься менѣе существенными переводами и извлеченіями. „Это меня обрадовало,—пишетъ Кошелевъ,—хотя и прибавило дѣла, потому что моя работа совершенно отдѣлена отъ Кремера. Такъ какъ мы были силами оба равны, то мы никогда не могли согласиться. Графъ Лаваль безпрестанно долженъ былъ вмѣшиваться, чтобы положить конецъ нашимъ разногласіямъ" (28 января 1828 г.). Служба у графа Лаваля сначала очень нравилась Александру Ивановичу. Вскорѣ послѣ своего поступленія онъ пишетъ матери: „Службой я очень доволенъ и не желаю даже перемѣщенія къ Нессельроде. Но я не опущу случая быть посланнымъ въ миссію или на какой-нибудь конгрессъ,—я уже объ этомъ просилъ дядю" (22 октября 1826). Пока Александръ Ивановичъ былъ новичкомъ, занятія ему доставались съ трудомъ и онъ часто проводилъ за ними безсонныя ночи. Въ началѣ перваго года онъ пишетъ матери: „Я работаю много, но не усталъ, такъ какъ я самъ читаю газеты, отмѣчаю, что мнѣ кажется интереснымъ, перевожу или дѣлаю извлеченія и отношу къ Лавалю. Такъ какъ англійскія газеты хорошо написа-

ны и часто содержатъ замѣчательныя мысли, то я исполняю свои обязанности съ удовольствіемъ" (26 января 1827). Но вскорѣ привычка въ значительной степени облегчила его труды. Уже въ мартѣ 1827 года онъ писалъ: „Начинаю пріобрѣтать бо̀льшую легкость въ занятіяхъ: на что прежде употреблялъ нѣсколько часовъ, то теперь оканчиваю такъ сказать въ одну минуту" (26 марта 1827). Работа въ канцеляріи была періодическая, два раза въ недѣлю, тотчасъ по полученіи иностранной почты. Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ матери жалуется на эту работу *напускомъ* (par boutade) и находитъ, что она на него оказываетъ вредное дѣйствіе. „Послѣ 8 или 9 дней постояннаго труда захочется отдохнуть, а 2—3 дня отдыха располагаютъ къ продолженію, такъ что до новой работы отдаешься лѣни. Надѣюсь скоро перейти къ болѣе правильнымъ занятіямъ" (20 апрѣля 1828). Но во всякомъ случаѣ служба оставляла много простора и для выѣздовъ въ свѣтъ, и для занятій науками и литературой.

Эта обычная дѣятельность скоро надоѣла Александру Ивановичу: уже съ іюня 1827 года у него запала мысль перейти къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, и съ тѣхъ поръ эта мысль не покидала его до полученія новаго назначенія. Весной 1828 года онъ постоянно жалуется въ письмахъ матери, что экспедиція до того ему наскучила, что не можетъ видѣть хладнокровно газеты. „Переводы, извлеченія—вотъ все наше занятіе. Сначала эта работа мнѣ нравилась, ибо дѣйствительно она и пріятна, и полезна; но послѣ 18-мѣсячнаго испытанія позволительно стремиться перейти къ занятіямъ болѣе серьезнымъ" (8 марта и 2 апрѣля 1828). Это рѣшеніе оставить канцелярію еще болѣе усилилось неудачей по службѣ. Въ концѣ 1827 года Александръ Ивановичъ представленъ былъ къ чину надворнаго совѣтника, но Государь, узнавши, что онъ въ январѣ получилъ назначеніе переводчика, сказалъ: „слишкомъ много двѣ награды въ одинъ годъ" (10 декабря 1827 г.), хотя назначеніе переводчикомъ послѣдовало за выслугу лѣтъ, а не въ смыслѣ поощренія по службѣ. Такимъ образомъ, московскій доносъ, о которомъ я говорилъ выше, оказывалъ свое дѣйствіе. Въ доносѣ этомъ не было упомянуто имя Александра Ивановича, такъ какъ онъ въ то время былъ уже на службѣ въ Петербургѣ; но, безъ сомнѣнія, тѣсная связь его съ заподозрѣнными москвичами не могла не обнаружиться. Этого было достаточно, чтобы Александръ

Ивановичъ сдѣлался человѣкомъ отмѣченнымъ, „un mauvais homme". Къ этому присоединилось перехваченное къ нему письмо Кирѣевскаго, который писалъ о необходимости *революціи*,—конечно, въ смыслѣ научномъ и литературномъ, а не политическомъ. Но тогда самое слово „революція" пугало настолько, что не было мѣста ни для какихъ разъясненій. Булгаковъ передалъ Александру Ивановичу отзывъ о немъ императора Николая Блудову, чтобы послѣдній остерегался Кошелева, какъ „дурнаго человѣка". Весну 1828 года Александръ Ивановичъ провелъ въ неопредѣленномъ положеніи, отыскивая для себя какое-нибудь другое назначеніе. Болѣе всего ему хотѣлось пристроиться, въ качествѣ дипломатическаго агента, или при адмиралѣ Синявинѣ ([20]), посланномъ тогда въ Средиземное море, или при главной квартирѣ дѣйствующей арміи въ Турціи. Оба эти плана не осуществились. Дипломатическимъ агентомъ при Синявинѣ остался Авр. С. Норовъ, а при главной квартирѣ дипломатическою частью завѣдывалъ одинъ Дашковъ, которому не удалось взять съ собой даже племянника своего Титова. Александръ Ивановичъ пишетъ матери, что въ 1828 году сопровождать Нессельроде, отправившагося съ Государемъ въ главную квартиру, назначены были гр. Матушевичъ, занимавшійся всѣми серьезными дѣлами въ канцеляріи Нессельроде, Сакенъ, Панинъ, Струве, Строгановъ, Кудрявскій, Годеніусъ и Киселевъ.

Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Ланского, гр. Закревскій предлагалъ Кошелеву поступить къ нему по особымъ порученіямъ. Слухи о Закревскомъ, бывшемъ до того генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи, были очень благопріятны, и сначала Кошелеву эта перспектива улыбалась. Но потомъ взглядъ его перемѣнился. Поступленіе въ другое министерство безъ соблюденія надлежащей осторожности могло испортить всю карьеру. Если новый министръ не *понравится*,—а ручаться въ этомъ нельзя,—то неудобно будетъ снова вернуться въ министерство иностранныхъ дѣлъ. „Въ службѣ надо большое благоразуміе: другіе могутъ торопиться, а я предпочитаю подвигаться медленно, но вѣрно и осторожно" (24 апрѣля 1828 г.). Всѣ эти неосуществившіеся планы въ будущемъ заставили наконецъ Александра Ивановича бросить ихъ и успокоиться. „Хотя служба моя до сихъ поръ не двигалась настолько хорошо, насколько я ожидалъ,—я этимъ вовсе не обезкураженъ. Я убѣжденъ, что нуженъ случай,

чтобы заявить свои способности,—и тогда карьера сдѣлана. Надѣюсь на милость Божію и расположеніе нѣкоторыхъ добрыхъ людей. Впрочемъ, я теперь пріобрѣлъ значительную опытность: я научился знать людей, и я не новичокъ въ искусствѣ располагать ихъ въ свою пользу. Открытіе этой тайны стóитъ года жизни. Теперь я какъ слѣдуетъ примусь за дѣло; я вполнѣ предамся своимъ кабинетнымъ занятіямъ и, въ силу усидчивости (perseverance), я заставлю употребить себя въ службѣ болѣе дѣятельной и воспользоваться моими способностями (moyens)" (28 апрѣля 1828).

Въ началѣ 1829 года Александръ Ивановичъ наконецъ получилъ, это такъ нетерпѣливо ожидаемое имъ, новое назначеніе. Поводомъ къ этому былъ незначительный случай, который Александръ Ивановичъ такъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ". Былъ концертъ у гр. Лаваля. Александръ Ивановичъ сидѣлъ подлѣ графини Сологубъ (впослѣдствіи Обресковой), а за его стуломъ стоялъ его пріятель Мертваго. Увидѣвши, что гр. Нессельроде стоялъ возлѣ Кошелева, Мертваго довольно громко сказалъ ему: „Кошелевъ, подлѣ стоитъ твой начальникъ, уступи ему свой стулъ". Кошелевъ, взбѣшенный этими словами, также громко отвѣтилъ: „въ обществѣ у меня нѣтъ начальниковъ; если ты другаго мнѣнія, то принеси для него стулъ". Повидимому, этотъ отвѣтъ не прошелъ безслѣдно. Вскорѣ послѣ того баронъ Николаи, посланникъ при Копенгагенскомъ дворѣ, просилъ о назначеніи Кошелева секретаремъ при тамошней миссіи, но гр. Нессельроде не изъявилъ на то согласія („Записки", стр. 22 и 23). Это показало Александру Ивановичу, что въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хода онъ не получитъ, и онъ окончательно рѣшилъ оставить экспедицію Лаваля. Результатъ, вынесенный изъ этой службы, онъ такъ объяснилъ въ письмѣ къ матери: „Я очень радъ, что попалъ въ экспедицію Лаваля, ибо иначе я не могъ бы такъ выработать свой слогъ. Представьте, что каждый день я редактировалъ отъ 4—5 листовъ. Теперь если меня заставятъ составить какую угодно бумагу, я могу смѣло взяться за это дѣло" (15 іюня 1827 года). Возможность другаго назначенія открылась для Александра Ивановича такимъ образомъ. Князь Одоевскій, бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при Блудовѣ, познакомилъ его съ Блудовымъ, занимавшимъ тогда должность главноуправляющаго главнымъ управленіемъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи ([21]), при которомъ состоялъ Вы-

сочайше утвержденный 23 мая 1828 года комитетъ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи. Александръ Ивановичъ командированъ былъ для занятій въ канцеляріи комитета, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Дѣло, за которое принимался теперь Александръ Ивановичъ, было одно изъ самыхъ важныхъ для Остзейскаго края. Началось оно, повидимому, съ пустаго предлога. Въ 1815 г. петербургскій пасторъ Буле издалъ новое собраніе духовныхъ пѣсенъ для церкви Св. Екатерины. Этотъ сборникъ возбудилъ пререканія въ протестантской средѣ, какъ относительно права изданія сборниковъ, спеціально назначенныхъ для одной церкви въ городѣ, такъ и относительно самаго своего содержанія. Волненіе между лютеранами разыгралось, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ и дѣло дошло до Государя. Найдено было, что въ сборникѣ допущены были мѣста несогласныя съ Священнымъ Писаніемъ и даже противонравственныя и соблазнительныя. Пасторъ Буле былъ уволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 20 сентября 1819 года, „для производства дѣлъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, а равно для наблюденія за исполненіемъ церковныхъ уставовъ, за согласностію церковныхъ книгъ и ученія съ принятыми въ основаніе правилами и за образомъ жизни и дѣйствіями духовныхъ особъ", предположено образовать евангелическую государственную генеральную консисторію. Исторія этого вопроса замѣчательна по тому отпору, которое протестантское духовенство предприняло противъ этого дѣла, затормозивавшагося на многіе годы (П. С. З. т. XXXVI, № 27, 896). Мысль объ учрежденіи генеральной консисторіи подала поводъ лютеранамъ опасаться, будто правительство желаетъ обратить ихъ въ православіе и католицизмъ. Поэтому курляндская консисторія и литовско-реформатскій совѣтъ обратились съ жалобами къ главноуправляющему духовными дѣлами, кн. А. И. Голицыну, а лифляндская консисторія—къ самому Государю. Тогда, въ 1820 г., назначенъ былъ петербургскимъ лютеранскимъ епископомъ Сигнеусъ, а попечителю Дерптскаго учебнаго округа кн. Ливену поручено составить проектъ образованія генеральной консисторіи. Въ то же время посланникамъ въ иностранныхъ государствахъ велѣно собрать и доставить епископу Сигнеусу тамошніе протестантскіе духовные уставы. Составленный кн. Ливеномъ проектъ разсматривался въ особой коммиссіи, членами которой были епископъ Сигнеусъ, кн. Ливенъ, сенаторъ

Габлицъ, дѣйств. стат. сов. Тургеневъ и колл. сов. Адеркасъ. Въ коммиссіи возникли несогласія и неудовольствія и она разошлась, не достигнувъ никакого результата. Тогда составленіе проекта возложено было на епископа Сигнеуса, который съ этою цѣлью пригласилъ въ Дерптъ представителей лютеранской церкви въ остзейскихъ губерніяхъ. Конференція начертала новый проектъ церковнаго устройства протестантской церкви въ Россіи; но онъ былъ опротестованъ курляндскимъ канцлеромъ Фриксомъ и лифляндскимъ генералъ-суперъинтендантомъ. Съ тѣхъ поръ дѣло это затянулось собираніемъ разныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ лютеранская церковь взволнована была появленіемъ разныхъ сектъ: мистиковъ, піэтистовъ, сепаратистовъ и вновь образовавшейся секты благочестивыхъ,—и, въ то же время, сектъ имъ противоположныхъ, раціоналистовъ и натуралистовъ, такъ что лютеране въ польскихъ губерніяхъ и въ Ригѣ начали обращаться въ католичество. Въ 1828 г. епископъ Сигнеусъ и два петербургскихъ пастора подали Государю всеподданнѣйшее прошеніе объ устройствѣ лютеранской церкви и о дарованіи ей устава. Вслѣдствіе того составленъ былъ съ этою цѣлью, подъ предсѣдательствомъ сенатора гр. Тизенгаузена, комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ протестантской церкви. Этому комитету всѣ лютеранскія консисторіи въ остзейскихъ провинціяхъ обязаны были представить полное обозрѣніе принятыхъ въ Россіи узаконеній ихъ церкви. Протестантская церковь въ Россіи руководствовалась главнымъ образомъ литургическимъ постановленіемъ, которое утверждено было, по жалобѣ рижскаго военнаго губернатора, гр. Буксгевдена, въ 1805 г. для Лифляндіи и представляло сводъ изданныхъ для церкви шведскихъ правительственныхъ узаконеній. Положеніе это примѣнено было и къ Курляндіи. Но, сверхъ того, протестантская церковь въ Лифляндіи, Эстляндіи и въ Саратовской губ. придерживалась шведскаго церковнаго устава 1686 г. и другихъ шведскихъ узаконеній, въ Курляндіи — узаконеній бывшихъ герцоговъ курляндскихъ, въ Виленской и литовскихъ губерніяхъ—такъ называемаго диссидентскаго права, утвержденнаго королемъ польскимъ Станиславомъ-Августомъ въ 1780 году. Всѣ эти разнородныя учрежденія надлежало свести въ одно цѣлое. Комитетъ открытъ въ 1829 году и въ него приглашенъ былъ изъ Пруссіи померанскій епископъ Ритшль. Въ теченіе 1830 г. комитетъ окончилъ приготовительныя

занятія; планъ редакціи новаго церковнаго устава составленъ былъ самимъ главноуправляющимъ, гр. Д. Н. Блудовымъ, а редакція поручена была профессору права Дерптскаго университета Нейману. Въ 1831 г. Нейманъ окончилъ свой трудъ и комитетъ, при непосредственномъ участіи главноуправляющаго, составилъ уставъ евангелическо-лютеранской церкви, наказъ духовенству и начальствамъ этой церкви и общую литургическую агенду, или правила совершенія богослуженія. Всѣ узаконенія утверждены были и вошли въ законную силу въ 1832 году.

Такимъ образомъ Александръ Ивановичъ поступилъ въ комитетъ въ самомъ разгарѣ его дѣятельности. Комитетъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Тизенгаузена, изъ одного епископа (петербургскаго), четырехъ суперъинтендантовъ, четырехъ свѣтскихъ представителей консисторіи и двоихъ членовъ-дѣлопроизводителей: одного для нѣмецкой редакціи—стат. сов. Лерхе и одного для русской—А. И. Кошелева. Комитетъ работалъ двѣ зимы и имѣлъ около сотни засѣданій. Изъ писемъ Александра Ивановича къ матери видно, что въ началѣ января 1829 г. Блудовъ поручилъ Кошелеву съ Одоевскимъ переводъ шведскаго церковнаго кодекса и извлеченія изъ мнѣній различныхъ нѣмецкихъ консисторій. Александръ Ивановичъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" ходъ дѣлъ въ этомъ комитетѣ и упоминаетъ о сопротивленіи, которое остзейскіе депутаты заявляли противъ предположенія объ учрежденіи въ Петербургѣ генеральной консисторіи для всѣхъ протестантскихъ церквей. Замѣчательно, что протестантское духовенство оказывалось менѣе упорнымъ, чѣмъ свѣтскіе члены консисторіи и особенно ландраты: эстляндскій—Мандель и лифляндскій—Кампенгаузенъ, такъ что нѣкоторые члены сказались больными, когда комитетъ приступилъ въ окончательному разсмотрѣнію проекта устава. Блудовъ и Тизенгаузенъ сильно настаивали на проведеніи въ уставѣ цѣлей и предложеній правительства. И Александру Ивановичу не разъ приходилось крѣпко отстаивать желанія послѣдняго, клонившіяся къ объединенію постановленій для протестантскихъ церквей Имперіи. За свои труды по комитету Александръ Ивановичъ награжденъ былъ чиномъ коллежскаго ассессора.

Кромѣ трудовъ по комитету, Блудовъ поручалъ Александру Ивановичу весьма важныя и весьма секретныя дѣла. Особенно интересовали его бумаги по преобразовательному комитету, гдѣ

Блудовъ и Дашковъ были дѣлопроизводителями ([22]). Комитетъ этотъ, учрежденный 6 декабря 1826 года, имѣлъ весьма широкую программу—преобразованіе всего строя внутренняго управленія въ государствѣ; онъ затрогивалъ всѣ важнѣйшіе вопросы, въ томъ числѣ и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Извѣстно, что труды этого комитета не привели ни къ чему и онъ ограничился разными частными мѣрами, изъ которыхъ важнѣйшими были указы о полюбовномъ размежеваніи и о составленіи Свода законовъ, а равно запрещеніе раздробленія семействъ при продажѣ дворовыхъ людей.

Блудовъ, какъ начальникъ, весьма понравился Александру Ивановичу: письма его къ матери наполнены самыми восторженными ему похвалами, причемъ Кошелевъ особенно указываетъ на значеніе Блудова при дворѣ и благоволеніе къ нему Императора. Кошелевъ помѣстилъ такой же отзывъ о Блудовѣ и въ своихъ „Запискахъ". По его словамъ, Блудовъ былъ человѣкъ очень умный, образованный, крайне добрый, вполнѣ доступный и чрезвычайно пріятный въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но характеромъ онъ былъ слабъ и трусливъ. Признакомъ его слабохарактерности было составленіе имъ донесенія слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14 декабря, что въ особенности ставили ему въ укоръ въ обществѣ. Но Александръ Ивановичъ, въ оправданіе Блудова, говоритъ, что въ этомъ случаѣ онъ уступилъ волѣ Императора и надѣялся смягчить мѣру наказанія для виновныхъ. Кромѣ того, Блудовъ былъ большой и своеобразный „пюристъ" въ русскомъ слогѣ и потому исправлялъ до смѣшнаго всѣ бумаги, которыя подавались ему къ подписи. Кромѣ Блудова, на своемъ служебномъ поприщѣ Александръ Ивановичъ сошелся съ Д. В. Дашковымъ, которому Блудовъ, по дружбѣ своей съ нимъ, уѣзжая за границу на 3—4 мѣсяца, передалъ исправленіе своихъ обязанностей. Дашковъ вообще, по отзывамъ Александра Ивановича, не отличался дѣятельностью и трудолюбіемъ; напротивъ того, онъ былъ лѣнивъ и дѣла любилъ откладывать до-завтра; но когда необходимо было что сдѣлать, то онъ работалъ и день и ночь безъ устали. Взглядъ его на дѣло былъ свѣтлый и обширный. Дашковъ въ 1829 г. предлагалъ Александру Ивановичу мѣсто столоначальника въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, но онъ отказался.

И однако же, несмотря на серьезность своихъ занятій, на

расположеніе и нравственныя качества начальниковъ, Александръ Ивановичъ вскорѣ оставилъ службу. Александръ Ивановичъ не былъ карьеристомъ; въ письмѣ къ матери онъ самъ говоритъ о себѣ: „благодарю Создателя, одарившаго меня характеромъ *твердымъ* и *независимымъ*, и на это разсчитываю“ (20 апрѣля 1827 г.). Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ матери Александръ Ивановичъ говоритъ: „Кажется, вы съ нетерпѣніемъ желаете моего повышенія; я также не прочь получить чинъ или отличіе; но отличіе не есть безусловная необходимость для продолженія моей службы. Я убѣжденъ, что чины и кресты придутъ со временемъ, нужно прежде всего положить прочное основаніе, привыкнуть къ труду и сдѣлаться необходимымъ. Мой планъ относительно службы для меня опредѣлился: *терпѣніе*, *терпѣніе* и еще разъ *терпѣніе*. Пока не встрѣтится препятствій неодолимыхъ, ничто меня не отвратитъ, и, разъ поступивши на службу, я постараюсь пріобрѣсти средства быть истинно полезнымъ своему отечеству“ (10 января 1828 г.). Мать Александра Ивановича пламенно желала быстраго его повышенія, какъ это и естественно было при ея неограниченной нѣжности къ сыну; она и дядя Р. А. Кошелевъ въ особенности заботились о полученіи имъ званія камеръ-юнкера. Это желаніе матери Александръ Ивановичъ называетъ „нѣсколько московскимъ“ и спрашиваетъ: „неужели мы всегда будемъ смотрѣть на службу какъ на средство добывать чины и кресты? Неужели всегда счастіе свое будемъ полагать въ томъ, чтобы добиться титула превосходительства и видѣть у себя грудь увѣшанную знаками отличія? Я думалъ, что моя дражайшая маменька, несмотря на живѣйшую нѣжность къ сыну, не имѣетъ пристрастія къ такой суетности и что она прежде всего постарается, чтобъ онъ былъ полезенъ своему отечеству. Я вовсе не презираю ни чиновъ, ни крестовъ; напротивъ, я на нихъ смотрю какъ на нѣчто очень драгоцѣнное, какъ на знакъ царскаго благоволенія и какъ на свидѣтельство, что начальство отдаетъ справедливость усердію подчиненнаго; но никогда я не буду смотрѣть на отличія какъ на принадлежность счастья или несчастья въ моей жизни. Я убѣжденъ въ одномъ, что если кто способенъ работать и дѣйствительно работаетъ, тотъ рано или поздно получитъ справедливую оцѣнку. Это убѣжденіе было для меня якоремъ моего покоя“ (7 апрѣля 1830 г.). Это написано было менѣе чѣмъ за два мѣсяца пе-

редъ отъѣздомъ Александра Ивановича за границу. А не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ Александръ Ивановичъ, въ письмѣ къ матери, говоритъ о своей службѣ уже совершенно въ другомъ тонѣ: „Вы желаете, чтобъ я терпѣніемъ въ концѣ концовъ переборолъ тотъ заколдованный кругъ, который задерживаетъ успѣхи мои по службѣ. Желаніе это трудно исполнить. И однако же восемь лѣтъ я работалъ какъ лошадь,—я надѣялся, что по крайней мѣрѣ отдадутъ справедливость моему усердію; но вижу, что я нахожусь подъ властью рока, во всемъ мнѣ преграждающаго путь. Я нисколько не обвиняю въ своихъ неудачахъ начальство. Я знаю, что начальники были ко мнѣ расположены, очень мною довольны, поручаютъ мнѣ дѣла столь же трудныя, какъ и важныя, и пр. Я приписываю мой неуспѣхъ року, преслѣдующему меня со времени поступленія на службу. Единственною цѣлью моихъ трудовъ и надеждъ на службѣ была надежда впослѣдствіи сдѣлаться сколько-нибудь полезнымъ своему Государю. Но вижу, что не могу продолжать далѣе карьеру, гдѣ я не могъ заслужить никакой награды, никакого повышенія и имѣлъ только непріятности и разочарованія. Человѣкъ, который восемь лѣтъ работалъ какъ каторжный, который всегда исполнялъ свои обязанности съ самой добросовѣстною точностью, который въ теченіе всей службы не подвергался никакому нареканію и не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека, который не получилъ никакой награды и никогда не пользовался содержаніемъ, можетъ, я думаю, считать себя уплатившимъ долгъ, который лежитъ на всякомъ въ отношеніи къ своему отечеству и имѣетъ право вернуться къ своему домашнему очагу. Вамъ было извѣстно мое пламенное желаніе и твердая рѣшимость служить своему Государю. Чувства мои не перемѣнились; но, отстраняемый постоянными неудачами, безпрерывно обманываемый въ своихъ надеждахъ, я не могу устоять противъ испытаній, которымъ конца не видно. Еслибы я имѣлъ малѣйшую надежду побороть окружающій меня заколдованный кругъ, я съ терпѣніемъ дожидался бы такъ давно вожделѣнной перемѣны; но оставаться на службѣ, не принося никакой пользы, получать только непріятности и разочарованія, разстроивать состояніе, быть причиной огорченія и безпокойства для обожаемой мною матери—это невозможно. Я постараюсь на лонѣ семьи, которая, надѣюсь, со временемъ увеличится, найти счастье, не обрѣтенное

мною на службѣ. Я говорилъ о моемъ намѣреніи Блудову. Онъ уговариваетъ меня еще два мѣсяца потерпѣть; я согласился".

Главною причиной такой перемѣны взгляда, причемъ выразилось неудовольствіе на всѣхъ и на все, былъ „романъ",—какъ самъ онъ называетъ,—разыгравшійся въ петербургской жизни Александра Ивановича, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи и который заставилъ его уѣхать за границу. Впослѣдствіи, когда тягость перваго впечатлѣнія ослабѣла и вернулось нормальное состояніе духа, Александръ Ивановичъ, какъ видно изъ переписки его съ кн. Одоевскимъ, не прочь былъ снова вернуться на свою петербургскую службу. 25 февраля 1832 г. Одоевскій писалъ Александру Ивановичу въ Женеву: „на этихъ дняхъ ты долженъ получить,—если уже не получилъ,—отказъ на твою просьбу; ты долженъ пріѣхать сюда или подать въ отставку. Повѣрь мнѣ, что все, что человѣчески было возможно употребить для сего дѣла, было употреблено; впрочемъ замѣтно было, что тебѣ никто не помѣшаетъ снова вступить въ службу по твоемъ выздоровленіи. Совѣтовать тебѣ не могу: какъ бы ни хотѣлось видѣть тебя здѣсь, но лучше тебѣ совершенно закрѣпить твое здоровье, нежели пріѣхать, занемочь и опять проситься. По службѣ ты потеряешь годъ въ отставкѣ—и только". Александръ Ивановичъ ходатайствовалъ о продолженіи ему заграничнаго отпуска; но вмѣсто того 4 марта того же года онъ получилъ увольненіе. Повидимому, Александръ Ивановичъ своевременно не получилъ о томъ извѣстія. Уже по возвращеніи Кошелева въ Москву, Одоевскій писалъ ему 26 іюля 1832 года въ Москву: „Или ты или я сдѣлались очень безтолковы, или ты не получалъ моихъ писемъ,—не двадцать ли разъ я тебѣ писалъ, что ты въ отставкѣ, но *что тебя примутъ à bras ouverts*". Между тѣмъ взглядъ Александра Ивановича на служебную карьеру измѣнился. Еще задолго до ходатайства своего о продленіи заграничнаго отпуска, Александръ Ивановичъ 8 (20) ноября 1831 г. писалъ Одоевскому изъ Женевы: „Какъ скоро настанетъ лѣто, я поѣду въ Карлсбадъ и оттуда прямикомъ въ Питеръ. У васъ я не останусь долго въ гостяхъ. Я всегда особенно занимался правами, но теперь рѣшился совершенно посвятить себя судебной части. Постараюсь достать мѣсто въ Москвѣ и буду заниматься какъ своею должностью, такъ и обрабатываньемъ русскаго права, древняго и новаго. Этотъ родъ жизни представляетъ мнѣ тьму выгодъ

и пріятностей. Въ Питерѣ жить я не могу, — это сверхъ моихъ силъ,—но буду васъ навѣщать. Чѣмъ болѣе я занимаюсь законовѣдѣніемъ, тѣмъ болѣе чувствую, что быть законовѣдцемъ есть мое назначеніе". Такимъ образомъ, еще за границею, Александръ Ивановичъ рѣшился разстаться съ Петербургомъ и съ дипломатическою карьерой. Въ этомъ случаѣ на его рѣшеніе, безъ сомнѣнія, повліяли занятія его юриспруденціею у знаменитаго Росси въ Женевѣ, о чемъ я скажу подробно въ своемъ мѣстѣ.

Свободное отъ службы время Александръ Ивановичъ посвящалъ обществу и занятіямъ наукою и литературою.

Первый годъ (1827) онъ проводилъ по преимуществу въ родственномъ кругу.

Самымъ важнымъ для него родственникомъ былъ его дядя Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, который былъ его попечителемъ послѣ смерти отца, опредѣлилъ его на службу и постоянно, до самой смерти, ему покровительствовалъ. Къ сожалѣнію, ни въ письмахъ, ни въ „Запискахъ", Александръ Ивановичъ не познакомилъ съ этимъ, въ своемъ родѣ замѣчательнымъ, человѣкомъ. Точныхъ и полныхъ данныхъ о Р. А. Кошелевѣ я не могъ собрать и приходится ограничиваться только намеками. Родіонъ Александровичъ былъ внукомъ генералъ-поручика и шталмейстера Иродіона Михайловича, *случайнаго человѣка* вслѣдствіе женидьбы его на дочери пастора Глюка, у котораго жила Императрица Екатерина I. О службѣ Родіона Александровича извѣстно только изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи коннаго полка" Анненкова (IV, 68), что въ 1769 г. переименованъ онъ въ корнеты изъ вахмистровъ, затѣмъ въ 1777 году изъ поручиковъ уволенъ въ отставку по болѣзни, съ чиномъ ротмистра; а затѣмъ въ царствованіе императора Александра I Кошелевъ является дѣйствительнымъ камергеромъ, предсѣдателемъ коммиссіи прошеній, членомъ государственнаго совѣта и оберъ-гофмейстеромъ (въ 1811 году). Въ коммиссіи прошеній никакихъ слѣдовъ Родіона Александровича не сохранилось и въ алфавитныхъ спискахъ чиновъ коммиссіи, начинающихся съ 1811 г., имени Родіона Александровича не упомянуто. Въ архивѣ государственнаго совѣта сохранилось только Высочайшее повелѣніе объ увольненіи въ 1812 г. оберъ-гофмейстера Кошелева по слабости здоровья, съ сохраненіемъ ему, въ видѣ пенсіи, получаемаго оклада. Изъ списковъ Карабанова видно, что членомъ государствен-

наго совѣта Кошелевъ назначенъ въ 1810 году. Отсюда можно заключить, что собственно служебной дѣятельности Родіонъ Александровичъ не проявилъ. Своимъ высокимъ положеніемъ и расположеніемъ къ нему Императора Кошелевъ обязанъ былъ другому, а именно распространившемуся тогда мистицизму, въ средѣ котораго Кошелевъ занималъ видное мѣсто.—Родіонъ Александровичъ женатъ былъ на Варварѣ Ивановнѣ Плещеевой, сестрѣ извѣстнаго Сергѣя Ивановича Плещеева. Родъ Плещеевыхъ, происходившій отъ боярина Бяконта, отъѣхавшаго въ Москву изъ Чернигова при Симеонѣ Гордомъ, принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ, вліятельныхъ и близкихъ ко двору: бояре Плещеевы занимали важныя должности и ѣзжали послами къ иноземнымъ государямъ. Сергѣй Ивановичъ былъ морякъ и писатель. Плещеевъ издалъ „Обозрѣніе Россійскія имперіи въ нынѣшнемъ ея состояніи", посвященное императрицѣ Екатеринѣ, выдержавшее 4 изданія (въ 1786, 1787, 1790 и 1793 гг.) и переведенное въ Москвѣ на нѣмецкій языкъ (Ленцомъ) и на французскій (два перевода); это довольно обстоятельная географія Россіи по намѣстничествамъ. Кромѣ того онъ написалъ „Дневныя записки путешествія въ исходѣ 1772 года изъ Архипелагскаго, Россіи принадлежавшаго, острова Пароса въ Сирію и къ достопамятнымъ мѣстамъ, въ предѣлахъ Іерусалима находящихся, съ краткою исторіею Алибеевыхъ завоеваній" (С.-Пб. 1773 г.—Переведены по-нѣмецки Арендтомъ. Рига, 1778 годъ) и перевелъ съ англійскаго „Путешествіе англійскаго лорда Балтимура изъ Константинополя черезъ Румелію, Болгарію, Молдавію, Польшу, Германію и Францію въ Лондонъ", изд. 2-е, 1776 и 1778 гг.). Вообще Вейдемейеръ замѣчаетъ, что Плещеевъ съ большою образованностію соединялъ прекрасныя качества души. Фамилія Плещеевыхъ въ то время принадлежала къ числу самыхъ выдающихся. Братъ Сергѣя Ивановича, Михайла Ивановичъ, бывшій совѣтникомъ въ Лондонѣ въ 1775 году, избранъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія любителей русскаго слова при Московскомъ университетѣ и помѣстилъ въ „Трудахъ" его очень интересныя статьи подъ именемъ Англомана (см. ч. I, лл. 151 и 152, прим. 42). С. И. Плещеевъ также былъ членомъ этого Общества и въ „Трудахъ" его помѣщалъ свои переводы. Ал. Ал. Плещеевъ въ Москвѣ былъ однимъ изъ членовъ Новиковскаго дружескаго общества и былъ

очень друженъ съ Карамзинымъ: на имя этого Плещеева и жены его, урожденной Протасовой, Карамзинъ писалъ „Письма русскаго путешественника". Жена Плещеева издала: „Училище бѣдныхъ работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей" (Соч. г-жи Ла-Пренсъ де-Бомонъ, пер. съ франц. Наст. Плещеевой. 2 ч. М. 1808 г.); это была одна изъ первыхъ попытокъ дать въ руки грамотныхъ людей назидательное чтеніе и вызвала сочувственный разборъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1808 годъ (см. ч. I, 215 и 216). Сергѣй Ивановичъ въ качествѣ моряка участвовалъ въ Морейской экспедиціи, а затѣмъ онъ является въ числѣ гатчинскихъ приближенныхъ Павла Петровича, бывшаго наслѣдникомъ престола. Въ 1781 г. Павелъ, бывшій наслѣдникомъ, поѣхалъ за границу и въ свитѣ его находились любимый камергеръ кн. Ал. Б. Куракинъ, игравшій значительную роль въ петербургскомъ масонствѣ, и С. И. Плещеевъ. Существуетъ, между прочимъ, преданіе, что Павелъ Петровичъ, подобно всѣмъ нѣмецкимъ принцамъ того времени, въ Берлинѣ принятъ былъ въ масонство. Плещеевъ сопровождалъ также Павла Петровича, когда онъ ночью явился изъ Гатчины во дворецъ, въ день смерти императрицы Екатерины. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, Сергѣй Ивановичъ быстро сталъ возвышаться, сдѣланъ былъ генералъ-майромъ, статсъ-секретаремъ, кавалеромъ Св. Александра Невскаго и умеръ въ 1802 году въ Монпелье, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сергѣй Ивановичъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ масоновъ и мистиковъ. Когда и гдѣ поступилъ онъ въ масоны, неизвѣстно; но онъ былъ членомъ розенкрейцеровъ или братій златорозоваго креста не задолго до 1792 года и членомъ Новиковскаго дружескаго общества. Екатерина въ инструкціи Шешковскому вмѣнила ему въ обязанность разъяснить сношенія Новикова съ Плещеевымъ, такъ какъ участіе такого близкаго къ Павлу Петровичу лица скорѣе всего могло навести на подозрѣваемый ею слѣдъ связей московскихъ мартинистовъ съ наслѣдникомъ престола; но Новиковъ отозвался въ этомъ случаѣ незнаніемъ. Плещеевъ не жилъ въ Москвѣ и потому личныя сношенія съ Новиковскимъ кружкомъ едва ли могъ имѣть, но онъ принималъ участіе въ денежныхъ пожертвованіяхъ на филантропическія цѣли общества. Плещеевъ вообще склоненъ былъ къ мистицизму. Онъ значительную часть

времени провелъ за границею и въ 1788 г. поступилъ, во время путешествія по южной Франціи, въ братство, основанное въ Авиньонѣ подъ именемъ „Новаго Израиля". Братство это въ 1786 г. основано было тамъ графомъ Ѳаддѣемъ Грабіянко, съ помощью нѣмецкихъ и французскихъ проходимцевъ, и выманивало деньги, обѣщая посвятить своихъ адептовъ въ тайны дѣланія золота и вызыванія духовъ. Плещеевъ, по возвращеніи въ Россію, одумался и прекратилъ сношеніи свои съ этимъ обществомъ, но Грабіянко пріѣхалъ въ Петербургъ и свое странное и надувательное ученіе распространилъ въ высшихъ сферахъ; вскорѣ онъ былъ уличенъ и умеръ подъ стражею ([23]). Сестра Серг. Иван. Плещеева, Варвара Ивановна Плещеева (1756—1809), вышедшая замужъ за Родіона Александровича Кошелева, также усердно была предана мистицизму; жена Сергѣя Ивановича, уже бывши вдовой, собирала въ своемъ домѣ многолюдныя собранія мистиковъ и масоновъ, среди которыхъ являлся и Родіонъ Александровичъ, также уже овдовѣвшій; съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ масонскаго братства въ Петербургѣ, съ Лѣнивцевымъ, вдова Плещеева была въ самыхъ искреннихъ сношеніяхъ и Лѣнивцевъ одно время жилъ въ ея домѣ. По всей вѣроятности, Родіонъ Александровичъ обратился въ масонство по вліянію на него С. И. Плещеева; но онъ сдѣлался глубоко убѣжденнымъ и дѣятельнымъ членомъ своего братства. Голицынъ говоритъ о Кошелевѣ, что онъ объѣздилъ большую часть Европы и нѣкогда находился въ связи, болѣе или менѣе тѣсной, со всѣми именитыми ея людьми по благочестію и христіанской мудрости. Кошелевъ знавалъ лично Эккартсгаузена, знаменитаго мистика Сенъ-Мартена, духовидца Сведенборга, Лафатера, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже велъ постоянную переписку. „Онъ иногда,—говоритъ Голицынъ,—удивлялъ меня и даже поражалъ своими смѣлыми и свѣтлыми взглядами на нѣкоторые важные предметы". Подтвержденіе этому извѣстію я нашелъ только одно. Маттеръ (St. Martin, „Sa vie et ses écrits". P. 1862) разсказываетъ, что С.-Мартенъ, во время путешествія своего въ Лондонъ 1786—1787 г., сошелся съ живущими тамъ русскими и называетъ Зиновьева, двухъ Голицыныхъ, Маскова (?), Скавронскаго, Воронцова, графиню Разумовскую и Кошелева, котораго онъ ставитъ во главѣ. Изъ Лондона С.-Мартенъ поѣхалъ въ Римъ съ кн. Алексѣемъ Голицынымъ, съ которымъ онъ особенно подружился, и

съ какимъ-то Тиманомъ (Thieman). Голицынъ, между прочимъ, выразился, въ разговорѣ съ де Форція, что онъ сталъ человѣкомъ только съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ С.-Мартеномъ. Въ 1788 г. С.-Мартенъ явился уже въ резиденціи герцогини Вюртембергской, матери императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Монбельярѣ. С.-Мартенъ говоритъ объ этомъ путешествіи: „Въ 1788 году я поѣхалъ съ моимъ достойнѣйшимъ другомъ, г. Кошелевымъ, въ Монбельяръ, къ герцогинѣ Вюртембергской, которую я прежде зналъ въ Парижѣ. Она насъ приняла съ такимъ почетомъ, какъ бы Русскаго Наслѣдника, своего зятя. Въ теченіе двухъ дней нашего пребыванія насъ безпрестанно фетировали. Я всю жизнь не забуду завтракъ втроемъ, въ гротѣ, въ замкѣ Этюнъ. Я тамъ испыталъ такое чистое чувство и такъ живо былъ растроганъ, что не могъ не заплакать" (135—143). Изъ этой Монбельярской резиденціи, при помощи герцогини Вюртембергской, открытъ былъ путь въ Гатчину, но Кошелевъ, какъ видно, былъ дальновиденъ, — онъ постарался сойтись съ наслѣдникомъ престола, Александромъ Павловичемъ, и въ его царствованіе сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ членовъ Библейскаго Общества. У Р. А. Кошелева была единственная дочь, замѣчательная по красотѣ и умственному развитію; въ минуту галлюцинацій передъ картиною Рафаеля Менгса, Кошелевъ посвятилъ свою дочь Господу Богу, но потомъ раскаялся. Дочь Кошелева впослѣдствіи умерла, и эта смерть еще глубже затянула его въ мистицизмъ; о смерти дочери Кошелевъ переписывался съ С.-Мартеномъ и „цюрихскимъ мученикомъ" Лафатеромъ. Кошелевъ обратилъ въ мистицизмъ кн. А. Н. Голицына; но, повидимому, еще прежде этого обращенія духовныя связи его съ покойнымъ Императоромъ были крѣпки. Родіонъ Александровичъ въ этомъ случаѣ поддержалъ семейную традицію: зять его способствовалъ обращенію въ мистики имп. Павла Петровича, такое же вліяніе имѣлъ Кошелевъ на имп. Александра I-го. Въ „Запискахъ" Ю. Н. Бартенева подробно разсказывается эпизодъ знакомства Кошелева съ кн. Голицынымъ: „Молодость князя Голицына была бурная: по выходѣ его на свободу изъ строгаго и религіозно-обрядоваго родительскаго дома, страсти взяли волю, разсѣяніе, сластолюбіе, чувственность—все закружило и проникало князя. Религія, отметавшая все это, сдѣлалась ему ненавистною; князь не вѣрилъ безсмертію и ожидаемое имъ ничтожество обязывало его еще глубже

предаваться услажденіямъ чувствъ". По образцу тогдашнихъ вольнодумцевъ, князь кощунствовалъ такъ усердно, что однажды за столомъ, бывши уже оберъ-прокуроромъ, позволилъ себѣ настолько дерзкія выраженія насчетъ религіи, что привелъ въ смущеніе кн. Тюфякина, составившаго себѣ репутацію моднымъ салоннымъ богохульствомъ. „Воздѣйствія его на покойнаго Александра,—говоритъ Бартеневъ,— были далеко не въ пользу религіи". И вотъ этотъ „опасный, но любезный безбожникъ" назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Кн. Голицынъ признаетъ самъ, что усердныя и добросовѣстныя занятія дѣлами синода направили его въ сторону религіи. Когда Сперанскій внесъ въ государственный совѣтъ проектъ закона о брачныхъ дѣлахъ, по которому бракъ получалъ значеніе чисто-гражданскаго союза и бракоразводныя дѣла переходили къ обыкновеннымъ присутственнымъ мѣстамъ, кн. Голицынъ въ первый разъ выступилъ въ совѣтѣ такимъ жаркимъ защитникомъ существующаго порядка, съ точки зрѣнія православной религіи и каноническаго права, что изумилъ Государя, предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ. Послѣ засѣданія къ Голицыну подошелъ Кошелевъ и, выразивши свое одобреніе по поводу сказанной рѣчи, изъявилъ желаніе познакомиться. Съ тѣхъ поръ Кошелевъ и Голицынъ часто видались другъ съ другомъ и, несмотря на разность лѣтъ (Кошелевъ 17 или 18 годами былъ старше Голицына), несмотря на его „какую-то чинность и степенство", между обоими возникла неразрывная пріязнь, такъ что, во время службы Александра Ивановича, когда Кошелевъ былъ слѣпъ и находился уже не у дѣлъ, кн. Голицынъ былъ ежедневнымъ его собесѣдникомъ. Интересенъ способъ, которымъ Кошелевъ постарался затянуть Голицына въ мистицизмъ. Прежде всего онъ познакомилъ его съ Лѣнивцевымъ, о которомъ мы уже говорили, а затѣмъ ввелъ его въ домъ вдовы С. И. Плещеева. У Плещеевой, какъ мы видѣли, жилъ Лѣнивцевъ и собирался кружокъ, гдѣ происходили чтенія мистическихъ книгъ; Голицынъ попалъ съ перваго разу на „трактатъ о жертвахъ" извѣстной духовидицы дѣвицы Бруинъ, которая, „нѣкогда бывъ другомъ герцогини Бурбонской, считалась главою малочисленнаго, но весьма таинственнаго во Франціи общества такъ-называемыхъ жертвъ, или умиротворительницъ правосуднаго гнѣва Божія. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ глубины самаго сокровеннаго мистицизма, сочини-

тельница описывала свои видѣнія, по большей части эмблематическаго свойства". Голицынъ сначала не понималъ и находился въ недоумѣніи но, наконецъ, „вдругъ и нечаянно, — говоритъ онъ,—къ величайшему и радостному моему изумленію, прорвалась завѣса моего сомнѣвающагося незнанія". Голицынъ нечувствительно для самого себя обратился въ мистицизмъ и направилъ свою ревность на императора Александра. Сблизившись между собой, Кошелевъ и Голицынъ повели вмѣстѣ дѣло обращенія въ мистицизмъ императора Александра и съ этою цѣлью во дворецъ введенъ былъ Голицынымъ и Лѣнивцевъ. Бартеневъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ „Записокъ", упоминаетъ, что Государь *по три вечера* разсказывалъ Кошелеву le système providentiel избавленія Россіи отъ французовъ.—Кошелевъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ императоромъ Александромъ. Изъ семейныхъ преданій извѣстно, что императоръ Александръ бывалъ запросто у Кошелева и во время припадковъ его болѣзни принимаемъ былъ совершенно безцеремонно. Изъ „Записокъ" Бартенева видно, что Кошелевъ и кн. А. Н. Голицынъ ревниво дѣлили между собою вліяніе на императора Александра: въ „Запискахъ" упоминается кратко „неудовольствіе Кошелева на князя, какихъ мыслей былъ Кошелевъ о Государѣ и какая метода его дѣйствованія, неудовольствіе князя на Кошелева" („Рус. Арх." 1886, № 7, стр. 318). Однимъ изъ поводовъ къ подобнаго рода неудовольствіямъ Бартеневъ выставляетъ, что Кошелевъ далъ Государю масонскую книгу „Ксанфію", которою Государь остался очень доволенъ и передалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Любопытна представленная въ письмахъ Александра Ивановича характеристика кн. А. Н. Голицына—одного изъ выдающихся дѣятелей Александровской эпохи: „Князь Голицынъ много обѣщаетъ, но ничего не дѣлаетъ: это—эгоистъ, какихъ мало. Разговаривая съ вами, онъ очаровываетъ любезностію, кажется дѣло совсѣмъ улажено и онъ за васъ стоитъ и сердцемъ, и душой, но глупъ, кто этому поддается" (19 янв. 1827). Мнѣніе это Александромъ Ивановичемъ измѣнено было при кончинѣ своего дяди, — такъ его поразила скорбь князя объ утратѣ друга: „Право, нельзя безъ сожалѣнія видѣть князя. Скорбь матери, потерявшей единственное дитя, едва можетъ сравниться съ его горемъ. Представьте, потерять въ эти годы человѣка, съ которымъ онъ привыкъ проводить почти всѣ часы

дня, отъ котораго у него не было тайной мысли, котораго онъ любилъ самой безкорыстною любовью. Я съ ужасомъ смотрю на подобное положеніе: ему придется снова привыкать, затаить въ себѣ, что привыкъ повѣрять сердцу друга, вѣрнаго во всякомъ испытаніи, и жить одинокому среди общества равнодушнаго. Одна религія, которою онъ проникнутъ, можетъ облегчать крестъ, на него возложенный. Я иногда съ уваженіемъ смотрю на лицо Голицына: такое выраженіе самой глубокой скорби и вмѣстѣ столько кротости, столько надежды, что, право, позавидуешь его горю". (28 ноября 1827). Но Александръ Ивановичъ скоро вернулся къ прежнему мнѣнію о Голицынѣ. Въ письмѣ отъ 24 февраля 1828 г. онъ говоритъ: „я знаю этого человѣка: il est faux, comme un jeton (фальшивъ, какъ жетонъ). Онъ ужь забылъ о дядѣ; у него уже явилось нѣсколько человѣкъ, которые кормятъ его обѣдами и замѣнили для него дядю". Такой отзывъ нисколько не удивителенъ и не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго. Юрій Никитичъ Бартеневъ имѣлъ свой, понятный, разсчетъ ставить на пьедесталъ своего покровителя, которому онъ былъ обязанъ всѣмъ — и служебнымъ, и общественнымъ своимъ положеніемъ, и даже состояніемъ. Въ письмѣ его къ Голицыну („Рус. Арх." 1886, № 10, стр. 129—132) ярко обозначается характеръ ихъ отношеній: первую пору своего знакомства съ княземъ самъ Бартеневъ называетъ „временемъ шарканья и поклоновъ", за что онъ „иногда уловлялъ бѣглый взоръ или одобрительную для себя улыбку его сіятельства, иногда даже нѣсколько односложныхъ очередныхъ словъ выкидывалось на лету". Но и среди восторженныхъ похвалъ, несмотря на очевидное желаніе вознести покровителя на пьедесталъ недостигаемаго совершенства, у самого Бартенева попадаются выраженія вполнѣ подтверждающія отзывъ Александра Ивановича о князѣ Голицынѣ: „Буйство любленія,—говоритъ Бартеневъ,—столь сладкое для сердца, столь его чарующее по своей безотчетности, князю мало извѣстно,—форма и метода суть любимые девизы въ князевыхъ прикосновеніяхъ съ людьми" (№ 5, стр. 56). При этомъ Бартеневъ приводилъ,—конечно, не соглашаясь съ ними,—общіе отзывы о князѣ, что нѣкоторая теплота его есть просто слѣдствіе однажды взятой имъ привычки, что остуда или равнодушіе ко всему и ко всѣмъ есть неизбѣжная для него принадлежность. Эта безсердечность и апатія, соединенныя съ нравственною пустотой

и отсутствіемъ всякаго серьезнаго образованія, объясняютъ, почему Голицынъ, подъ вліяніемъ Стурдзы и Магницкаго, сдѣлался усерднымъ гонителемъ просвѣщенія, во имя непонятой имъ и ложно усвоенной идеи христіанскаго вѣроученія. Но извѣстныя хорошія стороны были и въ кн. А. Н. Голицынѣ. А. О. Смирнова, конечно близко его знавшая, по случаю его смерти замѣчаетъ: „Онъ былъ честный и добрый человѣкъ; имѣнье все роздалъ бѣднымъ: послѣ него ничего не нашлось для племянниковъ; они, впрочемъ, и не нуждаются („Рус. Стар." 1888, X, 144): Прибавлю къ этому, что кн. А. Н. Голицынъ держалъ возлѣ себя по нѣскольку домашнихъ друзей-прихлебателей, составившихъ на его счетъ болѣе или менѣе значительное состояніе, въ родѣ Ю. Н. Бартенева, кн. Ѳ. Д. Козловскаго и другихъ ([24]).

Кошелевъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ обращенію въ мистицизмъ Александра Ивановича: старикъ, съ обычною прозорливостью, не подмѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ съ яснымъ практическимъ умомъ обѣтованной почвы для таинственной глубины мистическаго созерцанія. Р. А. Кошелевъ, при всемъ своемъ родственномъ расположеніи къ племяннику, держалъ его вдалекѣ, ограничиваясь приглашеніемъ къ обѣду въ назначенные дни, и не посвящалъ его въ свои обычныя занятія, такъ что ни въ „Запискахъ" Александра Ивановича, ни въ письмахъ Кошелева къ матери нѣтъ ни малѣйшаго намека о томъ, что происходило въ мистическомъ кружкѣ его дяди. Голицыну Александръ Ивановичъ былъ представленъ дядею, но все знакомство ограничивалось посѣщеніемъ по воскресеньямъ его домовой церкви, причемъ послѣ обѣдни у Голицына происходилъ обычный *общій* пріемъ. Послѣ смерти дяди, 26 сентября 1827 года, Александръ Ивановичъ писалъ матери: „всѣ родные потеряли въ немъ вѣрную поддержку просвѣщеннаго совѣтника и человѣка совершенно благонамѣреннаго. Для всей родни онъ былъ центромъ соединенія; теперь мы можемъ сказать, что у насъ здѣсь болѣе нѣтъ родныхъ. Если другіе потеряли много, то моя потеря незамѣнима. Онъ полюбилъ меня какъ сына и я не думалъ, что я могу съ своей стороны такъ привязаться къ человѣку старому. Смерть его оставила большую пустоту въ моемъ сердцѣ; я любилъ его съ сыновнею нѣжностью; я шагу не дѣлалъ, я почти слова не произносилъ, предварительно съ нимъ не посовѣтовавшись. А теперь я долженъ здѣсь дѣй-

ствовать на свой страхъ. Опытность дяди многое представляла мнѣ съ другой точки зрѣнія" (30 ноября 1827 г.). При жизни дяди Александръ Ивановичъ все время обѣдалъ у него по воскресеньямъ и четвергамъ и изрѣдка бывалъ вечеромъ, когда дядя за нимъ присылалъ и служебныя обязанности не задерживали Александра Ивановича. У дяди Александръ Ивановичъ познакомился со Сперанскимъ, Кочубеемъ и многими другими административными знаменитостями.

Въ ноябрѣ 1826 г. пріѣхалъ другой родственникъ Александра Ивановича—Аврамъ Сергѣевичъ Норовъ (1795—1869). Норовъ, послѣ домашняго приготовленія, поступилъ въ Университетскій благородный пансіонъ, но не окончилъ тамъ курса. Свое образованіе онъ дополнилъ впослѣдствіи самъ съ большимъ усердіемъ и выучился, кромѣ французскаго и нѣмецкаго, языкамъ: англійскому, итальянскому, испанскому, латинскому, греческому и еврейскому. Въ 1810 г. Норовъ прапорщикомъ поступилъ въ артиллерію, подъ Бородиномъ ему раздробило ногу картечью и онъ попалъ въ плѣнъ. Живя въ отставкѣ и занимаясь наукою и литературой, Норовъ, по обычаю того времени, выступилъ на стихотворное поприще. Прежде всего въ 1818 году въ журналѣ Измайлова „Благонамѣренный" появились отрывки дидактической поэмы его объ астрономіи; потомъ стихотворенія его печатались въ разныхъ журналахъ двадцатыхъ годовъ: „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія", „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду", „Вѣстникѣ Европы" и „Сынѣ Отечества", въ альманахѣ Ранча „Сѣверная Лира" и кн. Одоевскаго „Мнемозина". Аврамъ Сергѣевичъ не ограничивался, какъ братъ его Александръ Сергѣевичъ, стихотворными бездѣлками, посланіями къ друзьямъ и переводами изъ Мильвуа и Ламартина: онъ печаталъ отрывки изъ дидактической поэмы „Астрономія", переводилъ изъ „Ада" Данте, Петрарки, Франческо-Римини и пр. Но и Аврамъ Сергѣевичъ былъ такъ же мало поэтъ, какъ и его братъ,—стихи его не отличались ничѣмъ отъ тогдашняго обыкновеннаго уровня и не показывали въ немъ ни малѣйшаго таланта. По выздоровленіи Норовъ снова поступилъ въ военную службу, но въ 1823 г. вышелъ съ чиномъ полковника и перешелъ въ гражданскую. Въ это время онъ предпринялъ заграничное путешествіе въ Германію, Францію и преимущественно въ Италію и Сицилію, и въ 1822 г.

издалъ свое „Путешествіе по Сициліи“ (2 ч.)—первый его серьезный литературный трудъ. Въ 1827 году Норовъ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и именно въ это время, когда онъ пріѣхалъ искать службы въ ноябрѣ 1826 года, Норовъ встрѣтился съ Александромъ Ивановичемъ. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ Норовъ былъ самымъ близкимъ товарищемъ Кошелева; они видались почти ежедневно до поѣздки Норова въ 1827 году, въ качествѣ дипломатическаго агента, съ адмираломъ Синявинымъ, начальникомъ нашей эскадры на Балтійскомъ морѣ. Кошелевъ и Норовъ жили вмѣстѣ; въ обществѣ ихъ называли *неразлучными* (inséparables). Въ письмахъ къ матери, Кошелевъ передаетъ о близкихъ отношеніяхъ Норова къ адмиралу Синявину и о начальнической снисходительности послѣдняго. Такъ, по возвращеніи эскадры изъ перваго плаванія, Норовъ долго зажился за границею. Александръ Ивановичъ очень боялся послѣдствій за Норова, но Синявинъ посмотрѣлъ на это очень благосклонно и взялъ Норова съ собою на второе плаваніе. По зимамъ, когда эскадра возвращалась, Норовъ проживалъ въ Петербургѣ, а въ 1830 году онъ возвратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ и составилъ, по предложенію гр. Закревскаго, „Записку о составѣ и занятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ самаго его основанія (1802)“; но записка эта утратилась, такъ что Варадиновъ при составленіи своей „Исторіи“ не могъ ее отыскать. Въ 1849 г. Норовъ, послѣ службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ коммиссіи прошеній, назначенъ былъ сенаторомъ, въ 1850 г.—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1854 г.—министромъ и въ 1858 г. уволенъ, съ поступленіемъ въ члены государственнаго совѣта. Главнымъ дѣломъ въ жизни Аврама Сергѣевича Норова были его путешествія. Въ 1834 г. Норовъ въ теченіе двухъ лѣтъ совершилъ путешествіе по Палестинѣ и Малой Азіи и въ 1838 г. издалъ свое „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ“, доставившее ему литературную извѣстность не только у насъ, но и въ Германіи; въ видѣ продолженія Норовъ издалъ сочиненіе о „Семи церквахъ“. Послѣ перваго своего путешествія Норовъ посѣтилъ Египетъ и совершилъ путешествіе вверхъ по Нилу до большихъ его пороговъ; въ 1840 году онъ издалъ „Путешествіе по Египту и Нубіи“. Въ 1861 г. Норовъ снова посѣтилъ Палестину и Синай ([25]). Въ 1830 г., когда

Александръ Ивановичъ вышелъ въ отставку и оставилъ Петербургъ, личныя сношенія его съ Ав. С. Норовымъ прекратились, но пріятельская связь между ними не прекращалась, хотя она мало приносила существенной пользы. Норовъ былъ министромъ просвѣщенія, когда издавалась „Русская Бесѣда", и, по выраженіи Кирѣевскаго, „робкая дружба" Норова не спасла отъ преслѣдованій со стороны цензуры. Изъ письма Александра Ивановича къ А. Н. Попову (2 апрѣля 1856 года) видно, что по поводу одной статьи Хомякова, отосланной на просмотръ въ Петербургъ, онъ получилъ 31 марта письмо отъ Норова съ разными извиненіями и съ заявленіемъ, что статьи Хомякова переданы имъ въ главное цензурное управленіе. „Въ тотъ же день, — прибавлялъ Кошелевъ, — я отвѣчалъ Абраму Сергѣевичу, доказывая ему крайнюю необходимость пропуска этой статьи и прося его ускорить разрѣшеніе по возможности". Просьба Александра Ивановича, повидимому, не имѣла успѣха, такъ какъ въ „Русской Бесѣдѣ", во все время министерства Норова, кромѣ стихотвореній, никакой серьезной статьи Хомякова не появлялось.

Изъ другихъ родственниковъ Александръ Ивановичъ бывалъ у тогдашняго военнаго министра гр. Татищева, у Хитрова, впослѣдствіи назначеннаго государственнымъ контролеромъ, у Загряжскихъ, графини Коновницыной, Нарышкиныхъ. Но родственное общество, повидимому, мало интересовало Александра Ивановича. На другой же мѣсяцъ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ Александръ Ивановичъ писалъ матери: „Выѣзды мои сдѣлались рѣже. Причиною тому отчасти занятія, отчасти скука, какую всюду встрѣчаешь. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного дома, къ которому чувствовалось бы влеченіе: ѣздишь по обязанности, а не по охотѣ. Въ Москвѣ нельзя себѣ вообразить, какая скука царствуетъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Тамъ все такъ разсчитано, такъ направлено, что ни одного слова не скажется попросту" (26 ноября 1826 г.).

На-ряду съ родственнымъ кружкомъ, во все время петербургской службы Александра Ивановича на первомъ планѣ стояли его московскія связи. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть кн. Одоевскаго и Титова. Оба они почти одновременно съ Александромъ Ивановичемъ перешли на службу въ Петербургъ. Послѣ перваго года пребыванія своего въ Петербургѣ Александръ Ива-

новичъ писалъ къ матери: „Видимся съ кн. Одоевскимъ при всякой возможности; только съ нимъ и съ Титовымъ отводишь душу“ (5 ноября 1827 года). Послѣ того онъ часто поминаетъ въ своихъ письмахъ, что не пропускаетъ случая видѣться съ Одоевскимъ, и не разъ заявляетъ, что нигдѣ не проводитъ такъ весело время въ Петербургѣ, какъ въ домѣ послѣдняго. Недѣльные петербургскіе вечера у Одоевскаго описаны совершенно согласно у Погодина и Панаева (рѣчь Погодина въ засѣданіи Общества любителей русской словесности 13 апрѣля 1869 г. Москва, 1869 г., стр. 56 и слѣд.). „Это было оригинальное сборище, — говоритъ Погодинъ, — людей разнородныхъ, часто даже между собой непріязненныхъ, но почему-либо замѣчательныхъ. Здѣсь сходились веселый Пушкинъ и отецъ Іакинфъ съ китайскими, съузившимися глазками, толстый путешественникъ, тяжелый нѣмецъ, баронъ Шиллингъ, воротившійся изъ Сибири, и живая, миловидная гр. Растопчина, Глинка и профессоръ химіи Гессъ, Лермонтовъ и неуклюжій, но многознающій археологъ Сахаровъ. Крыловъ, Жуковскій и Вяземскій были постоянными посѣтителями. Здѣсь же впервые явился на сцену большаго свѣта Гоголь, встрѣченный Одоевскимъ на первыхъ же порахъ съ дружескимъ участіемъ. Страсть къ музыкѣ продолжалась у Одоевскаго и въ Петербургѣ. Глинка былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, въ его гостиной собирались любители и музыканты—гр. М. Ю. Вьельгорскій, Даргомыжскій, послѣ Сѣровъ. „Жизнь за Царя“ и „Русланъ“ разыграны были въ его кабинетѣ“. Панаевъ также отдаетъ справедливость Одоевскому въ томъ, что онъ принималъ каждаго литератора и ученаго съ искреннимъ уваженіемъ и протягивалъ дружно руку всѣмъ выступающимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщить, всѣхъ сблизить, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что кромѣ избранныхъ, посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся смѣшиваться открыто съ литературною толпой и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ пріятелей. „Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго обыкновенно окружали хозяйку дома, которая разливала чай въ салонѣ, а литераторы были бит-

комъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, — боясь заглянуть въ салонъ. Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета" (Панаевъ, „Литерат. воспоминанія", стр. 116). Александръ Ивановичъ, повидимому, принадлежалъ тамъ къ числу *свѣтскихъ людей*. Онъ пишетъ матери: „Вечера у Одоевскаго, конечно, пріятны, потому что на нихъ предсѣдательствуетъ княгиня. Разговоры на этихъ вечерахъ самые невинные: говорятъ о прочтенныхъ книгахъ, о вновь пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и пр. Правду сказать, маменька, это единственное общество, къ которому у меня душа лежитъ. Здѣсь я убѣжденъ, что всякій принимаетъ меня съ распростертыми объятіями и говорить можно просто, не боясь за каждое слово. Что касается до большаго свѣта, то я знаю, что туда надо являться, и мое положеніе (ma détermination) заставляетъ жертвовать удовольствіемъ обязанности" (31 апрѣля 1827 года). Изъ писемъ къ матери видно, что Александръ Ивановичъ познакомился у кн. Одоевскаго съ *Велланскимъ* и слушалъ публичный курсъ въ 1830 году. Кошелевъ пишетъ о немъ матери: „Велланскій очень простъ въ обращеніи и очень любитъ, когда къ нему обращаются молодые люди. Онъ очень сочувствуетъ молодости и предсказываетъ ей очень лестное будущее" (15 марта 1827 г.).

Изъ другихъ москвичей, Веневитиновъ, какъ мы уже видѣли, вскорѣ заболѣлъ и скончался; у его постели Александръ Ивановичъ возобновилъ свое знакомство съ А. Ст. Хомяковымъ. Александръ Ивановичъ въ Петербургѣ бывалъ и у Жуковскаго, котораго онъ особенно любилъ и который къ нему былъ очень расположенъ,—вѣроятно, по рекомендаціи Авд. Петр. Елагиной. Чистота его души и ясность его ума сильно къ нему привязывали. По вечерамъ онъ встрѣчалъ у него Крылова, Пушкина, бар. Дельвига и др.; бесѣды были замѣчательны по простотѣ и сердечности. Пушкина Александръ Ивановичъ зналъ довольно коротко и бывалъ у него, но они не сблизились. Изъ писемъ А. С. Норова видно, что Александръ Ивановичъ видался съ поэтомъ Козловымъ, но самъ онъ объ этомъ ничего не говоритъ. Александръ Ивановичъ еще болѣе сблизился съ Жуковскимъ въ Баденъ-Баденѣ, (зимой 1850—1851 года), но объ этомъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, домъ его начальника, графа Лаваль, былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ для Александра Ивановича и онъ сдѣлался тамъ

домашнимъ человѣкомъ. Графиня Лаваль принадлежала къ числу свѣтскихъ любительницъ просвѣщенія. Она говорила, что предпочитаетъ общество ученыхъ и литераторовъ баламъ и большимъ собраніямъ. Александръ Ивановичъ не безъ ироніи замѣчаетъ въ своихъ письмахъ къ матери, что онъ считалъ полезнымъ ее въ этомъ поддерживать. Поэтому въ гостиной графини Лаваль иногда появлялись литературныя знаменитости. Такъ, на вечерѣ 21 мая 1828 года Пушкинъ читалъ своего „Бориса Годунова". Любопытно въ письмѣ къ матери описаніе впечатлѣнія, которое это чтеніе сдѣлало на самого Александра Ивановича и на присутствующихъ: „Начало пьесы превосходно. Это—сцена, гдѣ весь народъ въ Москвѣ, патріархъ, духовенство и бояре умоляютъ Годунова принять корону. Сцена эта превзошла всѣ ожиданія. Продолженіе трагедіи и въ особенности первое и второе дѣйствія произвели большое впечатлѣніе. Монологъ Бориса, сцена придворныхъ, разговоръ Лжедимитрія съ монахомъ, переходъ русской границы поляками, смерть Годунова, безъ сомнѣнія, образцовыя произведенія (chefs d'oeuvres), которыя мы можемъ смѣло противопоставить всему, что представляютъ лучшаго иностранные театры. Жаль, что въ цѣломъ нѣтъ такого совершенства, какъ въ частяхъ. Пьеса лишена преобладающей страсти; интересъ двоится между Борисомъ и Отрепьевымъ; развязка тоже не удалась. Несмотря на эти недостатки, Пушкину принадлежитъ слава созданія драмы, которою всегда будетъ гордиться Россія и которая, — въ случаѣ перевода на иностранные языки,—откроетъ національный духъ нашего отечества" (21 мая 1828 г.). Интересно сопоставить эффектъ этого великосвѣтскаго чтенія съ чтеніемъ самимъ Пушкинымъ того же „Бориса Годунова" 12 октября 1826 г. въ Москвѣ, въ домѣ Веневитинова, предъ кружкомъ, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ (Хомяковъ, Шевыревъ, Кирѣевскіе, Рожалинъ и др.), какъ о томъ разсказываетъ М. П. Погодинъ („Рус. Арх." 1865 г., № 1, стр. 95 и слѣд.). „Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григорьемъ всѣхъ ошеломила. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ—„да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной", мы просто всѣ какъ будто обезпамятовали. Кого бросало въ

жаръ, кого въ ознобъ. Волосы подымались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ; то молчаніе, то взрывъ восклицаній. Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...“ Въ 1829 году графиня Лаваль дала два литературныхъ обѣда; на одномъ изъ нихъ гр. Коссаковскій читалъ свою, какъ выражается Александръ Ивановичъ, прекрасную комедію, а на другомъ импровизировалъ Мицкевичъ“ (2 марта 1829 г.). За обѣдомъ въ этомъ же домѣ Александръ Ивановичъ встрѣтился съ Грибоѣдовымъ. Онъ пишетъ о немъ матери: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ. Какой прекрасный человѣкъ, хотя нѣсколько оригинальный: кто ему не нравится, онъ не скрываетъ; но за то онъ совсѣмъ не петербуржецъ относительно тѣхъ, къ кому онъ чувствуетъ расположеніе. Я его разъ видѣлъ у кн. Одоевскаго; я ограничился совершенно равнодушнымъ поклономъ, но онъ подошелъ ко мнѣ и наговорилъ мнѣ кучу любезностей“ (31 марта 1827 года).

Въ 1827 году, отчасти по совѣту дяди, отчасти по собственному влеченію, Александръ Ивановичъ расширилъ кругъ своего знакомства. Онъ познакомился со старухой Архаровой, вдовой Ивана Петровича Архарова. И. П. Архаровъ, — братъ Н. П. Архарова, с.-петербургскаго ген.-губернатора и намѣстника тверскаго и новгородскаго,—участвовалъ въ Морейской экспедиціи и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ гр. Орловыми. Въ 1796 г., при вступленіи на престолъ императора Павла, И. П. Архаровъ получилъ званіе московскаго военнаго губернатора, орденъ Св. Александра Невскаго, 1.000 душъ и 8-баталліонный полкъ, названный Архаровскимъ, сдѣлавшійся синонимомъ разбоя и грабежа—„архаровцы“. Потомъ, вслѣдствіе вражды съ кн. Куракинымъ, оба Архаровы высланы были изъ Петербурга, съ повелѣніемъ жить въ тамбовскихъ деревняхъ. Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ отзывается очень сурово о Николаѣ Петровичѣ Архаровѣ, котораго называетъ однимъ изъ изверговъ, лишающихъ государей любви и довѣренности народной, наравнѣ съ Бирономъ и Аракчеевымъ, и прибавляетъ, что съ нимъ не должно смѣшивать брата его, Ивана Петровича. Послѣдній былъ человѣкъ добрый и благородный. Въ 1800 г., не задолго до кончины императора Павла, Архаровы были возвращены и поселились въ Москвѣ, гдѣ пріобрѣли извѣстность

своимъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ, въ особенности Иванъ Петровичъ, дававшій большіе праздники въ своей подмосковной—Иславскомъ. И. П. Архаровъ умеръ въ Петербургѣ въ февралѣ 1815 году и вдова его осталась тамъ на житье. Архарова представляла остатокъ екатерининскихъ временъ, типъ въ родѣ Хлестовой, умной, но рѣзкой на языкъ, сплетницы и картежницы: ее посѣщала сама Императрица; къ ней, по заведенному обычаю, являлись на поклонъ высшіе сановники, обыкновенно осаждаемые ея ходатайствами, и молодые люди, такъ какъ Архарова любила имъ покровительствовать. Архарова, по понятному чувству, выведена слишкомъ идеализированною въ „Запискахъ" внука ея, гр. Сологубъ, помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1886 годъ. Я помѣстилъ портретъ ея по воспоминаніямъ моего отца, не имѣвшаго никакого интереса изображать ее намѣренно въ каррикатурѣ. Дѣдъ мой, суворовскій полковникъ, былъ большимъ пріятелемъ Ив. Петр. Архарова; по этой старой памяти, старуха Архарова очень благосклонна была къ моему отцу и опредѣлила его въ штатскую службу, по выходѣ изъ гвардіи въ 1827 году, т.-е. именно въ то время, когда познакомился съ Архаровою Александръ Ивановичъ. Его разсказы совершенно сходятся съ описаніемъ моего отца. Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ матери отъ 17 декабря 1827 года писалъ, что Архарова послѣ смерти его дяди вздумала заступить его мѣсто и начала спрашивать его брата Норова обо всемъ, что они дѣлаютъ. Александръ Ивановичъ постарался сейчасъ же круто отдѣлаться отъ этой опеки и прибавляетъ: „чтобы помириться съ этой нелѣпой старухой, завтра поѣду ѣсть ея скверный обѣдъ".

Въ февралѣ 1827 года Авр. Сер. Норовъ представилъ Александра Ивановича въ домѣ К. Я. Булгакова, а въ ноябрѣ онъ представленъ былъ гр. Гурьевой, тещѣ гр. Нессельроде. Братья Александръ и Константинъ Яковлевичи Булгаковы, сыновья извѣстнаго нашего посла въ Турціи, заключеннаго въ семибашенный замокъ, одного изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета Я. И. Булгакова, были директорами почтамтовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Старшій, Константинъ, смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ гр. Нессельроде, гр. Каподистріемъ, кн. П. М.

Волконскимъ и другими сподвижниками царствованія императора Александра I. Государь отличалъ Булгакова и по окончаніи Вѣнскаго конгресса неохотно согласился на просьбу его объ опредѣленіи московскимъ почтъ-директоромъ, — вѣроятно, имѣя въ виду для него другое назначеніе. Изъ Москвы Булгаковъ переведенъ былъ почтъ-директоромъ въ С.-Петербургъ, а его мѣсто занялъ братъ его Александръ. К. Я. Булгаковъ былъ пріятель Жуковскаго, Тургенева, Дашкова, кн. Вяземскаго и другихъ и велъ обширную переписку, которой, по словамъ Вяземскаго, хватило бы на нѣсколько томовъ. Переписка эта могла бы послужить „историческимъ или, по крайней мѣрѣ, общежительнымъ справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи". Домъ Булгакова въ Петербургѣ былъ одинъ изъ самыхъ открытыхъ и пріятныхъ. „Билліардъ былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, нейтральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе ни къ какимъ отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и въ разговорѣ" („Воспоминанія о Булгаковѣ", князя Вяземскаго. М. 1868). Александръ Ивановичъ пишетъ матери, что Булгаковъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для самихъ министровъ, представляя собой посредника въ разныхъ возникавшихъ у нихъ между собою дѣлахъ. Поэтому просьбы его всегда уважались и онъ помогалъ и совѣтомъ, и заступничествомъ; особенно любилъ онъ молодыхъ людей, которые у него были какъ дома. Въ домѣ Булгакова Александръ Ивановичъ познакомился съ гр. Каподистріемъ, маркизомъ Паулуччи, гр. Матушевичемъ и другими знаменитостями того времени.

Александръ Ивановичъ бывалъ на большихъ балахъ у кн. Кочубей, у гр. Лаваля, у Ланского и друг. Въ 1828 году Александръ Ивановичъ писалъ своей матери: „Съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ стоитъ, никогда не было столько баловъ, спектаклей и другихъ развлеченій. Между прочимъ итальянская опера, составленная гр. Вьельгорскимъ въ зиму 1828 г., съ ума сводила меломановъ. Рус-

скій театръ былъ ежедневнымъ: два раза итальянцы, два раза французы и два раза нѣмцы. Кромѣ этихъ публичныхъ спектаклей играли два раза въ недѣлю при дворѣ. Большіе сборы дѣлалъ театръ знаменитыхъ плясуновъ на канатѣ Кіярини и циркъ Турнье" (26 января 1828 г.). Это былъ общій характеръ Николаевской эпохи, du bon vieux temps помѣщичьей жизни. Подавленіе всѣхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ и полное отсутствіе всякихъ другихъ, за исключеніемъ составленія лично для себя служебной карьеры, доступной для немногихъ, увлекло общество и въ столицахъ, и въ провинціи — въ вихрь такъ-называемыхъ „свѣтскихъ удовольствій". Крѣпостное право давало къ этому широкія средства, а историческая неразсчетливость нашего дворянства толкала его на скользкій путь съ роковой поспѣшностью, которая погубила его въ эпоху освобожденія, когда пришлось свести экономическіе счеты. Эта эпоха веселья только на время прервана была появленіемъ холеры въ 1830 г. Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ матери передаетъ, какое дѣйствіе оказали слухи о приближеніи холеры. Едва она появилась, какъ распространилась паника. „Здѣсь начинаютъ,—пишетъ онъ матери,—бояться болѣзни: сейчасъ учреждены санитарный кордонъ и двойной рядъ карантиновъ; пріѣзжающіе и обозы должны выдерживать 14-дневный карантинъ въ Новгородѣ и 5-дневный въ Ижорѣ (послѣдняя станція предъ Петербургомъ). Полиція требуетъ, чтобы былъ хлоръ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ комнатахъ". Въ слѣдующемъ письмѣ (1 октября 1830 года) Кошелевъ такъ описываетъ состояніе Петербурга: „Здѣсь еще нѣтъ настоящей холеры, но есть холера нравственная, т. е. масса толковъ о холерѣ, которые рѣшительно не даютъ устроиться. Если пьяный человѣкъ упадетъ на улицѣ,— кричатъ: охъ, холера! Если кто поблѣднѣетъ, голова заболитъ, желудокъ разстроится и пр.,—кричатъ: охъ, холера! Если кто скоро бѣжитъ или тихо идетъ, если кто много говоритъ или совсѣмъ молчитъ,—кричатъ: охъ, холера! Но замѣчательно, что число больныхъ по вѣдомостямъ сократилось: всякій остерегается, боится простудиться, слишкомъ наѣдаться и напиваться и т. д." ([26]).

За обѣдомъ у гр. Лаваль Александръ Ивановичъ познакомился съ вдовой исторіографа Е. А. Карамзиной, былъ ею приглашенъ и представился первый разъ 12 ноября 1830 года; въ то же время онъ познакомился съ извѣстнымъ семействомъ Олениныхъ.

Домъ Карамзиной въ Петербургѣ напоминалъ московскіе литературные салоны. О вечерахъ Карамзиной говоритъ Панаевъ: „чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ Карамзиной. Тамъ выдавались дипломы на литературные таланты. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ съ строгимъ выборомъ, и Рекамье этого салона была С. И. Карамзина, къ которой всѣ наши извѣстные поэты считали долгомъ писать посланія“ („Восп.“, стр. 115). Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Карамзина была женщина умная, характера твердаго и всегда ровнаго, сердца добраго, хотя, повидимому, съ первой встрѣчи холоднаго. На вечерахъ у Карамзиной собирались всѣ литераторы и знаменитости. Здѣсь Александръ Ивановичъ встрѣчался съ Блудовымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, А. Тургеневымъ Хомяковымъ, П. Мухановымъ, Титовымъ и многими другими. Эти вечера были единственные въ Петербургѣ, гдѣ не играли въ карты и говорили по-русски. Александръ Ивановичъ тотчасъ послѣ перваго знакомства началъ прилежно посѣщать домъ Карамзиной; онъ пишетъ матери: „не могу себѣ простить, отчего я давно не познакомился съ этимъ домомъ; за то я теперь стараюсь вознаградить себя и бываю у Карамзиныхъ два или три раза въ недѣлю“ (28 декабря 1830 года).

Въ январѣ 1831 года Александръ Ивановичъ познакомился у Карамзиныхъ съ дѣвицею Россетъ. Александра Осиповна Россетъ играла очень важную роль въ молодые годы Александра Ивановича: это была первая его любовь. Выборъ этотъ характеризуетъ Александра Ивановича: онъ упалъ на одну изъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени. О ней существуетъ цѣлая литература. И. С. Аксаковъ, хорошо познакомившійся съ нею въ Калугѣ, во время службы своей въ калужской уголовной палатѣ, при губернаторѣ Смирновѣ, женившемся на Россетъ, подробно говоритъ о ней въ своихъ „Калужскихъ письмахъ“ („И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ“, I, 226—240) и посвятилъ ей особый некрологъ („Русь“, 1882 г., сентябрь, № 37); въ „Русской Старинѣ“ печатаются письма ея къ Гоголю („Русск. Стар.“ 1888 года, апрѣль, 31—72; іюнь, 597—610; іюль, 49—62; октябрь, 125). А. О. Россетъ (1809—1882) получила образованіе въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ была любимицей Плетнева и осталась съ

нимъ на всю жизнь въ дружескихъ отношеніяхъ, и 17 лѣтъ поступила фрейлиной къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а послѣ смерти ея къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Россетъ занимала при дворѣ очень выдающееся положеніе, была любимицей Императрицы и Государя и въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями своего времени; ее воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ, Хомяковъ; она была дружна съ Гоголемъ и впослѣдствіи съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Россетъ вышла замужъ за Смирнова уже не въ первой молодости. И. С. Аксаковъ, въ своемъ некрологѣ, такъ описываетъ Александру Осиповну: „Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами,—не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли; ея пытливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя—искусства, поэзіи, знанія—скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ (также въ то время служившимъ при дворѣ) свела ее съ Пушкинымъ и скромная фрейлинская келья Зимняго дворца сдѣлалась мѣстомъ постояннаго сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра. Она и предъ лицомъ императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась такъ сказать представительницею, а иногда и смѣлой защитницей лучшихъ въ ту пору стремленій русскаго общества и своихъ непридворныхъ друзей. Зная ея дружескія отношенія съ Пушкинымъ, императоръ Николай Павловичъ нерѣдко получалъ чрезъ нее отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописи его произведеній. И выйдя замужъ, Александра Осиповна не прекратила своихъ сношеній съ друзьями; напротивъ, ея гостиная или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей, мыслящихъ дѣятелей. Со многими изъ нихъ она вела обширную переписку". Печатаемая въ настоящее время переписка Россетъ съ Гоголемъ доказываетъ всю сердечность ихъ отношеній. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гоголю Александра Осиповна говоритъ ему: „Вы одни остались мнѣ всегда вѣрными, вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же дружбой своей раздули и со-

грѣли. На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только разсчетъ, обманъ, или прекрасный призракъ любви и преданности" (175). Хомяковъ посвятилъ Александрѣ Осиповнѣ два стихотворенія,—одно начинающееся словами

О дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты...

а другое подъ заглавіемъ „Иностранкѣ". Эти посланія и вообще всѣ отзывы объ Александрѣ Осиповнѣ выставляютъ ее въ самомъ выгодномъ свѣтѣ: всѣ люди болѣе или менѣе замѣчательные, которыхъ она очаровывала своимъ вниманіемъ и пріязнію, приходили отъ нея въ восторгъ,—въ обществѣ же ее не любили. Но среди этихъ восторженныхъ похвалъ есть голосъ, которому нельзя не придать значенія. С. Т. Аксаковъ познакомился съ Александрой Осиповной передъ отъѣздомъ ея въ Калугу и также отъ нея въ восторгѣ. Въ этомъ человѣкѣ житейская опытность замѣчательно уживалась съ юношескою свѣжестью чувства и вносила въ его сужденія о людяхъ тотъ вѣрный инстинктъ, который не подкупала никакая блестящая внѣшность. Вскорѣ послѣ первыхъ свиданій, на основаніи длинной переписки съ Иваномъ Сергѣевичемъ, наполненной разсказами его объ А. О. Смирновой, Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ сыну о Смирновой: „Я не вполнѣ довѣрялъ Гоголю и Самарину, я считалъ, что они обольщены, очарованы (и мнѣ говорили многіе, что она—сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видятъ. Но я увидѣлъ, что тутъ нѣтъ и тѣни ничего обольстительнаго, даже ни въ какомъ отношеніи: я не нашелъ въ ней женщины; это была мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ, очень умный, смѣло обо всемъ говорящій, но легкій, холодный; я по крайней мѣрѣ не замѣтилъ ни малѣйшей теплоты, ни даже признака эстетическаго и поэтическаго чувства" (Аксак. пис., I, 287, прим.). „Я признаю Александру Осиповну способною къ самымъ великимъ поступкамъ и презирающею оттого, какъ мелочь, всѣ условія, законы приличія и дурную молву. Я готовъ признать ее Наполеономъ, но лучше соглашусь имѣть ее своимъ царемъ, чѣмъ женой. Стоя на такой высотѣ, она не могла остаться женщиною. Недоступная атмосфера цѣломудрія, скромности, это благоуханіе, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже въ цвѣтущей молодости: она родилась

такою. Вотъ почему все нѣжное, умилительное, грустное, неизъяснимо-сладкое въ поэзіи—отъ нея ускользаетъ" (тамъ же, стр. 399—400, прим.). Этимъ все сказано: Александръ Ивановичъ не могъ быть „мужемъ царицы" и рано или поздно разрывъ долженъ былъ произойти.

Какъ бы то ни было, Александръ Ивановичъ, увидѣвши Александру Осиповну, былъ ею очарованъ и влюбленъ. Изъ писемъ къ матери видно, что Александръ Ивановичъ передъ этимъ ухаживалъ за княг. Васильчиковой, вскорѣ вышедшей замужъ за Лужина, но это было простое свѣтское ухаживанье. Здѣсь дѣло было серьезнѣе; молодые люди видѣлись ежедневно и почти рѣшились соединиться бракомъ. Интересно, въ письмахъ къ матери, слѣдить за внутреннимъ настроеніемъ этой страсти, хотя имя Александры Осиповны рѣдко упоминается въ письмахъ и волнующія влюбленнаго чувства, конечно, не могли найти полнаго отголоска даже въ интимной перепискѣ сына съ матерью.

Первое вліяніе зарождающагося чувства было то, что Александръ Ивановичъ развернулся для свѣтской жизни. Еще ранѣе, въ февралѣ 1827 г., онъ писалъ матери: „Вы спрашиваете меня, веселюсь ли я на балахъ?—Иногда да, иногда нѣтъ. Я долженъ вамъ сказать, что я сталъ менѣе робокъ, скорѣе знакомлюсь, не такъ дикъ съ дамами и дѣвицами и даже начинаю говорить комплименты. Вамъ это кажется невѣроятнымъ, однако же это есть на самомъ дѣлѣ" (3 февраля 1827 г.). Александръ Ивановичъ не отказывался въ это время вообще отъ свѣтскихъ удовольствій; онъ описываетъ матери, какъ онъ учился зимой кататься съ горъ и падалъ на первыхъ порахъ; какъ онъ, часто по необходимости, садился за мушку съ дамами и радовался, что мушка не сильно его кусаетъ (pique) и что вообще онъ не въ проигрышѣ. По окончаніи игры, онъ любилъ обходить карточные столы, гдѣ вели тысячную игру въ экарте записные любители картъ, чтобы подсматривать игру физіономій. Но онъ и самъ чуть не сдѣлался игрокомъ. Пріятели его—гр. Медемъ, Бальюсъ, Фонтенъ и др.—очень любили играть въ экарте, одну изъ азартныхъ игръ. Начавши играть съ ними, Александръ Ивановичъ до того пристрастился къ картамъ, что считалъ почти напрасно прожитымъ тотъ день, въ который ему не удавалось играть. Это препровожденіе времени превратилось скоро въ страсть и онъ проводилъ вечера и даже но-

чи за картами, такъ что иногда прямо изъ-за карточнаго стола поутру, напившись чаю, пріятели отправлялись на службу. Разъ Александръ Ивановичъ занемогъ и, припомнивъ совѣты Кирѣевскаго и другихъ своихъ друзей, онъ рѣшился отдѣлаться отъ этой страсти, что и исполнилъ съ обычною твердостью воли. Пріятели явились, имъ подали карты, но Александръ Ивановичъ рѣшительно отказался и съ тѣхъ поръ не бралъ картъ въ руки. Это, какъ видно изъ писемъ къ матери, случилось въ 1830 г., въ годъ знакомства съ Карамзиной и Россетъ. Но ни знакомства, ни служба, ни удовольствія свѣтской жизни не заставили Александра Ивановича полюбить Петербургъ. Онъ неоднократно говорилъ объ этомъ въ письмахъ къ своей матери. „Въ дѣтствѣ и юности создается міръ воображаемый; по мѣрѣ того, какъ годы ставятъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ людьми и съ обществомъ, какъ оно есть,— убѣждаешься, что прежнія понятія были лишь мечты. Тяжело переживать этотъ переходъ изъ міра воображаемаго въ міръ дѣйствительный; но разъ переходъ совершился, чувствуешь успокоеніе. Нѣтъ такой пылкой любви, за то нѣтъ и ярой ненависти, менѣе потребности имѣть своимъ повѣреннымъ въ горѣ и радости цѣлый міръ, но за то не такъ подвергаешься злоупотребленію довѣріемъ. Если я принужденъ буду оставить службу, я никогда не пожалѣю, что провелъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ,—я тамъ пріобрѣлъ большую опытность. Давно уже жизнь въ Петербургѣ мнѣ наскучила, теперь она мнѣ становится ненавистною; необходимость поѣздки за границу становится день ото дня болѣе настоятельною“ (8 ноября 1830 г.). „Нѣтъ города развратнѣе Петербурга. Большинство въ немъ молодежи предается этому пороку“.

Со времени знакомства съ Александрою Осиповною наклонности къ свѣтской жизни вполнѣ развились въ Александрѣ Ивановичѣ и даже подчинили себѣ все остальное. Такъ въ январѣ 1831 года онъ пишетъ матери: „Всю эту зиму я предаюсь удовольствіямъ; еслибы что-нибудь могло помирить меня съ Петербургомъ, то именно этотъ годъ. Никогда во всю мою жизнь я не искалъ такъ общества, такъ съ нимъ не сживался. Вижу, что начинаю дѣлаться любезнымъ, робость проходитъ и я могу щегольнуть умомъ“ (13 января 1831 г.). „Я сдѣлался поразительно любезенъ. Представьте, что я болтаю цѣлые вечера съ дамами и пріобрѣлъ въ этомъ случаѣ блестящую репутацію. Я самъ смѣюсь,

когда объ этомъ подумаю. Всѣ находятъ во мнѣ огромную перемѣну. Я много ѣзжу въ общество, потому что служба мнѣ прискучила и я немножко inamorato. Впрочемъ, въ концѣ концовъ я могу сказать, что я никогда въ Петербургѣ такъ не веселился, какъ въ настоящемъ году" (21 января 1831 г.).

Мать Александра Ивановича не раздѣляла увлеченія сына и, повидимому, смотрѣла на дѣвицу Россетъ какъ на свѣтски-кокетливую особу. Интересно въ этой интимной перепискѣ сына съ матерью, — которая, конечно, не можетъ сдѣлаться достояніемъ публики и для нея не интересна,—слѣдить, съ какимъ одушевленіемъ Александръ Ивановичъ заступается за свою избранницу, и какъ въ то же время въ его собственной душѣ страсть борется съ разсуднмъ. Это наводитъ его на слѣдующія разсужденія о своей будущей жизни и о женидьбѣ вообще: „Я никогда не соглашусь вести жизнь праздную ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, проживая доходы, принимая утромъ и вечеромъ гостей, посѣщая театры. Прежде, когда я думалъ служить, я рѣшился основаться въ Петербургѣ и вести обыкновенный образъ жизни, но теперь, когда этотъ планъ не можетъ осуществиться, я уже, конечно, не поселюсь въ Москвѣ, чтобы слоняться по гостинымъ и ухаживать за барынями. Я, кажется, доказалъ вамъ въ Павловскѣ, что Петербургъ не испортилъ меня настолько, чтобъ я не могъ обойтись безъ общества. Я былъ совершенно счастливъ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь книгами. Если я оставлю службу, то буду вести жизнь очень уединенную, много буду заниматься сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, воспитаніемъ, книгами, но не буду снова выставлять свою физіономію по баламъ и собраніямъ" (26 января 1830 г.). „Чтобы жениться, я долженъ удостовѣриться въ трехъ вещахъ: есть ли у моей невѣсты доброе сердце? можетъ ли она довольствоваться сама собой въ одиночествѣ? и дѣйствительно ли она меня любитъ" (26 января 1831 г.).

Далеко зашедшія отношенія должны были получить исходъ, должно было произойти рѣшительное объясненіе, и, дѣйствительно, оно произошло, при условіяхъ неблагопріятныхъ. Доходили слухи до Александра Ивановича, настойчиво распространявшіяся въ обществѣ, что Александра Осиповна считалась почти невѣстою кн. С. М. Голицына, что старый князь, со втораго года разъѣхавшійся съ своею женой, хлопоталъ о разводѣ, что Александра Осиповна принимала

отъ кн. Голицына очень цѣнные подарки. Несмотря на все страстное увлеченіе, это не могло дѣйствовать успокоительно на Александра Ивановича; въ своихъ „Запискахъ“ Кошелевъ говоритъ: „я рѣшился написать къ ней съ проявленіемъ страстной моей къ ней любви, но и съ изложеніемъ моихъ предположеній насчетъ будущаго. Я все изложилъ откровенно и она отвѣтила мнѣ точно такъ же. Наши отношенія разомъ и навсегда были порваны“. Очевидно, неглубокое чувство Александры Осиповны не могло устоять противъ тѣхъ скромныхъ и замкнутыхъ въ семейномъ кругу плановъ на будущее, которые Александръ Ивановичъ высказывалъ въ письмахъ къ матери и, безъ сомнѣнія, повторилъ невѣстѣ. Отказъ былъ тяжелымъ ударомъ для Александра Ивановича. Въ своихъ „Запискахъ“, кратко, но рельефно, Александръ Ивановичъ говоритъ: „Нѣсколько дней послѣ того я неспособенъ былъ ни къ какимъ занятіямъ, ходилъ по улицамъ какъ сумашедшій и болѣзнь печени, прежде меня мучившая, усилилась до того, что я слегъ въ постель. Докторъ сперва меня пичкалъ разными лѣкарствами; наконецъ объявилъ, что мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ“. Заграничная поѣздка какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала и нравственному расположенію Александра Ивановича: оставаться долѣе въ Петербургѣ онъ не могъ; получивъ, по ходатайству Блудова, заграничный отпускъ, затрудненный въ то время политическими событіями (французскою революціей 1830 г., безпорядками въ Германіи и польскимъ возстаніемъ), Александръ Ивановичъ въ нѣсколько дней собрался и въ первыхъ числахъ іюня 1831 г., на пароходѣ „Николай I“, отправился въ Любекъ. И за границей мрачное настроеніе не скоро покинуло Александра Ивановича. Въ одномъ письмѣ къ Одоевскому изъ Женевы Александръ Ивановичъ, между прочимъ, выражается: „со времени нашей разлуки утекло много воды! Въ немногое я вѣровалъ и прежде, едва ли во что-нибудь вѣрую теперь. Сколько рушившихся мечтаній! Сколько безжалостнымъ опытомъ мнѣ сдѣланныхъ откровеній“. Но мало-помалу онъ началъ успокоиваться. Тому же Одоевскому онъ писалъ изъ Женевы 8 (20) ноября 1831 г.: „Я былъ, какъ ты знаешь, влюбленъ, безумно влюбленъ. Слава Богу, это проходитъ. Прежде я думалъ, что можно жениться только по любви; теперь начинаю думать, что едва ли не стократъ счастливѣе бракъ, основанный разсудкомъ на согласіи чувствованій и мнѣній. Опытность, тьма

рушившихся мечтаній, необходимость бросить наконецъ якорь и проч. перенесло меня на-дняхъ въ вашу столицу и въ особенности возобновило во мнѣ воспоминаніе о С...., которую я всегда любилъ какъ сестру, которой умъ, чувства и мнѣнія я всегда уважалъ и которая, кажется, имѣла ко мнѣ нѣкоторую дружбу. Грустныя мысли, которыя всегда, какъ ты знаешь, крутили душу, еще болѣе овладѣли ею, и я чувствую, что для моего счастія мнѣ необходима женщина, которая понимала бы всю глубину моихъ скорбей. Скажи, безцѣнный другъ, что ты о семъ думаешь? Скажи свое мнѣніе чистосердечно, ибо твоя дружба для меня дороже всего, и если ты имѣешь малѣйшее возраженіе противъ моихъ проектовъ, то будь увѣренъ, что я ни минуты болѣе не буду о нихъ думать. Отвѣчай мнѣ обстоятельно и *откровенно*. О, человѣкъ! чрезъ какія странныя судьбы ты проходишь! какъ измѣнчивы твои мысли, чувствованія и дѣйствія! Давно ли я вздыхалъ по уединенію? Путешествіе свое окончу и тогда ничто не будетъ мнѣ болѣе препятствовать предаться моимъ склонностямъ. Ужасный билетъ мнѣ надобно еще взять въ житейской лотереѣ — надобно жениться. Я чувствую необходимость пустить корень. Странствованія, какъ физическія, такъ и моральныя, мнѣ постыли и для нихъ я устарѣлъ. Тяжело быть на чужой сторонѣ, быть безъ друга. Сперва весело путешествовать,—но жалѣю о томъ, кто можетъ быть долго внѣ своего отечества, безъ друзей и безъ родныхъ. Вскорѣ чувствуешь, какъ все пусто, какъ все холодно. Видишь вещи замѣчательныя, видишь чудесныя мѣстоположенія, видишь знаменитыхъ людей, но все это хорошо на три, на четыре мѣсяца. Дѣйствительное начало въ насъ долго дремать не можетъ и мы чувствуемъ необходимость выйти изъ страдательнаго положенія.

„P. S. 1-го декабря. Уже десять дней, какъ это письмо написано, но не могъ рѣшиться его отправить, желая болѣе увѣриться, что сообщаемыя мною мысли не суть плодъ минутнаго, необдуманнаго порыва. Нѣтъ, любезный другъ, чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мнѣ необходимо имѣть душу вполнѣ понимающую чувства, которыя терзаютъ мое сердце. Это одно можетъ примирить меня съ жизнію“.

Остается сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ Александра Ивановича. Александръ Ивановичъ любилъ трудъ; онъ самъ пишетъ

матери: „Я очень люблю трудъ. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, которое испытываешь, когда сознаешь, что исполнилъ свою обязанность, и отдыхаешь, не упрекая себя въ лѣни“ (29 февр. 1828). Нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ онъ упоминаетъ, что чувствуетъ себя здоровымъ и бодрымъ — въ особенности тогда, когда заваленъ занятіями. Иногда даже въ свободное отъ служебныхъ занятій время на него нападали приливы къ чтенію. Такъ онъ пишетъ матери: „Я больше сижу дома; я читаю запоемъ, такъ что всѣ новыя свѣдѣнія едва могутъ умѣститься въ моей бѣдной шабалѣ (caboche)“ (8 октября 1830 года). Во время службы своей въ Петербургѣ Александръ Ивановичъ занимался преимущественно исторіей и политическими науками. Первая была уже давно его любимымъ предметомъ, а послѣднія онъ считалъ необходимыми для своей службы. Въ своихъ юношескихъ мечтахъ о будущей дѣятельности, онъ писалъ матери: „Я теперь изучаю политическія науки; чѣмъ больше я въ нихъ успѣваю, тѣмъ живѣе чувствую отъ нихъ удовольствіе. Я никакъ не думаю подготовиться къ одному роду службы. Будущее въ рукахъ Провидѣнія. Богъ знаетъ, что изъ меня выйдетъ; но моя обязанность подготовить себя ко всякой отрасли гражданской службы. Я занимаюсь въ такомъ смыслѣ, что завтра же, при переходѣ въ министерство юстиціи или финансовъ, или наконецъ народнаго просвѣщенія я убѣжденъ, что не буду не на своемъ мѣстѣ. Если я когда-нибудь буду имѣть счастье сдѣлаться человѣкомъ государственнымъ, я не ограничусь, какъ другіе, знакомствомъ съ дѣловою рутиной, но постараюсь примѣнить пріобрѣтенныя мною общія свѣдѣнія и преобразовать, насколько окажется нужно, порученную мнѣ отрасль управленія“ (1828 г.). Для своихъ занятій Кошелевъ пользовался большою библіотекою Лаваля, гдѣ собраны были лучшія политическія сочиненія. По исторіи Александръ Ивановичъ прочелъ „Исторію Наполеона“ Вальтеръ-Скотта во французскомъ переводѣ, рѣчи Питта, „Исторію Наполеоновскихъ войнъ“ Сутея (Soutey), „Исторію Оттоманской имперіи“ Гаммера, книгу объ „Англіи“ Архенгольца, какъ онъ говоритъ: „старое сочиненіе, но очень интересное, потому что сообщаетъ очень вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этой странѣ“, сочиненія Гердера. О своихъ занятіяхъ политическими науками Александръ Ивановичъ пишетъ матери: „читаю исторію мирныхъ трактатовъ и дѣлаю изъ нея извлеченія. Это

мнѣ очень полезно; прежде всего это разъясняетъ мнѣ почву (le terrain) дипломатіи, посвящаетъ меня въ ея тайны и научаетъ меня языку. Что касается до французскаго языка, то теперь я собаку съѣлъ (ferrè à glace) и вообще стараюсь достигнуть легкости въ оборотахъ при разговорѣ, отдѣлавшись отъ прежнихъ моихъ недостатковъ, что̀ для дипломата необходимо" (29 іюня 1827 года). „Лѣтомъ я буду заниматься дипломатическими науками. Теперь я прилежно изучаю международное право. Эта наука необходимая для дипломата и, за исключеніемъ пословъ Анштетта и Алопеуса, едва ли есть у насъ кто-либо съ ней знакомый. Займусь ею прилежно и убѣжденъ, что этимъ я обращу на себя вниманіе. Пишу много по-французски и по-русски, изучаю Флассана ([27]), классическое произведеніе по дипломатіи" (28 мая 1828 г.). Дипломатическими науками Александръ Ивановичъ занимался съ гр. Медемомъ, а юридическими и преимущественно русскимъ законодательствомъ— съ Титовымъ. По этому случаю онъ пишетъ матери: „Я теперь чувствую необходимость познакомиться съ Россіею; къ несчастію, не многіе чувствуютъ эту потребность и потому изученіе русскаго права *чрезвычайно трудно*" (25 мая 1829 года). Вмѣстѣ съ этимъ Александръ Ивановичъ не оставлялъ занятій философіей и греческимъ языкомъ. Но сначала у него на это не хватало времени. Въ первомъ году Александръ Ивановичъ пишетъ матери: „Съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхалъ, я не раскрывалъ греческой книги и ни строчки не написалъ по-русски". Но потомъ это измѣнилось. Вскорѣ онъ написалъ: „да утѣшатъ меня милые Платонъ и Шеллингъ въ моемъ уединеніи! Какъ я ими услаждаюсь, проведя много времени среди китайскихъ тѣней! Что это за божественные люди и какъ сравнительно ничтожны всѣ насъ окружающіе! Клянусь вамъ, еслибы эти божественные геніи не напоминали мнѣ мою небесную отчизну, я бы кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ бы огрубѣлъ въ окружающей обстановкѣ, ибо ничто ни вліяетъ на насъ такъ опасно, какъ постоянныя встрѣчи людей съ ограниченными мыслями и чувствами" (4 апр. 1827 г.). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я почувствовалъ себя загрубѣвшимъ послѣ того, какъ я три или четыре мѣсяца провелъ въ механическихъ занятіяхъ. У меня явилось непреодолимое желаніе предаться любимымъ моимъ занятіямъ и мои милые Шеллингъ, Окенъ, Вагнеръ, чудный Платонъ снова появились на

моемъ столѣ. Не могу вамъ выразить удовольствія, овладѣвшаго мною при видѣ этихъ книгъ, за которыми я провелъ столько счастливыхъ часовъ!...“ Въ это же время, какъ видно изъ писемъ его къ матери и писемъ къ нему Кирѣевскаго, Александръ Ивановичъ прочелъ Юма, Гельвеція, рѣчь о методѣ Декарта и похвальное слово Декарту Томаса, которое онъ лаконически, но метко характеризуетъ восклицаніемъ: „что за чепуха!“ Въ одномъ письмѣ къ матери онъ говоритъ: „Вчера получилъ большое письмо отъ Александра (Норова); оно тѣмъ болѣе принесло мнѣ удовольствія, что при немъ приложена небольшая тетрадь выписокъ изъ сочиненій Св. Дмитрія Ростовскаго. Сколько я успѣлъ прочесть, мысли прекрасныя. Патріархальная простота, глубина и возвышенность пониманія по-истинѣ очаровываютъ. Еслибы эти выписки пришли раньше, онѣ не сдѣлали бы мнѣ никакого добра. Я былъ слишкомъ погруженъ въ свѣтскость, но я почувствовалъ всю ея пустоту и необходимость основать свое счастье и свое бытіе въ себѣ самомъ, помимо вліянія обстоятельствъ. Но не подумайте, что я хочу бросить службу и общество, — нисколько. На свѣтъ я смотрю какъ на средство сдѣлаться лучше, выполнить свою задачу. Человѣкъ не долженъ удаляться отъ себѣ подобныхъ, и всякій аскетъ есть человѣкъ больной; я всегда хочу жить съ людьми, хочу ихъ любить и хочу быть достойнымъ названія человѣка“ (20 марта 1829 г.). Но, несмотря на всѣ эти разнообразныя занятія, Александръ Ивановичъ пишетъ: „Какъ ни сильно во мнѣ желаніе учиться, но оно не можетъ наполнить всего моего существованія: *мнѣ нужна жизнь дѣйствительная.* Постараюсь сдѣлаться первымъ агрономомъ въ Россіи. Менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ я удвою свои доходы и произведу чувствительное улучшеніе въ положеніи крестьянъ. За границей я буду обращать особенное вниманіе на агрономію и относящіяся къ ней науки. Я устрою сельское хозяйство по новому способу, я буду производить сахаръ, примусь за всевозможныя предпріятія,—однимъ словомъ, постараюсь съ возможною пользой употребить свое время. Чтобы украсить эту картину, я возьму хорошенькую жену (хорошенькой она непремѣнно должна быть), мы будемъ имѣть дѣтей, займемся ихъ воспитаніемъ и не только время не покажется слишкомъ длиннымъ, но боюсь, чтобы оно не показалось мнѣ слишкомъ коротко“ (13 янв. 1831). Такъ въ этомъ человѣкѣ всюду и вездѣ сказывалась практическая его натура, не

дозволявшая ему обратиться въ кабинетнаго ученаго. Кромѣ сообщенія матери подробнаго списка прочитываемыхъ имъ книгъ, Александръ Ивановичъ писалъ ей и о тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя въ то время занимали свѣтское общество. Такъ все русское общество заинтересовано было романомъ, переведеннымъ съ китайскаго языка Абель Ремюза, подъ заглавіемъ: „Les cousines chinoises" ([28]); романъ этотъ помѣщался въ извлеченіяхъ во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ. „Въ обществѣ, — говоритъ Александръ Ивановичъ,—не хотѣли читать ничего не китайскаго"; наравнѣ съ этимъ имѣлъ успѣхъ романъ Купера „Послѣдній изъ могиканъ" (10 сентября 1827 года). Зимой 1828 года высшее общество увлекалось романомъ Ансело (Ancellot) — „L'homme du monde" („Свѣтскій человѣкъ"). Романъ этотъ былъ запрещенъ, потому что въ немъ встрѣчались мѣста съ политическимъ содержаніемъ. Вообще автора упрекали главнымъ образомъ въ томъ, что вмѣсто свѣтскаго человѣка онъ вывелъ на сцену негодяя (scelerat). Александръ Ивановичъ видитъ главный недостатокъ романа не въ этомъ,—по его мнѣнію, „всякаго рода свойства могутъ быть присущи герою романа, но вообще этотъ романъ крайне посредственный и обличаетъ въ авторѣ человѣка неумѣлаго" (11 янв. 1828 г.). Александръ Ивановичъ не восхищался писателемъ, еще прежде вошедшимъ въ моду, переводъ котораго явился теперь подъ заглавіемъ: „Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX вѣка" (пер. съ франц. А. Очкинъ. С.-Пб. 1826 года). Кольне былъ подражателемъ Жюи, расплодившаго этотъ родъ нравственно-сатирическихъ романовъ, и кромѣ того однимъ изъ редакторовъ „Journal des Débats", или, какъ тогда переводили, „Журнала преній". Александръ Ивановичъ писалъ матери, что онъ находитъ Кольне до чрезвычайности скучнымъ и пропускаетъ статьи, имъ написанныя. Въ это же время начались и литературныя занятія Александра Ивановича.

Мы уже видѣли, что между членами кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Александръ Ивановичъ, тотчасъ послѣ ихъ образованія, возникли толки о журналѣ. Успѣхъ „Ураніи" ободрилъ молодыхъ людей. Они составили съ Дм. Веневитиновымъ во главѣ планъ изданія другаго литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ „Гермесъ". Рожалинъ долженъ былъ перевести Шиллерова „Ми-

зантропа" (впослѣдствіи переводъ напечатанъ въ „Москвитянинѣ"), Дм. Веневитиновъ—„Эгмонта" Гёте (напечатано первое дѣйствіе), Погодинъ—„Гецъ фонъ-Берлихингенъ", Шевыревъ—„Валленштейновъ лагерь" (отрывки напечатаны въ „Московскомъ Вѣстникѣ" и затѣмъ изданъ вполнѣ). Программы смѣнялись программами, и въ эту-то минуту, когда кружокъ такъ сказать въ-попыхахъ рвался работать, думалъ безпрестанно о журналѣ, въ Москву явился въ 1826 г. изъ псковскаго заточенія А. С. Пушкинъ. Пушкинъ еще въ 1825 г. самъ думалъ объ основаніи журнала и поручалъ кн. Вяземскому, находившемуся тогда въ Москвѣ, устройство этого дѣла. Журналъ кружка возникъ съ благословенія Пушкина и при непосредственномъ его участіи. Въ домѣ Веневитинова 12 октября 1826 г. Пушкинъ прочелъ собравшимся членамъ кружка своего „Бориса Годунова" (восторженный пріемъ былъ уже нами описанъ). Сближеніе съ Пушкинымъ усилило толки о журналѣ. „Множество дѣятелей,—говоритъ Погодинъ,—молодыхъ, ретивыхъ, было такъ сказать налицо и они сообщили Пушкину общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ я (Погодинъ). Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено—„Московскій Вѣстникъ". Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновы, два брата Кирѣевскіе, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, В. Оболенскій, Соболевскій" (Погод. „Восп. о Шевыревѣ", 12). Пушкинъ смотрѣлъ на „Московскій Вѣстникъ" какъ на свой журналъ и тамъ преимущественно помѣщалъ свои стихотворенія. Въ письмѣ отъ 21 ноября 1826 года Пушкинъ писалъ Н. М. Языкову: „рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи. Дельвигъ—нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу",—жаль, но что же дѣлать". Веневитиновъ принималъ главное участіе въ томъ, что Пушкинъ прекратилъ свои отношенія къ Полевому, въ журналѣ котораго онъ печаталъ свои стихотворенія, и, по выраженію кн. Вяземскаго, закабалилъ себя „Московскому Вѣстнику". Пушкинъ писалъ, между прочимъ, Полевому, послѣ похвалы, объявленной Гёте Шевыреву: „надобно, чтобы *нашъ* журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно,—будь сказано между нами,—первый, единствен-

ный журналъ на святой Руси. Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина съ братіею".

Время и мѣсто для изданія новаго журнала, казалось, выбраны были при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. „Въ Москвѣ,—говоритъ Погодинъ,—наступило самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино, Денисъ Давыдовъ—съ Кавказа, Баратынскій выдавалъ свои поэмы, „Горе отъ Ума" Грибоѣдова только-что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ „Пророка" и знакомилъ съ слѣдующими (послѣ напечатанной первой) главами „Онѣгина". Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ и С. Т. Аксаковъ, тогда еще не старый, переводилъ ему „Скупаго". Загоскинъ писалъ „Юрія Милославскаго". Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гёте. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь впрочемъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. А тамъ еще Дельвигъ съ „Сѣверными цвѣтами", Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ „Иліадой", Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о „натуральной философіи", гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ—у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиныхъ, у Погодина, у Соболевскаго, у кн. Волконской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка".

И, несмотря на это, на собранныя въ немъ силы, журналъ просуществовалъ всего лишь четыре года (съ 1827 по 1830-й включительно). Неуспѣхъ „Московскаго Вѣстника" Погодинъ приписываетъ слѣдующимъ причинамъ: 1) опасаясь издержекъ, издатель выпускалъ книжку не болѣе 4 листовъ, тогда какъ „Телеграфъ"

выдавалъ книжки въ 10 и 12 листовъ; 2) не было приложено картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкой „Телеграфа"; 3) неприглашеніе къ участію кн. Вяземскаго, который на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матеріалами содѣйствовалъ больше всего успѣху этого журнала; 4) редакторъ Погодинъ не вполнѣ отдавался журналу, а продолжалъ заниматься русской и всеобщей исторіей въ качествѣ профессора. Замѣчательно, что Бѣлинскій, въ отрывкѣ своемъ о „Московскомъ Вѣстникѣ", до нѣкоторой степени подтверждаетъ слова Погодина: „Московскій Вѣстникъ" имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы, столкновенія мыслей и мнѣній, онъ вздумалъ соблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ, и, полный дѣльными и учеными статьями, былъ тощъ рецензіями и полемикой, кои составляютъ жизнь журнала, былъ бѣденъ новостями, безъ коихъ нѣтъ успѣха русскому журналу, и, *что всего ужаснѣе, не велъ подробной и отчетливой лѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ русскому журналисту*. Что дѣлать? Безъ маленькихъ и, повидимому, пустыхъ уступокъ нельзя заключить выгоднаго мира. „Московскій Вѣстникъ" былъ лишенъ современности, и теперь его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, онъ никогда не былъ" (Сочин., I, стр. 111).

Коренная причина успѣха „Телеграфа" и паденія „Московскаго Вѣстника" заключалась въ основномъ взглядѣ издателей на задачу періодической печати. „Московскій Вѣстникъ" высказывался въ слѣдующемъ смыслѣ: „судя по большей части нашихъ повременныхъ изданій, мы замѣчаемъ, что еще не совсѣмъ у насъ истребился старый предразсудокъ—требовать отъ журнала пріятнаго и легкаго чтенія, для препровожденія времени за чашкою кофе. Но есть цѣль высшая, благороднѣйшая. Настоящее назначеніе журнала состоитъ въ томъ, чтобы указывать своимъ соотечественникамъ на всѣ новыя, современныя явленія въ обширной области твореній ума человѣческаго, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и

въ другихъ государствахъ, разрѣшать по возможности всѣ современные вопросы, ибо всякій вѣкъ, всякій народъ, всякій человѣкъ имѣетъ свои задачи, для разрѣшенія которыхъ живетъ и дѣйствуетъ; указывая на новыя явленія ума, честно и правдиво, безъ пристрастія личнаго, открывать ихъ настоящую сторону, назначать имъ мѣсто въ постепенной лѣстницѣ просвѣщенія, какъ въ отношеніи къ нашему отечеству, такъ въ отношеніи ко всему міру человѣковъ, и такимъ образомъ *благородно и возвышенно направлять непостоянное вниманіе своихъ соотчичей на весь современный ходъ ума человѣческаго, на его успѣхи, уклоненія, заблужденія*, и сосредоточивать воедино всѣ разногласныя мнѣнія публики, столь разнообразной во вкусахъ, въ характерахъ, въ склонностяхъ, въ пристрастіяхъ" („Моск. Вѣстникъ" 1828, VIII, 63 и 64). Разставаясь съ публикою по окончаніи изданія, Погодинъ спѣшилъ *„засвидѣтельствовать искреннюю благодарность... не публикѣ, коей благодарности я не искалъ и не получалъ*, но своимъ сотрудникамъ. „Московскимъ Вѣстникомъ",—продолжалъ Погодинъ,—сознаюсь откровенно, очень много не исполнено изъ того, что предполагали мы сами, съ незабвеннымъ Дм. Веневитиновымъ, Шевыревымъ и прочими сотрудниками, въ пылу юношескихъ надеждъ начиная изданіе. Но онъ смѣло можетъ сказать, что усердно старался, по мѣрѣ силъ своихъ, знакомить молодыхъ любознательныхъ соотечественниковъ съ новыми усиліями ума въ области наукъ, преимущественно исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ; что желалъ безъ лицепріятія, по своему разумѣнію, обращать ихъ вниманіе на примѣчательныя современныя произведенія русской словесности; что ревностно боролся съ дерзкими шарлатанами, которые сѣютъ плевелы на священной нивѣ отечественнаго просвѣщенія,—боролся тогда еще, когда сами корифеи наши, возставая теперь за личныя оскорбленія, поддерживали, къ стыду своему, легкомысленнымъ покровительствомъ; и наконецъ, что смѣло вразумлялъ посредственныхъ педантовъ въ ихъ собственныхъ недостаткахъ, дабы впредь они принимали какой-нибудь скромный опытъ робкаго, но достойнаго юноши, предстающаго на судъ публики, съ меньшею грубостью, если уже, по несчастному расположенію души, не могутъ этого сдѣлать съ бо́льшимъ доброжелательствомъ, или должнымъ уваженіемъ". Совсѣмъ инаго мнѣнія о журналистикѣ былъ Полевой: „Существенное достоинство журнала,—говоритъ онъ,—не состоитъ

ли въ многообразіи и разнообразіи предметовъ? *Главное—сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостью.* Читателю скучно находить въ журналѣ что̀ находитъ онъ въ огромной книгѣ, послѣ которой хотѣлъ отдохнуть; еще несноснѣе найти статью длинную, сухую, разорванную въ нѣсколько номеровъ, все однако лучше *найти что-нибудь*, нежели *ничего*, въ легкой какъ пухъ книжечкѣ, обертка которой обременена лучевымъ перечнемъ поэзіи и прозы. Вообще можно пожелать, чтобы журналисты болѣе пользовались важнымъ преимуществомъ своимъ—представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ что̀ слышно новаго. *Журналистъ—разносчикъ вѣстей; встрѣчаясь съ нимъ, не спрашиваютъ: что вы знаете, но—нѣтъ ли чего-нибудь новаго.* Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала,—пусть только она будетъ умна, правдива, дѣльна. Присовокупите къ тому избранныя новости литературныя, важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія, и умѣйте предлагать это не односторонно, разнообразно" („Телег." 1825, I, 6—9). На этомъ основаніи, на первыхъ порахъ Полевой высказывалъ свой взглядъ только „посовѣтовавшись съ общимъ мнѣніемъ". Отсюда ясно, что „Московскій Вѣстникъ", какъ замѣтилъ уже Бѣлинскій, былъ слишкомъ серьезенъ и не принаравливался къ общему уровню тогдашней читающей публики, тогда какъ „Телеграфъ" служилъ полнымъ выраженіемъ ея потребностей. Другой недостатокъ „Московскаго Вѣстника", который впрочемъ былъ прямымъ результатомъ его серьезнаго направленія, это—его *безцвѣтность* въ томъ смыслѣ, какъ требовали въ то время опредѣленности въ направленіи журнала. По словамъ Надеждина, „Московскій Вѣстникъ"—„не очень рѣзвъ и не очень смиренъ, не совсѣмъ упрямъ и не совсѣмъ сговорчивъ,—точь-въ-точь середка на половинѣ! Впрочемъ, не середка на половинѣ должна составлять достоинство журнала. Напротивъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе подобной умѣренности. Отъ нея тошнитъ, какъ отъ теплаго. По моему мнѣнію, журналъ долженъ быть либо то, либо сё. Гермофродиты суть уроды въ натурѣ" („Вѣст. Евр." 1830, IV, 111 и 112). Въ чемъ же заключалась эта умѣренность? На это отвѣчаютъ выше приведенныя слова Бѣлинскаго: „отчужденіе отъ рѣзкости въ сужденіяхъ, недостатокъ полемики, составляющей жизнь журнала".

Надеждинъ — своимъ образнымъ и оригинальнымъ языкомъ — выразилъ это еще яснѣе и рельефнѣе для тогдашняго журнала: „Ругательство было наилучшею приправою, которою можно приманивать литературную толпу, ищущую на базарахъ словесности всякаго и всяческаго раздора. Откажись „Телеграфъ“ отъ своихъ прицѣпокъ, придирокъ и ругательствъ, — половина подписчиковъ и... бухъ какъ камень въ воду. Онъ тѣмъ доселѣ и бралъ, что не спускалъ ни встрѣчному, ни поперечному. Всякаго, кто бы ни попался подъ перо—и ну колоть! Вотъ и пошла о немъ слава по народу: „Ай-да удалецъ! Ну-жь, сполать доброму молодцу! Никому нѣтъ спуску“ (IV, стр. 183). Надо сознаться, что среди неподготовленной и неразвитой публики, въ эпоху борьбы и столкновенія мыслей и мнѣній, такой пріемъ есть результатъ необходимости и единственный залогъ успѣха; въ этомъ смыслѣ Полевой былъ правъ. Люди серьезные и образованные и тогда были на сторонѣ „Московскаго Вѣстника“. С. Т. Аксаковъ, одинъ изъ отъявленныхъ противниковъ „Телеграфа“, говоритъ: „Кромѣ литературы и ученыхъ достоинствъ, „Московскій Вѣстникъ“ былъ журналъ честный: критика его могла быть пристрастна, но никогда не основывалась на разсчетахъ и никого не хвалила изъ видовъ. Несмотря на это, журналъ не имѣлъ успѣха; петербургскіе журналисты были противъ „Московскаго Вѣстника“ („Разн. соч.“, 182 и 183). Но много ли было такихъ цѣнителей? А между тѣмъ петербургскіе журналы, какъ напримѣръ „Сынъ Отечества“, занимавшій тогда самое видное между ними мѣсто, съ перваго же года вооружился противъ „Московскаго Вѣстника“. Въ статьѣ „О новыхъ метеорологическихъ явленіяхъ въ русской литературѣ, или взглядъ на положеніе новыхъ преобразователей русскаго языка, новыхъ историковъ, новыхъ философовъ, новыхъ поэтовъ и пр.“ (1847 г., №№ 1, 2 и 4)—вообще высказывается нерасположеніе „Сына Отечества“ къ „Московскому Вѣстнику“; критикъ нападаетъ — и притомъ не безъ нѣкотораго основанія—на переводъ Погодинымъ драмы Гёте— „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и указываетъ неудачную замѣну выраженій подлинника простонародными русскими оборотами. Наконецъ, была еще случайная, но также не маловажная причина успѣха „Телеграфа“. Собраты-журналисты встрѣтили Полевого такимъ общимъ хоромъ придирчивой и ожесточенной брани, какой ни прежде, ни послѣ не испытывалъ ни одинъ вновь возникавшій

журналъ: дѣло дошло до того, что Писаревъ перенесъ эту брань на театральныя подмостки и издѣвался надъ Полевымъ, безъ всякаго повода, въ своихъ водевильныхъ куплетахъ. Публика всегда принимаетъ сторону обиженнаго и угнетеннаго, всегда ищетъ для него оправданія и извиненія; а тутъ еще брань невольно обращалась въ пользу Полевого. За что,—спрашивалъ себя всякій,—такія нападки, такая травля? Вѣрно Полевой задѣлъ за живое и, слѣдовательно, правъ. За него были—какъ за искуснаго борца, который доставлялъ поводъ къ этому словесному турниру, занимавшему публику, гдѣ самъ онъ игралъ первенствующую роль. К. А. Полевой, въ своихъ „Запискахъ" (141—144), говоритъ, что одно театральное представленіе, гдѣ были нападки Писарева на Полевого (извѣстные куплеты его въ водевилѣ „Три десятки"), совершенно неожиданно вызвало со стороны публики шумную и страстную овацію въ пользу Полевого. Безъ сомнѣнія, таковы же были послѣдствія въ публикѣ и нападеній на страницахъ журналовъ.

Между тѣмъ, сравнивая „Московскій Вѣстникъ" съ „Телеграфомъ" за одно и то же время (съ 1825 до 1830 г. включительно), нельзя не отдать преимущества первому. Стихотворный отдѣлъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" былъ неизмѣримо выше; повѣсти Полевого, въ смыслѣ моднаго тогда подражанія Вальтеръ-Скотту, могли нравиться современной публикѣ, но въ сущности уступали даже повѣстямъ Погодина, имѣвшимъ по крайней мѣрѣ достоинство народно-бытовыхъ изображеній; иностранная библіографія была несравненно полнѣе и обработана съ бо́льшимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла. Критическія способности Полевого обнаружились уже впослѣдствіи, а за разсматриваемый періодъ критика въ „Московскомъ Вѣстникѣ" стояла гораздо выше. Не упоминая уже подробно разсмотрѣнной нами статьи И. В. Кирѣевскаго о Пушкинѣ, даже критическія статьи Шевырева, обнаруживавшія знакомство съ иностранными образцами, давали гораздо болѣе, нежели робкія на первыхъ порахъ и лишенныя серьезной доказательности похвалы и порицанія Полевого. Недоставало полемики и рѣзкости въ сужденіяхъ!

Въ первомъ (1828 году) всѣ члены кружка—Веневитиновы ([29]), Хомяковъ, Кирѣевскіе, кн. Одоевскій, Титовъ, Рожалинъ, Кошелевъ—принимали, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ изданіи „Московскаго Вѣстника". Но со втораго же года эти

сотрудники совершённо отстранились и вся тяжесть изданія обрушилась на самого Погодина и въ особенности на Шевырева. Въ томъ же году и Шевыревъ уѣхалъ въ Италію, хотя онъ не переставалъ оттуда быть дѣятельнымъ сотрудникомъ „Московскаго Вѣстника". Мѣста удалившихся заняли новые сотрудники: Пим. Араповъ (въ качествѣ переводчика), Зиновьевъ, лица неизвѣстныя, отчасти избравшія для себя неразгаданные псевдонимы (Зоилъ 1, 2, 3, 4 и пр.). Въ послѣднемъ 1830 году къ „Московскому Вѣстнику" примкнулъ, въ качествѣ главнаго сотрудника, Венелинъ. Постепенное уклоненіе первоначальныхъ сотрудниковъ также было одною изъ главныхъ причинъ постепеннаго ухудшенія журнала.

Александръ Ивановичъ въ 1827 году помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" двѣ статьи, за подписью А. К.: первая изъ нихъ была извлеченіе изъ книги „Очерки о Персіи" (Skethes in Persian, from the Journals of the traveller in the East. London, 1827 г. „Моск. Вѣстн." 1827, VI, 464—481). При этомъ я долженъ замѣтить, что догадка моя, изложенная въ первой части (515), на основаніи письма его къ матери, о помѣщеніи Кошелевымъ статьи: „О нынѣшней Персіи" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1827 годъ,—оказалась невѣрною. Вторая статья Александра Ивановича—„Чтеніе доктора Гренвиля въ Петербургской академіи о египетскихъ муміяхъ" (VI, 367 — 371). Чтеніе это, съ демонстраціею самыхъ мумій, привезенныхъ изъ Египта, привлекло многочисленную публику и обратило общее вниманіе (подробный о немъ отчетъ помѣщенъ былъ также въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1827 годъ). Участіе Александра Ивановича въ „Московскомъ Вѣстникѣ" видно изъ письма къ нему по этому предмету Погодина (отъ 13 декабря 1887 года): „Давно уже долженъ былъ благодарить любезнѣйшаго Александра Ивановича за его прекрасные подарки „Московскому Вѣстнику", но что дѣлать! Проклятыя корректуры губятъ меня и я никакъ не могъ урвать минутки, чтобъ освободиться духомъ потолковать съ вами о нашемъ общемъ дѣлѣ. „Смѣсь" съ помощью вашей надѣемся улучшить. Съ самаго начала года хотѣлось мнѣ помѣщать статьи о современныхъ происшествіяхъ, въ родѣ помѣщавшихся нѣкогда у Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы", но некому было преручить этого дѣла, очень любопытнаго для читателей. Теперь находится человѣкъ, который слѣдитъ за европейскою политикой,— надѣюсь залучить его къ себѣ. Другая статья: мы начнемъ обо-

зрѣніе журналовъ и станемъ давать отчетъ о всякой книжкѣ каждаго изъ нихъ. Въ „Атенеѣ“ будутъ ратоборствовать М. Дмитріевъ, А. Писаревъ, Загоскинъ, Шаховской. Разборъ его по литературнымъ мнѣніямъ должны взять на себя князь Одоевскій и Титовъ, который будетъ дѣлать это съ осторожностью. Скажите имъ это. „Телеграфъ“ будетъ на плечахъ у Шевырева, я берусь за „Русскаго Зрителя“ и пр. Мы, уважая свое дѣло, не должны марать его придирками, косвенными нападеніями, а говорить свое мнѣніе основательно и положительно. Иностранная библіографія, преимущественно англійскихъ книгъ, принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, вамъ. Жаль, что наши московскіе излѣнились и ничего не дѣлаютъ; мы перестали ужь усовѣщивать,—скучно; попытайтесь теперь вы. Я думаю скоро (мѣсяца черезъ четыре) сойти съ журнальнаго поприща и предоставить оное достойнѣйшимъ“. Въ этомъ письмѣ есть приписка Шевырева слѣдующаго содержанія: „Примите и мою благодарность, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за пособія ваши. Если персидскія сказки, помѣщенныя въ „Skethes in Persian“ (книгѣ о которой писалъ Александръ Ивановичъ), хороши поэтически, то нельзя ли перевести? Мнѣ хочется поболѣе *народныхъ* повѣстей въ изящную прозу: тогда и это отдѣленіе можно сдѣлать европейски-интереснымъ. Постараюсь достать сказокъ исландскихъ, испанскихъ, нормандскихъ и т. п., а русскихъ у меня вдоволь. Поторопите Титова написать замѣчанія на „Skethes“, имъ обѣщанныя, да надѣемся, что вы насъ полакомите чѣмъ-нибудь наинтереснѣйшимъ для первыхъ книжекъ журнала“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что журнальная дѣятельность кружка не прекратилась вмѣстѣ съ „Московскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1835 году затѣялся журналъ, гдѣ должны были принять участіе: Хомяковъ, Кирѣевскій, Кошелевъ, Баратынскій, Шевыревъ, Мельгуновъ, Свербеевъ и куда приглашали князя Одоевскаго. Одинъ изъ членовъ кружка писалъ о тогдашнемъ препровожденіи времени: „Мы собираемся по пятницамъ у Свербеевыхъ, по воскресеньямъ— у Кирѣевскаго, иногда по четвергамъ—у Кошелевыхъ и время отъ времени у Баратынскаго. Два, три раза въ недѣлю мы всѣ въ сборѣ, дамы—непремѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ споритъ, Кирѣевскій поучаетъ, Кошелевъ разсказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу, Герке дура-

чится, Мещерскій молчитъ, мы остальные слушаемъ. Павловъ еще въ деревнѣ,—пишетъ повѣсти; Скарятинъ завелъ славную академію". Результатомъ этихъ собраній было появленіе „Моск. Наблюдателя" (1835 г.). Этотъ журналъ предпринятъ нѣсколькими литераторами, въ числѣ которыхъ главное значеніе имѣли Баратынскій, Кирѣевскій, Павловъ, Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Языковъ и проч. Редакторомъ журнала избранъ былъ Андросовъ при помощи Шевырева. Мы всѣ (перечисленные выше собесѣдники)—постоянные сотрудники, надсмотрщики и участники. Расходы должны простираться до 40.000 руб., потому что мы будемъ платить 150 рублей за печатный листъ. Капиталъ въ основаніе журнала положено собрать до 20.000 р., до сихъ поръ собрано болѣе 10.000 р., мы всѣ вносимъ по 1.000 р.". Само собою разумѣется, что тысяча рублей, приходившаяся на долю Александра Ивановича, была уплачена въ фондъ для изданія „Московскаго Наблюдателя". Но къ разсмотрѣнію этого журнала мы обратимся въ свое время, когда перейдемъ къ московской жизни Александра Ивановича.

Для полной характеристики Александра Ивановича въ его молодые годы, намъ остается указать еще на двѣ существенныя черты его характера: разсчетливость и глубокое религіозное чувство. Александръ Ивановичъ не безъ гордости писалъ своей матери, что еще въ то время, 20-ти лѣтъ, онъ пріобрѣлъ репутацію *разсчетливаго* человѣка и между родными, и между знакомыми. Онъ получалъ отъ матери 6.000 р. въ годъ и рѣдко просилъ прибавки, объясняя ее всегда полнымъ и подробнымъ счетомъ своихъ расходовъ—для доказательства, что не истрачено ничего на прихоти и ненужные расходы. Онъ разсчитывалъ при покупкѣ книгъ, разсчитывалъ въ минуты самыхъ для него пріятныхъ удовольствій, сопровождая разсказъ о нихъ неизмѣнною прибавкою, что̀ при томъ „сто́итъ дешево" или что̀, „къ сожалѣнію, обошлось дорого". Выигралъ онъ 3.000 р. въ карты и сейчасъ же положилъ 2.000 р. въ опекунскій совѣтъ для „составленія изъ нихъ фонда",—конечно, не для игры, а для необходимыхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ.

Мать Александра Ивановича спрашивала его въ письмѣ, часто ли онъ бываетъ въ церкви. „Каждое воскресенье и пропускаетъ только по крайней необходимости, но уже непремѣнно разъ въ два воскресенья". Отношеніе его къ религіи видно изъ слѣдующаго

интереснаго письма къ матери: „Письмо ваше отъ 16 апрѣля, милая маменька, меня сильно огорчило. Повидимому, вы такъ обезпокоены и взволнованы, что я не знаю, что мнѣ дѣлать, что сказать вамъ, чтобы васъ успокоить и разувѣрить. Если вы боитесь за мое здоровье, то будьте на этотъ счетъ безъ всякаго опасенія, потому что никогда я не былъ такъ остороженъ: я знаю, что всякое мое малѣйшее нездоровье покажется вамъ тяжкою болѣзнью. Если вы сомнѣваетесь въ моемъ поведеніи, то двоюродный братъ мой (А. С. Норовъ), никогда не теряющій меня изъ виду, можетъ васъ удостовѣрить, что, въ теченіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, ни въ чемъ я не нарушилъ правилъ ни строгой нравственности, ни умѣренности и благоразумія. Или это—нетерпѣніе меня видѣть, въ такомъ случаѣ припомните, милая маменька, увѣщанія, которыя сами вы мнѣ писали, съ терпѣніемъ переносить нашу разлуку и прилежно заниматься службой. Могу ли я, маменька, исполнить, что̀ вы мнѣ совѣтовали, если сами вы не будете воздерживаться; могу ли быть спокойнымъ, когда знаю, что вы безпокоитесь и мучаетесь. Ради Бога, придите въ спокойное состояніе, ради любви ко мнѣ; заклинаю васъ именемъ Бога, не терзайте себя напрасными мученіями и возвратите душѣ своей миръ, который позволитъ намъ безмятежно и тихо наслаждаться взаимно чувствами любви материнской и сыновней. Милая маменька, позвольте вамъ дать совѣтъ: знаю, что неприлично мнѣ къ вамъ съ этимъ подходить, но пусть моя безграничная къ вамъ любовь послужитъ извиненіемъ. Часто вы меня увѣщевали приближаться къ Богу; какъ я вамъ благодаренъ за эти увѣщанія! Благодать Божія не покидала меня; и одно изъ лучшихъ для меня удовольствій—встать поутру и прочесть двѣ или три главы изъ Евангелія. Это успокоиваетъ меня на цѣлый день и очищаетъ душу. Когда я подумаю о высшей добродѣтели нашего Искупителя, всякая нечистая мысль бѣжитъ прочь и тихое спокойствіе служитъ мнѣ наградой за тотъ небольшой трудъ, которымъ я себя постарался направить на путь истинный. Милая маменька, не послужитъ ли это для васъ поучительнымъ указаніемъ? Душа ваша слишкомъ привязалась къ предмету, которому вы посвятили все ваше существованіе, и забыла Бога. Что говоритъ религія: „ничтоже любите, паче Создавшаго вся!“ А развѣ это не любовь языческая, когда вы отнимаете у себя весь покой, когда вы день и ночь себя терзаете? Милая маменька, хотя изъ любви

ко мнѣ, успокойтесь, соединитесь со мною въ молитвѣ къ Всемогущему и призовите помощь Его для поддержанія васъ въ теченіе этой земной жизни, молитесь со мною, да сдѣлаетъ Онъ насъ достойными для жизни будущей. Милая маменька, какой обильный источникъ утѣшенія представляетъ религія! Я прежде думалъ, что это только пустыя слова, но теперь я это чувствую и не могу достойно возблагодарить Создателя за Его безконечное милосердіе. Прибѣгните къ религіи и вы обрящете то, спокойствіе, которое обезпечитъ за нами обоими счастье, самимъ Богомъ намъ предоставленное, въ искренней и святой любви, насъ взаимно соединяющей" (22 апрѣля 1827 г.).

Въ письмѣ къ Кирѣевскому, написанномъ въ тотъ же періодъ, Кошелевъ такъ выражается о безсмертіи души: „Прежнія наши мысли о будущей жизни, какъ о превращеніи въ какое-то безусловное, кажутся мнѣ школьными и дикими. Чѣмъ болѣе я думаю о будущей жизни, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея необходимости. Полвѣка тому назадъ Кантъ доходилъ до необходимости бытія Бога, свободы воли и безсмертіи души; теперь *вѣра* въ Бога, свобода воли и безсмертіе души служатъ основаніемъ любомудрія и лишь съ жизнью можно исторгнуть оную изъ нашей души. Сперва признали необходимость Бога, потомъ индивидуальность онаго, теперь *это знаніе превратилось въ вѣру*. Думаю и надѣюсь, что какъ теперь не сомнѣваются болѣе въ безсмертіи души, такъ современемъ убѣдятся въ индивидуальномъ ея безсмертіи" (Ильинское, 30 сентября 1832 года).

Такимъ образомъ еще въ 1832 г. работой собственной мысли Александръ Ивановичъ выработалъ въ себѣ то религіозно-философское настроеніе, которое впослѣдствіи легло въ основу философскаго ученія славянофиловъ.

Итакъ, мы познакомились съ раннею порой жизни не только Александра Ивановича Кошелева, но и другихъ выдающихся первоначальниковъ славянофильскаго ученія. Мы видѣли, что основа ихъ воззрѣнія, выработаннаго воспитаніемъ и внутреннимъ обмѣномъ кружка, одна и та же—глубокая религіозность, искреннее и теплое семейное начало и нравственно-гуманное отношеніе къ людямъ и обществу.

ПОПРАВКИ,

ДОПОЛНЕНІЯ, ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

Поправки и дополненія къ книгѣ первой.

Къ страницѣ 20-й.—М. М. Херасковъ (род. 1733 въ Переяславлѣ, ум. 1807) выпущенъ былъ въ 1751 г. изъ Шляхетнаго корпуса поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ. Въ 1752 г. Херасковъ перешелъ въ коммерцъ-коллегію съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Въ 1755 году онъ назначенъ былъ ассесоромъ при конференціи Московскаго университета, при самомъ его основаніи, гдѣ съ 1757 г. ему поручено было завѣдываніе Университетскою типографіей. Въ 1761 году, за отсутствіемъ Мелиссино, онъ отправлялъ должность директора университета, а въ 1763 г. назначенъ на эту должность, вмѣсто Мелиссино. Въ 1770 г. получилъ мѣсто вице-президента бергъ-коллегіи въ Петербургѣ, а въ 1775 г. онъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Москвѣ по 1778 годъ; въ этотъ періодъ онъ сдѣлался ревностнымъ масономъ. Въ 1778 г. онъ былъ назначенъ кураторомъ Московскаго университета, вмѣстѣ съ Шуваловымъ, Ададуровымъ и Мелиссино. Такъ какъ Шуваловъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, Ададуровъ около 1770 г. удалился отъ дѣлъ и только носилъ званіе куратора, а Мелиссино уѣхалъ за границу и вернулся только въ концѣ февраля 1782 г., то Херасковъ, въ теченіе 3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, былъ единственнымъ дѣятельнымъ и находящимся на-лицо кураторомъ университета. Въ самомъ началѣ 1801 г. Херасковъ былъ уволенъ императоромъ Павломъ и возвращенъ императоромъ Александромъ, но въ 1802 г. онъ вышелъ окончательно въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ, до самой своей смерти.

Къ стр. 22.—Колбасинъ говоритъ: „Московскій университетскій пансіонъ, быть можетъ, и мало давалъ тогда научныхъ свѣдѣній, отчасти довольно небрежно обращался вообще съ наукою, за

то онъ давалъ бодрость и крылья тогдашнему юношеству; въ немъ совершенно не было тѣхъ скверныхъ учебниковъ, которые впослѣдствіи притупили и самихъ учителей, и ихъ учениковъ. Тогда все зависѣло отъ чисто-личнаго таланта и воли преподавателя. Между преподавателями встрѣчались люди съ обширнымъ европейскимъ образованіемъ. Скучныя программы не дѣлали имъ на каждомъ шагу преградъ; начальство не хотѣло, чтобы дѣти выносили изъ заведенія безжизненныя, округленно-казенныя воззрѣнія" „Литерат. дѣятели", 246—247). По отзывамъ П. М. Строева, воспитывавшагося въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, единственно правильныя начала для воспитанія русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи, которому онъ не зналъ цѣны (Барсуковъ, „Жизнь Строева", 2).

Къ стр. 26.—Первое начало русской журналистики изложено въ статьѣ г. Майкова, въ его „Критическихъ и библіографическихъ замѣткахъ по поводу труда г. Неустроева о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ" („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1875 г., іюль, 126—167). Тамъ же помѣщены замѣчанія о „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", о „Примѣчаніяхъ" къ нимъ, объ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ". Примѣчанія къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" разобраны въ сборникѣ Пятковскаго— „Изъ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія" (т. II, 28—38); а объ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" есть отдѣльныя статьи, принадлежащія Вл. Милютину („Соврем." 1851 г., т. XXV, №№ 1 и 2, отд. II, стр. 1—52 и 152—182 и т. XXVI, № 3, стр. 1—48), и кромѣ того указанія въ статьѣ Пекарскаго „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг." (Спб. 1867 г.). Журналъ Миллера имѣлъ не столько литературное, сколько ученое значеніе. Литературный отдѣлъ занялъ въ немъ второстепенное мѣсто. Преимущественное вниманіе обращено было редакторомъ на статьи ученыя, служившія не только къ *увеселенію*, но и къ пользѣ читателей. Ученыя статьи излагались въ формѣ доступной для всѣхъ читателей и потому должны были представляться общезанимательными по своему содержанію и популярными по своей формѣ. Поэтому всѣ спеціальныя и сухія для большинства читателей изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ Миллеровомъ журналѣ. Исключеніе изъ этого общаго правила допущено было только для статей, которыя имѣли своимъ предметомъ

изученіе прежней судьбы и тогдашняго быта Россіи. Статьи по части исторіи, географіи и статистики Россіи, которыми Миллеръ старался наполнить свой журналъ, давали ему, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими старыми журналами; а нѣкоторыя изъ этихъ статей сохраняютъ свою цѣну и въ настоящее время. Таковы, кромѣ статей самого Миллера („Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ; Описаніе инородцевъ въ Казани; О Запорожскихъ казакахъ; О странахъ при Амурѣ лежащихъ; Описаніе русскихъ морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю и первыхъ посольствъ въ Китай; Путешествіе китайскихъ посланниковъ къ калмыцкому хану Аюкѣ въ 1764 г.“), статьи Рычкова (по исторіи и топографіи Оренбурга), Соймонова (описаніе Сибири и Каспійскаго моря) и Гербера (примѣчанія къ россійской географіи X вѣка, собранной профес. Байеромъ) и друг. Сюда же принадлежатъ первыя въ Россіи метеорологическія наблюденія Іос. Ад. Брауна. Замѣчательно, что въ переводныхъ статьяхъ общенаучнаго содержанія значительная доля приходится на „Записки“ Шведской академіи наукъ, знаменитой тогда трудами своихъ членовъ (Линней, Петръ Варгентинъ и друг.). Наибольшее число помѣщенныхъ въ литературномъ отдѣлѣ журнала стихотвореній принадлежитъ Сумарокову (123), затѣмъ Хераскову (21) и отчасти Ломоносову (2), Тредьяковскому (3) и Нартову (6). Прозаическій отдѣлъ имѣлъ въ то время особый характеръ. Въ настоящее время цѣль и значеніе сатирическаго направленія состоятъ преимущественно въ осмѣяніи особенныхъ пороковъ, слабостей и недостатковъ, существующихъ въ данную эпоху и въ данной мѣстности. Въ XVIII вѣкѣ сатира имѣла совсѣмъ другое значеніе и другую цѣль. Она карала пороки, слабости и недостатки, общіе человѣческой природѣ, существующіе всегда и вездѣ. Сатирическія сочиненія того времени принадлежали не столько къ области литературы, сколько къ области науки. Они представляли собой не художественное изображеніе дѣйствительности, но развитіе общихъ идей, заимствованныхъ изъ сферы нравственной философіи, въ формѣ беллетристической. Самая форма тогдашнихъ сатирическихъ сочиненій существенно разнилась отъ формы, усвоенной ими въ настоящее время. Несмотря на успѣхъ Сервантеса и нѣкоторыхъ его подражателей, сатирическіе романы и повѣсти не были въ такомъ ходу, какъ теперь. Тогдашніе сатирики отдавали явное предпочтеніе

формѣ аллегорической и преимущественно развивали свои нравственно-философскія идеи въ формѣ сновъ, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, волшебныхъ сказокъ, аллегорій и т. п. Направленіе это, которому всего болѣе приличествуетъ названіе *дидактическаго*, господствовало во всей литературѣ, но преимущественно въ журналистикѣ. Въ Англіи, во Франціи и въ Германіи издавалось тогда множество журналовъ, которые наполнялись статьями такого направленія, философскими по своему содержанію и аллегорическими по своей формѣ („Соврем." 1851 г., т. XXV, 33). Наибольшее число матеріаловъ для дидактическихъ статей въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" доставили англійскіе журналы Стиля и Аддисона: „Говорунъ" („The Tatler", 1709—1711), „Зритель" („The Spectator", 1711—1715) и „Опекунъ" („The Guardian"), затѣмъ „Новый Французскій Зритель", „Грейфсвальдскія сочиненія" (1753 и 1754), „Бременскія сочиненія, къ увеселенію разума служащія" (въ половинѣ XVIII столѣтія), газета „Der Freund" (1754 и 1756), „Гамбургскій Патріотъ", „Гамбургскія сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія", „Гамбургскія нравоучительныя сочиненія", „Ганноверскія сочиненія", „Лейпцигскія", „Бернскій журналъ"; нѣмецкія газеты: „Мечтатель", „Пилигриммъ", „Вселенная", „Собраніе нравоучительныхъ сочиненій", „Образцовыя сочиненія", „Наблюдатель", „Новый Французскій Магазинъ"; англійскія: „Универсальный Магазинъ", „Универсальная Исторія". Этотъ длинный перечень журналовъ, доставлявшихъ матеріалъ „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ", показываетъ, насколько Миллеръ заботился о достоинствѣ и разнообразіи ихъ содержанія. Изъ переводовъ помѣщены: двѣ повѣсти Вольтера „Микромегасъ" и „Задигъ" и его же „Философъ о славѣ, разговоръ у китайцевъ"; изъ сочиненія Фридриха II — „Философъ безъ понятія"; д'Аламберта „—Обстоятельное изъясненіе системы знаній человѣческихъ", изъ „Бродяги" сочин. Джонсона, изъ Галлера, изъ нѣмецкаго сатирика Рабенера; изъ моралистовъ: датскаго—Гольберга и шведскаго—Оксенштирна. Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій помѣщены: рѣчь Поповскаго при вступленіи на каѳедру философіи въ Московскомъ университетѣ; статья Елагина (заимствованная впрочемъ изъ „Лейпцигскихъ сочиненій"); два „Разговора въ царствѣ мертвыхъ" Суворова. Кромѣ того журналъ Миллера показалъ первый опытъ библіографіи, помѣстивши въ 1763—1764 г. обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ книгъ, вышедшихъ

въ Россіи и за границею. — „Ежемѣсячныя Сочиненія", имѣвшія огромный успѣхъ въ свое время, не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей выступить также на поприще журнальной дѣятельности, до той поры совершенно неизвѣстное (В. Милютинъ).

Къ стр. 26.—Майковъ замѣчаетъ, что „Праздное Время" отличается отъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій", съ ихъ по преимуществу ученымъ характеромъ, зачатками сатирическаго направленія и этимъ сближается съ „Трудолюбивою Пчелою" Сумарокова (145—147). Въ числѣ сотрудниковъ „Празднаго Времени" Майковъ указываетъ П. С. Валуева (П. В.), П. И. Пастухова (П. П.), впослѣдствіи сенатора и члена коммиссіи народныхъ училищъ, Ивана Борисова, переводчика съ датскаго языка, и Л. И. Сичкарева, корпуснаго учителя и трудолюбиваго переводчика.

Къ стр. 28.—Въ „Невинномъ Увеселеніи" помѣщена статья „о стихотворствѣ" безъ подписи, принадлежащая, по свидѣтельству Новикова и Дмитревскаго, Е. Г. Домашневу (Ефремова „Матеріалы", стр. 31 и 142). Она замѣчательна какъ первый опытъ изложенія свѣдѣній по исторіи и теоріи словесности на русскомъ языкѣ. Статья эта перепечатана въ „Матеріалахъ по исторіи русской словесности", изданныхъ Ефремовымъ. Домашневу же принадлежитъ „Опытъ объ историкахъ", помѣщенный въ „Свободныхъ Часахъ". Губерти, на основаніи собственнаго показанія Богдановича въ его автобіографіи („Отеч. Зап." 1853 г., IV), гдѣ онъ называетъ себя соучастникомъ этого журнала, называетъ издателемъ „Невиннаго Увеселенія" Хераскова. Въ журналѣ помѣщались стихотворенія кн. Дашковой и Е. В. Херасковой; самому Хераскову принадлежатъ нѣсколько сатирическихъ писемъ въ стихахъ и прозѣ, ему же и Богдановичу—большинство помѣщенныхъ стихотвореній (одъ, элегій, эпиграммъ, мадригаловъ и проч.). Переводы изъ Вольтера, помѣщенные въ этомъ журналѣ, были первые по времени; при этомъ переводъ кн. Дашковой „объ эпической поэзіи" былъ первымъ ея литературнымъ произведеніемъ, помѣщеннымъ въ покровительствуемомъ ею журналѣ. Княгинѣ Дашковой принадлежитъ также, по мнѣнію

Майкова, обширный переводъ изъ Гельвеція „объ источникахъ страстей", такъ какъ извѣстно, что княгиня въ молодости зачитывалась этимъ писателемъ.

Къ стр. 43.—Разность въ показаніи о пожертвованіяхъ на устройство типографической компаніи см. въ прим. 15.

Къ стр. 46.—Въ то же время выходили „Извѣстія Императорскаго воспитательнаго дому, къ удовольствію общества служащія", 1788 г. Къ числу сатирическихъ журналовъ, выходившихъ въ Москвѣ подъ покровительствомъ Новикова, относится журналъ, издававшійся въ 1781 г. (2 части) Аблесимовымъ, этимъ, какъ называлъ его Сумароковъ, „чернильнымъ его сыномъ", подъ названіемъ „Разкащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нечево, стихами и прозою". Аблесимовъ когда-то занимался у Сумарокова перепискою набѣло его сочиненій и образовался подъ его вліяніемъ. Впервые Аблесимовъ выступилъ на литературное поприще въ журналѣ Сумарокова „Трудолюбивая Пчела". Главное содержаніе „Разкащика", также какъ и у Сумарокова, составляетъ, особенно въ первой части, преслѣдованіе несправедливости и взяточничества судей и подьячихъ; попадаются впрочемъ и сатирическія статьи другаго содержанія, напримѣръ „Псовый охотникъ", гдѣ осмѣивается жестокій и сумасбродный помѣщикъ, кусавшій за уши ловчихъ, когда они прозѣваютъ звѣря, и собственною своей особой загрызшій волка. Во второй части помѣщенъ переводъ шести писемъ изъ „Переписки госп. Фонтенеля съ докторомъ Юнгомъ", отрывокъ изъ книги „Натуральная философія" и обширная полемика съ Лукинымъ. Обозрѣніе этого журнала помѣщено у Губерти въ „Матеріалахъ для русской библіографіи" (т. II, 58—73). Замѣчательно, что сатирическое направленіе постоянно имѣло у насъ болѣе или менѣе даровитыхъ представителей, передававшихъ съ замѣчательною вѣрностію и наблюдательностію бытовыя явленія въ окружающей средѣ.

Къ стр. 56.—Въ библіотекѣ Румянцевскаго музея есть книжка „Erzälungen von Anton Wall nach Marmontel". 1 Bändchen L. 1787. Въ ней заключаются передѣлки изъ Мармонтеля: 1) „Alcibiades (Alcibiade ou le moi)"; 2) „Soliman der zweite (Soliman II)"; 3) „Die Liebe auf dem Lande (la scrupule ou l'amour mecontent de lui même)"; 4) „Die vier Flacons (les quatre flacons ou les aventures d'Alcidonis de Megare)"; 5) „Töffel und Rose (Annette et Lubin)".

Къ стр. 58. — Подшиваловъ одинъ редактировалъ первые два года журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени", а потомъ онъ не принималъ участія и редакція перешла къ Сохацкому. Съ кн. П. Козловскимъ не должно смѣшивать кн. Ф. А. Козловскаго, воспитанника Московскаго университета, служившаго въ коммиссіи Уложенія; онъ, находясь при гр. Орловѣ, погибъ при взорваніи корабля „Св. Евстафій" въ Чесменскомъ бою. Кн. Ф. Козловскій написалъ комедію „Одолжавшій любовникъ".

Къ стр. 71.—Явившееся въ 1753 г. знаменитое сочиненіе епископа Лоута (Lowth: „de Sacra poësia Hebraeorum) „положило начало новѣйшему пониманію ветхозавѣтной поэзіи и имѣло большое значеніе въ низверженіи классицизма и въ возвращеніи литературы къ реальному направленію. Лоутъ первый указалъ, на сколько самыя поразительныя красоты еврейской поэзіи объясняются мѣстностью, господствующею религіей, обычаями и привычками самого народа. Это было первое сознаніе національнаго элемента въ литературѣ.

Къ стр. 81.—О „Сатирическомъ Вѣстникѣ" помѣщены статьи А. Н. Аѳанасьева и г. Л. Р—на въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1858 г., №№ 80, 83, 84 и 119.

Къ стр. 81.—Однимъ изъ подражаній сатирическимъ журналамъ Крылова („Почта Духовъ" 1789 г.) была „Переписка двухъ адскихъ вельможъ, Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя происшествія, повѣсти, анекдоты и другія удивительныя сцены нравственной жизни людей обоего пола. 3 части. Перев. съ арапоеврейскаго языка грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году". (Москва. 1792—1793 года). Это періодическое изданіе принадлежало извѣстному тогда литератору А. И. Писареву, который былъ попечителемъ Московскаго университета. Произведеніе это, не представляющее никакихъ литературныхъ достоинствъ, интересно какъ описаніе современныхъ нравовъ. Полное разложеніе семейныхъ связей, развратъ мужчинъ и женщинъ, неуваженіе къ родителямъ, презрѣніе къ старшимъ, неправосудіе и взяточничество, разореніе крестьянъ, мотовство, пьянство, драки, карты, собаки, лошади, рулетка (ч. II, 195—201)—вотъ черты, которыми наполнено все содержаніе этой, не лишенной наблюдательности, сатиры. Особенно интересенъ разсказъ, какими средствами *петиметры* за-

влекали въ свои сѣти и развращали *ласточекъ*, молодыхъ и неопытныхъ дѣвушекъ изъ провинціи, лишенныхъ всякаго серьезнаго образованія. Послѣ разсказовъ о томъ, какъ родители совершенно не обращали вниманія на воспитаніе дѣтей и поручали его иностраннымъ проходимцамъ, становится понятною другая, хотя тоже неудачная, крайность Екатерининскихъ институтовъ и корпусовъ, отрывавшихъ дѣтей отъ семьи съ ранняго возраста, чтобы спасти ихъ отъ убійственной домашней обстановки. Авторъ въ особенности съ большимъ озлобленіемъ и повидимому по опыту вооружается противъ *злыхъ женщинъ*.

Къ стр. 86.—Вотъ, для характеристики современныхъ нравовъ, указаніе тѣхъ общественныхъ недостатковъ, которые подвергались осужденію въ тогдашнихъ сатирическихъ журналахъ. „Сатирическій Вѣстникъ" осмѣиваетъ: возвращавшихся изъ-за границы пустыхъ и недоучившихся щеголей, убѣжденныхъ въ своемъ умственномъ превосходствѣ и глубокомъ образованіи и проповѣдующихъ невозможные и смѣшные проекты въ обществѣ; пристрастіе къ псовой охотѣ; излишнее увлеченіе танцами: журналъ по этому поводу замѣчаетъ, что „воспитаніе дочерей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, но съ ногъ: человѣкъ занимающій хорошее мѣсто не рѣдко есть токмо что знатокъ по правиламъ вертѣться"; общую страсть къ производству домашнихъ наливокъ и распространившееся вмѣстѣ съ тѣмъ пьянство; страсть къ обжорству и многочисленный классъ прихлебателей, всю свою жизнь отыскивающихъ чужіе обѣды; хлѣбосольство, которое обратилось „въ тайную склонность къ тщеславію, расточенію и разсѣянной жизни", и деревенскіе наѣзды съ толпой слугъ и стаей собакъ, которые поглощаютъ значительную часть ежегоднаго урожая; нелѣпое воспитаніе дѣвицъ: искусство ногъ, пальцевъ и голоса есть первѣйшее здѣсь достоинство прекраснаго пола; заведеніе домашнихъ театровъ, способствующее разврату; искаженіе деревенской жизни; поклоненіе богатымъ и сильнымъ сосѣдямъ, развратъ и пьянство и вообще образъ жизни, нисколько не похожій на сантиментальныя описанія въ пасторальной литературѣ; стремленіе купцовъ выходить въ дворяне; распространеніе дуэлей; страсть барынь заказывать непохожіе портреты и требованіе, чтобы онѣ непремѣнно нарисованы были красавицами и молодыми; умышленное банкротство; обычай непремѣнно выселяться на зиму изъ деревень въ столицу;

распространившуюся моду на брилліанты; заботу о томъ, „что скажутъ другіе", при чемъ авторъ замѣчаетъ: „сколь вредно излишнее уваженіе людскихъ мнѣній, изъ коихъ для души составляется самопроизвольная цѣпь невольничества,—цѣпь, которая творитъ сердце робкимъ къ добру и содержитъ въ недѣйствіи разсудокъ, великость духа и истинныя чувствованія"; обычай прибѣгать къ свахамъ для заключенія браковъ; размноженіе „вѣстовщиковъ", которые, ходя изъ одного дома въ другой и перенося вѣсти, ссорятъ знакомыхъ и распространяютъ клевету; модныхъ докторовъ, которые отличаются искусствомъ въ излѣченіи притворныхъ болѣзней и всякаго рода угожденіями дамскому полу; общераспространенное желаніе непремѣнно завести карету: „нерѣдко случается, что за нужнѣйшее поставляютъ имѣть сіи движущіеся ящики, нежели тѣми деньгами, которыя на оные употребляютъ, воспитывать дѣтей своихъ"; пристрастіе къ „болонкамъ", вдругъ охватившее барынь: обстоятельства относящіяся до мужа, братьевъ и родни кажутся не столь важны, какъ то, чтобы заниматься лѣченіемъ какой-нибудь своей Бижушки, чесаніемъ Фиделекъ, ученіемъ Жолишки стоять на переднихъ лапахъ и рѣзвостью съ Буфонкою; меценатство, поднесеніе льстивыхъ литературныхъ произведеній и „поставку на подрядъ и продажу разныхъ умопроизведеній своихъ": по словамъ журнала, авторы торгуютъ разумомъ такъ, какъ товаромъ, и слова великія продаютъ за малыя деньги, за возъ хлѣба или пару платья, между тѣмъ какъ прежде люди, имѣвшіе истинныя дарованія, сколь ни были бѣдны, но всегда доставляли для себя благосостояніе собственнымъ своимъ трудолюбіемъ, а не соплетаемою лестью знатнымъ и богатымъ людямъ; легкомысліе и вредъ распространяемой въ обществѣ такъ-называемой философіи: изъ числа господствующихъ „модныхъ системъ" одна учитъ тому, что порокъ и добродѣтель между собою суть равны, но различены токмо по волѣ закона, другая отвергаетъ наказаніе и награжденіе послѣ сей жизни, третья научаетъ быть добродѣтельнымъ безъ дѣйствія, но на однихъ словахъ. Наконецъ авторъ вооружается и противъ господствующаго направленія въ литературѣ: съ этою цѣлью онъ помѣстилъ „нововыдуманный способъ—удобно, скоро и вовсе не учась сочинять разнаго рода творенія" и „постановленія вольной типографіи г. Имярека и К°, съ присоединеніемъ росписи, какихъ не должно принимать книгъ для

книгопечатанія, и показаніе ясныхъ и неопровержимыхъ на то причинъ". „Почта Духовъ" осмѣиваетъ въ частности: „положеніе комедіянтовъ; умѣнье раззорить своихъ любовниковъ со стороны театральныхъ дѣвокъ; благоговѣніе предъ знатностью и древностью дворянскаго рода". Крыловъ признаетъ уваженіе къ дворянству, но при одномъ условіи, чтобы значеніе этого сословія опиралось на нравственномъ достоинствѣ и дѣйствительныхъ заслугахъ.

Къ стр. 88.—Басня „Лисица Казнодѣй" прислана въ „Распускающійся Цвѣтокъ" Д. И. Фонъ-Визинымъ и въ текстѣ ошибочно приписана Дмитріеву.

Къ стр. 94.—Тогда былъ обычай воспитывать молодыхъ людей въ пансіонахъ, содержимыхъ профессорами, гдѣ учителями состояли тѣ же профессора и избранные ими молодые кандидаты, подъ ближайшимъ ихъ надзоромъ. Такимъ образомъ, пансіоны эти неразрывно соединены были съ университетомъ и ученики ихъ, даже во время бытности своей въ пансіонѣ, посѣщали профессорскія лекціи. Такъ держалъ пансіонъ, пользовавшійся въ свое время репутаціей отличнаго педагога, профес. Шаденъ, на восемь человѣкъ: изъ его пансіона вышелъ Карамзинъ, съ благодарностью вспоминавшій, какъ онъ учился морали по Геллертовымъ лекціямъ (moralische Vorlesungen), причемъ Шаденъ говаривалъ: „друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы". Шаденъ впослѣдствіи закрылъ свой пансіонъ, находя, что онъ отвлекаетъ его отъ лекцій. Былъ пансіонъ у профес. Чеботарева, гдѣ, кромѣ него, преподавателями были жившіе у него магистры Панкевичъ и Сохацкій; изъ него вышли сдѣлавшіеся потомъ сенаторами Карнѣевъ и Лубяновскій. Точно также жили воспитанники у Надеждина и у Павлова: у перваго—Бѣлинскій, у втораго—Станкевичъ и Катковъ.

Къ стр. 110. — Майковъ доказываетъ, что душой и руководителемъ кружка, издававшаго „Вечера", былъ М. М. Херасковъ, послѣ переѣзда его въ Петербургъ. Сотрудниками журнала были, кромѣ жены самого Хераскова, люди близкіе къ нему еще по Москвѣ: В. И. Майковъ, Ипп. Ѳ. Богдановичъ, А. В. Храповицкій, сестра его М. В. Храповицкая, въ замужствѣ Сушкова.

Къ стр. 112.—Въ „Вечерахъ" помѣщено нѣсколько переводовъ изъ Вольтера: „Коллинъ и Лиза", „Изысканіе объ Амазонкахъ и ихъ республикѣ", „Путешествіе въ города Глупость и Роскошь и мѣстеч-

ко Пустословіе", героида—„Електра къ Оресту", „Несчастная Португалка", „Письмо въ стихахъ", „Подражаніе царству Зазирадовъ или геніевъ", „Письмо въ стихахъ Габріеля де Вержи къ графинѣ де Рауль, сестрѣ Рауля де Куси".

Къ стр. 112.—Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти" (стр. 32), упоминаетъ, что Брайко былъ чиновникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Къ стр. 114.—Въ числѣ критическихъ статей „С.-Петербургскаго Вѣстника" есть разборъ „Россіяды" Хераскова (ч. IV), принадлежащій извѣстному директору Казанской гимназіи Ю. И. Кауницу и надѣлавшій въ свое время много шуму, какъ первая попытка на критику въ отношеніи къ Хераскову, на что не отваживались современные русскіе литераторы. М. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти" (изд. 2, стр. 32), говоритъ, что Кауницъ помѣстилъ свой разборъ въ „Рижскомъ Журналѣ", откуда онъ переведенъ въ „Вѣстникъ".

Къ стр. 120.—Въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Зрителя" былъ Плавильщиковъ. Сличеніе „Зрителя" съ „Собраніемъ сочиненій" Плавильщикова убѣдило Майкова, что почти вся IV часть послѣднихъ взята изъ „Зрителя". Плавильщикову принадлежитъ замѣчательное разсужденіе „О театрѣ".

Къ стр. 123.—„С.-Петербургскій Меркурій" въ половинѣ года, за отъѣздомъ Клушина и Крылова, перешелъ въ руки Мартынова, чѣмъ и объясняется какъ измѣненіе характера журнала, такъ и его безцвѣтность, сравнительно съ прежними журналами, въ которыхъ Крыловъ участвовалъ въ качествѣ редактора.

Къ стр. 129. — Статьи „О воспитаніи" въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" принадлежатъ не Пнину, а соредактору его Ал. Ф. Бестужеву, отцу Бестужевыхъ декабристовъ. Изъ письма А. А. Бестужева къ Полевому („Русскій Вѣстн." 1861 г., мартъ, стр. 302) видно, что „С.-Петербургскій Меркурій" издавался отцомъ А. А. Бестужева, подъ именемъ Панова, съ которымъ онъ былъ друженъ и жилъ вмѣстѣ,—на счетъ Наслѣдника Александра Павловича. Изданіе это было предпринято съ цѣлью раздробить въ повременномъ изданіи написанную Бестужевымъ-отцомъ статью „О военномъ воспитаніи", такъ какъ Бестужевъ, бывшій въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Аракчеевымъ, изъ-за котораго онъ вышелъ въ отставку, опасался выпустить свое сочиненіе цѣльною книгой.

Очевидно, что въ приведенномъ отрывкѣ Бестужева издававшійся отцомъ его „С.-Петербургскій Журналъ“ неправильно названъ „С.-Петербургскимъ Меркуріемъ“ и перепутано имя Пнина (*Пановъ*). Семевскій въ „Біографическомъ очеркѣ Н. А. Бестужева“ также почему-то называетъ его *Панинымъ* („Заря“ 1869 г., № 7, стр. 7). Переводъ изъ Верри и Стюарта сдѣланъ И. И. Мартыновымъ.

Къ стр. 134.—Правда, Сперанскій предлагалъ утвержденныя уже Государемъ части проекта государственнаго переустройства передать на обсужденіе губернскихъ временныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ людей даровитыхъ и опытныхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми избранными для сего мѣстными властями. Но, вопервыхъ, предположеніе это не было извѣстно публикѣ, а вовторыхъ — извѣстно, какое значеніе получаютъ у насъ возраженія свѣдущихъ людей противъ утвержденныхъ уже правительствомъ проектовъ.

Къ стр. 158.—Въ стихотворномъ отдѣлѣ трудовъ Общества любителей россійской словесности принимали участіе Мерзляковъ, В. Пушкинъ, Воейковъ, кн. Вяземскій, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Ѳ. Глинка, Д. Давыдовъ, Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Измайловъ, Милоновъ, Раичъ, Капнистъ, кн. И. Долгорукій, Писаревъ и др.

Къ стр. 159.—Дѣятельность Общества любителей отечественной словесности при Казанскомъ университетѣ подробно изложена въ соч. Н. Булича: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“ (593—620). Первоначально оно образовалось, по иниціативѣ учителя Ибрагимова, при Казанской гимназіи, подъ именемъ Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности, и открыло свои дѣйствія 23 апрѣля въ составѣ шести членовъ, трехъ учителей словесности въ гимназіи: Ибрагимова, Васильева и Богданова, и двухъ студентовъ—Вас. Перевощикова и Кондырева. Въ первый же годъ поступили въ Общество учитель Бѣлоусовъ и студенты Безобразовъ, Ив. и Ал. Панаевы и Дм. Княжевичъ. Въ первомъ году Общество собиралось еженедѣльно; но его упражненія директоръ гимназіи Яковкинъ совершенно справедливо называлъ дѣтскими: они состояли изъ мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей въ двѣ, три писанныхъ четвертки на темы, напоминающія задаваемыя ученикамъ гимназіи. Въ этомъ же году Общество изъ частнаго обратилось въ оффиціальное, утвержденное попечителемъ и министромъ. Во главѣ Общества сталъ директоръ Яковкинъ и рядомъ съ нимъ адъюнктъ университета Городчани-

новъ,— студенты вовсе устранены отъ сношеній съ Обществомъ и членовъ своихъ Общество положило выбирать только изъ своего корпуса чиновниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество начало постепенно падать. Число членовъ сокращалось, такъ что въ началѣ 1809 года оставались на-лицо только четыре члена: Яковкинъ, Ибрагимовъ, Кондыревъ и Васильевъ; засѣданія становились все рѣже и рѣже,— черезъ двѣ недѣли, черезъ мѣсяцъ, наконецъ три-четыре засѣданія въ годъ; трудовъ членовъ поступало все менѣе и менѣе и постоянную дѣятельность оказывали только Ибрагимовъ и Кондыревъ, все время исправлявшій должность секретаря. Въ періодъ 1807—1814 гг. поступили въ Общество членами: въ 1807 г.—извѣстный директоръ оренбургскихъ училищъ Протопоповъ; въ 1809 г.—адъюнктъ Запольскій; въ 1810 г., по предложенію Яковкина: ректоръ Казанской семинаріи архимандритъ Епифаній, архимандритъ Израиль, предсѣдатель уголовной палаты Сокольскій, профес. Фуксъ, учитель гимназіи Яковкинъ; въ 1811 г.—помѣщикъ Цивильскаго уѣзда Арцыбашевъ, плодовитый, но бездарный поэтъ, профес. Лубкинъ и еще нѣсколько малоизвѣстныхъ, мѣстныхъ и иногородныхъ; въ 1812 г.— профессоръ Харьковскаго университета Срезневскій, магистръ философіи Осипъ Срезневскій, совѣтникъ губернскаго правленія мистикъ Москотильниковъ и другіе. Общество въ 1810 году собрало первую книжку трудовъ своихъ, подъ редакціею Ибрагимова и Перевощикова, и въ томъ же году книжка эта была представлена попечителю Румовскому, но въ 1814 году преемникъ его Салтыковъ возвратилъ эту злополучную и утратившуюся книжку съ неизлишнимъ совѣтомъ „впредь наполнять труды свои болѣе полезнѣйшимъ и хорошимъ русскимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями“. Главнымъ занятіемъ Общества съ 1809 года было составленіе устава, и оно отослало его въ декабрѣ 1810 года попечителю; но его пришлось передѣлать, такъ что утвержденъ уставъ только въ началѣ іюля 1814 г. Съ этого утвержденія Общество переживало начало своего преобразованія и на этомъ утвержденіи оканчивается разсказъ г. Булича. Замѣчательно, что Казанское общество занималось усердно вопросомъ о русскихъ синонимахъ, или сословахъ, и работы по сему предмету предпринимали Дм. Княжевичъ, впослѣдствіи наполнявшій своими о томъ статьями разные журналы, профес. Лубкинъ и Ибрагимовъ, но статья о синонимахъ, включен-

ная въ первую книжку „Трудовъ", по отзыву попечителя, не одобрена—„по нерусскому слогу и натянутому толкованію".

Къ стр. 160.—Публичные диспуты студентовъ начались съ самаго открытія университета: первый диспутъ происходилъ 17 декабря 1756 года, но диспуты не были постоянными и происходили періодически, въ неопредѣленные сроки. Первыя публичныя лекціи читаны были въ 1757 г. аббатомъ Франкози по экспериментальной физикѣ на французскомъ языкѣ: собраніе было не малочисленно, между слушателями были и дамы. Во время дѣятельности Новикова и Шварца, послѣдній читалъ публичныя лекціи; лиценціатъ правъ профес. Шнейдеръ читалъ публичный курсъ „О силѣ законовъ", по Монтескьё, на латинскомъ языкѣ для студентовъ и на французскомъ для любителей изъ русскаго дворянства.

Къ стр. 167.—Краткая біографія Лабзина помѣщена въ „Русск. Архивѣ" 1886, кн. 6, а Невзорова—П. А. Безсоновымъ—въ „Русской Бесѣдѣ" 1856, ч. III, 85.

Къ стр. 195.—Вотъ нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ о журналѣ Невзорова. Статьи *по естественной исторіи* помѣщены были подъ слѣдующими заглавіями: 1807 г.: „Снѣгъ; Ночные метеоры; Сѣверное сіяніе; Знаки небесные; Роса; О бурѣ, молніяхъ и градѣ; Взглядъ на составъ земнаго шара и случайные его перевороты; О нѣкоторыхъ кажущихся въ строеніи земли неправильностяхъ; О великости вселенной; О лѣствицѣ или постепенности между твореніями"; 1808 г.: „О лунѣ; О зимнихъ дождяхъ; О кометахъ; О пчелахъ; О соляхъ и ихъ кристаллизаціи; Мудрость животныхъ въ продовольствованіи себя зимою; О плотоядныхъ звѣряхъ, въ особенности о волкѣ, лисицѣ и львѣ; О муравьяхъ; О животныхъ домашнихъ и рабочихъ; О горахъ Альпійскихъ; О подземныхъ огняхъ и землетрясеніяхъ"; 1809 г.: „Восхожденіе солнца и животворная его сила; О воздушномъ плаваніи; О различіи цвѣтовъ; Разговоръ о строеніи глазъ"; 1810 г.: „Объ инстинктѣ животныхъ, доказывающемъ Промыслъ; Разсужденіе о пользѣ физики Восленскаго"; 1811 г.: „Новыя догадки о происхожденіи камней, падающихъ съ неба; О буряхъ и грозахъ". *Біографіи* помѣщены слѣдующихъ лицъ: 1807 г.: „Маркъ Аврелій, Аристидъ, Веньсанъ де Поль, Фенелонъ, Ласказасъ, графъ де Ла-Гаре, Юлій Цезарь"; 1808 г.: „Вольтеръ, Жанна Аркская или Орлеанская дѣвица, Ферецидъ, Эниктеръ, Солонъ"; 1810 г.: „Цицеронъ, Сафо, Тюреннь,

Солонъ, Магометъ, Сократъ, Воспоминаніе о Гесперѣ"; 1811 г.: „Акбаръ имп. монгольскій, Лютеръ, Апеллесъ, Гусъ, Фабій Максимъ, Магометъ II"; 1812 г.: „Маркъ Ранти, Климентъ Александрійскій, Павелъ первый пустынножитель"; 1813 г.: „Зороастръ, Яковъ Гардинеръ, англійскій полковникъ; Францискъ Ксаверій Іезуитъ". Переводы и извлеченія рѣдко подписывались, а затѣмъ часто есть указаніе, что статья переведена, но безъ обозначенія источника. У Невзорова были любимыя сочиненія, изъ которыхъ онъ дѣлалъ пространныя извлеченія, а именно: „Histoire des conjurations, conspirations et revolutions; Histoire de la maison d'Autriche; Receuil des preuves sur la vérité de la religion"—и преимущественно изъ сочиненій о церковной исторіи Арнольда, котораго Невзоровъ помѣстилъ пространную біографію. Особенною любовью Невзорова пользовался Фенелонъ, котораго почти всѣ „Разговоры" переведены въ журналѣ. Изъ духовныхъ писателей и сочиненій есть два „Посланія" Амвросія Медіоланскаго, отрывки изъ Боссюэта, Массильона; сюда же относится Лагарпа „Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія". Изъ свѣтскихъ писателей есть отрывки изъ Гольдшмидта, Виланда, Галлера, Бекона (въ томъ числѣ переводъ „Новой Атлантиды"), Фонтенеля, Жанлисъ (о мнимыхъ твердыхъ умахъ, ésprits forts), Беркеня, Ролленя, Эбергарда, Энкеля, Шмидта (моралиста), Гервея, Лабрюера, Гамильтона „письма о первоначальномъ воспитаніи", „письма о воспитаніи" мистрисъ Джюльетъ (съ франц. пер. Лемьера), похвальное слово Картезію Томаса, изъ рѣчи Бюффона при вступленіи въ Парижскую академію наукъ, письмо Маріи Стюартъ къ епископу Глазговскому и нѣсколько статей изъ англійскаго „Зрителя". Въ числѣ другихъ дамъ и участницъ есть статьи присланныя изъ Костромской губерніи „любительницей пріятной литературы и благонравія".

Къ стр. 217.—Въ „Вѣстникѣ Европы" 1804 года явилась первая ученая шарада, первая эпитафія собакѣ, первая надпись къ ошейнику, нѣкое особаго рода стихотвореніе, — заданное, разумѣется, дамою,—коего отличительный характеръ состоитъ въ томъ, что одно и то же слово повторяется въ каждомъ стихѣ, и всѣ мелочные роды словесности, впослѣдствіи наводнявшіе нашу литературу („Обозрѣніе россійскихъ журналовъ, выходившихъ въ 1820 году", въ „Сынѣ Отеч." 1821 года, ч. 67, стр. 9).

Къ стр. 223.—Статья „Projet d'une Academie Asiatique" напечатана была въ 1810 г. гр. Уваровымъ въ Парижѣ, гдѣ онъ познакомился съ знаменитымъ де-Саси и другими тамошними оріенталистами. Это была первая ученая работа гр. Уварова, доставившая ему извѣстность, въ силу которой Уваровъ 24 лѣтъ назначенъ былъ, въ концѣ того же 1810 г., попечителемъ С.-Петербургскаго округа и открывавшагося тамъ университета (Григорьевъ, „Императ. Спб. унив.", 8).

Къ стр. 236.—Болѣе точныя свѣдѣнія объ основаніи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ сообщаетъ предсѣдатель его Е. Измайловъ въ рѣчи 15 іюля 1820 года, помѣщенной въ „Благонамѣренномъ". Основаніе ему положили молодые люди, воспитывавшіеся въ гимназіи при академіи наукъ: Боркъ, Попугаевъ, Дмитріевъ, Лангекъ, Волковъ и Красовскій. Уставъ Общества утвержденъ 26 ноября 1803 г. Общество выпустило двѣ книжки періодическаго изданія „Свитокъ Музъ". Члены Общества переводили творенія Бентама, Монтескьё, Мабли, Филанжьери, Беккарія, Румфорда, Канара и проч.; немногіе изъ этихъ переводовъ напечатаны и даже окончены.

Къ стр. 238.—Дашковъ, состоявшій нѣсколько времени при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ и совершившій путешествіе по Греціи, помѣстилъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", издававшихся Дельвигомъ, на 1825 годъ: „Аѳонская гора", отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 г. (119—161); извѣстіе о греческихъ и латинскихъ рукописяхъ въ Серальской библіотекѣ (162—166); на 1826 г.: „Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ" (214—283); „Еще нѣсколько словъ о Серальской библіотекѣ" (283 — 296), въ отвѣтъ на возраженіе, напечатанное въ 23 книжкѣ „Московскаго Телеграфа" на 1825 годъ.

Къ стр. 242.—Отношеніе Шишкова къ славянскому вопросу подробно изложено въ сочиненіи г. Кочубинскаго „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ" (Одесса, 1887 — 1888). Отсюда видно, что, по указаніямъ Кёппена,—который въ то время увлекался вопросами о славянствѣ и во время продолжительнаго своего путешествія за границею познакомился съ главными представителями тогдашняго славянскаго движенія,—Шишковъ ревностно ухватился за возникшую въ двадцатыхъ годахъ мысль объ основаніи каѳедры славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ и съ этою

цѣлью предполагалъ вызвать Ганку, Челяковскаго и Шафарика— для Петербурга, Москвы и Харькова. А когда это предположеніе не состоялось, Шишковъ думалъ найти мѣсто этимъ ученымъ въ „Славянской библіотекѣ“ при Россійской академіи.

Къ стр. 250. — Объявляя о подпискѣ на свои сочиненія въ 1817 году, С. Н. Глинка въ концѣ говорилъ: „благосклонность къ трудамъ моимъ почту не только обыкновенной подпиской, но и *благодѣтельнымъ пособіемъ* моему семейству, для котораго ничего не могъ сдѣлать въ теченіе непрерывныхъ девятилѣтнихъ занятій. Если снисходительностью почтенныхъ соотечественниковъ успѣю хотя нѣсколько обезпечить жребій моего семейства, тогда все время мое посвящу на изданіе книгъ въ пользу воспитанія“ („Сынъ Отеч.“ 1817, ч. 35, стр. 255).—Въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г. (ч. 36, стр. 37) помѣщено письмо на имя С. Н. Глинки отъ смоленскаго губернатора бар. Аша, изъ котораго видно, что „смоленскій губернаторъ предложилъ дворянамъ о распространеніи по губерніи чтенія полезнаго журнала „Русскій Вѣстникъ“. Вслѣдствіе этого сто смоленскихъ дворянъ подписались на „Русскій Вѣстникъ“ и губернаторъ препроводилъ Глинкѣ 2.500 рублей.

Къ стр. 318.—Котляревскій („Рус. Арх.“ 1864, стр. 73—79), упоминая, что зародыши русскаго народнаго театра существовали еще въ глубокой, языческой старинѣ и сохранялись въ эпоху христіанскую, въ современномъ быту указываетъ на развитіе народной драмы въ казармахъ и на фабрикѣ, преимущественно подъ вліяніемъ книжной грамотности. Извѣстны два такихъ образца драмы: „*О кесарѣ Максимиліанѣ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ*“, разыгрываемой исключительно солдатами, и фабричной драмы „*О храбромъ воинѣ Аникѣ и Смерти*“, текстъ которой напечатанъ тутъ же, въ „Архивѣ“.

Къ стр. 332. — Неокончившій въ Лейпцигскомъ университетѣ курсъ студентъ медицины Рингуберъ и пасторъ Грегори прибыли въ 1667 или 1668 году съ вызваннымъ изъ-за границы врачомъ Блументростомъ. Въ запискахъ Рингубера о введеніи театра при Алексѣѣ Михайловичѣ сказано: „Въ 1672 году великій царь Московскій пожелалъ забавляться комедіею. Искали человѣка способнаго поставить на сцену драму. Поручено это было пастору Грегори, считавшемуся способнымъ написать драматическое сочиненіе. Онъ волею-неволею долженъ былъ заняться этимъ дѣломъ и

написалъ съ моею помощью (me socium adjungens). Играли комедію „Агасферъ и Эсфирь". Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я готовилъ мальчиковъ къ участію въ этомъ представленіи на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ (germanice et slavonice). Самое представленіе происходило 17 октября 1672 г. Царю до того понравилась игра, что онъ смотрѣлъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти часовъ, не вставая съ мѣста. Этотъ случай, безъ сомнѣнія, будетъ началомъ дальнѣйшихъ успѣховъ". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что молодыхъ людей, участвовавшихъ въ этомъ драматическомъ представленіи подъ руководствомъ Рингубера, было 64 человѣка, и что репетиціи происходили въ училищѣ лютеранскаго прихода, пасторомъ котораго былъ Грегори (Fechner: „Chronik", I, 352). Рингуберъ замѣчаетъ, что одну изъ главныхъ ролей въ представленной траги-комедіи игралъ сынъ доктора Блументроста, и что царь благосклонно отозвался о трудѣ авторовъ и драматурговъ-режиссеровъ (Брикнеръ, „Журн. Минист. Народн. Просв." 1884, кн. II, 401).

Къ стр. 337.—Изъ напечатанной въ 1736 г. драмы „Сила любви и ненависти" видно, что еще прежде Фассано (а не Фузано прибывшаго не въ 1736, а при императрицѣ Елизаветѣ,—въ царствованіе Анны Іоанновны балетъ учредилъ Ея Имп. Велич. директоръ балетовъ Антоній Ринальди. Въ числѣ театральныхъ пьесъ напечатано: „Сокращеніе (родъ теперешняго либретто) оперы „Царицы Голкондской".—Слова г. Седена, музыка г. Монсиньи. — Въ первый разъ представлено на театрѣ Его С—ва Гр. Бор. П. Шереметева, собственными его пѣвицами, пѣвцами, танцовщиками и танцовщицами, декабря 10 дня 1786 года" (М. 1786). Лѣтомъ, во время гуляній, посѣтители допускались въ театръ гр. Шереметева, устроенный въ саду изъ зелени.

Къ стр. 343.—Иноземный органный игрецъ былъ уже у Ивана III. Замѣчательно, что русскихъ людей, приставленныхъ къ этимъ орга́намъ, при допущеніи къ этому дѣлу приводили къ кресту, что „быть такому-то у государевой органной потѣхи и никакія бы хитрости ему надъ государевыми орга́ны не чинити". Иванъ Грозный первый задумалъ вызвать въ Россію цѣлую массу необходимыхъ въ его время ремесленниковъ и ученыхъ людей изъ-за границы и поручилъ это дѣло саксонцу Шлитту. Шлиттъ пригласилъ въ Москву до 300 человѣкъ. Любопытенъ списокъ пригла-

шенныхъ, приведенный Карамзинымъ и характеризующій потребности того времени: въ спискѣ, между прочими, значились *пѣвецъ* и *органистъ* (Пыпинъ). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ набранныхъ бѣдныхъ дворянъ и дворянокъ для служенія при дворѣ составлялся хоръ для пѣнія, къ коему присовокуплялись завсегда шуточныя представленія („Отеч. Записки" ч. 32, стр. 292, ст. П. И. Сумарокова о началѣ театровъ).

Къ стр. 345.—Матинскій былъ отпущенъ на волю гр. Ягужинскимъ и впослѣдствіи былъ учителемъ въ Смольномъ монастырѣ.

Къ стр. 347.—Замѣчательно, какъ широко и всесторонне понималъ гласность Петръ Великій, какъ вездѣ онъ уничтожалъ тайну и все обращалъ въ народно-общественное дѣло. При Московскихъ царяхъ дьяки Посольскаго приказа дѣлали изъ иностранныхъ газетъ выписки о текущихъ событіяхъ (или куранты), составлявшія государственную тайну. Петръ,—какъ это было въ Германіи начиная съ конца XV вѣка,—началъ съ печатанія отдѣльныхъ реляцій и журналовъ о ходѣ великой сѣверной войны и затѣмъ, съ 1703 г., началъ, не прекращая печатанія реляцій, изданіе особыхъ „Вѣдомостей", „для объявленія извѣстій Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ".

Къ стр. 352.—Въ царствованіе Анны Іоанновны напечатана „Сила любви и ненависти", „драма на музыкѣ, представленная на новомъ С.-Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ, по указу Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны" (1736 г. С.-Пб., въ типографіи академіи наукъ), на русскомъ и итальянскомъ языкахъ. Подъ этимъ заглавіемъ она описана у Губерти въ „Матеріалахъ для русской библіографіи" (I, 49). При этомъ упомянуто, что „поэзію сочинилъ господинъ К. Ф. П., музыку — Франческо Арайя, придворный капельмейстеръ; украшенія вымыслилъ г. Жеронимъ Бонъ, живописецъ при театрѣ; балеты учредилъ Антоній Ринальди, директоръ балетовъ; рѣчи переводилъ съ французскія прозы и въ аріяхъ переводилъ стихи токмо въ паденіи безъ риѳмы В. Тредьяковскій". Экземпляры этого изданія есть въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ и въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, въ богатой библіотекѣ, доставшейся послѣ купца Щапова.

Къ стр. 357.—Въ статьѣ Сумарокова „О началѣ русскаго театра", помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина (часть 32), составъ Ярославской труппы Волкова опредѣленъ былъ

слѣдующимъ образомъ: Нарыковъ (Дмитревскій) и Поповъ поступили 14 лѣтъ въ труппу Волкова въ Ярославлѣ и были семинаристы изъ патріаршихъ дворянъ, остальные актеры были, большею частью, изъ приказныхъ (стр. 303). Въ другомъ мѣстѣ Поповъ названъ регистраторомъ, а остальные актеры поименованы: регистраторъ Иконниковъ, купеческій сынъ Скачковъ, цирульникъ Шумскій, два брата Егоровы и Михайловъ (304).

Къ стр. 366. — Послѣднимъ изъ заѣзжихъ антрепренеровъ въ Петербургѣ былъ, въ началѣ царствованія императора Александра I, Мире, страсбургскій урожденецъ, фехтмейстеръ, машинистъ и штукарь, объѣздившій почти всю Европу въ качествѣ поставщика на сцену пьесъ съ такъ-называемымъ великолѣпнымъ спектаклемъ, т. е. сраженіями, эволюціями, пожарами, наводненіями и землетрясеніями. Изъ Риги, гдѣ его попытка открыть постоянный театръ не удалась, Мире переѣхалъ въ Петербургъ и, подъ покровительствомъ Императрицы, завелъ театръ съ значительною помощью отъ правительства (70.000 р.), выписалъ изъ Германіи нѣмецкую оперную и драматическую труппу, гдѣ было нѣсколько замѣчательныхъ актеровъ, балетную труппу и превосходный оркестръ. На этомъ театрѣ, кромѣ драматическихъ пьесъ тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей (Шиллера, Коцебу, Ифланда, Цшокке и друг.), давались нѣмецкія оперы (Моцарта, Сальери и др.) и въ особенности такъ-называемыя волшебныя: „Русалка“, „Чертова мельница“, „Чертовъ камень“ и пр. Театръ этотъ сгорѣлъ при преемникѣ Мире, актерѣ Арести, въ 1807 году, и перешелъ въ завѣдываніе императорской дирекціи. Такимъ образомъ положено начало—продолжающемуся и теперь—казенному нѣмецкому театру въ Петербургѣ, объ уничтоженіи котораго возникли слухи только въ самое послѣднее время. Театръ Мире много способствовалъ очищенію вкуса петербургской публики, направивъ его на нѣмецкую драматическую литературу, отчасти оттѣснившую переводы французскихъ пьесъ второстепенныхъ авторовъ. Отъ этого театра отдѣлилась часть труппы и подъ управленіемъ самого талантливаго артиста Карла Штейнберга, котораго Жихаревъ называетъ Гаррикомъ въ своемъ родѣ, основала на нѣкоторое время нѣмецкій театръ въ Москвѣ, придавши ему болѣе серьезное направленіе, помимо блестящихъ, но пустыхъ спектаклей, за которыми гонялся Мире.

Къ стр. 373. — Софья Васильевна Карцева приняла на себя устройство французскаго театра въ 1827 году, по желанію общества, и отправилась за этимъ въ Парижъ (свое первое отечество, какъ сказано въ „Дамскомъ Журналѣ", ч. XIX, 115—116).

Къ стр. 387.—Кн. Чарторижскій въ своихъ „Памятныхъ запискахъ" описываетъ воспитаніе императора Александра слѣдующимъ образомъ: „Не видно, чтобы Лагарпъ могъ въ чемъ-нибудь дать Великому Князю серьезное образованіе; между тѣмъ пріобрѣтенное имъ вліяніе надъ умомъ и сердцемъ воспитанника помогло бы Лагарпу сдѣлать изъ послѣдняго все, что̀ ему угодно. Великій Князь получилъ отъ воспитателя лишь очень поверхностныя и неглубокія свѣдѣнія, ничего положительнаго и цѣльнаго. Лагарпъ внушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ справедливости и даже къ равенству и свободѣ для всѣхъ вообще; онъ не дозволилъ предразсудкамъ, примѣрамъ, лести, всѣмъ противнымъ вліяніямъ окружающей среды заглушить благородныя его побужденія. Внушить и развить эти благородныя чувства въ душѣ Русскаго Великаго Князя было заслугою Лагарпа. Но они отпечатались въ умѣ Александра только въ видѣ общихъ фразъ; повидимому, Лагарпъ не заставлялъ его достаточно вдумываться, какія громадныя затрудненія встрѣчаются въ практическомъ ихъ примѣненіи; достаточно не разъяснилъ ему столь трудную науку о средствахъ къ достиженію возможныхъ результатовъ на самомъ дѣлѣ" („Mémoires du prince Adam Czartoryski". Paris, 1887, I, 115—116). „Воспитаніе Александра осталось неоконченнымъ вслѣдствіе отъѣзда Лагарпа въ эпоху его женидьбы, т.-е. въ 18 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ оставленъ безъ правильныхъ занятій; ему даже не посовѣтовали никакого труда, и пока не пріискано было для него какого-либо практическаго занятія, ему не было предложено плана чтеній, могущихъ подготовить его къ предназначенному ему трудному поприщу. Я часто ему о томъ говорилъ и тогда, и впослѣдствіи. Я предлагалъ ему разныя чтенія изъ исторіи, законовѣдѣнія, политики. Онъ сознавалъ происходящую отъ того пользу и желалъ бы имъ предаться. Но придворная жизнь мѣшала послѣдовательнымъ занятіямъ. Александръ, бывши великимъ княземъ, не дочиталъ до конца ни одной сколько-нибудь серьезной, поучительной книги. Не думаю, чтобы онъ могъ сдѣлать это впослѣдствіи, когда на него легла вся тяжесть самодержавнаго правленія" (114). Удивительно, что императрица Ека-

терина, ласкавшая себя мыслію, что Александръ будетъ продолжателемъ ея царствованія и славы, не подумала приготовить его къ этой задачѣ, заранѣе ознакомивъ его съ различными отраслями управленія. Ничего не сдѣлано было въ этомъ отношеніи (113). Императоръ Александръ самъ говорилъ гр. Софьѣ Влад. Строгановой: „notre éducation avec mon frère Constantin a été mal emmanchée" („Вязем. Сочин.", т. VIII, 203).

Къ стр. 392.—Изъ всего, что до сихъ поръ собрано по русскому масонству, видно, что съ конца XVIII вѣка по первую половину XIX, включительно, большинство умныхъ и мыслящихъ людей,—за исключеніемъ предававшихся религіозному индифферентизму и не думавшихъ о вопросахъ, выходившихъ за предѣлы личной и матеріальной обстановки,—распредѣлялось на масоновъ и атеистовъ. Поэтому слѣды масонства открываются вездѣ и даже въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ. Но интересно, что масонство у насъ не имѣло никакого этическаго значенія и проповѣдуемая имъ задача направить человѣка къ нравственному совершенству не дѣлала нисколько лучше и честнѣе самыхъ преданныхъ и усердныхъ адептовъ. Такъ, въ Казани въ числѣ масоновъ и мистиковъ упоминается Москотильниковъ, бывшій въ связяхъ съ Лопухинымъ, Невзоровымъ и другими членами Новиковскаго кружка. Самъ по себѣ Москотильниковъ былъ человѣкъ интересный. Онъ былъ ярославскій урожденецъ, сынъ купца, явился въ Казань актеромъ, въ 1779 г. сдѣлался городовымъ секретаремъ въ казанскомъ магистратѣ и дошелъ до совѣтника губернскаго правленія. Москотильниковъ перевелъ поэму Тасса „Освобожденный Іерусалимъ", съ французскаго перевелъ Лебреня (2 ч. М. 1819) и, на основаніи своего практическаго знакомства съ юриспруденціей, искалъ мѣсто профессора въ Казанскомъ университетѣ. Но Яковкинъ указалъ, что юридическая практика Москотильникова придала ему названіе *ябедника*, „пишущаго обѣимъ спорящимъ сторонамъ потребныя бумаги или кто болѣе дастъ" (Буличъ, стр. 615 и слѣд., примѣчаніе).

Къ стр. 435.—Въ текстѣ напечатано, что эстетика излагалась по Гегелю профес. Амфитеатровымъ въ Московской академіи. Это положительно невѣрно. Профес. Я. К. Амфитеатровъ (1802—1848), воспитанникъ Кіевской духовной академіи, занималъ тамъ съ сентября 1829 по 8 іюля 1848 года каѳедру церковной словесности

(гомелетики). Амфитеатровъ, безспорно, принадлежалъ къ числу даровитыхъ и полезныхъ профессоровъ, оказывавшихъ сильное вліяніе живымъ и самобытнымъ изложеніемъ предмета преподаванія, нравственною чистотой убѣжденій и близкими, сердечными отношеніями къ своимъ слушателямъ. Въ „Сборникѣ лекцій профессоровъ Кіевской академіи" (Кіевъ, 1869) о лекціяхъ Амфитеатрова помѣщенъ такой отзывъ: „Лекціи Амфитеатрова не были снимкомъ съ какого-либо иностраннаго руководства; онѣ носили на себѣ ясную печать самостоятельной мысли и долговременнаго углубленнаго размышленія о предметѣ изложенія. Амфитеатровъ училъ смотрѣть на проповѣдь не какъ на *сочиненіе*, а какъ на *святое дѣло:* въ его гомелетикѣ проповѣдничество разсматривается какъ родъ служенія, къ которому пастырь Церкви призывается самимъ своимъ званіемъ, и цѣль своихъ наставническихъ занятій онъ поставлялъ въ томъ, чтобы помочь будущимъ пастырямъ Церкви вести пасомыхъ къ духовному возрожденію. При такой задачѣ, преслѣдуемой Амфитеатровымъ, реторическая или художественная сторона проповѣди отступала у него на задній планъ и о ней онъ мало заботился" („Сборн.", III и V). Поэтому, указывая, напримѣръ, ложное практическое направленіе въ проповѣди и удерживая отъ излишняго ригоризма, Амфитеатровъ замѣчаетъ, что „проповѣдь либеральная всегда производитъ дѣйствіе — и дѣйствіе весьма вредное. Кто всегда говоритъ о легкости спасенія, тому всякій легко вѣритъ. Когда насъ учатъ быть не слишкомъ строгими въ разсужденіи вѣры и дѣятельности, мы на это съ удовольствіемъ соглашаемся, потому что и безъ наставленій всѣ мы склонны къ лѣности и безпечности въ дѣлѣ спасенія. Когда насъ увѣряютъ, что наши слабости, пороки и заблужденія суть грѣхи не важные, симъ самымъ даютъ намъ наилучшій поводъ къ развращенію, и безъ того естественному испорченной природѣ нашей, и усыпляютъ нашу совѣсть" („Чтеніе о церк.-славян. книг." К. 1846 г., ч. II, 103—104). Въ видѣ примѣра Амфитеатровъ не рекомендовалъ для подражанія русскимъ проповѣдникамъ проповѣдей Массильона, Бурдалу и другихъ французскихъ ораторовъ: ихъ искусственная рѣчь казалась Амфитеатрову не совсѣмъ пригодною для церковной каѳедры и не совсѣмъ согласною съ характеромъ и требованіями русскаго духа, ищущаго въ проповѣди прежде всего искренности и практической прямоты слова. Любимыми проповѣдниками Амфитеатрова

были Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Димитрій Ростовскій (VII). Отсюда ясно, что о Гегелевой эстетикѣ въ лекціяхъ Амфитеатрова не могло быть и рѣчи. Свое отношеніе къ философіи, въ письмѣ къ одному своему родственнику, Амфитеатровъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „важнѣйшія задачи, предлагаемыя человѣкомъ и философіею его, удовлетворительнѣе разрѣшаются для меня словомъ Божіимъ, нежели философскими системами. Будетъ время, мой другъ, когда разумъ человѣческій вполнѣ плѣнится въ послушаніе вѣры, и когда вся философія оснуется на живомъ и дѣйственномъ глаголѣ Господнемъ. Уже и теперь, когда мы съ тобою живемъ,—уже и теперь, говорю,—въ мірѣ ученомъ замѣтно сильное движеніе, влекущее умы покориться Писанію и на немъ создать истинное любомудріе" (Аскоченскій, „Біогр. очер. Амфит." Кіевъ, 1857, 41). На этомъ основаніи другому своему родственнику Амфитеатровъ, для изученія философіи, рекомендовалъ Баумейстера, которому отдавалъ преимущество предъ новѣйшими, „выспренними", философскими системами. Амфитеатровъ принималъ дѣятельное участіе въ издававшемся при Кіевской академіи, по иниціативѣ преосвященнаго Иннокентія, духовномъ журналѣ „Христіанское Чтеніе", а свои свѣтскія статьи помѣщалъ въ „Маякѣ".

Къ стр. 451. — Фонъ-Визинъ, обучавшійся логикѣ у Шадена, говоритъ: „сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши очевидны" („Сочин.", 3 изд. Смирд., 509). По свидѣтельству Тимковскаго, въ преподаваніи Шадена исторія философіи предшествовала нравственной философіи; къ политикѣ относились законодательство, правленіе и экономія политическая; въ правахъ заключалось право естественное и народное. Лекціи свои, на латинскомъ языкѣ, Шаденъ располагалъ по началамъ новой тогда философіи Канта, „читалъ съ громкою декламаціей и полными жестами" (Галаховъ, „Совр." 1853, I, 15). Вообще въ Московскомъ университетѣ до появленія шеллингизма философское изученіе приняло направленіе нравственное или дидактическое, опираясь то на Канта у Шадена, то на религіозную мистику въ эпоху Новиковско-Шварцеву, то на англійскихъ моралистовъ въ преподаваніи Брянцева. В. Милютинъ, въ „Очеркахъ русской журналистики", очень вѣрно охарактеризовалъ это дидактическое или морально-философское направленіе того времени слѣдующимъ образомъ. Моралисты признавались

ный переводъ изъ „Каллимаха“, помѣчено 1817 г. (53, 273); баллада: „Мальчикъ у ручья сидѣлъ“ (55, 275); „Memento mori“, помѣчено 1817 г. (57, 173); прозою: „О древнихъ эстонцахъ, изъ записокъ молодого путешественника“ (53, 124 и 219); „Чистая правда“, анекдотъ о домашнемъ учителѣ французѣ (56, 286); „Письма къ молодому поэту“, пер. изъ Виланда (56, 193 и 262). *Благонамѣренный*: „Мечта“ (1, 309); „Вакхическая пѣснь“ (2, 11). *Соревнователь*: „Тоска по родинѣ“ (5, 62); „Къ брату“ (8, 72).

1820.—*Сынъ Отечества*: прозою: „Еще отрывокъ изъ дневной записки Украинца“; „Публичное засѣданіе въ Императорской Публичной библіотекѣ 9 января 1820 г.“, гдѣ поднесена золотая медаль Карамзину (69, 93); „Языческій праздникъ въ Европѣ“ (59, 238); „О греческой антологіи“ (62, 145); „Изъ дневной записки Украинца“ (65, 141). *Благонамѣренный*: стихи „Гробъ младенца“ (11, 114). *Соревнователь*: „Пробужденіе“ (9, 19); „Европейскія письма, или путешествіе жителя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ 25 столѣтія“ (5, 9 и 270; 11, 73); „Возрастъ счастья“ (5, 331); „Поэты“ (X, 10, 71); „Диѳирамбъ изъ Бакхилида“ (11, 94); „Ангелъ смерти“ (11, 343); „Вдохновеніе“ (12, 36); „Элегія“ (XII, 209); „Вдохновеніе“ (12, 96). *Невскій Зритель*: „Романсъ“ (№ 1, 95); „Къ моему генію“ (№ 1, 96); „Европейскія письма“ (№ 2, 35, ч. II, 41); „Кофе“ (II, 91); „Взглядъ на текущую словесность (II, 106; III, 78); „Осада города Обиньи“ (III, 14); „Къ моему питомцу“ (III, 52); „Зима“ (III, 60); „Къ М. К. Кюхельбекеру, на смерть Т. И. Вас....вой“ (II, 58).

1821.—*Соревнователь*: „Къ Промеѳею“ (I, 94); „Отрывки изъ путешествія въ 1820 г.“ (IV, 248).

1824.—*Благонамѣренный*: „Отвѣтъ Г. С.“ на его разборъ 1 части „Мнемозины“, помѣщенный въ № 15 „Сына Отечества“ 1824 года (26, 208).

1825.—*Сынъ Отечества:* „Массилія“, помѣчено 1821 г. (102, 101); прозою: разборъ поэмы кн. Шихматова „Петръ Великій“ (102, 257 и 357); разборъ фонъ-деръ-Борховыхъ русскихъ стихотвореній (103, 68). *Благонамѣренный:* разборъ „Славянской грамматики“ г. Пенинскаго и „Древней исторіи“ г. Арсеньева (31, 335).

Отдѣльно изданы сочиненія Кюхельбекера: „Смерть Байрона“, стихотвореніе (М. 1824 г.); „Шекспировы духи“, драматическая

шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1825 г.); „Ижорскій", мистерія въ стихахъ (С.-Пб. 1835 г.).

Ип. Завалишинъ:

1826.—*Соревнователь:* Отрывокъ изъ путешествія лорда Байрона—изъ „Жизни л. Байрона" (34, 182).

Къ стр. 546.—Въ „Сынѣ Отечества" (1822 г., ч. 78, 280) напечанъ отрывокъ изъ „Персея" Я. И. Ростовцева, а полная комедія напечатана подъ заглавіемъ „Персей", трагедія въ 5 дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1823 г.).

Къ стр. 558.—Профес. Петръ Андреевичъ Цеплинъ былъ мекленбургскій урожденецъ, учился въ университетахъ Ростокскомъ и Геттингенскомъ и въ 1801 году получилъ степень доктора философіи. Въ 1804 году принятъ былъ попечителемъ Румовскимъ для преподаванія всеобщей исторіи въ Казанскую гимназію, съ правомъ перейти въ университетъ. Цеплинъ, тотчасъ по поступленіи, вступилъ въ борьбу съ директоромъ Яковкинымъ, обвинявшимъ его въ несоблюденіи формы, въ разглашеніи слуховъ объ Аустерлицкомъ пораженіи, въ жалобахъ на вычетъ процента изъ жалованья на госпиталь и т. п. Вслѣдствіе этого Цеплинъ въ 1806 г. принужденъ былъ выйти въ отставку и поступилъ вновь уже въ 1813 году, при другомъ попечителѣ, профессоромъ дипломатики и политической экономіи.

Поправки и дополненія къ книгѣ второй.

Къ стр. 13.—Вотъ еще интересный отвѣтъ Авдотьи Петровны Елагиной на приглашеніе Александра Ивановича пріѣхать въ Москву, послѣ уже смерти Кирѣевскихъ: „Вы продиктовали мнѣ отвѣтъ, милый мой Александръ Ивановичъ, такъ точно, какъ на возгласъ Ивана: Кошелевъ, пиши стихи!—отвѣчали: не могу!—такъ и я, на ваше приглашеніе быть зиму въ Москвѣ, скажу: не могу!... Тутъ нѣтъ каприза, нѣтъ произвола, есть просто невозможность. Благодарю васъ много за ласковыя ваши строчки,—ваша ласка, ваша любовь такъ же мнѣ *нужны*, какъ нужна всякая радость. Я знаю, что я вамъ не лишняя, и когда вы трое: Титовъ, Одоевскій и вы окружите меня вмѣстѣ, то чувствую, что не бесѣда моя, а

воспоминаніе прежняго нужно во мнѣ, и что тутъ съ нами и Кирѣевскіе мои, и Хомяковъ, и пр. и пр. и пр... называть страшно,— слишкомъ много милыхъ тѣней встаютъ. У насъ урожая совсѣмъ нѣтъ, доходовъ тоже, и въ деревнѣ обязаны остаться, чтобы по возможности помочь голоднымъ крестьянамъ. Николай (Елагинъ) говоритъ, что вы будете не эмансипаторъ, если не станете кормить вашихъ прежнихъ подданныхъ. Не надобно допускать, чтобы они жалѣли о крѣпостной своей жизни. Дѣйствуйте, дѣйствуйте, и да благословитъ васъ Богъ!"

Къ стр. 47.—Въ „Воспоминаніи о П. В. Кирѣевскомъ" г. Аѳ. Марковича („Рус. Бес." 1857 г., II) между прочимъ сказано: „Каковы были отношенія П. В. къ деревнѣ, можно судить изъ того, что въ голодный годъ весь амбаръ его былъ исчерпанъ—за безплатнымъ удовлетвореніемъ собственныхъ крестьянъ—безплатно же чужими крестьянами, приходившими изъ другихъ селъ, отъ распроданныхъ закромовъ". „Сколько Государь скажетъ отдать имъ земли моей, столько и отдамъ", говаривалъ онъ о своихъ крестьянахъ, когда заходила рѣчь о благихъ видахъ еще покойнаго Государя (Николая Павловича) на улучшеніе народнаго быта" (стр. 18 и 19).

Къ стр. 52.—По докладу верховнаго уголовнаго суда подполковникъ Норовъ обвиненъ былъ въ томъ, что участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы императора Александра I и тогда великаго князя Николая Павловича и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли. На этомъ основаніи Норовъ былъ причисленъ къ государственнымъ преступникамъ *втораго разряда*, осужденнымъ къ политической смерти, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу. Указомъ верховному уголовному суду 10 іюля 1826 г. относительно Норова наказаніе замѣнено: по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Слѣдовательно напечатанное о немъ въ письмѣ представляетъ ошибку.

Къ стр. 57.—Статья Малиновскаго „О россійскомъ театрѣ" ошибочно показана помѣщенною въ „Отечественныхъ Запискахъ",—она напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1808 г. (№ III, 109—124).

Къ стр. 111.—Кн. Зин. Ал. Волконская (ум. 1862 г.) была урожденная кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская, дочь кн. Ал. Мих. Бѣ-

лосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809), который былъ страстнымъ любителемъ словесности. Французскіе стихи его, къ которымъ съ большою похвалой относились Вольтеръ и Делиль, доставили ему громкую извѣстность. Отецъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Княгиня прекрасно знала языки, съ одинаковою легкостію писала по-русски, французски и итальянски, выучилась, подъ руководствомъ академика Мердана, по-латыни и по-гречески, была прекрасная музыкантша и замѣчательная пѣвица. Она сама положила на ноты сочиненную ею кантату въ честь императора Александра Перваго. Княгиня занималась съ любовью изученіемъ русскихъ древностей и народнаго быта и хлопотала съ этою цѣлью учредить особое общество. Плодомъ этихъ археологическихъ занятій были попытки княгини Волконской изобразить древнеславянскій бытъ въ господствовавшей тогда формѣ сантиментальныхъ и риторическихъ повѣствованій. Княгиня писала больше на иностранныхъ языкахъ. Изъ числа ея сочиненій извѣстны: „Quatre nouvelles“ (M. 1818 г.); „Giovanne d'Arco“, drama per musico, ridotta de Schiller (Roma, 1821 г.), первое итальянское сочиненіе княгини; „Tableau Slave du V siècle“ (изд. въ Парижѣ въ 1824 г., а затѣмъ въ Москвѣ въ 1826 г.). Цѣль послѣдняго произведенія княгиня опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Желая ознакомить съ нѣкоторыми интересными подробностями о древнихъ славянахъ, я предприняла изложить въ простомъ и довольно новомъ очеркѣ всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о занятіяхъ, обычаяхъ и вѣрованіи племенъ, жившихъ по берегамъ Днѣпра“. Источниками для автора служили: „Лѣтопись Нестора“, по изданію Шлецера, „Исторія Карамзина“ и сочиненіе J. A. Gebhardi: „Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staaten“. Сочиненіе княгини, при своемъ появленіи въ Парижѣ, расхвалено было тамошними литераторами: Кольне („Gazette de France“ 1824, № 159) посвятилъ ему самый сочувственный разборъ, приведенный въ „Сынѣ Отечества“ (1824 г., ч. 95, стр. 117), гдѣ рецензентъ восторгался даже археологическою *вѣрностью* изображенія быта древнихъ славянъ, въ чемъ совершенно справедливо усомнился русскій переводчикъ. „Le Tableau Slave“ переведена была кн. Шаликовымъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ (1825, № I—IV) и издана отдѣльно въ Москвѣ въ 1825 и 1826 гг. Но, помимо этихъ произведеній на иностранныхъ языкахъ, кн. Волконская помѣщала свои стихотворенія, беллетристическіе отрывки и путевыя впеча-

тлѣнія преимущественно въ московскихъ журналахъ и альманахахъ упоминаемаго нами кружка („Московскомъ Вѣстникѣ", „Московскомъ Наблюдателѣ", „Москвитянинѣ", „Денницѣ" Максимовича), отчасти и въ другихъ („Вѣстникѣ Европы", „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Московскомъ Телеграфѣ", „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" бар. Дельвига, „Утренней Зарѣ" Владиславлева). Собраніе сочиненій кн. Волконской издано въ 1865 г. въ Парижѣ и Карлсруэ. Сюда вошли: „Отрывки изъ путевыхъ ея воспоминаній", стихи (далеко не всѣ) и „Сказаніе объ Ольгѣ", откуда только отрывокъ помѣщенъ былъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" (1836 года, чч. 8 и 9). Съ 1825 года кн. Волконская была членомъ Общества любителей россійской словесности. Кн. Волконская любила окружать себя людьми замѣчательными и выдающимися, и вездѣ салонъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ литераторовъ, художниковъ и музыкантовъ. Начиная съ 1813 г. императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ въ Теплицѣ и Прагѣ, а потомъ въ Парижѣ и на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ.—Въ Одессѣ въ 1818 году княгиня Волконская сошлась съ Батюшковымъ. Но самая блестящая эпоха ея жизни прошла въ Москвѣ, гдѣ она поселилась съ 1824 по 1829 годъ. Тотъ же кружокъ, съ которымъ мы познакомились и который встрѣчали у А. П. Елагиной, наполнялъ и гостиную княгини З. А. Волконской. Хозяиномъ на этихъ вечерахъ былъ князь П. А. Вяземскій. Пріятель Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, князь Вяземскій былъ живымъ представителемъ, въ которомъ бродило все разнообразіе этой блестящей и быстро перемѣнчивой эпохи, но освѣщалось безспорнымъ стремленіемъ къ лучшему и игривымъ свѣтскимъ остроуміемъ. Независимость холостаго человѣка, при хорошемъ достаткѣ, давала князю Вяземскому въ то время возможность стать центромъ дружескаго кружка. Сходки пріятелей и веселые ужины устраивались преимущественно въ домѣ самого князя. Постояннымъ гостемъ въ домѣ княгини Волконской былъ Мицкевичъ, такъ радушно встрѣченный въ Москвѣ обществомъ и восхищавшій всѣхъ открывшимся у него даромъ импровизаціи. Ему кн. Волконская посвятила отрывокъ, записанный ею въ альбомъ, подъ заглавіемъ „Портретъ", напечатанный первоначально въ „Денницѣ" Максимовича (1830 г., 114), а потомъ перепечатанный въ ея сочиненіяхъ (стр. 27). Вслѣдъ за

этими обычными посѣтителями являлись и другіе наши знакомые: Веневитиновы, Шевыревъ, бывшій также домашнимъ человѣкомъ у княгини и впослѣдствіи спутникъ ея въ Италію, И. В. Кирѣевскій, Баратынскій, Норовы, Максимовичъ и другіе. Неизвѣстно, былъ ли въ числѣ этихъ посѣтителей Александръ Ивановичъ: онъ ничего не говоритъ о княгинѣ Волконской въ своихъ „Запискахъ". Княгиня въ своемъ кружкѣ была вдохновительницей поэзіи: ей посвятилъ единственное свое посланіе въ стихахъ И. В. Кирѣевскій; на день ея рожденія, 3 декабря 1828 г., друзья написали стихотвореніе, въ которомъ приняли участіе: кн. Вяземскій, Баратынскій, Шевыревъ, Павловъ и Кирѣевскій (оба напечатаны въ „Собраніи сочиненій" княгини З. Волконской). Очень оригинально упоминаетъ о такомъ вечерѣ въ письмѣ къ Александру Ивановичу Александръ Сергѣевичъ Норовъ: „Вечеромъ поѣхалъ къ кн. Зенаидѣ, гдѣ были touts les habitués: Свѣчины, Дюмушель, Веневитиновы—двое, Мещерскіе, кн. Одоевскій, кн. Вл. Голицынъ, Абрамъ (Ав. С. Норовъ) и я; пѣли безпрерывно Requiem Керубини; была тоска несносная". Въ 1829 году княгиня съ сыномъ переселилась въ Римъ и пригласила съ собою Шевырева въ качествѣ воспитателя. Тамъ она приняла католичество и умерла въ 1862 году. Во время своей римской жизни, въ 1839 году, она сошлась съ Гоголемъ, посѣтившимъ въ это время Италію.

Къ стр. 129.—Значеніе Соболевскаго въ кружкѣ и участіе его въ „Московскомъ Вѣстникѣ" видно въ письмѣ къ нему Веневитинова изъ Петербурга въ декабрѣ 1826 г.: „Что дѣлаетъ нашъ журналъ? Я надѣюсь, что ты изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а именно: понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полевого, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелія недостойная изъ нашего цвѣтущаго сада. *Ты долженъ быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя много зависитъ его прочность.* Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ мнѣ писалъ о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и проч. Истинные литераторы за насъ; Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія" („Русск. Стар." 1875, IV, 821).

Къ стр. 435 кн. I и 254 кн. II.—Сходство именъ снова ввело меня въ недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что наибольшею извѣстностію пользуется кіевскій профессоръ Я. К. Амфитеатровъ, о ко-

торомъ мною упомянуто на стр. 254 кн. II. На страницѣ же 435 кн. I говорится о профессорѣ Московской духовной академіи Ег. Вас. Амфитеатровѣ, воспитанникѣ Петербургской духовной академіи, который съ 1839 г. читалъ въ Троицкой лаврѣ общую словесность. Е. В. Амфитеатровъ не издавалъ ничего и потому повѣрить заимствованное мною указаніе, что онъ въ своихъ лекціяхъ придерживался эстетики Гегеля, по печатнымъ источникамъ не было возможности. Для разъясненія этого обстоятельства я обратился къ бывшему слушателю Амфитеатрова, извѣстному профессору философіи въ Московской духовной академіи В. Д. Кудрявцеву-Платонову. Викторъ Дмитріевичъ разъяснилъ, что дѣйствительно въ преподаваніи эстетики Амфитеатровъ придерживался Гегеля или по крайней мѣрѣ отдавалъ ему предпочтеніе. Лекціи Амфитеатрова по исторіи эстетики въ непродолжительномъ времени появятся въ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Знаніе". Такимъ образомъ въ сороковыхъ годахъ эстетика Гегеля не только нашла себѣ мѣсто въ чтеніяхъ Надеждина и студенческомъ кружкѣ Станкевича, но совершенно независимо появилась и въ духовныхъ училищахъ того времени.

Примѣчанія къ первой книгѣ.

(1) Къ *стр. 1.*—Свѣдѣнія о родѣ Кошелевыхъ заимствованы мною изъ „Родословнаго Сборника", изданнаго Руммелемъ (Спб., 1886 г., т. I, стр. 424—440). Другое свидѣтельство о родѣ Кошелевыхъ помѣщено въ „Указателѣ къ Боярскимъ книгамъ", изданномъ Ивановымъ (Москва, 1853); тамъ (стр. 210—211) перечислено 24 Кошелевыхъ, между 1627 и 1692 годами, изъ коихъ 11 московскихъ дворянъ, 8 стольниковъ, 4 стряпчихъ и 1 Козельскій городовой дворянинъ. Полковникъ Кошелевъ значится въ числѣ убитыхъ въ Полтавскомъ сраженіи. Подъ смертнымъ приговоромъ царевича Алексѣя Петровича 24 іюня 1718 года подписался полковникъ Герасимъ Кошелевъ. Ѳедоръ Кошелевъ, помѣстившій три незначительные перевода съ французскаго въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова („Пріятное и полезное препровожденіе времени", нравоучительное сказаніе, ч. III, 249, „Гимнъ благотворенію", ч. IV, 321, и „Иппокрена", мечтаніе о благополучіи, ч. III, 225), былъ вовсе не родня Александра Ивановича.

(2) Къ *стр. 3.*—Изъ четырехъ сестеръ Александра Ивановича про одну не осталось никакихъ воспоминаній,—вѣроятно, она не вышла замужъ и умерла въ молодыхъ годахъ. Остальныя три сестры были замужемъ: Елена Ивановна—за кн. Горчаковымъ, Варвара Ивановна—за Свѣчинымъ и Екатерина Ивановна—за Ивановымъ, а послѣ смерти его—вторымъ бракомъ—за Чарторижскимъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ (1777—1816) былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей своего времени и членомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности и С.-Петербургскаго вольнаго любителей наукъ и художествъ. Ивановъ былъ сынъ генералъ-майора Ѳ. И. Иванова; онъ записанъ былъ при рожденіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и учился въ гимназіи, существовавшей при Московскомъ университетѣ, подъ ближайшимъ надзоромъ профессора математики В. К. Аршеневскаго. Въ 1794 г. Ивановъ выпущенъ во второй морской полкъ капитаномъ и во время всей Шведской кампаніи служилъ въ полку дѣда своего, полковника Демидова; въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ сошелся съ Мерзляковымъ и вступилъ дѣятельнымъ членомъ въ только-что составившееся Общество любителей словесности. Мерзляковъ говоритъ, что Ивановъ только тогда принялся за чтеніе и за самообразованіе. „Самъ я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ,—говоритъ Мерзляковъ,—что онъ проводилъ все свое время въ разборѣ и замѣчаніяхъ своихъ *на риторику Ломоносова, курсъ Баттё, Блера и другихъ писателей*". Въ Обществѣ Ивановъ сблизился съ Мерзляковымъ, съ которымъ сохранилъ дружескія связи до конца своей жизни и вмѣстѣ съ нимъ былъ издателемъ „Амфіона". Ивановъ съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ театру и былъ друженъ съ нѣкоторыми актерами, Померанцевымъ, Плавильщиковымъ, Шушеринымъ и др. Поэтому онъ литературные свои труды направилъ преимущественно на театръ. Первые его опыты, переводные и оригинальные, игрались на театрѣ безъ имени автора; но затѣмъ явились пьесы имъ подписанныя и заслужившія въ свое время большой успѣхъ. Рядъ этихъ пьесъ открывается въ 1805 г. драммою въ 3 дѣйствіяхъ „Награжденная

добродѣтель, или женщина какихъ мало", имѣвшею успѣхъ на Московскомъ и Петербургскомъ театрахъ. Затѣмъ Ивановъ отдалъ на сцену Московскаго театра и напечаталъ въ 1808 году комедіи: 1) „Не все то золото, что блеститъ"; 2) „Женихъ, или вѣкъ живи и вѣкъ учись"; 3) „Мужъ пустынникъ, или урокъ женамъ"; 4) переведенную съ французскаго комедію въ одномъ дѣйствіи „Казачій офицеръ"; 5) драму „Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ", гдѣ добрые старые нравы противополагались пустотѣ и распущенности приверженцевъ иностраннаго воспитанія: это была одна изъ любимыхъ пьесъ стариннаго репертуара. Въ 1809 году Ивановъ написалъ стихами трагедію „Марѳа посадница, или покореніе Новгорода" и перевелъ державшуюся нѣкоторое время на сценѣ передѣлку на французскій языкъ Ламартѣльеромъ трагедіи Шиллера „Разбойники", подъ заглавіемъ „Робертъ, атаманъ разбойниковъ". Самая трагедія Шиллера за 15 лѣтъ предъ этимъ переведена была Сандуновымъ (1793 г.). Ивановъ помѣстилъ много стихотвореній въ тогдашнихъ московскихъ журналахъ и одновременно съ Маринымъ перевелъ трагедію Вольтера „Мерона" и затѣмъ, такъ какъ прежній переводъ его утратился въ 1812 году, возобновилъ его и напечаталъ отрывки въ „Амфіонѣ" и „Трудахъ Общества любителей словесности". С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" приводитъ еще пьесу Иванова „Не бывать драмѣ", также имѣвшую успѣхъ, но она, вѣроятно, осталась ненапечатанною. Ѳ. Ѳ. Ивановъ, по словамъ С. Т. Аксакова, былъ занимательный собесѣдникъ и любезный и гостепріимный человѣкъ, въ домѣ котораго особенно часто сходились московскіе литераторы и любители литературы. На этихъ собраніяхъ, кромѣ задушевнаго пріятеля хозяина, Мерзлякова, появлялись А. М. и В. Л. Пушкины, А. Ф. Воейковъ, кн. И. М. Долгорукій, Ф. Ф. Кокошкинъ, кн. П. А. Вяземскій и К. Н. Батюшковъ. По словамъ послѣдняго, здѣсь проводили время весело, „съ пользою и съ чашею въ рукахъ". Воспоминанія объ Ивановѣ Мерзлякова помѣщены въ „Трудахъ Общ. люб. россійск. словесности" (ч. VII, стр. 94—123), а сочиненія его изданы Моск. Обществомъ любителей россійской словесности подъ заглавіемъ „Сочиненія и переводы Ѳ. Ѳ. Иванова" (4 части. М. 1824 г.).

([3]) Къ *стр. 13*.—См. біографическіе списки фрейлинъ Карабанова („Рус. Стар." 1871 г., т. IV, стр. 59). На стр. 393 того же тома сказано, что фрейлиною была Марья Ивановна Кошелева, дочь Ивана Родіоновича Кошелева, воронежскаго вице-губернатора, и вышла потомъ замужъ за Высотскаго. Это невѣрно: за Высотскаго вышла замужъ, дѣйствительно, Марья Ивановна, но дочь тайнаго совѣтника Ивана Родіоновича, тогда какъ воронежскимъ вице-губернаторомъ былъ его младшій братъ, Иродіонъ Иродіоновичъ. Марья Ивановна была *второю* фрейлиною изъ рода Кошелевыхъ, послѣ *первой*, своей тетки Марьи Иродіоновны, пожалованной во фрейлины при рожденіи въ 1725 г. Марья Ивановна получила фрейлинское званіе чрезъ свадьбу въ концѣ 1781 г., по вліянію жениха своего, бывшаго флигель-адъютантомъ императрицы Екатерины и племянникомъ Потемкина.

([4]) Къ *стр. 7*.—Мать Александра Ивановича умерла въ концѣ 1835 года.

([5]) Къ *стр. 7*.—Изъ этихъ писемъ 27 относятся ко времени съ его отъѣзда по 1-е января 1827 года, 99—къ 1827 г., 56—къ 1828 г., 30—къ 1829 г., 36—къ 1830 г., 14—къ 1831 г., 3 письма—къ 1833 г. Почти всѣ письма написаны безъ означенія года, и потому въ распредѣленіи ихъ по годамъ могли встрѣтиться и ошибки, впрочемъ не очень значительныя и потому не имѣющія никакого вліянія.

([6]) Къ *стр. 14*.—На нѣкоторое родство германской философіи съ мистицизмомъ указываютъ, между прочимъ, отношенія ея къ извѣстнѣйшему нѣмецкому мистику Бёму, игравшему значительную роль и въ исторіи нашего мистицизма. Іаковъ Бёмъ (J. Böhme или Böhm), прозванный Philosophus Teutonicus, род. въ 1575 г. въ Альтзейденбергѣ,

бливъ Гёрлица, былъ сынъ бѣднаго крестьянина, впослѣдствіи ремесломъ башмачникъ, до 10 лѣтъ не учился ничему, но уже тогда склоненъ былъ къ видѣніямъ, которыя онъ признавалъ за откровеніе свыше. Въ Гёрлицѣ получивъ въ 1594 г. званіе мастера, онъ выступилъ на литературное поприще и первымъ его сочиненіемъ было „Аврора, или восходящая заря", въ 1612 г. Потомъ онъ написалъ нѣсколько сочиненій, гдѣ развилъ теософическій взглядъ на природу, сходный,—хотя и безъ всякаго прямаго заимствованія,—съ философіей неоплатониковъ и развившимися изъ нея алхимическими теоріями. Онъ умеръ 27 ноября 1624 г. Бёмъ нашелъ послѣдователей въ Англіи, гдѣ въ 1697 г. Лидъ (Leade) основалъ общество, подъ именемъ „филадельфистовъ", для распространенія ученія Бёма. Послѣдователями его ученія явились нѣмецкій богословъ Етингеръ и извѣстный французскій мистикъ Сентъ-Мартенъ (Louis Claude de Saint-Martin). Изъ новѣйшихъ объясненіемъ его сочиненій занимался въ особенности Францъ фонъ-Баадеръ, задавшійся мыслію сдѣлать прежнюю нѣмецкую мистику основаніемъ новой философіи. Шлегель указываетъ на философскую глубину мыслей Бёма; Шеллингъ въ позднѣйшей своей системѣ многое у него позаимствовалъ; Гегель также ссылается на Бёма и принимаетъ его систему за начало новой философіи.

(7) Къ *стр. 14.*—Это безсвязное разнообразіе масонскихъ проявленій весьма вѣрно и характеристично выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго одному изъ послѣдователей Новикова и приведеннаго С. В. Ешевскимъ (Соч. т. III, 429 и 430): „мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высочайшемъ благѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельнѣе, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-помалу соединить добрыхъ людей всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждаго, но особенно послужилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами—даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія—дѣлать въ мірѣ добра болѣе того, что бы они могли дѣлать порознь. Другіе думаютъ, что сіе конечно составляетъ одну цѣль и ту, при которой большая часть братій остается; да сіе же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію бо́льшаго, но сіе большее есть глубокое испытаніе натуры вещей и чрезъ то пріобрѣтаемая сила и власть къ исправленію людей, врачебная наука, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ и правленіе невидимаго божественнаго царства. Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростію; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделѣннѣйшее счастье, и котораго слѣдствіемъ будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели. Другіе, напротивъ, сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ вышнею натурою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть среднихъ, доводящихъ насъ до сего сообщенія съ вышнею. Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственность и общественность, радостное, мудрое наслажденіе жизнію и спокойное ожиданіе смерти есть истинная, удобная для достиженія цѣль. Мораль и религія стараются произвести сіе средствами важными, а орденъ—подъ завѣсою удовольственныхъ занятій.... Но вообще мнѣнія братій различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости*, а сообщеніе сими высокими, истинными главами ордена—даромъ Провидѣнія, для пріятія коего, конечно, надлежитъ имъ работать. Другіе принимаютъ цѣль ордена *за несовершившееся еще намѣреніе*, но къ совершенію коего

ведетъ работа по предписанію ордена, и которое, можетъ быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ".

(8) Къ *стр. 16.*—Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ скончался 29 августа 1784 г. Въ извѣстіи о его кончинѣ, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", онъ названъ великимъ покровителемъ учености, любителемъ и споспѣшествователемъ народнаго просвѣщенія. Гр. Чернышевъ принадлежалъ къ числу самыхъ старыхъ масоновъ. Въ первый разъ слухи о масонствѣ дошли до правительства въ 1747 г., когда гр. Головина, служившаго въ прусскомъ войскѣ волонтеромъ и подозрѣваемаго въ исполненіи порученій Фридриха II при его дипломатическомъ агентѣ въ Петербургѣ, по повелѣнію Императрицы, допрашивали, кто изъ русскихъ въ масонахъ. Головинъ назвалъ себя и двухъ графовъ Чернышевыхъ (Захара и Ивана). Гр. Чернышевъ покровительствовалъ Новикову и друзьямъ его въ Москвѣ; по словамъ преемника его, кн. Прозоровскаго, онъ „окружилъ себя" мартинистами; правитель дѣлъ у него былъ Гамалея, адъютантъ И. П. Тургеневъ.

(9) Къ *стр. 20.*—Мать Хераскова была во второмъ бракѣ за фельдмаршаломъ кн. Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, отцомъ кн. Н. Н. и Ю. Н. Трубецкихъ. Такимъ образомъ князья Трубецкіе были родными братьями по матери Хераскова. Профес. П. Ил. Страховъ въ біографіи дяди своего, профес. П. Ив. Страхова, говоритъ, что „домъ кн. Трубецкой славился блестящими собраніями особъ высшаго, избраннѣйшаго общества; кромѣ того здѣсь, съ отмѣннымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ достоинствамъ талантовъ, принимались и ученые профессоры, извѣстные стихотворцы, отличные художники, музыканты, актеры, иностранные путешественники. Въ этомъ кругу театральныя представленія были уважены болѣе другихъ увеселеній, и благородными особами разыгрывались русскія и французскія лучшія піэсы" („Біогр. словарь профес. Москов. университета", II, 448).

(10) Къ *стр. 21.*—Прокоповичъ-Антонскій былъ сынъ малороссійскаго священника изъ дворянъ, который имѣлъ небольшое имѣніе въ Прилуцкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Антонскій прибылъ въ университетъ, когда Шуваловъ, для пополненія недостатка слушателей, выписалъ, чрезъ посредство Бантышъ-Каменскаго, до ста студентовъ изъ разныхъ семинарій и 12 способнѣйшихъ изъ Кіевской академіи. Прокоповичъ-Антонскій занялъ въ университетѣ мѣсто профессора энциклопедіи и натуральной исторіи, которую онъ первый сталъ преподавать на русскомъ языкѣ. Антонскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ секретаремъ куратора Мелиссино и преподавалъ естественную исторію въ благородномъ пансіонѣ, а потомъ, въ 1791 г., назначенъ его инспекторомъ, затѣмъ переименованъ главнымъ смотрителемъ и наконецъ директоромъ. Антонскій изложилъ свои мысли о воспитаніи въ замѣчательномъ сочиненіи „О воспитаніи", изданномъ Ив. Давыдовымъ (Москва, 1818 г.).

(11) Къ *стр. 23.*—Въ благородномъ пансіонѣ, по спискамъ, веденнымъ Прокоповичемъ-Антонскимъ, получили образованіе: *литераторы и писатели*: Жуковскій, Кайсаровъ, Хвостовъ, А. И. и Н. И. Тургеневы, Родзянко, Граммотинъ, Воейковъ, Свиньинъ, Макаровъ, Милоновъ, Писаревъ, Авр. Норовъ, кн. Одоевскій, Баратынскій, Грибоѣдовъ, М. Дмитріевъ, Вельтманъ, Лермонтовъ, Строевъ, Шишковъ, Якоби, Калайдовичи, Карловичъ, Курбатовъ, Ознобишинъ, Шевыревъ, профес. Гольдбахъ сынъ, кн. Шаховской, Жихаревъ; изъ *высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ*: Дашковъ, Титовъ, Ермоловъ, Инзовъ, Пряниниковъ, Дм. Ал. и Н. Ал. Милютины, Татариновъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій и мн. др. На золотой доскѣ въ пансіонѣ были записаны: сенаторъ Озеровъ, Магницкій, Кайсаровъ, Воейковъ, Жуковскій, Свиньинъ, Дашковъ, Писаревъ, Одоевскій, Шевыревъ, Титовъ.

(12) Къ *стр. 26.*—Кромѣ поименованныхъ въ текстѣ повременныхъ изданій, Академія Наукъ въ XVIII столѣтіи печатала еще: 1) Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наукъ на 1726 г., 1 ч.; 2) Содержаніе ученыхъ разсужденій Академіи Наукъ, 1748—1754 гг., 4 тома безъ означенія года; 3) Примѣчанія о разныхъ матеріяхъ. Москва, 1766; 4) Библіотека Россійская историческая, 1767; 5) Академическія извѣстія, 1779—1781; 6) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцесловов, 1785—1793; 7) Новыя ежемѣсячныя сочиненія, 1786—1796; 8) Россійскій Ѳеатръ, 1786—1794; 9) Собраніе географическихъ, астрономическихъ и физическихъ примѣчаній, 1781—1791,—перепечатка стараго; 10) Академическія сочиненія, выбранныя изъ 1 тома „Nova Acta Academiae Petropolit.", 1801; 11) Ученыя извѣстія, прибавленія къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" 1802 года.

(13) Къ *стр. 27.*—Первый кадетскій корпусъ былъ первое высшее учрежденіе для общаго образованія дворянскаго сословія: изучить начальную его исторію значитъ прослѣдить возникновеніе у насъ на первыхъ порахъ просвѣщенія среди дворянства. Достаточно указать, что въ корпусѣ возникли первый частный журналъ и первый драматическій писатель. Корпусъ основанъ по мысли гр. Ягужинскаго, предложившаго Аннѣ Іоанновнѣ устройство двухъ корпусовъ на 500 человѣкъ дворянъ, по примѣру существовавшихъ въ Даніи и Берлинѣ, которые онъ изучилъ во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ и въ пятилѣтнее пребываніе въ Берлинѣ въ качествѣ посла. Указъ объ учрежденіи корпуса послѣдовалъ 29 іюля 1731 г. на 200 человѣкъ дворянъ, для приготовленія ихъ какъ въ военную, такъ и въ гражданскую службу. Учрежденіе корпуса по образцу Копенгагенскаго и Берлинскаго поручено было Миниху; въ первый же годъ число кадетъ превзошло штатное положеніе на 200 человѣкъ и потому 12 мая 1732 г. къ прежнимъ двумъ ротамъ прибавлена третья, а 14 іюля 1732 г. открыты классы, названные „рыцарскою академіею". Корпусъ съ самаго начала наполнился дѣтьми титулованныхъ и самыхъ знатныхъ фамилій русскаго дворянства, въ числѣ которыхъ относительно крупное участіе приняли дѣти остзейскаго дворянства. Манифестомъ 18 февраля 1762 г. повелѣвалось, чтобы всѣ дворяне, имѣющіе за собою не болѣе тысячи душъ, предъявляли своихъ сыновей къ записыванію въ кадетскій корпусъ, и тогда же число кадетъ увеличено до 600 человѣкъ. Въ 1766 году управленіе корпуса перешло къ И. И. Бецкому, который составилъ для него замѣчательный уставъ (11 сентября 1766 г.), и кадетскій корпусъ переименованъ въ Императорскій сухопутный Шляхетный кадетскій. Золотымъ вѣкомъ корпуса признается начальствованіе гр. Ангальта (1786—1794): значительное число воспитанниковъ корпуса, занявшихъ видныя мѣста въ военной и гражданской службѣ, подало императрицѣ Екатеринѣ поводъ назвать корпусъ „разсадникомъ великихъ людей". Изъ указа 10 сентября 1737 г. (П. С. З., 7369) видно, что курсъ ученія, при самомъ учрежденіи корпуса, составляли слѣдующіе предметы: языки—русскій, нѣмецкій, французскій и латинскій; универсальная исторія, *исторія нѣмецкаго государства*, политическая географія и познаніе ландкартъ; ариѳметика, геометрія, механика, фортификація и артиллерія; для нѣкоторыхъ кадетъ—логика, нравоучительная философія, физика и юриспруденція. Кромѣ того, обучались кадеты воинскимъ экзерциціямъ, танцованію, фехтованію, конской ѣздѣ и рисованію. На публичныхъ экзаменахъ должны были присутствовать одинъ изъ сенаторовъ, нѣкоторые изъ профессоровъ и учителей Академіи Наукъ, а также изъ Адмиралтейской академіи и Инженернаго корпуса. Указомъ 21 сентября 1742 г. (№ 9532) повелѣно было изъ числа кадетовъ, кои болѣе къ статскимъ дѣламъ склонны явятся, отдѣлить 24 человѣка и обучать одной юриспруденціи и ариѳметикѣ, нужныхъ къ гражданской службѣ частей, и для того въ другія науки, такожъ къ воинскимъ экзерциціямъ и на караулы не употреблять. Положено было этимъ кадетамъ по два дня въ недѣлю читать Уложеніе,

Генеральный Регламентъ и прочіе надлежащіе къ узнанію гражданскихъ правъ уставы, и регламенты, и указы; для сего повелѣвалось изъ обрѣтающихся не у дѣлъ статскихъ чиновъ опредѣлить достойнаго человѣка. Воспитаніе въ корпусѣ для того времени получалось серьезное и многостороннее. Отецъ мой воспитывался въ сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ: онъ любилъ и зналъ математику, превосходно зналъ французскій языкъ, знакомъ былъ вполнѣ съ французскою литературой и вообще въ обществѣ, среди котораго жилъ, выдѣлялся своимъ образованіемъ. Въ корпусѣ получили образованіе фельдмаршалъ кн. Прозоровскій (выпущ. 1736), *Ал. П. Сумароковъ* (1740), гр. Румянцовъ-Задунайскій (1740), извѣстный масонъ *И. П. Елагинъ* (1743), ген.-прокуроръ кн. А. Ал. Вяземскій (1747), *М. М. Херасковъ* (1751), фельдмаршалъ М. Ф. Каменскій (1755), Каховскій (1757) и Ферзенъ (1762)—оба отличились въ войнахъ съ Польшею, статсъ-секретарь Екатерины II Храповицкій (1766), *Вл. Ал. Озеровъ* (1787), *Ал. Хр. Востоковъ* (1794), *С. Н. Глинка* (1795), К. Ф. Толь (1796), *М. В. Крюковскій* (1793), *Ф. И. Глинка* (1803), *Булгаринъ* (1806), мореплаватель Коцебу (1806), бар. Н. И. Корфъ (1811). Учителями въ корпусѣ были, между прочимъ, Княжнинъ, Эминъ, Пермскій и Сѣчкаревъ (оба послѣдніе извѣстны какъ переводчики, первый—съ англійскаго); кромѣ того изъ числа воспитанниковъ корпуса вышли писатели: И. П. Елагинъ, Нартовъ, кн. Дм. Циціановъ, Ем. Порошинъ, воспитатель Павла Петровича Ник. Муравьевъ, Ад. Вас. Олсуфьевъ (впослѣдствіи сенаторъ, кабинетъ-министръ и членъ государственнаго совѣта), Ельчаниновъ, сочинитель и переводчикъ комедій, Каринъ, С. Глѣбовъ и другіе. Въ первое десятилѣтіе существованія кадетскаго корпуса (1732—1742 г.) въ немъ воспитывались слѣдующіе Кошелевы: 1) Андрей, сынъ отставнаго подполковника, вступилъ въ 1732 г., выпущенъ въ 1740 г. въ армію въ прапорщики, въ отставкѣ полковникъ; 2) Сергѣй—1736—1741 г., выпущенъ въ армію въ прапорщики,—о немъ въ особенности замѣчено, что онъ былъ добраго и смирнаго поведенія; 3) Борисъ Ѳедоровъ — 1737 — 1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики, состоялъ капитаномъ на Ладожскомъ каналѣ; 4) Василій—1737—1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики; 5) Дементій—1737—1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики.

([14]) Къ *стр. 29.*—Первый по времени сатирическій журналъ былъ „Всякая всячина" (1764), издававшійся Гр. Вас. Козицкимъ, воспитывавшимся въ Кіевской академіи и послѣ путешествія по Европѣ поступившимъ въ Академію Наукъ переводчикомъ, затѣмъ адъюнктомъ и впослѣдствіи сдѣлавшимся статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II. По многимъ соображеніямъ, въ этомъ журналѣ, который возникъ по мысли Екатерины, сама она принимала до нѣкоторой степени участіе. Продолженіемъ „Всякой всячины" служили: „Барышекъ всякой всячины", „И то, и сіе" (1769 г.), издателемъ былъ Михаилъ Дмитр. Чулковъ, первый собиратель этнографическихъ матеріаловъ; „Ни то, ни сіе", въ прозѣ и стихахъ (1769), издатель В. Гр. Рубанъ; „Полезное съ пріятнымъ" (1769), новое изданіе сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, гдѣ, помимо сатирическаго направленія, преобладали статьи характера педагогическаго и нравоучительнаго; „Поденщикъ" (1769), издатель оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ Вас. Туховъ; „Смѣсь" (1769), имя издателя неизвѣстно, а сотрудники скрывали себя за псевдонимами; „Трутень" (1769—1770), изданіе Н. И. Новикова; „Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ" (1769), издатель Ф. А. Эминъ; „Парижскій щепетильникъ" (1770), второй журналъ М. Д. Чулкова; „Пустомеля" (1770), имя издателя неизвѣстно; „Трудолюбивый Муравей" (1771), второй журналъ В. Гр. Рубана; „Вечера" (1772—1773), изданіе которыхъ приписывается нѣкоторыми Новикову, но безъ всякаго основанія; „Живописецъ" (1772—1773), издатель Н. И. Новиковъ; „Старина и Новизна" (1772—1773), третій журналъ Рубана; „Мешенина" (1773), авторъ не извѣстенъ, повидимому иностранецъ; „Кошелекъ" (1774), третій журналъ Н. И. Но-

никова. Изъ всего этого ряда особенное значеніе имѣютъ журналы Новикова и „Всякая всячина".

(15) Къ *стр. 32.*—Въ промежутокъ между изданіемъ своихъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ напечаталъ „Опытъ словаря Россійскихъ писателей" (1772), „Древнюю Россійскую Вифліофику" (съ 1773—1775), „Древнюю Россійскую нарографію" (1773); а затѣмъ онъ напечаталъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева" (1776), „Скиѳскую исторію стольника Андрея Лызлова" (1776) и „Повѣствователь древностей Россійскихъ" (1777). Въ 1777 году Новиковъ печаталъ ежедневное періодическое изданіе „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости", не доведенныя впрочемъ до конца года (26 нумеровъ), и наконецъ, въ томъ же году, ежемѣсячный журналъ „Утренній Свѣтъ", продолжавшійся до переѣзда Новикова въ Москву въ апрѣлѣ 1779 г. Такова непрерывная издательская дѣятельность Новикова въ С.-Петербургѣ.

(16) Къ *стр. 40.*—Этому нѣсколько противорѣчатъ другія извѣстія. Изъ донесенія кн. Прозоровскаго Екатеринѣ видно, что митрополитъ Платонъ отдалъ трехъ учениковъ семинаріи въ Педагогическую семинарію Шварца. Преподавалъ имъ лекціи Шварцъ; но *какъ онъ въ русскомъ языкѣ силенъ не былъ*, то они больше учились у другихъ профессоровъ (Пекарскій: „Допол. къ ист. мас.", стр. 129).

(17) Къ *стр. 43.*—См. Лонгиновъ, стр. 219. Въ „Дополненіяхъ" Пекарскаго сообщаются свѣдѣнія, на основаніи приложенія къ отношенію кн. Прозоровскаго, нѣсколько иначе: цифра пожертвованій Новиковымъ не обозначена, а сказано просто—„на нѣсколько тысячъ книгами и домъ"; кн. Трубецкіе пожертвовали 15.000, а не 10.000 р.; итогъ 62.500 р., а не 57.500 р.; въ текстѣ итогъ показанъ ошибочно—69.800 р. Кромѣ того членами типографской компаніи показаны Гамалея и Енгалычевъ—безъ капитала.

(18) Къ *стр. 44.*—Л. Н. Трефолевъ, въ статьѣ „Первый русскій провинціальный журналъ—„Уединенный Пошехонецъ" („Рус. Арх." 1879, III, стр. 88 и слѣд.), подробно разсмотрѣлъ этотъ журналъ, издававшійся въ 1786 г. въ Ярославлѣ. Редакторомъ его былъ поступившій секретаремъ въ Ярославскій приказъ общественнаго призрѣнія, бывшій студентъ Московскаго университета, Вас. Дем. Санковскій, сотрудникъ журналовъ, издававшихся въ Москвѣ Херасковымъ, и самъ издатель журнала „Доброе намѣреніе" (въ 1764 г.). Ярославскій журналъ основанъ былъ по желанію и подъ покровительствомъ тогдашняго намѣстника Мельгунова, отличавшагося меценатствомъ, подобно другимъ Екатерининскимъ вельможамъ, отчасти съ цѣлью прославленія собственныхъ своихъ подвиговъ; причемъ принималъ участіе въ журналѣ и мѣстный архіепископъ Арсеній Верещагинъ. Такимъ образомъ появленіе журнала совпадаетъ съ заведеніемъ въ Ярославлѣ вольной типографіи мѣстными помѣщиками, но не имѣетъ ничего общаго съ возникновеніемъ литературнаго общества. Послѣднее возникло въ Ярославлѣ послѣ открытія тамъ лицея, и притомъ изъ подражанія учрежденію Обществъ при Московскомъ университетѣ,—въ виду поощренія ихъ попечителемъ Муравьевымъ. Литературное Ярославское Общество прошло безслѣдно: по крайней мѣрѣ мѣстные изслѣдователи, къ которымъ я обращался (Е. И. Якушкинъ и Л. Н. Трефолевъ), не нашли никакихъ остатковъ его существованія. Между тѣмъ въ Суворинскомъ изданіи писемъ Мерзлякова послѣдній—не извѣстно по какимъ даннымъ—названъ членомъ Ярославскаго литературнаго Общества.

(19) Къ *стр. 46.*—Главными редакторами въ „Дѣтскомъ Чтеніи" были: Прокоповичъ-Антонскій, издавшій первыя четыре части, Подшиваловъ, Бобровъ, А. А. Петровъ и Карамзинъ. Участіе Карамзина начинается опредѣленно съ IX части, весь 1788 г. (или третій годъ изданія), и прекращается въ половинѣ 1789 года. Первыя восемь частей состоятъ отчасти изъ небольшихъ повѣстей для дѣтей, басенъ и сказокъ, отчасти изъ

коротенькихъ статей нравственнаго или дидактическаго содержанія, отчасти изъ научныхъ естественно-историческихъ очерковъ. Послѣдніе занимаютъ довольно значительную часть: наприм. о сахарѣ, о птичьей ловлѣ въ Америкѣ, о побужденіяхъ дикихъ животныхъ къ жизни, о магнитѣ, сѣверномъ сіяніи, о нѣкоторыхъ воздушныхъ явленіяхъ, разговоры о воздухѣ и т. п. Въ этихъ же частяхъ помѣщены разсказы изъ путешествій Кука и Васко де Гама въ Остъ-Индію. Откуда заимствованы эти статьи—не указано: по всей вѣроятности, статьи эти были не переводныя, а обработаны самими издателями и въ этомъ смыслѣ должны считаться оригинальными. Со вступленіемъ Карамзина, — который началъ работать въ журналѣ, повидимому, нѣсколько раньше IX книжки,—журналъ обращается въ сборникъ исключительно переводныхъ статей: для самого Карамзина журналъ служилъ школою, гдѣ онъ учился переводить, и свои переводы въ „Дѣтскомъ Чтеніи" Карамзинъ самъ называетъ ученическими. Въ IX—XV частяхъ Карамзинъ помѣстилъ переводы сочиненія Жанлисъ „Les Veillés litteraires" подъ именемъ „Деревенскихъ вечеровъ", причемъ онъ перемѣнилъ только имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстопребываніе разскащиковъ и разскащицъ, но оставилъ неприкосновеннымъ содержаніе; кромѣ того, онъ заимствовалъ нѣсколько повѣстей изъ сочиненій той же Жанлисъ „Nouveaux contes moraux"; въ этихъ же частяхъ Карамзинъ помѣстилъ переводъ поэмы „Времена года" Томсона и его заключительный гимнъ. Въ послѣдующихъ книжкахъ Карамзинъ помѣстилъ нѣсколько статей изъ сочиненія Боннета—„Contemplations de la nature („Дѣт. Чтен.", ч. 18 и 19) и статью „Рейнскій водопадъ". Галаховъ предполагаетъ, что Карамзину принадлежатъ также оригинальная повѣсть „Евгеній и Юлія" (ч. 18) и статья „Прогулка" (тамъ же). Журналъ и послѣ удаленія Карамзина, оставшійся подъ редакціею Петрова, удержалъ до конца тотъ же переводный характеръ, причемъ указаны иностранныя изданія, послужившія оригиналомъ: „Бродяга" Джонсона; „Зритель" Аддисона; „Ганноверскій Магазинъ"; „Wochentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewöhner"; „Нѣмецкій Меркурій", издававшійся Виландомъ, откуда заимствовались статьи нравственно-философскаго содержанія; „Mémoires concernant l'histoire, les sciences etc. des chinois"; „Leipziger Wochenblatt für Kinder"; англійскіе журналы: „The Towns and Country Magazine, the Universal Magazine, New London Magazine". Помѣщались переводы отдѣльныхъ небольшихъ произведеній, какъ наприм. драма Вейсе „Аркадскій памятникъ", „Геснерова смерть" изъ „Mercure de France", „Журналъ Сентъ-Прентиса", изданный въ Лондонѣ въ 1782 г. и содержащій описаніе кораблекрушеній близъ Королевскаго острова или Капъ-Бретона, отрывокъ изъ сочиненія Рецера „о стремленіи подражать иностранцамъ" и т. д. (см. статью о Карамзинѣ Галахова—„Соврем." 1853 г., № XI, стр. 52—64).

(20) Къ *стр. 48.*—Сотрудники Новикова по изданію переводовъ и журналовъ поименованы у Лонгинова: „Новиковъ и мартинисты", стр. 226; Шевыревъ: „Исторія Московскаго университета", 257—261.

(21) Къ *стр. 52.*—Вас. Серг. Подшиваловъ (1765—1843) отцомъ своимъ, изъ рядовыхъ, по недостатку средствъ, отданъ былъ шести лѣтъ учиться грамотѣ къ дьячку, потомъ онъ былъ записанъ въ Университетскую гимназію, а въ 1782 г. произведенъ въ студенты университета и поступилъ учителемъ русскаго языка и логики въ Университетскій пансіонъ; въ 1785 г. Подшиваловъ былъ уволенъ отъ званія учителя и поступилъ въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1788 г. актуаріусомъ, а въ 1795 г. сдѣлался переводчикомъ. Въ 1795 г. Подшиваловъ вышелъ изъ архива Министерства Иностр. Дѣлъ и поступилъ въ Московскій воспитательный домъ, оттуда переведенъ инспекторомъ Коммерческаго училища въ Москвѣ, по переводѣ же училища въ Петербургъ переведенъ туда, сдѣланъ директоромъ и умеръ въ этой должности въ С.-Петербургѣ („О жизни и сочинен. Подшивалова" В. Измайлова—„Вѣстн. Евр." 1844 г.,

ч. 76, № 13, стр. 25 и слѣд.). По собственному показанію („Москвит." 1842 г., I, 178—230), первый ученическій трудъ Подшивалова былъ „Аполлодора Афинейскаго двѣ книги—о богахъ", отчасти съ греческаго, но больше съ латинскаго, изд. Новиковымъ (М. 1787, Сопик. № 1999). Какъ членъ студентскаго собранія при университетѣ, Подшиваловъ участвовалъ въ *изданіяхъ отъ онаго*: „Покоющемся Трудолюбцѣ", „Магазинѣ натуральной исторіи, физики и химіи", въ „Чтеніи для сердца, разума и чувствованій", гдѣ „довольно разбросано моихъ переводовъ и собственныхъ отрывковъ въ прозѣ и стихахъ". Подшиваловъ говоритъ, что первыя 4 книги послѣдняго журнала выданы были „отъ студентскаго собранія вообще", а послѣднія четыре—редактировались Подшиваловымъ. Кромѣ того Подшиваловъ лѣтъ шесть издавалъ „Политическій журналъ" вмѣстѣ съ профессорами Сохацкимъ и Гавриловымъ; былъ редакторомъ 8 книжекъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени", причемъ „каждую изъ частей я написалъ собственнымъ возглашеніемъ и помѣстилъ не мало отрывковъ, буквою В. П. означенныхъ"; издалъ 10 книжекъ избранныхъ повѣстей Мейснеровыхъ. При переходѣ въ Архивъ Иностранной коллегіи, Подшиваловъ перевелъ „Книгу премудрости и добродѣтели, или индѣйское нравоученіе", „Трактатъ о моральной философіи" лорда Честерфильда и Кантову „Дѣтскую психологію"; продиктовалъ своему ученику Скворцову, изданный послѣднимъ, „Курсъ россійскаго слога". Есть нѣсколько пьесъ Подшивалова и въ „Московскомъ журналѣ" Карамзина, между прочимъ рецензія на Палафата, переведеннаго Туманскимъ. Замѣчательно, что въ своей автобіографіи Подшиваловъ ничего не говоритъ объ изданіи, подъ его руководствомъ, трудовъ воспитанниковъ Университетскаго благороднаго пансіона, а именно „Распускающагося Цвѣтка", какъ это обыкновенно ему приписывается. Литературное значеніе Подшивалова Гротъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, какъ въ чувствительномъ его направленіи, такъ и въ слогѣ, хотя Подшивалову и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи Карамзина. Въ книгѣ „Начальныя основанія россійскаго слога", изданной Скворцовымъ, но принадлежащей Подшивалову, онъ, въ послѣдній годъ царствованія импер Екатерины II,—слѣдов., задолго до Шишкова,—осуждалъ „тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или выпечены молодыми, богатства нашего незнающими людьми, безъ всякой нужды и по одной безвременной щепетильности, чтобы чрезъ то выказать себя или представить что-либо особенное. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ и жалко, если послѣдуетъ тѣмъ молодый съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невѣроятны, а отчасти совершенно смѣшны" (Я. Гротъ: „Филологическія розысканія", изд. 2, т. I, стр. 81—86).

(22) Къ *стр. 55*.—Разсужденіе кард. Берни до такой степени понравилось въ то время, что дважды было напечатано въ одномъ и томъ же журналѣ, причемъ, конечно, между обоими переводами прошло нѣсколько лѣтъ.

(23) Къ *стр. 58*.—Интересно, что въ это время впервые занесена была въ Россію рулетка, вскорѣ вошедшая въ общее употребленіе. Въ IV части „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій" (1792 г., стр. 206) появилась статья подъ заглавіемъ „Вертушка игрушка (Roulette)". Отсюда видно, что рулетка появилась въ Москвѣ въ половинѣ Великаго поста 1792 года и „доставленіемъ въ сіе по истинѣ скучное время пріятной забавы городу заслужила то, чтобы предать это для памяти потомству". По этому поводу помѣщены: хвалебно-сатирическая прозаическая „пѣснь" Подшивалова, гдѣ между прочимъ указывается, „что рулетка произошла изъ колеблющихся нѣдръ Франціи", и „пѣсня" стихами неизвѣстнаго поэта. Вслѣдъ затѣмъ говорится, что „рулетка составляетъ теперь значительную вѣтвь торговли въ Россіи", а журналъ Крылова „Зритель" считаетъ ее уже однимъ изъ общераспространенныхъ золъ въ обществѣ. „При-

знаться, почтенные зрители, вы достойны сожалѣнія, когда не умѣете ворочать такимъ маленькимъ колесомъ; какъ же вамъ вертѣть колесомъ фортуны?... Ахъ, еслибы вы видѣли, какъ наша братія, молодежь, собравшись кучею, другъ предъ другомъ, вертятъ ли вертушкою, или головой, что все равно, падаютъ вверхъ, внизъ, вкось, перпендикулярно, горизонтально, вышибаютъ искусно карту изъ зубовъ или зубы съ картою, а для чего?—чтобы сбыть съ рукъ день, то-есть время столько вами прославляемое драгоцѣннымъ, а для насъ тягостное, потому что его дѣвать некуда.—Эй, господа ученые, возьмитесь за умъ! вѣдь наши вертушки похожи, право, на колесо фортуны; а для лучшаго сходства многіе дѣлаютъ ихъ изъ чистаго золота и осыпаютъ камнями" (II, стр 23 и 24). „Верченьемъ рулетки ничему нельзя научиться, кромѣ совершенной, неискореняемой праздности, которая войдетъ въ привычку" (стр. 26). Поэтому авторъ даже карты предпочитаетъ рулеткѣ.

(21) Къ *стр. 59.*—П. Ю. Львовъ началъ службу свою въ гвардіи, а оттуда перешелъ въ статскую службу и былъ нѣсколько лѣтъ губернскимъ прокуроромъ въ Спб. Онъ издалъ: „Роза и Селимъ", сельская повѣсть (Спб. 1790 г.); „Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки" (2 ч. Спб. 1794); „Алексисъ", пастушеская повѣсть изъ соч. Г. Леонарда (Спб. 1796); „Нума Помпилій" (Спб. 1803); „Храмъ славы россійскихъ героевъ отъ временъ Гостомысла до царствованія Романовыхъ" (Спб. 1803); новое изданіе „Храмъ Славы великихъ Россіянъ" (Спб. 1822), первая часть; „Картина славянской древности" (Спб. 1803); „Московскій Курьеръ", журналъ издававшійся въ 1805 и 1806 годахъ въ Москвѣ; „Пожарскій и Мининъ, спасители отечества" (Спб. 1810); „Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу", прочтенное въ Россійской академіи и принесшее автору награду золотою медалью"; „Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова" (Спб. 1812); „Дѣдовскія кресла", русская быль, особо помѣщена въ „Чтеніяхъ Бесѣды любителей русскаго слова"; „Великій князь Ярославъ I на берегахъ Волги, повѣствованіе о построеніи города Ярославля" (М. 1820). Львовъ умеръ въ 1825 г. въ крайней бѣдности, оставивъ многочисленное семейство, и похороненъ на счетъ литератора, въ домѣ котораго онъ былъ призрѣваемъ. Послѣ него осталось 8 рукописей и нѣсколько неизданныхъ сочиненій.

(22) Къ *стр. 74.*—Г. В. Гераковъ (1775—1838), сынъ грека изъ Мореи, воспитанникъ основаннаго при импер. Екатеринѣ II греческаго корпуса. Онъ долго былъ учителемъ исторіи въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ и въ частныхъ домахъ Петербурга, потомъ служилъ въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Сочиненія свои, преимущественно по русской исторіи, Гераковъ сбывалъ во всѣ журналы, но никто ихъ не бралъ, такъ что онъ издалъ „Россійскіе историческіе отрывки", не помѣщенные г. Жуковскимъ въ своемъ журналѣ „Вѣстникъ Европы" 1808 г., съ прибавленіемъ и того, что не помѣщено 1805 г. въ „Вѣстникѣ же Европы" К. Каченовскимъ (Спб. 1810). Сочиненія его перечислены въ „Справочномъ Словарѣ" о русскихъ писателяхъ и ученыхъ Геннади.

(23) Къ *стр. 79.*—Политическій журналъ существовалъ долгое время и выходилъ въ теченіе 38 лѣтъ подъ редакціей профес. Гаврилова, причемъ журналъ этотъ съ 1807 по августъ 1809 г. носилъ названіе „Географическаго журнала" или „Современной исторіи Свѣта", а съ 1809 г. переименованъ въ „Историческій, статистическій и географическій журналъ". Журналъ послѣ смерти профес. Гаврилова въ 1829 г. перешелъ къ его сыну, адъюнкту-профессору Ал. Матв. Гаврилову, который издавалъ его въ теченіе 2 лѣтъ и затѣмъ самый журналъ прекратился въ 1830 г. Журналъ представлялъ большею частью переводъ „Гамбургскаго Политическаго журнала" и другихъ современныхъ изданій, съ присовокупленіемъ небольшихъ оригинальныхъ статей самого издателя и лицъ присылавшихъ ему извѣстія. Въ изданіи этомъ былъ перерывъ въ

1812 г., когда Гавриловъ уѣхалъ въ Нижній и отказался отъ продолженія изданія. Въ этой крайности за изданіе взялся извѣстный Невзоровъ и велъ его въ теченіе полутора лѣтъ, начиная съ сентября 1813 г. Невзоровъ сопровождалъ переводныя статьи своими оригинальными разсужденіями и размышленіями и написалъ нѣсколько статей патріотическаго содержанія (см. біогр. Невзорова въ „Русск. Бесѣдѣ" 1856 г.).

(27) Къ *стр. 81.*— Страховъ получилъ въ свое время нѣкоторую извѣстность. „Цвѣтникъ", журналъ отличавшійся дѣльною и строгою для своего времени критикою, говоритъ по поводу разбора одного его сочиненія: „Г. сочинитель заслуживаетъ по справедливости не послѣднее мѣсто между хорошихъ нашихъ прозаическихъ писателей, коихъ гораздо менѣе можно насчитать, нежели стихотворцевъ" („Цвѣтн." 1810, № IV, 112). Дѣйствительно, Страховъ отличался большою наблюдательностію и, для своего времени, живымъ и легкимъ языкомъ. Кромѣ „Сатирическаго Вѣстника" Н. И. Страховъ издалъ: „Карманную книжку для пріѣзжающихъ на зиму старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и проч., или иносказательные для нихъ наставленія и совѣты" (М. 1791 г.), „Переписку Модъ", „Мои петербургскія сумерки" (Спб. 1810 г., 2 ч., напечатаны голубыми чернилами), „Разсматриватель жизни и нравовъ" (Спб. 1811).

(28) Къ *стр. 117.* — Г. Добролюбовъ говоритъ, что имени Василья Жукова не встрѣчается нигдѣ въ старинныхъ журналахъ („Совр." 1856, № 9, стр. 65, прим. 15), между тѣмъ В. Жуковъ помѣстилъ въ „Ипокренѣ" Сохацкаго: „пѣсню, три эпиграммы, молитву въ болѣзни и письмо въ огнѣ (ч. IV, 285, 287, 321, 335) и божество" (ч. V, 14).

(29) Къ *стр. 129.*—Гастано Филанджіери (1752—1788) былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ своего времени. Сочиненіе его „La Scienza della legislatione" (Неаполь, 1781—1788), переведенное на нѣмецкій и французскій языки (послѣдній переводъ изданъ съ комментаріемъ Бенжаменомъ Констанъ. Пар. 1822), написано подъ вліяніемъ Монтескьё; оно произвело большое впечатлѣніе не только въ Италіи, но во всей Европѣ, и возбудило сильную оппозицію въ Италіи дворянства и духовенства.

(30) Къ *стр. 130.*—См. примѣчаніе 25-е.

(31) Къ *стр. 132.*—Кромѣ поименованныхъ въ текстѣ повременныхъ изданій, въ теченіе XVIII вѣка выходили *въ С.-Петербургѣ*: 1) Труды Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 г.; 2) Старина и Новизна, изд. В. Г. Рубанъ, 1772—1773; 3) Собраніе Новостей, 1775—1776, редакторъ неизвѣстенъ; 4) Зритель Свѣта, 1775; 5) С.-Петербургское еженедѣльное сочиненіе, касающееся до размноженія домостроительства и распространенія общеполезныхъ знаній, 1778, изд. Авг. Вицманъ; 6) Что-нибудь, май — октябрь 1780, издатель неизвѣстенъ; 7) Отъ всего понемножку, двѣ книжки 1782; 8) С.-Петербургская Библіофика журналовъ, 1 кн. 1783, редакторъ неизвѣстенъ; 9) Растущій Виноградъ, 1785—1787, издававшійся отъ Главнаго Народнаго училища; 10) Зеркало Свѣта, 1786—1787, издававшееся Туманскимъ, сначала вмѣстѣ съ И. Ф. Богдановичемъ; 11) Лѣкарство отъ скуки и заботъ, 1786—1787, изд. Туманскій; 12) Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ, 1786, изд. П. Ф. Богдановичъ; 13) Утренніе Часы, изд. И. Г. Рахманиновъ, съ участіемъ Подшивалова и Лабзина; 14) Еженедѣльныя Извѣстія Вольнаго Экономическаго Общества, 1788—89; 15) Открытіе новаго изданія, 1788, двѣ тетрадки, издатель неизвѣстенъ; 16) Бесѣдующій Гражданинъ, 1789, изд. М. И. Прокоповичъ-Антонскій; 17) Россійскій Магазинъ, 1792—1794, изд. Ф. Туманскій; 18) С.-Петербургскій музыкальный магазинъ, 1794—1795, изд. Герстенбергъ; 19) Карманная книжка, или музыкальный альманахъ, 1795—96, изд. Герстенбергъ; 20) Магазинъ общеполезныхъ знаній, изд. Герстенбергъ; 21) Журналъ С.-Петербургскаго Итальянскаго театра; 22) Новости, 1799, ред. П. И. Голубковъ; 23) Что-нибудь

отъ безделья на досугѣ, 1800, изд. Н. П. Осиповъ; 24) Мой досугъ, 1801, журналъ нигдѣ не разысканный; 25) Правдолюбецъ, 1801; 26) Піерриды, 1802, изд. студентъ Ник. Яковлевъ; 27) Корифей, или ключъ литературы, 1802—1807, изд. Як. Анд. Галиновскій; 28) Записки дѣяній Имп. Вольн. Экон. Общества, 1802—1812;—*въ Москвѣ*: 1) Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1774—1783; 2) Музыкальныя увеселенія, изд. капел. Керцелли и Хр. Веверомъ, 1774; 3) Модное ежемѣсячное изданіе, 1779, по предположенію Неустроева, издававшееся Новиковымъ; 4) Разскащикъ забавныхъ басенъ, 1781, изд. Ал. Он. Аблесимовъ; 5) Избранная библіотека для христіанскаго чтенія, 1784, журналъ московскихъ мартинистовъ; 6) Магазинъ свободно-каменьщицкій, 1784, изданіе мартинистовъ; 7) Бесѣда съ Богомъ и размышленія о дѣлахъ Божьихъ, протоіерея І. І. Харламова, на иждивеніе Н. И. Новикова; 8) Магазинъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ модъ, 1791; 9) Дѣло отъ безделья, изд. А. Горд. Рѣшетниковъ, 1792 г.; 10) Еженедѣльникъ 1792, изд. В. Снятиновскій и Ф. Комаровъ; 11) Прохладные Часы, 1793, изд. Анд. Горд. Рѣшетниковъ; 12) Магазинъ музыкальныхъ увеселеній, 1795, редакторъ неизвѣстенъ; 13) Приношеніе религіи, духовный альманахъ, 1798—1801, издатель М. М. Вышеславцевъ; 14) Журналъ правовѣдѣнія на 1796, изд. Ал. Ал. Плавильщиковымъ; 15) Пантеонъ Россійскихъ авторовъ, 1801—1802, изд. Пл. Петр. Бекетовъ; 16) Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія, 1802—1804, изд. Вас. Степ. Кряжевъ, редакторъ Панкр. Плат. Сумароковъ;—*въ Ярославлѣ*: 1) Уединенный Пошехонецъ, 1786, редакторъ В. Д. Санковскій; 2) Ежемѣсячное сочиненіе, 1787, продолженіе предъидущаго;—*въ Тобольскѣ*: 1) Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену, 1789—1791, ред. Панк. Плат. Сумароковъ; 2) Библіотека ученая и пр., 1793—1794, изд. Панк. Сумароковъ.

(32) Къ *стр. 133*.—Кн. А. Н. Голицынъ былъ лично не расположенъ къ членамъ „секретнаго комитета",—нельзя придавать его характеристикѣ безусловно-вѣрнаго значенія, но нельзя также не принимать ее и вовсе въ соображеніе, такъ какъ Голицынъ коротко зналъ своихъ сослуживцевъ. По его отзывамъ, „кн. Чарторижскій оставался чистымъ полякомъ, мать его, политическая интриганка и гульливая полька, подъ страшною клятвою, обязала сына не любить Россію, постоянно злодѣйствовать, противиться ея пользамъ и величію". Что касается до Чарторижскаго, то онъ былъ, дѣйствительно, полякъ въ душѣ и не только не принималъ къ сердцу русскіе интересы, но даже нисколько не скрывалъ своей къ нимъ враждебности. Въ своихъ „Памятныхъ запискахъ", по случаю отъѣзда въ Петербургъ, онъ такимъ образомъ выражаетъ свои чувства: „Это двойное чувство, любви и ненависти, настолько было во мнѣ сильно, что мнѣ не случалось встрѣтить русскаго въ Польшѣ или другомъ мѣстѣ безъ того, чтобы кровь не бросилась мнѣ въ голову, безъ того, чтобы не поблѣднѣть и не покраснѣть, ибо всякій русскій мнѣ представлялся виновникомъ злополучія моей родины" („Mém. de Czartor.", I, 36). Новосильцевъ явился изъ Англіи съ запасомъ англоманіи и самыхъ свѣжихъ идей, на Хартіи основанныхъ, но не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника.—Гр. Строгановъ, воспитанникъ извѣстнаго революціоннаго дѣятеля Рота, довольно долго жившій съ нимъ въ Парижѣ во время революціи, былъ человѣкъ не такъ далекій.—Императоръ, по словамъ кн. Голицына, скоро самъ разочаровался въ своихъ совѣтникахъ и охладѣлъ къ нимъ. Мѣсто ихъ занялъ Сперанскій. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ трое были люди европейско-образованные, честные и искренне-благонамѣренные, какими они изображены въ „Запискахъ" Храповицкаго, но совершенно незнакомые съ условіями русской жизни.

(33) Къ *стр. 135*. — М. Н. Муравьевъ (1757—1807) уроженецъ г. Вологды, въ молодости служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, былъ воспитателемъ Вел. Кн.

Александра и Константина Павловичей (1785 г.), потомъ сенаторомъ (1800 г.), статсъ-секретаремъ (1801 г.), товарищемъ министра народнаго просвѣщенія въ 1802 г., а съ 1803 г. попечителемъ Московскаго университета. Первые труды Муравьева печатались въ журналѣ Новикова „Утреннемъ Свѣтѣ" (1778 г.), въ „Опытѣ трудовъ Россійскаго Вольнаго Собранія" (1778 и 1783 гг.), въ „Собесѣдникѣ" (1783 г.) и въ „Аонидахъ" (1797 г.). Отдѣльно изданы: 1) Басни въ стихахъ, Спб. 1773 г.; 2) Переводныя стихотворенія, Спб. 1783 г.; 3) Военная пѣснь, стихотвореніе, Спб. 1774 г.; 4) Петровія Арбитра, гражданская брань, поэма, изд. л.-гв. Измайловскаго полка капитенармусъ М. Муравьевъ, М. 1774 г.; 5) Похвальное слово М. В. Ломоносову, соч. капитенармуса Муравьева, М. 1774 г.; 6) разныя оды, Спб. 1775 г.; 7) Ода Ея Императорскому Величеству Императрицѣ Екатеринѣ II по замиреніи Россіи съ Портою Оттоманскою; 8) Опыты исторіи писменъ и правоученія, Спб. 1796 г. (2-е изданіе Опыты исторіи, словесности и правъ, М. 1870 г., гдѣ встрѣчаются его замѣчанія по русской исторіи); 9) Обитатели предмѣстія и Эмиліевы письма, издано послѣ его смерти, М. 1810 г. и Спб. 1815 г. Полное собраніе сочиненій издано Карамзинымъ, 3 ч., Спб. 1810 г.; 2-е изд. съ письмомъ къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ Муравьева—Батюшковымъ, Спб. 1819—20 г. Карамзинъ заключаетъ свое предисловіе къ изданію сочиненій Муравьева слѣдующими знаменательными словами: „страсть къ ученію равнялась со страстью къ добродѣтели". Въ „Полномъ собраніи сочиненій Муравьева" помѣщены слѣдующія статьи: „Обитатель предмѣстія; Эмиліевы письма; Тетрадь для сочиненій; Доброе дитя, драмматическая сказочка; Оскольдъ, повѣсть почерпнутая изъ остатковъ древнихъ готфскихъ скальдовъ; Разговоры мертвыхъ; Опыты исторіи; Эпохи Россійской исторіи; Письма къ молодому человѣку о предметахъ, касающихся исторіи и описанія Россіи; Краткое начертаніе Россійской исторіи; Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство; Различныя черты изъ землеописанія россійскаго; Древнія области Новагорода; Историческое обозрѣніе Россіи въ XVII вѣкѣ; Присвоеніе европейскихъ нравовъ" и другія мелкія статьи по русской исторіи и географіи; вся третья часть наполнена мелкими статьями по этикѣ (ученію о нравственности), юриспруденціи, филологіи, логикѣ, риторикѣ и характеристикѣ отдѣльныхъ выдающихся лицъ въ исторіи нашей и европейской литературы. Остались не напечатанными въ этомъ изданіи нѣсколько пѣсней, поэма „Полтавская побѣда" и переводъ на латинскій языкъ поэмы Ломоносова „Петръ Великій". Муравьевъ, безспорно, былъ одною изъ самыхъ свѣтлыхъ и образованныхъ личностей своего времени. Даже, Чарторижскій, въ своихъ „Записк.", говоритъ о немъ: „это былъ *достойный человѣкъ*, какъ говорили, образованный, но настолько робкій, что оказывался неспособнымъ къ дѣламъ" (?) (? I, 118).

(24) Къ *стр. 136.*—Въ „Исторіи царствованія императора Александра I" Богдановича (I, 142) сказано, что для устройства университетовъ главное управленіе училищъ приступило къ разбору общаго плана народнаго образованія, составленнаго, подъ руководствомъ коммиссіи училищъ, правителемъ дѣлъ ея, Вас. Наз. Каразинымъ. Членами главнаго управленія, *разсматривавшими Университетскій уставъ*, названы: Фуксъ, Озерецковскій, Яковичъ де Мирьево и Клингеръ. Прочіе члены—Чарторижскій и Потоцкій—занимались *проектомъ устава для университета* (?). Очевидно что здѣсь есть какая-то путаница. Въ „Исторіи Московскаго университа", составленной Шевыревымъ (стр. 316), помѣщено, что 18-го марта 1802 г. повелѣно было двумъ сенаторамъ, М. Н. Муравьеву и графу Потоцкому и при нихъ академику Фуксу составить особый комитетъ для разсмотрѣнія новыхъ уставовъ Академіи Наукъ, Академіи Россійской и Московскаго университета; письмоводителемъ въ комитетѣ назначенъ былъ коллежскій совѣтникъ Каразинъ, отъ университета командированъ былъ въ члены комитета проф. Баузе.

(35) Къ *стр. 137.*—Фишеръ пользовался европейскою извѣстностью еще до прибытія въ Россію. Еще въ молодости онъ сошелся въ Іенѣ съ Гёте и Шиллеромъ; онъ былъ ученикомъ знаменитаго геолога Вернера во Фрейбургѣ, гдѣ подружился съ Гумбольдтомъ, Бухомъ, Фрейслебеномъ, Тиле, тогда только еще готовившимися къ поприщу. Въ Парижѣ, подъ близкимъ и непосредственнымъ руководствомъ Кювье, Фишеръ изучалъ науку, которая впослѣдствіи доставила ему славу русскаго Кювье.—Гольдбергъ, кромѣ другихъ астрономическихъ наблюденій, издалъ въ 1799 г. извѣстный въ свое время небесный атласъ для любителей астрономіи и совершилъ путешествіе въ Африку.—Гофманъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ ботаниковъ своего времени: онъ еще въ Германіи произвелъ замѣчательное изслѣдованіе надъ тайнобрачными ворстами (lichenes), написалъ исторію ивъ (Historia salicum) и германскую флору; въ Россіи онъ занимался изслѣдованіемъ надъ зонтичными растеніями и напечаталъ описаніе аптекарскаго сада, купленнаго университетомъ (Hortus Mosquensis, 1808 г.).—Буле, кромѣ другихъ своихъ трудовъ по классической древности и „Теоріи философіи и ея исторіи", извѣстенъ критическимъ изданіемъ сочиненій Аристотеля.—Грельманъ написалъ знаменитый въ свое время и переведенный на французскій и англійскій языки,—что тогда было рѣдкостью,—„Историческій опытъ о цыганахъ" 1783 года и всеобщую статистику Нѣмецкой имперіи, подъ заглавіемъ „Historisch - statistisches Handbuch Deutschland", I t. 2 изд. 1801 года.—Рейнгардъ издалъ въ Германіи нѣсколько сочиненій о различныхъ предметахъ богословскихъ и философскихъ.—Рейсъ, приватъ-доцентъ Геттингенскаго университета, былъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своимъ клиническимъ изслѣдованіемъ лимфы и кишечнаго сока лошади.—Меньшею извѣстностью за границей пользовались: Шлецеръ, который самъ выразился, что онъ былъ приглашенъ вѣроятно болѣе по уваженію имени, нежели по личному его достоинству, и профессора Иде, Штельцеръ, Турнейзенъ и Ульрихсъ.

(36) Къ *стр. 139.*—Кто былъ этотъ проѣзжій чрезъ Лейпцигъ, имѣвшій вліяніе на Радищева и его товарищей, до сихъ поръ не разъяснено. Изъ житія Ѳедора Васильевича Ушакова, написаннаго Радищевымъ (II, стр. 296—320), видно, что проѣзжавшіе чрезъ Лейпцигъ русскіе путешественники, болѣе или менѣе подчинявшіеся модному въ то время увлеченію французскою философіей, вступали въ сношенія съ русскою молодежью, учившеюся въ Лейпцигѣ. Шуринъ какого-то генералъ-поручика, молодой гвардейскій офицеръ, потѣшался надъ приставленнымъ для надзора за студентами гофмейстеромъ Бокумомъ. Одинъ русскій сановникъ О. сблизился съ Ушаковымъ, проводилъ съ нимъ цѣлые вечера и даже обѣщалъ ему свое покровительство. Этотъ О. познакомилъ Ушакова съ книгою Гельвеція „о разумѣ".

(37) Къ *стр. 141.*—Біографическія свѣдѣнія о Полѣновѣ напечатаны въ „Рус. Арх." 1865 г. (557—614). Отсюда видно, что Полѣновъ происходилъ изъ костромскихъ дворянъ, но не сказано, что онъ родился въ Костромѣ. Первоначально Полѣновъ обучался въ Академической гимназіи въ Спб., потомъ въ существовавшемъ недолго при академіи университетѣ, а за тѣмъ отправленъ въ Страссбургъ, откуда перешелъ въ Геттингенъ, гдѣ, по его отзыву, „Юристическій факультетъ до такого, какъ сказываютъ, доведенъ совершенства, что никакой другой университетъ въ разсужденіи сего не можетъ съ нимъ сравниться". Тамъ же (511—540) напечатана записка В. Я. Полѣнова *О крѣпостномъ состояніи въ Россіи.*

(38) Къ *стр. 141.*—О Геттингенскомъ университетѣ помѣщено извѣстіе Фрейганга, переводчика Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ „Вѣст. Евр." 1803 г., №№ 23 и 24, стр. 166.—Проф. Плисовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по погрому, произведенному въ Петербургскомъ университетѣ Руничемъ, также слушалъ лекціи въ Геттингенѣ. Изъ Геттингена въ Казанскій университетъ поступилъ проф. Германъ, ученикъ Гейне и из-

вѣстный уже въ Германіи своими учеными трудами. Его старанія подвинуть недостаточное обученіе латинскому языку въ гимназіи и съ этою цѣлью устроить при университетѣ классическую педагогическую семинарію остались безъ послѣдствія. Оттуда же переѣхалъ въ Казань извѣстный медикъ и профессоръ натуральной исторіи Фуксъ, одинъ изъ иностранцевъ, смотрѣвшій на Россію какъ на новое свое отечество, посильно потрудившійся и принесшій значительную пользу. Фуксъ былъ человѣкъ любимый и уважаемый въ Казани. Въ умственной жизни этого города Фуксъ и жена его, казанская урожденка, извѣстная своими стихотвореніями и сочиненіями объ инородцахъ, въ теченіе многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ такой общій, для всѣхъ свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ тѣ въ Казани, для которыхъ почему-либо были дороги умственные интересы (Бул., 110). Имя Фукса, какъ врача, было извѣстно всей Казани и любимо во всѣхъ общественныхъ слояхъ. При обширной своей практикѣ, при томъ всеобщемъ уваженіи, которымъ онъ пользовался за свое знаніе дѣла и дѣйствительное множество счастливыхъ случаевъ излѣченія, Фуксъ могъ бы нажить большое состояніе; но онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ и въ ту пору безкорыстнымъ врачамъ, не жалѣлъ для бѣдняковъ своего времени, и ту плату, которую онъ часто бралъ неохотно съ людей зажиточныхъ, раздавалъ людямъ неимущимъ (113). Къ тому же Геттингену принадлежалъ отчасти извѣстный учитель Гауса, профессоръ математики въ Казани Бартельсъ, изъ школы котораго вышли Лобачевскій и Симоновъ. Впрочемъ послѣдній былъ въ особенности обязанъ своимъ астрономическимъ образованіемъ Литтрову.

(39) Къ *стр. 142.*—Наука объ изящномъ первоначально занялась изысканіемъ техническихъ законовъ его проявленія, выведенныхъ изъ критическаго анализа самыхъ произведеній искусства. Начало этому положилъ Аристотель, самыми крупными подражателями котораго въ классической древности были Цицеронъ, Горацій, Квинтиліанъ, Лонгинъ, а въ періодъ французскаго классицизма Буало (1636—1711) и Баттё (1713—1780). Въ особенности послѣдній долгое время былъ законодателемъ въ теоріи изящнаго не только во Франціи, но въ Германіи, Италіи и отчасти въ Англіи, пока продолжался періодъ новѣйшаго классицизма. Это должно приписать тому, что Баттё придалъ своимъ приложеніямъ строго систематическую обработку и въ своемъ сочиненіи обобщилъ теорію всѣхъ изящныхъ искусствъ, за исключеніемъ архитектуры и краснорѣчія, которыя онъ, въ качествѣ полезныхъ произведеній, не причислялъ къ искусствамъ, удовлетворяющимъ исключительно стремленію къ наслажденію, къ удовольствію. Баттё понималъ искусство какъ подражаніе *прекрасной природѣ*, но онъ не даетъ опредѣленія, что такое эта прекрасная природа. У насъ есть нѣсколько переводовъ Баттё „О наукахъ (свободныхъ), соч. г. Баттё, перевелъ съ франц. и дополнилъ примѣрами изъ лучшихъ россійскихъ писателей Арк. Степановъ (Спб. 1803 г.)"; это—отрывокъ изъ начальныхъ основаній словесности Баттё: „Начальныя правила словесности Баттё пер. съ франц. и прибавленіями умножилъ кандидатъ Дм. Облеуховъ, 4. ч. М. 1806 –1807 гг."; „Правила поэзіи, сокращенный переводъ Абб. Баттё, съ присовокупленіемъ россійскаго стихосложенія, А. Бунинной. Спб. 1808 г.". Особенною популярностью изъ представителей французской критики у насъ пользовался Лагарпъ, который въ своемъ лицеѣ представилъ полный и подробный историко-критическій обзоръ древней и новой литературы съ точки зрѣнія своей школы. Лагарпъ у насъ былъ переведенъ вполнѣ подъ заглавіемъ „Ликей", или курсъ словесности древней и новой, перев. съ франц. П. Карабановъ, П. Соколовъ, Ал. Никольскій и Дм. Соколовъ, изд. Россійской академіи, 5 ч. Спб. 1810—1814 гг. Кромѣ того А. С. Шишковъ издалъ еще раньше (въ 1808 г.) извѣстный свой переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями, послужившій для него аргументомъ въ его борьбѣ за искаженіе, по его мнѣнію, русскаго языка новѣйшими писате-

лями. Мартиновъ, какъ мы видѣли, былъ вѣрнымъ отголоскомъ Лагарпа на каѳедрѣ русской словесности и помѣстилъ сокращенное изложеніе Лагарпа, наполнившее бо́льшую часть журнала его „Лицей“ (1806), заимствовавшаго оттуда и самое свое названіе. Отрывки изъ Лагарпа встрѣчаются въ большинствѣ періодическихъ изданій того времени. Лагарпъ вообще пришелся по вкусу русской публикѣ и всѣ труды этого бездарнаго ерудита-консерватора нашли себѣ мѣсто въ тогдашнихъ переводахъ. Такъ изданы: Опроверженія злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія, пер. Як. Бардовскій, М. 1810 г.; Сокращенное сочиненіе г. Прево исторіи о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга, перев. съ франц. М. Веревкинъ, 22 ч. М. 1782—1787 г.; Гр. Вервикъ, траг. въ 5 дѣйствіяхъ, перев. съ франц. Осипъ Ширковъ, Спб. 1814 г.; „Филоктетъ“, трагедія Софокла, съ перевода Лагарпа перев. С. Т. Аксаковъ, М. 1816; „Черный рыцарь“, историч. романъ VIII столѣтія, содержащій не волшебныя, но удивительныя приключенія принца Британскаго, съ франц. М. 1876 г.; посланіе стихами гр. Шувалову.—Но классическая эстетика, останавливаясь на внѣшней сторонѣ искусства, на техникѣ самыхъ его произведеній, оставляла въ сторонѣ сущность его, т.-е. начало и источникъ чувства изящнаго въ самомъ человѣкѣ. На это обратилъ вниманіе еще въ древности Платонъ, который, въ своемъ „Симпозіонѣ“, первый указалъ присущее человѣку чувство изящнаго, въ смыслѣ *идей*; но Платонъ разсматриваетъ красоту и искусство только съ точки зрѣнія высшихъ цѣлей нравственности и государственнаго благоустройства, не *отдѣляя* отъ *блага* вообще. Въ XVIII столѣтіи французъ Дюбо (1670—1742) поставилъ своею задачей „придать искусству общее основаніе и отсюда вывести справедливость правилъ“. Начало и происхожденіе искусства Дюбо видѣлъ въ потребности человѣка къ живому услажденію своего существованія: искусство должно, въ обуревающихъ человѣка страстяхъ, выдѣлить доставляемыя имъ пріятныя ощущенія отъ дурныхъ послѣдствій, ихъ сопровождающихъ. Но объясненіе сущности изящнаго впервые предпринято было англійскими моралистами, которые положили начало психологическому изученію искусства, преслѣдуя происхожденіе его внутри самого человѣка, въ его духовной дѣятельности, чувствованіяхъ и ощущеніяхъ, его производящихъ и имъ производимыхъ. Самымъ выдающимся писателемъ въ области теоріи изящнаго былъ Бёркъ, который въ своей юности (въ 1756 году) написалъ пользовавшееся огромнымъ успѣхомъ сочиненіе: „Философское изслѣдованіе происхожденія нашихъ идей о высокомъ и прекрасномъ“. По его воззрѣнію духъ человѣческій имѣетъ двѣ существенно различныя, но одинаково важныя наклонности: наклонность къ самосохраненію и наклонность къ общественности, къ сознанію цѣлости и величія человѣчества. Первая служитъ основою чувства *возвышеннаго*, а вторая—чувства *изящнаго*, отличающагося тѣмъ, что оно есть безцѣльное и безстрастное созерцаніе. Сочиненіе Бёрка произвело вообще впечатлѣніе и имѣло большое вліяніе на Канта. Вслѣдъ за Бёркомъ изслѣдованія о художественномъ чувствѣ, или, какъ выражались тогда, о *вкусѣ* сдѣлались предметомъ изученія повсюду и въ Англіи явились нѣсколько послѣдователей Бёрка, изъ которыхъ самымъ распространеннымъ былъ Юмъ (Henry Home lord Kainus: „Elements of Criticism“, 1762—65). Вскорѣ въ Англіи появилась борьба съ классицизмомъ, которую, въ области теоріи изящнаго, въ числѣ другихъ, поддерживалъ Блеръ („Lectures on rhetoric and belles lettres“, 1783 года), который смотрѣлъ на литературу не какъ на декламаторское искусство, заботящееся только о красотѣ формы, установленной извѣстными правилами, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, и былъ теоретическимъ провозвѣстникомъ реальнаго направленія въ англійской литературѣ. Замѣчательно, что отрывки изъ Блера постоянно появлялись въ нашей журналистикѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сочиненія Блера послужили основаніемъ слѣдующимъ изданіямъ: „Опытъ рито-

рики", сокращенный изъ наставленій доктора Блера, переводъ съ англійскаго А. Вронскаго, Спб. 1791 г.; „Опытъ риторики", сокращенный большею частью изъ наставленій Блера, переводъ съ англійскаго А. К. и В. С. Спб. 1791 г.; „Опытъ о краснорѣчіи проповѣдниковъ", сочиненіе Блера, перевелъ свящ. Ив. Павинскій, Спб. 1800 г. Вліяніе англійской психологической школы въ теоріи изящныхъ искусствъ отразилось и на Германіи. Тамъ появилась школа философовъ-эклектиковъ, которая подчинилась вліянію различныхъ философскихъ системъ, появившихся во Франціи и въ Англіи, но старалась приложить ихъ къ основаніямъ господствовавшей тогда Лейбницъ-Вольфовской философіи. Въ теоріи изящнаго самымъ распространеннымъ изъ этихъ эклектиковъ былъ Зульцеръ (1720—1779), который отправлялся отъ положеній Вольфа, заимствовавъ нѣкоторыя положенія англійской школы, но все еще находился подъ сильнымъ вліяніемъ Баттё. На русскомъ языкѣ переводы Зульцера явились очень рано. Сюда относятся: „Разговоры о красотѣ естествъ", сочиненіе І. Г. Зульцера съ его же „нравственными разсужденіями о особенныхъ предметахъ естественной науки", перевелъ съ нѣмецкаго Мих. Протопоповъ, Спб. 1777 г.; „Сокращеніе всѣхъ наукъ и другихъ частей учености, въ коемъ содержаніе, польза и совершенство каждыя части сокращенно описываются", перевелъ съ нѣмецкаго Ив. Морозовъ, съ нѣмецкимъ подлинникомъ, М. 1787 г.; „Упражненіе къ возбужденію вниманія и размышленія", переводъ съ нѣмецкаго, 3 ч. Спб. 1801 г.; „Новая теорія удовольствій", сочиненіе Зульцера, перевелъ съ французскаго Ив. Левитскій, изданное главнымъ правленіемъ училищъ, Спб. 1813 г. Но главное сочиненіе Зульцера: „Allgemeine Theorie der Schönen Künste", 4 Bd., выдержавшее нѣсколько изданій и умноженное дополненіями Блаккенбурга (Zusätze 1796—8) и Шульце съ Дикомъ (Nachträge 1792—1808), осталось все-таки не переведеннымъ, поэтому гораздо важнѣе многочисленныя извлеченія изъ этого сочиненія, наполнявшія, какъ мы видѣли, страницы большинства современныхъ журналовъ. Однимъ изъ самыхъ поверхностныхъ, но весьма популярно излагавшихъ писателей былъ Ешенбургъ (1743—1820), познакомившій нѣмецкую публику со спеціальными трудами англійскихъ писателей по части изящныхъ искусствъ: Браунса, Вебса, Бернея (исторія музыки), Пристлея и Турдса, которые онъ перевелъ и снабдилъ примѣчаніями. Сочиненіе его „Опытъ теоріи и литературы изящныхъ наукъ" (1783 г., 5 изд. 1831 г.) переведено Мерзляковымъ подъ названіемъ „Краткое начертаніе теоріи изящной словесности, сочиненіе Ал. Мерзлякова", 2 ч. М. 1821—22 г. Затѣмъ изученіе эстетики въ Россіи обратилось къ новой системѣ, построившейся на духовно-идеальномъ началѣ,—системѣ, начало которой положилъ Кантъ, развилъ Шеллингъ и закончилъ Гегель. Основанная на этой системѣ „эстетическая критика" выразилась прежде всего въ программѣ шеллингистовъ и затѣмъ окончательно завоевала себѣ мѣсто въ лицѣ Бѣлинскаго.

(40) Къ *стр. 143.*—Въ біографіи профес. Шадена (въ „Біографическомъ Словарѣ" II, 567) въ числѣ руководствъ, служившихъ ему при преподаваніи, поименованъ между прочимъ Эрнести. Это безъ сомнѣнія Joh. Aug. Ernesti (1701—1781), который главнымъ образомъ извѣстенъ былъ какъ филологъ и богословъ, но въ то же время былъ и опытный педагогъ, выработавшій организацію саксонскихъ школъ, продержавшуюся съ 1743 до 1847 года и распространившуюся за предѣлы Саксоніи. Какъ руководство для школьныхъ учителей, онъ составилъ „Initia doctrinae solidioris" (1736—1783), гдѣ изложены были ариѳметика и геометрія по Евклиду и философія въ пяти отдѣлахъ по Вольфу. Это заставляетъ предполагать, что Шаденъ въ преподаваніи философіи придерживался главнымъ образомъ Вольфа, хотя цитаты въ рѣчахъ его и доказываютъ, что самъ онъ былъ знакомъ съ ученіемъ Канта.

(41) Къ *стр. 146.*—„Каппононіяновы доски" относятся къ XVII вѣку; у Ровинскаго показаны иконописцы, подписи которыхъ находятся на этихъ доскахъ: Сергѣй Василь-

евъ костромичъ (1670), Андрей Ильинъ московскій кормовый иконописецъ (1661—1670), Ник. Иван. Никторовъ (1689) („Зап. Археол. Общ. т. VIII; Ровинскій: „Исторія русск. школъ иконописанія", 134, 151 и 174).

(42) Къ *стр. 152.*—Р. Кобеко въ статьѣ „Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ XVIII в.", на основаніи свидѣтельства Бакмейстера („Russische Bibl.", 1778, Bd. V, S. 428), указываетъ, что подъ именемъ Англомана писалъ Мих. Иван. Плещеевъ, бывшій тогда совѣтникомъ посольства и избранный членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія 22 января 1775 г. Замѣтимъ кстати, что о трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія есть статья Стоюнина („Журн. М. Н. Пр." 1854 г., т. 84, № 11).

(43) Къ *стр. 156.*—Араповъ въ хроникѣ русскаго театра (стр. 177) называетъ членами бесѣды Державина, Хераскова, Шишкова, гр. Хвостова, кн. Шихматова, кн. Шаховскаго, Захарова, кн. Дм. П. Горчакова, Висковатаго, Гнѣдича, Крылова, Карабанова, Лабзина, В. М. Ѳедорова, Ильина, Ал. А. Писарева, Дмитревскаго, Ал. Як. Княжнина, Корсакова, Кат. Сем. Семенову. Всѣ они присутствовали на пробномъ чтеніи „Димитрія Донскаго" Озерова.

(44) Къ *стр. 158.*—Въ 1812 г. въ Харьковѣ учреждено Общество наукъ при университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ. Въ трудахъ этого Общества помѣщались сочиненія профессоровъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ и статьи, присылаемыя въ Общество по мѣстнымъ древностямъ и естественнымъ особенностямъ страны. Директоромъ отдѣла естественныхъ наукъ въ этомъ Обществѣ былъ профес. Осиповскій, а словесности—профес. Успенскій; труды Общества изданы были въ 1817 году—5 января 1819 г. въ Харьковскомъ университетѣ составилось дружеское общество любителей отечественной словесности, имѣвшее еженедѣльныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ декана словеснаго факультета Склабовскаго и подъ руководствомъ профес. Успенскаго и Дубровскаго, а нѣсколько лѣтъ спустя устроилось студентское сотоварищество любителей наукъ, составляющихъ философскій факультетъ. Въ „Трудахъ" харьковскихъ студентовъ любителей отечественной словесности, изданныхъ въ 1820 году, подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета", помѣщались переводы изъ Лукіана, Лессинга (стихами), оригинальныя статьи преимущественно нравоучительнаго содержанія и отчасти историческія (сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ). Отдѣльною брошюрой изданы были сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Харьковскомъ университетѣ, съ описаніемъ казаковъ и восхваленіемъ въ стихахъ донскихъ осетровъ. Между 1814—1828 годами Общество нѣсколько лѣтъ не имѣло засѣданій, но въ послѣднемъ году положено было возобновить его. По примѣру харьковскихъ студентовъ, воспитанники Ришельевскаго лицея въ Одессѣ открыли содружество подъ названіемъ „Общество соревнователей общественной словесности", а лучшія изъ представляемыхъ сочиненій и переводовъ вносили въ особую книгу, называвшуюся Евксинскою музою.

Примѣч. 45-е пропущено.

(46) Къ *стр. 171.*—Знакомство наше съ Европою не обошлось безъ сильнаго распространенія у насъ мистицизма. Это и понятно. Просвѣщеніе вообще у насъ носило религіозный характеръ и потому естественно было взяться прежде всего за ту область западнаго просвѣщенія, которая тоже облекалась религіознымъ покровомъ и въ то же время стремилась дать отвѣтъ на всѣ самые сокровенные вопросы внѣшней природы и самой человѣческой жизни. Несостоятельность этихъ отвѣтовъ не могла обнаруживаться предъ людьми, не имѣвшими никакихъ научныхъ знаній; а смѣлость и таинственность отвѣтовъ невольно поражали воображеніе. Оттого западная мистическая литература начала у насъ распространяться очень рано и несравненно больше въ рукописныхъ спискахъ, нежели въ печатныхъ книгахъ. Повидимому, первымъ мистикомъ,

съ котораго у насъ началось знакомство съ западною мистическою литературой, былъ Іаковъ Бёмъ. Движеніе, возбужденное сочиненіями Іакова Бема, проникло въ Московскую Нѣмецкую Слободу. Квиринъ Кульманъ, пріѣхавшій туда въ 1689 году, нашелъ лицъ, знакомыхъ съ теософіей Бема и заинтересованныхъ квакерствомъ. Но, послѣ сожженія Кульмана и Нордермана, лютеранскій пасторъ тогдашней Нѣмецкой Слободы Мейнеке, который, вмѣстѣ съ іезуитами, былъ главнымъ виновникомъ казни Кульмана и Нордермана, писалъ Бреверу, что послѣдователи Бема скоро разсѣялись и опустили крылья (Тихонравовъ: „Квиринъ Кульманъ"—„Рус. Вѣстн." 1867 г., ноябрь и декабрь, стр. 593). Неизвѣстно, съ этого ли времени началось распространеніе сочиненій Бема на церковнославянскомъ языкѣ, или оно дошло какими-нибудь другими путями и можетъ быть ранѣе. Лабзинъ говоритъ (въ предисловіи къ своему переводу Бема „Путь ко Христу" 1815, XXIII—XXIV), что онъ видѣлъ въ Москвѣ славянскую рукопись, въ которой было написано крупными буквами: „иже во святыхъ отца нашего Іакова Бемена". У самого Лабзина была славянская рукопись, писанная четко уставцемъ,—переводъ изъ сочиненія Раймонда Люллія; сему автору придается также наименованіе Богомъ прославленнаго и Богомъ просвѣщеннаго учителя, хотя на нынѣшнемъ нашемъ языкѣ нѣтъ еще ничего переведеннаго или напечатаннаго изъ Раймонда Люллія. Обѣ эти рукописи Лабзинъ относилъ ко времени Кульмана. Интересно, что Фроманъ, разбирая библіотеку Як. Булгакова, также нашелъ, къ удивленію своему, русскій переводъ Люллія, но онъ не говоритъ—печатный или рукописный („Strictura de statu scient. et art. in imperio Rossico"). Молитвы Бема, для употребленія въ мистическихъ обществахъ, были тайно напечатаны Новиковымъ. По свидѣтельству того же Лабзина, „почти всѣ творенія Бема переведены на нашъ языкъ однимъ достопочтеннымъ старцемъ, который однакоже ничего своего въ свѣтъ издавать не любитъ". Г. С. П—въ („Библ. Зап." т. I, стр. 134) приводитъ рукопись подъ длиннымъ заглавіемъ: „Серафимскій цвѣтникъ или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бема, собранный" и пр. На заглавномъ листѣ поставленъ 1794. Выборка эта составлена у насъ въ Россіи и не имѣла соотвѣтственнаго ей подлинника за границей. Изъ этихъ примѣровъ видно, что рукописная мистическая библіотека была едва ли не обширнѣе печатной и во всякомъ случаѣ началась раньше послѣдней. Мы видимъ, что послѣднимъ и самымъ ревностнымъ представителемъ у насъ *западнаго мистицизма* былъ Лабзинъ. Но въ то же самое время мистицизмъ возникалъ у насъ и съ другой стороны. Мистико-аскетическое направленіе Восточной церкви, сосредоточенное главнымъ образомъ въ монастыряхъ, въ разное время проникло и къ намъ, создавъ у насъ цѣлую литературу рукописныхъ сборниковъ, гдѣ помѣщались переводы изъ учителей церкви и изъ разныхъ апокрифическихъ легендарныхъ сказаній. Въ разсматриваемое нами время этотъ притокъ мистическаго настроенія съ Востока получилъ новый толчокъ. Въ 1779 году въ Нямецкомъ монастырѣ, въ Валахіи, поселился старецъ Паисій Величковскій (1722—1794). Сынъ полтавскаго протопопа, Петръ, въ монашествѣ Паисій Величковскій, съ ранняго дѣтства обнаруживалъ наклонность къ созерцательному религіозному мистицизму и первоначально, оставивши кіевское училище, поступилъ въ Любецкій монастырь близъ города Любеча, надъ Днѣпромъ. Оттуда началъ онъ свое странствованіе по монастырямъ, сначала въ Россіи, а потомъ въ Валахіи и на Афонѣ. Гоненія уніатовъ, точно также какъ впослѣдствіи преслѣдованія раскольниковъ, вызвали основаніе пустынныхъ скитовъ въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ появлялись старцы-учители, распространявшіе свое нравственное духовное вліяніе. Однимъ изъ такихъ старцевъ былъ Паисій. На Афонѣ онъ образовалъ отдѣльный скитъ, или *келлію*, въ округѣ монастыря Пантократора; а потомъ, вслѣдствіе тѣсноты въ количествѣ 64 братій, возвратился въ Валахію. Здѣсь онъ окончательно утвердился въ монастырѣ Нямецъ, гдѣ число братій возросло до 500. Паисій вводитъ

во всѣхъ монастыряхъ общежительный уставъ, принесенный еще Ѳеодосіемъ въ Кіево-Печерскую лавру, и, занимаясь преимущественно чтеніемъ греческихъ церковныхъ учителей, перевелъ книгу „Добротолюбіе", гдѣ помѣщены отрывки изъ писаній Антонія Великаго, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, инока Ѳеофана, Исихія Іерусалимскаго, Каллиста патріарха, Петра Дамаскина, Нила Постника и др. Всѣ эти творенія содержатъ въ себѣ ученіе о созерцательной жизни, умерщвленіи плоти и умной молитвѣ, которая представляется главнымъ пріемомъ къ возрожденію. Инокъ Ѳеофанъ въ своей „Лѣствицѣ" такъ описываетъ степени восточнаго мистицизма: „первѣе есть молитва чистѣйшая, отъ нея же происходитъ сердечная нѣкая теплота; по ней же дѣйство странное и святое, также слезы божественныя сердечныя, ихъ же ради миръ многоразличныхъ помысловъ, изъ него же истекаетъ ума очищеніе и вѣдѣніе великихъ таинствъ, на немъ же странное осіяніе несказаннымъ образомъ (Ѳаворскій свѣтъ), отъ него же неизреченное сердца просвѣщеніе" („Добротолюбіе" I, 132). Славянскій переводъ „Добротолюбія" принесъ въ Россію ученикъ Паисія схимонахъ Аѳанасій въ 1791 году и на него обратилъ вниманіе тогдашній с.-петербургскій митрополитъ Гавріилъ, находившійся въ сношеніи съ Паисіемъ. По порученію Гавріила, книга „Добротолюбіе" въ переводѣ Паисія была разсмотрѣна въ Александро-Невской академіи, съ участіемъ находившихся въ Россіи учениковъ Паисія, и переводъ исправленъ профес. греческаго языка въ Троицко-Сергіевой семинаріи Я. Д. Никольскимъ; переводъ изданъ былъ въ Москвѣ въ 1793 году, а затѣмъ, по благословенію митрополита Филарета (въ 1822, 1832 гг., 5 изд. 1854 г.). Кромѣ того настоятелями въ разныхъ монастыряхъ были ученики Паисія, вводившіе его общежительный уставъ и распространявшіе „Добротолюбіе"; изъ этихъ монастырей самое важное значеніе пріобрѣли: Пѣсношскій монастырь Московской епархіи (настоятель Макарій 1788—1811), Софроньева пустынь (архим. Ѳеодосій съ 1788 г.), Оптина пустынь (іеромонахъ Леонидъ 1829—1841); изъ учениковъ Паисія Филаретъ въ 1791 году былъ іеродіакономъ Александро-Невской Лавры и участвовалъ въ разсмотрѣніи Паисіева перевода, а монахъ Навелъ умеръ въ Симоновомъ монастырѣ. „Добротолюбіе" имѣло огромное вліяніе на Сперанскаго и весь его мистицизмъ, изложенный въ письмахъ къ Цейеру, заимствованъ былъ оттуда. Такимъ образомъ Сперанскій у насъ былъ представителемъ восточнаго мистицизма и потому не сходился съ Лабзинымъ. Замѣчательно, что и Кирѣевскій, особенно въ сороковыхъ годахъ, былъ въ этомъ смыслѣ мистикомъ. Когда въ 1845 году Кирѣевскій взялъ въ свои руки „Москвитянинъ", въ апрѣльской книжкѣ онъ помѣстилъ житіе Паисія, а еще прежде участвовалъ въ изданіи, сдѣланномъ козельскою Введенскою Оптиною пустынью подъ заглавіемъ „Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго" (2 изд., М. 1847). „Добротолюбіе" было и въ библіотекѣ Александра Ивановича, но книга эта не произвела на него никакого вліянія, несмотря на его религіозное настроеніе. Замѣчательно, что конецъ XVIII столѣтія ознаменованъ появленіемъ у насъ мистическихъ сектъ (хлыстовской и скопческой) и—помимо тогдашней интеллигентной среды—въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ.

(47) Къ *стр. 221.*—Между прочимъ въ этомъ году помѣщенъ разборъ слѣдующихъ книгъ: „Прихотникъ, или календарь обыденія", Спб. 1809; „Плутархъ для юношества", изданный Петромъ Бланшардомъ, пер. съ франц., съ присовокупленіемъ жизнеописанія знаменитѣйшихъ россіянъ, М. 1809 г., 10 частей, пер. и дополненъ адъюнктомъ и докторомъ С. А. Немировымъ; „Статистическое обозрѣніе Сибири", по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1810 г.; „Мои петербургскія сумерки", соч. Ник. Страхова, 1810 г.; „Записки историческія, политическія и военныя о Россіи" Манштейна; „Потерянный рай", поэма Мильтона, нов. пер. съ англійскаго, М. 1810 г.; „Радамистъ и Зенобія", соч. Кребильона, пер. Ст. Висковатовъ; „Возвращеніе въ отечество любезнаго моего брата", брошюра на 11

страничкахъ, Спб. 1810 г.; „Ксенія и Темиръ", трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Спб. 1810 г.; „Электра и Орестъ", траг. соч. Ал. Грузинцева; „Критика" Воейкова и возраженія на эту критику М. С.—вмѣстѣ съ отвѣтомъ Воейкова; „о каруселяхъ" соч. В. Пушкина, М. 1811 г.; „Несторъ", русскія лѣтописи на славянскомъ языкѣ, пер. и объясн. Авг. Л. Шлецеромъ, перев. съ нѣм. Д. Языковъ, Спб. 1810 г.

(45) Къ *стр. 226.*—Вотъ перечень выходившихъ съ 1800 по 1812 г. въ столицахъ журналовъ: Спб. правительственные: „Повременное сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія", при Акад. Наукъ изд. акад. Озерецковской 1802—1810 гг., 43 книги; „С.-Петербургскій Вѣстникъ" 1804 г., ред. Баккаревичъ („Журн. Мин. Внут. Дѣлъ"); „Сѣверная Почта" 1809—1820 („Ж. М. В. Д."); „Conservateur impartial" 1812—1825 („Ж. М. И. Д."). „Русскій Инвалидъ" съ февраля 1813 г. началъ издавать Пезаровіусъ до 1821 г.; съ 1823 г. онъ поступилъ въ завѣдываніе А. Ф. Воейкова; „Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія" 1821—1825, подъ редакціею Н. Ф. Остолопова; „Journal de St.-Pétersbourg politique et litteraire" съ 1825 г., замѣнившій „Conservateur impartial".—Частные: А) Въ С.-Петербургѣ 1803 г.: „Свитокъ музъ", періодическое изданіе Общества любителей наукъ, словесности и художества (*2 книжки*); 1804 г.: „Сѣверный Вѣстникъ" издавалъ Ив. Ив. Мартыновъ (1804—1805); 1805 г.: „Журналъ россійской словесности", изд. Н. Брусиловъ; „Сѣверный Меркурій", изд. Вельяминовъ-Зерновъ (5 №); „Журналъ для пользы и удовольствія", изд. А. Варенцовъ (1 годъ); 1806 г.: „Лицей", издав. И. И. Мартыновъ; „Любитель словесности", изд. Н. Остолоповъ; „Сіонскій Вѣстникъ", изд. А. Ф. Лабзинъ подъ именемъ Θеопемпта Мисаилова и выпустилъ 8 книгъ; 1807 г.: „Геній временъ", начатый Θ. Шредеромъ и И. Делакруа. Въ 1808 г. къ Шредеру присоединился еще Гречъ, начавшій здѣсь редакторское поприще; съ 1809 г. вмѣсто этого журнала выдавался „Журналъ новѣйшихъ путешествій" (1809—1810); „Сѣверная Пчела", предполагавшаяся при С.-Петербургской гимназіи (1 книжка); „Драматическій Вѣстникъ", „Сѣверный Зритель"— неизвѣстно кѣмъ; „Сатирическій журналъ, театръ или зрѣлище людей нынѣшняго свѣта"; „Сатирическій журналъ", изд. М. Меморскій; 1809 г.: „Сѣверный Меркурій", изд. Арк. Лукницкій (1809—1811); „Цвѣтникъ", изд. въ 1809 г. А. Е. Измайловъ и Беницкій, а въ 1810 г. Измайловъ и Никольскій (1809—1810); 1810 г.: „Европейскій Музей, или извлеченіе изъ иностранныхъ журналовъ", изд. Шредеръ и Гречъ; „Журналъ для сердца и ума", изд. И. Шелеховъ (5 книжекъ); 1811 г.: „Улей", изд. В. Г. Анастасевичъ (много о польской литературѣ); 1812 г.: „С.-Петербургскій Вѣстникъ", изд. отъ Общества любителей наукъ, словесности и художества; „Сынъ Отечества", съ октября 1812 г. издававшійся Гречемъ.—Б) Въ Москвѣ: 1802 г.: „Вѣстникъ Европы", начатый Карамзинымъ; 1803 г.: „Московскій Меркурій", изд. П. И. Макаровъ; „Осенніе вечера", изд. В. Малиновскій (всего 8 №); 1804 г.: „Другъ просвѣщенія", издавали гр. Д. И. Хвостовъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ и гр. Салтыковъ (1804—1806,—три года); „Журналъ для милыхъ", изд. М. Н. Макаровъ; „Патріотъ въ пользу воспитанія", издавалъ В. В. Измайловъ; 1805 г.: „Журналъ новостей", извлеченныхъ изъ разныхъ періодическихъ изданій, составл. на франц. яз. Л. Ронка, а переводилъ его на русскій яз. Ф. Кабритъ; съ третьей книжки это изданіе получило титулъ „Журнала различныхъ предметовъ словесности", а на шестой книжкѣ скончалось; „Аврора", изд. профессоръ Рейнгардтъ Я. де Санглен (1805—1806); „Московскій Курьеръ", изд. П. Львовъ (1805—1806); 1806 г.: „Московскій Зритель", изд. кн. П. И. Шаликовъ; „Дамскій журналъ", изд. М. Н. Макаровъ; „Минерва", изд. профес. Побѣдоносцевъ; „Московскій Собесѣдникъ", кто издатель—неизвѣстно; 1807 г.: „Другъ юношества", изд. М. И. Невзоровъ (1807—1814); „Весенній Цвѣтникъ", изд. Андреевъ (2 книжки); 1808 г.: „Аглая", изд. кн. П. И. Шаликовымъ (1808—1812); „Парнасскій Мотылекъ", умершій на нѣсколькихъ листахъ; „Рус-

скій Вѣстникъ", изд. С. Глинкою; 1809 г.: „Московскій Вѣстникъ", изд. М. Н. Макаровъ (11 книжекъ); 1811 г.: „Журналъ драматическій", изд. М. Н. Макаровъ (?); 1812 г.: „Муза, или собесѣдникъ любителей древняго и новаго стихотворства", изд. И. Сирковъ.

(49) Къ *стр. 236.* — Здѣсь въ текстѣ произошла ошибка. У меня сказано, что В. И. Красовскій, бывшій однимъ изъ основателей Петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художества, *заслужилъ печальную извѣстность какъ цензоръ*. Некрологъ В. И. Красовскаго помѣщенъ Греченъ въ „Сынѣ Отечества" за 1825 годъ (№ IV, стр. 426 и слѣд.). В. И. Красовскій, сынъ придворнаго протоіерея и члена Россійской академіи, И. И. Красовскаго, родился въ Костромѣ въ 1782 г., обучался въ бывшей гимназіи С.-Пб. Академіи Наукъ съ 1790 по 1799 годъ, служилъ сначала переводчикомъ въ государственной Бергъ-коллегіи и канцеляріи бывшихъ начальниковъ ея Соймонова, Алябьева и Корсакова, потомъ съ 1804 по 1813 г.—секретаремъ С.-Пб. цензурнаго комитета. Въ 1813 г. Красовскій оставилъ службу вслѣдствіе болѣзни и умеръ въ Петербургѣ 22 ноября 1824 г. По отзыву Греча, онъ былъ одаренъ отъ природы отличными способностями, которыя усовершенствовалъ основательнымъ ученіемъ и безпрерывными занятіями литературой и наукою. Красовскій помѣстилъ въ „Свиткѣ музъ" (1802) стихотворенія: „Благополучіе въ уединеніи", „Осень" и „Осеннее чувство"; сверхъ того представилъ въ Общество „Разсужденіе о духовной словесности въ Россіи" и „Ведизарій, умирающій въ темницѣ"; перевелъ для Общества „разсужденіе объ англійской трагедіи". Во время службы въ Бергъ-коллегіи онъ печаталъ переводъ о минералогіи и горномъ искусствѣ академика Германа. Оставшійся послѣ смерти его переводъ Боссюэта „Discours sur l'histoire universelle" повидимому не напечатанъ. Въ „Сынѣ Отечества" за 1824 годъ помѣщенъ отрывокъ перевода стихами, подъ заглавіемъ „Зима", изъ поэмы Ст. Ламберта: „Четыре времени года" (№ 14, 418, и слѣд.). Цензоромъ, заслужившимъ печальную извѣстность, былъ *Александръ Ивановичъ Красовскій*. Скабичевскій въ „Очеркахъ цензуры" (XXXII) подробно разсматриваетъ цензурную дѣятельность А. И. Красовскаго, на основаніи воспоминаній о немъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" (т. IX, 107—140). Въ статьѣ „Русской Старины": „Александръ Ивановичъ Красовскій"—сказано, что Ал. Ив. Красовскій былъ сынъ протоіерея Красовскаго, окончилъ курсъ въ бывшей академической гимназіи, въ 1800 г. опредѣленъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную библіотеку, въ 1810 г. занялъ должность секретаря въ ней и въ 1821 г. назначенъ цензоромъ въ С.-Пб. цензурный комитетъ. Онъ умеръ 19 ноября 1857 г. Очевидно, Василій и Александръ Ивановичи Красовскіе были два лица совершенно разныя и обстоятельства жизни обоихъ спутаны и не разъяснены; были ли они родные братья—также неизвѣстно.

(50) Къ *стр. 264.* — П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1829) былъ съ 1798 по 1803 г. кураторомъ Московскаго университета, а съ 1810 по 1817 г. попечителемъ. Доносы свои на Карамзина Кутузовъ началъ еще со времени своего вступленія въ университетъ при императорѣ Павлѣ и обвинялъ Карамзина въ якобинствѣ. Въ 1810 г. Карамзину, только-что рекомендованному императору Александру великою княгинею Екатериною Павловною, предложено было званіе попечителя Московскаго округа, отъ котораго онъ отказался и получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степени. Кутузовъ въ это время хлопоталъ о мѣстѣ попечителя и, получивши его, поспѣшилъ сейчасъ же (10 августа 1810 г.) послать доносъ на Карамзина тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскому. Въ доносѣ онъ, между прочимъ, писалъ о Карамзинѣ: „не орденъ надобно бы ему дать, давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь. Карамзинъ цѣлитъ не менѣе какъ въ Сіэсы или въ первые

консули; это здѣсь (въ Москвѣ) всѣ знаютъ и всѣ слышатъ; я молчу и никому о семъ слова не писалъ, а къ вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, но объ университетѣ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить" (Н. А. Поповъ: „Исторія Общ. ист. и древн.", стр. 94, 100—102, 105 и 109).

(31) Къ *стр. 265*.—Вотъ перечень менѣе извѣстныхъ поэтовъ того времени: въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" напечатаны стихотворенія: Ахматова, Беницкаго, студента Педагогическаго института Александровскаго, Подзорскаго, Никифорова, Тейльса, студента Педагогическаго Института Левицкаго и Чернявскаго. Въ „Другѣ Просвѣщенія" помѣщали свои стихотворенія: А. Брежинскій, Дм. Вельяшевъ, Ал. Розановъ, Волковъ, В. Колосовъ, Гр. Городчаниновъ, Степановъ, П. Розановъ, Волковъ, Ал. Кутузовъ, Облеуховъ, П. Голубковъ, А. Кандорскій. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе: А. Палицынъ, Катер. Алферова, Уаръ Вощининъ, Анна Волкова, Врасскій, Бардовскій, М. Яблочниковъ, Ив. Колохольцевъ. Въ „Аглаѣ", въ стихотворномъ отдѣлѣ, принимали участіе: Волковъ, Д. Глѣбовъ, Ботаневецъ, М. Макаровъ, В. Шереметевскій, В. Козловъ, А. Нестеровъ, П. Головинъ, Ф. Рынковскій.

(32) Къ *стр. 275*.—Самъ Макаровъ въ статьѣ „Худая участь дамскихъ журналовъ въ Россіи" („Сынъ Отеч." 1817 г., № 32, стр. 220) называетъ свой „Журналъ для милыхъ"—„самымъ чернымъ пятномъ моему пятнадцатилѣтію".

(33) Къ *стр. 276*. — Подробныя свѣдѣнія объ Анастасевичѣ помѣщены у Венгерова („Критикобіографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ", вып. 12, 521—529).

(34) Къ *стр. 277*.—Въ „Благонамѣренномъ" (1826 г., № 111, стр. 190) разсказанъ такой анекдотъ о В. В. Попугаевѣ: „Пришелъ къ нему просить денегъ одинъ несчастный, благородный человѣкъ, а денегъ у В. В. не было. Онъ не зналъ, что дѣлать, но взглянувъ нечаянно на новый свой фракъ, только-что принесенный къ нему отъ портнаго, принудилъ гостя взять этотъ фракъ, а самъ мѣсяца три лишнихъ проходилъ въ старомъ.

(35) Къ *стр. 290*.—Съ цѣлью ознакомить русскую публику съ польскою литературою, Анастасевичъ издавалъ въ продолженіе 1811—1812 года „Улей". Журналъ этотъ выходилъ ежемѣсячно и подраздѣлялся на слѣдующіе отдѣлы: I—словесность; II—біо- и библіографическія замѣчанія; III—исторія; IV—о народномъ просвѣщеніи; V—смѣсь. По польской литературѣ тамъ помѣщены были слѣдующія краткія біографіи и статьи переводныя, или представлявшія извлеченія: *Адамъ Нарушевичъ и многочисленныя выписки изъ его польской исторіи* (I, 22—50; II, 26—34; III, 33—41, 108—119, 290—297, 385—394, 461—476; IV, 32—52, 127—140, 179—188, 256—265, 336—351); Игнатій Красицкій (I, 115 — 128); Кипріянъ Годебскій, Игнатъ Потоцкій, Францъ Смугневичъ (I, 416—421); Фр. Кс. Дмоховскій (II, 24—26); Длугошъ (II, 179—181); Фр. Карпинскій (II, 431—434); Кс. Мартынъ Одлянецкій-Погобутъ (III, 11—26); Іос. Чехъ (III, 106—108); Фр. Шейденъ, Дав. Пильковскій, Иги. Заборовскій, Ник. Вольскій, Іос. Шимановскій (IV, 26—32), Ѳома Венгерскій (IV, 176—179); *о польскихъ стихотворцахъ, сокращенія изъ Красицкаго* (I, 178—191, 265—271, 340—343); о названіи Украйны и началѣ казаковъ, гр. Т. Чацкаго (I, 118—127); о воспитаніи женскаго пола въ Россіи его же (I, 215—221); *извлеченіе изъ его же книги о литовскихъ и польскихъ статутахъ*, Варшава 1800 г., 368—374; *о литовскомъ народѣ извлеченіе изъ разсужд. Ксав. Бонуша* (I, 286—294, 346—354, 421—430); о могилѣ Аскольдовой и о Кіевѣ, М. Берлинскаго (I, 354—364; II, 117—125); письмо о садахъ, Красицкаго (II, 70—79, 157—160); происхожденіе поляковъ изъ „Annales Poloniae", Орѣховскаго (II, 284—291); нѣчто о славянахъ изъ книги „Путешествіе въ славянскія

страны въ 1802 и 1803 гг.", кн. Сапѣги (II, 434—441); о связи и совмѣстной пользѣ наукъ, Снядецкаго (III, 1—9); мысли о торговлѣ въ Россіи, переводъ съ польскаго (III, 148—171); статьи дополнительныя къ польскому словарю Линде: „Сокращенное указаніе упоминаемыхъ тамъ писателей, объ этимологіи или словопроизведеніи, изъясненіе діалектовъ и языковъ, тамъ приведенныхъ" (III, 336—363, 419—445; IV, 2—9); изъ книги „Мысль о польскихъ сочиненіяхъ", соч. на польскомъ языкѣ австр. фельдмаршала кн. Чарторыскаго, подъ именемъ Дантиска, Вильно 1810 (IV, 115—116); о польскихъ историкахъ, изъ соч. Ад. Чарторыскаго „Myśli o pismach polskich" (IV, 249—255); о польской словесности, а особливо въ Сигизмундовы времена или въ златомъ вѣкѣ польскихъ писателей (IV, 10—25, 80—115); взглядъ на богемскую словесность и на связь между собой отраслей славянскаго языка (II, 84); о свадебныхъ обрядахъ у силезскихъ поселянъ (I, 235). Кромѣ того въ журналѣ помѣщались выдержки изъ неизданныхъ въ то время исторій Малороссіи, Берлинскаго и Шафонскаго; рѣчи при открытіи учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ: Кіевскаго университета, Ѳ. Чацкаго, витебской гимназіи, учит. Кульматицкаго, учителя Олендскаго, директора гимназіи Канарскаго-Саховича, ученика гимназіи Ал. Савицкаго—разсужденіе о томъ, что для волынянъ преимущественно нужно познаніе россійскаго языка. Кромѣ того въ журналѣ интересны: очень подробныя *данныя объ учебныхъ заведеніяхъ* (III, 218—245) за 1809 г., въ томъ числѣ: о Виленскомъ университетѣ (II, 201); Кіевской академіи, Варшавскомъ ученомъ Обществѣ (III, 45—51, 309—319); о Песталоцціевскомъ способѣ обученія (III, 125—139, 243—259); начертаніе эстетики изъ Кантовой критики эстетическаго сужденія (III, 85—98, 173—185, 261—273); о библіографіи (I, 14—28). Литературный отдѣлъ крайне плохъ: стихотворенія—невозможныя даже для того времени. Представителемъ сколько-нибудь извѣстныхъ поэтовъ является одинъ гр. Хвостовъ, а прочихъ мы приведемъ ради курьеза: П. Каневецкій, П. Котловскій, И. Кульматицкій, Ев. Станевичъ, И. Ивановъ, К. Княжнинъ, А. Писаревъ (генералъ), Ал. Волковъ, Взметаевъ, Антоновъ, Боровковъ, Ал. Яковлевъ и неизбѣжный оренбургскій поэтъ В. Копыловъ. Между прочимъ сатира Взметаева „Польза медиковъ" (II, 249—252) написана очень тяжелыми стихами, но не лишена серьезной мысли и замѣчательна по своей смѣлости; стихотвореніе „Къ моему другу" (III, 79—84) повидимому принадлежитъ И. Анд. Крылову; въ „Ульѣ" помѣщено также начало перевода съ итальянскаго „Освобожденнаго Іерусалима" Тасса, принадлежащее неизвѣстному, но совсѣмъ невозможное. Изъ оригинальной прозы помѣщено нѣсколько сантиментальныхъ отрывковъ изъ бумагъ „Русской Севинье", россіянки Н. А. Г. и другой дамы А. Р—вой, упражнявшейся также и въ стихотвореніяхъ, и поэта-прозаика И. Иванова („Инокъ и Ириса", испанская повѣсть). Изъ переводныхъ повѣстей „Норвежская поселянка"; „Хитрость природы", отрывокъ изъ Лафонтена (I, 457); „Благодарность", пов. Сентъ Ламберта (IV, 52—75, 140—158); „Смерть Карла I", кор. англійскаго, изъ Арнода (IV, 273—283); „Казембовы туфли, или слѣдствіе скупости", изъ Бильдербека (III, 51—56). Кромѣ того въ Смѣси помѣщено нѣсколько статей, посвященныхъ прекрасному полу, заимствованныхъ изъ переведенной на русскій языкъ книги Легуве „Слава прекраснаго пола", Спб. 1808 г., и изъ сочиненія гр. Сегюра „Les femmes, leur condition et leur influense dans l'ordre social, откуда появились извлеченія во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ. По части критики помѣщенъ разборъ „Вертера" Гёте, переведенный изъ „Mercure de France".

(54) *Къ стр. 301.*—Катенинъ въ свое время считался однимъ изъ извѣстныхъ поэтовъ: Пушкинъ, посылая Дельвигу лучшее его стихотвореніе, помѣщенное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 годъ, „Старая быль" (33 стр.), писалъ: „П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ

будетъ пріятно украсить имъ вами „Сѣверные Цвѣты". Катенинъ въ одинъ день съ Пушкинымъ (7 января 1833 г.) избранъ былъ членомъ Россійской академіи, но въ первое же засѣданіе разсердился изъ пустяковъ и пересталъ посѣщать засѣданія (Сухомлиновъ: „Ист. Рос. акад.", VII, 89—91). Въ „Воспоминаніяхъ Вигеля" Катенинъ охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ: „круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ". Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. П. А. Каратыгинъ, близко знавшій Катенина, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Катенинъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и образованія; французскій, нѣмецкій, итальянскій и латинскій языки онъ зналъ въ совершенствѣ; понималъ хорошо англійскій языкъ и нѣсколько греческій. Память его была изумительна. Можно положительно сказать, что не было ни одного всемірнаго историческаго событія, котораго бы онъ не могъ изложить со всѣми подробностями; въ хронологіи онъ никогда не затруднялся; однимъ словомъ, это была живая энциклопедія" („Записки", изд. сына, 55 и 56). Въ 1814 г., оставаясь съ Преображенскимъ полкомъ въ Парижѣ, Катенинъ пристрастился къ театру и видѣлъ всѣ сценическія знаменитости того времени: Тальму, м-me Дюшенуа, м-lle Марсъ, Потье, Брюне, Моисе и проч. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сдѣлался записнымъ театраломъ и постояннымъ посѣтителемъ театральнаго общества, собиравшагося около Шаховскаго, котораго ближайшими друзьями были: Грибоѣдовъ, Катенинъ и Жандръ. Но вскорѣ Катенина постигла странная и печальная судьба. Въ 1821 году на мѣсто уволеннаго директора Тюфякина, С.-Петербургскимъ театромъ началъ завѣдывать комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Милорадовича, куда, вмѣстѣ съ княземъ В. В. Долгорукимъ и графомъ Кутайсовымъ, вошелъ членомъ и кн. Шаховской, непосредственно завѣдывавшій репертуаромъ и труппою актеровъ. Тогда у Шаховскаго начались вечера, куда собирались преимущественно молоденькія актриси и воспитанницы театральной школы и гдѣ обыкновенно появлялись богатые ухаживатели и во главѣ ихъ самъ Милорадовичъ. Понятно, что нѣсколько скандальный тонъ этихъ вечеровъ не могъ быть пріятенъ Катенину, и, по живости своего характера, онъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ, не щадилъ и самого генералъ-губернатора. Это, по всей вѣроятности, и было причиною, почему Милорадовичъ вообще неблагосклонно относился къ Катенину. 18 сентября 1822 года давали „Поликсену" Озерова. Роль Гекубы играла вновь поступившая на сцену знаменитая Ек. С. Семенова. Въ этотъ разъ она впервые выступила на сцену вмѣстѣ съ ученикомъ Катенина, уже пріобрѣтшимъ знаменитость, В. А. Каратыгинымъ. Но Семенова ненавидѣла другую воспитанницу Катенина, даровитую трагическую актрису Колосову. Пользуясь ея отсутствіемъ, Семенова хотѣла выдвинуть свою воспитанницу, молодую Азаревичеву, которой она доставила роль Поликсены. Когда Семенову вызвали, она вывела съ собою Азаревичеву и даже выдвинула ее впередъ, а сама отступила назадъ. Это взбѣсило Катенина, сидѣвшаго по обыкновенію въ первомъ ряду; онъ закричалъ: „долой Семенову!" Произошелъ шумъ; Семенова должна была удалиться, а Катенинъ началъ громко осуждать поступокъ актрисы; онъ совершенно справедливо говорилъ, что Азаревичевой не слѣдовало выходить, никто ее не звалъ, что это дерзость со стороны Семеновой, что это значитъ смѣяться надъ публикой. Разгнѣванная Гекуба на другой же день поѣхала съ жалобой къ Милорадовичу. Милорадовичъ вызвалъ Катенина, бывшаго тогда уже полковникомъ въ отставкѣ, и, по словамъ Арнова, слышавшаго это отъ самого Катенина, объявилъ ему такое рѣшеніе: „первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженной, не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы, г. Катенинъ, останетесь судьею ея представленій, а это было бы большое лишеніе

для публики, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда г-жа Семенова будетъ играть" („Лѣтопись Русск. театра", 328—329). Конечно, Катенинъ смирился не безъ неудовольствія и не скрывалъ его. Милорадовичъ донесъ Государю, бывшему тогда за границей, и, не болѣе какъ черезъ полтора мѣсяца (7-го ноября), Катенинъ высланъ былъ изъ Петербурга съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ столицы. Высылка эта до такой степени была сурова и поспѣшна, что даже оставшимися дома вещами Катенинъ могъ распорядиться изъ трактира „Красный Кабачокъ", недалеко отъ Петербургской заставы; онъ отправился въ свое кологривское имѣніе. Въ августѣ 1825 года Катенинъ возвращенъ былъ въ Петербургъ; въ началѣ 1830 г. Катенинъ снова вступилъ въ службу, получилъ чинъ генералъ-майора и былъ нѣсколько лѣтъ комендантомъ крѣпости въ Кизлярѣ. Но уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ Катенинъ былъ снова въ отставкѣ и жилъ безвыѣздно въ своемъ кологривскомъ имѣніи, совершенно покинувъ и служебное и литературное поприще. Я еще ребенкомъ помню Катенина; онъ былъ пріятелемъ моего отца и останавливался у него въ домѣ, когда пріѣзжалъ въ Кострому: Катенинъ въ то время страдалъ ракомъ на губѣ и былъ крайне раздражителенъ, что только и осталось у меня въ памяти. Подъ конецъ своей жизни Катенинъ предался страсти къ вину и умеръ въ 1853 году въ своей деревнѣ. Сочиненія Катенина изданы въ 1832 г. (сочиненія и переводы въ стихахъ Катенина съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній кн. П. Голицына, С.-Пб. 1832 г. 2 тома). Біографія Катенина помѣщена въ отчетахъ И. Акад. Наукъ по Отд. русс. языка 1852—1865, стр. 59—62.

(87) Къ *стр. 305.*—Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (1771 — 1825), двоюродный дядя поэта, былъ большой театралъ и перевелъ съ французскаго ком. Мерсье „Женевалъ, или французскій Барневельтъ", М. 1778, 2-е изд. 1783. Въ „Воспоминаніяхъ" С. Т. Аксакова и кн. Вяземскаго много говорится о его сценическихъ способностяхъ и соперничествѣ съ Кокошкинымъ на сценахъ благородныхъ театровъ.

(88) Къ *стр. 306.*—А. Флеровъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" (1804 г., № 11) и „С.-Петербургскомъ Лицеѣ" (1806 г, № 3) двѣ статьи, гдѣ онъ описываетъ раскопки въ соборной горѣ, находящейся противъ вологодскаго Софійскаго собора, и говоритъ вообще о зырянскихъ древностяхъ. Противъ этой статьи митрополитъ Евгеній помѣстилъ возраженіе въ „Вѣстникѣ Европы" (1813 г., № VI, 27), гдѣ доказываетъ, что открытое въ горѣ зданіе составляло нижній этажъ архіерейскаго дома, а свѣдѣнія о зырянскихъ древностяхъ заимствованы большею частью у Лепехина. На это возраженіе Флеровъ отвѣтилъ въ томъ же „Вѣстникѣ Европы" (1814, №№ 15 и 16).

(89) Къ *стр. 323.*—Комедія „Притча о блудномъ сынѣ" написана Симеономъ Полоцкимъ. Полоцкій обработалъ въ драматической формѣ евангельскую притчу, которой съ давнихъ поръ усердно пользовались французскіе, англійскіе и въ особенности нѣмецкіе писатели, а затѣмъ и польскіе авторы школьныхъ дѣйствъ. Комедія эта очень понравилась современникамъ, напечатана была раньше другихъ однородныхъ пьесъ съ иллюстраціями и распространилась во многихъ спискахъ. По изслѣдованію Ровинскаго, картины комедіи гравированы по рисункамъ гравера Пикара его сыномъ и русскими мастерами Леонтьемъ Бунаковымъ и Григорьемъ Тепчегорскимъ (Морозовъ: „Очерк изъ исторіи русской драмы", стр. 123—125).

(90) Къ *стр. 335.*—Г. Морозовъ въ статьѣ „Новые матеріалы для исторіи русскаго театра" („Журн. Мин. Народ. Просв." за 1884 г., стр. 352 и слѣд., ч. 234) указываетъ совершенно обстоятельно многія ошибки въ хроникѣ Носова; но общій выводъ, что всѣ или почти всѣ новыя данныя для исторіи до-Петровскаго театра, почерпаемыя изъ этого источника, должны быть *по меньшей мѣрѣ* заподозрѣны какъ мало вѣроятныя или находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ имѣвшимися до сихъ поръ болѣе или менѣе несомнѣнными *документальными* показаніями (стр. 364), едва справедливъ,

Кромѣ отзывовъ иностранцевъ-очевидцевъ, кто поручится за полноту этихъ документальныхъ показаній? А свѣдѣнія позднѣйшихъ писателей о до-Петровскомъ театрѣ нисколько не документальнѣе помѣщенныхъ въ хроникѣ Носова. Слѣдовательно, мнѣ кажется, наоборотъ, надо отвергать тѣ только показанія хроники, которыя или явно невѣрны и опровергаемы другими достовѣрными источниками, или явно несообразны по условіямъ тогдашняго быта. Въ частности совершенно вѣрны указанія г. Морозова на явно-ошибочную хронологію относительно царевны Софіи (365), на подозрительность приписываемаго ей перевода съ нѣмецкаго театральнаго представленія „Мѣдный конь, или осада Трои" сочиненія В. Рейнгольда (364) и на невѣроятность представленія въ 1716 году на С.-Петербургскомъ театрѣ трагедіи „Стрѣльцы", ею сочиненной,—г. Веселовскій допускаетъ подлинность помѣщенной въ хроникѣ Носова афиши спектакля 17 сентября 1678 г., на которомъ была представлена переведенная царевной Софьей комедія Мольера „Врачъ противъ воли". На стр. 201—206 своихъ „Очерковъ изъ исторіи русской драмы" г. Морозовъ совершенно категорически отвергаетъ драматическое авторство царевны Софіи и даже существованіе театральныхъ зрѣлищъ въ ея теремахъ. Но его сомнѣнія основаны на очень шаткихъ предположеніяхъ. Главныхъ доказательствъ два: первое, что помѣщенные въ афишахъ почтенные старые вельможи, какъ кн. Ю. А. Долгорукій, окольничій кн. Дм. Н. Щербатовъ, стрѣлецкій полковникъ С. Ф. Грибоѣдовъ, бояринъ князь Гр. А. Козловскій, не могли рѣшиться на такое шутовское лицедѣйство. Совершенно вѣрно, еслибы дѣло шло о публичномъ зрѣлищѣ; но вѣдь здѣсь они келейно потѣшали царевну правительницу,—между собой, безъ всякихъ постороннихъ глазъ. Ничто не мѣшало развеселившимся старикамъ боярамъ въ своемъ кругу позволить себѣ такую потѣху, въ угоду правительницѣ,—этимъ они нисколько не роняли своего достоинства. А между тѣмъ еще труднѣе, чтобы Носовъ, которому вѣроятно имена этихъ старыхъ бояръ были неизвѣстны, — могъ самъ отъ себя выдумать подобную афишу. Что царевна Наталья Алексѣевна имѣла театръ, еще не служитъ доказательствомъ, что ея вкусъ не могла раздѣлять сестра ея Софья Алексѣевна, что здѣсь необходимо произошло смѣшеніе одной съ другою. Если при дворѣ отца такою страстью могла заразиться Наталья Алексѣевна, то еще больше вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ могъ привиться къ Софьѣ Алексѣевнѣ—болѣе даровитой, развитой и, слѣдовательно, доступной къ эстетическимъ наслажденіямъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самое близкое лицо къ царевнѣ Софьѣ, кн. В. В. Голицынъ, былъ, какъ самъ г. Морозовъ признаетъ, одинъ изъ немногихъ тогда любителей театра. Составленіе пьесъ учениками Заиконоспасской академіи и Московскаго медицинскаго училища при Петрѣ нисколько не удивительно; вѣдь напечатана же въ „Русской Старинѣ" 1875 года (т. XIII) опера „Ставленникъ", въ двухъ дѣйствіяхъ состоящая и сочиненная ученикомъ философіи Яковомъ Соколовымъ 10 декабря 1780 г.

(61) Къ *стр. 345.*—Стихотворенія П. А. Межакова вышли въ 1817 г. безъ имени автора, подъ заглавіемъ „Уединенный пѣвецъ", а въ 1828 г. напечатаны были „Стихотворенія Павла Межакова", представленныя для обсужденія въ Россійскую академію. Очень любопытенъ по этому случаю отзывъ академіи: „Разсматривательный комитетъ, прочитавъ со вниманіемъ рукопись подъ заглавіемъ „Стихотворенія Павла Межакова", находитъ, что изъ сихъ стихотвореній нѣкоторыя, весьма немногія, показываютъ, что сочинитель оныхъ не чуждъ стихотворческаго дарованія и искусства, а прочія всѣ не заслуживаютъ одобренія по содержащимся въ нихъ мыслямъ— мелочнымъ, неправымъ, нелѣпымъ, неблагочестивымъ. Между сими послѣдними есть и такія стихотворенія, которыя, по содержанію своему соблазнительному, противному всякой благопристойности и вредному для благонравія, достойны строгаго порицанія. Слогъ стихотвореній Межакова во многихъ мѣстахъ неестественъ, неровенъ, непонятенъ, а нерѣд-

ко вялъ и грубъ". Въ заключеніе всего комитетъ полагаетъ, что не только стихотворенія г. Межакова не заслуживаютъ вниманія академіи, но что и „самъ сочинитель оныхъ достоинъ того, *чтобы академія изъявила ему свое негодованіе* за дерзость, съ каковою не постыдился онъ дышащія нечистотою любострастія стихи свои представить въ чаянія награды сословію, вмѣняющему себѣ въ священнѣйшую обязанность усовершенствованіемъ словесности содѣйствовать къ усовершенствованію общественнаго благоправія, слѣдуя неуклонно собственному своему неуклонному правилу — одобрять и награждать тѣ только словесныя произведенія, которыя, совмѣщая пріятность съ пользою, вселяютъ въ читателяхъ своихъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку". Чтобы показать, чѣмъ руководствовался комитетъ при изложеніи этого курьезнѣйшаго заключенія, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Противъ стиховъ:

Увы! въ плачевной сей юдоли,
Не знавъ предписанной намъ доли,
Должны мы въ мрачный гробъ вступить...

комитетъ сдѣлалъ примѣчаніе: „*въ сихъ стихахъ замѣчается сомнѣніе о будущей жизни*" („Ист. росс. акад." вып. VIII, 263—269). Между тѣмъ стихи Межакова,— правда, не обнаруживающіе никакого таланта въ авторѣ, — ничѣмъ не отличаются по содержанію своему отъ шаблонныхъ произведеній другихъ современныхъ поэтовъ. Въ современныхъ журналахъ, напримѣръ въ „Московскомъ Вѣстникѣ", встрѣчается какъ разъ противоположный отзывъ о сочиненіяхъ П. А. Межакова: „Жуковскій, давъ новое направленіе поэзіи русской, увлекъ за собою толпу подражателей: гг. Бороздна и Межаковъ стоятъ въ ряду ихъ и отпѣваютъ прошедшую юность. Въ ихъ произведеніяхъ вездѣ видна цѣль *нравственная, благородный образъ мыслей*: вотъ неотъемлемое ихъ достоинство" („Моск. Вѣстн." 1828 г., X, 166).

(62) Къ *стр. 263*.—Опредѣлить хронологически продолжительность студенческаго театра при Московскомъ университетѣ нѣтъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что театръ, по всей вѣроятности, существовалъ съ болѣе или менѣе значительными перерывами или возникалъ совершенно случайно. Въ „Исторіи Московскаго университета" Шевырева существованіе театра указано въ слѣдующія эпохи: въ 1760 г. актеры изъ студентовъ на театрѣ Локателли (стр. 60); въ 1777 г. студенты играли на театрѣ, который заведенъ *былъ вновь*, хотя передъ этимъ ни слова не было сказано о закрытіи прежняго театра (207); въ періодъ отъ 28 іюня 1778 г. по 6 ноября 1796 г. домашній театръ для студентовъ и гимназистовъ съ своими собственными кулисами и гардеробомъ (277).

(63) Къ *стр. 376*.—Распространенное мнѣніе, будто Екатерина пожаловала актеру Ѳедору Волкову и брату его Григорію 700 душъ и дворянство за сценическое искусство—невѣрно: пожалованіе это было за участіе ихъ въ возведеніи на тронъ императрицы (28 іюня 1762); третій же братъ Гавриило остался актеромъ на прежнемъ окладѣ въ 400 р., не получивъ ничего (Лонгиновъ, „Русск. Арх." 1873 г., № X, 2043).

(64) Къ *стр. 402*.—Уставъ общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія помѣщенъ въ *Сынѣ Отеч.* 1819 г. (ч. 52, стр. 3). Свѣдѣнія о трудахъ общества, ч. 53, 89,—тамъ же 142; извѣстіе о заведеніи въ Петербургѣ училища по методѣ взаимнаго обученія (1820, 63, 129); о Ланкастерскомъ училищѣ въ Тулѣ (1820, 66, 94); выписка изъ отчетовъ Общества (1828, 84, 97); въ „Соревнователѣ" о существующихъ въ Россіи училищахъ по взаимному обученію (1823 г., II, 104, и III, 216).

(65) Пропущено.

(66) Къ *стр. 445*.—Сочиненія Велланскаго: 1) „Прелюдія къ медицинѣ, какъ опытной наукѣ", Спб. 1805 г.; 2) „Dissertatio physicomedica de reformatione materiae medicae et physicae, auspicio philosophiae naturalis ineunta", Petrop. 1807 г.; 3) „Біо-

логическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей физіологіи", Спб. 1812; 4) „Животный магнетизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи", III части, изъ коихъ первыя двѣ изъ соч. Клуга, а третья представляетъ самостоятельное изложеніе, Спб. 1818 года; 5) „Опытная, наблюдательная и умозрительная физика", излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра", Спб. 1836 г.; 6) „Основное начертаніе общей и частной физіологіи или физики органическаго міра", Спб. 1836 г.—Переводы: 1) „Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебной науки", соч. Іоанна Мецгера, Спб. 1792; 2) „Практическая медицина, или книга о познаніи и лѣченіи болѣзней", соч. Христ. Селла, Спб. 1802 г.; 3) „Наставленіе естествословія человѣческаго для руководства при преподаваніи", соч. Гр. Прохаски, Спб. 1809—1810; 4) „Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествопознанія", изъ соч. Окена, Спб. 1815; 5) „О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента", соч. Окена, Спб. 1816; 6) „Описаніе главныхъ цѣлительныхъ водъ въ Германіи", соч. Гуфеланда, Спб. 1816; 7) „Физіологія, или наука о естествѣ человѣческомъ", соч. герра Прохаски, Спб. 1822; 8) „Общая патологія", соч. Филиппа Гартмана, Спб. 1825; 9) „Философія, относящаяся къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка", соч. Іосифа Голуховскаго (профес. бывшаго Виленскаго университета), Спб. 1834 г. Кромѣ того Велланскій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1814 г. статью „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ" (№ IX, 16—29).

(67) Къ *стр. 447.*—Сочиненія и переводы Лодія: „Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различію истиннаго отъ ложнаго", 1818 г.; „Θеорія общихъ правъ", 1828; переводъ „Нравственной философіи" Баумейстера, Львовъ 1790; „Частное естественное право" Цейлера, 1809; „Первая часть уголовнаго права", соч. Фейербаха, 1810 г.

(68) Къ *стр. 457.*—Философскія статьи Давыдова помѣщены въ журналахъ: „Сынѣ Отечества": „Образованіе и усовершенствованіе познаній философскихъ въ новыя времена" (1819 г. LI, 212 и 222, и LII, 62—69); отрывокъ изъ его введенія къ исторіи философіи; въ „Вѣстникѣ Европы": „О цѣли, правилахъ и образцахъ филологической критики" (1815, № 1); Блеровъ 38-й урокъ (1815); „Первые успѣхи ума въ познаніяхъ философскихъ, раздѣленіе философіи на секты" (1818, № 3); „Первые опыты философовъ, блистательные успѣхи философіи" (№ 4); „Дальнѣйшая судьба философіи и возрожденіе наукъ у арабовъ" (№ 5); „Новое образованіе и совершествованіе познаній философскихъ" (№ 7); „Локково объясненіе понятій" (1819, №№ 7 и 8); „Секта пиѳагорейцевъ" (№ 9); „Духъ секты Сократовой" (№ 10); „О логикѣ" (1820, 2); „Идеалогія" (№№ 3 и 9); „Аналитика" (№№ 7 и 8); переводъ изъ рѣчи Давыдова на латинскомъ языкѣ о греческой и римской философіи (1820). Въ 1822 году разборъ сочиненія Сольгера: „Ервинъ, или четыре разговора объ изящномъ и искусствахъ", перев. изъ „Jenaische Allgem. Litt.-Zeitung" (april, 1822), подъ псевдонимомъ Мемнонъ; разборъ Варнеевъ сочиненія Бонстеттена: „Ученіе о человѣкѣ"—помѣщенъ безъ подписи и какъ дополненіе къ нему „Афоризмъ нравственнаго любомудрія", подъ псевдонимомъ Мемнона (№№ 9, 10, 11 и 12); въ „Москвитянинѣ": „Возможна ли у насъ германская философія" (1841). Кромѣ того Давыдовъ написалъ латинскую диссертацію: „Commentatio de natura ac indole philosophiae Graecorum et Romanorum".

(69) Къ *стр. 459.*—Сочиненія Шада: рѣчь 1806 г. о верховной цѣли человѣчества; рѣчь 1807 de vi philosophiae in reliquis scientiis; 1811 institutiones logicae; 1812 рѣчь о томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи всѣмъ нужно; 1813 окончена нѣмецкая христоматія, составленная профес. Шадомъ и Роммелемъ; 1814

рѣчь de libertate Europae vindicata; 1814 philosophia juris sive jus naturae purum; 1815 рѣчь на торжественномъ актѣ: de viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum; латинская христоматія (см. „Истор. стат. зам. о Харьковскомъ университетѣ" Фойгта). Гг. Сухомлиновъ и Лавровскій бросаютъ невыгодную тѣнь на нравственныя качества Шада; но едва ли это справедливо и во всякомъ случаѣ недостаточно основательно. Г. Сухомлиновъ говоритъ, что Шадъ, бѣжавшій изъ католическаго монастыря, былъ совершенный циникъ, у котораго бенедиктинскія монашескія привычки не совсѣмъ прикривались русскимъ мундиромъ (стр. 96). Едва ли такой отзывъ можетъ быть надлежащимъ образомъ обслѣдованъ: это скорѣе фраза, нежели дѣло. Г. Лавровскій ставитъ на счетъ Шада, что онъ имѣлъ въ университетѣ непріятности съ профес. Дюгуромъ (переименовавшимъ себя въ Дюгурова) и нажилъ два дома въ Харьковѣ. Дюгуръ былъ извѣстный доказанный проходимецъ. Онъ былъ въ Казани любимцемъ Магницкаго; переведенный въ Петербургъ, онъ сталъ на сторону Рунича противъ своихъ товарищей, при извѣстномъ разгромѣ Петербургскаго университета; онъ не только читалъ лекціи въ духѣ тогдашней реакціи, но съ большою ловкостью защищалъ ея вторженіе въ область науки въ своихъ университетскихъ рѣчахъ (рѣчь Дюгура, приведенная Сухомлиновымъ). Шадъ легко могъ нажить дома въ Харьковѣ, потому что онъ издавалъ латинскія христоматіи, входившіяся какъ обязательное руководство во всѣ среднія учебныя заведенія: еще въ сороковыхъ годахъ и началъ учиться по книгѣ Шада „de viris illustribus", которая не миновала рукъ ни одного изъ учившихся въ то время. Ставятъ Шаду въ вину, что онъ послѣ изгнанія изъ Россіи поднялъ такой крикъ и устными и печатными жалобами, что возбудилъ къ себѣ участіе Шиллера и Гёте и добился отъ русскаго правительства вознагражденія за убытки. Но на это Шадъ имѣлъ полное право и остается только пожалѣть, что другіе находившіеся въ томъ же положеніи не нашли такой сильной протекціи. Кромѣ того г. Сухомлиновъ неправильно утверждаетъ, что Шадъ, возвратившись изъ Россіи, по рекомендаціи Гуфеланда, получилъ каѳедру въ Берлинѣ: Шадъ занялъ мѣсто профессора философіи въ Іенѣ. Прибавимъ къ этому, что, по отзыву, помѣщенному въ историко-философскомъ словарѣ Ноака, философскія сочиненія, изданныя Шадомъ въ Россіи на латинскомъ языкѣ, никакого научнаго значенія не имѣютъ.

(70) Къ *стр. 468.*—Обозрѣніе десяти лекцій, читанныхъ Мерзляковымъ въ 1812 г., помѣщено въ „Вѣстн. Евр." 1872 г., ч. 63, № 9, стр. 59; въ томъ же году отрывки изъ лекцій „о талантахъ стихотворца", ч. 65, № 19, 204; „о генія, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ", ч. 66, № 21, 24, № 23, 192. О лекціяхъ читанныхъ въ 1816 г.: къ любителямъ и любительницамъ отечественной словесности, объявленіе о публичныхъ лекціяхъ, „Вѣстн. Евр." 1815 г., ч. 84, № 23, 237; самыя лекціи помѣщены въ „Вѣстн. Евр." на 1817 г.; разборъ трагедіи „Поликсена", Озерова, ч. 91, № 4, 269; ч. 92, № 5, 17; оперы „Мельникъ", Аблесимова, ч. 92, № 6, 113; „Единъ въ Аѳинахъ", Озерова, ч. 92, № 8, 267; ч. 93, № 9, 24.

(71) Къ *стр. 477.*—Вотъ перечень журнальныхъ статей Павлова: *Вѣстникъ Европы* 1825: „Возможность и польза науки сельскаго хозяйства", № 20; *Мнемозина*: ч. IV, стр. 1—34: о способахъ изслѣдованія природы, безъ подписи; *Атеней*: 1828: о взаимномъ отношеніи свѣдѣній опытныхъ и умозрительныхъ, разговоръ первый, I, 2—15, вторый II, 1—19; о различіи между изящными искусствами и науками, V, 2—11; о предметѣ физики, VI, 129—141; содержаніе и расположеніе физики, VII, 253—263; 1830: статьи изъ словаря наукъ: философія трансцендентальная и натуральная, IV, 386—392; планъ (форма) науки, VIII, 104—110; системы физики атомическая и динамическая, IX, 185—192; минералогическая система, X, 248—255; теорія общихъ свойствъ тѣлъ, основанная на динамическомъ понятіи о веществѣ, отрывки изъ фи-

вики, № XIX, 1—50; 1828: московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, XIII, 98—101. Кромѣ того Павловъ помѣстилъ въ „Атенеѣ", подъ псевдонимомъ: *ел—ев* 1828 г. полемическую статью противъ Полеваго, выступившаго противъ него въ „Московскомъ Телеграфѣ": отвѣтъ на возраженія „Московскаго Телеграфа" (въ № VI, 1828 г.), XI, 333—356; „Отечественныя Записки" 1839 г.: общій чертежъ наукъ, № 7.

([72]) Къ *стр. 493*.—Писареву не посчастливилось, имя его совершенно забыто, а между тѣмъ онъ имѣлъ извѣстное значеніе въ литературѣ своего времени. Много подробностей о немъ сохранилось въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ" С. Т. Аксакова. Писаревъ родился въ 1803 году и происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда. Еще въ Благородномъ пансіонѣ, несмотря на восьмнадцатилѣтнюю молодость, блестящій острый умъ Писарева былъ уже серьезенъ и глубокъ. Вся пансіонская молодежь признавала его превосходство и всѣ, кто его зналъ, смотрѣли на Писарева какъ на будущаго славнаго писателя; его проза и стихи превозносились не только товарищами и начальствомъ, но и всѣми; театръ, литература были его призваніемъ, страстью, жизнью. По словамъ К. А. Полеваго, Писаревъ былъ надѣленъ блестящимъ стихотворнымъ дарованіемъ и съ малолѣтства почти экспромтомъ писалъ легкіе, звучные стихи. Въ Университетскомъ пансіонѣ онъ былъ любимцемъ директора Прокоповича-Антонскаго и читалъ свои стихи въ публичныхъ собраніяхъ Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ постоянно былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ и печаталъ свои стихи въ его „Трудахъ" („Записки", 102—103). Писаревъ еще въ пансіонѣ былъ извѣстенъ рукописными сатирами и эпиграммами, въ которыхъ онъ не щадилъ никого: ни самого Антонскаго, ни тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, ни своихъ товарищей; между прочимъ онъ написалъ остроумную пародію на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", гдѣ героями онъ представилъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ пансіонѣ Писаревъ былъ очень друженъ только съ однимъ товарищемъ, Юшневскимъ, и вышелъ вторымъ: имя его осталось на золотой доскѣ. Первоначальные свои стихотворные опыты Писаревъ началъ въ „Сынѣ Отечества", а затѣмъ во многихъ другихъ петербургскихъ и московскихъ изданіяхъ. Вотъ библіографическое указаніе статей, помѣщенныхъ Писаревымъ въ современныхъ изданіяхъ: 1820 г.: *Сынъ Отеч.*: „Фениксъ изъ Мильвуа (61, 33); „Бѣдный негръ" (62, 33); Эпиграммы (35); первыя два дѣйствія изъ комедіи „Проказники" (Les Etourgies) Андріё (65, 122); Эпиграммы (231).—1821 г.: „Вѣстникъ Европы": „Къ молодому любителю словесности", сатира (VII и VIII, 174—183); „Геній" (IX, 18—29); „Къ богатому сосѣду (XIX, 179—184); „Соревнователь": „Марій на развалинахъ Карѳагена" (III, 92).—1822 г.: „Вѣстникъ Европы": „Разсказъ Терамена изъ Федры", Расина (I, 180—183); Эпиграммы (184); „Второе посланіе къ молодому любителю россійской словесности" (II, 208—218); „Къ В. И. Г—ну", (VI, 177—182); „Соревнователь": „Пиршество побѣды" посвящено Гнѣдичу (I, 72); „Жизнь" изъ Демутье (II, 106); „Элегія" (II, 210); „Бедринское озеро" (III, 84); „Воспоминаніе" (IV, 75).—1823 г.: „Вѣстникъ Европы": „Пиръ мудрецовъ (I, 3—11); нѣсколько сценъ изъ „Лукавина", комедія Шеридана „Школа злословія" (V, 3—23, 80—103).—Прозою: „Замѣчанія на новый переводъ Федры", Чеславскаго (II, 290—298); „Благодарность артистамъ за выполненіе „Лукавина" (V, 233—234).—1824 г.: „Вѣстникъ Европы": „Къ Тигелину" (I, 3—8); „Къ другу, недовольному судьбой" (II, 3—7); Прозою: „Еще разговоръ между двумя читателями „Вѣстника Европы" (II, 306—313); „Сынъ Отечества": „Отвѣтъ на замѣчанія Полеваго" (103, 84). Прозою: „Илья Коньевичъ, старинный писатель" (IV, 44); „Изъ Оссіана" (IV, 61).—1828 г.: „Атеней": „Похвальное слово Капнисту" (V, 56); послѣдніе куплеты изъ водевиля „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки" (III, 17); Романсъ „16 лѣтъ въ Парижѣ" (тамъ же 18). Въ „Драматическомъ альбомѣ для любителей театра и музыки"

на 1826 годъ, изданномъ А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ (М. 1826 г.), помѣщены слѣдующія статьи самого Писарева, въ первой книжкѣ: „Разговоры одного изъ издателей „Драматическаго альбома" съ будущимъ читателемъ онаго; изъ водевиля „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится"; изъ водевиля „Тридцать тысячъ человѣкъ, или находка хуже потери"; изъ водевиля „Встрѣча дилижансовъ"; „Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ"; прологъ къ комедіи „Христофоръ Колумбъ". Писаревъ былъ дѣятельнымъ членомъ общества любителей россійской словесности и въ „Трудахъ" его помѣстилъ много своихъ стихотвореній. Кромѣ того въ полемикѣ, происшедшей между петербургскими и московскими журналами относительно Грибоѣдова, Писаревъ принялъ сторону М. Дмитріева и помѣщалъ въ „Вѣстникѣ Европы" статьи подъ именемъ Пилада Бѣлугина (Письмо кн. Одоевскаго къ Кюхельбекеру, „Русская Старина" 1788 г., декабрь, 595).—Въ 1822 г., при образованіи отдѣльной театральной дирекціи, Писаревъ опредѣлился на службу дирекціи переводчикомъ и помощникомъ репертуарнаго члена Арсеньева; успѣхи поставленныхъ имъ пьесъ на сценѣ увлекли Писарева и скоро онъ утонулъ въ закулисномъ мірѣ. Изъ литературныхъ кружковъ Писаревъ принадлежалъ преимущественно къ театральному кружку, гдѣ главную роль играли Кокошкинъ и впослѣдствіи Шаховской и куда принадлежали Загоскинъ и М. Дмитріевъ; впослѣдствіи кружокъ этотъ примкнулъ къ созданному Павловымъ журналу „Атеней". Кружокъ Раича, гдѣ собрались главнымъ образомъ воспитатели и товарищи Писарева по университетскому пансіону, повидимому, мало привлекалъ къ себѣ Писарева, такъ какъ онъ совершенно расходился въ убѣжденіяхъ съ членами кружка. Но Писаревъ посѣщалъ и этотъ кружокъ и здѣсь встрѣтился съ Полевымъ. Въ 1825 и 1826 годахъ, говоритъ С. Т. Аксаковъ, Писаревъ сдѣлался блистательнымъ водевилистомъ; водевили были всѣ переводные, но куплеты оригинальные и такъ хороши, что до сихъ поръ остаются лучшими водевильными куплетами. Всѣ приспособленные къ тогдашнему направленію литературной полемики, остроумные, колкіе и даже злые, они скоро доставили Писареву обольстительное титло—любимца московской публики. Первымъ трудомъ Писарева для театра былъ переводъ стихами съ французскаго комедіи „Проказники", а первый водевиль, переведенный Писаревымъ, „Лоттерея" не поступилъ на сцену. 24 апрѣля 1824 года былъ разыгранъ водевиль „Учитель и ученикъ", или въ чужомъ пиру похмѣлье", имѣвшій блестящій успѣхъ; и затѣмъ послѣдовалъ рядъ театральныхъ пьесъ Писарева, изъ которыхъ, по воспоминаніямъ С. Т. Аксакова, особеннымъ успѣхомъ у современниковъ пользовались: „Хлопотунъ", „Дядя на прокатъ, „Двѣ записки", „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки", „Средство выдавать дочерей замужъ"—послѣдняя театральная пьеса Писарева. Писаревъ передѣлалъ стихами комедію Шеридана „Школа злословія" и назвалъ ее „Лукавинъ", по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, и передѣлалъ также стихами на русскіе нравы французскую комедію „Voyage à Dieppe" подъ именемъ „Поѣздки въ Кронштадтъ". Лонгиновъ, въ „Біографическихъ запискахъ", передаетъ, что въ его библіотекѣ собраны въ 2-хъ томахъ всѣ написанныя пьесы, числомъ 10, составляющія большую рѣдкость; между тѣмъ многія, имѣвшія большой успѣхъ, наприм. „Проситель", „Три десятки",—не были вовсе печатаны. У Писарева задуманъ былъ планъ большой комедіи „Христофоръ Колумбъ", но онъ успѣлъ написать только одинъ актъ. Послѣднее предсмертное произведеніе Писарева было похвальное слово Капнисту, прочитанное С. Т. Аксаковымъ въ Обществѣ любителей россійской словесности. Кромѣ того въ 1826 г. вышелъ драматическій альбомъ для любителей театра и музыки на 1826 годъ, издали А. Писаревъ и А. Верстовскій. Въ театральныхъ запискахъ Н. И. Куликова, въ журналѣ „Искусство", разсказывается, между прочимъ, что Писаревъ, получивши за свою комедію „Лукавинъ" 2.000 р.,—несмотря на то, что онъ жилъ своимъ небольшимъ жалованьемъ въ каче-

ствѣ переводчика при театральной дирекціи,—пожертвовалъ половину воспитанникамъ и воспитанницамъ, отличившимся на экзаменѣ. Въ знакъ своей привязанности къ Писареву, когда ставилась послѣдняя его комедія-водевиль „Пять лѣтъ въ два часа", артисты отправились на послѣднюю репетицію на домъ къ Писареву, уже не вставшему съ постели, и на этой репетиціи присутствовали Кокошкинъ и кн. Шаховской. Самымъ яркимъ противникомъ Писарева былъ Н. А. Полевой. Начало этой вражды, говоритъ К. А. Полевой въ своихъ „Запискахъ", произошло вслѣдствіе того, что Н. А. Полевой, писавши въ „Отечественныхъ Запискахъ" объ одномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, упомянулъ, что, между прочимъ, тамъ читалъ свое стихотвореніе А. И. Писаревъ, и что этотъ молодой стихотворецъ, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, идетъ ложнымъ путемъ, заботится только о звонкихъ стихахъ, не имѣетъ опредѣленнаго характера и не выражаетъ ничего поэтически... Одного этого замѣчанія довольно было для раздражительнаго Писарева: онъ возненавидѣлъ Н. А. Полевого и до конца жизни своей кололъ и жалилъ его, гдѣ только могъ (104). Въ мартѣ 1826 года Писаревъ издалъ, теперь очень рѣдкую, брошюру „Анти-Телеграфъ" (34 стр.), гдѣ онъ опровергаетъ нападки на него Полевого и въ свою очередь подвергаетъ критикѣ журналъ послѣдняго. Съ литературной почвы Писаревъ перенесъ свою полемику съ Полевымъ на театральные подмостки и сдѣлалъ изъ него bête noire своихъ водевильныхъ куплетовъ. Но публика, какъ видно изъ „Записокъ Полевого", не всегда принимала сторону Писарева и его нападки иногда, наоборотъ, доставляли неожиданное торжество Полевому. Вотъ въ видѣ образчика куплетъ Писарева на Полевого, приведенный Аксаковымъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ умникомъ прослыть;
Самъ, не кончивши ученья,
Всѣхъ пускается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ...
Не пора-ль ему шепнуть,
Что учить никакъ не можетъ
Кто учился какъ-нибудь?

Но, несмотря на эту желчную полемику, современные критики признавали въ Писаревѣ талантливаго писателя. Противникъ Писарева, по связямъ своимъ съ Полевымъ, кн. Вяземскій характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Писаревъ былъ ловкій переводчикъ французскихъ водевилей и неутомимый поставщикъ ихъ на Московскую сцену, которая ими только и жила. Вообще онъ былъ не безъ дарованія, но, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненнаго организма былъ раздражителенъ и желченъ" (Соч. VII, 338). „Московскій Вѣстникъ" отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ: „А. Писаревъ былъ человѣкъ съ талантомъ. Еслибы не кулисная жизнь и мелкія литературныя сплетни, онъ, статься можетъ, въ исторіи русской поэзіи оставилъ бы значительное имя; но его погубили ранніе успѣхи, вскружившіе ему голову, заставившіе его слишкомъ много думать о себѣ, когда онъ на то не пріобрѣлъ еще никакого права (XIV, 84). Писаревъ умеръ 15 марта 1828 года, 26 лѣтъ, отъ чахотки.

(73) Къ *стр. 498*.—Г. М. Яценко напечаталъ слѣдующіе переводы: 1) „Мейстрови повѣсти и разговоры", 3 части, М. 1796—1799; 2) исторіи кораблекрушеній или собраніе любопытныхъ повѣствованій о кораблекрушеніяхъ, зимованіи, пожарахъ, голодѣ и другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, случавшихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ XV вѣка донынѣ, съ франц. 3 ч. М. 1799 — 1800; 3) „Каролина Лихтвельдъ", соч. г-жи ....., изданная на французскомъ языкѣ переводчикомъ Вертера, М. 1800 г.

2 изданіе съ именемъ автора г-жи Монтолье, 3 ч. М. 1816; 4) „Отеческіе совѣты моей дочери", соч. Кампе, пер. съ нѣм. 2 ч. С.-Пб. 1803—1804; 5) „Евгеній Ротелинъ", соч. графини Е***, 2 ч. С.-Пб. 1808; 6) „Бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ", соч. Фабера, пер. съ франц., С.-Пб. 1813 г.—Вмѣстѣ съ П. Макаровымъ Яценко перевелъ съ франц. „Антеноровы путешествія по Греціи", изданныя Лантье, 3 т. М. 1802 г. Яценко, живя въ Москвѣ, принималъ большое участіе въ современныхъ журналахъ. Его именемъ обозначена въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени" (1794—1798) басня „Орелъ и бабочка" (ч. VI, 14), пер. изъ Кезегартена „Гробы въ Дустрѣ", древняя повѣсть, и „Смертная пѣснь Реднера Лодброга, короля датскаго" (VIII, 329, 341); Барневельтъ къ Труману; къ Лелія, при наступленіи весны; „Четыре возраста человѣческіе"; пѣсня „Воспоминаніе" (XI, 369, 385, 394, 406, 410); „Роза"; „Сонеты" (ч. XII, 14, 47); „Чудное дѣйствіе воображенія" изъ Мейснера; „Радуга знакъ мира"; „Ѣсть и есть", Гедике (XVI, 121, 125); „Мѣдь звенящая" (XVII, 353).

(74) Къ *стр. 515.* — Ив. П. Алякринскій, воспитанникъ Московскаго университета, служилъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ Костромѣ и преподавателемъ въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей тамъ же. Онъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1827 годъ стихотвореніе „Ольга, или осада Коростеня" (№ 2, стр. 117); за 1830 годъ „Усладовы гусли" (№ 13, стр. 31) и кромѣ того издалъ отдѣльно романтическую поэму „Рогнѣда". Каченовскій, въ примѣчаніи, говоритъ: „просимъ вниманія и снисхожденія къ возникающему таланту". Поэма „Рогнѣда" не представляетъ ничего выдающагося, но она нисколько не хуже, если не лучше, многихъ, въ то время замѣченныхъ, но теперь забытыхъ произведеній эпохи тридцатыхъ годовъ.

(75) Къ *стр. 523.*—Въ полемикѣ о „Русланѣ и Людмилѣ", — поэмѣ, поразившей литературную среду небывалымъ до того введеніемъ народнаго сказочнаго міра, этой области презираемаго *подлаго* народа и вызвавшей сужденія болѣе или менѣе строгія, — защитникомъ произведенія Пушкина въ „Сынѣ Отечества" явился Н. К. — въ (Корсаковъ), который въ отвѣтѣ Воейкову разбиваетъ тупыя и невѣрныя сужденія послѣдняго.

(76) Къ *стр. 528.*—Перечень журналовъ, выходившихъ съ 1812 по 1830 годъ: Важнѣйшія правительствен. изданія: „Conservateur Imperial" на франц. языкѣ—отъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1825 г.; „Journal de St. Pétersbourg politique et littéraire", продолжающійся до сихъ поръ; „Русскій Инвалидъ", съ февраля 1813 до 1821 г. изд. Пезаровіусъ, а съ 1823 года редакцію принялъ на себя А. Ф. Воейковъ; „Журналъ военный", издавался при главномъ штабѣ ежемѣсячно книжками и продолжался до 1819 г., а съ 1826 года началъ издаваться подъ тѣмъ же заглавіемъ отъ военно-ученаго комитета при главномъ штабѣ; „Журналъ департамента народнаго просвѣщенія", замѣнившій періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, издаваемый съ 1821 по 1828 г. Н. Ф. Остолоповымъ, а съ этого времени опредѣлено было издавать вмѣсто журнала книги въ неопредѣленное время; „Журналъ департамента мануфактуръ и торговли", издававшійся съ 1825 года подъ редакціею Яценко; „Коммерческая Газета" (она же и на нѣмецкомъ языкѣ), замѣнившая „Коммерческія Вѣдомости", издававшіяся съ 1803 по 1809 г. отъ бывшаго министерства коммерціи, издавалась до 1825 отъ департамента внѣшней торговли; „Горный журналъ" съ 1826 г.— отъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ; „Журналъ путей сообщенія" (онъ же и на французскомъ языкѣ)—отъ департамента путей сообщенія; „Сѣверная Почта"—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣнившая „С.-Петербургскій Вѣстникъ", издававшійся въ 1804 г. подъ редакціею Баккаревича, продолжалась до 1820 года; „Хри-

стіанское Чтеніе", издававшееся при С.-Пб. духовной академіи съ 1821 года, съ мистическимъ направленіемъ въ первые годы.

Изданія обществъ и частныхъ лицъ:

Въ С.-Петербургѣ:—1812: „Журналъ правовѣдѣнія", изд. Бар. Беллинсгаузенъ, одна книжка; „С.-Петербургскій Вѣстникъ" (стр. 303).—1815: „Кабинетъ Аспазіи", журн. литер., изд. Б. М. Ѳедоровъ, А. Рихтеръ, Бакиревъ и Исаковъ (вышло всего 6 книжекъ); „Духъ журналовъ" (стр. 497); „Демокритъ", сатирическо-литерат. журналъ, изд. А. Кропотовъ (6 книжекъ).—1816: „Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей", изд. въ теченіе одного года А. Кропотовъ; въ 1818 г. онъ былъ возобновленъ П. Н. Свиньинымъ и продолжался также одинъ годъ; „Духовный годъ жизни христіанина", изд. Як. Уткинъ, 24 книжки, одинъ годъ.—1817: „Журналъ человѣколюбиваго Общества", изд. комитетомъ по ученой части, ежемѣсячный „Сіонскій Вѣстникъ", стр. 170; „Волшебный Фонарь", изд. въ теченіе года П. Петровымъ,—это было собраніе картинокъ и описаній петербургскихъ разнощиковъ, мастеровыхъ, извощиковъ и пр.; „Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ", еженедѣльный, въ подражаніе „Пустынникамъ" Жюи, переименованный съ 1-го іюля въ „Сѣверный Наблюдатель", издавались Корсаковымъ.—1818: „Благонамѣренный", стр. 530; „Соревнователь благотворенія и просвѣщенія", стр. 541; „Журналъ древней и новой словесности", изд. В. Н. Олинъ, ежемѣсячно 2 года.—1820: „Невскій Зритель", стр. 543; „Отечественныя Записки", стр. 550.—1821: „Рецензентъ", литературно-критическая газета, изд. В. Н. Олинъ (20 №№).—1822: литературныя прибавленія къ „Сыну Отечества", изд. Княжевичемъ, стр. 526; „Сѣверный Архивъ", стр. 557.—1823: „Новости русской литературы", еженедѣльныя безплатныя прибавленія при „Инвалидѣ", А. Ф. Воейкова (1823—1826), стр. 568; „Литературные листки, журналъ нравовъ и словесности при Сѣверномъ Архивѣ", издававшіеся Булгаринымъ (1823—1825), стр. 561.—1824: „Журналъ изящныхъ искусствъ", стр. 564; „Извѣстія о дѣйствіяхъ и успѣхахъ Библейскихъ Обществъ".—1825: „Сѣверная Пчела", политическая и литературная газета, изд. Гречемъ и Булгаринымъ; „Библіографическіе листки", изд. періодически Кёппеномъ.—1827: „Славянинъ", изд. А. Ф. Воейковымъ (1827—1828), стр. 568.—1828: „С.-Петербургскій Зритель", изд. Б. М. Ѳедоровымъ.—1829: „Бабочка", дневникъ новостей, относящихся до просвѣщенія и общежитія, два раза въ недѣлю, изд. Вас. Серг. Филимонова; этотъ Филимоновъ—авторъ стихотворной поэмы „Дурацкій колпакъ", появлявшейся періодически.

Въ Москвѣ:—1815: „Амфіонъ", стр. 468—469; „Россійскій Музеумъ", изд. В. В. Измайловымъ, литературно-критическій журналъ, продолжался одинъ годъ; „Современный Наблюдатель россійской словесности", изд. студ. П. М. Строевымъ съ марта до конца іюля, 18 нумеровъ.—1816: „Модный Вѣстникъ", изд. Зубовымъ, съ 1 іюля 1816 г. по 1 января 1817 г. вышло 36 книжекъ съ картинками модъ; въ 1817 г. издатель перемѣнилъ заглавіе и издалъ 4 книжки подъ именемъ „Всеобщій модный журналъ"; „Другъ россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола", издавалъ учитель Орловской семинаріи Ферд. Ор. Ошменьцъ (1816—1817).—1823: „Дамскій журналъ", съ 1823 по декабрь 1833 включительно, 44 части, стр. 569.—1825: „Московскій Телеграфъ", изд. Полевымъ.—1828: „Русскій Зритель", стр. 513. „Московскій Вѣстникъ", ч. II, стр. 219; „Атеней", стр. 476.—1829: „Галатея, журналъ литературы, новостей и модъ", изд. Раичемъ, въ 1829 г. издано 10 частей и затѣмъ въ 1830 году вышло 9 частей. Всѣ эти 19 частей in 8° и къ каждой части приложена раскрашенная картинка модъ. Затѣмъ произошелъ перерывъ и только въ 1839 году явилось шесть томовъ in 16°, подъ заглавіемъ: „Галатея, журналъ наукъ, искусствъ, литературы, новостей и модъ". Въ 1840 году журналъ сталъ выходить еженедѣльно in 4° и съ 12 января по 16 ноября вышло всего 17 №№, составившихъ одинъ тощій томъ.

Провинціальные журналы:

„Уранія", ежемѣсячный журналъ, издавалъ въ Калугѣ учитель Зеленецкій 1804 г.; „Казанскія Извѣстія", газета литературно-политическая, издававшаяся при университетѣ съ 1811 по 1820 годъ; „Харьковскій Еженедѣльникъ", изд. книгопродавецъ Лангеръ 1812 (12 лист.); „Восточныя Извѣстія", газета, выходившая въ Астрахани 1813 г.; „Харьковскій Демокритъ", издававшійся въ 1816 г., худшій журналъ по своему неблагонамѣренному направленію; „Украинскій Вѣстникъ": его издавали сначала (1816 и 1817 г.) кандидатъ Филомафитскій, Гонорскій и Квитка, въ 1818 г.—Филомафитскій и Квитка, въ 1819 г.—Филомафитскій; въ 1824 и 1825 годахъ „Вѣстникъ" издавалъ отъ Харьковскаго университета А. В. Склабовскій; „Сибирскій Вѣстникъ" съ 1818-го до 1825 г. издавалъ Г. И. Спасскій, а потомъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1825—1828)—„Азіатскій Вѣстникъ"; „Казанскій Вѣстникъ" издавался съ 1821 до 1827 г. при университетѣ; „Украинскій Журналъ", изд. Склабовскій въ 1823 и 1824 годахъ; „Калужскіе Вечера", изд. ген.-м. А. Писаревымъ, впослѣдствіи попечителемъ Московскаго университета, 1825 г., 2 тома; „Одесскій Журналъ", газета коммерческая, на французскомъ и русскомъ языкахъ, издавалась съ 1827 года.

(77) Къ *стр. 529.*—Перечень альманаховъ:

Изданы въ С.-Петербургѣ: „Полярная Звѣзда", изд. А. Бестужевъ и К. Рылѣевъ, 3 книжки, 1823-го, 24 и 25 год.—„Русская Старина", карманная книжка для любителей отечественнаго, изд. А. Корниловича, 1825. — „Русская Талія", подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра, изд. Ф. Булгарина, 1825 года.—„Сѣверные Цвѣты", изд. Б. Дельвигомъ, 7 книжекъ, 1825—1832. — „Невскій альманахъ", изд. Е. Аладьинымъ, 7 книжекъ, 1825—1832.—„Календарь музъ", составленный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ, 1825, 1826, 1827.—„Подарокъ дѣтямъ" 1827 года.—„Сиріусъ", изд. Бестужевымъ-Рюминымъ, 1827.—„Дѣтскій цвѣтникъ", изд. Б. Ѳедоровымъ, 1827.—„Драматическій альманахъ", изд. г. Ивановымъ, 1828.—„Памятникъ отечественныхъ музъ", альманахъ для любителей словесности, изд. Б. Ѳедоровъ, 1828. — „Альбомъ сѣверныхъ музъ", изд. А. П., 1828. — „Подснѣжникъ", издан. Е. Аладьина, 1829 и 1830.—„Букетъ", карманная книжка для любителей и любительницъ театра, издан. Е. Аладьинымъ на 1829 г. — „Сѣверная Звѣзда", 1829. — „Карманная книжка для любителей русской словесности", изд. В. Н. Олинъ, на 1829 г.—„Царское Село", изд. И. Коншинъ и Б. Розенъ на 1830.—„Альманахъ театральный" на 1830.—„Русскій альманахъ", изд. на 1832 и 1833 г. В. Эртель и А. Глѣбовъ, въ одномъ томѣ.—„Комета Бѣлы", на 1833 г.—„Утренняя Заря", изд. В. Владиславлева, 1838—1843.—„Невскій альбомъ", изд. Бобылевъ.—Альманахъ на 1841 г., изд. Б. Розенъ.—„Метеоръ", на 1845 г., изд. М. Д. Ольхинъ.—„Первое апрѣля", комическій иллюстрированный альманахъ 1846 г.

Изданы въ Москвѣ: „Аглая", изд. Карамзинымъ, 1794 г.—„Аониды", изд. Карамзинымъ, 3 книжки, 1796—1799.—„Новыя Аониды", изд. Погодинымъ, 1823 г.—„Драматическій альбомъ для любителей театра и музыки", изд. А. Писаревымъ и Верстовскимъ, 1826.—„Уранія", карманная книжка для любителей и любительницъ россійской словесности, изд. Погодинымъ, 1826 г.—„Московскій альманахъ для юныхъ гражданъ или новая ручная энциклопедія", съ картинками, изд. С. Н. Глинкою, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 гг. — „Альманахъ для пріѣзжающихъ въ Москву и для самихъ жителей", на 1826 годъ.—„Сѣверная Лира", изд. Ранчемъ и Ознобишинымъ, 1827 г.—„Незабудочка", изд. С. Н. Глинкою, 1827 г. — „Литературный Музеумъ", изд. Влад. Измайловымъ, 1827 г. — „Московскій альманахъ", изд. С. Н. Глинкою, 1828 г. — „Радуга", литературный и музыкальный альманахъ, изд. П. Араповымъ и Дм. Новиковымъ, 1830 г.—„Денница", альманахъ, изд. Максимовичемъ, 1830, 1831 и 1834 г.—„Вѣнокъ

грацій", альманахъ на 1829 г.—„Зимцерла", альманахъ на 1829 г.—„Цефей", альманахъ на 1829 г.—„Комета", изд. И. Селивановскимъ на 1830 г.—„Метеоръ", альманахъ на 1836 г., изд. Ѳ. Соловьевымъ.—„Элизіумъ", изд. П. Іовскимъ, на 1832 г.—„Цинтія", альманахъ на 1832 г.

Провинціальные альманахи: „Астраханская Флора", карманная книжка на 1827 г. изд. Н. Розенмейеромъ.—„Енисейскій альманахъ", изд. Ив. Петровымъ, Красноярскъ 1828 г.—„Подарокъ бѣднымъ", альманахъ на 1834 г., изд. Новороссійскимъ женскимъ Обществомъ призрѣнія бѣдныхъ.

(78) Къ *стр. 532.*—Вотъ перечень всѣхъ стихотворцевъ, принимавшихъ участіе въ „Благонамѣренномъ": Изъ числа болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ принимали участіе: Пушкинъ, Баратынскій, Д. Давыдовъ, Загоскинъ, Пв. Козловъ, Панаевъ, Кюхельбекеръ, Михоновъ, Ф. Глинка, Измайловъ, Б. Дельвигъ, В. Туманскій, А. Бестужевъ, Плетневъ, К. Рылѣевъ, гр. Хвостовъ, кн. Шаликовъ, Языковъ. А затѣмъ идетъ цѣлая фаланга такихъ, чьи имена рѣдко повторяются въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, а большинство и вовсе не повторяется.—1818: А. Родзянко, Анна Наумова, М. Яковлевъ, Ѳ. Рындовскій, Политковскій, Ельчаниновъ, А. Маздорфъ, Ор. Сомовъ, В. Марковъ, Ник. Калайдовичъ, Абрамъ Норовъ, Хмѣльницкій, Н. Сушковъ, Ф. Бартоломеусъ, Грамматинъ, Самсоновъ.—1819: Томилинъ, Н. Бѣлюстинъ, П. Покровскій, В. Копиловъ, П. Теряевъ, Ив. Кованько, Б. Ѳедоровъ, П. Великопольскій, М. Севриновъ, А. Дуровъ.—1820: В. Карнѣевъ, Н. Рейнсдорфъ, Ѳ. Бальдауеръ, Остолоповъ, А. Богуславскій, Пл. Лопатинскій, Дм. Жеребцовъ, кн. Цертелевъ, С. Ивановъ, Ѳ. Булгаринъ.—1820: Дм. Шелеховъ, В. Орловъ, Дм. Глѣбовъ, Н. Анненковъ, К. Уманова, М. Загорскій, С. Нечаевъ, Криницынъ, Н. Дубровинъ, Ал. Норовъ, Вал. Никоновъ, В. Тило, Вердеревскій, И. Чеславскій, Н. Коншинъ.—1821: П. Межаковъ, В. Мисловскій, М. Хрулевъ, Старынкевичъ, В. Григорьевъ, А. Крыловъ, А. Пличевскій, В. Филимоновъ, П. Кудряшевъ, Ив. Сибиряковъ, Аркадинъ (псевдонимъ), И. Вѣтринскій, Як. Ростовцевъ, Писаревъ, Ив. Богдановъ, Н. Брянцевъ, Словаревъ (псевдонимъ), Алексаша 9 лѣтъ.—1822: Басинъ, Соболевъ, Костяничъ, Дм. Богдановъ, Марья Даргомыжская, Ибрагимовъ, Вельвокай, А. Висковатовъ, П. Перовъ, Слѣпцовъ, Р. Зотовъ, Гр. Зотовъ, А. Степановъ, Пл. Ободовскій, В. Андросовъ, Бертелевъ, В. Томилинъ.—1823: П. Шкляревскій, Над. Коссоговская, Волковъ, А. Горвъ, Лузановъ, И. Крюковъ, Вл. Дмитріевъ, Ир. Подшиваловъ, Бередниковъ, Ѳ. Беръ, Гр. Акуловъ, Н. Сновидовъ, Н. Дурново.—1824: И. Толбасовъ, И. Георгіевскій, Клеоновъ, Илья Радожицкій, Таскинъ, Ив. Бутырскій, С. Губановъ, Н. Скородумовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ив. Вороновъ, П. Петровъ, Гревеницъ, В. Трубниковъ, И. Алякринскій, С. Лафертовъ, Степ. Степановъ, Н. Баммакинъ, Арк. Ивановъ, Е. Головлева 13 лѣтъ, Ив. Базилевскій, Германъ, И. Мечъ, И. Балле.—1826: А. Шидловскій, М. Богдановичъ, С. Ольхинъ, Домонтовичъ, П. Клейменовъ, Кр. Мих. Сухановъ (псевдонимъ). Къ этому присоединяется столько же, если не болѣе, лицъ, обозначавшихъ свои имена буквами, цифрами и звѣздочками.

(79) Къ *стр. 540.*—М. В. Милоновъ (1792—1821), воронежскій дворянинъ и воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона. Службу свою Милоновъ началъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту мануфактуръ, а оттуда перешелъ къ И. И. Дмитріеву, когда послѣдній назначенъ былъ министромъ юстиціи. Милоновъ состоялъ тамъ съ 1810 до 1813 года, во время завѣдыванія министерствомъ Дмитріева, а затѣмъ въ 1813 году сдѣлался правителемъ канцеляріи у того же Дмитріева, назначеннаго (1813) предсѣдателемъ временной коммиссіи для пособія пострадавшимъ жителямъ города Москвы. Въ 1816 г. Милоновъ вышелъ въ отставку, а въ 1819 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ генералъ-провіантмейстеру Абакумову. Милоновъ принадлежалъ къ числу людей не созданныхъ для службы; служба для него была

необходимымъ зломъ, которое дѣлаетъ людей пустыми и безсмысленными, но которому онъ долженъ былъ подчиняться, по волѣ отца и по нуждѣ, „этому ужасному бичу". Незадолго до смерти, 20 февраля 1820 г., Милоновъ писалъ Ф. Грамматину: „Послѣ долгаго боренія и непріятностей по службѣ со многими мерзавцами, изъ коихъ я не щадилъ, *по крайней мѣрѣ въ стихахъ моихъ*, ни одного, начиная отъ перваго Рул—ва до послѣдняго Тур—ва, съ которымъ по несчастью продолжалъ мою послѣднюю службу, надѣясь на ложныя обнадеживанія сихъ мечтательныхъ и ничтожныхъ благодѣтелей, теперь служу при генералъ-провіантмейстерѣ. Человѣкъ простой и добрый, онъ сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты словесности, не исключая и высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева" („Библіогр. Зап." 1859 г., т. II, 302—303). Оттого Милоновъ, по собственному признанію, велъ жизнь безпорядочную и предавался излишнему служенію Вакху. Цѣлью желаній Милонова были „совершенная независимость, покой и дружество". Литература была любимымъ его занятіемъ: „Меня выбираютъ,— писалъ онъ въ 1810 году,— членомъ Общества любителей наукъ и словесности; хоть оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели засѣдателемъ какого-нибудь нижняго суда". Милоновъ жалуется, что служебныя занятія поглощаютъ все его время и не оставляютъ свободной минуты для поэзіи. Стихотворенія Милонова не обнаруживали въ немъ слишкомъ поэтическаго дарованія, но изъ нихъ сатиры замѣчательны проблесками гражданскаго чувства, которымъ одарена была молодежь александровскаго времени. Такова сатира его „Къ Рубеллію" (1810), перепечатанная въ „Истор. Хрест." Галахова (т. II, изд. 1884, стр. 275): она не уступаетъ въ силѣ выраженія и благородствѣ чувствъ извѣстному посланію „Къ вельможѣ" Рылѣева и также примѣнена была къ Аракчееву. Бѣлинскій былъ высокаго мнѣнія о Милоновѣ; онъ говоритъ: „Гнѣдичъ и Милоновъ были истинные поэты; если ихъ теперь мало почитаютъ, то это потому, что они слишкомъ рано родились" (Соч. I, 71). Далеко не полное собраніе сочиненій Милонова издано Смирдинымъ (С.-Пб. 1849 г., вмѣстѣ съ сочиненіями Судовщикова). Милоновъ умеръ на 29 году.

(80) *Пропущено.*

(81) Къ *стр. 556.*—Покойный Аѳанасьевъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній", издававшемся Калачевымъ, напечаталъ „Указатель статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву", помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", Свиньина" (книга II, половина 2, М. 1854 г., приложеніе II). „Указатель" этотъ оканчивается 1825 годомъ. Въ 1821 году пропущена статья А. Ф. Малиновскаго подъ заглавіемъ „Оружейная палата", отрывокъ изъ исторической описи древняго россійскаго музея въ Москвѣ (№ 13, май 1821 г., 121—150, не окончена). Вотъ библіографическое указаніе *важнѣйшихъ* статей въ остальныхъ томахъ. *1826 годъ*: Таганрогъ, П. Свин. (№ 69, 3—18; № 71, 422—439); обозрѣніе путешествія издателя „Отечественныхъ Записокъ" по Россіи въ 1825 году относительно археологіи (№ 69, 37—63; № 70, 306—327; № 71, 440—467; № 74, 435—444; № 75, 91—117; № 76, 244—279); донесеніе Іоанна Фабра ерцгерцогу австрійскому Фердинанду о нравахъ и обычаяхъ москвитянъ, переводъ съ латинскаго К. У. (№ 70, 285—305; № 75, 47—67); путешествіе императора Александра I по Волгѣ въ 1824 г., флиг.-лейт. Трубникова (№ 1, 372—397); нѣчто о родѣ великой княгини Ольги, М. Погодина (№ 71, 361—371); заводы бывшіе Баташова, а нынѣ принадлежащіе Шепелеву (№ 72, 3—49; № 73, 145—191; № 74, 301—334); біографія гр. Ф. В. Растопчина, А. Б. (№ 72, 50—86); изслѣдованіе о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній по берегамъ Понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисѳеномъ, полк. Стемпковскаго (№ 73, 192—228; № 74, 335—377); краткое обозрѣніе ботаническихъ садовъ въ Россіи и въ особенности Императорскаго въ С.-Петербургѣ (№ 74, 378—413); нѣкоторыя замѣчанія на „Опытъ теоріи налоговъ",

соч. Н. Тургенева, сообщ. Н. Демидова (№ 47, 414—434); описаніе Судакской долины и виноделія въ Крыму въ 1825 г. (№ 75, 3—20; № 76, 186—202); пребываніе императора Александра I во 2 арміи въ 1823 г., М. Шульгина (№ 75, 20—46; № 76, 145—185); изслѣдованіе древнихъ историческихъ мѣстъ или урочищъ въ предѣлахъ Калужской губерніи, Ел. Гр. Зеленицкой (№ 78, 68—90); поѣздка великой княжны Елены Іоанновны въ Вильно для бракосочетанія съ вел. кн. литовскимъ Александромъ (№ 76, 229—243); бытность въ Пруссіи россійскаго гонца Порошина Елизара Сергѣева у бранденбургскаго курфирста Фридерика-Вильгельма въ 1654 г. (№ 77, 348—368); о сочиненіяхъ П. Юр. Львова, его самого (№ 77, сентябрь, 412—433); Рыбинскъ (№ 78, 3—24; № 79, 189—199); бытность въ городѣ Бордо россійскаго посланника дворянина Ивана Гаврил. Кондырева и, подьячего Мих. Невѣрова у франц. короля Людовика XIII въ 1615 г. (№ 78, 25—46); первое путешествіе англичанъ въ Россію, описанное Климентомъ Адамомъ другомъ Чанселера, капитана сей экспедиціи (№ 77, 368—396; № 78, 81—103; № 79, 176—188); извѣстіе объ аудіенціи кн. Антіоха Кантеміра при французскомъ дворѣ, въ 1738 г., по его собственному описанію (№ 79, 200—205); посольство отъ вел. кн. Московскаго къ папѣ Клименту VII, описанное Павломъ Іовіемъ (№ 79, 224—249; № 80, 356—372); краткая біографія митроп. Сестренцевича-Богуша, сост. г. Шерпинскимъ (№ 80, 372—402); отрывокъ изъ рукописи „о службахъ и походахъ боярскихъ, также полковыхъ разрядахъ ихъ, кто, когда и въ которомъ полку служилъ" (№ 80, 403—431); о башкирахъ, П. Кудрявцева (№ 78, 65—82; № 79, 206—223).—*1827 годъ*: Бахчисарайскій дворецъ, П. Св. (№ 81, 3—27); монограммы или родъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ замка Изборгскаго, гр. Канкрина (№ 81, 28—39); мысли относительно изысканія древностей въ Новороссійскомъ краѣ, Стемпковскаго (№ 81, 40—72); историческое похвальное слово Дмитрію Донскому, Ал. В. Казадаева (№ 81, 73—104; 82, 216—257; 83, 379—430; 84, 49—90; 85, 206—263; 86, 337—386; 87, 60—103; 88, 212—240); чрезвычайное посольство думнаго совѣтника Украинцева къ портѣ Оттоманской въ 1699 и 1700 годахъ для заключенія мира (№ 82, 137—215, 83, 456—486); о послѣдней бытности Александра I въ Молочанскихъ менонитскихъ колоніяхъ, А. Ф—въ (№ 82, 281—299); объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи, Б. Р. (бар. Розенъ) (№ 82, 300—321); мысли о происхожденіи донскихъ казаковъ, изъ записокъ ген. Х. П. Кирсанова (№ 83, 489—508); построеніе города Ярославля и заложенной въ основаніи его церкви Св. Пророка Иліи Ярославомъ I М. Лѣнивцева (№ 84, 3—28; 85, 169—205); Царскосельскій лѣтописецъ, И. Яковкина (№ 84, 30—48; 85, 281—301; 86, 414—439; 88, 315—336); военныя дѣйствія соединенныхъ россійско-турецкихъ войскъ подъ Анконою, А. Висковатова (№ 84, 91—112; 85, 264—280; 89, 439—468; 1828 г. 98, 432—470); письмо изъ Сибири о Барнаулѣ (№ 84, 112—126); оренбургскій мѣновый дворъ, Ал. Крюкова (№ 84, 126—140); приказы и письма имп. Петра Вел. и имп. Екатерины I ген. Матюшкину во время Персидской войны (№ 86, 387—413; 91, 242—264; 92, 398—414); извѣстія о древностяхъ, найденныхъ въ 1826 г., Стемпковскаго (№ 86, 440—462); письмо о Россіяхъ бывшихъ нѣкогда внѣ нынѣшней Россіи, Ст. Руссова (№ 86, 461—488; 87, 104—126); письмо о Россіяхъ, бывшихъ въ нынѣшней Россіи до Рюрика, его же (№ 89, 337—368; 89, 369—396; 90, 22—52; 91, 199—229); поѣздка на Елтонское озеро, И. С. (№ 87, 3—24; 88, 241—265; 89, 397—414); взглядъ на коронованіе Россійскихъ вѣнценосцевъ (№ 87, 27—59; 88, 269—274; 92, 347—384); историческое извѣстіе о походѣ россійскихъ войскъ въ 1796 г. въ Дагестанъ и Персію подъ командою гр. Вал. Алекс. Зубова, Радожицкаго (№ 87, 127—168; 88, 266—314); путешествіе Екатерины II, описанное Сегюромъ (№ 89, 467—484; 90, 94—129; 91, 265—284; 1828: 94, 317—338; 95, 458—487; 100, 176—210); извѣстіе о вновь открытыхъ рукописяхъ Ломоносова

(№ 89, 489—494); Вишгородъ, П. С. (№ 90, 3—22); краткая лѣтопись войнамъ, веденнымъ русскими противъ персіянъ, сост. поруч. М. Ладыженскимъ (№ 90, 53—93; 91, 169—198; 92, 478—501; 1828 г. 93, 80—106); статистическія свѣдѣнія по Рязанской губ. за 1826 г. (№ 91, 230—341; 92, 385—397); слово при заложеніи памятника герц. Ришелье въ Одессѣ 30 іюля 1827 г., протоіерея Нестора Святенкова (№ 92, 337—346); первая выписка изъ журнала россійскаго посольства въ Персію 1817 г. (№ 92,415—450).— *1828 годъ*: И моя поѣздка въ Ревель, П. Св. (№ 93, 3—43; 94, 339—379; 95, 534—562); о раскольникахъ поселенныхъ въ Таврической губ., Мелитопольскомъ уѣздѣ, А. Ф—въ (№ 93, 44—58); приготовленіе къ проѣзду Петра В. чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 г., извлеч. П. Гуляевымъ (№ 93, 59—80; 94, 269—289; 95, 488 — 506); вторая выписка изъ журнала россійскаго посольства въ Персію (№ 93, 107—145); третья выписка (№ 94, 221 — 268); четвертая выписка (№ 95, 395 — 442); донесеніе Парѳенія митрополита Лаодикійскаго Петру I объ освобожденіи изъ турецкаго плѣна русскихъ подданныхъ (№ 94, 205—220); посольство Баттока отъ австрійскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 г., съ лат. К. У. (№ 94, 290—316; 100, 280—296; 101, 301—332); о древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губ. (№ 95, 442—458); Керчь, древняя Пантикопея, П. Св. (№ 96, 3—31); Новгородъ Сѣверскій, учит. Сбитнева (№ 96, 105 — 137; 97, 313 — 346); путевой журналъ крестьянина Суханова отъ Архангельска до Петербурга (№ 97, 193—213); историческія черты и статистическое описаніе Воронежской губерніи (№ 98, 361—379; 99, 71—86); картина Оренбурга и его окрестностей (№ 99, 3—38); раздача земель Ингерманландіи по присоединеніи ея Петромъ, соч. Яковкина (№ 99, 39—70); біографія П. М. Карташева (№ 100, 145—176); о проведеніи проточной воды изъ Невы до Царскаго Села, Яковкина (№ 100, 209—241); топографическое и физическое описаніе Тамбовской губерніи (№ 100, 242—253; 101, 333—352); взглядъ на рыболовство въ Астрахани (№ 102, 3—24; 103, 206—229); книга тысячная отъ сотворенія міра 7059 г., а отъ Р. Хр. 1551, съ боярскими списками, сообщ. Б. Ѳедоровымъ (№ 102, 25—40; 103, 230—251; 104, 421—445); статистическое описаніе города Пронска, изъ записокъ М. Н. Макарова (№ 102, 65—89); взглядъ на исторію трехъ княжествъ: Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи со II по XIII столѣтіе, Ст. Руссова (№ 102, 90—115; 1829 г. № 105, 32—57; № 107, 360—382); прогулка по Воспорскому проливу и по берегамъ Азовскаго моря въ 1820 г. (№ 103, 181—205); о жизни и произведеніяхъ художника Ив. Прок. Прокофьева (№ 102, 252—267; 104, 405—420); свѣдѣнія о р. Печорѣ, собранныя на мѣстахъ вологодскимъ гражданиномъ Александромъ Дельгинымъ (№ 104, 349 — 379); русскія святки въ Эривани въ 1827 году (№ 104, 380—404).—*1829 годъ:* грамота Владислава Ягеллона, данная имъ брату своему Скиргайлу Ольгердовичу на Троцкую область съ принадлежностями (№ 105, 3 — 12); извѣстіе о Московіи, писанное Альбертомъ Вимене де Ченеда въ 1657 году (№ 105, 13—32; 106, 224—253; 107, 421 — 441; 108, 79 — 94); путевыя записки по Мезеньскому уѣзду въ 1828 г., инспект. Протопопова (№ 105, 58—82; 106, 254—273); путешествіе въ Соловецкій монастырь, П. Св. (№ 105, 118—151; 106, 209—223; 108, 59—78); списокъ съ духовной торговаго гостя Гаврила Мартыновича Ѳетіева, писанный имъ 27 ноября 1684 г. (№ 106, 169—208; 107, 337—359); историческое описаніе Ваги и города Шенкурска, составленное Матв. Мясниковымъ (№ 107, 383—420; 108, 22—58; 109, 229—279; 110, 377—400; 111, 78—103; 112, 243—282; 113, 402 — 430; 114, 93 — 116; 115, 260 — 291; 116, 448 — 464); наблюденія русскаго въ Америкѣ: взглядъ на свободное художество въ Соединенныхъ Штатахъ, П. Св. (№ 109, 145—164; 110, 289—312; 112, 181—193); статистическое описаніе города Данкова въ 1826 г. (№ 109, 165 — 174); краткая опись предметовъ, составляющихъ русскій музеумъ, П. Свиньина (№ 110, 315—376; 111, 3—77); списокъ съ подлинной грамоты царя Але-

всія Михайловича къ шведскому королю Карлу (№ 110, 406 — 410); первый день моего пребыванія въ Архангельскѣ, П. Свин. (№ 111, 104—128); воспоминанія о тайн. сов. Ник. Ник. Демидовѣ (№ 111, 129 — 160); нѣчто о новомъ каналѣ герц. Александра Виртембергскаго, изъ путев. записс. Свиньина (№ 112, 169—180); пребываніе въ Россіи Корнелія Брунна въ 1702 г., пер. В. Б—ва (№ 113, 345—365; 114, 46—66; 116, 394—410); 1830 годъ (№ 125, 1—42); наблюденія русскаго офицера въ Варнѣ, П. Должикова (№ 113, 432—468); письма Д. Ив. Фонъ-Визина къ роднымъ своимъ изъ чужихъ краевъ (№ 115, 169—180); двѣ грамоты царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича къ польскимъ жителямъ (№ 115, 181—198); новое устроеніе Виттелевскаго канала въ Царскомъ Селѣ, Яковкина (№ 115, 215—232); замѣчанія на статью въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ „Вѣстника Европы" 1829 г., подъ заглавіемъ: „Взглядъ на Русскую Правду" (№ 116, 337—379); судоходство 5 губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской (№ 116, 380—393); археологическое и статистическое описаніе города Скопина (№ 116, 411—422).—*1830 годъ*: взглядъ на Одессу, П. Св. (№ 117, 1—46); договорная окончательная грамота 1634 г. между русскими и польскими послами объ отреченіи польскаго короля Владислава отъ русскаго престола (№ 117, 47 — 75; 118, 194—220; 119, 377—399); памятныя записки В. А. Нащокина (№ 117, 76—104); отрывокъ изъ походнаго дневника егерскаго офицера въ Варнѣ Должикова (№ 118, 220—237); наставленіе выборному отъ Малороссійской коллегіи члену оной Наталину въ комиссію объ Уложеніи (№ 119, 347—376; 120, 44—74); записки ген. М. Броневскаго о киргизъ-кайсакахъ Средней Орды (№ 119, 400—420; 120, 74—88; 121, 162—194; 122, 357—364; 123, 70—97; 124, 196—288); Полтава, П. Св. (№ 120, 1—43); пустынная Рихловская обитель Св. Николая, изъ путевыхъ записокъ Ф. Ив. М. (№ 120, 89 — 124; 121, 195—213); память гр. П. Вас. Завадовскому, рѣчь ректора Виленскаго университета профес. Снядецкаго 30 іюня 1813 г. (№ 121, 142 — 161); письмо Суворова къ гр. Цукато отъ 28 декабря 1794 г. изъ Варшавы въ отвѣтъ на просьбу написать исторію Суворова (№ 121, 230—232); духовная Іоакима патріарха Московскаго (№ 122, 287—323); о прежнихъ правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ Малороссіи, изъ экстракта, сочиненнаго въ 1751 г. войсковою канцеляріею (№ 122, 324 — 356); воспоминанія и наблюденія въ Псковѣ, П. Св. (№ 123, 1—30); путевыя записки, веденныя Петромъ Великимъ во время заграничнаго путешествія 1697 и 1698 гг. (№ 123, 31—69; 124, 119—161); о службахъ и походахъ боярскихъ (№ 126, 3—184). Къ 1830 году приложенъ списокъ авторовъ, участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ изданіи „Отечественныхъ Записокъ".

(82) Къ *стр. 464*.—Перечень статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву, помѣщенныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", напечатанъ Аѳанасьевымъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи", издававшемся Калачевымъ (книжка 1, М. 1850 г., приложеніе II).

(83) Вотъ перечень прозаическихъ статей, относящихся собственно къ беллетристикѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Соревнователь" или „Труды Вольнаго Общества любителей русской словесности:

1818 годъ: „Духъ россійскихъ государей Рюрикова дома", Я. Орлова (I, 1—24; 143—169); „Странствованіе Гумбольдта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта, чтеніе Гумбольдта", пер. И. Гарижскаго (I, 25 — 38; 170 — 190; 330—341); „О водопадахъ рѣки Ориноко", чтеніе Гумбольдта (III, 180—203; 288—309); „Жизнь Вас. Петр. Петрова" (I, 116—138); извлеченіе изъ сочиненія „Catharinens der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachkunde", von T. Adelung, S.-Pt. 1815 г. (I, 271—304); Философско-историческое разсужденіе о постепенномъ ходѣ вообще словесности и витійства въ собственномъ смыслѣ взятаго, Д. В. (II, 1—33; 131—155; 275—283); изуст-

ныя преданія о городѣ Бѣломъ Смоленской губерніи, Ф. Паппковича (II, 126 — 130); о важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейновыхъ записокъ о Россіи съ критическимъ обозрѣніемъ ихъ содержанія, Ив. Лобойко (II, 228—266); о сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани или объ отвѣсной высотѣ Волги, Л. Пансиера, съ прибавленіемъ К. (II, 284—305); жизнь И. И. Шувалова, Панк. (II, 401—423); объ изящномъ, А. Гевлича (III, 1—18; 127 — 130); изслѣдованіе неправильнаго дѣйствія магнитной стрѣлки у острова Юсаги, учиненное въ 1815, 16 и 17 гг., вице-адмир. Сарычева (III, 151—17?); о нравахъ и обычаяхъ морлаковъ, или славянъ далматскихъ, соч. абб. Фортиса, пер. О. Сомова (IV, 17 — 56); изслѣдованія, служащія къ поясненію древнероссійской исторіи изъ сочиненія Лерберга: „Untersuchungen zur Erläuterung der ältesten Geschichte Ruslands", S.-Pt. 1816 (IV, 97 — 125); о Гомерѣ и его твореніяхъ, Ф. Шиллефель (III, 1—16; 141—154; 257—271); Понтъ де Ла-Гарди, изслѣдованіе народнаго преданія, относящагося до завоеванія Нигерманландіи россіянами, соч. пастора Гиппинга (IV, 311—338).

1819 годъ: Зиновія и Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія, Ф. Глинки (V, 1—16, 129—170; VI, 1—26; 237—266); поѣздка на Илецкую Защиту, А. Боровкова (V, 17 — 38); матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, И. Кеппена (V, 69 — 108; 226 — 266); о вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы, Н. Гнѣдича (V, 275—289); отрывокъ изъ Гумбольдта о физіогноміи растеній (VI, 47—58); объ арабской литературѣ и языкѣ, А. Р. (VI, 59—77); письмо Лейбница къ Петру В., съ приложеніемъ нѣкоторыхъ къ оному дополненій (VI, 99—114); письма наслѣднаго принца шведскаго къ барону Зедергольму (VI, 123—134); Тассъ, историческое извѣстіе, Со—въ (VI, 165—188); замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ вѣка Ѳеодосія Великаго и сына его Аркадія изъ твореній Іоанна Златоустаго, А. Р. (VI, 267—276); письмо изъ Украйны, Е. Ковалевскаго (VII, 45—54); о календарѣ грековъ, А. Рихтеръ (VII, 55—67); о Кіевской академіи, М. Берлинскаго (VII, 94—112); обозрѣніе россійской торговли со времени основанія Россійской монархіи, А. Гевлича (VII, 123—159); о Веніаминѣ Франклинѣ, Д. Сахарова (VII, 160—173); древнѣйшія извѣстія о янтарѣ, съ польск. Лобойко (VII, 220—230); письмо Ѳеофана Прокоповича (VII, 231—237); изъ путешествія Бланкеннагеля въ Хиву (VII, 259 — 274; VIII, 38 — 69); два письма имп. Екатерины II къ послу русскому въ Венеціи Мордвинову (VIII, 22 — 37); извѣстіе объ ученой жизни профес. Р. Т. Гонорскаго, И. Л. (VIII, 88—94); древніе предѣлы морей внутреннихъ по Дюро-де-Ламалю, Попова (VIII, № XI, 1—48); исторія Одина побѣдителя, законодателя, наконецъ бога древнихъ скандинавовъ, И. Брикова (VIII, XI, 59—79; XII, 57—71); защищеніе Тампліеровъ противъ Гаммера, написанное по-французски Ренуаромъ (VIII, XI, 118—134; XII, 110—124); рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія, говоренная Д. Сахаровымъ при принятіи его въ члены Общества соревнователей просвѣщенія (VIII, XI, 1—31).

1820 годъ: Четыре первыя божества Индіи, изъ опыта полнаго миѳологическаго словаря всѣхъ народовъ, бар. Корфа (IX, 1—18); Юпитеръ Аммонъ, оттуда же (XI, 139—146); о гробахъ Герцеговины между селомъ Чистымъ и Лавричемъ, изъ путешествія кн. Ал. Сапѣги къ славянамъ при Адріатическомъ морѣ (IX, 30—43), пер. съ пол. Зор. Ходаковскій; еще нѣкоторыя замѣчанія о Слободско-Украинской губерніи (IX, 129—141); отрывокъ изъ походныхъ записокъ русскаго офицера, Лажечникова (IX, 142—149; X, 145—157; 257—268; XI, 257—271; XII, 146—164); о просвѣщеніи исландцевъ, изъ книги Die Edda von Fr. Rühs, B. 1812 (IX, 150—164); о сѣверной поэзіи, ея происхожденіи и характерѣ, В. Брайкевича (IX, 249—269; XII, 257; XVI, 26—65); о новыхъ открытіяхъ въ Египтѣ и о вліяніи ихъ на изученіе древностей, съ фран., Сахарова (IX, 3—34); о походѣ и вторженіи въ Финляндію, упоми-

наемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ, соч. А. Гиппинга (X, 35—54; 110—131); опытъ историческихъ изслѣдованій объ образованіи человѣческихъ способностей, въ особенности по части минералогіи, Гессе-де-Кальве (X, 132—144; 248—256); разборъ книги: „Обозрѣніе всѣхъ языковъ и нарѣчій", составленной Ф. Аделунгомъ, соч. П. Кеппена (X, 189—225); краткое историческое обозрѣніе римскаго права, бар. М. Корфа (X, 229—247); извѣстіе о путешествіи, предпринятомъ г. Риччи во внутренность Африки, изъ журнала „La Ruche Provençale", И. А. (X, 324—356); о происхожденіи художествъ, Анны Буниной (XI, 12—31); о военномъ искусствѣ у римлянъ, пер. Вл. Лыкошина (XI, 32—51); извѣстіе о напечатаніи Краледворской рукописи Ганкою и переводъ ея, А. С. Шишкова (XI, 100—118); новыя извѣстія о находимыхъ въ Сибири костяхъ чужеземныхъ животныхъ, г. Спасскаго (XI, 119—129); извлеченіе изъ писемъ миссій, находящихся въ Китаѣ и Вост. Индіи, на фран. яз. соч. Леклерка (XI, 214—232); путешествіе на Востокъ, г. Лега (XI, 232—238); рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Войска Черноморскаго, сказанная при открытіи гимназіи въ Екатеринодарѣ 17 мая 1820 г. протоіереемъ Россинскимъ (XII, 1—32); о сочиненіяхъ лорда Байрона изъ „Revue Encyclopedique", пер. К. П. Б. (XII, 101—120); жизнь Боккачіо, съ фран. Д. Сахаровъ (XI, 282—292); о сыромъ желѣзѣ или чугунѣ, изъ руководства къ плавленію желѣзной руды (Sidero technic) Гассенфраца, пер. В. Любарскаго (XI, 293—313); арабская антологія изъ Bibl. Univers., пер. Д. Сахаровъ (XI, 360—369); о пребываніи корабля „Суворовъ" въ Новой Голландіи, изъ журнала штурмана, Алексѣя Россійскаго (XII, 125—145); о финской литературѣ, Брайкевича (XII, 213—229); достопамятныя слова и рѣчи имп. Петра I, изъ записокъ Андрея Нартова (IX, 332—338).

1821 годъ: „Замѣчаніе о Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ", И. А. (XIII, 1—24); нѣчто о церкви Св. Олая въ Ревелѣ, зажженной молніею 15—16 іюня 1820 г. (XIII, 96—120); опытъ исторіи картъ изъ „Rev. Encyclop.", пер. Д. Сахарова (XIII, 276—298); взглядъ на исторію искусствъ, Н. Кошанскаго (XIV, 1—25; 117—145; 259—271); Старая и Новая Ладога, А. Р. (XIV, 26—39); о древности финикійскаго алфавита, изъ „Revue Encyclop.", пер. Д. Сахарова (XIV, 67—81); біографія Авг. Коцебу (XIV, 82—90); извѣстіе о древнѣйшихъ историкахъ польскихъ и въ особенности о Падлубкѣ, въ опроверженіе Шлецера, соч. Лелевеля, пер. Ѳ. Булгарина (XIV, 147—171); біографія Парни, изъ „Revue Encyclop.", пер. Н. Ф. (XIV, 203—208); описаніе Туакской пещеры въ Крыму, П. Кеппена (XIV, 220—249); біографія Кампе, пер. съ фран. Сахарова (XIV, 330—335); восхожденіе на Страсбургскую колокольню, дат. писателя Боггезена, пер. бар. Корфа (XIV, 345—356); донъ Карлосъ, историческое происшествіе XVI вѣка, Я. Лыкошина (XV, 3—32; 148—178); записки о Голландіи, Н. Бестужева (XV, 32—64; 179—226; 257—298); опытъ разбора русскихъ синонимъ, К. Княжевича (XV, 65—70); приказъ Суворова въ Варшавѣ 1795 г., по случаю праздника Пасхи (XV, 106—108); рѣчь Н. И. Гнѣдича 13 іюня 1821 г., при переименованіи его изъ почетныхъ въ дѣйствительные члены Общ. сорев. просв. (XV, 129—147); чертоги Скаура или описаніе римскаго дома изъ „Rev. Encyclop.", пер. А. Р. (XV, 348—361); отрывки изъ рукописи подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ Испаніи", соч. Ѳ. Булгарина (XVI, 3—25; 183—201; 316—336); о бардахъ, скальдахъ и стихотворцахъ среднихъ вѣковъ, А. Р. (XVI, 157—182); объ упражненіи въ сочиненіяхъ, изъ Квинтиліана, пер. Ив. Снегирева.

1822 годъ: Лѣтопись о сибирской сторонѣ и о взятіи Сибири, доставлена Никитѣ Новову духовнымъ лицомъ въ Екатеринбургѣ (XVII, 3—32; 129—158); разборъ синонимъ, Княжевича (XVII, 55—61; 186—194); извѣстіе о жизни Ив. Аѳ. Дмитревскаго, доставлено гр. Хвостовымъ (XVII, 103—115); нѣчто о вліяніи монголовъ и татаръ на Россію, А. Р. (XVII, 249—270); о разговорахъ въ обществѣ, съ

нѣм. А. К. (XVII, 311—326); о золотой гривнѣ, найденной близъ Чернигова, В. А. (XVII, 341—349); Карлъ V, изъ исторіи его, Робертсона (XVIII, 3—32); сибариты, А. Р. (XVIII, 33—53); Лаконизмъ Суворова, N. N. (XVIII, 86—99); характеръ имп. Петра I и нѣкоторыхъ его приближенныхъ, изъ книги An Account of Russia as-it was in the year 1710 by Lord Whitworth, пер. А. К. (XVIII, 129—138); нравы и обычаи древнихъ норвежцевъ, извлеченіе изъ исторіи Норвегіи, соч. Густ. Л. Бадена, Копенг. 1804 г., А. Р. (XVIII, 139—157); объ испанскихъ торреадорахъ, Я. Лыкошина (XVIII, 158—175); о скукѣ, съ иностр. Ор. Сомова (XVIII, 190—200); о слушаніи, соч. Плутарха (XVIII, 241—279); о языкѣ давнихъ пруссаковъ, отчетъ Линде о сочиненіи Фатера (XVIII, 280—334); о гражданствѣ древнихъ славянъ, чтеніе Раковецкаго въ засѣданіи Варшавскаго Общ. любителей словесности, пер. Анастасевича (XIX, 3—16); отрывокъ изъ рѣчи, говоренной проф. Андре въ собраніи академіи, о прекрасномъ въ нравахъ, Д. Сахарова (XIX, 33—38); устье Босфора, изъ путешествія по Востоку, Сенковскаго, пер. А. Бестужева (XIX, 39—73); о свадебномъ русскомъ обрядѣ, кн. Цертелева (XIX, 113—130); нѣсколько словъ о китайцахъ (XIX, 130—141); отрывокъ изъ турецкой исторіи XVI столѣтія (XIX, 142—156); о любви къ славѣ, изъ Вейсе, кн. Н. Голицына (XIX, 157—162); о гробницахъ въ подземельяхъ Ѳивскихъ, Жомара, отрывокъ изъ описанія Египта французскими учеными, пер. А. Б. С—ъ (XIX, 182—194); Годфридъ Бульонскій, съ нѣм. Вл. (XIX, 233—253); Саладинъ, съ нѣм. Вл. (XIX, 253—275); пріемъ и угощеніе нѣмецкихъ путешественниковъ у турецкаго намѣстника въ Дамангурѣ, въ Египтѣ (XIX, 276—295); о памяти, изъ Сегюра (XIX, 296—311); записка о найденныхъ въ землѣ 6 іюня 1822 г. золотыхъ вещахъ въ Рязанской губерніи, С. Е. Лашакова (XIX, 322—325); посольство Рейнольда фонъ-Бредерода Дитриха Бассе и Альберта Іохима въ Россію въ 1615 и 1616 годахъ, Корниловича (XX, 3—13); путешествіе Гетума, царя армянскаго, къ Мангу, хану татарскому, изъ сочиненія инока армянскаго монастыря въ Венеціи Михаила Чамчіяна (XX, 14—23); объ образѣ воспитанія у малайцевъ въ Малаккѣ, съ франц., Д. Сахарова (XX, 59—69); краковскіе памятники, В. Анастасевича (XX, 91—101); посольство Іоахима Скультетуса отъ бранденбургскаго курфирста Фридриха-Вильгельма къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 году, Корниловича (XX, 113 — 136); опытъ исторіи русскаго флота, Н. Бестужева (XX, 137—175; 271—301); Александрійская школа, съ нѣм. Вл. (XX, 241—270): о философіи Аристиппа, съ фр. И. А. (XX, 302—318).

Примѣчаніе. Въ 1823 г. вышелъ переводъ соч. Андре, подъ заглавіемъ: „Опытъ о прекрасномъ или изящномъ, съ предварительнымъ разсужденіемъ и замѣчаніемъ о вкусѣ и формѣ“, 2 части, Орелъ 1823 г.

1823 годъ: Камоенсъ, Як. Лыкошина (XXI, 3—33); Тассъ (XXI, 34—48); о произношеніи, изъ Квинтиліана, lib. XI, C. 3. (XXI, 72—96); великое россійское посольство въ Голландію, изъ кн. Схельтемы „Русскіе въ Нидерландахъ“, Корниловича (XXI, 117 — 140); орденъ іезуитовъ, изъ исторіи Карла V, Робертсона, пер. П. Коншина (XXI, 147—173); о поэзіи описательной, отрывокъ изъ „Исторической картины россійской словесности“, составленъ кн. Н. Цертелевымъ (XXI, 253—273); о народной поэзіи, оттуда же (XXII, 3—22); краткая лѣтопись Эпира и города Янины, изъ сочиненія: „Путешествіе въ Янину изъ Албаніи, черезъ Сицилію и Грецію“, Thom. Stuart Hughes, пер. съ фр. 1821 г. О. Сомова (XXI, 303—335; XXII, 86—103); второй отрывокъ (XXIII, 123—150; 221—254); о числѣ поляковъ въ Россійской имперіи изъ предисловія Майера Брёмзена къ сочиненію „Russland und das Russische Reich. B. 1817 (XXI, 336—347); о варшавскомъ лицеѣ, В. Анастасевича (XXI, 352—362); письмо изъ Венгріи А. Бер—на (XXII, 22—64); о существующихъ въ Россіи училищахъ по методѣ взаимнаго обученія (XXII, 104—116); взглядъ на сочиненія россійской сло-

вестности отъ начала оной до XVIII столѣтія (XXII, 117—167; 237—255); историческое описаніе Астраханской губерніи (XXII, 175—196; 274—291); документы хранящіеся въ ризницѣ кіевскаго Софійскаго собора, А. К. (XXII, 197—201); указы имп. Петра I кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому (XXII, 201—212); посольство отъ царя Константина до королевы Гишпанской Елебеты, сообщ. Анастасевича, списокъ съ грамоты царя Грузинскаго (XXII, 213—219); библіографическое свѣдѣніе объ извѣстныхъ до нынѣ экземплярахъ статута литовскаго, проф. Даниловича, съ польск. Анастасевича (XXII, 304—360); о романтической поэзіи, Ор. Сомова (ст. I, XXIII, 43—59; ст. II, 151—169; 263—306; ст. III, 125—147); посольство голландцевъ Альберта Бурга и Іоанна Фанъ-Фельтриделя въ 1630 г., Корниловича (XXIII, 72—93); о учебномъ заведеніи г. Фелленберга въ Гохвилѣ, пер. Ип. Блот. (XXIII, 174—215; 317—336); взглядъ на военное искусство древнихъ до изобрѣтенія ружей, А. Пушкина (XXIV, 57—85; 169—201); о взаимномъ отношеніи наукъ математическихъ и физическихъ изъ элементарнаго курса физическихъ наукъ Бёдана, В. Любарскаго (XXIV, 202—216); сраженіе при Ганго Удѣ, изъ опыта исторіи русскаго флота", Н. Бестужева (XXIV, 274—288).

1824 годъ: Первое посольство русскихъ въ Голландію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изъ Схельтемы, Корниловича (XXV, 58—73); лекціи физико-химическаго курса, академика Шерера (XXV, 76—104; 208—220; 303—331; XXVI, 120—128; 332—349; XXVII, 94—112; 190—221; 349—350; XXVIII, 73—102); библіографическое извѣстіе о трехъ рукописныхъ славянскихъ Библіяхъ въ Московской Патріаршей библіотекѣ (XXV, 104—106); о военныхъ реляціяхъ, N. N. (XXV, 169—190); сношенія Россіи съ Голландіею съ 1650 по 1660 годъ, Корниловича (XXVI, 285—297; 279—307); извѣстіе о побѣгѣ короля польскаго Станислава Лещинскаго изъ Данцига въ Мардіенвердеръ 1759 г., имъ самимъ описанное (XXVI, 3—29; 211—221); краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ и объ успѣхахъ огнестрѣльнаго оружія, А. Пушкина (XXVI, 77—119; 130—182; 241—278); о внутреннемъ состояніи донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія, В. С (XXVI, 183—200); о вліяніи женщинъ на литературу и художество, изъ книги de la Femme, par Virey (XXVII, 13—25); о верховой ѣздѣ, А. Бестужева (XXVII, 53—73); теорія морскаго прилива, изъ Мальте Брюна, К. (XXVII, 74—85); рѣчь лорда Чатама объ американскихъ дѣлахъ, пер. А. Бестужева (XXVII, 113—118); записки Наполеона, изданныя Гурго (XXVII, 119—131); о подражаніи, изъ Квинтиліана de institutione oratoria, lib. X, 2 (XXVII, 145—155); о знатнѣйшихъ философахъ, бывшихъ прежде и послѣ Канта, изъ соч. Сталь о Германіи (XXVII, 225—254); почему французскій языкъ сдѣлался всеобщимъ языкомъ въ Европѣ, извлеченіе изъ рѣчи, читанной въ засѣданіи берлинской академіи г. Маріономъ (XXVII, 255—289); о прекрасномъ вообще и въ особенности о прекрасномъ видимомъ изъ соч. „Essai sur le beau", par le père André, Paris, 1770 (XXVII, 290 — 331); объ измѣненіи поверхности земнаго шара, изъ Мальте Брюна (XXVIII, 3—19); нѣчто о нравственной философіи, изъ Aless. Verri (XXVIII, 20—43); о скиѳахъ, А. Пушкина (XXVIII, 113—181); о занятіяхъ оратора, окончившаго свое поприще, изъ Квинтиліана, lib. XII, 2 (XXVIII, 308—321). Собственно беллетристическихъ переводныхъ статей въ „Соревнователѣ" относительно менѣе, нежели въ другихъ журналахъ, гдѣ уже перевѣсъ переходитъ на сторону отечественной беллетристики, представителями которой являются Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Рылѣевъ, Загоскинъ и др. Кромѣ незначительныхъ переводныхъ повѣстей, оригиналъ которыхъ не указанъ, переведены небольшія повѣсти: Соаве „Алиманъ и его благополучіе", съ итальянскаго, пер. О. Сомова (II, 314—336), Жюи „Двѣ любви", перев. Н. Ф. (XIII, 300—384), Буфлёра „Тамара, или озеро кающихся", пер. Сомова (XXIV, 246—264). За то помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ

разныхъ пустынниковъ: „Антенорскаго пустынника“, Жюи, „Гвіанскаго пустынника, его же, и „Лондонскаго пустынника“, Кольнье. Есть переводъ „Моровой язвы во Флоренціи“ изъ Боккачіо, Батюшкова. Кромѣ того есть отрывки изъ сочиненій Шиллера (изъ его разсужденія „о прекрасномъ“), Виланда, Гердера, Леонарда (изъ его „Мечтаній“), Маттисона (изъ его „Воспоминаній“), миссъ Бодиеръ (изъ сочиненія „О счастьи“), Гольдсмита. Помѣщены также прозаическіе переводы изъ англійскихъ поэтовъ: „Рай и пери“, Томаса Мура, пер. К. П. Б.; „Обожатели огня“ пер. Н. Бестужева; отрывокъ „Тьма“ изъ Байрона, пер. Ф. Глинки; „Паризина“, пер. Н. Бестужева, помѣстившаго также отрывокъ изъ Вальтеръ-Скотта. Изъ ученыхъ сочиненій помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія г-жи Сталь „О Германіи“, изъ писемъ къ Софіи о физикѣ, химіи и исторіи Эме Мартена, пер. Д. Меньшенина, и изъ мемуаровъ Мармонтеля. Кромѣ того приведены отрывки изъ соч. Ансильона „Tableaux des revolutions politiques du monde“, изъ писемъ Савари къ г-жѣ Г. „О Греціи“; путешествія въ южную Африку д—ра Кембля; путешествія на Востокъ графа Форбена; изъ „Cours de morale“, Дю Мутье; изъ сочиненій Сегюра; изъ сочиненій Томаса; изъ Ле Франъ де Помпиньяна (о греческихъ писателяхъ); изъ записокъ Франклина (объ истребленіи тѣлесныхъ недостатковъ); изъ древнихъ писателей помѣщенъ отрывокъ изъ „Рамайяны“ и нѣсколько отрывковъ изъ Тита Ливія, въ переводѣ Н. Бѣлюстина.

Примѣчанія къ книгѣ второй.

(1) Къ *стр. 11.* — Библіографическія свѣдѣнія объ Авд. П. Елагиной сообщены К. Д. Кавелинымъ въ ея некрологѣ, напечатанномъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", издававшемся Коршемъ (1877 г., №№ 68 и 69) и П. И. Бартеневымъ въ „Русскомъ Архивѣ" (1877 г., II, 483).

(2) Къ *стр. 49.* — Я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Павломъ Ивановичемъ Якушкинымъ, начиная съ студенческой скамьи, хотя намъ потомъ приходилось рѣдко встрѣчаться, и потому я былъ глубоко опечаленъ тѣми воспоминаніями, которыми почтили его петербургскіе литераторы. За исключеніемъ Сергѣя Васильевича Максимова, который такой же Божій человѣкъ, благодушный и высокочестный, какъ самъ Якушкинъ, *товарищи-литераторы* не могли ничѣмъ приличнѣе помянуть покойнаго, какъ выставить на свѣтъ единственно его чудачества, его оригинальный костюмъ, безцеремонное обращеніе и даже несчастную *сорокоушку*, точно будто собирались анекдоты о шутѣ Балакиревѣ!? Неужели *генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ*, къ которому хаживалъ Якушкинъ, приглашалъ его также только для того, чтобы посмотрѣть на его оригинальные пріемы въ компаніи!? Беззаботный и безхитростный, Павелъ Ивановичъ легко и безцеремонно сходился со всѣми; онъ пировалъ за однимъ столомъ и дружился съ псковскимъ полицеймейстеромъ, посадившимъ его безъ всякаго права и основанія въ кутузку. Но вѣдь это только съ внѣшней стороны; душу свою Павелъ Ивановичъ не открывалъ всякому встрѣчному, поэтому г. Лѣскову дѣйствительно было довольно *трудно* судить объ умѣ Якушкина. Но въ такомъ случаѣ лучше бы ему было и вовсе оставить умершаго, нежели увѣрять, что онъ судилъ честно, но не *толково*; что въ поступкахъ людей онъ часто былъ лишенъ *способности различать между добромъ и зломъ*; что его соціальный идеалъ былъ *большой, смутный и самому ему непонятный* (Соч. Якушкина, стр. LXIX). Тѣ, которыхъ удостоивалъ Павелъ Ивановичъ своей *настоящей пріязни*, очень хорошо знали, что его недюжинному уму и честной натурѣ *яснѣе многихъ* представлялась самобытная, свободная и народолюбивая Россія, сохранившая свои историческія традиціи и выступившая на земское дѣло мірскимъ согласіемъ, а не путемъ вычитанныхъ въ книжкѣ, но надлежащимъ образомъ не усвоенныхъ взглядовъ.

(3) Къ *стр. 51.*—„Вампиръ", повѣсть, разсказанная лордомъ Байрономъ, съ приложеніемъ отрывка изъ одного недоконченнаго сочиненія Байрона, пер. съ англ. П. К., М. 1828 г.

(4) Къ *стр. 55.*—Вотъ библіографическое указаніе стихотвореній, помѣщенныхъ Ал. С. Норовымъ въ современныхъ журналахъ: 1819 г.: въ журналѣ *Благонамѣренный*: „Лира принесенная въ жертву", изъ Мильвуа (4,197); „Мѣсячное сіяніе" (4,200). 1820 г.: *Благонам.*: „Островъ" (10,288); *Вѣстн. Евр.*: „Прорицаніе" (13,3). 1821 г.: *Благонам.*: „Моя кончина", элегія, подражаніе Парни; „Больной Елизѣ",

съ итал. изъ Paolo Rolli (10, 79—82); „IV Сатира“ Буало, вольный переводъ (13,182); „Къ Дафнѣ“, идиллія (14,180); *Вѣстн. Евр.*: „Герміона“, элегія въ древнемъ вкусѣ, подражаніе Андрею Шенье (1,106); „Красавица“, отрывокъ (тамъ же, 108); „Юный страдалецъ“, элегія въ древнемъ вкусѣ (10,93); „Превращеніе“ (17,28); „Островъ“, подражаніе Парни (18,106); „Возрожденіе“, подражаніе Кіабрерѣ (тамъ же, 108). Въ „Сѣверной лирѣ“ Ал. Наровъ помѣстилъ: „Утро девятаго мая“, къ другу; въ *Уранія*: „Храмъ“, изъ Ламартина.

(5) Къ *стр. 57.* — Сочиненія Алек. Ѳед. Малиновскаго по указанію Геннади: „Торжество благодѣянія, или исторія Франциска Вильса“, англійское сочиненіе, съ фр. 2 ч. М. 1781 г.; „Духъ Бюффона“, съ фр. М. 1783 г.; „Разсужденіе о началѣ и основаніи гражданскихъ общежитій, въ опроверженіе Жанъ-Жака Руссо“, М. 1787 г.; „Явная война, или хитрость противъ хитрости“, ком. Дюманіана, М. 1788 г.; „Зоа“, драма Мерсье, М. 1789 г.; „Клементина и Дезормъ“, драма съ франц. М. 1789; „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, комедія Коцебу, съ нѣм., М. 1796—1801, изд. 3-е— Смоленскъ, 1812 г., 4-е—Орелъ, 1826 г.; „Эдлалія Мейнау, или слѣдствія примиренія“, траг. соч. Циглера, съ нѣм. А. М., служащее продолженіемъ комедіи „Ненависть къ людямъ“, М. 1796 г.; „Попугай“, др. Коцебу, М. 1796—1825, изд. 3—Орелъ, 1826 г.; „Бѣдность и благородство души“, ком. въ 3 д. Коцебу, М. 1798 г., изд. 2-е и 3-е— Орелъ 1817 и 1824 гг.; „Біографическія свѣдѣнія о кн. Пожарскомъ“, М. 1817 г. Остальныя важнѣйшія его сочиненія, указанныя въ текстѣ, у Геннади не поименованы. Въ каталогахъ Сопикова и Смирдина указаны переводы Малиновскаго безъ года: „Свѣтскіе друзья“, ком. Бонуара, и „Сельскій мудрецъ“, ком. въ 5 д. съ хорами и аріями. Кромѣ того въ хроникѣ С.-Пб. театровъ Вольфа указаны его пьесы: „Сынъ любви“, пер. драма, и „Старинные святки“, опера 1813 г. Были еще его переводы изъ театра Коцебу вмѣстѣ съ Ждановскимъ. Малиновскій составилъ уставъ странноприимнаго дома гр. Шереметева (1803 г.), занимался его устройствомъ и былъ главнымъ смотрителемъ съ 1810 по 1826 годъ. Некрологъ Малиновскаго, написанный Погодинымъ, напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., кн. I., стр. 300—306.

(6) Къ *стр. 60.* — Въ указѣ объ отставкѣ служба Александра Ивановича означена слѣдующимъ образомъ: въ службу вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ (14 класса), съ причисленіемъ къ Московскому архиву 1823 г. мая 23; перемѣщенъ къ дѣламъ коллегіи 1826 г. ноября 6; произведенъ въ переводчики (10 класса) со старшинствомъ съ 23 мая 1826 г.; прикомандированъ на время въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, для употребленія по дѣлопроизводству въ канцелярію комитета, Высочайше утвержденнаго 23 мая 1828 г., для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ коллегіи 1829 г. марта 1; Всемилостивѣйше пожалованъ ему бриліантовый перстень 1829 г. апрѣля 14; указомъ Правительствующаго Сената отъ 26 августа 1829 г. произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 1829 г. мая 23; пожалованъ въ коллежскіе ассесоры 1831 г. мая 10; изъ иностранной коллегіи по прошенію, за разстроеннымъ здоровьемъ, уволенъ отъ службы 1832 г. марта 4; по предложенію г. московскаго военнаго генералъ-губернатора допущенъ къ исправленію должности совѣтника московскаго губернскаго правленія 1833 г. октября 18; Правительствующимъ Сенатомъ утвержденъ въ должности совѣтника сего правленія 1833 г. декабря 11; по прошенію уволенъ вовсе отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника 1835 г. мая 12. Въ отпускахъ находился: 1827 г. съ 27 іюня на 28 дней; 1828 г. съ 22 іюля на 2 мѣсяца; въ 1831 г. съ 26 мая на 4 мѣсяца для поѣздки за границу, но въ срокъ не явился, а въ ходатайствѣ о продолженіи ему отпуска на годъ отказано; въ 1833 г. съ 6 іюня на 28 дней, но въ срокъ не явился и представилъ свидѣтельство о болѣзни.

(7) Къ *стр. 62.* — Воспоминаніе о Семенѣ Егоровичѣ Ранчѣ помѣщено М. Дмитріевымъ въ „Моск. Вѣдом." 1855 г., № 141, и отдѣльною брошюрой, М. 1855 г. Въ „Галатеѣ" помѣщены стихотворенія костромскаго поэта Анны Ивановны Корниловой, урожденной Готовцевой, къ которой обращены извѣстныя посланія Пушкина, въ отвѣтъ на посланіе къ нему Готовцевой и кн. Вяземскаго. Кромѣ того г-жа Готовцева помѣстила стихотвореніе „Одиночество", переводъ изъ Ламартина, въ „Сынѣ Отечества" за 1826 годъ и нѣсколько стихотвореній въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты", издававшемся бар. Дельвигомъ.

(8) Къ *стр. 79.* — Сочиненія князя Одоевскаго помѣщены въ „Вѣстн. Европы": 1822 г.: „Странный человѣкъ" (IV, 143—146); отрывки изъ Лабрюера (V, 61—65); „Похвальное слово невѣжеству" (V, 280—298); „За Дамскій журналъ" (VI, 146—150).— 1823 г.: „Дни досадъ" (III, 34—45; 206—216; IV, 219—226; 298—312; V, 24—48; 104—325).—1824: „Нѣсколько словъ о кантатахъ г. Верстовскаго" (V, 64—69). Къ другимъ статьямъ, помѣщеннымъ подъ рубрикою „Писемъ къ Лужницкому старцу", принадлежатъ: a) статьи юмористическія Григ. Ѳед. Квитка-Основьяненко, подъ различными псевдонимами: Аверьянъ Любопытный (1820 г., № 5, мартъ), Письма Власа Терпилова старшаго и младшаго (№ 7, апрѣль), Ал. Шестеркина (№ 11, іюнь), Ѳалалей Повитухинъ (1822 г. I, 306—314; II, 232—235); b) лицу, означавшему себя цифрами 1—19, юмористическое письмо о Причудинѣ (1820 г., № 10, май); c) Юноши бѣлаго города— статьи о критикѣ и литературѣ (1821 г. №№ 5 и 6); d) N. N.—статьи о театральныхъ пьесахъ и представленіяхъ (1821 г., № 21; 1822 г., III, 302—310); e) М. П. Погодина— по вопросамъ изъ общественной жизни (1823 г. I, 11—20; II, 151—153; III, 227—216; см. Барсук. „Жизн. Погодина", стр. 226).

(9) Къ *стр. 81.*—Директоръ Пажескаго корпуса Энгельгардтъ далъ такой отзывъ о Кюхельбекерѣ: „Читалъ все и обо всемъ; имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донъ-кихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ выходитъ изъ этого болѣзненнаго положенія. Въ дѣтствѣ онъ былъ одержимъ пляскою св. Витта, а отецъ его умеръ отъ чахотки, которая и ему угрожаетъ" (Гаевскій, „Современникъ" 1863, кн. 8, стр. 377).

(10) Къ *стр. 87.*—Библіографическій списокъ, соч. Кюхельбекера, помѣщенъ на страницахъ 262 и 263 этой книги. Въ спискѣ пропущены: 1815 г. *Амфіонъ*: „Мертвый живому" (сент., стр. 25); „Пѣснь лапландца" (ibid., 34). 1820 г. *Сынъ Отечества*: критическая статья о собраніи стихотвореній А. Буниной (ч. 61, 166). 1824 г. *Полярная Звѣзда:* „Святополкъ" (266). 1825 г. *Соревнователь просвѣщенія*: „Хоръ аргивянъ" (XXX, 301); „Другой хоръ аргивянъ" (XXXI, 101). Кромѣ того послѣ уже смерти Кюхельбекера напечатаны были въ „Отечественныхъ Запискахъ", безъ имени автора 1861 г. стихотворенія: 19 октября 1836 г. (т. 139, 38) и 19 октября 1837 г. (ibid., 40). Въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1858 г. помѣщена замѣтка Кюхельбекера въ альбомъ С. С. Н—ой, 1820 года.

(11) Къ *стр. 87.* — Въ напечатанномъ въ *Русской Старинѣ* „Дневникѣ" Кюхельбекера болѣе замѣчательны слѣдующія мѣста: сущность искусства по Теллину (XIII, 500); что такое юморъ (502 — 503); отзывъ о сценѣ явленія духовъ въ траг. Шекспира „Ричардъ III" (511); о вѣротерпимости (516—517); о „Собраніи древнихъ стихотвореній", изд. Калайдовичемъ (XIV, 77 и 78); отзывъ о поэмѣ Крабба „The village" (78); отзывъ о ком. Грибоѣдова „Горе отъ ума" (85).

(12) Къ *стр. 94.*—Цензура началась у насъ съ духовныхъ книгъ. Первымъ ново-

домъ къ ея возникновенію было появленіе въ кіевской и черниговской монастырскихъ типографіяхъ печатныхъ церковнослужебныхъ книгъ „со многою противностью Восточной церкви, однѣ по желанію раскольническому, другія со многою лютерскою противностью". Вслѣдствіе того сенатскимъ указомъ 5 октября 1720 года (П. С. З. № 3653) между прочимъ повелѣно: „никакихъ книгъ ни старыхъ, ни новыхъ изданій въ тѣхъ типографіяхъ не печатать, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи". Это распоряженіе обобщено съ изданіемъ Духовнаго Регламента 25 января 1729 г. (П. С. З. № 3718). Въ Регламентѣ повелѣно: „аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ. А коллегіуму разсмотрѣть должно, нѣтъ ли какого въ письмѣ ономъ прегрѣшенія, ученію православному противнаго" (ч. III, о должностяхъ, § 3). Установленіе свѣтской цензуры явилось сначала въ видѣ частной мѣры, при выдачѣ привилегіи на заведеніе частныхъ типографій. Такъ въ дозволеніи книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шпору завести въ С.-Петербургѣ первую частную типографію, которой разрѣшено было печатаніе русскихъ книгъ (указъ Сената 22 августа 1776 г., П. С. З. № 14495), между прочимъ вмѣнено было въ обязанность печатать „книги и сочиненія, кои непредосудительны православной Грековосточной церкви, ни правительству, ниже добронравію; сего ради или все то, что токмо въ ихъ типографію къ печатанію отъ кого принесено или самими ими изъ чужихъ краевъ выписано будетъ, означать въ ихъ каталогѣ издающихся книгъ; а сверхъ того, что у нихъ напечатано будетъ, то означать, что печатано въ ихъ типографіи". При дозволеніи свободнаго заведенія вольныхъ типографій (указъ Сената 15 января 1783 г., № 15634), книги велѣно было представлять въ управу благочинія, которой поручено было наблюдать, чтобы въ нихъ не было „ничего противнаго законамъ Божьимъ и гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося". Въ 1796 году, по случаю появленія книги Радищева и дѣла Новикова и мартинистовъ, „въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ", вольныя типографіи уничтожены, кромѣ особо дозволенныхъ; а для разсмотрѣнія книгъ, привозимыхъ въ Россію и печатаемыхъ внутри, учреждены цензуры изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при таможнѣ Радзивиловской, такъ какъ только чрезъ эти мѣста дозволялся привозъ книгъ изъ-за границы (указъ Сената 16 сентября, П. С. З. № 17508); а всѣ вообще дѣла по цензурѣ сосредоточены въ третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената (докл. Сената 16 февраля 1797 г., № 17811). Но учрежденныя такимъ образомъ цензуры не имѣли никакого общаго распоряженія правительства для своего руководства, такъ что императоръ Павелъ призналъ за нужное повелѣть, чтобы книги, признаваемыя цензурою недозволенными и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта (имп. ук. 4 іюля 1797 г., № 18032). Такимъ образомъ *первою общею правительственною мѣрою* по введенію у насъ цензуры должно считать Уставъ о цензурѣ отъ 9 іюля 1804 года (П. С. З. № 21388), изданный именно „для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей Имперіи". Уставъ этотъ былъ очень либеральный. На цензуру возложено было наблюденіе, чтобы не было ничего противнаго закону Божьему, правленію, нравственности и личной чести каждаго гражданина (§ 15). Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій должна была руководиться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто подверженное сомнѣнію имѣетъ двойной смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать (§ 21). Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія,

законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія (§ 22). Цензору запрещалось дѣлать самому какія-либо поправки, но, означивъ сомнительныя мѣста, предписывалось отсылать рукопись къ автору для поправленія (§ 16). Желѣзный цензурный уставъ, составленный Магницкимъ и компаніею и проведенный министромъ Шишковымъ (10 іюня 1826 г., П-е, П. С. З. № 403), сущность цензуры признавалъ въ огражденіи: a) наукъ и воспитанія юношества, b) нравовъ и внутренней безопасности и c) направленія общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства (§ 6). Съ этою цѣлью въ цензурный уставъ внесены между прочимъ слѣдующія правила. Право изданія въ свѣтъ всякаго повременнаго изданія можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли (§ 129). Всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и пр., не имѣющіе полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію (§ 150). Статьи подъ названіемъ критикъ и антикритикъ должны быть основаны на безпристрастныхъ сужденіяхъ и въ такомъ только случаѣ допускаются (§ 153). Строго наблюдается, чтобы въ произведеніяхъ словесности, какого бы они рода ни были, не пропускалось ничего, стремящагося поколебать правила христіанской нравственности или умалить должное къ христіанскимъ добродѣтелямъ благоговѣніе (§ 162). Всякое сочиненіе или переводъ, въ которомъ порицаются или опровергаются правила христіанскаго воспитанія и образованія юношества, не можетъ быть одобрено къ напечатанію (§ 163). Равнымъ образомъ запрещается всякое произведеніе словесности и искусствъ, противное добрымъ нравамъ, благопристойности или чести народной и личной (§ 164). Запрещается всякое произведеніе словесности не только возмутительное противъ правительства и постановленныхъ отъ него властей, но и ослабляющее должное къ нимъ почтеніе (§ 166). Всякое сочиненіе или переводъ, въ коемъ прямо или косвенно порицается монархическій образъ правленія, подвергается запрещенію (§ 168). Запрещаются къ печатанію всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненіи правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ и сословіямъ государственнымъ, и если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ (§ 169). Равнымъ образомъ запрещаются всякія разсужденія, въ которыхъ говорится безъ надлежащаго уваженія о государѣ, правительствахъ и политическихъ властяхъ вообще, или въ которыхъ предлагаются неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству (§ 171). Если сочинитель, описывая послѣдовавшія въ разныхъ государствахъ противъ законной власти возмущенія, старается, прямо или косвенно, оправдывать виновниковъ оныхъ и закрывать происшедшія отъ того преступленія, ужасы и злосчастія цѣлыхъ народовъ; если всѣхъ сихъ горестныхъ послѣдствій не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ, то сочиненіе его, осуждаемое справедливостью и человѣчествомъ, подвергается строгому запрещенію (§ 178). Таковому же жребію подвергается всякое историческое сочиненіе, въ которомъ посягатели на законную власть, понесшіе справедливое по дѣламъ ихъ наказаніе, представляются какъ жертвы общественнаго блага, заслуживавшія лучшую участь (§ 179). Общая или частная исторія народовъ, а также историческіе отрывки и разсужденія, которые по образу изложенія повѣствуемыхъ происшествій и по связи другихъ приводимыхъ въ нихъ обстоятельствъ обнаруживаютъ неблагопріятное къ монархическому правленію расположеніе, строго воспре-

щаются (§ 180). Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію и коихъ содержаніе противно правиламъ сего Устава (§ 181). Тѣмъ же правиламъ подчиняются книги географическія и статистическія (§ 182). Что касается до дидактическихъ умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теорія о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, какъ напримѣръ о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобное— отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію (§ 190). При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ, цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Примѣненія и переходы сіи обыкновенно доводятъ до заблужденій и ни мало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ (§ 192). По отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни (§ 193). Кромѣ учебныхъ, логическихъ и философскихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны (§ 186). Относительно къ учебнымъ курсамъ логики и философіи цензоръ при разсматриваніи ихъ долженъ имѣть въ виду: 1) неприкосновенность истинъ божественнаго откровенія и 2) ненарушимость правилъ, на коихъ зиждется общежитіе и благонравіе (§ 187). Уставъ запрещалъ къ печатанію даже сочиненія и переводы, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей (§ 154). Не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ (§ 151). Цензору приходится самому замѣнять одни слова другими или вымарать нѣкоторыя выраженія, но авторъ можетъ не принять такихъ перемѣнъ и тогда печатаніе рукописи запрещается (§ 60). Не дозволенныя цензурою мѣста не могутъ быть замѣняемы точками, могущими подать поводъ къ неосновательнымъ догадкамъ и превратнымъ толкамъ (§ 63). Авторъ несетъ на себѣ отвѣтственность и за одобренныя цензурою къ печати сочиненія, ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненія его по обязанности, на ряду со многими другими (§ 213). Въ Цензурномъ Уставѣ, составленномъ коммиссіею, гдѣ участвовалъ кн. Одоевскій (Уставъ обнародованъ 22 апрѣля 1828 г., II-е П. С. З. 1779), само собою выкинуты всѣ эти запретительныя статьи и замѣнены общими въ слѣдующемъ видѣ: произведенія словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры: 1) когда въ оныхъ содержится что-либо клонящееся къ поколебанію ученія православной Грекороссійской церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ замѣчается что-либо нарушающее неприкосновенность самодержавной власти или уваженія къ Императорскому дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность; 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями или предосудитель-

нимъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою (§ 3). Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначаемыя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго употребленія (§ 8). Въ разсматриваніи сочиненій историческихъ и политическихъ цензура ограждаетъ неприкосновенность Верховной власти, строго наблюдая, чтобы въ оныхъ не заключалось ничего оскорбительнаго какъ для россійскаго правительства, такъ и для правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіею сношеніяхъ (§ 9). Цензура долженствуетъ обращать вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ всегда принимать за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Объясненія автора на замѣченныя цензурою мѣста допускаются, если только сіи объясненія не противны явному смыслу рѣчи (§ 6). Слѣдуя тѣмъ же правиламъ при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ придирки къ словамъ и къ отдѣльнымъ выраженіямъ, однако наблюдаетъ чтобы и въ сихъ словахъ и выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ (§ 7). Цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливыхъ или неосновательныхъ частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только они не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, будь оно только не вредно, и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію (§ 15).

(13) Къ *стр. 114.*—См. „Litterarische Bilder aus Russland", herausgegeben von H. König. Stuttg. 1837.

(14) Къ *стр. 120.*—Библіографическій указатель сочиненій и переводовъ Рожалина въ *Московскомъ Вѣстникѣ за 1827* г.: „Вотъ гдѣ былъ предатель", эпизодъ изъ романа Гёте „Странствованія Вильгельма Мейстера" (II, 17—47, 125—145); отрывокъ изъ китайскаго романа, переведеннаго Абель Ремюза, „Ю-кіао-ли, или двоюродныя сестры" (III, 121—148); о „Рамайянѣ", индѣйской поэмѣ, изъ Герена (I, 304—321); о „Магабаратѣ", оттуда же (IV, 394—407); сравненіе романовъ китайскихъ съ европейскими, изъ предисловія Абель-Ремюза къ роману „Ю-кіао-ли" (III, 22—50); исторія о древней торговлѣ, изъ Герена (IV, 246—276); замѣчанія на историческія афоризмы, Погодина (I, 208—215); *за 1828 годъ*: о кометѣ 1832 года, изъ „Journ. de voyag" (X, 96—101); вычисленіе жизни средней и вѣроятной, соч. сэра Молле, пер. съ франц. (XII, 41—51); *1830* г.: просвѣщеніе въ Египтѣ, изъ „Globe" (I, 417—420). Рецензіи на книги: *въ 1827 году*: всеобщая исторія народовъ и государствъ въ средніе вѣка, соч. Лудсна; опытъ политическій о новой Испаніи, Ал. Гумбольдта, изъ „Bibl. Universelle" (III, 283—302; 389—400; IV, 103—125); „Сѣверные Цвѣты" на 1827 годъ, изд. бар. Дельвигомъ (III, 371—380); элегіи и другія стихотворенія Дм. Глѣбова, М. 1827 г. (IV, 82—84); пятый томъ разныхъ стихотвореній гр. Хвостова (IV, 84); *1828 годъ*: „Les favorites des Rois de France" (IX, 416—417); „Chronicle of the Conquest of Grenada", соч. Вашингтона Ирвинга, изъ „Globe" (I, 301—308); *1830 годъ*: „Карелина, или заточеніе Марѳы посадницы", Ф. Глинки (II, 56—68); „Des sciences occultes ou essai sur la Magie", Евг. Сальверта, изъ „Globe" (I, 190—191). Неизвѣстно, Рожалину ли принадлежитъ стихотвореніе, подписанное буквою Р.,—скорѣе. Ранчу: „Тоска души" (1828, IX, 117—119). Кромѣ того Рожалинъ помѣстилъ отвѣтную статью на возраженіе Полевого Веневитинову подъ именемъ Н. Р—ина въ *Вѣст-*

книж *Европы* за 1825 годъ подъ заглавіемъ: „Нѣчто о спорѣ по поводу Онегина“ (ч. 144, № 17).

(15) Къ *стр. 126.*—Библіографическое указаніе статей В. П. Титова (В. Т.) въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ *1827 года*: „Радость и печаль“, оригинальное произведеніе (II, 331—334; III, 11—21); „Печеная голова“, повѣсть взятая изъ книги „Приключенія Хаджи-Бабы испаганскаго“ соч. Моріера (IV, 12—43); нѣсколько мыслей о зодчествѣ (I, 189—200); о достоинствѣ поэта (II, 230—236); извлеченіе изъ сочиненій Флетчера „О Русскомъ государствѣ“ (on the Ross. Commonwealt) (I, 346—352; II, 189—193); *1828 года*: о романѣ, какъ представителѣ жизни новѣйшихъ европейцевъ (VII, 169—184); о нынѣшнемъ состояніи британскихъ владѣній въ Восточной Индіи изъ „Quarterly Review“ (XI, 28—48). Рецензіи на книги тамъ же въ *1827 году*: опыты аллегорій или иносказательныхъ описаній въ стихахъ и прозѣ соч. Ф. Глинки, С.-Пб. 1826 г. (I, 128—137); Платоновы разговоры о законахъ, пер. съ греч. В. Сбоевскаго, М. 1827 г.; „The Praerie“, новѣйшій романъ Купера (VI, 336—343); „Voyage dans la Russie meridional“, par le Chev. Gamba, P. 1826 (IV, 410). Кромѣ того В. П. Титовъ, въ числѣ другихъ, участвовалъ въ „Критикѣ альманаховъ“, помѣщенной въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Въ альманахахъ: въ *Мнемозинѣ*: „Эмблемы“ (III, 24); въ *Сѣверной Лирѣ*: „Три единства“ (178); „Быль“ (223); въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* подъ именемъ Тита Космократова, въ *1827 году*: „Уединенный домикъ на Васильевскомъ Острову“; *въ 1831 году*: „Монастырь Св. Бригитты“ (125).—Дм. А. Веневитиновъ помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ въ 1827 г. стихотворенія: „Монологъ Фауста въ пещерѣ“ изъ Гёте (I, 11—12); „Моя молитва“ (I, 93); „Жизнь“ (I, 168); „Поэтъ“ (II, 34); „Жертвоприношенія“ (II, 119); „Поэтъ и другъ“, элегія (II, 217—220); „Италія“ (II, 311—312); 1828 г.: „Крылья жизни“ (VII, 13—14); „На новый 1827 годъ“ (VIII, 3—4); прозою: „Отрывокъ объ Онегинѣ“ 1828 г. (VII, 468—469). А. А. Веневитиновъ помѣстилъ о трехъ единствахъ въ драмѣ, переводъ изъ „Теоріи драматическаго искусства“ В. Шлегеля (1827, III, 149—166; 256—274).

(16) Къ *стр. 140.*—Еще Бѣлинскій призналъ Нарѣжнаго (1780—1825) первымъ русскимъ романистомъ. Значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго указано въ замѣчательномъ, къ сожалѣнію не оконченномъ, очеркѣ г-жи Бѣлозерской („Русск. Стар.“ 1888 г. май, іюль и августъ). Въ заключеніе своей статьи г-жа Бѣлозерская высказываетъ слѣдующую весьма вѣрную характеристику Нарѣжнаго и его значеніе въ исторіи нашей литературы: „Только въ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы встрѣчаемъ вполнѣ самостоятельные, ему принадлежащіе сюжеты, послѣдовательный законченный разсказъ, цѣльныя реальныя описанія, рельефно обрисованные типы и характеры. Если его можно упрекнуть въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ избыткѣ дѣйствующихъ лицъ, запутанной завязкѣ, неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели надъ порокомъ и пр., то это была неизбѣжная дань времени и вліянію предшествовавшей подражательной литературы. Вездѣ, гдѣ Нарѣжный касается современной дѣятельности въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, онъ является вполнѣ самобытнымъ, изображаетъ реальный русскій бытъ, русскіе нравы и русскихъ людей съ ихъ характерными особенностями, привычками, типичными чертами. Если, съ одной стороны, реализмъ въ его романахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ предшествовавшей литературы, доходитъ до грубости, почти цинизма, то, съ другой, вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности приводитъ его къ изображенію глубоко прочувствованныхъ положеній, гдѣ „слышится смѣхъ сквозь слезы“. Здѣсь юморъ его по своей безпощадности доходитъ до высокаго драматизма, какъ напримѣръ въ описаніи крайней нищеты кн. Чистякова, въ первой части „Россійскаго Жилблаза“, а также въ отдѣльныхъ сценахъ другихъ его произведеній. Такимъ образомъ Нарѣжный можетъ быть по справедливости при-

знанъ родоначальникомъ не только русскаго историческаго, но и *реальнаго* романа. Заслуга эта всецѣло принадлежитъ ему, тѣмъ болѣе, что при жизни онъ не имѣлъ соперниковъ. Романы Булгарина, Загоскина, Лажечникова, Вельтмана стали появляться четыре года спустя послѣ его смерти, а именно съ 1829 года" (августъ, 165—6). Въ романѣ Нарѣжнаго „Бурсакъ", который, несмотря на вымышленную и шаблонную обстановку приключеній съ главнымъ героемъ, можетъ быть прочтенъ не безъ интереса и теперь,—есть живой типъ философа Сарвила, семинариста, котораго невозможныя условія замкнутой семинарской жизни того времени бросаютъ въ шайку разбойниковъ. Въ романѣ „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ", гдѣ лучше всего выдержанъ мѣстный малороссійскій колоритъ, живыми чертами описывается страсть малороссіянъ „къ позыву", къ тяжбѣ, составляющая фонъ одной изъ лучшихъ повѣстей Гоголя. Сочиненія Нарѣжнаго были изданы два раза: 1-е изд.—„Новыя повѣсти", 3 ч., неполное, С.-Пб. 1824 г. и 2-е изд. — полное, подъ заглавіемъ: „Романы и повѣсти В. Нарѣжнаго", С.-Пб. 1835—6 г., въ 10 томахъ. „Бурсакъ" перепечатанъ Суворинымъ въ 1886 году. Но лучшій изъ романовъ Нарѣжнаго — „Россійскій Жилблазъ, или похожденіе князя Гаврилы Симоновича Чистякова", появившійся въ 1814 году, пріостановленъ былъ цензурою послѣ выхода третьей части и уже въ 1820 году составлялъ библіографическую рѣдкость, такъ что онъ не вошелъ въ собраніе сочиненій Нарѣжнаго.

(17) Къ *стр. 163*.—Противъ этого незаконнаго смѣшенія славянофиловъ съ шишковистами, въ недавнее время возобновленнаго А. Н. Пыпинымъ, возставалъ еще Чернышевскій. „Отчасти въ увлеченіи жаромъ полемики, еще болѣе потому, что смѣшивали истинныхъ славянофиловъ съ людьми, которые пустоту и кичливость своихъ мыслей прикрываютъ напыщенными романтадами въ отрывочныя и непонятныя мысли, заимствованныя на-прокатъ у славянофиловъ (намекъ на Шевырева), эту школу обвиняли во враждѣ къ наукѣ, въ обскурантизмѣ, въ стремленіи возвратить Россію къ временамъ Котошихина и т. д. Упреки эти дѣлались не по слѣпой ненависти, не по желанію взвести на противниковъ предосудительную небывальщину, а по искреннему убѣжденію въ ихъ справедливости; но они несправедливы, — по крайней мѣрѣ относительно такихъ людей, какъ гг. Аксаковы, Кошелевъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ,—рѣшительно несправедливы. Горячая ревность къ основному началу всякаго блага, просвѣщенію, одушевляетъ ихъ. Нѣтъ нужды лично знать ихъ, чтобы быть твердо убѣжденным, что они принадлежатъ къ числу образованнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ русскомъ обществѣ; а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность ихъ намѣреній. Считаемъ излишнимъ прибавлять, что личный характеръ каждаго изъ этихъ людей выше всякой укоризны. Кто знакомъ съ славянофилами только по полемикѣ, которую вели петербургскіе журналы противъ стараго „Москвитянина", тотъ ихъ не знаетъ" („Современ." 1855 г., LV, 68 и 69).

(18) Къ *стр. 171*.—Замѣчательно, что именно въ фамиліи Хомяковыхъ произошло событіе, подтверждающее значеніе крестьянскаго міра относительно помѣщика. Одинъ изъ предковъ Хомякова, умирая бездѣтнымъ, предложилъ сходу своихъ крестьянъ избрать себѣ помѣщика изъ многочисленной его родни и, по указанію схода, назначилъ себѣ наслѣдника (передано Дм. Ал. Хомяковымъ).

(19) Къ *стр. 176*.—Кремеръ былъ впослѣдствіи секретаремъ нашей миссіи въ Вашингтонѣ, потомъ повѣреннымъ тамъ въ дѣлахъ и, наконецъ, генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ. Въ бумагахъ Александра Ивановича сохранилось одно къ нему письмо Кремера отъ 3 сентября 1854 г., гдѣ онъ рекомендуетъ своего пріятеля Хомутова, секретаря посольства въ Гагѣ, и проситъ помочь ему при устройствѣ его имѣнія въ Рязанской губерніи.

(20) Къ *стр. 179*.— Александръ Ивановичъ писалъ матери, что не только Госу-

дарь, но и англичане высокаго мнѣнія о достоинствахъ адмирала Сенявина, какъ морскаго офицера, и что общественное мнѣніе указываетъ на него въ случаѣ какого-нибудь важнаго назначенія. Но это предположеніе не сбылось. 10 іюня 1827 г. Государь сдѣлалъ смотръ балтійскому флоту, состоявшему изъ девяти линейныхъ кораблей подъ командой Сенявина, и остался очень доволенъ его состояніемъ; но эскадра, участвовавшая въ Наваринской битвѣ, была подъ флагомъ контръ-адмиралъ гр. Гейдена, вѣроятно потому, что Сенявинъ былъ старше чиномъ избраннаго начальникомъ союзной эскадры, англійскаго вице-адмирала Кодрингтона.

(21) Къ *стр. 180*.—Дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены были въ главномъ управленіи, которое учреждено было въ 1810 году, а въ 1817 году присоединено къ министерству народнаго просвѣщенія. Указомъ 2 февраля 1830 г. оно присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при министрѣ гр. Блудовѣ (съ февраля 1832 г. по 1839 г.).

(22) Къ *стр. 184*.—Комитетъ 6 декабря 1826 г. былъ учрежденъ по повелѣнію Импер. Николая, подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея, изъ слѣдующихъ лицъ: Васильчикова, кн. А. Н. Голицына, гр. Дибича, гр. П. А. Толстаго и Сперанскаго; правителями дѣлъ были сначала статсъ-секретарь Дашковъ и Блудовъ, а затѣмъ бар. М. А. Корфъ. Для этого комитета собственноручно начертана была Государемъ такая инструкція: 1) пересмотрѣть бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра; 2) пересмотрѣть нынѣшнее государственное управленіе; 3) изложить мнѣніе: а) что предполагалось, б) что есть, в) что оставалось бы кончить; 4) изложить мнѣніе, что нынѣ хорошо, чего оставить нельзя и чѣмъ замѣнить; 5) матеріаломъ къ сему употребить: а) то, что найдено въ кабинетѣ, б) что Балашову поручено было и в) что сами члены предложатъ. Комитетъ, разсмотрѣвши проекты Балашова, призналъ ихъ во всѣхъ почти частяхъ несостоятельными. Въ комитетъ Сперанскимъ внесенъ былъ „проектъ учрежденія для управленія губерній" и „введеніе" къ нему. Проектъ этотъ, встрѣтившій сильную оппозицію въ министрахъ: финансовъ гр. Канкринѣ и внутреннихъ дѣлъ гр. Закревскомъ,—былъ отстраненъ и комитетъ остановился на проектѣ приписываемомъ Балугьянскому. Но и этотъ проектъ остался безъ послѣдствій, такъ какъ комитетъ разложился, не исполнивши громадной порученной задачи (см. „Историч. обзоръ развитія администр. полиц. учрежденій", составл. Анучинымъ). Комитетъ занимался между прочимъ и вопросомъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, и съ этою цѣлью въ комитетъ внесена была Сперанскимъ записка о крѣпостныхъ людяхъ, гдѣ между прочимъ предлагалось опредѣленіе отношеній между помѣщиками и крестьянами по добровольному съ ними договору. Кромѣ того комитетъ на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія долженъ былъ составить проектъ закона для прекращенія продажи людей безъ земель. Но немногія мѣры, предположенныя комитетомъ для улучшенія быта крестьянъ и дворовыхъ, остались также не приведенными въ исполненіе (Семевскій: „Крестьянскій вопросъ", т. II, 3—11).

(23) Къ *стр. 191*.—См. статью Лонгинова: „Одинъ изъ мистиковъ XVIII столѣтія" („Русск. Вѣстн." 1860 г., № 16, 581-587).

(24) Къ *стр. 196*.— Біографія кн. А. Н. Голицына изложена въ сочиненіи von Götze „Fürst Galyzin", Leipz. 1882. Кромѣ записокъ Бартенева, свѣдѣнія о кн. Голицынѣ встрѣчаются въ запискахъ Вигеля, Греча, Лубяновскаго, Стурдзы, де-Местра, Шишкова, В. Панаева, арх. Фотія и въ статьѣ П. И. Мельникова „Изъ прошлаго" („Русск. Вѣстн." 1868 г., апрѣль, 478-513). Въ „Beilage zür allgemeinen Zeitung" (1889 г. №№ 94 и 95) помѣщено подъ заглавіемъ „Александръ I и апокалипсическій свидѣтель Левицкій" интересное происшествіе, ярко характеризирующее направленіе людей того времени. Въ 1791 г. у бѣднаго священника въ Подоліи

родился сынъ, обычнымъ порядкомъ достигшій тоже священничества, Левицкій. Почти одновременно Левицкій потерялъ мать, молодую жену и новорожденнаго ребенка; это произвело на него страшное потрясеніе и толкнуло его на путь мистицизма въ эпоху самаго сильнаго его распространенія. Не разрывая связи своей съ православіемъ, молодой священникъ углубился въ чтеніе сочиненій Юнга Штиллинга и Бенгеля. Тогда было въ обычаѣ примѣнять пророчества къ событіямъ современной жизни. Въ протестантской Германіи духовидцы и фантазёры, дотолѣ скромно проповѣдывавшіе пришествіе царствія Божія и торжество надъ антихристомъ въ уединенныхъ обществахъ піэтистовъ южной Германіи и Эльзаса, проникли въ великосвѣтскія гостиныя и нашли усердныхъ слушателей въ лицѣ знатныхъ барынь и состарѣвшихся дипломатовъ. Тамъ повторялись предсказанія Бенгеля, Ушера и Франка о наступающемъ въ 1819 (или позже, въ 1836) году великомъ духовномъ возрожденіи человѣчества; тамъ обсуживались текущія событія съ теософической точки зрѣнія Юнга Штиллинга и Оберлина. Этимъ направленіемъ соблазнился и Левицкій. Въ Апокалипсисѣ есть между прочимъ такое мѣсто: „И дамъ двумъ свидѣтелямъ моимъ, и они будутъ пророчествовать тысячу двѣсти шестьдесятъ дней, будучи облечены во вретище. Это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе предъ Богомъ земли, они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю во дни пророчествованія ихъ, и имѣютъ власть надъ водами—превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякой язвою, когда только захотятъ“ (Апокал. глава XI, ст. 3, 4 и 6). Порѣшивши, что возвѣщенный пророкомъ Исаіею „князь язычниковъ“ есть не кто иной, какъ Наполеонъ, Ѳеодосій Левицкій въ 1822 году прозрѣлъ въ своемъ лицѣ одного изъ „апокалипсическихъ свидѣтелей“ и донесъ о томъ непосредственно Императору Александру, увѣщевая его приготовиться къ немедленному наступленію „тысячелѣтняго царствія Божьяго“. 3 мая 1823 г. отецъ-Левицкій получилъ письмо отъ кн. А. Н. Голицына, гдѣ онъ вызывался Государемъ въ Петербургъ, а чрезъ нѣсколько времени послѣдовалъ указъ Свят. Сѵнода архіепископу каменецъ-подольскому Ксенофонту о препровожденіи въ Петербургъ свящ. Левицкаго, съ приложеніемъ 600 р. и подробной инструкціи о предстоящемъ путешествіи. По прибытіи въ Петербургъ, Левицкій помѣщенъ былъ въ кельѣ на подворьѣ, гдѣ жилъ архіерей Іона; на другой же день Левицкаго посѣтилъ кн. Голицынъ, принялъ благословеніе, распросилъ о всей его жизни и въ особенности о томъ, какъ онъ сподобился получить даръ особой благодати Божіей. Чрезъ три дня Левицкій посѣтилъ кн. Голицына, гдѣ онъ былъ представленъ Р. А. Кошелеву, ослѣпшему за три года передъ тѣмъ, и получилъ приглашеніе участвовать ежедневно въ благоговѣйныхъ упражненіяхъ. 27 мая 1823 г. Левицкій представленъ былъ Императору. Государь трижды принялъ благословеніе отца-Левицкаго, заявивши вѣру свою, что благодать Св. Духа передана была рукоположеніемъ св. апостоламъ и передается далѣе всѣмъ истиннымъ служителямъ св. церкви. При этомъ Имп. Александръ выразилъ Левицкому радость свою, что Господь сподобилъ Левицкаго особой благодати, обѣщалъ ему поддержку и далъ дозволеніе безъ всякихъ посредниковъ сообщать прямо ему, устно или письменно, всѣ ниспосланныя ему свыше откровенія. По повелѣнію Императора, Левицкій представленъ былъ членамъ Святѣйшаго Сѵнода, съ тѣмъ чтобы отъ нихъ получить помощь въ предстоящемъ ему великомъ дѣлѣ собранія и объединенія всѣхъ вѣрующихъ. Левицкій указывалъ, какъ на самое сподручное къ тому средство, на Библейское Общество. Вскорѣ нашелся и другой „апокалипсическій свидѣтель“: Левицкій указалъ его въ лицѣ друга своего, живущаго въ Подоліи, заштатнаго священника Ѳедора Лисевича. И этотъ послѣдній указомъ Святѣйшаго Сѵнода выписанъ былъ съ мѣстожительства въ Петербургъ. Надо отдать справедливость Левицкому, что онъ своимъ „откровеніямъ“ придавалъ практически полезный характеръ. Лѣтомъ 1823 года Левицкій подалъ Императору подробную записку, гдѣ онъ между прочимъ указывалъ,

какъ на противныя духу Евангелія и волѣ божественной, то ужасное рабство, въ которомъ помѣщики Западнаго края держатъ своихъ крестьянъ, и учрежденіе военныхъ поселеній, не только не полезное для государства, но вредное и несправедливое. Извѣстно, какъ гнѣвно Имп. Александръ встрѣчалъ всякія возраженія противъ этой выдумки, тщательно поддерживаемой и выполняемой Аракчеевымъ; поэтому нельзя не считать знакомъ особаго благоволенія того, что Имп. Александръ ограничился заявленіемъ чрезъ кн. Голицына своего сожалѣнія къ нападкамъ на военныя поселенія, но затѣмъ одобрилъ все остальное. Но вскорѣ положенъ былъ конецъ подвигамъ „апокалипсическихъ свидѣтелей": 25 мая 1824 г. Голицынъ былъ уволенъ и дѣятельность Библейскаго Общества парализована. 7 ноября случилось наводненіе. Убѣжденный, что это бѣдствіе ниспослано было въ наказаніе за низложеніе Голицына и сокращеніе дѣятельности библейскихъ обществъ, Левицкій, въ одно изъ слѣдующихъ за тѣмъ воскресеній, на Страстной недѣлѣ, произнесъ публично проповѣдь, гдѣ онъ между прочимъ, намекая на Голицына, указывалъ, что—вмѣсто дѣлъ покаянія и исправленія, самыя именитыя свѣтила церкви Господней, а въ лицѣ ихъ и самъ Господь, унижаются и преслѣдуются. На другой или на третій день Левицкій отвезенъ былъ въ уединенный монастырь на островѣ Ладожскаго озера и отданъ подъ строжайшій надзоръ настоятеля. Пакетъ о томъ запечатанъ былъ печатью Аракчеева. Только въ декабрѣ 1827 г. Левицкій получилъ свободу и поселился на своей родинѣ въ Балтѣ.

(25) Къ *стр. 198.*— Стихотворенія Авр. С. Норова: 1818 г. *Благонам.*: отрывки изъ посланія Лагарпа къ гр. Анд. П. Шувалову (3, 126; 4, 14; 1820, 10, 102); „Геній бури" (3, 257); „Стансы къ другу" (тамъ же); два отрывка изъ дидактическаго опыта объ астрономіи (8, 181); 1819 г. *Благонам.*: „Скала двухъ любовниковъ", романсъ (3, 12); „Пятнадцать лѣтъ и роза", идиллія (3, 70); 1820 года *Вѣстн. Евр.*: „Тебѣ" (15, 188); 1821 года *Благонам.*: „Смерть" (15, 159); „Надпись на дверяхъ сельскаго домика" (15, 268); *Сынъ Отечества*: „Б—ву изъ Рима" (68, 35); переводъ двухъ Петраркиныхъ сонетовъ (тамъ же, 39); отрывки изъ дидактическаго опыта объ астрономіи (68, 176; 71, 113); 1823 г. *Сынъ Отечества*: „Альпы", изъ дидактическаго опыта объ астрономіи „Пѣснь землѣ" (84, 81); отрывокъ изъ третьей пѣсни поэмы „Адъ", Данта (87, 183). *Соревноват.*: „Посланіе". Въ *Сѣверной Лирѣ* Абр. Норовъ помѣстилъ отрывки изъ поэмы „Земля" (148); „Франческа Римини", отрывокъ изъ Данта (193), „Жизнь древнихъ флорентинцевъ", оттуда же (286).

(26) Къ *стр. 206.*—Любопытны тѣ предохранительныя мѣры противъ холеры, которыя излагаетъ Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ матери (27 сентября 1830 г.). Онѣ показываютъ, какая всеобщая паника охватила тогда все общество: „Запрещеніе крестьянамъ выходить изъ деревни и принимать кого-либо изъ постороннихъ въ своихъ домахъ; приказаніе управляющему два раза въ день обходить деревню и строго наблюдать, чтобъ приказъ этотъ непремѣнно исполнялся. Прикажите въ каждомъ домѣ поставить деготь. Запретить употреблять въ пищу все сырое. Надо воздерживаться отъ пользованія колодцами: они въ этой болѣзни очень вредны. Надо запастись ланцетомъ; если, Боже сохрани, болѣзнь обнаружится, прикажите сейчасъ же больному пустить кровь: это—единственное средство спасенія. Кромѣ того запасите простое вино, настоенное на стручковомъ перцѣ: надо этимъ натереть все тѣло больнаго, и если потъ начнется, то больной спасенъ. Я не могу вамъ сегодня прислать хлору, потому что все, что находилось въ продажѣ, раскуплено".

(27) Къ *стр. 216.*—Флассанъ (Gaet. R. Cte de Flassan, 1760—1845) былъ во времена имперіи профессоромъ исторіи въ С.-Жерменской военной школѣ, а во время реставраціи получилъ титулъ исторіографа министерства иностранныхъ дѣлъ и отправленъ былъ на Вѣнскій конгрессъ. Важнѣйшее его сочиненіе, долго служившее настоль-

мою книгой для дипломатовъ, было „Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française ou de la politique de la France depuis la fondation de la monarchie jusqu'à la fin du règne de Louis XVI". Paris, 1808 (6 vol. in 8).

(28) Къ *стр. 218*.—Въ 1826 г., знаменитый знатокъ китайскаго и монгольскихъ языковъ, Абель Ремюза (1788—1832) перевелъ съ китайскаго романъ подъ заглавіемъ Iu-kiao-li, ou les deux cousines (P. 1826, 4 vol); романъ этотъ былъ очень распространенъ между читателями на французскомъ языкѣ и выдержки изъ него были во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ того времени.

Къ *стр. 259-й*. I кн. (послѣдн. строчка).—Здѣсь произошла ошибка. Кн. Шаликовъ, какъ послѣдователь Карамзина, не могъ быть излюбленнымъ поэтомъ А. С. Шишкова; таковымъ былъ С. А. Шихматовъ, авторъ неуклюжихъ лирическихъ пѣснопѣній: „Петръ Великій" (С.-Пб. 1810), „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія" (М. 1807), пѣсни „Россійскому слову" (С.-Пб. 1809), „Ночь на гробахъ", подражаніе Юнгу (С.-Пб. 1812), „Сатиры", подражаніе VIII сатирѣ Буало (С.-Пб. 1807) и различныхъ духовныхъ и элегическихъ стихотвореній. — А. С. Шишкову кн. Ширинскій-Шихматовъ посвятилъ стихотвореніе „Усердный зовъ" (С.-Пб. 1813).

Къ *стр. 151-й* II кн.—Заботы Н. Ст. Хомякова о русскихъ раненыхъ въ 1812 г. описаны въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества" военнаго доктора Ал. Владимірскаго („Сынъ Отечества" 1814 г., ч. XI, 173—174).

(29) ? Стр. 225!

ПРИБАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Статьи и рѣчи по случаю кончины А. И. Кошелева 12 ноября 1883 года.

№ 1. „Новости“ (13-го ноября): „Еще новая потеря въ ряду двигателей русской жизни, піонеровъ русскаго прогресса. Умеръ Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Около тридцати лѣтъ ратовалъ онъ громко, какъ честный и широко-образованный публицистъ, за всякій прогрессъ въ русской жизни, за свободу человѣческой личности, за свободу устнаго и печатнаго слова. И тогда, когда назрѣвали реформы прошлаго царствованія, и тогда, когда проводились онѣ въ жизнь, и тогда, наконецъ, когда началъ меркнуть свѣтъ реформъ,—слово Александра Ивановича громко раздавалось въ пользу и защиту этихъ реформъ, въ пользу освобожденія русской жизни отъ разнообразныхъ искусственныхъ путъ. Это горячее страстное слово человѣка убѣжденнаго было всегда чувствительнымъ противовѣсомъ гасителямъ свѣта, врагамъ добра и правды. Не менѣе извѣстно и дорого всей мыслящей Россіи имя А. И., какъ одного изъ талантливѣйшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Въ теченіе 19-ти лѣтней почти практики земскихъ учрежденій, Александръ Ивановичъ былъ несмѣняемымъ земскимъ гласнымъ, и, какъ общественный дѣятель, очень много способствовалъ выясненію разнообразныхъ практическихъ сторонъ земской дѣятельности, а также и всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и условій, которыя сбиваютъ земство съ торной дороги и направляютъ его на ложный путь.

„Словомъ, въ теченіе 30-ти послѣднихъ лѣтъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ борцовъ за правду и свѣтъ. Да будетъ незабвенна память о тебѣ, честный русскій человѣкъ, такъ горячо отзывавшійся на всякій прогрессъ въ родной жизни, такъ искренно любившій родину и желавшій ей дѣйствительнаго добра!...“

№ 2. „Русскія Вѣдомости“ (13-го ноября): „Вчера, 12 ноября, въ 8 ч. утра, внезапно скончался, 76-ти лѣтъ отъ роду, извѣстный публицистъ, земскій дѣятель, бывшій министръ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1862 г.—А. И. Кошелевъ. Продолжительная и почтенная дѣятельность покойнаго хорошо извѣстна образованному обществу. А. И. Кошелевъ напечаталъ много статей, посвященныхъ основнымъ вопросамъ нашей жизни: обществу, земству и т. д. Онъ издавалъ и принималъ участіе въ изданіи нѣсколькихъ журналовъ и газетъ, которые имѣли значительное вліяніе на ходъ развитія нашей общественной мысли („Русская Бесѣда“, „Бесѣда“, „Земство“) Александръ Ивановичъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей славянофильства, товарищемъ Хомякова, Кирѣевскихъ и К. С. Аксакова. Въ Рязанскомъ земствѣ Александру Ивановичу принадлежала выдающаяся и часто руководящая роль. Заслуги покойнаго обезпечиваютъ ему почетное мѣсто въ немногочисленной средѣ энергическихъ земскихъ дѣятелей и убѣжденныхъ публицистовъ“.

№ 3. „Современныя Извѣстія“ (13-го ноября): „Сегодня скончался Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Кончина послѣдовала внезапно: еще вчера покойный засѣдалъ въ думской финансовой коммиссіи и бодро разсуждалъ о дѣлахъ“.

Описавши служебную и публицистическую карьеру Александра Ивановича, газета говоритъ въ заключеніе:

„Кошелевъ былъ большаго образованія человѣкъ; въ молодые годы изучалъ и Шеллинга, въ лѣта же зрѣлыя вниманіе его преимущественно, почти исключительно направилось на вопросы политическіе, соціальные, финансовые. По этой отрасли онъ слѣдилъ и за событіями, и за литературой до конца дней, и люди гораздо и гораздо болѣе его молодые должны были удивляться бодрости, свѣжести, можно сказать—юношеской горячности, сохранившейся въ немъ, несмотря на преклонныя лѣта. Это человѣкъ не знавшій отдыха. Безъ занятій и безъ интересовъ трудно было его и представить. И теперь какъ-то не вѣрится даже, чтобы дни его пресѣклись: столько въ немъ сохранялось жизни и огня.

„Однимъ словомъ, мы потеряли одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, одного изъ видныхъ дѣятелей“.

№ 4. „Новое Время“ (19-го ноября): „Вчера Москва схоронила Александра Ивановича Кошелева. Кто не зналъ оригинальной фигуры этого почтеннаго, честнаго дѣятеля земли Русской? Кто не слыхалъ его оригинальнаго говора, который ярко выдѣлялся надъ говоромъ толпы даже въ самыя шумныя и бурныя минуты общественныхъ собраній? Покойный волновался рѣдко и никогда не стремился импонировать собесѣдникамъ и противникамъ, но его слушали всегда внимательно и съ полнымъ уваженіемъ, иной разъ несмотря на несогласіе съ его взглядами. Секретъ уваженія и вниманія объясняется очень просто. Въ рѣчахъ А. И. Кошелева сказывался всегда человѣкъ искренне и твердо убѣжденный, знающій, чего онъ хочетъ, а искренность и твердость убѣжденій вездѣ и во всѣ времена были рѣдкими и высоко-цѣнимыми качествами.

„Александръ Ивановичъ больше дѣлалъ, чѣмъ говорилъ, и дѣлалъ во-истину полезное, являясь на должной высотѣ призванія въ различныхъ сферахъ общественной и государственной работы. Общество, въ лицѣ думы, земства и печати, торжественно почтило его послѣднимъ надгробнымъ привѣтомъ. Онъ зарытъ. Память объ А. И. Кошелевѣ всегда будетъ жить въ потомствѣ; имя Кошелева принадлежитъ русской исторіи и займетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ на блестящихъ страницахъ реформенной эпохи“.

№ 5. „Русскій Курьеръ“ (13-го ноября): „Въ 9 часовъ утра, 12 ноября, скончался внезапно извѣстный публицистъ и земскій дѣятель А. И. Кошелевъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ покойный былъ министромъ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ. Съ 1815 года правительство наше постоянно приплачивало нѣкоторыя суммы для сведенія баланса въ бюджетѣ Польши. Но со вступленіемъ А. И. Кошелева въ управленіе финансами Царства Польскаго послѣдніе настолько были приведены въ порядокъ, что приплата эта оказалась излишней и съ тѣхъ поръ край содержится на свои собственныя средства. Это одна изъ важнѣйшихъ заслугъ покойнаго, отличавшагося замѣчательною честностью“.

№ 6. Рѣчь гласнаго М. Пржевальскаго въ засѣданіи Московской городской думы, 15 ноября, по поводу сообщенія о кончинѣ А. И. Кошелева:

„Среди насъ не стало одного изъ старѣйшихъ дѣятелей. Изъ списка гласныхъ Московской городской думы смертью вычеркнуто имя, пользовавшееся нашимъ глубокимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Безспорное и неотъемлемое право на чувство человѣческаго уваженія имѣетъ тотъ, вся многолѣтняя дѣятельность кото-

раго была всецѣло проникнута горячею любовью къ свободѣ народа, къ его благу и его интересамъ. Поставленный судьбой въ счастливыя условія въ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, покойный Александръ Ивановичъ Кошелевъ не зарылъ въ землю ни своихъ богатствъ, ни своего таланта, но до послѣдней минуты неизмѣнно и честно служилъ тѣмъ идеямъ, благодаря которымъ совершились реформы, составившія вѣчную, незыблемую славу прошедшаго царствованія. Его дѣятельность тѣсно и неразрывно связана съ великой эпохой — освобожденія крестьянъ, учрежденія новаго суда, введенія земскаго и городскаго общественнаго самоуправленія. Его имя значится среди той плеяды славныхъ русскихъ дѣятелей, имена которыхъ русскій народъ будетъ вспоминать съ вѣчною благодарностью и запишетъ свѣтлыми буквами на страницахъ своей исторіи.

„Это были люди, въ которыхъ замѣчательная сила ума соединялась съ неменѣе замѣчательной энергіей и силою труда. Они работали неустанно до гробовой доски и смерть застигала этихъ честныхъ борцовъ добра и правды не на отдыхѣ, а среди трудовъ и занятій. Одинъ изъ немногихъ послѣднихъ представителей ихъ, А. И. Кошелевъ до самой смерти своей сохранилъ традиціи этого могучаго поколѣнія. 11-го ноября вечеромъ онъ работалъ въ стѣнахъ думы въ финансовой коммиссіи, членомъ которой состоялъ, а на другой день, 12-го, уже лежалъ въ гробу. Отдадимъ же дань уваженія покойному не въ обычномъ лишь засѣданіи сегодня, но подобно тому какъ недавно мы почтили память великаго русскаго писателя, такъ теперь почтимъ память одного изъ нашихъ лучшихъ выборныхъ, какъ говорилось встарину — „излюбленныхъ“ людей. Я предлагаю, мил. гг., собраться въ думѣ и отслужить панихиду по А. И. Кошелевѣ“.

Предложеніе это было встрѣчено думою съ живымъ сочувствіемъ.

№ 7. „Русскія Вѣдомости“ (16-го ноября). Рѣчь предсѣдателя статистическаго отдѣла Московскаго Юридическаго Общества, профессора А. И. Чупрова, въ засѣданіи отдѣла 15-го ноября, по случаю кончины А. И. Кошелева:

„Сегодня проводили въ могилу А. И. Кошелева. Этотъ человѣкъ близокъ статистическому отдѣлу не только какъ дѣйствительный его членъ, присутствовавшій въ послѣднемъ засѣданіи, но еще болѣе какъ дѣятель, который въ теченіе долголѣтней жизни успѣлъ много потрудиться и словомъ и дѣломъ на благо родины.

„Имя Александра Ивановича неразрывно связано съ великой реформой, составляющей основу современной крестьянской жизни. Александръ Ивановичъ распространилъ мысль объ освобожденіи задолго до того момента, когда на ней сосредоточилось вниманіе государственной власти. Затѣмъ, въ періодъ разработки плана реформы, А. Ив. употребилъ всѣ свои силы къ тому, чтобы преобразованіе направилось въ интересахъ крестьянства. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею. „Скорѣе вода пойдетъ противъ своего обычнаго теченія,— писалъ Кошелевъ въ 1857 году,—чѣмъ русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, унитанной его пóтомъ“ („Русская Бесѣда“ 1857 г., IV, 161).

„А. Ив. одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на огромную экономическую важность общиннаго землевладѣнія въ Россіи и необходимость, во что бы то ни стало, сохранить его при новомъ устройствѣ сельскаго быта. Статья его въ „Русской Бесѣдѣ“ (1857 г., кн. IV), вызванная начавшеюся полемикою между „Современникомъ“ и „Экономическимъ Указателемъ“, занимаетъ важное мѣсто къ литературѣ объ общинѣ, потому что въ ней, можно сказать, впервые ставится на практическую почву вопросъ о хозяйственномъ значеніи мірскаго владѣнія землею. Къ этой статьѣ примыкаетъ извѣстное письмо Ю. Ѳ. Самарина съ изложеніемъ теоріи тягловаго надѣла, равно какъ послѣдующія работы самого А. И. Кошелева. Два упомянутые пункта Кошелевъ считалъ самою существенною принадлежностью реформы.

„„Мы убѣждены,—писалъ А. Ив. въ программѣ журнала „Сельское Благоустройство“ за 1859 г.,—что освобожденіе крестьянъ съ землею должно быть нашимъ, т.-е. русскимъ, способомъ разрѣшенія великой предлежащей намъ общественной задачи. Мы убѣждены, что общинное устройство, при общинномъ землевладѣніи, представляетъ вѣрнѣйшее средство къ обезпеченію осѣдлости и благоденствія крестьянъ, къ упроченію настоящихъ выгодъ землевладѣльцевъ и къ утвержденію спокойствія и могущества Россіи. Вотъ тѣ главныя начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны служить основою предстоящаго великаго дѣла““.

„Ревностное и настойчивое проведеніе этихъ началъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ и въ печати въ ту пору, когда еще только намѣчались основанія реформы, составляетъ заслугу Кошелева, которой не забудетъ потомство. И послѣ реформы 19-го февраля 1861 года Александръ Ивановичъ постоянно сосредоточивалъ свои мысли на общественныхъ вопросахъ. Онъ неутомимо работалъ въ Рязанскомъ земствѣ, принималъ горячее участіе въ московскихъ городскихъ дѣлахъ и дѣятельно заботился о народномъ образованіи въ своемъ уѣздѣ, въ качествѣ предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта и устроителя нѣсколькихъ школъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ А. Ив. не только являлся аккуратнымъ посѣтителемъ засѣданій, но постоянно принималъ на себя подготовительную черную работу. Въ рѣдкое изъ земскихъ собраній А. Ив. являлся безъ какого-либо доклада или проекта, всегда строго обдуманнаго и разработаннаго. Даже въ послѣднюю недѣлю передъ кончиной А. Ив. обсуждалъ въ думской коммиссіи текущіе вопросы.

„Отличаясь твердыми и ясными убѣжденіями, А. Ив. постоянно стремился придать имъ возможно-широкую гласность.

„Онъ принималъ самое близкое участіе и матеріальными средствами, и личнымъ трудомъ въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій; въ концѣ 50-хъ годовъ имъ были призваны къ жизни „Русская Бесѣда“ и „Сельское Благоустройство“, причемъ этотъ послѣдній журналъ имъ же и редактировался, въ началѣ 70-хъ годовъ—„Бесѣда“ и, наконецъ, въ наши дни—„Земство“, столь еще памятное всѣмъ намъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда условія нашей печати не допускали полнаго и свободнаго выраженія мнѣній, А. Ив. прибѣгалъ къ изданію своихъ брошюръ за границей. Но кромѣ печатнаго слова А. Ив. обладалъ еще другимъ средствомъ къ распространенію занимающихъ его идей. Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ въ домѣ Кошелева собиралось въ одни и тѣ же дни все что было въ Москвѣ выдающагося по части литературы, науки и общественной дѣятельности. Здѣсь люди различныхъ воззрѣній и направленій, объединяемые радушною привѣтливостью хозяина, непринужденно высказывались и обмѣнивались мнѣніями относительно возникающихъ вопросовъ мысли и жизни.

„Есть еще одна сторона, вслѣдствіе которой становится для насъ дорогою память покойнаго сочлена. А. И. постоянно доказывалъ необходимость тщательнаго ознакомленія съ Россіей. „„Прежде, чѣмъ толковать о чемъ-нибудь русскомъ, надо изучить это русское““, неустанно повторялъ онъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ. Вѣрный такому взгляду, онъ охотно открывалъ страницы своихъ изданій для всякаго солиднаго изслѣдованія какихъ-либо сторонъ русской жизни, а также поддерживалъ матеріально и нравственно предпріятія частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ по изученію Россіи. Онъ горячо привѣтствовалъ зарожденіе земской статистики въ Москвѣ и, радуясь ея успѣхамъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы организовать подобныя же изслѣдованія и въ Рязанской губерніи. Онъ же потомъ энергически защищалъ рязанскихъ статистиковъ противъ взведенныхъ на нихъ несправедливыхъ нареканій“.

Послѣ этой рѣчи присутствовавшіе, по приглашенію предсѣдателя, встали съ мѣстъ и, стоя, утвердили слѣдующую резолюцію: „Статистическое отдѣленіе, узнавъ о кон-

чинѣ дѣйствительнаго члена А. И. Кошелева, столь много словомъ и дѣломъ потрудившагося для блага Россіи, съ истиннымъ прискорбіемъ заноситъ это извѣстіе въ свои протоколы" („Русскія Вѣдомости" 18 ноября).

№ 8. Похороны А. И. Кошелева: „Вчера, 15-го ноября, похороненъ А. И. Кошелевъ. Передъ выносомъ тѣла покойнаго изъ дома его, на Поварской, отслужена была, въ 10 часовъ утра, панихида архимандритомъ Даниловскаго монастыря Амфилохіемъ. Гробъ перенесенъ былъ на рукахъ въ церковь Рождества, что въ Кудринѣ, находящуюся вблизи дома Александра Ивановича. Литургію и отпѣваніе совершалъ также архимандритъ Амфилохій соборне. Церковь была переполнена публикой. Здѣсь присутствовали, кромѣ родныхъ покойнаго, помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, много профессоровъ университета, гласныхъ Московской думы, Рязанская губернская земская управа въ полномъ составѣ, редакторы: „Русской Мысли", „Руси", „Русскихъ Вѣдомостей", „Русскаго Курьера", „Современныхъ Извѣстій" и другіе представители печати. Около часа дня двинулась похоронная процессія отъ церкви Рождества по проѣзду Новинскаго бульвара, Кудринской площади, Поварской и черезъ Каменный мостъ къ Даниловскому кладбищу. Впереди процессіи несли вѣнки отъ редакціи „Русской Мысли", бывшихъ сотрудниковъ газеты „Земство", отъ редакціи „Русскаго Курьера", отъ Общества сельскихъ хозяевъ, Общества любителей россійской словесности, отъ Московско-Рязанской желѣзной дороги, отъ Сапожковскаго уѣзднаго земства и отъ служителей покойнаго.

„На гробѣ лежали вѣнки отъ Рязанскаго губернскаго земства и отъ Московскаго Юридическаго Общества. Всего было 10 вѣнковъ. За вѣнками несли на подушкахъ ордена А. И. Кошелева. Затѣмъ слѣдовали пѣвчіе, духовенство, похоронная колесница съ гробомъ подъ катафалкомъ, родные покойнаго и длинный рядъ каретъ. Въ началѣ третьяго часа печальный кортежъ прибылъ къ воротамъ Данилова монастыря, гдѣ встрѣченъ былъ монастырскимъ духовенствомъ въ облаченіи.

„Могила для Александра Ивановича вырыта на правой сторонѣ Даниловскаго кладбища. Похороны, несмотря на ихъ торжественность, носили болѣе семейный характеръ и на могилѣ рѣчей не было" („Рус. Вѣд." 16-го ноября).

Примѣчаніе. Кромѣ того помѣщены болѣе или менѣе подробные некрологи А. И. Кошелева: въ „Русскомъ Курьерѣ" 14 ноября; „Современныхъ Извѣстіяхъ" 15 ноября; „Руси" 15 ноября 1883 г. № 22; „Русскихъ Вѣдомостяхъ" В. Скалона 15 ноября № 314; „Газетѣ Гатцука" 20 ноября № 4 9; „Новомъ Времени": „Памяти земскаго человѣка" 15 ноября; „Всемірной Иллюстраціи", съ портретомъ, за январь 1884 года; въ „Русской Мысли" за декабрь 1883 г. С. А. Юрьева и тамъ же въ „Петербургскихъ письмахъ"; въ „Вѣстникѣ Европы" за декабрь 1883 г.; въ „Русскомъ Архивѣ" П. И. Бартенева; въ „Современныхъ Извѣстіяхъ": „А. И. Кошелевъ и Рязанское земское собраніе", воспоминаніе А. Иванова, 25-го ноября.

ПРИБАВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Перечень переводовъ произведеній болѣе замѣчательныхъ европейскихъ авторовъ съ XVIII вѣка по 1830 годъ.

Курсивомъ напечатаны переводы, появившіеся въ теченіе XVIII вѣка.

Французская литература.

Д'Аламбертъ (1713—1785):

Собраніе разныхъ разсужденій, касающихся до словесныхъ наукъ, исторіи и философіи. Пер. протоіерей Ив. Харламовъ. Ч. 1. С.-Пб. 1784.

Сочиненія. Ч. 1, содержащая духъ философіи. М. 1790.

Д'Аржансъ (I. B. vic-te d'Argens, 1704—1771):

Приключенія кавалера Д... Истинная повѣсть. Съ фр. С.-Пб. 1772.

Счастливый флорентинецъ, или жизнь гр. де Ла-Валле. С.-Пб. 1763—1765; 2-е изд. С.-Пб. 1793.

Приключенія маркиза Г., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ. Пер. съ фр. Ив. Елагинъ. С.-Пб. 1756.

О блаженной или благополучной жизни, съ прибавленіемъ разсужденій о пріятной общежительной жизни изъ философ. здрав. разсужденія. Пер. съ нѣм. Ник. фонъ-Ларской. М. 1769.

Настоятель Килеринскій. Пер. съ фр. Изд. Рубанъ. 6 ч. С.-Пб. 1765—1781.

Влюбленный философъ, или приключенія гр. Можжана. Съ фр. пер. Н. Н. 2 ч. М. 1781.

Маркизъ Мирмонъ, или уединенный философъ. С.-Пб. 1783.

Счастливый флорентинецъ, или жизнь гр. де Ла-Валле. Съ фр. 3 ч. С.-Пб. 1763.

Блаженство, разговоры животныхъ. С.-Пб. 1767.

Д'Арленкуръ (1789—1856):

Пустынникъ дикой горы. Пер. съ фр. 1) М. Воронецкій, 4 ч. М. 1823; 2) Б. Враскій, 2 ч. С.-Пб. 1824; 3) М. Философовъ, 4 ч. Орелъ, 1824.

Отступникъ. 2 ч. М. 1828.

Отчужденная. Пер. А. Д. 2 ч. М. 1828.

Чужестранка. 3 ч. М. 1828.

С.-Марсъ, или заговоръ при Людовикѣ XIII. Съ фр. А. Очкинъ. С.-Пб. 1829—1830.

Инсибое. Пер. С. Шемшуринъ. Ч. 1. М. 1831.

Арно (Baculard d'Arnaud, 1718—1805):

Сидній и Силли, или благодѣяніе и благодарность. Пер. Д. фонъ-Визинъ. М. 1769; 2 изд. 1788.

Батильда, или геройство любви. С.-Пб. 1773.

Жизнь Констанціи, благородной дѣвицы. М. 1774.

Анна Белла. Англ. повѣсть. М. 1774.

Поэма Ельвира (*въ стихахъ*) *и Зенатоллисъ, приключеніе Марсельское* (*прозою*). Пер. Ерм. Костровъ. М. 1779.

Адельсонъ и Сальвини. Англ. пов. М. 1779.

Розалія. Пер. Моис. Смирновъ. М. 1781; 2 изд. 1796.

Либманъ. Нѣм. пов. Пер. Моис. Смирновъ. С.-Пб. 1781.

Луція и Меленія, или двѣ великодушныя сестры. Пер. Авр. Оболенскій. М. 1782.

Макинъ. Англ. пов. Пер. А. Г. М. 1782.

Нанси, или пагубныя слѣдствія ревнивости и безразсудной вѣтрености. Пер. Моис. Смирновъ. С.-Пб. 1783. Друг. пер. Д. Т. М. 1810.

Гермель, или можетъ ли добродѣтельная жена на постоянство мужа своего совершенно положиться. С.-Пб. 1783.

Опасность городской жизни. Пер. Андр. Грибовскій. С.-Пб. 1784.

Базиль. Фр. пов. Пер. Е. Л. М. 1785.

Истинная и трогающая повѣсть Карла и Амаліи. М. 1787.

Успокоеніе чувствительнаго человѣка (*delassements d'un homme Sensible*), *или собраніе сочиненій Арнода.* М. 1788. Друг. пер. подъ заглавіемъ „Отдохновеніе чувствительнаго человѣка". Пер. Н. Астафьевъ. Ч. 1. С.-Пб. 1808.

Вальмье. Пер. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1790.

Мериквалъ. Траг. Пер. В. Кряжовъ. М. 1792.

Салисбури. Пер. П. А. С.-Пб. 1792.

Варбекъ, или ужасная жертва честолюбія. Пер. съ франц. въ Сибири. Тамб. 1793. Друг. пер. М. 1820.

Авинаида. Истор. отрывокъ. Пер. Кондр. Фроловъ. М. 1794.

Принцъ Бретанскій. М. 1794.

Сидній и Волсанъ. Пер. С. Ф. М. 1794.

Сокращенности достопамятныхъ происшествій изъ сочиненія господина д'Арно, названнаго имъ чтенія по сердцу человѣка чувствительнаго. М. 1794 (изд. неопред. періодическое).

Жестокая истина, или неосторожный опытъ. Пер. Ник. Купинъ. М. 1796.

Плачъ Іереміи пророка. Поэма. Пер. архим. Анастасій. С.-Пб. 1797. Стихами пер. свящ. Гавр. Пакацкій. С.-Пб. 1814.

Жертва страсти, или пагубныя слѣдствія предразсудка. М. 1801.

Добродѣтельная женщина, или распутникъ любовью исправленный. М. 1803.

Достопамятныя и трогательнѣйшія историческія повѣствованія: возмущеніе Антіохійцевъ и избіеніе Фессалоникійцевъ. Пер. М. Вышеславцевъ. М. 1803.

Сардиній. Пер. М. Макаровъ. М. 1804.

Бартелеми (1716—1795):

Путешествіе въ Италію въ 1785 году. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801; 3 изд. 1817.

Путешествіе младшаго Анахарзиса по Греціи. Пер. П. Страховъ и Андр. Рудольскій. М. 1803—1819 (около половины).

Тоже. Пер. члены Россійской академіи: Нартовъ, Никольскій, гр. Дм. Хвостовъ, Ал. Севастьяновъ, В. Севергинъ, Ив. Дмитревскій и Яковъ Дружининъ. Изд. Росс. ак. С.-Пб. 1804—1809.

Сокращеніе путешествія Анахарзиса. Пер. Ив. Сиряковъ. С.-Пб. 1804 (1 часть).

Беркенъ (Berquin, 1749—1791):

Карлъ II. Драма. Пер. Ал. Алфимовъ. М. 1786.

Пожаръ. Драма. Пер. Ив. де-Маріево. С.-Пб. 1789.

Молодый Грандисонъ, служащій для дѣтскаго чтенія. 1792—1794.

Тоже въ видѣ легчайшаго способа къ изученію франц. языка. Изд. Сем. Вельцинъ. М. 1806—1807; 2 изд. 1824.

Образецъ молодыхъ людей. М. 1799 (оригиналъ, переводъ съ голландскаго).

Другъ дѣтей. Пер. Пав. Пущинъ. С.-Пб. 1799.

Шарлотта, или утѣшеніе старика. Пер. дѣв. Харитонова. М. 1803.

Простое введеніе къ познанію природы. Пер. Кряжевъ. М. 1803.

Отборныя идиллія, подражаніе Геснеру. Пер. М. Кипріяновъ. С.-Пб. 1805.

Бернисъ, кардиналъ (1715—1794):

Четыре части дня (стих.). Пер. Пав. Голенищевъ-Кутузовъ. М. 1805.

Очищенная религія. Поэма въ 10 пѣсняхъ. Пер. стихами. С.-Пб. 1816.

Битобе (1731—1808): *Іосифъ*. Поэма. Пер. Д. Фонъ-Визинъ. М. 1769, 1780, 1787, 1790, 1802, 1819.

Бланшаръ (P. Blanchard, род. 1772 г.):

Филетъ. Пастушескій романъ. Пер. Вас. Запольскій. М. 1802.

Феліція Вильмаръ, или изображеніе человѣческой жизни. Пер. Ап. Чеботаревъ. М. 1805.

Плутархъ для юношества. Пер. Григ. Дубецкій. С.-Пб. 1808—1810. Другой переводъ. М. 1808—1809; 2-е изд. (умнож.) 1814; 3-е изд. 1823.

Дѣтское сокровище. М. 1810. Др. пер. П. Е. Бло—нскій. С.-Пб. 1812.

Сокровище для дѣтей на 1811 годъ. М. 1811.

Дѣтское утѣшеніе, или пріятное и полезное чтеніе. Пер. Л. С. М. 1814.

Бюффонъ для юношества. М. 1814.

Новѣйшая дѣтская библіотека. 3 ч. М. 1815.

Плутархъ для прекраснаго пола. Соч. Бланшара и Проніяка. М. 1816—1819.

Путешественникъ по всѣмъ частямъ свѣта, для юношества. Ч. 1-я. С.-Пб. 1820.

Путь къ благонравію. Пер. Н. В. М. 1821.

Картины природы и благодѣянія Промысла, избранныя изъ Бюффона, Фенелона и проч. Пер. Н. Кисловъ. М. 1822.

Феликсъ и Полина, или гробъ при подошвѣ горы Юры. М. 1831.

Боало Депрео (1636—1711):

Критическія разсужденія на нѣкоторыя мѣста Лонгина. Пер. П. Отн. Хфр. М. 1807.

Осьмая сатира. Пер. кн. Шихматовъ. С.-Пб. 1807. Др. пер. М. Зиновьева. М. 1822.

Наука о стихотворствѣ, въ 4 пѣсняхъ. Пер. гр. Хвостовъ. С.-Пб. 1808; изд. 2-е (съ приложеніемъ посланія Горація къ Пизонамъ) 1813; изд. 3-е 1818; изд. 4-е 1824; изд. 5-е 1830.

Четвертая сатира, вольный переводъ. М. 1811.

Вольный переводъ V и VIII сатиръ Анд. Соловьева. М. 1813.

Къ разуму. Сатира. Подр. гр. Хвостова. С.-Пб. 1820.

Десятая сатира. Пер. С. Т. Аксаковъ. М. 1821.

Сатира на женщинъ. Пер. Н. Телепневъ. М. 1829.

Бомарше (1732—1799):

Евгенія. Ком. Пер. Н. Пушниковъ. С.-Пб. 1770; 2-е изд. М. 1788.

Севильскій цирюльникъ. Опера. Пер. съ итал. С.-Пб. 1782. Др. пер. въ Ярославлѣ. Изд. Калуга, 1794.

Фигарова женитьба. Ком. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1787.

Тоже. Пер. Д. Н. Барковъ. 1829 г.

Буасси (1693—1758):

Разумный вертопрахъ. Ком. въ 3 д. Пер. Вл. Лукинъ. С.-Пб. 1768.

Французы въ Лондонѣ. Пер. Пел. Вельяшева-Волынцева. М. 1782.

Говорунъ. Ком. въ 1 д. Съ франц. переложена на русскіе нравы Н. Ильинымъ. М. 1807.

Вернъ сынъ (швейцарскій писатель, F. Vernes, родился въ Женевѣ 1762 г.): Чувствительный путешественникъ, или моя прогулка въ Ивердюнъ. Пер. М. Алексѣевъ. М. 1802.

Вольтеръ (1694—1778):

Нескромный. Ком. въ 1 д. Пер. неизвѣстнаго. С.-Пб 1766.

Вольный домъ, или Шотландка. Ком. въ 5 д. Пер. Ал. Протасова. М. 1768.

* *Задигъ, или судьба, восточная повѣсть, и Свѣтъ каковъ есть, видѣніе Бабука, къ онымъ прибавлена элегія Клеона къ Цинею*. Соч. Душа. Пер. съ фр. И. Голенищевъ-Кутузовъ. С.-Пб. 1765—1766, 1789, 1795.

* *Нанина, или побѣжденное предразсужденіе*. Ком. Пер. Ипп. Богдановичъ. С.-Пб. 1766; 2-е изд. М. 1788. Друг. пер. Ник. Кунина. М. 1807.

Опытъ историческій и критическій: О несогласіи церквей въ Польшѣ. Пер. Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1768 (подъ именемъ Зос. Бурдиліона).

Существуютъ еще два перевода: одинъ — неизвѣстнаго, 1776; другой—кн. В. Мещерскаго. М. 1778 г.

* *Кандидъ, или оптимизмъ*. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. 1769; 2-е изд. 1779; 3-е—1789.

* *Принцесса Вавилонская*. Пер. Ф. Полунинъ. С.-Пб. 1770; 2-е изд. 1781; 3-е изд. М. 1788; 4-е—М. 1789.

* *Вадины сказки, бѣлый и черный Жанноть и Колинъ и о праздникахъ французскихъ*. Пер. М. П. С.-Пб. 1771 (Михаилъ Поповъ).

* *Переписка Г. Вольтера съ епископомъ А., съ приложеніемъ поэмы о нынѣшнихъ дѣлахъ*. С.-Пб. 1771. М. 1787.

Поэма о нынѣшнихъ дѣлахъ, или увѣщаніе о воспріятіи противъ Турокъ оружія (отдѣльно). С.-Пб. 1771.

* *Путь счастья человѣческаго*. С.-Пб. 1772; 2-е изд. М. 1790.

* *Исторія о крестовыхъ походахъ, съ прибавленіемъ: 1) Извѣстія о жизни турецкаго султана Магомета V; 2) Описаніе о происшедшей перемѣнѣ въ Константинополѣ; 3) Путешествіе жизни человѣческой; 4) Набатъ*. Пер. съ фр. И. Вельяшевъ-Волынцевъ. М. 1772; 2-е изд. 1782; 3-е—безъ прибавленій. С.-Пб. 1783.

Сократъ. Драма соч. Вольтера, подъ псевдонимомъ Томсона. Пер. Н. К. М. 1774; другой перев. Н. К. С.-Пб. 1780.

Меропа. Траг. Пер. стихами Вас. Майковъ. М. 1775.

Новое расположеніе человѣческаго разума. Пер. Ив. Вельяшевъ-Волынцевъ. С.-Пб. 1775.

* *Генеральное мнѣніе о тактикѣ Гиберта*. Пер. Ф. Левченковъ. С.-Пб. 1777.

* *Три разговора: 1) Челобитчика со стряпчимъ; 2) г-жи Мантоны съ дѣвицею Анкло; 3) Марка Аврелія съ Францискомъ*. С.-Пб. 1777.

** *Генріяда*. Пер. Як. Княжнинъ (бѣлыми стихами). С.-Пб. 1777.

Тоже. Пер. кн. Голицынъ. М. 1790.

Тоже. Пер. Ив. Сиряковъ. С.-Пб. 1803 и 1822.

* *Смерть Цесарева*. Трагедія. Пер. Вас. Іевлевъ. С.-Пб. 1777; 2-е изд. М. 1787.

* *Древняго и новаго вѣка люди, или уборный столъ г-жи маркизы Помпадуръ*. С.-Пб. 1777 (О. П. Козодовлевъ).

* *Карментадово путешествіе, изъ сатирическихъ сочиненій.* С.-Пб. 1778.

* *Новое изданіе, называемое Набатъ на разбужденіе королей.* С.-Пб. 1779.

* *Зайра.* Трагедія. Пер. съ франц. стихами А. Д. С.-Пб. 1779 (Адріанъ Дубровскій).

Тоже стихами. Ил. Полугарскій. М. 1821.

Оптимизмъ, т.-е. наилучшій свѣтъ, продолженіе Кандида. Съ нѣм. И. Г. С.-Пб. 1779.

*** *Тактика,* переложенная стихами Е. Костровымъ. М. 1779.

* *Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.* Пер. Богаевскаго. С.-Пб. 1780, 1786, 1792.

** *Похвальное надгробное слово Людовику XV.* С.-Пб. 1780.

** *Разсужденіе о воинскомъ искусствѣ.* Пер. стихами Дм. Огіевскій. С.-Пб. 1780.

* *Объ эпическомъ стихотворствѣ.* С.-Пб. 1781. Пер. кн. Дашковой.

* *Торжество немилосердія, или повѣсть о жизни Амвросія Борели, собранная Жестерманомъ и переведенная съ англійскаго Вольтеромъ.* Русскій пер. М. 1782.

* *Мемнонъ.* Пов. Пер. Пу***чикъ. С.-Пб. 1782. Другое изд. *Мемнонъ* пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1782.

* *Мелкія повѣсти: О добромъ браминѣ, Двухъ угнетенныхъ, Заидѣ и Магометѣ.* М. 1783.

Брутъ. Трагедія. Пер. Вас. Іевлевъ. М. 1783 г.

* *Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія.* Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1784.

* *Сатирическія и философическія сочиненія Вольтера.* М. 1784.

* *Политическое завѣщаніе.* Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1785. Другое изданіе (съ извѣстіемъ *о болѣзни, исповѣди и смерти Іос. Добре*) пер. Рахманиновъ. С.-Пб. 1785.

Лѣтопись Имперіи отъ Карла Великаго до нынѣшняго времени. Пер. г. Турковскаго. 5 ч. С.-Пб. 1786.

* *Естественный законъ.* Поэма. Пер. Виноградовъ. С.-Пб. 1786; другой пер. А. Палицына. С.-Пб. 1802.

* *Альзира, или американка.* Траг. Пер. стихами Пав. Карабановъ. С.-Пб. 1786; 2-е изд. 1798; 3-е изд. 1810.

* *Слово похвальное французскимъ офицерамъ, умершимъ въ войнѣ въ 1741 г.* Пер. Н. Невлюевъ. М. 1787 г.

Литеральное исповѣданіе. Пер. Д. Б. (Дм. Серг. Болтинъ). С.-Пб. 1787. М. 1803.

* *Россіянинъ въ Парижѣ.* Разговоръ. С.-Пб. 1788.

* *Исторія, сокращенная, о смерти Жана Калласа.* Пер. Еф. Разнотовскій. С.-Пб. 1788.

* *Китайскій сирота.* Трагедія. Пер. стихами Вас. Нечаевъ. С.-П. 1788.

* *Микромегасъ, философическая повѣсть.* М. 1788. Пер. И. Рахманиновъ.

* *Сатирическій духъ г. Вольтера.* 2 ч. С.-Пб. 1788 (Иванъ Рахманиновъ).

Философическія рѣчи о человѣкѣ. Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1788.

* *Гуронъ, или простодушный.* Пер. Н. Левицкій. С.-Пб. 1789; 2-е изд. 1802; 3-е изд. 1805.

** *Собраніе сочиненій Вольтера.* Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1785 и 1789. Изданіе 2-е дополненное. Козловъ, 1792.

* *Всячина. Отрывки изъ смѣси.* С.-Пб. 1789 (Ник. Евст. Левицкій).

* *Смѣсь, содержащая статьи философическія, нравоучительныя, аллегорическія и критическія.* Пер. Н. Л. Левицкій. 2 ч. С.-Пб. 1789.

Эдипъ. Трагедія. Пер. стихами кн. А. Голицынъ. М. 1791.

* *Магометъ*. Трагедія. Пер. П. Потемкинъ. С.-Пб. 1798; 2-е изд. 1810; друг. пер. Н. Остолопова. С.-Пб. 1824.

* Философическая и политическая переписка Имп. Екатерины II. 1763—1778 г. Пер. Мартыновъ. С.-Пб. 1802, изд. Сопикова; друг. изд. М. 1802. Тоже, пер. съ фр. М. Антоновскій. С.-Пб. 1803. Тоже, пер. Ив. Фабьянъ. М. 1803. Тоже, пер. Ал. Подлѣсецкій. М. 1803.

* Поэма на разрушеніе Лиссабона. Пер. стих. Ип. Богдановичъ. С.-Пб. 1802; изд. 2-е 1809.

* Бѣлый быкъ. Повѣсть. Пер. Сем. Родзянко. С.-Пб. 1802; 2 изд. 1809.

Опытъ на поэзію эпическую Пер. Н. Остолоповъ. С.-Пб. 1802.

* Полное собраніе всѣхъ донынѣ переведенныхъ сочиненій Вольтера. 5 част. М. 1802—1805.

* Духъ, или избранныя сочиненія г. Вольтера. Смол. 1803.

* Исторія Карла XII. М. 1803—1804; изд. 2 Орелъ, 1820.

* Романы и повѣсти. 5 частей. М. 1805.

* Переписка Фридриха II съ Вольтеромъ 1756—1788. М. 1805—1807. С.-Пб. 1816.

* Переписка съ д'Аламбертомъ. Пер. Подлѣсецкаго. Ч. 1. М. 1805.

* Историческія записки о жизни Вольтера, съ присовокупленіемъ писемъ къ нѣкоторымъ знаменитымъ россійскимъ вельможамъ. Пер. Ник. Левицкій. М. 1807—1808.

* Исторія Россійской имперіи въ царствованіе Петра В. Пер. С. Смирновъ. М. 1809.

* Исторія царствованія Людовиковъ XIV и XV. Пер. Ал. Воейковъ. 4 ч. М. 1809.

* Путешествіе сына Кандида въ Эльдорадо. М. 1810.

Анекдоты о Вольтерѣ. М. 1810 г. 2 ч. неизвѣстнаго переводчика.

Духъ, или избранныя сочиненія Вольтера. 3 ч. М. 1812 (изданіе сожжено).

* Танкредъ. Трагедія. Пер. Н. Гнѣдичъ. С.-Пб. 1816.

В. Гюго (1802—1885):

Ернани, или кастильская честь. Пер. Ротчевъ. С.-Пб. 1830.

Послѣдній день приговореннаго къ смерти. С.-Пб. 1830.

Дезульеръ (1637—1694): Идилліи. Пер. стихами А. Мерзляковъ. М. 1807.

Де-Лиль (Delille, 1738—1813):

Сады. Пер. Карабанова въ его „стихотвореніяхъ". С.-Пб. 1801.

Тоже. Сельскіе жители, или георгики французскія. Пер. Евст. Станевичъ. М. 1803.

Тоже. Сады. Пер. А. Палицынъ. Харьковъ, 1814.

Тоже. Сады. Пер. А. Воейковъ. С.-Пб. 1816.

Диѳирамбы на безсмертіе души. Пер. А. Палицынъ. М. 1804.

Тоже. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1804.

Тоже. Безсмертіе души. Пер. Ал. Писаревъ. М. 1820.

Тоже. Пер. Ал. Склабовскій. Харьковъ, 1821.

Де-Тушъ (Des Touches, 1680—1754):

Притворная Агнеса, или сельскій стихотворецъ. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.

Привидѣніе съ барабаномъ. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.

Раздумчивый. С.-Пб. 1778.

Троякая женитьба. С.-Пб. 1787.

Безстыдное любопытство. Ком. М. 1788.

Мотъ, или добродѣтельная обманщица. Пер. П. А. С.-Пб. 1789.

Женатый философъ. Ком. Пер. Вас. Каратыгинъ. С.-Пб. 1827.

Дидеротъ (1713—1784):

Побочный сынъ, или испытаніе добродѣтели. Пер. Ив. Яковлевъ. С.-Пб. 1765; изд. 2-е М. 1788; друг. пер. С.-Пб. 1798.

Чадолюбивый отецъ. Комедія. Пер. С. Глѣбовъ. С.-Пб. 1765; изд. 2-е М. 1788.

Удивительное мщеніе одной женщины. Нравоуч. пов. Пер. Д. Руничъ. М. 1796.

Система познаній человѣчества, изданная при Энциклопедіи. С.-Пб. 1802.

Жизнь Ричардсона, съ приложеніемъ похвальнаго слова, написаннаго ему Дидеротомъ. Смол. 1803.

Разсужденіе о воспитаніи. М. 1804.

Дораръ (1734—1780): *Несчастія отъ непостоянства происходящія, или письма маркизы Сири и гр. Мирбелъ.* Пер. М. Пушкинъ. С.-Пб. 1778; изд. 2-е 1788.

Дюкре Дюменилъ (1761—1819):

Долота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ. Пер. Ф. Розановъ. М. 1789; 2 изд. 1796; 3 изд. 1804.

Алексисъ, или домикъ въ лѣсу. Пер. Ал. Печенѣговъ 1794; изд. 2-е 1800; изд. 3-е 1804.

Яшенька и Жеоржетта, или приключенія двухъ младенцевъ, обитавшихъ на горѣ. М. 1796; 2 изд. 1804.

Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленіе престарѣлаго отца. Пер. Сав. Крыловъ. М. 1798—1799; 2 изд. 1807.

Викторъ, или дитя въ лѣсу. М. 1799—1800; изд. 2-е 1801; изд. 3 Орелъ, 1821.

Катинька, или найденное дитя. М. 1802; изд. 2 Орелъ, 1820.

Леонъ, или таинственное дитя. М. 1802—1805.

Тоже: Поль, или оставленная аренда. М. 1802—1803.

Целина, или дитя тайны. М. 1802—1803; 2 изд. 1807.

Вечера моей бабушки. Волшебныя сказки для дѣтей. 1802—1803. Тоже вечера моей бабушки. М. 1803.

Юлія, или исторія человѣческаго сердца. М. 1803.

Пальмиръ и Вольменилъ, маленькія сироты. М. 1804—1805; изд. 2-е М. 1819.

Мишель, или отеческій домъ. Пер. Ст. Смирновъ. М. 1807.

Ельмонда, или дочь гостиницы. М. 1808—1809; изд. 2-е 1816—1817.

Мальчикъ наигрывающій разныя штуки колокольчиками. М. 1810.

Таинственный сирота, или развалины на берегу Темзы. М. 1817.

Источникъ Св. Екатерины, или отцомъ проданный сынъ. М. 1820.

Эмиліо, или вечеръ моего отца. М. 1821.

Арбитскій замокъ, или Арциза, дитя несчастія. Пер. М. В. Орелъ, 1827.

Дюпати отецъ (1746—1788): Путешествіе въ Италію въ 1785 г. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1800—1801; 3 изд. 1817.

Дюпати сынъ (1775—1851): Пажи герц. Вандомскаго. Соч. Дюпати и Діелафуа. Пер. Як. Лизогубъ. С.-Пб. 1813.

Дюсисъ (1733—1816):

Абюфаръ, или арабская семья. Траг. Пер. стихами Н. Гнѣдичъ. М. 1802.

Отелло, или венеціанскій мавръ. Пер. Ив. Вельяминовъ. С.-Пб. 1808.

Г-жа Жанлисъ (1786—1830):

Голубокъ. Комедія. Пер. С. Тишевскій. С.-Пб. 1789.

Зелія, или искренность. Ком. М. 1789.

Дворецъ правды. М. 1791.

Новое дѣтское училище. С.-Пб. 1792; тоже подъ названіемъ *Аделія и Ѳедоръ, или письма о воспитаніи.* М. 1794.

Добрая мать. Ком. Пер. Елиз. Баскакова. М. 1796.

Нравоученіе, служащее къ наставленію обоего пола и всякаго званія людей. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1796.

Слепая въ Спа. Ком. М. 1797.

Іосифъ, узнанный братьями своими. Ком. Пер. Мацневъ. М. 1799.

Велизарій. М. 1799; 2 изд. 1808; 3 изд. 1821. Друг. пер. сенат. Захарова. С.-Пб. 1808.

Безразсудные обѣты, или ослѣпленіе. М. 1802. Изд. 2. Орелъ, 1820.

Аделанда, или торжество любви. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1803.

Матери соперницы, или клевета. Пер. П. Домогатскій. М. 1803—1805. Изд. 2-е 1816.

Двѣ славы. Новая нравоучительная повѣсть. М. 1804.

Религія есть единственное основаніе счастья и истинной философіи. Пер. Вл. Болховитиновъ. М. 1805.

Ида. Истинная повѣсть. С.-Пб. 1805.

Новыя повѣсти г-жи Жанлисъ. Пер. Ив. де-ла-Кроа. Ч. 1. Митава, 1805.

Тоже. Пер. кн. Шаликовъ. 2 ч. М. 1818.

Г-жа Ментеноъ. М. 1806; 2 изд., Орелъ, 1825.

Богомолка. Пов. М. 1806. 2 изд., 1816.

Альфонсина, или материнская нѣжность. М. 1806—1807; 2 изд. 1815.

Графъ Коркъ, или великій человѣкъ. М. 1807.

Артуръ и Софронія, или любовь и тайна. Пер. Як. Лизогубъ. С.-Пб. 1807.

Сенклеръ, или жертва науки и художествъ. С.-Пб. 1807. Друг. пер. М. 1808.

Іоанна. Франц. историческая повѣсть. С.-Пб. 1807.

Мысли остроумныя и пріятные анекдоты, собранные г-жей Жанлисъ подъ именемъ записокъ Фелиціи Л. 2 ч. М. 1808. Др. пер. Воспоминанія Фелиціи Л. М. 1809.

Ручная книга для путешествующихъ. М. 1808.

Размышленія. Пер. Дм. Болтинъ. М. 1808.

Награжденное гостепріимство. Драма. Пер. Ив. Раевскій. М. 1808.

Геройство 17-лѣтней знатной дѣвицы, или оклеветанная невинность. Перев. Ив. Кобрановъ. М. 1808—1809; изд. 2-е, Орелъ, 1816; изд. 3-е 1816—1817.

Тоже подъ заглавіемъ Осада Ларошели, или несчастіе и совѣсть. М. 1808.

Маленькій Лабрюеръ, или картина юношескихъ нравовъ. Пер. Рудомаевъ. С.-Пб. 1808.

Духъ г-жи Жанлисъ. Выборка изъ всѣхъ ея сочиненій. М. 1808.

Молодой дикій, или опасное стремленіе первыхъ страстей. М. 1809.

Альфонсъ, или побочный сынъ. С.-Пб. 1809; друг. пер. М. 1809.

Дельфина, или приключенія графа М*. М. 1809.

Рыцари лебеди, или дворъ Карла Великаго. Пер. Кошанскій. М. 1809; тоже М. 1821.

Эмира и Волинсъ, или возвращеніе во Францію эмигрантовъ. С.-Пб. 1810; др. пер. М. 1810.

Маленькіе эмигранты, или переписка дѣтей. М. 1811.

Цвѣты, или артисты. Пер. В. Е—въ. М. 1811.

Герцогиня де-ла-Вальеръ. М. 1815; тоже пер. кн. Шаликовъ. М. 1815—1816.

Дѣвица де-Лафайетъ, или вѣкъ Людовика XIII. М. 1815—1816.

Екатерина Бурбонъ и Маргарита де-Валуа. М. 1815—1816.

Повѣсти г-жи Жанлисъ. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1816.

Новый способъ наставленія малолѣтнихъ дѣтей. Орелъ, 1816.

Исторія Генриха Великаго. Пер. кн. Шаликовъ. М. 1816—1817.

Отборныя статьи изъ журнала для юношества. С.-Пб. 1817—1818.

Площадь, или долина Баттисковъ. М. 1817—1818.

Гортензія, или жертва романовъ и путешествій. М. 1820.

Повѣсти изъ сочиненій Буфлера и Жанлисъ. С.-Пб. 1820.

Знатные не по породѣ, или добродѣтель во всякомъ званіи можно найти. М. 1822.

Петрарка и Лаура. М. 1822.

Шесть нравственныхъ повѣстей. М. 1824.

Елизавета Баварская. Истор. отрывокъ. Орелъ, 1826.

Альфонсина и Далинда. М. 1830.

Жоффре (L. Fr. Jauffret, род. 1770):

Новый театръ воспитанія, служащій продолженіемъ театровъ г-жи Жанлисъ и Бервиля. Пер. Вас. Левашовъ. С.-Пб. 1808.

Школа искусствъ, художествъ и рукодѣлій. М. 1820.

Жюи (Jouy, 1764—1846):

Весталка. Траг. въ стихахъ. Пер. Ал. Волковъ. С.-Пб. 1815.

Лондонскій пустынникъ, или описаніе нравовъ и обычаевъ англичанъ. Перев. де Шаплетъ. С.-Пб. 1822—1824.

Добродушный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Перев. де Шаплетъ. С.-Пб. 1824.

Антенскій пустынникъ, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Перев. де Шаплетъ. С.-Пб. 1825—1826.

Тоже Гильомъ чистосердечный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Пер. де Шаплетъ. С.-Пб. 1827.

Гвіанскій пустынникъ, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ XI столѣтія. Пер. де Шаплетъ. С.-Пб. 1828.

Кампистронъ (1656—1723): *Ревнивый изъ заблужденія выведенный.* Ком. М. 1764.

Каракціоли (1721—1803):

Истинный менторъ, или возстаніе дворянства. Пер. Ф. Полунинъ. М. 1769.

Открытое зеркало для всѣхъ или рѣдкое чудо нынѣшняго вѣка, о свойствахъ дружества. Перев. Евг. Сирейщиковъ. М. 1775.

Тоже подъ заглавіемъ *Характеры, или свойства дружества.* М. 1795.

Гласъ разума. Пер. Г. Смирновъ. М. 1786.

Гласъ вѣры. М. 1786.

Христіанинъ нынѣшняго вѣка, пристыженный христіанами первыхъ вѣковъ. Пер. съ нѣм. М. Ланенскій. М. 1787.

Загадочный міръ. Пер. Г. Смирновъ. М. 1788.

Обращеніе съ самимъ собой, въ которомъ показывается, что есть человѣкъ, и какія существенныя его части и проч., подъ смотрѣніемъ Ив. Сокольскаго. М. 1788.

О веселости нравственной и физической. Пер. діаконъ Ив. Михайловъ. М. 1797.

Величество души. Пер. свящ. Ив. Бобринскій. С.-Пб. 1804.

Разговоръ съ самимъ собою. Пер. кн. Кропоткинъ. М. 1817—1818.

Кольне (Colnet de Ravet, 1768 — 1832): Пустынникъ С.-Жерменскаго предмѣстія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французскихъ въ началѣ XIX столѣтія. Пер. А. Очкинъ. С.-Пб. 1826.

Г-жа Коттенъ (1773—1807):

*Взятіе Іерихона, или спасенная грѣшница. С.-Пб. 1805.

Матильда, или записки, взятыя изъ крестоваго похода. Пер. Дм. Бантышъ-Каменскій. М. 1806.

Другой переводъ В. Д. Москва, 1826 г.

*Елисавета Л. (Луналова), или несчастное семейство сосланнаго въ Сибирь. М. 1810 (изд. 2-е), 1816, 1824, 1830.

*Амелія Мансфельдъ. М. 1810; 2 изд. 1817.

Мальвина. М. 1816—1818.

Наталья Беллозанъ, или завѣщаніе. М. 1817.

П. Корнель (1606—1684):

Смерть Помпеева, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.

Цинна, или Августово милосердіе, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.

Сидъ, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.

Родогуна, прозою. М. 1788.

Кребильонъ (1674—1762):

Катилина. Траг. М. 1783.

Исторія о принцѣ Селіи, названномъ Пренаніемъ, и о принцессѣ Фелеѣ. М. 1788. Изд. 2-е.

Радомастъ и Зенобія. Пер. Ст. Висковатовъ. С.-Пб. 1810.

Лагарпъ (1739—1803):

Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Соч. аббе. Прево, сокращенная чрезъ Г. Лагарпа. Пер. Мих. Веревкинъ. 22 части. М. 1782 — 1787 (не полная).

Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в. противъ христіанскаго благочестія. Пер. Як. Бардовскій. М. 1810.

Ликей, или курсъ словесности древней и новой. Пер. П. Карабановъ, П. Соколовъ, А. Никольскій и Дм. Соколовъ. Изд. Росс. акад. С.-Пб. 1810—1814.

Графъ Варвикъ. Траг. Пер. Ос. Ширяевъ. М. 1814.

Черный рыцарь. Историческій романъ VIII столѣтія. М. 1816.

Филоктетъ. Трагедія Софокла, съ франц. перевода Лагарпа. Пер. С. Ак—вымъ (С. Т. Аксаковымъ). М. 1816.

Посланіе Лагарпа къ гр. Андр. П. Шувалову о дѣйствіи сельской природы и о поэзіи описательной. М. 1817.

Лабрюеръ (1644—1696): Характеры или свойства различнаго состоянія людей нынѣшняго времени. Пер. Ник. Ильинъ. 2 ч. М. 1812.

Г-жа де-Ламбертъ (Marg. de Lambert, 1647—1733):

Письма къ ея сыну о праведной чести и къ дочери о добродѣтеляхъ приличныхъ женскому полу. С.-Пб. 1761.

Разсужденіе о дружествѣ. Пер. С. Смирновъ. С.-Пб. 1772.

Удалившаяся отъ свѣта женщина. Новая повѣсть. М. 1772; друг. пер. С.-Пб. 1777.

Басни восточныя (?). Пер. Н. Поповъ, прозою. С.-Пб. 1779.

Лантье (1734—1826):

Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи. Пер. П. Макаровъ и Гр. Яценковъ. М. 1802; 3 изд. М. 1822.

Тоже. Пер. А. Леванда. С.-Пб. 1803; 2 изд. испр. 1813.

Лафонтенъ (1621—1695): *Любовь Психеи и Купидона*. Съ франц. 2 ч., съ присовокупленіемъ книги Дворянинъ-философъ, аллегорія. М. 1769.

Г-жа Лафиттъ (1737—1794): *Увольненіе*. Ком. Пер. Висс. Воейковъ. С.-Пб. 1785.

Ле-Бланъ (Leblanc de Guillet, 1730—1799): *Альбертъ I, или торжествующая добродѣтель*. С.-Пб. 1788.

Лесгранъ (1673—1728):

Новопріѣзжіе. Ком. Пер. Ал. Волковъ. М. 1759.

Щеголеватый скороходъ, или одно минутное дѣло. Ком. Пер. Ив. Текутьевъ. М. 1764.

Любовные оборотни. Ком. Пер. А. Хвостовъ. М. 1770.

Взаимный опытъ. Ком. С.-Пб. 1779.

Другъ всесвѣтный. Ком. М. 1788.

Леонардъ (1744—1793):

Новая Клементина, или письма Генріетты де-Бервиль. Пер. А. И. М. 1789.

Алексисъ. Пастушеская пов. Пер. П. Львовъ. С.-Пб. 1796.

Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Ліонѣ. Пер. М. Каченовскій. М. 1804; 2 изд. 1816.

Лесажъ (1668—1747):

Похожденія Жилблаза де-Сантиланы. Пер. Вас. Тепловъ. 1754, 1761, 1768, 1775, 1783, 1792, 1801, 1808, 1812, 1815 (посл. изд.).

* *Баккалавръ Саламанскій, или похожденія Дона Керубина де ла Ронда.* Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1763; 2 изд. 1784.

Похожденія Естеванилла Гонзалеса. Пер. Я. Б. С.-Пб. 1765—1766.

Зулима, или непорочная любовь. Истор. пов. Пер. Ив. Кудрявцевъ. С.-Пб. 1768.

Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ. Пер. Дм. Легкій и Дм. Мокѣевъ. С.-Пб. 1763, 1774, 1775, 1785, 1791, 1807, 1816.

Замѣчательныя приключенія Гусмана д'Алфарата. Пер. Д. Щ. Ч. 1. М. 1785.

* Гусманъ д'Алфаратъ. Гиш. пов. Пер. А. Ключаревъ. М. 1804.

Тоже. Шалости забавнаго Гусмана, или каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. М. 1813.

Луазель Треогатъ (1752—1812):

Вальморъ. Франц. пов. Пер. Ник. Левицкій. М. 1781.

Вальморъ и Флоринна. Двѣ новости. Пер. П. Ш—ъ (Шаликовъ). М. 1802.

Элоиза и Абеляръ, жертвы любви. Пер. Іос. Тукалевскій. С.-Пб. 1816.

Луве де Кувре (1764—1797):

Приключенія Шевалье де-Фоблаза. Пер. съ фр. 13 ч. С.-Пб. 1792—1796.

Жизнь кавалера Фоблаза. Съ фр. 4 ч. М. 1793.

Емилія Вармонтъ, или разводъ необходимый. Соч. Фоблаза. Пер. съ фр. И. Л. Ч. 1. М. 1793.

Емилія Вармонтъ, или разводъ по нуждѣ, и любовь пастора Севена. Съ фран. Ив. Степановъ. 3 ч. С.-Пб. 1805; 2 изд. М. 1805.

Мабли (1709—1785):

Разговоры Фокіяновы о сходности вѣроученія съ политикою. С.-Пб. 1772.

Размышленія о греческой исторіи. С.-Пб. 1773.

Объ изученіи исторіи (*de l'idée sur l'histoire*). Пер. Ег. Чиляевъ. С.-Пб. 1772; друг. пер. С.-Пб. 1812.

Начальныя основанія нравоученія. Пер. М. Цвѣтковъ. М. 1803.

Мариво (1688—1763):

Жизнь Маріанны, или похожденія гр. Д. Ком. Пер. Ал. Салтыковъ. М. 1762.

Игра любви и случая. Ком. Пер. В. Ш. М. 1769; 2 изд. 1804.

Вторично вкравшаяся любовь. Ком. С.-Пб. 1773 (съ сокращеніемъ).

Обманъ въ пользу любви. Комедія. Пер. М. 1804; нов. пер. П. Катенина. С.-Пб. 1827.

Мармонтель (1723—1799):

Нравоучительныя сказки. Пер. П. фонъ-Визинъ. М. 1764; 2 изд. 1787—1788.

Удивленія достойная деревенская красотка, прекрасная Лауретта. Опера. М. 1765; 2 изд. 1774.

Велизеръ, переведенный на Волѣ Импер. Екатериною II и многими знатными особами. С.-Пб. 1768; 2 изд. 1773.

Велизарій. Пер. Курбатовъ. С.-Пб. 1769; 5 изд. 1804.

Велизарій. Пер. на славянскій. Вѣна 1777.

Велизарій. Съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ статей нравственной философіи. Изд. В. Сопикова. С.-Пб. 1803.

Испытанное дружество. Нравоучительная сказка. С.-Пб. 1771.

Счастливый разводъ, или примиренное соединеніе супруговъ. С.-Пб. 1773; изд. 2, Смоленскъ, 1801.

Чудо изъ чудесъ, или женщина какихъ мало. С.-Пб. 1774.

Алцестъ, излѣчившійся отъ своенравія, или исправленный человѣконенавидѣцъ. Нравоуч. ск. С.-Пб. 1777.

Счастливый солдатъ, или приключенія де-Верзаля, именуемаго Беллерозъ. С.-Пб. 1778.

Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи. Пер. М. Сушковъ. М. 1778; 2 изд. 1782; 3 изд. 1801; 4 изд. 1819.

Земира и Азоръ. Опера. М. 1783; 2 изд. 1784.

Добродѣтель. Пер. П. Бабушкинъ. М. 1788.

Счастливое семейство. Нравоучит. исторія. Пер. съ польскаго Андр. Красовскій. М. 1791.

Заблужденія нѣкотораго добродушнаго отца. Пер. А. П. М. 1792. Тоже и Палемонъ. Пер. В. Малаховъ. М. 1808.

Новыя Мармонтелевы повѣсти. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1794—1798; 2 изд. 1815; 3 изд. 1822.

Мои переводы. Ч. I. *Еленикъ треножникъ.* С.-Пб. 1797.

Повѣсти. Ч. III. Пер. А. Татариновъ. С.-Пб. 1800.

Новыя Мармонтелевы повѣсти. Дополненіе къ изданнымъ Карамзинымъ. Смол. 1805 (изд. 2).

Творенія, найденныя по смерти сочинителя и памятныя записки. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1820—1821.

Мерсье (1740—1814):

Персиваль, или французскій Барлевиль. Драма. Пер. И. В. М. 1778.

Ложный другъ. Драма. М. 1779.

Бѣлецъ. Драма. Пер. Мар. Сушковой. М. 1784.

Таковъ нынѣ свѣтъ. Пер. Як. Нарцискинъ. С.-Пб. 1784.

Уксусникъ. Драма. Пер. кн. Н. Г. М. 1785.

Картина Парижа. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1786 (I часть).

Симпатія. М. 1787.

Судья. Драма. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1788.

Зоа. Драма. Пер. Малиновскій. М. 1789.

Мой спальный колпакъ. Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1789.

Наталья. Драма. Пер. Серг. Каргопольскій. М. 1794.

Ромео и Юлія. Взятая изъ Шекспировыхъ сочиненій. М. 1795.

Гваделупскій учитель. Ком. Пер. Н. Брусиловъ. С.-Пб. 1800.

На что не отважится раздраженная любовь. М. 1802.

Похвальное слово Карлу V. Перевелъ В. Перовскій. М. 1809.

Явная война, или хитрость противъ хитрости. М. Безъ означенія года.

Мильвуа (1782—1816):

Стихотворная рѣчь о независимости ученаго мужа. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1806.

Эмма и Егинаръ, или мщеніе Карла Великаго. Пер. Дм. Глѣбовъ. М. 1825.

Материнская любовь. Пер. Д. Г. М. 1819.

Моліеръ (1622—1673):

Скупый. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.

Тартюфъ, или лицемѣръ. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.

Школа женъ. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.

Школа мужей. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.

Комедіи, переведенныя Ив. Кропотовымъ (четыре предъидущія). М. (года не означено).

Сициліянецъ. М. 1776; 2-е изд. 1788.

Амфитріонъ. Пер. П. Свистуновъ. С.-Пб. 1767 г.; 2-е изд. 1788.

Жоржъ Дандинъ, или въ смятеніе приведенный мужъ. Пер. И. Чаадаевъ. М. 1775; 2-е изд. 1788.

Принужденная женитьба. М. 1779.

Лѣкарь по неволѣ. Пер. П. С(вистуновъ?). М. 1788.

Мизантропъ, или нелюдимъ. Пер. И. Е. М. 1788. Друг. пер. Ф. Кокошкина. М. 1816.

Мѣщанинъ въ дворянствѣ. М. 1788.

Любовь доктора. М. 1802.

Скапеновы обманы. Пер. Ив. Смирновъ. М. 1803.

Ханжеевъ, или лицемѣръ; въ стихахъ. М. 1809.

Мнимый рогоносецъ. Пер. А. Ротчевъ. М. 1825.

Монтань (Montaigne, 1533—1592):

Опыты Михайла Монтаньева. Пер. Серг. Волчковъ. С.-Пб. 1762 (не болѣе четвертой части плохаго перевода).

Корнелія Сидней, или молодая вдова. Пер. съ англійскаго Ѳед. Монтаньемъ, съ французскаго пер. К. Т. и Б. С. М. 1805.

Монтескьё (M. de Secondat, Baron de Montesquieu, 1689—1755):

Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка. Пер. Ал. Полѣновъ. С.-Пб. 1769.

Храмъ Киндійскій. Пер. И. С. С.-Пб. 1770.

О разумѣ законовъ. Ч. 1-я. Пер. Вас. Крамоpенковъ. С.-Пб. 1775; 2-е изд. 1301.

Арзасъ и Исменія. Пов. Пер. Ник. Страховъ. М. 1787.

Письма персидскія. Пер. Ф. Поспѣловъ. С.-Пб. 1789; друг. пер. Еф. Разнотовскій. С.-Пб. 1792.

Лизимахъ. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб.; годъ не означенъ.

Храмъ Венеры на островѣ Киндѣ. Поэма, прозою. М. 1804.

Опытъ о вкусѣ въ произведеніяхъ природы и художествъ. Пер. А. Воейковой. С.-Пб. 1808.

О существѣ законовъ. Пер. Дм. Языковъ. М. и С.-Пб. 1809—1818.

Арзасъ и Исменія. Персид. романъ. Пер. Евг. Хилковъ. С.-Пб. 1810.

Монтольё (I. Is. baronne de-Montolieu, (1751—1832, род. въ Лозаннѣ):

Каролина Лихвильдъ. Пер. Гр. Яценковъ. М. 1816 (изд. 3-е).

Повѣсти Изабеллы Монтольё. 2 ч. М. 1816.

Хижина на высотахъ Альпійскихъ. Пер. Н. Побѣдинъ. М. 1817.

Сентъ-Клеръ островитянинъ, или изгнанники на островѣ Барро. Пер. Г. Трескинъ. 1817—1818.

Замокъ Курвиль, или любопытныя записки фамиліи Курвиль. М. 1819.

Швейцарскія земли. М. 1821.

Юлія, или семейственное благополучіе. М. 1822.

Карлъ и Елена Мольдорфъ, или лишнія восемь лѣтъ. М. 1822.

Двадцать одинъ годъ, или узникъ Шарфстейнскаго замка. Пер. Н. Бѣлоголовый. М. 1824.

Рыцари ложки, любопытныя швейцарскія происшествія. Орелъ, 1830.

Пиго ле-Брень (Pigault Lebrun, 1753—1835):

Теодоръ, или Перуанцы. М. 1804.

Сто двадцать дней, или четыре новости. Пер. Е. Лифановъ. Ч. 1-я, С.-Пб. 1806 (не цѣлое соч.).

Карлъ и Каролина. Комедія. М. 1809.

Господинъ Кенгленъ, или предвѣдѣніе. М. 1810.

Дядя Ѳома. М. 1810.

Прекрасный пажъ, или арестантъ въ Шпандау. М. 1816—1817.

Услужливый маркизъ, или подарокъ въ день свадьбы. М. 1819.

Валентинъ, или беззаботная голова. Пер. М. Виноградовъ. М. 1820.

Господинъ Ботъ. Пер. И. Левицкій. С.-Пб. 1828—1829.

Пиронъ (1640—1727):

Страсть къ стихотворству. М. 1787.

Прево абб. (Abbé Prevost d'Exiles, 1697—1763):

Приключенія маркиза, или жизнь благороднаго человѣка. Пер. Ив. Елагинъ и Вас. Лукинъ. 1756—64, 1780, 1793.

Тоже. Часть 7-я и 8-я, содержащія Исторію Маноны Леско. М. 1790.

*Телемакъ новый, или путешествія и приключенія графа,** *и сына его.* С.-Пб. 1761 и 1762.

Собраніе трогательныхъ повѣстей, любопытныхъ анекдотовъ и проч. 3 ч. М. 1798.

Г-жа Пренсъ де-Бомонъ (1711—1760):

Самое распространенное ея изданіе подъ заглавіемъ: „Magasin des enfants ou dialogues entre une gouvernante et ses èleves". Londres, 1757 г.,—переведено было подъ заглавіемъ: *Дѣтское училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницей и знатными разныхъ лѣтъ ученицами.* Пер. П. Свистуновъ. С.-Пб. 1761 г.; 2-е изд. 1788.

Новый переводъ г-жи М. М. Ч. 1-я. С.-Пб. 1784.

Новый переводъ Тим. Можайскаго. 4 ч. С.-Пб. 1792—1794; изд. съ франц. подл. С.-Пб. 1794. М. 1795.

Новый переводъ: Дѣтское училище, или разговоры благоразумной наставницы съ ея воспитанницами. М. 1800; 2-е изд. 1817.

Другое сочиненіе, служащее продолженіемъ, подъ заглавіемъ: „Magasin des adolescentes ou dialogues entre une sage gouvernante et ses èleves". Londres, 1760 г.,—переведено было такъ: *Юношеское училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницей и многими знатными ученицами.* Пер. протоіер. Ив. Харламовъ. 4-я ч. М. 1774; 2-е изд. 1778 г.

Училище юныхъ дѣвицъ, или разговоры матери съ дочерью. Пер. А. М. М. 1784.

Третье сочиненіе, подъ заглавіемъ „L'éducation complette ou abregé de l'Histoire universelle, mêlé de geographie et de chronologie". Londres, 1753 г.,—было переведено подъ заглавіемъ: *Воспитаніе совершенное, или сокращенная древняя исторія.* Пер. прот. Ив. Харламовъ. 3-я ч. М. 1784.

* Правила для общежитія, или наставленіе дѣвицамъ, содержащія священную и свѣтскую исторію и географію. Пер. съ франц. М. М. 5 ч. 1800—1801. С.-Пб., изд. 2-е 1812.

Другія сочиненія:

Наставленіе молодымъ госпожамъ, вступающимъ въ свѣтъ и въ брачные союзы, служащее продолженіемъ Юношескому училищу. Пер. Еф. Рунич. М. 1788, изд. 2-е.

Увеселительныя, любопытныя и нравоучительныя повѣствованія, выбранныя изъ II и III частей Франц. Магазейна, или поучительной и забавной библіотеки г-жи де-Бомонтъ. Пер. съ фр. П. Котельниковъ. Калуга, 1795.

Училище бѣдныхъ работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ низшаго класса людей. Пер. Н. Плещеева. 2 ч. М. 1808.

Кромѣ того, у Сопикова и Смирдина въ 1780 г. показаны слѣдующіе переводы:

Стклянночки. Ком. въ 1 д. М.

Счастливый островъ. Ком. въ 2 д., на русск. и франц. языкѣ. М.

Бѣдный философъ, нравоучительная повѣсть. С.-Пб.

Эти три сочиненія отдѣльно не поименованы у Керара (Fr. litteraire).

Расинъ (Jean Racine, 1639—1699):

Іевфай. Прозою пер. Іеромон. Аполлосъ. С.-Пб. 1778—1782.

Есфирь, прозою. М. 1783; 2-е изд. 1795. Пер. П. Катенинъ. С.-Пб. 1816.

Афалія. М. 1784. Другой перев. М. 1820.

Андромаха. Пер. стихами гр. Дм. Хвостовъ. С.-Пб. 1794; изд. 2-е—1811; изд. 3-е—1815; изд. 4-е—1821.

Ифигенія. М. 1796.

Федра. Пер. стих. В. Анастасевичъ. С.-Пб. 1805. Другой пер. въ стихахъ, М. 1821; 3-й перев. М. Лобановъ. С.-Пб. 1823; 4-й перев. въ стихахъ Окуловъ. С.-Пб. 1824; 5-й перев. стихами П. Чеславскій. С.-Пб. 1827.

Ифигенія въ Авлидѣ. Пер. стихами М. Лобановъ. С.-Пб. 1815.

Расинъ сынъ (Louis Racine, 1692—1763): Благодать, поэма. Пер. съ нѣм. Платоновъ. М. 1801—1802 (La religion).

Рейракъ (1734—1781):

На сотвореніе міра. Поэма. Пер. Пав. Дивовъ. М. 1785.

Солнце. Поэма, съ присовокупленіемъ другихъ сочиненій во вкусѣ сельскихъ ночей. Пер. Т. Можайскій. С.-Пб. 1783.

Реньяръ (1655—1709):

Менехмы, или близнецы. Ком. С.-Пб. 1763.

Задумчивый. Ком. Пер. Вл. Лукинъ. С.-Пб. 1769.

Нечаянное возвращеніе. Ком. М. 1779.

Серенада, или музыкантъ по неволѣ. Пер. Мод. Окуловъ. М. 1788.

Де Ла-Рашфуко (1613—1680):

Духъ изящнѣйшихъ мнѣній. М. 1788.

Нравоучительныя мысли. Пер. Е. Т. М. 1798 (менѣе половины).

Мысли, извлеченныя изъ высшаго познанія міра и людей. Пер. Ив. Барышниковъ. М. 1809.

Нравственныя разсужденія. Пер. Дм. Пименовъ. М. 1809.

Риккобони (Marie Jeanne Riccoboni, 1714—1792):

Встрѣча въ лѣсу Арденскомъ. Пер. съ франц. В. К. С.-Пб. 1785.

Тоже—*Встрѣча въ Арденскомъ лѣсу.* Сказка. С.-Пб. 1786.

Жанъ-Батистъ Руссо (1670—1741): *Переводы изъ твореній Жана-Батиста Руссо и Томаса.* С.-Пб. 1774.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778):

Новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ. Пер. Пав. Козельскій. Ч. I. М. 1769. С.-Пб. 1792 (1 и 2). Пер. Ал. Палицынъ. С.-Пб. 1803—4; 2-е изд. 1820.

Размышленіе о величествѣ Божіемъ, о Его промыслѣ и о человѣкѣ (исповѣданіе вѣры священника Савоярскаго изъ III части Элоизы), около 1770 г. пер. Башиловъ.

Разсужденіе на вопросъ, предложенный Дижонскою академіею, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли ко исправленію нравовъ. Пер. П. Потемкинъ. М. 1768; 2-е изд. 1787. Другой перев. М. Ю. С.-Пб. 1792.

Разсужденіе на вопросъ: какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ. Пер. П. Потемкинъ. М. 1770.

Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенствъ между людьми. Пер. П. Потемкинъ. М. 1770—1782.

Сокращеніе, сдѣланное Ж.-Ж. Руссо изъ проекта о вѣчномъ мірѣ, сочиненнаго аббатомъ де Сентъ-Пьеромъ. С.-Пб. 1771.

Емиль и Софья, или хорошо воспитанные любовники (отрыв. 5 главы). Пер. П. Страховъ. М. 1779.

Тоже—Благовоспитанные любовники. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1800; 2 изд. 1820 (безъ приб.).

Обвороженный поясъ. Ком. М. 1779—1788.

О блаженствѣ. Пер. И. Л. М. 1781.

Новыя письма. С.-Пб. 1783.

Гражданинъ, или разсужденіе о политической экономіи. Пер. В. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1787.

Пигмаліонъ. С.-Пб. 1792.

Исповѣданіе. Пер. Дм. Болтинъ (не болѣе четверти). М. 1797 (изд. 2).

Мысли о различныхъ матеріяхъ. Пер. П. Андреевъ. С.-Пб. 1800.

Духъ, или избранныя мысли Ж.-Ж. Руссо. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801.

Бытіе Бога и безсмертіе души. С.-Пб. 1801.

Ефраимскій Левитъ. Поэма. М. 1802.

Уединенныя философическія прогулки, или послѣдняя его исповѣдь. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1802; 2-е изд. 1822.

Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевскаго философа. Пер. Мих. Прокоповичъ. М. 1804.

Эмиль, или о воспитаніи. Пер. Елис. Дельсаль. М. 1807.

Письма о ботаникѣ. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1810.

Гр. Сегюръ (Louis Phil. C-te de Segur, 1753—1830):

Политическая картина Европы въ теченіе 1803 года. С.-Пб. 1806.

Историческая и политическая картина Европы, въ концѣ XVIII в. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1807.

Дипломатическая переписка, служащая дополненіемъ къ картинѣ Европы. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1808.

Сокращенная всеобщая исторія, древняя и новая. С.-Пб. 1818—1820.

Четыре возраста жизни. Пер. Волковъ. М. 1822.

Гр. Сегюръ (Jos. Al. vicomte de Ségur, 1756—1805):

О женщинахъ, ихъ состояніи у различныхъ народовъ и вліяніи на общественный порядокъ. Пер. С. Немировъ. 3 ч. М. 1805—1806.

Тайная переписка многихъ великихъ знаменитыхъ особъ въ концѣ XVIII столѣтія (Нинины Ланкло, марк. Виллярсо и г-жи де Ментенонъ), или важнѣйшія записки, служащія для исторіи онаго вѣка. 2 ч. М. 1808.

Сентъ-Пьеръ (Bernardin de St.-Pierre, 1737—1814):

Павелъ и Виргинія. Пер. А. Подшиваловой. М. 1793; 2 изд. 1806; 3 изд. 1812.

Индѣйская хижина. Пер. К. С. М. 1794.

Тоже подъ заглавіемъ: Путешествія ученыхъ въ разныя части свѣта для отысканія истины, обрѣтенной ими въ индѣйской хижинѣ у добраго Парія. М. 1805.

Сентъ-Фуа (1698—1776):

Оракулъ. Ком. 1759.

Девкаліонъ и Пирръ. Ком. Пер. М. Поповъ. С.-Пб. 1765. Прилож. къ переводу „Недовѣрчивый", бар. Кронека.

Арлекинъ въ сералѣ. Ком. К. Г. Г. М. 1769.

Дѣ турецкія вдовы. Ком. Пер. Ал. Пр. С.-Пб. 1774.

Сильфъ. Ком. Пер. Дм. Вельяшевъ-Волынцевъ. М. 1782.

Недовѣрчивость и хитрость, или долгъ платежомъ красенъ. Передѣлалъ на русскіе нравы Н. Ильинъ. С.-Пб. 1811.

Скарронъ (1610—1660):

Шутливая повѣсть. Пер. съ нѣм. Вас. Тепловъ. С.-Пб. 1763.

Трагикомическія новости. М. 1788.

Смѣшныя повѣсти забавнаго Скаррона. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1801.

Скрибъ (1791—1861):

Медвѣдь и Паша. С.-Пб. 1823.

Женщина-полковникъ. Ком. Скриба и Делавиня. Пер. Е. Звалинскій. М. 1824.

Секретарь и поваръ. Ком. Скриба и Мельвиля. Пер. П. Араповъ. М. 1825.

Ватель, или потомокъ великаго человѣка. Водевиль Скриба и Мазера. Пер. П. Араповъ. М. 1827.

Минета, или превращеніе кошки въ женщину. Вод. Скриба и Мельвиль. Пер. Н. Остолоповъ. С.-Пб. 1828.

Крестная маменька. Вод. Скриба, Локруа и Шабо. Пер. Дм. Ленскій. М. 1831.

Сталь Гольстейнъ (1766—1817):

Мелина. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1795; изд. 2-е 1802.

Мирза. С.-Пб. 1801.

Делифина. М. 1803—1804.

Двѣ повѣсти. Пер. Мих. Михайловъ. С.-Пб. 1804.

Коринна, или Италія. М. 1809—1810.

Новыя повѣсти. М. 1815.

О философіи англичанъ. Пер. А. Боровковъ. С.-Пб. 1819.

О философіи французовъ. Пер. А. Боровковъ. С.-Пб. 1820.

Томасъ (1732—1785):

Письмо къ народу и разговоръ бѣдности съ истиною. Пер. С. Нарышкинъ. С.-Пб. 1772.

Похвальное слово Марку Аврелію. Пер. Д. фонъ-Визинъ. С.-Пб. 1777.

Переводы изъ твореній Ж.-Батиста Руссо и Томаса. С.-Пб. 1774.

Сокровище Парнаса, или переводъ лучшихъ стихотвореній Томаса. Пер. В. Г. Р. С.-Пб. 1778.

Опытъ о свойствѣ, о разумѣ и о нравахъ женщинъ въ разныхъ вѣкахъ. Пер. Ив. Захаровъ. М. 1781.

Похвальное слово Морицу, графу Саксонскому. Пер. М. Прокудинъ. М. 1781.

Рѣчь во Французской академіи при вступленіи. М. 1782.

Похвальное слово канцлеру д'Агессо. Пер. Дм. Хвостовъ. С.-Пб. 1784.

Похвальное слово дофину. Пер. М. Бородавкинъ. С.-Пб. 1789.

Опытъ о похвальныхъ словахъ. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1824.

Террасонъ (1670—1750):

Добродѣтель, или жизнь Сифа царя Египетскаго. Пер. фонъ-Визинъ. М. 1762, 1768, 1786.

Фенелонъ (1651—1715):

Первый переводъ Телемака былъ рукописный и извѣстенъ въ 1724 г., подъ заглавіемъ „*Похожденіе Телемака сына Улиссова*". Съ него подъ тѣмъ же заглавіемъ печатались переводы, выдержавшіе нѣсколько изданій. С.-Пб. 1735, 1747, 1767, 1782 (изданіе 1747 г. вышло по особливому соизволенію Импер. Елизаветы).

Политика истинно благородныхъ особъ. Пер. Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1737; 2 изд. 1745; 3 изд. 1787.

Телемахида, или странствованіе Телемака, сына Одиссеева. Переложилъ стихами Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1766.

Новый переводъ: Странствованіе Телемака, сына Улиссова. Пер. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1786, 1788, 1812.

То же сочиненіе. Пер. Желѣзниковъ. С.-Пб. 1788—1789.

Тоже. Пер. Лубяновскаго. М. 1800—1805.

Тоже. Пер. Г. Шиповскаго. С.-Пб. 1803.

Тоже. Пер. Г. Шиповскаго, исправленный Еф. Люценко. С.-Пб. 1822.

Тоже. Перев. Голенищева-Кутузова. Первыя 5 главъ.

Сокращенный Телемакъ. Изд. Эйнерлинго. С.-Пб. 1827.

О воспитаніи дѣвицъ. Пер. Ив. Туманскій. С.-Пб. 1763. М. 1788.

Новые разговоры мертвыхъ. Повѣсти и басни. Пер. Ив. Остолоповъ. С.-Пб. 1768.

Зрѣлище природы о существѣ Божіемъ, взятое изъ сочиненій Фенелона. Пер. Н. Хлоповъ. М. 1766.

Наставленіе для совѣта государя. С.-Пб. 1773.

Бытіе Бога, доказанное познаніемъ природы и человѣка. Перев. Ал. Павлова. М. 1778.

То же сочиненіе. Пер. Дм. Ивановъ и Г. Сляв. М. 1809.

Приключенія Аристоновы, или жизнь добродѣтельнаго мужа. Пер. Тим. Кирьякъ. С.-Пб. 1775. Другой перев. С.-Пб. 1780.

Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ. М. 1788, 1804, 1805.

Забавы въ уединеніи для всякаго возраста и состоянія людей. Пер. Пав. Антоновичъ. М. 1797.

Краткія размышленія, почерпнутыя изъ Свящ. Писанія. Пер. Вышеславцевъ. Смол. 1798.

Творенія Фенелона. М. 1799.

Письма Фенелона. М. 1805.

Повѣсти и басни. Пер. Протопоповъ. С.-Пб. 1815.

Избранныя творенія. Пер. Ник. Аммосовъ. С.-Пб. 1820.

Избранныя духовныя творенія. М. 1820—1821.

Флоріанъ (1755—1794):

Эстелла, пастушеская повѣсть. Пер. Ал. Козловъ. С.-Пб. 1786. Друг. перев. М. К. М. 1789.

Батмаида, или картина человѣческой пустоты. Персид. пов. Пер. Ник. Ивановъ. М. 1788.

Нума Помпилій. Пер. Гр. Шиловскій. С.-Пб. 1788; изд. 2-е 1799. Друг. пер. П. Вельяминова. С.-Пб. 1788.

Шесть новостей. С.-Пб. 1788.

Новости Греческія, Испанскія, Португальскія, Французскія и Нѣмецкія. Пер. Ник. Яценковъ. 2 ч. М. 1789.

Новыя повѣсти. С.-Пб. 1790.

Галатея, пастуш. пов. въ подражаніе Сервантовой. Пер. Ал. Печенѣговъ. М.

1790. Другой переводъ Ханенко. С.-Пб. 1790; третій Ал. Кандорскаго. М. 1800. Пер. П. Львовъ, въ 2 част. Пріятн. и полезн. провожд. времени.

Новыя повѣсти. Пер. П. Блакъ. С.-Пб. 1793.

Гонзальво Кордуанскій, или возвращенная Гренада. Поэма. Пер. Гр. Шиловскій. С.-Пб. 1793; 2 изд. 1818. Другой пер. Н. Осипова. С.-Пб. 1794.

Діокадія. Гишпанская повѣсть. С.-Пб. 1794.

Флоріановы повѣсти, изданныя Вышеславцевымъ. 2 ч. М. 1798—1806.

Добрый сынъ. Ком. Пер. П. Ивановъ. С.-Пб. 1800.

Санкъ. Португ. нов. М. 1801.

Добрая мать. Ком. Пер. кн. И. В. М. М. 1801.

Обманутый плутъ, или награжденное простодушіе. М. 1802.

Вильгельмъ Тель, или освобожденная Швейцарія. Поэма, съ присовокупленіемъ повѣсти: Дозальба Сицилійская. М. 1802; нов. изд. 1817.

Еліезеръ и Невфалимо. Поэма. Пер. А. и Я. Бабиковы. С.-Пб. 1808.

Валерія. Пер. С. Мамонтовъ. С.-Пб. 1819.

Театръ г. Флоріана. Пер. Куз. Барановъ. 2 ч. М. 1826.

Фонтенель (1657—1757):

Разговоръ о множествѣ міровъ. Пер. кн. Антіохъ Кантеміръ. С.-Пб. 1730—1769 (изд. 2).

Письма Фонтенеля и Юнга. Пер. Вышеславцевъ. М. 1801. Друг. пер. кн. А. П. Трубецкаго. М. 1802.

Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Пер. Ив. Бутовскій. С.-Пб. 1821.

Формей (I. H. Formey, 1711—1797):

Антиэмиль, или опроверженіе Руссова образа воспитанія и мыслей. Пер. съ франц. кн. К. Енгалычева. М. 1797.

Опытъ о совершенствѣ. С.-Пб. 1805.

Шамфортъ (1741—1794):

Молодая поселянка. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1774.

Тоже стихами. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1821.

Похвальное слово Лафонтену. Пер. Ал. Рихтеръ. С.-Пб. 1825.

Шатобріанъ (1768—1848):

Атала, или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ. Пер. Н. Р. М. 1801. Друг. пер. Ив. Мартинова. С.-Пб. 1802—1803.

Рене, или дѣйствіе страстей. Пер. Н. Р. М. 1801. Друг. пер. Вл. Измайлова. М. 1802. Псковъ, 1803; 3 пер. М. 1803; 3 перев. Ал. Варенцова. С.-Пб. 1806.

Бонапарте и Бурбоны. Пер. Ал. Севастьяновъ. С.-Пб. 1814. Друг. пер. Ал. Огинскаго. С.-Пб. 1814.

Дополненіе къ сочиненію о Бонапартѣ и Бурбонахъ. Пер. Огинскій. С.-Пб. 1814.

Путешествіе изъ Парижа въ Іерусалимъ. Пер. свящ. І. Граціанскій. С.-Пб. 1815—1817. Путевыя записки изъ Парижа въ Іерусалимъ. Перев. кн. П. Шаликовъ. М. 1815—1816.

Мученики, или торжество христіанской вѣры. Пер. Ал. Корнеліусъ. М. 1816.

Опытъ историческій, политическій и нравственный, о древнихъ и новѣйшихъ переворотахъ. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1817.

Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ. Пер. кн. П. Шаликовъ. М. 1817.

Записки о жизни и смерти Карла-Фердинанда д'Артуа, герц. Беррійскаго. Пер. Д. М. 1821.

Тоже, другой переводъ. Орелъ, 1821.

Переводы изъ Энциклопедіи:

Переводы изъ Энциклопедіи. 3 ч. М. 1767 г. въ Унив. тип.

Это труды того общества переводчиковъ, о которомъ мы сказали на стр. 16-й первой книги. Сюда вошли переводы слѣдующихъ статей или *членовъ* (articles) изъ энциклопедіи.

Исторія (т. 8, 220), пер. А. Ржевской; Географія, пер. С. Домашневъ; Нарração (Narration, т. XI); Натура въ стихотворствѣ (Nature), пер. М. Херасковъ; Соборы (Conciles), прод. буд. впредь; Чиханіе (Charnement, т. 6, 49) кав. Жокура; Словопроизведеніе (Etymologie, т. 6, 98), прод. впредь, пер. кн. Козловскій; Волшебство (Magie), пер. М. Херасковъ; Баня (Bain), пер. Сем. Зибелинъ; Экономія (Economie morale et politique), ст. Ж.-Ж. Руссо, пер. А. Нарышкинъ; Желчная болѣзнь (Cholera morbus), прод. впредь, пер. Н. Веніаминовъ; Минералогія, прод., гр. Аполл. М.-Пушкинъ; Географія древняя, пер. С. Домашневъ; Одежды римлянъ (т. 8, 62, habits des Romains), пер. А. Ржевской; Гамакъ (т. 8, 32), пер. А. Ржевской; продолженіе статьи о соборахъ, пер. кн. Н. Трубецкой; Продолженіе члена „Словопроизведеніе", прод. впредь, пер. кн. Ѳ. Козловскій; Нравоученіе (Morale), пер. С. Нарышкинъ; Докторство (Doctorat), пер. докт. П. Погоретскій; Догматическій (Dogmatique), пер. докт. П. П.; Пальцы (Doigts), пер. докт. П. П.; Желчь (Bile), пер. докт. Сем. Зибелинъ; Право естественное (Droit naturel), пер. А. Нарышкинъ; Посредственность (Médiocrité), пер. Сем. Нарышкинъ; Драконецъ, червь (Dracunules ou dragonneaux), пер. докт. П. Подгоретскій; Тома XVI подлежащее до мореплаванія, литера Т, безъ означенія переводчика.

Статьи изъ Энциклопедіи, принадлежащія къ Турціи. Пер. С. Башиловъ. 2 ч. С.-Пб. 1769.

Пелопонезъ или Морея. С.-Пб. 1769.

Греція. Соч. Жокурта. С.-Пб. около 1770.

О любви. Соч. абб. Ивона. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. 1770.

О ласкательствѣ. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. ?

Дѣтская нянька, или о надзирателяхъ при воспитаніи. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. 1770.

О государственномъ правленіи и разнаго рода онаго. Соч. Жокурта. Пер. Ив. Туманскій. С.-Пб. 1770 г.

Статьи о нравоучительной философіи и частяхъ ея. Пер. Як. Козельскій. 2 ч. С.-Пб. 1770.

О любопытствѣ и гаданіи. Пер. Ив. Ванславъ. С.-Пб. 1770.

Парижъ. С.-Пб. 1770.

О философскихъ толкахъ. Пер. Як. Костенскій. С.-Пб. 1770.

О клеветѣ и презрѣніи. Пер. Ив. Ванславъ. С.-Пб. 1771.

О времени и разныхъ счисленіяхъ онаго. Пер. В. Туловъ. С.-Пб. 1771.

О порокѣ и добродѣтели Пер. Ив. Ванславъ. С.-Пб. 1774.

О роскоши. С.-Пб. 1775.

Статья о вѣрѣ. С.-Пб. 1776.

О политической экономіи, или о государственномъ устройствѣ. Стат. Ж.-Ж. Руссо. С.-Пб. 1778.

О правленіи китайскомъ. Пер. Ив. Ждановскій. М. 1789.

О коммерціи. М. 1791.

Спарта. С.-Пб. . . . ?

О Турціи. С.-Пб. . . . ?

Разсужденіе о воспитаніи. М. 1804.

Всеобщая система познаній человѣческихъ, обстоятельно объясненная и при Энциклопедіи изданная. Соч. Г. Дидеротомъ. М. 1812.

Нѣмецкая литература.

Бильдербекъ: *Сіяна: или игра судьбы.* Греч. нов. Пер. Полѣновъ. М. 1797.

Урна въ уединенной долинѣ. Смол. 1804; нов. изд. 1806.

Могильщикъ. Смол. 1804; нов. изд. М. 1811.

Отчаяніе любви. Пер. Пав. Яковлевъ. М. 1811.

Черная маска, или завѣса таинства. Пер. М. М. С. С. М. 1815.

Ванъ деръ Вельде (1779—1824, прозванный нѣмецкій Вальтеръ-Скотъ):

Гвидо. Повѣсть. С.-Пб. 1828.

Аксель. Повѣсть изъ исторіи Тридцатилѣтней войны. Съ нѣм. М. В. М. 1829.

Асмундъ Тирсклингуръ. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1829.

Гуситы. Истор. романъ изъ временъ 30-лѣтней войны. Съ франц. М. 1829.

Татары въ Силезіи. Историч. повѣсть XIII столѣтія. М. 1829.

Англійское посольство въ Китаѣ. Повѣсть изъ послѣдней половины XVIII столѣтія. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1829; другой переводъ Валерьяна Лангеръ. С.-Пб. 1830.

Перекрещенцы. Повѣсть изъ первой половины XVI столѣтія. М. 1830.

Богемская дѣвичья война. Историч. преданіе VIII столѣтія. Съ нѣм. Н. Павлищевъ. С.-Пб. 1830; другой переводъ подъ заглавіемъ Богемскія амазонки. 3 ч. М. 1830.

Мальтійскій кавалеръ. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII столѣтія. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1830; другой переводъ Мальтійскій рыцарь. С.-Пб. 1830.

Флибустьеръ, морской разбойникъ. Съ фр. Ѳ. С—въ. 2 ч. М. 1830.

Христина и дворъ ея. Историч. романъ XVII столѣтія. Съ нѣм. С. де-Шапелетъ. С.-Пб. 1830.

Патрицій. Историч. повѣсть XVI столѣтія. Съ нѣм. Н. Павлищевъ. С.-Пб. 1831.

Гороскопъ, или астрономическое предвѣщаніе въ часъ рожденія. Преданіе междоусобной войны во Франціи. Съ фр. М. 1831.

Виландъ (1733—1813):

Исторія дѣвицы Стернгеймъ. Пер. В. И. М. 1780.

Новый Донъ-Кихотъ, или чудныя похожденія Донъ Сильвіо де-Разальвъ. Пер. Ф. Сапожниковъ. М. 1782.

Комбабъ. М. 1783.

Поэма Музаріона, или философія Грацій. Пер. М. Г. М. 1784.

Агатонъ, или картина философическихъ нравовъ и обычаевъ греческихъ. Пер. Ф. Сапожниковъ. М. 1783—1784.

Оберонъ, царь волшебниковъ. Въ 14 пѣсняхъ. Пер. М. Чулковъ. М. 1787.

Исторія Абдеритовъ. Пер. М. Гавриловъ. М. 1793—1795.

Пиѳагоровы ученицы. Пер. Як. Дружининъ. С-.Пб. 1797.

Разговоры Діогена Синопскаго. Пер. Ив. Татищевъ. М. 1802.

Филоклесъ. Подражаніе Агатону. Пер. съ франц. С.-Пб. 1803.

Записки для тайной исторіи человѣческаго разума и сердца. М. 1804.

Мраморная купель, или наказанный пустосвятъ. Пер. П. Петровъ. С.-Пб. 1805.

Аристиппъ и нѣкоторыя изъ его современниковъ. Пер. Ив. Татищевъ. М. 1807—1808.

Народныя сказки Музеуса. Пер. В. Поляковъ. М. 1811—1812. Нов. изд. Орелъ, 1822.

Пиѳагорейскія жены. Пер. С. Нечаевъ. М. 1817.

Галлеръ (1708—1777):

Свойства забавъ и увеселеній человѣческихъ. С.-Пб. 1781.

Плоды трудовъ прозаическихъ, содержащіе въ себѣ изображеніе самовластнаго въ государствѣ единоначалія и изображеніе аристократическаго или властію законовъ ограниченнаго въ государствѣ правленія. Пер. Н. П. С.-Пб. 1783—1784; изд. 2-е подъ заглавіемъ: *Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ.* С.-Пб. 1793.

О происхожденіи зла. Поэма. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1786; друг. пер. Петра Богданова, стихами. М. 1798.

Достопамятныя и любопытныя приключенія Альфреда, короля англо-саксонскаго. Съ франц. Еф. Руничъ. М. 1788.

Фабій и Катонъ. Пов. изъ римской жизни. Съ франц. Пав. Полонскій. С.-Пб. 1793.

Письма о важнѣйшихъ истинахъ премудраго божественнаго Промысла. М. 1799.

Геллертъ (1715—1769):

*Жизнь граф. Шведской Г**.* Пер. Ив. Румянцевъ. 1766—1768.

Тоже. Пер. Пав. Никифоровъ. Тамбовъ, 1792.

Утѣшительныя разсужденія противъ немощной и болѣзненной жизни. Пер. Ал. Шумлянскій. М. 1773; нов. изд. 1786.

Богомолка. Ком. Пер. Мих. Матинскій. С.-Пб. 1774.

Горячая любовь двухъ сестеръ. Ком. Пер. Степ. Поручкинъ. С.-Пб. 1775.

Женская хитрость. Ком. Пер. Степ. Поручкинъ. С.-Пб. 1775.

Пѣсни духовныя. Пер. стихами старецъ Аполлосъ. М. 1778; нов. изд. 1782.

Басни и сказки. Пер. Мих. Матинскій. С.-Пб. 1775; нов. изд. 1788.

Нравоученіе. Пер. Мих. Протопоповъ. М. 1775—1787.

О нравственномъ воспитаніи дѣтей. М. 1787.

Разсужденіе о томъ, для чего вредно знать о будущей судьбѣ своей. Пер. Мод. Окуловъ (Бакунинъ у Сопик.). М. 1787.

Истинное и ложное счастье. М. 1799.

Наставленіе отца сыну, при отправленіи въ университетъ. М. 1799; др. пер. С.-Пб. 1802.

Рѣчь о вліяніи изящныхъ наукъ въ сердце и во нравы. Пер. Ив. Русановъ. С.-Пб. 1803.

Статьи избранныя изъ нравоученій добродушнаго Геллерта. Пер. М. Г. С.-Пб. 1820.

Геснеръ (1730—1787):

Ламехъ и Цилла. Идиллія. С.-Пб. 1774.

Нощь. Пер. Н. Пороховъ. С.-Пб. 1777.

Абелева смерть. Пер. Захаровъ. М. 1780; нов. изд. 1781; друг. пер. Г. К. М. 1799.

Златой вѣкъ Дафниса. Пер. съ франц. М. 1781; нов. изд. 1788.

Тоже: Золотой вѣкъ Дафниса, или любовь, сопряженная природою пастуха съ пастушкой. Съ франц. С.-Пб. 1783.

Деревянная нога. С.-Пб. 1783 (пер. Н. Карамзина).

Первобытный плаватель. Пер. Болтина. М. 1784.

Дафнисъ, съ прибавленіемъ двухъ пастушескихъ комедій. Пер. И. Исаковъ. С.-Пб. 1785.

Идилліи и пастушескія поэмы Геснера. Пер. В. Л. Левшинъ. М. 1787.

Новая Астрея. Пер. Вас. Раевскій. М. 1789.

Лаура, или поцѣлуй въ своихъ дѣйствіяхъ. М. 1794.

Полное собраніе сочиненій Геснера. Пер. Тимковскій. М. 1802—1803.

Гёте (1749—1832):

Клавиго. Трагедія. Пер. съ нѣм. К. С.-Пб. 1780.

Страсти молодаго Вертера. Пер. Ф. Галченковъ. С.-Пб. 1881; нов. изд. 1786.

Тотъ же переводъ, исправленный Ив. Виноградовымъ. С.-Пб. 1796; нов. изд. М. 1817.

Страданія молодаго Вертера. Пер. съ нѣм. Рожалина. М. 1829.

Гецъ фонъ-Бирлихингенъ. Траг. М. 1828 г. (М. Погодинъ).

Гольбергъ (1684—1754):

Гейнрихъ и Пернилла. Ком. Пер. Нартова. С.-Пб. 1760.

Басни нравоучительныя, съ разъясненіями. Пер. Д. Фонъ-Визинъ. М. 1760. 1765, 1787.

Климово подземное путешествіе. Съ латинскаго. С.-Пб. 1762.

Артаксерксъ. Траг. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.

Плутусъ, или споръ между бѣдностью и богатствомъ. Ком. Пер. А. Нартовъ. С.-Пб. 1765.

Превращенный мужикъ. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1765.

Сравненіе житій и дѣлъ разныхъ, а особливо восточныхъ и индійскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей, по примѣру Плутархову. Пер. Сем. Веденскій. Ч. 1-я. С.-Пб. 1766.

Сокращеніе всеобщей исторіи. Пер. съ латинскаго Ив. Барковъ. М. 1766, 1799, 1808.

Исторія героинь и другихъ славныхъ женъ. Пер. Влад. Золотницкій. С.-Пб. 1767—1768.

Гордость и бѣдность. Ком. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1774, 1788.

Письмо къ пріятелю о сравненіи Карла Великаго съ Карломъ XII. С.-Пб. 1788.

Оловянщикъ-политикъ. Съ датскаго Ег. Клаосенъ. 1830 г.

Дюсъ (1725—1787):

Элегія Клеона Цинію вмѣстѣ съ повѣстью Задигъ Вольтера. Пер. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ. С.-Пб. 1766, 1768, 1788 и 1795.

Сила благородной и непорочной любви. Пер. Ст. Орловъ. М. 1787.

Нравоучительныя письма для образованія сердца. М. 1788.

Иффландъ (1759—1815):

Охотники, изображеніе сельскихъ нравовъ. Пер. Марья Фрейтагъ. С.-Пб. 1802.

Комета. М. 1812.

Сочиненій ч. 1-я: Мое театральное поприще (автобіографія). М. 1816.

Кампе (1746—1818):

Открытіе Америки. М. 1787—1788.

Новый Робинзонъ для дѣтей. Пер. Ф. Печоринъ. М. 1792. Нов. изд. М. 1819.

Собраніе любопытныхъ и соотвѣтственно юношескому возрасту сочиненныхъ путешествій. М. 1795—1798.

Краткая психологія, или ученіе о душѣ для дѣтей. Пер. В. Подшиваловъ. М. 1796.

Безцѣнный подарокъ, или новая дѣтская библіотека. М. 1797.

Дѣтская библіотека. Пер. А. С. Шишковъ. 1816—изд. 6; 1820—изд. 7.

Отеческіе совѣты моей дочери. Пер. Григ. Ященко. С.-Пб. 1803—1804.

Совѣты старца, нравоучительная книга для дѣтей. Съ франц. Ив. Шелеховъ. М. 1808.

Достопамятнѣйшія повѣствованія изъ библейскихъ дѣяній. Съ франц. И. С. М. 1815.

Клейстъ (1715—1759):

Сенека. Траг. Пер. бар. фонъ-Дерле. М. 1789.

Весна, или изображеніе пріятностей сего года. М. 1792.

Клопштокъ (1724—1803):

Мессія. Пер. Алексѣй Кутузовъ. М. 1785—1787 (около половины).

Смерть Адама. Пер. В. Филипповъ. М. 1817.

Коцебу (1761—1819):

Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Пер. Ив. Репьевъ. С.-Пб. 1792—1794. Изд. 3. Смол. 1812. Другой перев. М. 1796—1800.

Королева Ильдегерда. Пов. М. 1792.

Перуанка, или дѣва солнца. Ком. Пер. В. Кряжевъ. М. 1794; нов. изд. 1803; друг. пер. М 1807.

Великодушная ложь. Драма. Пер. А. Б. М. 1795; нов. изд. 1803.

Сынъ любви. Драма. М. 1795; нов. изд. 1816; друг. пер. М. 1801.

Попугай. Ком. М. 1796 и 1801.

Жизнь моего отца, или какъ произошло мое рожденіе. Повѣсть. Пер. М. Алексѣевъ. М. 1798—1803.

Бѣдность и благородство души. Ком. М. 1798; изд. 2, Орелъ, 1817.

Добрый Морицъ, или своеобычный. Ком. Пер. А. Вязмитиновъ. С.-Пб. 1799.

Лаперузъ. Ком. Пер. П. Титовъ. С.-Пб. 1799.

Опасный споръ, или сколько женщины могутъ полагаться на вѣрность мужей своихъ. С.-Пб. 1799.

Занда, прекрасная россіянка, или низверженіе съ трона Магомета IV. Влад. 1800.

Лейбъ-кучеръ. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. С.-Пб. 1800; нов. изд. Смол. 1802.

Опасный закладъ. Ком. Пер. Н. Краснопольскаго (у Сопик. Алексѣевъ). С.-Пб. 1800.

Индѣйцы въ Англіи. Смол. 1800; изд. 2, Орелъ, 1821; друг. пер. М. 1803.

Счастье одного бываетъ несчастіемъ другому. Персид. пов. Пер. Каменевъ. М. 1800—1805.

Прекрасная незнакомка. Ком. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1801; нов. изд., Смол., 1803.

Графъ Бургундскій. Ком. Пер. П. Титовъ. С.-Пб. 1801; друг. пер. М. 1803.

Гиперборейскій оселъ, или нынѣшній образъ воспитанія. М. 1801.

Человѣкъ въ сорокъ лѣтъ. Ком. С.-Пб. 1801; друг. пер. Мужъ въ сорокъ лѣтъ. Смол. 1812.

Вдова и верховая лошадь. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801.

Корсиканцы. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801.

Новый вѣкъ. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801; нов. изд. 1812; друг. пер. Новое столѣтіе. М. 1812.

Несчастные мужья. Ком. М. 1801; Недовольные мужья. Смол. 1802; Несчастные. Смол. 1802—1803.

Мальчикъ у ручья, или постоянная любовь. Пов. (Пер. В. Жуковскій). М. 1801; нов. изд. 1819.

Счастье все обманъ; горе тому, кто оное похитить у насъ желаетъ. Ком. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1801.

Жертва смерти. Ком. М. 1801; друг. пер. М. 1803.

Абеляръ и Элоиза. Пов. М. 1801; тоже съ присовокупленіемъ двухъ повѣстей. Смол. 1812.

Голубокъ. Пов. М. 1801.

Слѣдствіе невинной лжи. Пов. Смол. 1801.

Исторія нашего невѣжества, въ письмахъ къ одной дамѣ. Смол. 1802.

Смерть Ролли. Траг. Пер. Арк. Степановъ. С.-Пб. 1802; друг. пер. М. 1803; тоже подъ заглавіемъ: Гишпанцы въ Перу, или смерть Ролли. Пер. А. С. С.-Пб. 1802.

Октавія, или вѣчный примѣръ супружеской вѣрности. Траг. М. 1802.

Брюзгливый. Ком. М. 1802.

Самозванство, или мнимое счастіе. Персид. пов. Смоленскъ, 1802.

Вертопрахъ. Ком. М. 1802; нов. изд. Смол. 1812.

Женскій Якобинскій клубъ. Пер. П. Кайсаровъ. Смол. 1802.

Клейнсберги. Ком. М. 1802.

Посѣщеніе, или страсть блестѣть въ обществѣ. Ком. М. 1802.

Примиреніе двухъ братьевъ. Ком. М. 1802.

Эпиграмма. Ком. М. 1802.

Баярдъ. Др. М. 1802.

Бланка фонъ-Монфоконъ. Пов. М. 1802.

Хитрая вдова. М. 1802.

Награжденіе справедливости. М. 1802—1803.

Негры невольники. Пер. П. Ивановъ. Смол. 1802; Негры въ неволѣ. М. 1803.

Все счастье здѣсь одна лишь мечта, или страданія Оттенбергской фамиліи. Смол. 1802; Орелъ, 1823.

Вѣрная Амалія, или мужчина не можетъ такъ любить. М. 1802; друг. перев. Смоленскъ, 1802.

Моя ученая жизнь. Смол. 1802.

Вѣрная Лиза, или никакой мущина такъ не любитъ. Пер. В. С—нъ. М. 1802.

Гробница на холмѣ. Пов. Пер. Каменевъ. М. 1802.

Долгій Иванъ, или право человѣка. Романъ вольности. Ч. 1. Смол. 1802.

Подземный ходъ въ Эстляндіи. М. 1802; тоже Смол. 1802.

Побѣгъ. Пов. Смоленскъ, 1802.

Изгнанная мечтательница. Пов. Смол. 1802.

Новости: Гробница на холмѣ; Малѣйшая ложь опасна; Волшебная сила скромности и Бѣдная Марья. Пер. Каменевъ. М. 1802.

Малѣйшая ложь опасна. Пов. Пер. П. Кайсаровъ (?). Смол. 1802.

Кто бы этому повѣрилъ. Пер. П. Кайсаровъ. Смол. 1802.

Младшія дѣти моего веселаго духа. Пер. А. Версиловъ. Смол. 1802.

Наружность обманчива, или старая погудка на новый ладъ. М. 1802.

Письма двухъ любовниковъ—Петра Окунькова и прачки Доротеи Мыльниковой. Смол. 1802.

Удаляйся блеску. Смол. 1802.

Театръ, содержащій полное собраніе новѣйшихъ театральныхъ сочиненій Коцебу. 20 частей М. 1802—1808.

Русскій военноплѣнный, или приключенія Морица Коцебу въ плѣну у французовъ. М. 1802; нов. изд. 1816.

Глуховѣмый, или аббатъ Л'Епе. Пов. М. 1803.

Милосердные братья. М. 1803.

Рыцари крестовыхъ походовъ. М. 1803.

Бюро, или опасности молодости. Др. М. 1803.

Донъ Рамудо де Калибрадосъ. Ком. М. 1803.

Корсиканцы. Ком. М. 1803.

Нашъ Фрицъ. Ком. М. 1803.

Родственники. Ком. М. 1803.

Серебряная свадьба. Ком. М. 1803.
Ложный слѣдъ М. 1803.
Суматоха, или своевольный. Ком. М. 1803.
Графъ Вальтропъ. Ком. М. 1803.
Густавъ Ваза. Ком. М. 1803.
Игра въ пѣтухи. Ком. М. 1803.
Клеветникъ. Ком. М. 1803.
Мудрая женщина въ лѣсу и нѣмый рыцарь. Ком. М. 1803.
Награда истины. Ком. М. 1803.
Пожертвованіе собой. Ком. М. 1803.
О дворянствѣ, его происхожденіи и пр. М. 1804.
Путешествіе въ Парижъ. Смол. 1804.
Актеръ противъ воли. Ком. Пер. В. Х—скій. М. 1804; друг. пер. подъ заглавіемъ: Комедіантъ по неволѣ.
Нѣмецкіе мѣщане. Ком. М. 1804.
Возвращеніе отца. Ком. М. 1804.
Графъ Бенковскій. Ком. М. 1804.
Чертовъ увеселительный замокъ. Опер. М. 1804.
Воспоминанія оставшіяся о Парижѣ въ 1804. С.-Пб. 1805.
Гуситы подъ Наумбургомъ въ 1432 г. Ком. М. 1805. Друг. пер. С.-Пб. 1807.
Едуардъ въ Шотландіи, или ночь изгнанника. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. С.-Пб. 1805.
Достопамятный годъ жизни, или заточеніе въ Сибири. Пер. В. Кряжевъ. М. 1806; 2 изд. 1816.
Леонтина. Пов. Пер. Н. Гречъ. М. 1808; 2-е изд. 1811; 3-е изд. 1815.
Жертва супружескаго тщеславія, или бѣдствіе отъ чрезмѣрной любви. Ком. М. 1809.
Фараонова дочь. Пер. Н. Гречъ. М. 1809.
Разсѣяние. Ком. С.-Пб. 1810; 2 изд. М. 1819.
Вечерній часъ. Ком. С.-Пб. 1812.
Наслѣдство. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. С.-Пб. 1813.
Богъ рѣки Нѣмена и Наполеонъ. Пер. Вас. Кузиновъ. С.-Пб. 1813.
Фальсбергъ, или отношенія общественныя. Пер съ фр. кн. И. Долгоруковъ. М. 1815.
Тоже Фальсбергъ, или друзья дѣтства. Съ фр. М. 1815.
Отъ дурнаго корня добрыя отрасли. М. 1818.
Почтовый дворъ. Ком. С.-Пб. 1818.
Береговое право. Пов. Пер. М. Кочеповскій. М. 1819.
Подарокъ сыновьямъ моимъ въ новый годъ. Пер. съ фр. М. 1820.
Американецъ. Соч. Кумберленда. Передѣл. Коцебу. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Странный припадокъ. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Бумажникъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Письмо изъ Кадикса. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Двѣ племянницы вмѣсто одной. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Волшебный компасъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Невѣста и женихъ въ одной особѣ. Ком. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Домовый цирульникъ, или привидѣнія Руммельсбергскаго замка. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Проклятіе нѣкотораго Римлянина, или тяжело пережить родныхъ и друзей. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.

Ревнивая жена. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.

Фельдмаршальскій мундиръ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1825.

Интермедія, или деревенскій дворникъ въ столицѣ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Многознающій. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

На дѣлѣ правы, душой виноваты. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Переодѣванія. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Перехожденіе душъ, или актеръ противъ воли. Пер. Эттингеръ. С.-Пб. 1826

Скрытный по неволѣ, или поѣздка изъ Берлина въ Потсдамъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Раздѣленное сердце. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Мщеніе любви и ненависть. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Патріотъ и знатныя особы. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.

Недоумѣніе и хитрость. Ком. Пер. Ф Эттингеръ. С.-Пб. 1827.

Прямымъ путемъ идти лучше. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1827.

Свадьба подрядчика Фельдкиммеля. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1827.

Холостый зарядъ. Ком. Пер. Ив. Ренофанцъ. С.-Пб. 1827.

Гейнрихъ Рейсъ фонъ-Плауенъ, или осада Магдебурга. Ком. Орелъ, 1830.

Добрый Морицъ, или молодецъ на свой образецъ. Орелъ, 1830.

Крамеръ (1758—1807):

Образъ добродѣтели и благонравія, или жизнь и свойства Геллерта. Съ франц. Ал. Андреевъ. С.-Пб. 1789.

Жизнь, мнѣнія и странныя приключенія Эразма Шлейхера, странствующаго механика. М. 1802; нов. изд. 1817.

Феликсъ, или сынъ любви и счастья. М. 1806.

Езуитъ, или герой своего времени. Пер. Ник. Марковъ. М. 1807.

Бѣдный Егоръ. М. 1807; нов. изд. Орелъ, 1824.

Жизнь, мысли и странныя приключенія Павла Изоба, придворнаго шута. Пер П. Озеровъ. М. 1813—1814.

Вѣкъ живи и вѣкъ учись, или приключенія моей жизни. М. 1817.

Остроумная выдумка, или женихъ по волѣ и неволѣ. Пер. Ал. Бринкъ. М. 1821.

Таинственная странница, путешествіе по свѣту, или игра Фортуны. М. 1822.

Г-жа Кар.-Ауг. Ламоттъ Фуке (1773—1831):

Рейдмаръ и Діана, или ужаснѣйшія жертвы смертной клятвы. Съ нѣм. 2 ч. М. 1818

Вѣкъ рыцарства и царство духовъ и привидѣній. Съ нѣм. 6 ч. М. 1818.

Островъ дружбы, или союзъ заключенный въ лѣсахъ Германіи. Съ нѣм. 4 ч. М. 1820.

Авг. Лафонтенъ (1759—1831):

Сенъ-Уноль ень, или записки нѣкотораго отца семейства. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801; есть другой переводъ подъ другимъ заглавіемъ.

Салье и Юлія, или торжество любви и благодарности. Пер. И. Г. М. 1803.

Ромулъ. Пер. съ нѣмецк. М. 1803.

Аристоменъ и Горсъ, или мщеніе и человѣколюбіе. Пер. съ нѣмецк. М. 1803.

Графъ Розенгеймъ, или заблужденіе сердца. Пер. съ нѣм. М. 1804.

Клара Дюплесси и Кларантъ. М. 1804.

Новыя семейственныя картины, или жизнь бѣднаго священника. Пер. А. М. М. 1805—6; изд. 2-е 1816.

Трудъ, или освобожденный Римъ. Пер. съ нѣм. М. 1805.

Опасный опытъ. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1805.

Баронъ Флемингъ, или страсть къ титуламъ. С.-Пб. 1806.

Александръ и Марія, или любовь и честность. Пер. съ нѣм. М. Верещагинъ. М. 1807; 2 изд. 1816.

Могущество любви. Пер. Н. Гречъ. С.-Пб. 1807.

Кн. Өедоръ Д—кій и кн. Марья М—ва, или вѣрность по смерть. Пер. съ нѣм. М. 1807—1808; нов. изд. М. 1831.

Новѣйшія повѣсти Августа Лафонтена. Пер. съ нѣм. Ив. Ренофанцъ. Ч. 1. С.-Пб. 1807.

Весталка. М. 1808.

Вестинія и Асторъ, или любовь и великодушіе. Пер. съ нѣм. М. 1808.

Арфа. М. 1808.

Рудольфъ Верденбергскій. Рыцарская нов. Пер. съ нѣм. Бор. Иваницкій. С.-Пб. 1808.

Тоже Руд. Верд., или опасныя слѣдствія честолюбія. Съ нѣм. Ив. Бестужевъ-Рюминъ. М. 1808.

Странный человѣкъ, или Эмиль въ свѣтѣ. Съ нѣм. М. 1808; 2 изд. 1817.

Ужасныя происшествія: сынъ убійца своего отца, а мать своей дочери. Съ нѣм. М. 1808.

Записки Карла Энгельмана. Съ нѣм. Вас. Чачковъ. С.-Пб. 1808; др. пер. М. 1808; изд. 2-е 1819.

Любовь и благодарность. Пер. съ нѣмецкаго Гр. Кривецкій. М. 1811.

Живописная картина семейственной жизни, или Г. Г., россійско-армейскій офицеръ и графиня Л. Пер. съ нѣм. М. 1812.

Русскія качели на берегахъ Рейна, или любовь и заблужденіе. С.-Пб. 1814.

Послѣдняя семейственная картина, или приключенія Генріетты Бельманъ. Пер. съ нѣм. П. Кожевниковъ. М. 1814; 2 изд. 1817.

Лолотта, или жертва любви и коварства. М. 1815.

Открытіе острова Мадеры. Пер. съ нѣм. Катерина де Ламиръ. С.-Пб. 1815.

Друг. назв.: Невинная и вѣрная любовь по смерть Анготы. С.-Пб. 1815.

Рафаилъ, или спокойная жизнь мирнаго семейства. Съ нѣм. М. 1815.

Собраніе новѣйшихъ небольшихъ романовъ и повѣстей. М. 1815—1816.

Природа и любовь, или картина человѣческаго сердца. Съ нѣм. Ив. Тимковскій. М. 1816 (изд. 3).

Бланка и Минна, или мѣщанскіе нравы. Съ нѣм. М. 1817.

Германцы, или замокъ въ Богеміи. Съ нѣм. С.-Пб. 1817.

Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе. М. 1817—1818.

Александръ Михайловичъ, вел. князь россійскій. Истор. романъ. Съ нѣм. М. 1818; друг. пер. М. 1818.

Амалія Горстъ, или тайна быть счастливымъ. Съ нѣм. М. 1818.

Странствующіе музыканты, или любовь при Монъ-Жеанѣ. Съ нѣм. М. 1818.

Сусанна, или награжденное постоянство. Съ нѣм. Орелъ, 1818.

Тетка Изабелла, или семейственное несогласіе. Съ нѣм. М. 1818.

Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна. М. 1819.

Агнеса и Берта, или женщины прежнихъ временъ. М. 1820.

Луиза и Дюваль, или несчастная любовь. Съ нѣм. М. 1820.

Людвигъ фонъ Ейзагъ, или три рода воспитанія. Съ нѣм. М. 1820.

Образецъ рѣдкаго великодушія. Съ нѣм. М. 1820.

Признаніе при гробѣ, или семейство лѣсничаго. Съ нѣм. Орелъ, 1821.

Любовь и тщеславіе, или опасности кокетства. М. 1826.

Баронъ Бергсдорфъ, или правила основанныя на добродѣтели. Съ нѣм. М. 1823.

Госпожи Сельмины, или мужъ, жена и вдова. Ком. Пер. П. Аристовъ. С.-Пб. 1824.

Отеческая строгость, или исторія г. Вальмониса. Пер. Ник. Базильевъ. М. 1825.

Невидимые, или развалины засѣкъ въ лѣсу. Съ нѣм. М. 1827.

Картины страшныхъ происшествій, или гибельныя послѣдствія развращенныхъ нравовъ. Съ нѣм. Ал. Бринкъ. М. 1831.

Лессингъ (1729—1781):

Молодый ученый. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1765.

Солдатское счастье. Ком. Переложилъ съ нѣмецкихъ на русскіе нравы И. З. М. 1779.

Клара. Комедія. С.-Пб. 1779; нов. изд. М. 1788.

Эмилія Галотти. Драма. Пер. П. А. С.-Пб. 1784.

Тоже. Пер. Н. Карамзина. М. 1788.

Избранныя басни. Пер. Вас. Панышевъ. С.-Пб. 1816.

Мейснеръ (1753—1807):

Меландръ веселый и шутливый. Съ латинск. Андрей Урусовъ. М. 1789.

Карлъ Винекъ, или утѣшенная невинность. Пер. Н. Яценковъ. М. 1789.

Біанка Капелло. Пер. А. Подшиваловой. М. 1793; нов. изд. С.-Пб. 1802.

Густавъ Ландау, или человѣкъ, который не можетъ терпѣть зависти. М. 1793.

Алкивіадъ. Пер. Н. Осиповымъ и П. Титовымъ. С.-Пб. 1794—1801.

Новыя басни. Пер. Вас. Богородскій. М. 1795; нов. изд. 1816.

Повѣсти и разговоры. Пер. Гр. Яценко въ 3 ч. М. 1796—1799.

Избранныя повѣсти и басни. Пер. В. Подшиваловъ. 8 частей. М. 1799—1802; втор. изд. 1800—1807.

Золотые часы для дѣтей, или нравоучительныя басни. Пер. В. Богородскій. М. 1800.

Отрывки изъ жизни Алцибіада. Пер. съ франц. кн. Таушевъ. М. 1801.

Женская рубашка. М. 1802.

Паденіе Капуи. М. 1803.

Мазаніелло. Истор. отрывокъ. М. 1803.

Мейстеръ (1744—1826): Письма о воображеніи. Пер. съ франц. Ник. Нагибинъ. С.-Пб. 1819.

Морицъ (1757—1793):

Путешествіе нѣмца по Италіи 1786—1788 годовъ. М. 1803—1805.

Путешествіе по Англіи. М. 1804.

Пфеффель (1736—1809, извѣстенъ преимущественно какъ баснописецъ): Каролина Салекъ. Пер. Ив. Ренофанцъ. С.-Пб. 1827.

Рабенеръ (1714—1771, сатирикъ):

О обученіи юношества. С.-Пб. 1764.

О невозбранномъ сатиръ сочиненіи. С.-Пб. 1764.

О прелестности поздравленіевъ новѣйшаго вкуса. С.-Пб. 1764.

Письмо о разумномъ обученіи языковъ и наукъ въ нашихъ школахъ. С.-Пб. 1764.

Письмо отъ гратулянта къ автору. С.-Пб. 1764.

Записки о Амуреткѣ, постельной собачкѣ. С.-Пб. 1764.

Извѣстія объ обществѣ злыми своими женами мучащемъ мужей. С.-Пб. 1764.

Похвала злымъ мужьямъ. С.-Пб. 1764.

Сокращеніе, сдѣланное изъ лѣтописи деревни Кверлекевичъ. С.-Пб. 1764.

Сатиры. Ч. 1. С.-Пб. 1764.

Собраніе сочиненій. Пер. Я. Трусовъ. 8 ч. М. 1792—1794.

Уцъ (1720—1796): *Новая наука наслаждаться жизнью, въ 4 пѣсняхъ, съ присовокупленіемъ лучшихъ сочиненій Кронека, Галлера, Крамера, Клопштока, Виланда и Клейста.* Пер. П. Побѣдоносцевъ. М. 1799.

Фридрихъ II (1712—1786):

Инструкція, или воинское наставленіе. Перев. съ франц. бригадиръ Философовъ. М. 1761; нов. изд. 1787.

Тоже. Наставленіе о воинскомъ искусствѣ. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1762; нов. изд. 1791.

Военная наука, изъ книги „Безпечный философъ". Съ франц. стихами. Вас. Майковъ. С.-Пб. 1767; нов. изд. 1787.

Разсужденія о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ. Съ франц. А. П. С.-Пб. 1769.

Исторія Бранденбургская. Съ франц. Анна Вельяшева-Волынцева. М. 1770.

Анти-Макіавель. Съ нѣм. Як. Хорошкевичъ. С.-Пб. 1779.

Письма о любви къ отечеству, или переписка Апанистемона и Филопатроса. Съ франц. И. Л. С.-Пб. 1779.

Похвальное слово Вольтеру. Съ франц. С.-Пб. 1783.

Послѣдній наказъ племяннику, наслѣдовавшему престолъ. Съ франц. Н. Саблуковъ. С.-Пб. 1789.

Послѣднія мысли короля Прусскаго. Съ франц. Д. В. С.-Пб. 1789.

Разговоръ Фридриха II въ Лейпцигѣ съ Геллертомъ, во время бывшей у него съ Цесарцами войны. С.-Пб. 1789.

Разсужденія о свойствѣ и воинскихъ дарованіяхъ Карла XII. М. 1789.

Ипархія и Кратесъ. Философская пов. Съ франц. Ив. Бѣляевъ. М. 1789.

Оставшіяся творенія. Пер. Тим. Киріякъ, Ник. Осиповъ, В. Б. и Я. М. С.-Пб. 1789—1791.

Тайныя наставленія. Пер. съ франц. Н. Ц. М. 1791.

Тоже, подъ заглавіемъ: Тайныя, къ военной хитрости относящіяся, наставленія. Съ франц. С.-Пб. 1802.

Тоже. Съ франц. Ник. Токаревъ. С.-Пб. 1820.

Похвальное слово Генриху, принцу прусскому. Съ франц. Ив. Вольфъ. С.-Пб. 1792.

Утренники короля Прусскаго, имъ самимъ писанные. Съ фр. С.-Пб. 1792 (съ искаженіями и пропусками); 2-е изд. безъ обозначенія года; 3-е изд. 1803 г.

Исторія моего времени. Пер. Тим. Киріякъ. С.-Пб. 1793.

Переписка съ наставникомъ своимъ Дюпаномъ Жандюкомъ. Съ нѣм. Ром. Ребиндеръ. С.-Пб. 1794.

Переписка съ Вольтеромъ 1736—1778. Пер. Ив. Ястребцовъ. М. 1807; нов. изд. 1816.

Военное искусство. Поэма. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1817.

Циглеръ (1760—1827): *Эйлалія Мейнау.* Траг. Пер. А. М. М. 1796.

Шиллеръ (1759—1805):

Разбойники. Траг. Пер. Н. Сандуновъ. М. 1793; новый переводъ Кетчера. М. 1828.

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Траг. Пер. Г. и А. М. 1803; нов. перев. Кетчера. М. 1830.

Ночныя приключенія Донъ Діего. С.-Пб. 1803 (Сопик. № 8992).

Коварство и любовь. Пер. Сем. Смирновъ. М. 1806; изд. 2-е. М. 1823.

Духовидѣцъ, исторія взятая изъ записокъ гр. О*** М. 1807; нов. изд. 1818.

Орлеанская дѣва. Траг. Пер. Жуковскій. 1824.

Исторія Тридцатилѣтней войны. С.-Пб. 1815.

Мессинская невѣста. Пер. А. Ротчевъ. М. 1829.

Вильгельмъ Тель. Пер. А. Ротчевъ. М. 1829.

Шиссъ (1755—1799):

Честное слово. Ком. М. 1793.

Любовь и смѣлость. Ком. Пер. В. Краснопольскій. Смол. 1802.

Генералъ Шлейсгеймъ. Драма. С.-Пб. 1802.

Таинство древнихъ Египтянъ. Истинная повѣсть о волшебствѣ и духахъ XVIII стол. М. 1802—1803.

Софья, или сумасшедшая отъ любви. Пер. Каменевъ. М. 1804.

Ѳедюша, или маленькій Савоецъ въ Овернъскихъ горахъ. Съ франц. М. Верещагинъ. М. 1805.

Сентъ-Елена и Монрозъ. Пер. съ фр. Наст. Гагина. М. 1806.

Другое названіе: Графъ С—тъ, или странныя приключенія новомодной красавицы въ землѣ Шотландскихъ горъ. М. 1810; нов. изд. М. 1816.

Рудольфъ фонъ Вестенбургъ, картина необузданныхъ страстей. М. 1806.

Самоубійца, или ужасныя слѣдствія страстей. М. 1808.

Старикъ вездѣ и нигдѣ. М. 1809; нов. изд. 1817.

Новѣйшія трогательныя повѣсти. Пер. С. Т. и П. С. М. 1809 (У Сопикова обозначенъ переводчикъ Ив. Свегиревъ, съ франц.).

Приключенія рыцаря Бенно ф. Ельзенбургъ въ 1225 г. М. 1811; нов. изд. 1816.

Трагическій отрывокъ, или Антоніо и Жіанетта. М. 1812.

Самоубійца отъ любви, трогательная повѣсть. М. 1812.

Горные духи, или Анета и Фридерикъ. Пер. съ фр. М. 1813.

Тоже: Замокъ, или вертепъ духовъ въ дремучемъ лѣсу. М. 1816.

Сумасшедшіе, или гонимые судьбою. М. 1816.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Орелъ, 1819.

Рыцари льва. Романъ, заимствованный изъ лѣтописей XIII в. М. 1819.

Духъ покровитель несчастныхъ, или тѣнь прекрасной Матильды, скитающейся между живыми. М. 1820.

Путешествующій Саволрдъ, или странныя приключенія одного бѣдняка. М. 1821.

Мои путешествія по пропастямъ злосчастія. Пер. Бринкъ. М. 1821.

Очарованное зеркало, или пути Провидѣнія неисповѣдимы. Пов. древнихъ временъ. Пер. А. Бринкъ. М. 1821.

Іоаннъ Хеллингъ, четвертый и послѣдній владѣтель земныхъ, воздушныхъ и водяныхъ духовъ. Повѣсть X вѣка. Пер. Ал. Бринкъ. Орелъ, 1822.

Жизнь и дѣянія Якова Букенштейна, чудака своего времени. М. 1822.

Юнгъ Штиллингъ (1740—1817):

Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства. Пер. А. Лабзинъ. С.-Пб. 1805.

Приключенія по смерти. Пер. У. М. (Ал. Лабзинъ). С.-Пб. 1805.

Тоска по отчизнѣ. Пер. Ф. Лубяновскій. С.-Пб. 1806.

Угрозъ Свѣтовостоковъ (30 книжекъ). Пер. Лабзинъ. С.-Пб. 1806—1816.

Послѣдніе дни. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1813.

Бракъ Вильгельмины. Пов. М. 1816.

Жизнь Генр. Штиллинга. Пер. Лабзинъ. С.-Пб. 1816.

Послѣдніе дни Ю. Штиллинга, посмертная 6 часть его жизни. Пер. А. Лабзинъ. 1818.

Ѳеобальдъ, или мечтатели. Истинная повѣсть. Пер. Ф. Лубяновскій. М. 1819.

Эккартсгаузенъ (1752—1803):

Подлинныя письма несчастныхъ людей. Пер. Карлъ Рембовскій. М. 1793. Тоже, Орелъ, 1818.

Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ. Пер. надв. сов. Мих. Антоновскій. С.-Пб. 1798.

Благоразуміе, соединенное съ добродѣтелью, или политика мудраго. М. 1795; изд. 2-е 1805; изд. 3-е 1816; изд. 4-е, Орелъ, 1823.

Путешествіе младаго Костиса отъ востока къ полудню. М. 1801; 2 изд. 1803; 3 изд. 1816.

Страждущая невинность. Пер. К. М. М. 1802 (друг. пер. подъ заглавіемъ „Отрывки". М. 1804).

Нравственныя письма къ Лидѣ о любви душъ благородныхъ. М. 1803; изд. 2-е 1816.

Тоже. Пер. Ив. Кобрановъ. М. 1816.

Наставленіе мудраго испытанному другу. С.-Пб. 1803; изд 2-е 1817.

Отрывки изъ сочиненій. С.-Пб. 1803.

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца. Пер. Ал Лабзинъ. С.-Пб. 1803; нов. изд. 1816.

Ключъ къ таинствамъ натуры. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1804; изд. 2-е 1820.

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1804; изд. 2-е 1816.

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ философія и грезить не смѣетъ. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1804.

Терпимость и человѣколюбіе, изображенныя въ трогательныхъ повѣстяхъ. Пер. съ участіемъ Лабзина. М. 1805; изд. 2-е 1817.

Открытіе волшебныхъ таинствъ. М. 1809.

Духъ или сущность ученія. Извлечено Мих. Бранкевичемъ. М. 1809; нов. изд. 1816 (книга плохая).

Мысли о положительномъ началѣ жизни и отрицательномъ началѣ смерти. Пер. Ив. Шамшинъ. М. 1810.

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости. Пер. А. Лабзинъ. С.-Пб. 1811.

Наука чиселъ, служащая продолженіемъ къ ключу. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1815; 1-е изд. 1812.

Взглядъ на будущее, или сказаніе о XIX столѣтіи. Пер. Ив. Шамшинъ. С.-Пб. 1817.

Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ. С.-Пб. 1817; нов. изд. 1821.

Богъ есть любовь чистѣйшая. Съ фр. Яковъ Уткинъ. С.-Пб. 1817.

Кодексъ, или законоположеніе человѣческаго разума. Пер. Ив. Шамшинъ. С.-Пб. 1817.

Богъ во плоти, или Христосъ между человѣками. С.-Пб. 1818.

Религія, разсматриваемая какъ основаніе всякой истины и премудрости. Пер. М. Сахаровъ. М. 1818.

Омаровы наставленія, книга для свѣта, каковъ онъ есть, а не какимъ быть долженъ. Пер. Мих. Сахаровъ. М. 1819.

Энгель (1741—1802):

Лоренцо Старкъ, семейная картина. М. 1808.

Статьи изъ Энгелева журнала „Философъ для свѣта", приложенныя къ „Золотымъ часамъ". М. 1815.

Англійская литература:

Аддисонъ (1672—1719):

Легкомысловъ, получившій здравый разсудокъ (нравоучительныя сказки), отрывки иронды и стихотвореніе Аддисона на Ризвикскій миръ. Пер. съ франц. и латинск. С.-Пб. 1777.

Катонъ. Трагед. Пер. съ англ. Ал. Колмаковъ. С.-Пб. 1804.

Историческія доказательства божественности Іисуса Христа. Пер. съ англ. С.-Пб. 1817; 2-е изд. 1819.

Байронъ (1788—1824):

Выборъ изъ сочиненій Л. Байрона. Пер. съ фр. М. Коченовскій.

Джауръ. Въ стихахъ. Пер. П. Р. М. 1822.

Шильонскій узникъ. Пер. съ англ. В. Жуковскій. М. 1822 г.

Невѣста Абидосская. Въ стихахъ. Пер. съ англ. И. Козловъ. С.-Пб. 1826; изд. 2-е 1831.

Паризина. Истор. пов. Пер. Вердеревскій. С.-Пб. 1827.

Тоже, вольный переводъ въ стихахъ Н. Карцева. М. 1829.

Манфредъ. Драм. поэма. Пер. Вронченко. С.-Пб. 1828.

Вампиръ. Пер. П. Киреевскій. М. 1828.

Лара. Повѣсть въ стихахъ. Пер. Ал. Носковъ. М. 1829.

Бэконъ (1561—1626): Новая Атлантида. Пер. съ франц. М. 1821.

Блумсфильдъ (1766—1823): Сельскій работникъ. Съ франц. М. 1809.

Миссъ Бюрней (1752—1840):

Генрихъ Дельморъ, или неблагоразумные поступки юношества. Пер. М. Коньевъ. М. 1796.

Евелина, или вступленіе въ свѣтъ молодой дѣвицы. М. 1798.

Цецилія, или приключенія наслѣдницы. М. 1803—1804.

Болинброкъ (1678-1751): Мысли о ссылкѣ. Пер. съ англ. М. 1802.

Вальтеръ Скоттъ (1771—1832):

Бѣглецъ. М. 1821.

Матильда Рокби. М. 1823.

Кенильвортъ. М. 1823.

Поэма послѣдняго барда. Изд. М. Каченовскій. М. 1823.

Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза. М. 1824.

Густавъ Вальдгеймъ, или преступникъ по неволѣ. Пер. А. П—въ. М. 1824.

Маннерингъ, или астрологъ. Пер. В. Броневскій. М. 1824.

Таинственный Карло. Повѣсть. М. 1824.

Шотландскіе пуритане. Повѣсть. Пер. В. Соцъ. М. 1824.

Эдинбургская темница. Пер. съ франц. А—а З—ъ. М. 1825.

Невѣста Трирмена, или долина Св. Іоанна. Пер. П. К. М. 1825.

Аббатъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Маріи Стюартъ. Пер. съ англ. Политковскій. С.-Пб. 1825.

Антикварій. Пер. съ франц. П. К. М. 1825—1826.

Ивангое, или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ. С.-Пб. 1826.

Битва при Ватерлоо, съ присовокупленіемъ избранныхъ балладъ. М. 1827.

Владѣтель острововъ. М. 1827.

Веверлей, или 60 лѣтъ назадъ. М. 1827.

Квентинъ Дорвардъ, или шотландецъ при дворѣ Людовика XI. Пер. А. И. Писаревъ. М. 1827.

Награда супружеской вѣрности. Пер. съ франц. Март. Скобертинъ. М. 1827.

Невѣста Ламмермурская. М. 1827.

Письма о Франціи въ 1815 году. Пер. М. П—въ. М. 1827.

Письма Павла къ своему семейству. Пер. Г. П—въ. М. 1827.

Талисманъ, или Ричардъ въ Палестинѣ. М. 1827.

Галидонъ Гилль. Съ франц. Д. Е. М. 1827.

Коннетабль Честерскій. Пер. Н. Шигаевъ. С.-Пб. 1828.

Редгонтатъ, красная перчатка. М. 1828.

Семъ-Ронакскія воды. Съ франц. М. Воскресенскій. 1828.

Приключенія Нигеля. Съ франц. М. 1828—1829.

Елена Дугласъ, или дѣва озера Лакъ-Катринскаго. М. 1828. Съ франц.

Родъ-Рой. М. 1829.

Преданіе о Монтрозѣ и его спутникахъ. Съ англ. М. 1829.

Монастырь. М. 1829.

Горная Шотландія. М. 1829.

Вудстокъ. Пер. С. де-Шаплетъ. С.-Пб. 1829.

Тоже. Пер. съ франц. А. Герасимовъ. М. 1829.

Морскій разбойникъ. Съ франц. М. Воскресенскій. М. 1829.

Пертская красавица. Съ франц. М. Воскресенскій. М. 1829.

Певериль. Съ франц. 1-я ч. А. И. Писаревъ. 2—5 чч. С. Т. Аксаковъ. М. 1830.

Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская, дѣва мрака. С.-Пб. 1830.

Дочь шотландскаго лѣкаря. М. 1830.

Предзнаменованіе. Пер. Г. Пасынковъ. С.-Пб. 1831.

Исторія Шотландіи. Пер. М. М. С.-Пб. 1836.

Гервей или Жервей (James Hervey, 1714—1758):

Надгробныя размышленія. Пер. съ франц. М. 1782.

Прозаическая похвальная пѣснь всѣмъ тварямъ. Пер. съ англ. Ив. Нечаевъ. Псковъ, 1805.

Благоговѣйный зритель природы, или размышленія славнаго Гервея. Пер. съ франц. свящ. Ив. Виндзорскій. М. 1808; изд. 2-е 1822.

Гюмъ (Hume, 1711—1776):

Вольный домъ, или Шотландка. Пер. съ франц. Ал. Протасовъ. М. 1763—1766.

Наука къ познанію роскоши. Пер. Ѳед. Левченковъ. С.-Пб. 1776.

Жизнь Гюма, описанная имъ самимъ. Пер. Ив. Марковъ. М. 1781.

О населенности древнихъ народовъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями. Пер. Н. Муравьевъ. 1806.

Джонсонъ (1574—1637): *Рапеласъ, принцъ Абиссинскій*. Пер. съ англ. М. 1795.

Іёнгъ (Ed. Joung, 1681—1765):

Страшный судъ. С.-Пб. 1777; 2 изд. М. 1787.

Торжество вѣры надъ любовью. Съ франц. И. Л. стихами. М. 1780; 2 изд. 1787.

Нощныя мысли и другія сочиненія Юнга. Пер. съ франц. И. Р. С.-Пб. 1780.

Избекъ, или добродѣтельный богачъ, и письма къ Вольтеру изъ сочиненій Юнга. Съ франц. С.-Пб. 1782.

Вопли. Пер. съ франц. М. 1785; изд. 2-е 1799; изд. 3-е С.-Пб. 1812.

Плачъ, или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи. Пер. съ нѣм. Ал. Кутузовъ. М. 1785; 2-е изд. 1799; 3-е изд. 1812.

Тоже. Плачъ, или нощныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи. Пер. съ англ. С.-Пб. 1799 (самое полное изданіе).

Тоже. Ночи Юнговы. Въ стихахъ (4 первыя ночи. Съ франц. Пер. Летурнеръ). Изд. С. Глинки. М. 1803; 2-е изд. 1806; 3-е изд. 1820.

Сатиры, или любовь къ славѣ всеобщая страсть. Съ франц. Ал. Татариновъ. С.-Пб. 1792.

Духъ, или нравственныя мысли славнаго Юнга. Пер. съ франц. Ал. Андреевъ. М. 1798; 2-е изд. 1806.

Письма Фонтенеля и Юнга. Пер. Вышеславцевъ. М. 1801.

Стихотворныя красоты Эд. Юнга. Пер. съ англ. (прозою) Мих. Пареваго. М. 1806

Мисли Юнга объ оригинальномъ сочиненіи. Съ франц. свящ. Іоаннъ Граціанскій. С.-Пб. 1812.

Мысли человѣка, удалившагося отъ свѣта и порока, и нѣкоторыя разсужденія. Пер. съ франц. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Ярославль, 1785.

Миссъ Софья Ли (1750—1824):

Подземелье, или Матильда. Пер. съ франц. М. 1793—1794.

Саванія Риверсъ, или опасности любви. Пер. съ франц. М. 1821.

Льюисъ (1773—1818, авторъ сатирическихъ романовъ и разбойническихъ мелодрамъ):

Монахъ, или пагубныя слѣдствія мелкихъ страстей. Пер. съ франц. Павленковъ и Росляковъ. С.-Пб. 1802—1803; изд. 2-е 1805.

Разбойникъ въ Венеціи. Пер. съ франц. С. П. М. 1807; изд. 3-е 1816.

Лѣтній вечеръ, или таинственная пещера въ дремучемъ лѣсу. Пер. съ франц. Орелъ, 1825.

Локкъ (1632—1704):

О воспитаніи дѣтей. Пер. съ франц. Н. Поповскій. М. 1759.

Первоначальныя основанія физики. Съ фр. С.-Пб. 1774.

Мильтонъ (1608—1674):

Первыя три пѣсни Потеряннаго рая. Съ англ. прозою Вас. Петровъ. С.-Пб. 1777.

Возвращенный рай. Пер. съ фран. Ив. Грешищевъ (проз.). М. 1778.

XII пѣснь Потеряннаго рая. Съ франц. арх. Амвросій (бывшій префектомъ Московской дух. акад.). М. 1780; 2 изд. 1785; 3 изд. 1801.

Потерянный рай. Съ англ. Ф. Загорскій. М. 1795; 2 изд. 1810.

Потерянный рай, съ пріобщеніемъ Возвращеннаго рая Пер. Ф. Загорскій (проз.). М. 1810; 2 изд. 1820; 3 изд. 1827.

Потерянный рай, съ тѣмъ же прибавленіемъ. Пер. съ франц. Еф. Люценко. С.-Пб. 1824.

Томасъ Морусъ (1480—1535):

Картина всевозможнаго лучшаго правленія, или Утопія. Пер. съ французск. С.-Пб. 1789.

Философа Рафаила Гиилодъ странствованіе въ Новомъ Свѣтѣ и описаніе любопытства достойныхъ примѣчаній и благоразумныхъ установленій жизни миролюбиваго народа острова Утопія. Пер. съ англ. С.-Пб. 1790 (то же сочиненіе).

Оссіянъ (воддѣлка Макферсона, 1738—1796):

Оссіянъ, сынъ Финаловъ. Гальскія стихотворенія. Пер. съ франц. Ерм. Костровъ. М. 1792; 2 изд. С.-Пб. 1818.

Смерть Кутулина, изъ сочин. Оссіяна. Пер. съ франц. К. И. Одоевскій. М. 1807.

Стихотворенія Эрскія или Ирландскія, не переведенныя Костровымъ. Пер. съ франц. Сем. Филатовъ. С.-Пб. 1816.

Уединенные часы пустынника, или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ изъ лучшихъ мѣстъ Оссіяна и Овидія. Изд. В. Л. М. 1815.

Теморъ. Поэма, вольное переложеніе въ стих. А. Слѣпцева. М. 1828.

Пѣснь въ Сельмѣ. Поэма. Пер. А. Слѣпцевъ. М. 1829.

Поне (1688—1744):

Опытъ о человѣкѣ. Пер. съ франц. Ник. Поповскій (стихами). М. 1737; 2 изд. 1763; 3 изд. 1787; изд. Яссы 1791; 4 изд. 1802; 5 изд. 1812.

Тоже прозою. Съ анг. Ф. Загорскій. М. 1799; тоже съ франц. прозою. М. 1806.

Храмъ славы. Съ франц., стихами, Херасковъ. М. 1761; прозою. П. Львовъ. С.-Пб. 1790.

Похищенный локонъ волосовъ. Пер. съ франц. М. 1761.

Опытъ о критикѣ. Пер. съ англ. кн. С. Шихматовъ (стих.). С.-Пб. 1806.

Четыре времени года. Съ англ. М. Макаровъ. М. 1809.

Пріоръ (1664—1721): *Гейнрихъ и Эмма, лирическое сочиненіе, подражаніе поэмѣ Брюнета.* Пер. съ нѣм. Н. Марковъ. М. 1788; 2 изд. 1798.

Радклифъ (1764—1823):

Лѣсъ, или Сентклерское аббатство. Пер. съ франц. Пав. Черновскій. М. 1801—1802; 2 изд. Смол. 1811; 3 изд., Орелъ, 1823.

Гробница. Пер. съ фр. А. С. М. М. 1802; 2 изд. 1805; 3 изд., Орелъ, 1823.

Итальянецъ, или исповѣдная черныхъ кающихся. Пер. съ франц. М. 1802—1804.

Полночный колоколъ, или таинство Когенбургскаго замка. Пер. съ фр. Ив. Росляковъ. С.-Пб. 1802; 2 изд. М. 1816.

Таинства Удольфскія. Пер. съ франц. С. Ф. З. М. 1802; изд. 2-е 1811; изд. 3-е 1816.

Юлія, или подземелье Мадзини. Съ франц. М. 1802; изд. 2-е 1819; друг. пер. съ англійскаго. М. 1803.

Замокъ Альберти, или движущійся скелетъ. Пер. съ франц. Ив. Пленкъ. С.-Пб. 1803.

Живый мертвецъ, или Неаполитанцы. Пер. съ франц. Б. Б. М. 1806, 1808, 1816.

Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. Пер. съ франц. С. Р. М. 1806, изд. 2-е; 3 изд. М. 1835.

Замокъ въ Галиціи. Пер. съ фр. М. 1808.

Замокъ, или ночныя привидѣнія въ Западной башнѣ чернаго лѣса и таинства Орланда. Съ фр. М. 1808; 3 изд. 1816.

Видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ. Пер. съ франц. М. 1809; друг. пер. М. 1809.

Ужасныя, необыкновенныя и случайныя приключенія или видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ. Пер. съ фр. М. 1809.

Марія и графъ М—въ, или несчастная россіянка. Пер. В. Озеровъ. М. 1810.

Монастырь Св. Екатерины, или нравы XVIII вѣка. Пер. съ фр. М. 1810; Орелъ, 1815.

Ночныя видѣнія, или приключенія несчастной Аделаиды и варварства ея мужа. Съ фр. М. 1811.

Таинства черной башни. М. 1811—1812; 2 изд. 1816.

Монастырь Св. Колумба, или рыцарь краснаго оружія. Пер. съ фр. М. 1816.

Наслѣдница Монтольда, или привидѣнія и таинства замка Безанта. Съ франц. М. 1818.

Пустынникъ таинственной гробницы, или привидѣнія стараго замка. Пер. съ фр. А. Татищевъ. М. 1818.

Луиза, или подземелье Ліонскаго замка. Пер. съ фр. М. 1819.

Берлинскія привидѣнія. Послѣднее сочиненіе. Съ франц. М. 1830.

Ричардсонъ (1689—1761):

Памела, или награжденная добродѣтель. Пер. съ фр. Черткова. С.-Пб. 1781 (не вся).

Тоже. Смоленскъ, 1796 (не вся).

Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ (неоконч.). Съ фр. пер. П. Осиповъ и П. Киль. С.-Пб. 1791—1792.

Англійскія письма, или исторія кавалера Грандинсона. Пер. съ франц. Алек. Ковдратовичъ. С.-Пб. 1793—1794.

Индѣйцы. Пер. съ англ. М. 1806.

Марія Рошъ (Regina Maria Rosch, 1766—1845):

Дѣти аббатства. Англ. романъ. Пер. М. А. М. 1802—1803.

Другой переводъ: Дѣти Довретскаго аббатства. М. 1805; изд. 2, Орелъ, 1824.

Деревенская дѣвушка. Пер. Е—въ К—ій. М. 1805.

Изгнанный сынъ, или вертепъ разбойниковъ. Пер. А. Ивановъ. М. 1808—1809.

Роза, или подкинутое дитя. М. 1812.

Свифтъ (1667—1745):

Путешествіе Самуила Брутке въ Каклогалинію, или ѣзда въ землю пѣтуховъ и оттуда на луну. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1770; 2 изд. 1788.

Путешествіе Гулливера въ Лиллипутъ, Бродиньягъ, Лапуту и проч. Съ фр. Ерое. Каржавинъ. С.-Пб. 1773; 2 изд. 1780.

Стернъ (1713—1768):

Письма Іорика къ Элизѣ и Элизы къ Іорику. Пер. съ фр. Гавр. Апухтинъ. М. 1789. Друг. пер. Н. Карина. М. 1795.

Путешествіе по Франціи и Италіи подъ именемъ Іорика. Съ англ. Ал. Колмаковъ. С.-Пб. 1793.

Нравоучительныя рѣчи и нѣкоторыя нравственныя мнѣнія. Пер. П. Чигасовъ. М. 1801.

Красота Стерна, или собраніе лучшихъ его патетическихъ повѣстей и отличнѣйшихъ замѣчаній на жизнь. Пер. съ англ. Як. Галинковскій. М. 1801.

Чувственное путешествіе Стерна во Францію. Пер. съ франц. П. Домогацкій. М. 1803; друг. перев. М. 1803.

Жизнь и мнѣнія Тристрама Шенди. Пер. съ англ. М. Кайсаровъ. С.-Пб. 1804—1807.

Путешествіе Іорика по Франціи. Пер. съ англ. М. 1806.

Коранъ, или жизнь, характеръ и чувства Лавр. Стерна, служащія поясненіемъ на всѣ его сочиненія. С.-Пб. 1809.

Письма къ искреннимъ его друзьямъ, собранныя дочерью его Лидіею Стернъ де Медаль. Съ англ. М. Паренаго. М. 1820.

Томсонъ (1700—1748): *Четыре времени года.* М. 1798—1803.

Фильдингъ (1707—1754):

Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ, или найденышѣ. Съ фр. Е. Харламовъ. С.-Пб. 1770—1771. М. 1787—1788.

Приключеніе Іосифа Андревса и пріятеля его Авраама Адалеса. Съ нѣм. Ив. Сытенскій. С.-Пб. 1772; 2 изд. С.-Пб. 1787.

Амалія. Пер. съ фр. Пав. Бергъ. С.-Пб. 1772—1775.

Дѣянія господина Іонафана Вильда великаго. Съ нѣм. Ив. Сытенскій. С.-Пб. 1773; 2 изд. 1786.

Способъ быть добродѣтельнымъ, или достопамятныя похожденія кавалера Клинкера. Съ нѣм. И. Р. С.-Пб. 1776.

Похожденія Родрика Рандома. М. 1788.

Путешествіе Гомфрида Клинкера. Съ нѣм. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1789.

Зимео, или чувствованія дикаго. Съ франц. сержантъ Ник. Новосильцевъ. М. 1789.

Несчастіе отъ чувствительности. Съ фр. Н. Н. М. 1791.

Давыдъ простый, или истинный другъ. С.-Пб. 1796.

Дан. Дефое (D. Defoe, 1661—1731): *Жизнь и приключенія Робинзона Крузе.* Пер. съ франц. Як. Трусовъ. С.-Пб. 1762—1764; 2 изд. 1775; 3 изд. 1787; 4 изд. 1801.

Шекспиръ (1564—1616):

Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье. Вольное переложеніе. С.-Пб. 1786.

Жизнь и смерть Ричарда III. Пер. съ франц. въ Нижнемъ Новгородѣ. С.-Пб. 1787.

Юлій Цезарь. Съ франц. прозою Н. Карамзинъ. М. 1787.

Тоже. Съ англ. прозою. М. 1787.

Леаръ. Пер. съ франц. Н. Гнѣдичъ. С.-Пб. 1808.

Отелло, или Венеціанскій Мавръ (безъ имени автора и переводчика). С.-Пб. 1808.

Гамлетъ. Пер. съ англ. М. Вроченко. С.-Пб. 1828.

Гамлетъ. Въ стихахъ. Для россійскаго театра обработалъ С. Висковатовъ. 1-е изд. С.-Пб. 1811; 2 изд. С.-Пб. 1829.

Макбетъ. Пер. Ротчевъ. С.-Пб. 1830, по передѣлкѣ Шиллера.

Шериданъ (1751—1816):

Школа клеветы, или вкусъ пересужденія другихъ. Пер. съ нѣм. М. 1791.

Нурзагадъ, человѣкъ неумирающій. Восточная пов. съ польскаго П. Антоновскій. С.-Пб. 1792.

Школа злословія. Пер. съ англ. Ив. Муравьевъ. С.-Пб. 1794.

Американская литература:

Ф. Кунеръ (1789—1851):

Американскія степи. Съ франц. М. 1829.

Американскій пуританинъ. Съ франц. М. 1831.

Франклинъ (1706—1796):

Ученіе добродушнаго Ричарда. Пер. съ франц. С.-Пб. 1784.

Тоже. Русская философія. М. 1804.

Правила для шахматной игры. С.-Пб. 1791.

Отрывокъ изъ записокъ Франклиновыхъ, съ краткимъ описаніемъ его жизни и нѣкоторыхъ его сочиненій. Съ франц. М. 1799.

Собраніе разныхъ сочиненій. Съ франц. М. 1803.

Южно-европейская литература:

Аріосто (1474—1533): *Неистовый Роландъ.* Съ фр. П. Молчановъ. 3 ч. М. 1791—1793 (не весь).

Голдони (1707—1793):

Благодѣтельный грубіянъ. Ком. Съ фр. Мих. Храповицкій. С.-Пб. 1772.

Домашнія несогласія. Ком. С.-Пб. 1773.

Лжецъ. Ком. С.-Пб. 1774 (вольный переводъ).

Памела. Ком. С.-Пб. Пер. съ итал. Вас. Левшинъ. М. 1812.

Камоенсъ (1525—1579): *Луизіяда, въ 10 пѣсняхъ.* Пер. съ франц. Ал. Дмитріевъ. М. 1788.

Метастазіо (1698—1782):

Придворный Нинъ, или узнанная Семирамида. Пер. П. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1737.

Артаксерксъ. Драма. Пер. П. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1738.

Милосердіе Титово. Пер. Меркурьевъ. С.-Пб. 1742.

Сципіонъ. Оп. С.-Пб. 1745.

Царь пастухъ. Оп. С.-Пб. 1752.

Александръ въ Индіи. Оп. С.-Пб. 1755.

Сирый. Оп. С.-Пб. 1760.

Антигона. Оп. С.-Пб. 1760.

Узнанная Семирамида. Оп. С.-Пб. 1760.

Олимпіяда. Траг. М. 1762; другой пер. С.-Пб. 1769.

Нинета. Оп. С.-Пб. 1777; 2 изд. 1780.

Пляска. Оп. С.-Пб. 1778.

Ахиллъ во Азирѣ. Оп. С.-Пб. 1778.

Димитрій. Оп. С.-Пб. 1779.

Іосифъ, узнанный своими братьями. Оп. С.-Пб. 1783.

Петрарка (1304—1374): *Воображеніе, или письма къ Лорѣ.* Пер. съ франц. Ал. Тиньковъ. С.-Пб. 1768.

Сервантесъ (1547—1616):

Неслыханный чудодый, или удивительныя и необычайныя приключенія храбраго и знаменитаго рыцаря Донъ Кихота. Пер. Н. О. С.-Пб. 1791.

Донъ Кишотъ Ламанскій
1. Съ пер. Флоріана пер. В. Жуковскій. М. 1805; 2 изд. 1815.
2. Пер. съ франц. Н. Осиповъ. М. 1812.
3. Пер. съ франц. С. де Шаплетъ. С.-Пб. 1831.

Прекрасная цыганка. Испанская пов. Съ франц. Смоленскъ, 1795.

Повѣсти. Пер. съ фр. М. Кобринъ. М. 1805.

Тассъ (1493—1569):

Освобожденный Іерусалимъ
1. Съ франц. М. Поповъ. М. 1772; 2 изд. 1787.
2. Пер. А. С. Шишковъ. С.-Пб. 1818—1819.
3. Пер. съ франц. Москотильниковъ. М. 1819; 2 изд. 1820—1821.
4. Пер. Раичъ въ 1828.

Бдѣнія. Пер. А. Шишковъ. С.-Пб. 1808.

Тоже подъ заглавіемъ Ночи. Пер. Ив. Остолоповъ. С.-Пб. 1808; 2 изд. Мечтанія. С.-Пб. 1819.

ПРИБАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Содержаніе „Русскаго Вѣстника".

Римскія цифры означаютъ погодно мѣсячный номеръ или книжку.

1808 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: стихи на 13 число января 1808 г.; стихи Екат. Ром. Дашковой, препровождая Юнговы ночи, посвященные праху Екатерины II (I, 75); на новый годъ супругѣ Россіянкѣ (I, 76); пѣснь славяно-россіянокъ сынамъ отечества (I, 80—84); другу русскихъ, препровождая къ нему IV книжку „Русск. Вѣстника" (II, 188); стихи на освященіе церкви, во имя Михаила Кн. Черниговскаго, въ д. кн. С. Ф. Голицына (II, 189—191); стихи въ память героямъ, умершимъ на поляхъ Прейсишъ-Эйлавскихъ (II, 196—197); Гавр. Роман. Державину (III, 320); стихи передателю мыслей, изреченій и дѣяній героя Италійскаго (III, 321); природа—учитель, чувствованія добраго, внимательнаго дитяти (III, 322—330); посланіе къ сельскому жителю, сообщившему двѣ статьи въ „Русск. Вѣстникъ" (VI, 331—332); стихи на отъѣздъ С. С. Кушникова по Высочайшему рескрипту въ Молдавію и Валахію (III, 337—338); супругѣ Россіянкѣ, на другой день ея именинъ (III, 339); къ издателю древнихъ русскихъ стихотвореній (III, 340—342); мечты о семейственной жизни (III, 346—349); Ольга прекрасная и кн. Игорь, древняя пѣснь (V, 198—200); воспитаніе Натальи Кирилловны Нарышкиной въ домѣ боярина Матвѣева, отрывокъ изъ стихотворной повѣсти (VI, 291—306); въ альбомъ красавицѣ (VI, 310—312); стихи фельдмаршалу кн. Прозоровскому (VII, 80—81); стихи на случай полученія графомъ И. В. Гудовичемъ фельдмаршальскаго достоинства (VII, 82—84); надпись къ портрету Ермака (VII, 89).

Ф. Глинка: строфы изъ оды на побѣды Россіянъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау (VI, 307—309); стихи его пр—ву М. Анд. Милорадовичу (IX, 339—393); смерть Петра Перваго (X, 62—82); Іовъ (XII, 341—347).

Державинъ: надежда на Бога, ода; сѣтованіе (III, 136—319); надпись къ портрету Хераскова (IV, 77); обитель Добрады, пастушеская мелодрама (X, 212—226).

Богдановичъ: пѣснь великой Екатеринѣ (II, 184—187); портретъ россійскаго полководца (IV, 78—79).

А. Воейковъ: отвѣтъ пріятелю, который убѣждалъ меня учиться древнимъ языкамъ (IV, 83—85).

Вл. Измайловъ: эпитафіи М. М. Хераскову, вырѣзанныя на его мавзолеѣ (VII, 94)

Анна Волкова: плодъ моей горести (IX, 377—379); размышленія на дачѣ Сашинѣ (X, 380—382).

Ф. Ивановъ: Рогнѣда на могилѣ Ярополковой (IX, 383—388).

Авр. Палицынъ: чувствованія, излившіяся при чтеніи стиховъ на вѣтвь, выросс-

мую на памятникѣ гр. Румянцева-Задунайскаго (II, 195—196); Димитрій Донской, отрывокъ изъ поэмы (VIII, 237—246).

Ек. Алферова, воспитанница Палицына: посланіе къ А. В. К. въ день именинъ (III, 333—336).

Н. Врасскій: разговоръ великолѣпнаго дома съ домомъ въ развалинахъ (X, 85—87).

Уаръ Вощининъ: стихи, внушенные разсматриваніемъ въ публичной залѣ портрета митроп. Платона (VIII, 247).

К. З.: родителю, въ день его рожденія; къ Г. Р. Державину, по случаю кончины Суворова (II, 200—203); Г. Р. Державину, по прочтеніи его перевода Пиндаровыхъ одъ (IV, 80—82); въ похвалу гражданскихъ добродѣтелей (V, 193—197); три сонета Петрарки (VII, 90—93).

Ив. Бах.: ручей (X, 83—84)

М. Л—й: Ос. П. Козодавлеву, при посѣщеніи Пензенской гимназіи (VIII, 248—252).

М. А.: благотворителю Московскихъ музъ (XII, 330—340).

К.: отъ супруга къ супругѣ (I, 84).

Э. Н—въ: издателю „Русскаго Вѣстника" отъ степнаго жителя (III, 343—345).

Н. Лож—въ: военная пѣснь: славяно-россіянка отпускаетъ на войну единственнаго своего сына (VII, 85—88); притча мышь и слонъ (I, 77); три путешественника, басня (II, 198—199).

Безъ подписи: Царица Наталья Кирилловна, отрывокъ изъ посланія къ Вольтеру (II, 192—194) изъ Смоленска; русская пѣснь матушкѣ царицѣ (XI, 227—229) изъ Макарьева.

В) Прозаическая часть.

1. *Статьи изъ русской исторіи*:

Петръ Великій (I, 11—22).

Бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ (II, 121—145).

Москва—мать городовъ, письма гр. П. А. Румянцева къ П. Д. Еропкину (I, 146—149).

О Суворовѣ, сообщ. гр. Ростопчинымъ (III, 241—249).

О воспитаніи русскихъ до временъ Петра В. (III, 278—300).

Письма Россійской академіи къ супругѣ Хераскова (III, 356—360).

Къ почитательницамъ Хераскова (III, 361—373).

Древнія русскія стихотворенія: Соловей Будиміровичъ; женитьба князя Владиміра (III, 373—387); торжество правоты и человѣколюбія (IV, 101—104); Ермакъ, или мужество и великодушіе русскихъ (V, 206—214); ненарушимость даннаго слова; смѣлость и неустрашимость духа русскихъ богатырей; богобоязненность, скромность, ласка княжеская и простота нравовъ; усердье русскихъ богатырей къ службѣ государевой (VI, 325—340).

Напоминаніе о Екатеринѣ II-й (IV, 3—46).

Неизмѣнность духа россіянъ: галлы подъ державою римлянъ; россіяне подъ игомъ татаръ (IV, 46—50).

Памятникъ кн. Як. Ѳед. Долгорукову (V, 121—132).

О гербѣ московскомъ, изъ рукописи А... (V, 184—185).

Письмо изъ Казани сочувственное изданію (V, 186—192).

Императоръ Александръ I, любитель отечественной древности (VI, 261—267).

Два письма Ломоносова: 1) къ Ѳ. Гр. Ртищеву; 2) къ Гр. Гр. Орлову (VI, 320—324).

Нѣкоторыя замѣчанія о русскомъ правительствѣ, изъ письма къ издателю (V, 343—348).

Суворовъ въ хижинѣ на горахъ Альпійскихъ (VII, 3—8).

О просвѣщеніи русскихъ до временъ Петра Великаго (VII, 17—49).

О свойствахъ россіянъ и замѣчанія о измѣненіи героическаго свойства народовъ (VII, 49—64).

О россійскомъ театрѣ, соч. Ал. Малиновскаго (VII, 109—124).

Князь Александръ Невскій (VIII, 157—183).

Благоговѣніе русскихъ къ царямъ (VIII, 184—188).

Напоминаніе о временномъ ополченіи (VIII, 217—218).

Александра Павловна, добрая государыня (IX, 295—298).

Зотовъ, наставникъ Петра Перваго, или разсмотрѣніе способа его ученія и соображенія онаго съ правилами Ж.-Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи (IX, 299—330).

О свойствахъ русскихъ бояръ: бояринъ Ѳеодоръ; Ив. Кир. Нарышкинъ; замѣчанія о бояринѣ Матвѣевѣ (IX, 361—372).

Отрывки изъ рукописной статьи объ Архангельскомъ соборѣ (XI, 408—409; X, 3—18).

Замѣчанія о Спасскихъ воротахъ, изъ рукописи (IX, 410—413).

Русскій солдатъ, повѣствующій о Петрѣ Великомъ, сержанта Ник. Ив. Кашина (X, 39—49).

Вѣрность русскихъ дворянъ къ отечеству и государю: стольникъ Иванъ Философовъ; Богданъ Ивановичъ Сумароковъ; Влад. Загрѣцкій и Никиф. Чепчуговъ; Петръ Тургеневъ и Ѳедоръ Калаченинъ; В. П. Ч., отказавшійся присягнуть Бирону (XI 230—241).

Царица Наталья Кирилловна, или свойство матери россіянки (XII, 261—317).

Заслуги русскаго подданнаго отечеству и признательность русскаго царя, изъ рукописи подъ заглавіемъ: „грамоты въ государствованіе царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича 1613—1682 г. (XII, 326—329).

Анекдоты и смѣсь: мысль Екатерины II о русскомъ народѣ (I, 85—86); примѣчательное слово М. М. Хераскова (I, 87); братья Звягины въ сраженіи подъ Фридландомъ (I, 88); тактика Суворова въ перстнѣ (II, 204 — 206); убіеніе крестьяниномъ волка (II, 206 — 208); воинъ чудобогатырь, рядовой Шимковъ (III, 350—351); поселянинъ сынъ отечества, крестьянинъ Сосна, не хотѣвшій возврата назадъ сына, взятаго въ ратники (III, 352—355); прапорщикъ Иванъ Сидоренко: русской умретъ, а живой въ руки не отдастся (IV, 86—88); приверженность къ праотческимъ обычаямъ въ семействѣ Пикоковъ, поселянъ оверискихъ и вяземскихъ гражданъ (IV, 89—92); великодушный поступокъ адмирала Апраксина (V, 201—204); казна государева (V, 205); анекдотъ о генералѣ Лыкошинѣ (VI, 313—314); крестьянинъ, не хотѣвшій замѣнить сына наемнымъ рекрутомъ (VI, 315—319); спасители во время пожара въ слоб. Тополяхъ, Кунинскаго уѣзда (VII, 95—98); рѣшительность россіянъ, письмо изъ Пскова (VIII, 219—220); наслѣдственное мужество русскихъ (VIII, 221—223); братская любовь двухъ представленныхъ въ ратники, изъ Воронежа (VIII, 223—225); великодушный отецъ, пожертвовавшій въ ратники трехъ сыновей (VIII, 225—228); русскій солдатъ, ставшій въ ряды изъ чистой отставки (VIII, 227—229); мужество и безстрашіе русскихъ воиновъ (VIII, 253—255); кончина трехъ сыновей Сумарокова (VIII, 256); Ив. Вас. Ѳоминъ, голова бѣлогородскій (IX, 394—400); свѣтскій анекдотъ о предпочтеніи иностранныхъ издѣлій, И. Б. (IX, 403—407); благодѣтельный псковскій помѣщикъ Ив. Мак. Вороновъ (X, 88—90); смоленскій добрый крестьянинъ Конахъ Парѳеновъ, Ф. Г. (X, 91—94).

2. *Повѣсти*:

Григорій, историческая русская повѣсть, прислана изъ Владиміра (V, 133—1161).

Обѣщаніе, истинное происшествіе, К. З. (VI, 341—342).

Глафира, или прекрасная Валдайка, новый народный русскій романъ, отрывокъ, сообщ. Галинковскимъ (VI, 349—364).

Меншиковъ, историческая повѣсть (XI, 123—146).

Повѣсть о Мстиславѣ I-мъ Володиміровичѣ, славномъ князѣ русскомъ, П. Львова (X, 147—211).

3. Прозаическія статьи:

Вступленіе (I, 3—10).

Взоръ на Москву (I, 23—36).

Разговоръ Авраама Палицына съ княземъ Пожарскимъ въ Ярославлѣ: о любви къ отечеству (I, 36—43).

Мнѣніе извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей о воспитаніи отечественномъ и о иноземцахъ (I, 43—52).

Письмо *** губерніи, К** уѣзда изъ села К** въ Москву отъ ** ноября 1807 года, соч. В. К. (I, 53—67).

Письмо къ издателю отъ 22 декабря 1807 г. изъ с. Зипунова, соч. Устинъ Блиновъ (гр. Ростопчинъ) (I, 68—72).

Отвѣтъ на это письмо (II, 161—183).

О любезности (II, 150—161).

О пасквиляхъ (II, 224—227).

Письмо къ издателю „Русск. Вѣстника" отъ Россіянки (кн. Дашковой) (II, 227—232).

Отвѣтъ на это письмо издателя (IV, 57—76).

Къ воспоминаніямъ, соч. Россіянки (кн. Дашковой) (III, 388—397).

Мысли про себя (III, 250—264).

Письмо къ знаменитому художнику о памятникѣ Пожарскому и Минину, изъ Харьковской губерніи (III, 265—277).

О пользѣ въ Россіи ремеслъ, художествъ, искусствъ (III, 300—315).

Мысль о книгохранилищѣ отечественномъ (IV, 51—56).

Государственное хранилище древностей въ Москвѣ, соч. В. К. (IV, 105—112).

Мысли при чтеніи въ Вѣдомостяхъ („М. Вѣд". 1807, № 88) статьи о храмѣ побѣды, назначенномъ въ Парижѣ, соч. П. Пустынникъ (V, 162—183).

Вавила и три отрока, или сила воспитанія (VI, 268—275).

О новомъ ученіи энциклопедистовъ (VI, 275—285).

Замѣчанія на слова одной французской принцессы (VI, 286—290).

Замѣчаніе въ защиту тактики Суворова въ перстнѣ (VII, 8—16).

Вольтерово разсужденіе о бѣдности французскаго языка (VII, 70—79).

Взоръ съ Воробьевыхъ горъ на Москву, соч. Соф. Беккендорфъ (VII, 143—149).

Два письма о Москвѣ, изд. членомъ народн. института во Франціи Суаромъ (VII, 150—155).

Письмо къ издателю П. Калайдовича по поводу этихъ писемъ (VIII, 257—263).

Моисей, или сила благотворенія и любви къ благу общему (VIII, 230—236).

Кузнецкій мостъ, или владычество моды и роскоши (IX, 331—360).

Замѣчанія о военномъ искусствѣ: о штыкахъ, о стрѣлкахъ (X, 19—38); о крѣпостяхъ; о повиновеніи военнослужащихъ (XII, 318—325).

Анфимъ, или торжество вѣры, добродѣтели и дружбы (X, 50—58).

Отрывокъ изъ рукописи подъ заглавіемъ: „торжество искренности" (X, 56—62).

Письмо молодого русскаго художника о древностяхъ аѳинскихъ, Н. Ф. Алферова (X, 95—112).

Отрывокъ изъ письма къ издателю (XII, 368—377).

4. Библіографія, рецензіи и полемика:

Замѣчанія на лирическую поэму: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ“, сочиненную кн. С. Шихматовымъ (I, 94—112).

Мысли по случаю представленія русской комедіи „Ябеда“ 2 января 1808 года (I, 112—118).

По поводу представленія оперы „Старинныя Святки“ и французской комедіи „Любовь и разсудокъ, или противорѣчія ума человѣческаго (II, 209—214).

О русскомъ переводѣ Виргиліевыхъ эклогъ проф. Мерзляковымъ (II, 215—218).

О книгѣ професс. Рейса—объ употребленіи средства очищающаго воздухъ и предохраняющаго отъ заразительныхъ болѣзней (II, 219—223).

„Вѣсти“ или „Живой мертвецъ“, комедія въ 1 дѣйствіи, представленная въ 1-й разъ въ Москвѣ 2 февраля 1808 г. (II, 233—239).

Нѣкоторыя замѣчанія на нѣкоторыя статьи политическаго сочиненія г. Шлецера подъ названіемъ: „взоръ на прошедшее, настоящее и будущее“ въ „Вѣстн. Евр.“ 1808 г., № 3, февраль, изъ С.-Петербурга (III, 398—407).

О стихотвореніи дѣвицы Волковой, С.-Пб. 1807 (IV, 93—100).

О воспитаніи юношества, соч. Ив. Ф. Богдановича, изд. 1807 г. (V, 215—233).

Отвѣтъ издателю „Аглаи“ на замѣчанія его о „Рус. Вѣстникѣ“ (V, 234—243).

Отвѣтъ г. издателю „Аглаи“ на первую и новую его статью о „Рус. Вѣстникѣ“ (VIII, 276—295).

Отрывокъ изъ письма знаменитаго сына отечества (Аракчеева) къ издателю „Рус. Вѣст.“ (V, 244—245).

Чувствованія русскаго въ Парижѣ, отрывокъ изъ письма помѣщицы Сл. У. губ. И. Н. К. въ январѣ и февралѣ 1808 г. (V, 246—252).

О представленіи трагедіи „Зорады“, назначенной, по желанію сочинителя, въ пользу бѣднаго семейства, 27 апрѣля 1808 г. (V, 253—255).

О богатствѣ русскаго языка, отрывокъ изъ разсужденія о преимуществѣ русскаго языка предъ французскимъ, соч. Воейкова (VII, 65—69).

Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста, почерпнутыя изъ драмы „Семейство Старичковыхъ“, соч. Ф. Ф. Иванова (VII, 98—108).

Краткія замѣчанія на слово „о воспитаніи“, соч. Ант. Прокоповича-Антонскаго (VII, 125—133).

О книгѣ штабъ-лѣкаря Преображенскаго полка Кашинскаго — „способъ составить минеральныя воды“ (VII, 134—142).

Краткія выписки изъ „Кормчей Книги“ и замѣчанія на оныя (VIII, 189—200).

Письмо отъ почтеннаго Старовѣрова къ издателю „Русск. Вѣстн.“ съ выпискою изъ книги „Историческое описаніе города Пскова“ (VIII, 201—216).

О „Недорослѣ“, комедіи Ден. И. Фонъ-Визина (VIII, 264—275).

О полезныхъ книгахъ для воспитанія (IX, 373—376).

Разсужденіе по случаю представленій оперы „Федулъ съ дѣтьми“, соч. имп. Екатерины II-й (X, 113—122).

Выписки изъ иностранныхъ писателей, въ отвѣтъ на письмо, полученное издателемъ отъ неизвѣстнаго, изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ 1808 г. „Сѣверное лѣто, или путешествіе около Балтійскаго моря“, Антина Тинтикова (XI, 242—260).

Выписка изъ писемъ русскаго офицера (Ф. Глинки) и сличеніе оныхъ съ разсказами иноплеменныхъ (XII, 348—367).

О представленіи комедіи „Влюбленный нелюдимъ“ и оперы „Мельникъ“ 29 октября 1808 г. (XII, 375—390).

1809 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: къ русскимъ (I, 135—149); на смерть моего сына (VI, 142—145); храброму Кульневу (V, 269—272); Мининъ, отрывокъ (VII, 81—105); стихи на смерть фельдмаршала кн. Прозоровскаго (IX, 411—413); стихи на заключеніе міра съ Швеціею (IX, прибавленіе); стихи по случаю возданной чести имп. Александромъ I памяти Петра В. (X, 133—138); на взятіе Измаила (XI, 205—207); стихи по прочтеніи извѣстія о пріѣздѣ имп. Александра въ Москву въ декабрѣ 1809 г. (XII, приб.).

Ф. Н. Глинка: посланіе сосѣду моему (XI, 217—221); сельскій недосугъ, посланіе Старикову (VIII, 222—228); благотворительницѣ сиротъ, княг. А—ѣ Г—ѣ (VI, 383—387).

Ф. Ивановъ: 45 псаломъ (XII, 316—319); осеннее размышленіе (XII, 319—329).

Кн. Шаликовъ: посланіе къ дружескому обществу русскихъ стихотворцевъ (II, 338—339).

Ник. Радищевъ: стихи на проѣздъ въ Тверь вел. кн. Екатерины Павловны и принца Георга Голштейнъ-Ольденбургскаго (X, 78—80).

Анна Волкова: на смерть утонувшихъ морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова (XII, 391-397).

Ал. Шишковъ: на тотъ же предметъ (XII, 307—308).

С. Саларевъ: смерть Бориса и Глѣба (XII, 330—332).

Санковскій: пороки и наказаніе, басня (XII, 333—335).

П. Пустынникъ (Палицынъ): стихи именинницамъ (III, 456—466).

Стариковъ: блаженство вѣры, 125 псаломъ (I, 150—153); надежда вѣры, 126 псаломъ (II, 324—325); переложеніе 78 псалма (III, 452—455); слѣпый мудрецъ (IV, 59—77); подражаніе 14 псалму (VI, 378—382); переложеніе 90 псалма (VIII, 213—218); осень (208—216).

Н. Врасскій: карточный домикъ (V, 200—202).

Барнаволоковъ: послѣдній долгъ (X, 85—86).

Артемій Булатовъ: посланіе къ помѣщику села N. N. отъ жителя села Громилова (IX, 395—400); посланіе Герасима *Старожилова* къ Артемію Булатову (X, 86—96).

Ив. Колокольцевъ: кладбище (VII, 74—80).

М. Яблошниковъ: одиночество, къ И. М. Матвѣеву (I, 161—166).

Як. Бардовскій: стихи по случаю кончины и погребенія кн. П. М. Волконскаго (II, 220—224).

Л. В. П.: посланіе къ моему сосѣду (IV, 77—86).

...въ: низверженіе Отрепьева (III, 443—451).

А. В...ва: стихи моимъ благодѣтелямъ (V, 252—255).

С. Г. Т.: посланіе къ благотворительницѣ бѣдныхъ и несчастныхъ (II, 326—334).

Л. К.: правда (V, 196—200).

Н. Н.: Державинъ (II, 316—323); стихи на смерть Августа Шлецера (XI, 267—272); воспоминаніе прошедшаго (XII, 335—340).

Г. Ф.: молитва сироты (III, 469—472).

П. П.: посланіе на новый годъ (I, 154—160).

И. Е.: другу на новый 1809 годъ (III, 466—469).

П. Г. К.: стихи гр. Ив. Вас. Гудовичу, въ день полученія извѣстія о покореніи Измаила, 1 октября 1809 (XI, 273—274).

Ал. 20—въ: стихи къ портрету П. Я. Таузакова (IX, 394).

Г. Н.: надпись къ портрету С.-Петербургскаго митрополита Амвросія (VIII, 219).

Б.: молитва (VIII, 220—221); псаломъ 76 (IX, 389—393); псаломъ 18 (X, 80—84).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи по русской исторіи:

Историческіе памятники въ Россіи (I, 3—38).

Грамота изъ Тобольска въ Нарымъ о единодушномъ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова (I, 83—93).

Военные анекдоты о Суворовѣ (I, 94—103).

Русскій художникъ Алексѣй Филипповичъ Гладкій (I, 104—134); увѣдомленіе объ изобрѣтенной имъ прядильной машинѣ (XI, 253—265).

Примѣрная приверженность и признательность крестьянъ при кончинѣ благодѣтельнаго помѣщика, кн. П. М. Волконскаго (II, 207—220).

Памятникъ неустрашимости и любви къ отечеству россіянъ 16 вѣка, Ив. Богдановича (II, 224—241).

Изображеніе генералиссимуса князя Италійскаго, соч. К. Б. (II, 242—247).

Θедоръ Михайловичъ Ртищевъ (IV, 3—37).

Военныя наставленія князя Игоря сыну Святославу, изъ рукописи „Царство Русское, сирѣчь подробное и обстоятельное повѣствованіе о всѣхъ дѣяніяхъ, бывшихъ въ Русскомъ царствѣ, о различныхъ судьбахъ онаго и проч., отъ многихъ иностранныхъ и русскихъ лѣтописей собран. по высочайшему повелѣнію великаго государя и царя Алексѣя Михайловича“ (IV, 36—55).

Свитокъ Вадима Храбраго, изъ той же рукописи (IX, 273—296).

О запрещеніи продажи табаку и ревеню царями Михаиломъ Θеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ изъ рукописи: „Грамоты въ государствованіе царей Михаила Θеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Θеодора Алексѣевича, 1613—1682 г.“ (IV, 55—68).

Гробница Матвѣева, или изображеніе смерти незабвеннаго сына отечества (V, 145—164).

Мнѣніе Фридериха II о Петрѣ Первомъ (V, 223—229).

Князь Александръ Михайловичъ, А. Тинтикова (VI, 274—279).

Анна Всеволодовна, первая основательница въ Россіи училища для воспитанія дѣвицъ (VII, 3—11).

Князь Василько Ростиславичъ (VIII, 129—149).

Изяславъ I Ярославичъ, извѣстный подъ именемъ Димитрія, А. Р—евскій (IX, 374—384).

Старинное письмо (Гавр. Ал. Кобылина?) (IX, 385—388).

Выписка о Екатеринѣ II изъ книги: избранныя сочиненія маршала принца де Линь (IX, 409—410; X, 97—122).

Замѣчаніе о стрѣльцахъ и стрѣлецкихъ мятежахъ (X, 3—29).

Твердость духа, любовь къ отечеству и вѣрность къ государю, Ив. Дан. Левшина (X, 63—71).

Наставленіе царю Алексѣю Михайловичу Симеона Полоцкаго (XI, 239—269; XII, 280—315; 1810 г. II, 1—22; IV, 36—56; IX, 51—86).

Нѣчто о храбромъ Кульневѣ (XI, 169—181).

Сила примѣра, выписки изъ рукописи Курбскаго (XI, 190—194).

Попеченіе русскихъ военачальниковъ о сбереженіи здоровья солдатъ (XI, 195—205).

Выписка о славянахъ, изъ книги Мавроурбина подъ заглавіемъ: „исторіографія начатія имени, славы и расширенія народа славянскаго“ (XII, 341—346).

Отечественныя вѣдомости: гренадеръ Фанагорическаго полку Егоръ Емельяновъ (II, 299—303); лѣкарь Зубовъ (II, 312—315); усердный прикащикъ Фирсъ Петровъ, N. N. (IV, 107—112); военные анекдоты о Суворовѣ, сообщ. изъ Бѣлева (IX, 342—348); отвѣтъ Суворова съ замѣчаніемъ (IX, 349—350); нѣчто о великомъ Суворовѣ,

Гавр. Геракова (IX, 353—358); изреченія лейбъ-гренадерскаго унтеръ-офицера при погребеніи Суворова, Ф. И. (IX, 359—360); отвѣтъ Баранова, начальника Нейшлотскаго зàмка (IX, 360—364); мать россіянка, С. Мар. (IX, 364—368); мужественный поступокъ кап. Левшина (IX, 369—374).

2. Повѣсти:

Здравомыслъ и Плѣнира, воспитатели дѣтей своихъ, русская повѣсть (I, 39—82; II, 248—278; III, 376—442).

Миловзоръ, или наказанная жадность къ богатству, русская повѣсть, Новоперовой (VI, 351—378).

Русская повивальная бабка, Н. Н. (VII, 42—59).

Сонъ, или разговоръ Правдолюбова, Правосудова и Добросовѣстина, сообщ. изъ Рыбинска N. N. (VII, 59—73).

Добрый отецъ, повѣсть, сообщенная изъ города В. (IX, 297—342; X, 29—63).

3. Прозаическія статьи:

Древнія русскія книги и преданія (I, 167—181).

О Бонъ-Тонѣ, соч. Новоперова (II, 279—293).

О Бомондѣ (II, 293—298).

Сельскія упражненія стараго служиваго: письмо къ издателю отъ Артемія Булатова изъ города Б. изъ села Громилова (III, 351—376); второе письмо (V, 230—249); третье письмо: сельскій праздникъ по случаю рекрутскаго набора (XII, 396—416).

Разсужденіе о томъ, что справедливое понятіе о вещахъ руководствуетъ къ справедливымъ понятіямъ о Богѣ и о душѣ (V, 165—196).

О военномъ искусствѣ (VI, 280—350; VII, 12—41; VIII, 150—173).

Разсужденіе Герасима Старожилова (изъ деревни Т. п. л. в. к.) о прошедшей зимѣ (VI, 396—410).

О русскихъ пословицахъ, второе письмо Старожилова (VIII, 173—194).

Мода и вкусъ (X, 72—75).

Письмо къ издателю арзамасскаго купца Марка Неспускалова (XI, 182—189).

Здѣсь ангелъ погребенъ, отрывокъ изъ письма русскаго офицера И. С., могила Елены Павловны (XII, 275—279).

4. Библіографія и критика:

Выписка изъ поэмы: „о достоинствѣ женщинъ". М. 1808 г. (I, 182—188).

Письмо къ издателю изъ С.-Петербурга отъ 25 декабря 1808 отъ Андрея Тинтикова о необходимости обращать вниманіе на состояніе нашей словесности и ошибочныя извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи и отвѣтъ на письмо издателя (I, 189—206).

О книгѣ страданія Господа нашего Іисуса Христа, соч. Томаса (II, 340—345).

Исторія церковная, гражданская и ученая, соч. Наумова (II, 346—349).

О книгѣ подъ названіемъ: „Предметы для художниковъ, избранные изъ россійской исторіи" и проч., соч. А. Писарева (III, 473—488).

Замѣчаніе на выписку изъ книги: объ отношеніяхъ между испанскою войною и между новымъ родоначаліемъ и пр. (III, 489—495).

Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію, Дмитревскаго (IV, 114—126).

Извѣстіе о полномъ изданіи сочиненій Державина (IV, 127—141).

Извѣстіе о книгѣ подъ названіемъ: „уроки въ художествахъ", соч. Ал. Писарева (V, 203—219).

О книгѣ: „Статистическое описаніе Россійской имперіи", сост. Евд. Зябловскимъ (V, 256—264).

Басни Ивана Крылова (VI, 388—395).

Французскій и россійскій словарь Гейма (VII, 106—109).

Книжка для моей Лизы, изданная въ 1809 г. (VII, 109—117).

Опытъ минералогическаго описанія Россійскаго государства, соч. В. Севергина (VII, 117—128).

О переводѣ книгъ, съ выдержками изъ сочиненій г-жи Ламберъ (VIII, 195—212).

Выписка изъ книги, подъ заглавіемъ: „Тринадцать дней, или Финляндія" (XII, 351—390).

1810 годъ.

А) *Стихотворенія*:

С. Н. Глинка: разговоры русскаго съ космополитомъ или міроучителемъ (I, 62—71); кличъ россіянъ 6 дек. 1809 г. на прибытіе имп. Александра (I, 159—160); любезному моему пріятелю отъ А. К. (II, 126); напоминаніе о Полтавской побѣдѣ (VII, 3—12); пѣснь русскимъ воинамъ по случаю покоренія Силистріи (VII, 146—148); на благотворенія имп. Маріи Ѳеодоровны (IV, 126—139); стихи на новыя побѣды войскъ Задунайскаго (X, 151—153); прощанье царицы Натальи Кирилловны съ братьями во время стрѣлецкаго бунта (XI, 1—11).

Ф. Глинка: богачъ и нищій, притча (XI, 27 — 34); совѣтъ и желаніе С. (XII, 20—22).

Ф. Кокошкинъ: басня: собака и кошка (XII, 37—42).

Ф. Ивановъ: дубъ и Борей, басня (VIII, 93—94).

Кн. Шаликовъ: на благодѣянія купца Курочкина (VIII, 94).

Ив. Богдановичъ: нѣжному отцу на смерть сына его (II, 122—125).

Дм. Глѣбовъ: стихи на побѣды, одержанныя русскими войсками за Дунаемъ (IX, 86—88); любовь къ отечеству (X, 71—75).

В. Козловъ: двѣ басни: сосна и терновникъ; тростникъ и лягушка (IX, 91—92).

А. Малиновскій: величаніе имп. Александру, пѣтое 6 декабря 1809 г. при представленіи оперы „Старинныя Святки" (I, 161—162).

К. С. В—ій: стихи Барклаю де Толли на переходъ черезъ Ботническій заливъ (II, 71—74).

В. В.: посланіе къ издателю „Русскаго Вѣстника" (II, 100—106); русская хлѣбъ-соль, посланіе къ пріятелю Ф. А. К. (V, 83—84).

Алферовъ: вечеръ (II, 127—132).

Поповскій пустынникъ (*Палицынъ*): на день рожденія крестницы А. П. К. (III, 69—77).

Ник. Николевъ: стихи на случай милостиваго манифеста императора Александра въ засѣданіи сената въ апрѣлѣ 1801 года (III, 122—128).

Анна Волкова: стихи Москвѣ на пребываніе имп. Александра въ 1809 году (III, 133—143).

П. Сумароковъ: стихи на кончину кн. С. Ф. Голицына (III, прибавленіе).

Еф. Кантемировъ: Буривой, старинная стихотворная пѣснь (IV, 69—72).

Іос. Пашковъ: стихи на благотворительность К. В. З. (Злобину) (IV, 89—90).

Гр. Хвостовъ: надгробіе кн. Дашковой (IV, 91); Н. М. Карамзину 10 августа 1870 г. (X, 130—136).

Гр. Гордѣевъ: стихи Н. Ф. П—ну, изъ Уральска (IV, 92).

Б.: раскаяніе грѣшника (IV, 94).

Ив. Бах.: молитва, изъ Харькова (IV, 124—127).

С. изъ Смоленска: стихи В. И. Милашевичу, на избраніе его къ управленію Валахіи и Молдавіи (IV, 135—137).

А. Т.: на смерть П. А. Татищева 10 марта 1810 г. (IV, прибавленіе).

Н. Н.: басня: лисица и цыплята (V, 79—82); эпитафія моему сыну (V, 158—166); двѣ басни: пустынникъ на горахъ; два путешественника—отважный и боязливый (VII, 49—54); къ родинѣ (VIII, 60—66); чувства матери россіянки при полученіи извѣстія о смерти сына, убитаго на войнѣ (XII, 14—19).

П. Голубковъ: ода на пожалованіе тульскому дворянству похвальной грамоты за ополченіе (VI, 99—104).

К. Пржевальскій: стихи гр. Ал. Серг. Строганову (VII, 46—48).

С. С.: жребій честолюбца изъ XIV гл. пророч. Исаіи (VIII, 56—59); благодарность (X, 15—22).

Ф. К—въ: разговоръ завоевателя съ пустынникомъ (IX, 43—51).

П. Сіяновъ: хоръ при открытіи Ярославскаго Демидовскаго училища 29 апрѣля 1810 г. (IX, 89—90).

П. Ч—въ: пѣснь герою на побѣды за Дунаемъ (X, 102—108).

Безъ подписи: стихи на смерть Ал. Анд. Раевской, съ рѣки Оскола (VI, 92—98); стихи благодѣтельному жителю села Буйянера (VI, 141—143); волшебный фонарь, отставнаго деревенскаго жителя (XII, 110—124).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

Царь Алексѣй Михайловичъ (I, 3—23).

Письмо Петра I къ ген.-м. М. Матюшкину (I, 24—30).

Изреченія и мысли Суворова (I, 30—62); о слогѣ Суворова (XI, 11—26).

Изъ записокъ Суворова: свойство истиннаго человѣка и героя (VIII, 86—92).

Сравненіе правилъ и дѣяній царя Алексѣя Михаиловича съ правилами и нѣкоторыми дѣяніями Людовика XIV (II, 22—40).

Князь Потемкинъ Таврическій (II, 41—70; III, 32—68).

Пребываніе Екатерины II въ 1767 г. въ Костромѣ (II, 74—99).

Рукопись о Задонскомъ побоищѣ, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о Задонскомъ побоищѣ, какъ бысть то побоище" и пр. (III, 1—32).

Терентій Ивановичъ Волосковъ, ржевскій механикъ, богословъ и химикъ, ст. Ф. Глинки (IV, 3—35).

Письмо граф. Ан. Р. Чернышевой, по случаю подписки на памятникъ Екатерины II (IV, 128—134).

Мечъ князя Всеволода Псковскаго (V, 1—6).

Мих. Аѳ. Воронинъ, серпуховской купецъ, изобрѣтатель особаго способа бѣленія (V, 141—155).

П. П. Панкратьевъ, кіевскій гражд. губернаторъ, В. Б. (VI, 51—60).

Выписки изъ рукописи подъ заглавіемъ: грамоты отъ 1610—1613 г. (VII, 13—45; VIII, 32—55).

Ив. Рябовъ, русскій герой, и признательность къ нему Петра I, сооб. Н. И. Пажесъ (VII, 60—68).

Замѣчанія иностраннаго писателя (Андре) о Екатеринѣ II-й (X, 75—81).

Замѣчанія о Новгородѣ (X, 136—139).

Грамота Алексѣя Михайловича въ Туринскъ, объ отданіи чести Св. дарамъ (XI, 35—56).

Благотворительное общество дворянъ Тульской губ., составившее капиталъ для награжденія отставныхъ воинскихъ чиновъ (XI, 116—120).

Подвиги русскихъ офицеровъ въ Персіи при Петрѣ I и при Александрѣ I (XII, 43—54).

Трактатъ, заключенный между русскими министрами и посломъ шаха Измаилъ-бекомъ (XII, 54—66).

Отечественная вѣдомость: ген. Мозовскій, бывшій начальникъ Павловскаго полка (I, 109—115); русскій отецъ семейства и нѣкоторыя замѣчанія объ обязанностяхъ русскихъ дворянъ къ помѣщику (I, 116—133); извѣстія о разныхъ подвигахъ русскихъ изъ Костромы, Москвы, Оскола, Серпуховскаго уѣзда (VI, 1—14); военные анекдоты (VI, 15—20); изъ Вологды, Рыбниковъ (VI, 28—39); погребеніе кн. С. Ф. Голицына въ селѣ Зубриловѣ, П. С. (VI, 129—132); подвигъ Зоя Конст. Каплани (VII, 134—140); благородная крестьянка, спасшая и воспитавшая чужую дѣвочку (XII, 23—37).

2. Повѣсти и беллетристическія статьи:

Разговоръ Петра I съ Анною, англійскою королевою (IV, 56—68).

Дорандъ, или жертва безразсуднаго воспитанія, повѣсть, соч. Ив. Богдановича (V, 6—78).

Письмо къ издателю отъ моднаго уѣзднаго учителя, по случаю извѣстія о поповленіи стариковъ и о подрѣзкѣ волосъ въ послѣднемъ вкусѣ (VI, 144—157).

3. Статьи не относящіяся къ беллетристикѣ:

Отвѣтъ на посланіе къ издателю о театрѣ и искусствѣ (II, 107—121).

Третье письмо Старожилова о праздникѣ въ селѣ Громиловѣ по случаю пребыванія въ Москвѣ Государя (II, 133—149).

Письмо Старожилова о памятникѣ, поставленномъ въ селѣ Громиловѣ Ивану Сусанину (X, 3—15).

О промышленности отечественной (III, 77—89).

Рѣчь воспитанника Ив. Логиновскаго на актѣ Воспитательнаго дома 29 января 1810 г. (IV, 73—79).

Мысли степнаго жителя В. О. изъ Боброва (IV, 80—88).

Поѣздка русскаго офицера въ Константинополь, Вит. Краснокутскаго (VIII, 1—31; IX, 1—42).

Письмо Н. П. Рязанова и извѣстіе о его смерти (VIII, 67—86).

Замѣчанія о словахъ господинъ и господа (VIII, 118—129).

Отвѣтъ на письмо, разсуждающее о модѣ женскаго воспитанія (VIII, 131—149).

Письмо къ другу (изъ Тамбова,—ничтожное) (IX, 93—98).

Краткое нравственное и историческое начертаніе о ратномъ дѣлѣ россіянъ (X, 22—70).

Догадки (XI, 100—116).

Мечты и разговоры въ селѣ Громиловѣ или 4 наст. Артем. Булат. (XI, 120—133).

Разговоръ китайскаго посла съ русскимъ чиновникомъ (XII, 1—14).

Опыты институтокъ: чувство на могилѣ Гостомысла, П. Масловой; осада Кіева, Апучиной; Олегъ, А. Молевинской (XII, 71—82).

4. Критика, библіографія, выписки изъ книгъ и полемика:

Извѣстіе о книгахъ: статистическое обозрѣніе Сибири, печ. по Высоч. повелѣнію (X, 109—114); новая нѣмецкая грамматика, изд. Лейбрехтомъ (115—121); третія часть сочиненія Ипп. Богдановича (121—125); третіе изданіе сочиненій И. Л. Дмитріева (126—129).

Отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія къ издат. „Аглаи" о нашихъ предкахъ (I, 72—109).

Замѣчанія о вниманіи иностранцевъ къ русской исторіи и выписка изъ изданной въ Парижѣ книги: избранныя мѣста изъ русской исторіи (I, 136—145).

Увѣдомленіе о книгахъ: Блеровы хронологическія таблицы, пер. кн. Голицына; практическая карманная книжка для врачей, соч. Авг. Беккера, пер. Март. Брунера; собраніе сочиненій и переводовъ Ипп. Богдановича, изд. Бекетова (I, 151—159).

Замѣчанія на нѣкоторыя мысли разсматривателя книги: о первобытной Россіи и ея жителяхъ (III, 90—121).

Письмо пожилаго любителя отечественной словесности въ отвѣтъ на критику Сорены въ „Вѣст. Евр." кн. III, 1810 г. (IV, 95—123).

Извѣстіе о географической таблицѣ г. Лаво (IV, 138—140).

Разборъ книги: Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе кн. С. Шихматова (V, 85—141).

Замѣчаніе на проспектусъ одного сочиненія о воспитаніи (VI, 40—51).

Возраженія на книгу Лойда подъ заглавіемъ: нѣчто о военномъ искусствѣ гр. Румянцева, Викт. Филостратова (VI, 60—91).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: слово о пользѣ и предметахъ военной гигіены, сказанное на актѣ 3 іюля 1809 г. Моск. унив. проф. М. Мудровымъ; записки о Россіи Манштейна; историческія свѣдѣнія о подмосковномъ селѣ Коломенскомъ (VI, 105—123); вторая часть сочиненія Ипп. Богдановича (VI, 133—141).

Извѣстіе о книгахъ: о путешествіи вокругъ свѣта 1803—1806 г. кап. Крузенштерна (VII, 90—107); переводъ сочиненій К. Саллюстія Н. Озерецковскимъ (108—121); примѣненіе химіи къ ремесламъ и художеству, соч. Танталя (121—134); военные анекдоты древнихъ и новыхъ временъ, изд. въ Парижѣ 1807 г. (VII, 140—145).

Извѣстіе о двухъ переводахъ Ал. Писарева: начертаніе художествъ и общія правила театра, выбранныя изъ соч. Вольтера (VIII, 95—109); рѣчь о хирургіи экстраорд. проф. В. Мироновича (109 и 114); жизнь кн. Я. П. Шаховскаго, почерпнуто из собственныхъ его записокъ (114—117).

Образецъ моднаго остроумія, или выписка изъ статьи въ „Цвѣтникѣ" (іюнь 1810 г., стр. 357); мнѣнія и замѣчанія пустынника (VIII, 152—156).

О книгѣ подъ заглавіемъ: землеописаніе Россійской имперіи проф. Зябловскаго (IX, 98—108).

О книгѣ: подвиги казаковъ въ Пруссіи, соч. Н. Чуйкевича (X, 82—102).

Выписка изъ книги Голикова: сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина В. со свойствами и дѣлами Петра В. (XI, 57—67).

Новыя книги: начертаніе физики П. Страхова (XI, 67—74); записки князя П. Шаховскаго (74—99).

Напоминаніе о книгѣ: наставленіе къ разведенію кунжутнаго сѣмени, 1801 г. (XII, 67—71).

Разсмотрѣніе драмы „Славяне" Ипп. Богдановича, IV ч. его соч. (XII, 85—110).

1811 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: пѣснь русскимъ воинамъ, по случаю новыхъ подвиговъ мужества и неустрашимости (I, 71—77); благодарность П. П. Б. (I, 127); стихи по случаю манифеста, изданнаго 25 января 1811 г.; посланіе къ Ив. Ив. Дмитріеву при полученіи 3 изданія басенъ (кн. III, прибавленіе); благодарность за гостепріимство родственнику моему Григ. Богд. Глинкѣ (IV, 131—133); стихи по прочтеніи въ Вѣдомостяхъ рескрипта гр. Аннѣ Павловнѣ Каменской о кончинѣ сына ея, гр. Н. М. Каменскаго (VI, 136—140); надежность русскаго царя на русскихъ или царское слово (VII, 3—8); стихи къ портрету гр. А. К. Разумовскаго, по прочтеніи его записки о воспитаніи (VII, 136); стихи къ портрету гр. Н. М. Каменскаго (VIII, 1—2); Петръ I въ Нижнемъ-Новгородѣ, у гроба Минина (VIII, 3—8); стихи по случаю кіевскаго пожара и подвиговъ, оказанныхъ во время онаго русскими войсками (IX, 136—139); стихи на

освященіе вновь построенной Казанской церкви 15 сентября 1811 г. (X, 164—167); стихи на освященіе другаго придѣла въ новомъ Казанскомъ соборѣ (XI, 69—72); стихи Донскому войску, по случаю грамоты, дарованной Государемъ въ августѣ 1811 г. (XII, 2—14); стихи по случаю молебствія 29 декабря 1811 г. о новой побѣдѣ надъ турками (XII, 119—124).

Мерзляковъ: хоръ дѣтей маленькой Наташѣ (V, 34—45).

Н. Шатровъ: Н. С. Смирнову (XI, 140—144).

Стариковъ: ода изъ псалма (III, 82—85).

Ф. Коршъ: памятникъ другу Н. С. Смирнову (XI, 138—139).

Ив. Богдановичъ: стихи Г. Р. Державину (III, 74—82).

П. Петровскій, изъ Нижняго-Новгорода: дань сердца россійскому герою (X, 146—151).

Юшковъ: стихи на кончину воронежскаго губернатора А. Б. Сонцова 20 февраля 1811 г. (VI, 88—91).

М. Булгаковъ: хижина (XII, 90—91).

Старая россіянка: стихи гр. Н. М. Каменскому (III, приб. 10—12); стихи русскимъ воинамъ, прославившимся въ Грузіи (V, 133—137); стихи на кончину гр. Н. М. Каменскаго (VII, 110—111); посланіе къ А. С. Шишкову, по прочтеніи разсужденія его о народныхъ пѣсняхъ (VIII, 72—74); стихи на новую побѣду русскихъ (VIII, 124—127).

С. С. (деревня Дальновка): утро матери семейства, посланіе къ Плѣнирѣ (I, 81—90); посланіе къ чиновнику-поселянину (II, 52—61).

М.: стихи на смерть сенатора В. И. Нелидова (I, 116—117).

Н. Н.: отъѣздъ моды изъ Москвы, или переписка моды со вкусомъ (II, 81—90); прогулка матери семейства съ семилѣтнею дочерью изъ дер. Дальновки (IV, 21—25); изъ деревни въ городъ, М. М. К. въ день ея именинъ (V, 131—133); упованіе на Бога, изъ псалма: внегда призвати ми услыши мя, Господи, услыши мя, Богъ правды моей (VI, 86—70); убѣжище Суворова (IX, 1—7).

Григорій Гор—въ изъ Мологи: прощаніе съ сестрою брата, при отправленіи его въ походъ (VI, 40—42).

Д. Г.: воспоминаніе о старинѣ (X, 77—80).

Любитель русскаго слова, изъ Кашина: А. С. Шишкову, на чтеніе его при открытіи „Бесѣды любителей русскаго слова" (VII, 112—113).

Опыты институтокъ, доставленные Кошанскимъ: на смерть подруги, *Канатчиковой;* кузнечикъ и соловей, басня, *С. Шлефохтъ;* два ручейка, *Свѣчиной* (VIII, 40—46).

В) Прозаическая часть.

1. Статьи историческаго содержанія:

Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, старинное преданіе изъ рукописи (I, 3—24).

Анекдоты о пребываніи Петра I въ Вологдѣ (I, 25—30).

Отрывки о внутренней промышленности и о сношеніи оной съ нравственностью (I, 31—49); поправка (приб. къ III кн.).

Четыре рескрипта имп. Павла I-го гр. Суворову (I, 49—55).

Поучительная грамота царя Алексѣя Михайловича въ Туринскъ о Божьемъ гнѣвѣ и объ учрежденіи поста, изъ рукописи (I, 56—71).

Примѣчанія на изреченіе: небывалое бываетъ—надпись на медали Петра I за побѣду надъ шведами (I, 77—80).

О воспоминаніи великихъ мужей, письмо къ издателю (I, 91—104).

Мысли Ипп. Ф. Богдановича о славянахъ (I, 105—116).

Нравственныя свойства царя Θеодора Алексѣевича и замѣчанія на русскую исторію и на странныя положенія (II, 1—27).

Выписки и замѣчанія изъ хитрости ратнаго дѣла или воинскаго устава, изданнаго въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, 1647 г. (II, 62—80).

Механикъ Иванъ Кулибинъ, письмо къ издателю (III, 103—124).

Петръ Первый въ Парижѣ (IV, 3—20; V, 1—11).

Догадки и замѣчанія при чтеніи книги, подъ заглавіемъ: Несторъ, русскія лѣтописи, сличенныя, переведенныя и объясненныя Авг. Шлёцеромъ (IV, 26—46; IX, 8—106; XI, 73—120).

Краткое начер„ie свойствъ гр. Кир. Григ. Разумовскаго, соч. Меркулова, съ приложеніемъ рѣчи Разумовскаго имп. Екатеринѣ и послѣсловія издателя (IV, 81—106).

Историческія замѣчанія о древности Звенигорода и надписи, находящейся въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ, Конст. Калайдовича, съ замѣчаніемъ С. Саларева, изъ трудовъ воспитанниковъ Моск. Университетскаго пансіона, доставилъ П. Калайдовичъ (IV, 101—128).

Отрывки о ратномъ дѣлѣ изъ указовъ, изданныхъ при царяхъ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и Михаилѣ Θеодоровичѣ, съ нѣкоторыми примѣчаніями, изъ книги: Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, изд. Анисимомъ Михайловымъ (V, 11—34).

Мужество и добродѣтели русскихъ на островѣ Тенедосѣ, сообщ. В. Л. (VI, 105—120).

Военные подвиги ген.-м. Лесли, В. Абр. Лопухина, ген. Ставицкаго, соч. А. К. (VII, 44—51).

Разборъ записки мин. народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, поднесенной Государю, о воспитаніи, напечат. въ „Сѣверной Почтѣ“ (VII, 115—135).

О погребеніи гр. Н. М. Каменскаго въ Одессѣ (VIII, 26—39).

Мининъ-воинъ (X, 39—42).

Ив. Вас. Хабаръ-Симскій (XI, 1—8).

Старинныя свойства казаковъ, выписка изъ лѣтописца Малой Россіи, помѣщеннаго въ „Историческомъ Магазинѣ“ Ф. Туманскаго (XII, 14—39).

Разсмотрѣніе грамоты, писанной московскими обывателями въ разные города въ генварѣ 7119 г., во время междоцарствія (XII, 40—65).

Анекдоты: братская любовь—братъ за брата пошелъ въ солдаты (I, 128—130); храбрость русскаго шт.-капитана Сенежацкаго на Финскихъ водахъ (I, 131—135); деревенская честность (II, 28—34); нѣкоторыя происшествія изъ жизни благодѣтельнаго человѣка бригадира Ш., В. Ш—ва, изъ Курска (VI, 1—28); великодушный поступокъ служителей корабля Невы, уступившихъ соль жителямъ Камчатки (VI, 70—72); праздничество въ страннопріимномъ домѣ гр. Шереметева, N. N. (VII, 92—99); признательность крестьянская, Ор—ъ (VIII, 75—87); добродѣтели русскихъ слугъ (VIII, 103—123); съ рѣки Оскола: офицеръ, пожертвовавшій жизнью за спасеніе начальника (XII, 109—113).

2. *Повѣсти и беллетристика въ прозѣ:*

Модный разговоръ (III, 85—102).

Памятникъ доброму отцу, письмо Милены изъ окрестностей гор. Б., М... (IX, 123—135).

Добродѣтель побѣждаетъ мечты воображенія, русская повѣсть (X, 3 — 38; XI, 9—68).

Мода и добросердечіе, именинный подарокъ, семейственное представленіе (XII, 68—89).

3. *Статьи прозаическія:*

Мысли о переводѣ К. Б. Г. съ примѣчаніями издателя „Рус. Вѣстн." (II, 35—52).

Благодѣяніе изъ города Б... (II, 91—107).

Пятое письмо Артемья Булатова, или богатырскія воспоминанія въ селѣ Громиловѣ, относящіяся къ Суворову (III, 1—79).

Выписки изъ французской книги, изданной въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: Юношество, наставляемое по правиламъ Фенелона, или избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей о нравственности и о вѣрѣ (V, 46—68).

Постоянство моды, письмо пожилаго сельскаго жителя, изъ города Р. (VI, 29—39).

Замѣчанія о языкѣ славянскомъ и русскомъ или свѣтскомъ нарѣчіи, Ѳ. Глинки (VII, 52—92).

Нравственное объясненіе нѣкоторыхъ словъ и рѣченій (VIII, 87—103).

Мысли и чувствованія при видѣ благодѣянія и облагодѣтельствованныхъ, — Н. Д. Пашковъ, кн. Н. В. Репнинъ, читатель „Вѣстника" близъ Путивля, с. Богданка (IX, 107—123).

Краткое разсужденіе о поучительныхъ словахъ и выписка изъ проповѣдей Гедеона (X, 42—68).

И въ несчастіи можно служить обществу, В. Б. Щ. изъ Иркутска (X, 69—77).

Опыты воспитанницъ института въ прозѣ: письмо къ молодой пріятельницѣ, Тат. Васильевой; любовь къ отечеству, Ол. Позняковой; добродѣтельный человѣкъ, Дар. Редеръ; терпѣніе, Алекс. Чурилоной; Петръ Великій, Ол. Васильевой; о томъ же, Екат. Мельгуновой; весна, Тат. Васильевой (X, 108—145).

4. *Библіографія, рецензіи и выписки:*

Замѣчанія на одно мѣсто изъ книги: Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго со свойствами и дѣлами Петра Великаго, изд. 1810 г. (II, 108—126).

Шестая часть сочиненій Ипп. Богдановича (IV, 47—50).

Письмо о Крымѣ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ, русскій переводъ съ подлинникомъ (IV, 51—52).

Выписка изъ II-й части путешествія вокругъ свѣта кап. Крузенштерна С.-Пб 1810 г. (IV, 60—80).

Выписка оттуда же: добродѣтели камчадаловъ и чукчей (VIII, 9—26).

О двухъ иностранныхъ книгахъ, изданныхъ въ пользу юношества: 1) подарокъ на 1809 годъ, или собраніе нравоучительныхъ повѣстей, стиховъ и прозы, касательно воспитанія; 2) Вольтеръ для юношества (VI, 43—85).

Выписка изъ разговоровъ о словесности, сочиненныхъ Ал. Сем. Шишковымъ,— разговоръ о русскихъ пѣсняхъ (V, 80 — 130); оттуда же о русскихъ пословицахъ (VII, 8—43), съ нѣкоторыми прибавленіями издателя.

Выписка изъ русской книги, названной: Собраніе отрывковъ, взятыхъ изъ нравственныхъ и политическихъ писателей, изданныхъ Г... 1811 г. (VI, 73—86).

Выписка изъ XI книжки „Военнаго Журнала" сравненіе русскихъ воиновъ во время Семилѣтней войны съ воинами Фридриха II (VI, 120—135), съ послѣсловіемъ издателя.

Священная исторія въ пользу юношества, изданная на французъ. яз. Проніякомъ: Духъ христіанскихъ ораторовъ, или нравственность христіанская, изъ сочиненій Боссюэта, Бурдалу, Массильона и пр., издана на франц. яз.; римская исторія, изданная на франц. яз. 1809 г. (VIII, 55—71).

Выписка изъ новой французской исторіи, изданной Лакретелемъ въ 1810 г., и изъ другихъ сочиненій, съ прибавленіемъ замѣчаній о французскихъ вольнодумцахъ или лжеумствователяхъ XVIII вѣка (X, 81—107); вторая выписка оттуда же (XI, 121—138).

О книгѣ подъ названіемъ: извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игн. Фера. Ферапонтовѣ, собирателѣ оныхъ (X, 157—163).

1812 годъ.

А) *Стихотворенія:*

С. Н. Глинка: стихи на заложеніе въ Новочеркасскѣ храма во имя Александра Невскаго (I, 70—73); русскимъ воинамъ, по прочтеніи приказа о выступленіи гвардейскихъ полковъ (№№ 111, 115—118); на тотъ же предметъ (IV, 96—102); стихи написанные по прочтеніи манифеста о новомъ наборѣ рекрутъ (IV, 103); стихи на отъѣздъ Государя изъ Петербурга (V, 125—127); на отличіе гвардейскихъ полковъ въ началѣ военныхъ дѣйствій (VIII, 73—76); стихи гр. Ф. В. Ростопчину (VIII, 76—79); голосъ русскаго народа, по случаю прибытія Государя въ Москву (VIII, 80—82); стихи по случаю собранія дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ 15 іюля 1812 г. (IX, 31—34); стихи по прочтеніи письма преосвященнаго Платона, съ препровожденіемъ Государю образа Сергія Радонежскаго (IX, 94—97); стихи по прочтеніи рескрипта Екатерины Павловны о пожертвованіи рекрутъ (IX, 98—99); стихи на манифестъ, данный въ Москвѣ 18 іюля 1812 г. (IX, 100—102); стихи на побѣду гр. Витгенштейна (IX, 140—143); стихи на пожертвованіе въ пользу ополченія имп. Маріи Ѳеодоровны (X, 63—66); стихи генералу Раевскому (X, 79—81); къ воинамъ московской силы, вышедшимъ въ походъ 14 августа (X, 93—94); посвященіе брату моему и другу Ф. Н. Глинкѣ (XI, 108); стихи за доброе дѣло Я. К. Ш—у (VI, 117); стихи по случаю извѣстія о нашествіи непріятеля (VII, 77—86); молитва къ Богу при воспоминаніи Полтавской побѣды (VIII, 90—93); пѣснь русскихъ поселянъ русскимъ воинамъ (VIII, 13—18); М. М. К., при посылкѣ розъ въ день ея именинъ (V, 116—118).

Ф. Н. Глинка: надгробная надпись Л—ъ П—мѣ Г—кой (VI, 118); мечтанія на берегахъ Волги (XII, 134—144).

Н. Шатровъ: ода изъ псалма 2 (I, 74—79); ода изъ псалма 92 (II, 40—46); переложеніе 19 псалма (V, 102—103).

С. Аксаковъ: три канарейки, басня (VII, 57—61).

М. Булгаковъ: при воззрѣніи на памятникъ Великой Екатерины (VII, 56).

А. Писаревъ: любовь къ отечеству (VIII, 45—49); Польскій на прибытіе императорской арміи въ Вильну (49—51).

Ламанскій: чувствованія вѣрноподданнаго при прочтеніи призыва къ защитѣ отечества, обнародованнаго 10 іюля 1812 г. (X, 20—29).

Я—ч—Б—ъ: пѣснь задунайскихъ героинь (II, 13—22).

Н. Н.: переложеніе нѣкоторыхъ изреченій изъ 16 главы книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (III, 45—47); любовь къ родинѣ.

С. С.: неумѣренное желаніе, басня (III, 48—51); паденіе Вавилона, переложеніе изъ книги пророка Іеремія (VII, 48—55).

М—ъ З—ъ, изъ Тамбова (III, 83—86).

Петръ Петровскій: изображеніе Россіи (I, 24—27).

Ев. Мосцепановъ (изъ Одессы): жертва благодарности г. А. С. Б. (I, 97—101).

А. В.: стихи, написанные по прочтеніи приказа дѣйствующимъ арміямъ, по случаю вѣроломнаго разрыва мира французами (VIII, 88—89).

П. П.. въ (въ селѣ Лысковѣ): ночныя размышленія 1 ноября 1812 г. (XI, 16—26).

Безъ подписи: калужскаго жителя—чувствованія калужскихъ жителей по пріѣздѣ ген. Милорадовича (IX, 128—129); изъ С.-Петербурга—стихи на единогласное избраніе Кутузова начальникомъ с.-петербургскаго ополченія (IX, 130—131).

Б) Прозаическая часть.

1. Статьи изъ русской исторіи:

Обѣты русскихъ воиновъ (I, 1—24); подвиги окольничаго Бутурлина въ Грузіи; битва кн. А. В. Голицына и кн. Б. М. Лыкова съ самозванцемъ подъ Каширою; гибель протопопа софійскаго Амоса при нападеніи на Новгородъ Де-Ла-Гарди; освобожденіе Брянска воеводою кн. В. Масальскимъ изъ осады третьимъ самозванцемъ.

Подвиги Прокопія Ляпунова во время междуцарствія (II, 1—12); разсмотрѣніе двухъ отписокъ его въ то же время (III, 1—45; IV, 1—38).

Посольство въ Россію гр. Карлиля, изъ книги: Извѣстіе о посольствѣ 1663—64 графа Карлиля отъ короля Карла II (II, 47—82).

Благодарность за русское гостепріимство: извѣстіе Лаперуза о пребываніи въ Камчаткѣ въ 1787 г. (III, 52—65).

Подвигъ гренадера Лукіана Мирошникова и другаго гренадера въ Турецкую кампанію 1809—10 г., сообщ. Зос. Ромашковъ (IV, 81—87).

Приверженность и усердіе русскихъ къ памяти своихъ вѣнценосцевъ,—постановка жителями на мѣстѣ ящика съ грамотою импер. Екатерины въ залѣ Московскаго благороднаго собранія (V, 121—124).

Четыре рускіе матроса на островѣ Спицбергенѣ (VII, 3—37).

Миролюбіе Петра Перваго (VIII, 1—12).

Непреодолимая любовь русскихъ къ родинѣ, или переходъ русскаго воина (Николая Слободкина) изъ Гишпаніи въ Россію (VIII, 19—30).

Приверженность русскихъ къ имени своего государя (VIII, 52—61).

Нѣкоторые отрывки, относящіеся къ предписаніямъ Суворова (IX, 12—30).

2. Изъ эпохи отечественной войны:

Мысли о вѣроломномъ вторженіи французовъ въ предѣлы Россіи (IX, 1—12).

Рѣчь русскаго помѣщика крестьянамъ своимъ при отправленіи ратниковъ (IX, 85—91).

Рѣчь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крылацкаго, что близъ Хорошева (IX, 91—93).

Непоколебимость русскихъ правилъ, или сходство увѣщаній Святѣйшаго Синода съ старинными древними увѣщаніями (IX, 102—110).

Неизмѣнность французскихъ злоумышленій противъ Россіи (IX, 110—115).

Мысли по случаю дворянскихъ собраній въ С.-Петербургѣ (IX, 116—121).

Усердіе русскаго купечества къ военнослужащимъ (IX, 121—125).

Примѣчательное изреченіе въ воззваніи принца Георгія Голштинскаго къ Новгородскому дворянству (IX, 126—128).

Злоумышленность французскихъ военныхъ правилъ (X, 36—46).

Добродѣтельный подвигъ мѣщанина Семена Зунькова, сообщ. Ѳед. Павловичъ (X, 50—55).

Подвигъ крестьянина Суеты, или за правду и честь приготовься и голову несть (X, 56—57).

Послушный сынъ (X, 58—62).

Крестьянскій разговоръ (X, 66—78).

Дружеское посланіе главнокомандующаго въ Москвѣ гр. Ростопчина къ ея жителямъ (X, 82—86).

Благодарность жителей Москвы за дружеское посланіе (X, 86—89).

Подвигъ смоленскаго дворянина П. Ник. Клочкова (X, 89—90).

Пожертвованіе и великодушное терпѣніе смоленскаго дворянина Ник. Мих. Колячитскаго (X, 91—93).

Вѣрный смоленскій служитель Давидъ Алексѣевъ (X, 94—96).

Письмо писанное въ нашу армію раненымъ офицеромъ, попавшимъ въ плѣнъ къ французамъ, и доставленное чрезъ дезертира прусака, гр. Ростопчина (X, 97—118).

3. Повѣсти:

Старый другъ лучше новыхъ двухъ, русская повѣсть (I, 28—70).

Льстецъ и праздполюбъ, Ив. Ламанскаго (X, 30—35).

Побѣжденное безбожіе, или торжество отцовской любви, нравоучительная, повѣсть съ предувѣдомленіемъ (XI, 27—102).

Краткія выписки изъ рус. комедіи „Вѣсти", „Рус. Вѣст." 1808 (IX, 132—139).

4. Прозаическія статьи:

Рѣчь Дм. Кострубо-Корицкаго на прибытіе тѣла архіеписк. херсонскаго и таврическаго Платона въ Николаевъ монастырь (I, 80—84).

Воспоминанія о Кремлѣ, К. Пучковой (IV, 49—64).

Напоминанія на могилѣ проф. Рижскаго, Анд. Врб—цкій (IV, 94—96).

Опытъ о народномъ нравоученіи, № V: 1) необходимость народнаго обученія, возраженія Леклерку (1—22); 2) воспоминаніе первоначальныхъ общественныхъ правилъ (22—30); 3) первоначальныя общественныя понятія, почерпнутыя изъ священной и народной нравственности (30—44); 4) нравственность общенародная сохраняется воспитаньемъ или ученьемъ (45—49); 5) нравственность народная всегда измѣняется отъ одинакихъ причинъ (49—60); 6) мысли о нравственной и отечественной общенародной исторіи (60—71); 7) крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, побѣдитель лести и избавитель царя Михаила Ѳеодоровича, нравственное и историческое повѣствованіе (72—94).

№ VI: 1) Мининъ (5—28); 2) о силѣ нравственнаго воспитанія и о томъ, откуда Мининъ заимствовалъ нравственныя качества и познанія (29—52); 3) замѣчанія на нѣкоторыя иноплеменныя сказанія о нравственности русскаго народа,—Леклеркъ (52—70); 4) общенародное нравственное ученіе утверждается частымъ напоминаніемъ (70—77); 5) союзъ семейственный и родственный утверждаетъ всѣ прочія общественныя сѣти (77—83); любовь къ отцамъ, матерямъ и привязанность къ роднымъ (83—87); уваженіе къ господамъ (87—90); 6) заключеніе (90—106).

Рѣчь Димитрія Донскаго къ войску предъ сраженьемъ на Куликовомъ полѣ, Ив. Ламанскаго (VI, 119—126).

Замѣчанія и мысли старожиловъ, т. п. л. к. изъ деревни (VII, 37—47).

Молитвы русскихъ при ополченіи на брань (VII, 81—87).

Вѣра спасаетъ Гишпанію (VIII, 30—44).

О московскихъ вывѣскахъ (VII, 62—72).

Примѣчаніе объ Ангарѣ и Байкалѣ, стихотворное мнѣніе о происхожденіи Байкала и воззваніе къ безсмертному пѣвцу Бога и Фелицы (IX, 34—84).

Разговоръ Артемія Булатова съ Молодовымъ, ближнимъ сосѣдомъ села Громилова (X, 1—20).

Добродѣтели гражданскія и воинскія (X, 46—49).

Смоленскъ; кладъ; цыгане; село N; почта; село П., церковь, гостепріимство; Георгій, добродѣтельный священникъ села П.; женщины, какихъ мало; страданіе бѣдныхъ поселянъ отъ недостатка въ лѣкаряхъ; сѣтованіе поселянки; Ржевъ; чудная плотина и мельница на Волгѣ; можно ли летать на крыльяхъ; плаваніе по Волгѣ; второй день плаванія; примѣти гребцовъ; третій день плаванія; прибытіе въ Зубцовъ (XII, 2—134).

5. Библіографія.

Статьи о семейственномъ воспитаніи, или увѣдомленіе о книгѣ, издаваемой А. С. Шишковымъ, подъ названіемъ „Собраніе дѣтскихъ повѣстей" (II, 90—100).

Полезная книга для перевода: о жизни, твореніяхъ и законодательствѣ Мишеля Госпиталя, французскаго канцлера (II, 23—39).

Увѣдомленіе о книгѣ: „Описаніе въ лицахъ торжества 5 февраля 1626 г. бракосочетанія цар. Михаила Ѳеодоровича съ Евд. Лук. Стрѣшневою“ (III, 90—105).

Увѣдомленіе о книжкѣ, подъ названіемъ: „Высочайше утвержденныя правила Харьковскаго общества благотворенія“ (III, 108—114).

Выписка изъ книги, изданной вице-адмираломъ Сарычевымъ, подъ названіемъ: „Путешествіе кап. Биллингса чрезъ Чукотскую землю и плаваніе кап. Галла по сѣверо-восточному океану“ (IV, 65—80).

Мысли, написанныя по прочтеніи „Разсужденія о любви къ отечеству“, А. С. Шишкова (VI, 105—116).

Истинная любовь къ отечеству заключается въ особенномъ усердіи къ родной старинѣ, выписка изъ иностранной книги съ замѣчаніями (VII, 62—76).

1813 годъ.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: благодарственная пѣснь Богу, правителю Россіи (I, 3—6); стихи на день рожденія импер. Елизаветы Алексѣевны (I, 74—75); исповѣдь Наполеона французамъ (I, 100—105); стихи на крестный ходъ на другой день послѣ освященія Архангельскаго собора (III, 3—5); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, за благосклонное принятіе „Русск. Вѣстн.“ (III, 74); пѣснь русская отцу Россіи, по случаю занятія Варшавы (III, 75—78); признательность русскаго царя къ русскому полководцу (III, 79—80); стихи ген. Милорадовичу (III, 81); посланіе къ Вл. Ал. Глинкѣ (III, 81—88); къ храбрымъ Донцамъ (IV, 6—8); стихи вел. кн. Николаю и Михаилу Павловичамъ, по случаю подписки на „Рус. Вѣсти.“ (IV, 106—108); русскій царь за предѣлами Россіи (VI, 85—88); молитва къ Богу при полученіи извѣстія о побѣдѣ (VI, 88—92); стихи ген. Барклаю-де-Толли послѣ взятія Торна (VII, 87); къ издателямъ „Сына Отечества“ (VIII, 83); къ русскимъ героямъ за границу отъ ихъ соотечественниковъ (X, 103—106); стихи ген. Бердяеву за доставленіе извѣстія (X, 107—108); благодарные стихи государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (X, 114—117); благодѣтельному врачу Ф. Ад. Корну (X, 120—121); мысли при извѣстіи о приступленіи къ союзу императора австрійскаго (X, 123—125); стихи на день тезоименитства имп. Александра I (X, 142—147); стихи на день тезоименитства государыни Елизаветы Алексѣевны (XI, 52—53); издателю „Русскаго Инвалида“ (XI, 59—60); стихи гвардейскимъ воинамъ (XI, 90—93); гласъ московскихъ жителей отцу-государю за границу (XI, 96—97).

Ф. Ивановъ: на разрушеніе Москвы (VII, 3—8).

Н. Шатровъ: молитва Израильскаго народа (IV, 75—81).

Жуковскій: изображеніе русскихъ полководцевъ (изъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“) (V, 5—14).

Н. Ильинъ: солдатская пѣсня (I, 83—85).

Кн. Шаликовъ: къ портрету кн. Багратіона (I, 95); пѣснь отечеству (II, 54—59); стихи импер. Елизаветѣ Алексѣевнѣ (II, 60—62).

Пав. Голенищевъ-Кутузовъ: ода на истребленіе враговъ и изгнаніе ихъ изъ отечества (II, 3—11).

Н. Николевъ: возвращеніе тирана Наполеона во Францію (II, 108—117); отголосокъ сердечной лиры герою Милорадовичу (VII, 68—74).

Кн. Н. Кугушевъ: кн. Ѳедоръ Рязанскій и кн. Юрій Муромскій (VI, 3—15).

Н. Бирюковъ: пѣсня моимъ соотечественникамъ (III, 36—39).

Н. И.: буря (I, 76—82).

Изъ села Старорусина: къ чему и не лучше ли (III, 67—72); побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Русской (V, 30—47).

А. Х.: признательность, вѣрою внушаемая (III, 73).

*Б**: стихи по прочтеніи манифеста 8 ноября 1812 г. (IV, 3—5); двѣ басни: волкъ и пастухъ; морякъ, валъ и утесъ (IV, 19—23).

Безъ подписи: пѣвецъ на гробахъ братьевъ-воиновъ россіянъ (XII, 88—95).

Н. Н.: кошка и курица, басня (IV, 62—64).

А. Писпревъ: стихи на подвиги двухъ смоленскихъ помѣщиковъ Энгельгарда и Чубина (XII, 86—87).

С. Г.: благодарность А. П. Т. (IV, 101); стихи на кончину Кутузова (VI, 93—98).

Гр. Волковъ: пѣснь Богу по истребленіи враговъ Россіи (V, 3—4).

П. Сенькинъ: шаманство (V, 27—29).

В. Колосовъ: двѣ надписи къ портрету Кутузова (V, 81); надгробная проф. П. И. Страхову (V, 82); ген.-лейтенанту Дм. Дм. Шепелеву (V, 83—84); пѣснь богатырямъ русскимъ (VI, 47—49).

С. Юшковъ: русская пѣсня на освобожденіе Москвы (VII, 9—14).

Инвалидъ, изъ Тамбова: жертва храбрымъ россіянамъ (VIII, 3—13).

Изъ села Загорья: солдатская пѣсня въ память кн. Кутузова (VIII, 73—77).

И. Н. Ч—въ: стихи въ память кн. Кутузову (IX, 3—6).

А. Н.: русская пѣсня во время занятія Москвы непріятелями; пѣснь соотечественникамъ на прогнаніе злодѣевъ (X, 15—27).

В. Левшинъ: надпись къ побѣдамъ кн. Суворова (X, 28—29); надписи къ портрету Кутузова (X, 30—31).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

Отчетъ харьковскаго благотворительнаго общества (II, 34—53).

Отступленіе Петра I изъ Польши къ отраженію Карла XII и замѣчанія на слова иностранныхъ Вѣдомостей (IV, 88—100).

Воззваніе къ жителямъ Италіи, да расторгнутъ они иго иноплеменниковъ, изъ соч. Макіавеля (VI, 43—46).

Учрежденіе Библейскаго Общества въ С.-Петербургѣ (VII, 88—99).

О правахъ французовъ, особенно отъ исхода прошедшаго столѣтія до сего времени (VIII, 14—55).

Свидѣтельство о извергахъ французскихъ изъ предписаній Екатерины II и Павла (IX, 72—94).

Письмо ген. Бердяева о подвигѣ унтеръ-офицера Мальцева въ Турецкую войну 1810 г. (XI, 15—27).

Общій гласъ морскихъ офицеровъ вице-адмиралу Сенявину 9 іюня 1809 г. (XI, 28—36); нѣкоторыя о немъ подробности, Е. М. (37—51).

2. Изъ эпохи войнъ съ французами:

О московскомъ пожарѣ (I, 7—15).

Рѣчь въ воспоминаніе русскихъ воиновъ, умершихъ на полѣ брани (I, 16—27).

Почему опасно Наполеоново правительство (I, 52—58).

Наполеонъ въ Россіи (I, 59—73).

Мысли по прочтеніи манифеста о помилованіи виновныхъ въ бывшихъ польскихъ и литовскихъ областяхъ (I, 86—94).

Воины-земледѣльцы (I, 106—111; II, 12—33; III, 26—35).

Возраженія на клеветы, вымышленныя на гр. Ростопчина Наполеономъ Бонапарте (II, 67—88).

Клеветы о зажигательствѣ Москви (II, 89—107).

Краткое описаніе болѣзни, появившейся въ Московскомъ уѣздѣ со времени прихода французовъ въ Москву, ад. фармаціи В. Воробьевскаго (II, 118—134).

Наполеонъ въ Москвѣ (III, 6—19).

Вѣра, вѣрность и терпѣніе суть главныя свойства россіянъ, съ выписками изъ Державина (III, 20—25).

Раздумье Наполеона въ жидовской бричкѣ (III, 40—63).

Подвигъ есаула Елаткова (III, 64—67).

Злоумышленіе Наполеоново касательно Варшавы (III, 82—85).

Плачъ добраго французскаго отца семейства о смерти шестаго и послѣдняго сына, погибшаго въ походъ Наполеона (IV, 9—18).

Образецъ самохвальства и наглости слога, или первое посланіе въ Москвѣ Наполеона Бонапарте къ французскимъ солдатамъ (IV, 24—48).

Подробныя замѣчанія А. Я. Б—а на первое посланіе Наполеона (IV, 49—61; V, 48—64; VI, 50—71).

О бытности французовъ въ Москвѣ, изъ дневныхъ записокъ самовидца, И. А. Тутолмина (IV, 65—74; V, 15—26).

Безстыдство Наполеона и маршаловъ его (IV, 82—87).

Умѣренность русскихъ воиновъ и невоздержность французскихъ солдатъ (IV, 102—105).

Письмо гр. Ростопчина къ издателю (V, 65—75).

Возраженіе на пустословіе французское 1804 г. и сходственное съ обстоятельствами 1812 года (VI, 16—33).

Мысли по прочтеніи воззванія къ германскимъ государямъ изъ русскаго стана (VI, 34—42).

Мысли изъ посланія казака Ермолая Гавриловича къ атам. Платову (VI, 71—84).

Письмо изъ Одессы Н. Т. о Наполеонѣ, ругательное (VI, 98—100).

Бонапартьевское пораженіе (VII, 15—23).

Сельская бесѣда (VII, 75—86).

Рѣчь московскаго градоначальника воинамъ-поселянамъ при раздачѣ высоч. наградъ (VIII, 78—80).

По случаю ввезенія въ С.-Петербургъ тѣла кн. Кутузова, соч. И. Наумовъ (VIII, 84—89).

Сонъ Наполеона въ Парижѣ по возвращеніи изъ Россіи, Б. (VIII, 92—112).

Уваженіе англичанъ и другихъ народовъ къ подвигамъ Платова (VIII, 113—117).

Разговоръ атам. Платова съ донскими генералами Иловайскимъ и Карповымъ; приказъ Платова о вспомоществованіи Донскому монастырю, сооб. Краснокутскимъ (IX, 51—61).

Пѣснь плачевная о разореніи Москвы, графа Б. (IX, 62—71; X, 32—39).

Письмо русскаго отца (X, 3—14).

Адскія выдумки французовъ къ истребленію законныхъ правителей и человѣчества (X, 40—52).

Разговоръ съ Наполеономъ хорунжаго Попова, посланнаго во французскую армію съ пакетомъ на имя ген.-ад. графа Шувалова 18 мая 1813 г. (X, 66—75).

Примѣчанія на этотъ разговоръ издателя (X, 76—91).

Краткія замѣчанія о различіи государственныхъ полководцевъ (Кутузова, Румянцева) отъ вождей изверговъ (Наполеона) (XI, 8—14).

Перечень изъ письма англичанина Людвага Гольдсмита къ генералу Платову (XI, 64—82).

Ландекъ въ Силезіи, описаніе А. Краснокутскаго 1813 года (XII, 20—40).

Воспоминанія о воинахъ бородинскихъ 26 августа 1813 г. (XII, 59—67).

Несчастія Гавриилы Иванова, комиссара Московской Сенатской типографіи во время злодѣйствъ французовъ въ Москвѣ (XII, 68—72).

2. Повѣсти:

Добрые русскіе помѣщики, отечественная повѣсть (I, 28—51).

Сельскій праздникъ и русскій староста (XI, 83—90).

Мысли пустынника, подп. Лѣсной житель, вѣроятно Палицынъ (XII, 3—19).

3. Статьи не относящіяся къ беллетристикѣ:

Отрывки изъ проповѣди, говоренной 22 іюня 1813 г. въ Троицкой лаврѣ: „о любви къ отечеству" (XII, 54—58).

Мысли К. И. В—го при чтеніи рѣчи о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство (IX, 7—27).

Замѣчанія на нихъ издателя (IX, 28—50).

Гласъ россіянина къ единоземцамъ о французскомъ воспитаніи, Гавр. И. Ермолова (X, 53—65).

Замѣчанія на французолюбцевъ старика, живущаго въ окрестностяхъ Петербурга (XII, 41—53).

Надгробная рѣчь послѣ отпѣванія въ Троицкомъ соборѣ тѣла митроп. Платона, проф. Неофита (XI, 3—7).

4. Критика, библіографія и выписки изъ книгъ:

Извѣстіе о книгахъ: подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ французскую армію въ 1812 г. (III, 89—94); мысли престарѣлаго россіянина въ первый день января 1813 г. (95—97); отступленіе французовъ, С.-Пб. 1813 г. (98—100).

Замѣчанія при чтеніи книги: историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ (VII, 24—67).

Извѣстіе о новой книгѣ: русскіе и Наполеонъ Бонапарте, соч. московскаго жителя 1813 г. (VIII, 63—72).

1814 годъ.

А) Стихотворенія.

С. Н. Глинка: стихи новорожденному гр. Ростопчину (I, 64—65); царю-отцу, послѣ Лейпцигской битвы (I, 90—94); посвященіе гр. Платову (II, 3—6); стихи вел. кн. Константину Павловичу на полученіе Георгія 2 степ. (II, 140—141); стихи доброму отцу на радостное извѣстіе о сынѣ (II, 142); стихи на день рожденія Александра I (IV, 61—62); благодарственная пѣснь Богу о взятіи Парижа (X, 58—63); стихи фельдмаршалу Барклаю де-Толли (X, 63—65); стихи на вступленіе въ Парижъ Государя Императора (X, 75—80); стихи Ег. Бор. Фуксу (XI, 70—73); стихи на миръ; русская пѣсня на ожиданіе Государя Императора (XII, приб. 101—107); торжество въ Павловскѣ 17 іюня 1814 (XIII, 38); стихи гр. Платову на пріѣздъ въ Кіевъ (XIII, 42—43); посланіе А. Г. Краснокутскому (XIII, 49—51); стихи кн. А. И. Горчакову, при чтеніи его рѣчей къ с.-петербургскому ополченію (XIII, 60 — 61); стихи на прибытіе имп. Александра I въ Россію (XIII, 74—76); стихи гр. Милорадовичу (XIV, 52—60); стихи на новое празднество въ Павловскѣ (XIV, 72—74); русская пѣсня на подвигъ знаменитаго Донскаго войска (XV, 50—54).

Державинъ: свыше благословенному приношеніе (XI, 26—51).

Б. Ѳедоровъ: стихи на отъѣздъ вв. кк. Николая и Михаила Павловичей (XIII, 29—31).

Писаревъ: стихи на совершенное истребленіе непріятельскихъ войскъ въ Россіи (I, 58—60).

А. а, Н. а: русская пѣсня въ честь царя орла (I, 60—64); пѣснь россіянки на взятіе Парижа (XI, 52—60); надгробная милому брату (XIV, 69).

Дм. Гамбовъ: чувствованія русскаго въ Кремлѣ (II, 135—139).

Ф.: бояринъ Рѣшемыслъ (IV, 3—9).

А. П—ъ: хоръ при открытіи благороднаго собранія въ Москвѣ 12 декабря 1813 г. (IV, 62—65).

Н. Овдулинъ: торжество вѣры и добродѣтели (IV, 74—75).

Изъ Тамбова: отрывокъ изъ повѣсти о князѣ Мстиславѣ (V, 3—11).

Россіянка: злоба и благость (V, 58—59).

Кн. Н. Кугушевъ: изліяніе сердечныхъ чувствъ при отъѣздѣ Государыни за границу (IX, 54—57).

И. Г.: стихи кн. Дм. Ив. Лобанову-Ростовскому (XI, 67—69).

И. Кайленскій: стихи написанные въ Парижѣ, взглядъ на кабинетъ Бонапарта въ Шато-Тріенъ (XI, 69—70).

Докт. и проф. Іасонъ Петровъ: пѣснь славянина Москвы при всеобщемъ торжествѣ Европы 1814 года (XII, 3—5).

Ф. К—шъ (Коршъ): память супругѣ отъ супруга (XII, 29—31).

Н. Роговъ: стихи Г. Р. Державину; надписи къ портрету м. Платона (XII, 41—44).

Изъ Твери: безъ заглавія, послѣ разоренія, марта 1813 г. (XII, 54—57).

Изъ села Заліесья: воззваніе къ Екатеринѣ II; Хлоръ-царевичъ, сказка, заимствованная изъ сочиненій Екатерины II (XIII, 3—20).

С. С.: отрада въ скорби (XV, 55—56).

В) Стихи прозаическіе.

1. Статьи историческаго содержанія:

Воспоминаніе о кн. Кутузовѣ-Смоленскомъ (I, 3—50).

Выписка изъ грамотъ, разсылавшихся по Россіи во время междоцарствія, 1610—1613 гг. (I, 51—54).

Отправленіе государемъ Павломъ Суворова сына въ Италію (I, 55—56).

Нѣкоторыя изреченія Суворова и относящіяся къ нему (I, 56—58).

Заслуги отечеству русскаго посланника Як. Ив. Булгакова (III, 5—93, вся книжка).

Какимъ образомъ лжеумствователи французскіе развращали народъ (IV, 15—22).

Привязанность къ Москвѣ Румянцева и Суворова (XI, 3—9).

Рѣчь имп. Екатеринѣ смоленскаго предводителя П. Я. Повало-Швейковскаго 25 марта 1776 г. (XIII, 51—57).

Замѣчанія на „Слово Петру Первому“ Фонтенеля, письмо сельскаго учителя С. Ж. (XIV, 3—37).

Четыре письма изъ Цареграда къ Екатеринѣ II Я. И. Булгакова 1781 г. (XV, 3—29).

2. Статьи относящіяся къ войнамъ съ французами:

Подробное извѣстіе о пребываніи въ Лондонѣ донскаго козака, записано Краснокутскимъ (I, 66—86).

Подвиги донскихъ войскъ въ Отечественную войну (II, 7—97).

О давнемъ злоумышленіи французовъ противъ Россіи, изъ сочиненій Петрова (IV, 23—37).

Записка о происшествіяхъ во время нашествія враговъ въ селѣ Островѣ и селеніяхъ къ нему принадлежащихъ, граф. Орловой-Чесменской (IV, 37—59).

Замѣчанія на нѣкоторыя замѣчанія о Москвѣ (V, 11—27); догадка крестьянъ (V, 62).

Нѣсколько анекдотовъ о солдатѣ и крестьянахъ въ 1812 г., дост. С. Х. (V, 42—57).

Письмо офицеровъ уланской колонны къ начальнику кн. Горчакову (V, 60—61).

Можетъ ли Наполеонъ не быть завоевателемъ (V, 79—97).

Воспоминанія о московскихъ происшествіяхъ отъ 11 іюня 1812 г. до изгнанія враговъ (IX, 3—51; X, 3—47).

Побѣдоносный Александръ во храмѣ Вышняго, Е. Ф—ъ (IX, 51—54).

Подарокъ гр. Милорадовича русскимъ воинамъ въ сраженіи подъ Краснымъ (IX, 57—60).

Переводъ письма гр. Платову башкирскаго старшины Кутнугелдея Темировича (IX, 64—66).

Мысли при чтеніи манифеста 6 декабря 1813 (XI, 15—25).

Благодарность австрійскаго императора русскому чиновнику за человѣколюбивый подвигъ (XI, 63—66).

Благотворительное общество въ Пензѣ во время нашествія враговъ (XII, 32—41).

Собранія въ Вноаніи по случаю взятія Парижа (XIII, 36—42).

Прибавленіе къ походу французовъ въ Дмитровъ, Д. Я—въ (XIII, 44—49).

Рѣчь произнесенная смоленскимъ дворяниномъ В—мъ О-мъ 16 іюня 1816 г. при избраніи чиновниковъ во временное ополченіе (XV, 40—49).

3. Статьи беллетристическія:

Отрывокъ изъ письма степнаго учителя о новыхъ французскихъ дядькахъ, М... (II, 99—107).

Замѣчаніе о французскихъ пансіонахъ (II, 107—114).

Прогулка по прежней Москвѣ (V, 27—42).

Письма русскаго офицера Ф. Н. Глинки (вся VI, VII и VIII книжки).

Новый Кузнецкій мостъ (XI, 9—14).

Выписка изъ рѣчи А. Ф. Мерзлякова на актѣ Московскаго университета 10 іюля 1814 г. (XIV, 37—49).

Русская правда, или мысли нижегородскаго помѣщика (XV, 30—40).

4. Текущія извѣстія:

Мысли о концертѣ данномъ Д. Н. Кашинымъ (IX, 60—64).

О смерти и погребеніи протоіерея І. Леванды (XIV, 61—65).

5. Библіографія и полемика:

Увѣдомленіе о книгѣ: жизнь Амвросія, архіепископа московскаго (IV, 59—60).

Письмо иркутскаго учителя Ѳедора Панаева: возраженіе на выписку изъ путешествія Крузенштерна („Русск. Вѣстн." 1816 г., XII, 9—23).

Замѣчанія при чтеніи французской книги: сокращенная россійская исторія, 1814 г. (XIII, 21—29).

1815 годъ.

А) Стихотворенія.

С. Н. Глинка: стихи гр. Милорадовичу, при полученіи его портрета (II, 75—77); стихи на прибытіе Милорадовича въ Москву, подп. московскій гражданинъ (III, 31—35); стихи благотворительнымъ офицерамъ Рязанскаго полка (III, 80—81); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, по случаю благосклоннаго отзыва о „Рус. Вѣстн." (III, приб.); стихи при чтеніи 4 изданія соч. Дмитріева (IV, 66—69); пѣснь благотворенію, посвящена имп. Маріи Ѳеодоровнѣ (V, 3—18); стихи въ день рожденія имп. Елизаветы Алексѣевны (V, 79—80); стихи русскому воину (VII, 37—38); посланіе къ Дм. Прокофьевичу Трощинскому; стихи М. А. Стороженковой; стихи гр. Милорадовичу (VIII, 41—47); пѣснь русскимъ воинамъ на возвращеніе въ отечество (IX, 24—27); при отправленіи на Донъ двухъ книжекъ: „вѣра, вѣрность и слава Донцовъ" и письмо Платову (IX, 51—55); стихи благотворительнымъ дѣтямъ (IX, 68—69); стихи благотворительному россіянину (1814, 72); стихи гр. Платову, при извѣстіи, что казаки уже за границею (X, 36—40); стихи на нынѣшнія происшествія (XI, 3—5); стихи благотвори-

тельному россіянину и отвѣтъ на его письмо; воспоминаніе славы Донцовъ (XI, 60—64); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ на отъѣздъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей (XII, 70—71); стихи при чтеніи письма гр. Платова (XII, 93—94); благодарственная пѣснь Богу послѣ первой побѣды союзниковъ въ 1815 г. (XIII, 56—58); голосъ благодарныхъ сердецъ въ день ангела имп. Маріи Ѳеодоровны (XIII, 76—80); голосъ русскихъ сердецъ въ день ангела царя-отца (XIV, 89—90); стихи по случаю извѣстія, что бюстъ гр. Платова поднесенъ въ Лондонѣ принцу-регенту (подп. любитель донской славы) (XV, 66—67).

Ф. Н. Глинка: привѣтствіе тихому Дону стараго казака Григ. Булатова (IV, 49—59); на кончину Н. М. Стороженко (VI, 60—68); пѣснь усердія въ обители Добрады (XIII, 43—53); стихи Императрицѣ, при поднесеніи писемъ русскаго офицера (XIII, 54—55); Е. И. Кристофовичу, по случаю поднесенія кубка офицерами (XIII, 69—71).

Н. Шатровъ: пѣснь Израильскаго народа на пораженіе Сеннахиримова войска IV, 47—62); воззваніе къ Россу, при извѣстіи о новыхъ замыслахъ Бонапарта (XI, 56—59).

Евл. Котельниковъ: отрывки занятій на маломъ досугѣ донскаго казака октября 1814 г. въ Варшавѣ (V, 82—86).

Ал. Ивановскій: посланіе къ благотворительницѣ генер. А. Е. Бар. А—ъ (XII, 75—77).

Л. О. С.: стихи гр. Милорадовичу (XII, 68—71).

Р. В.: посланіе къ сочинителю стиховъ, названныхъ „усердный зовъ" (XIII, 71—74).

Петръ Поповъ: гласъ усердія въ благословенный путь кораблю Рюрику (XV, 64—66).

В) Статьи прозаическія.

1. Статьи историческаго содержанія:

Бѣдствія и добродѣтели Нат. Бор. Долгорукой (I, 3—47).

Два письма Екатерины II-й (I, 47—49).

Уваженіе предковъ нашихъ къ воспитанію (I, 50—60).

Правила русскаго воспитанія, или нравственное разсмотрѣніе духовной кн. Владиміра Мономаха (II, 3—45).

Мысли и изреченія Екатерины II-й (II, 46—60).

Подвигъ любви къ отечеству и довѣренность къ Богу Ксеніи, въ инокиняхъ Маѳы Ивановны (III, 3—10).

Царевна Софія Алексѣевна, жертва властолюбія (IV, 3—11).

Неустрашимый русскій полководецъ Леонт. Як. Неклюдовъ (VI, 3—20).

О смерти Н. М. Стороженко, Ф. Глинки (VI, 50—60) съ письмомъ Милорадовича (68—73).

Письмо полк. Л. Я. Неклюдова (VII, 30—33).

Обозрѣніе добродѣтелей и заслуга россійскаго духовенства отъ Владиміра Св. до Петра (VIII, 3—48; IX, 3—24.)

Сватовство ц. Алексѣя Михайловича къ дочери бояр. Матвѣева (X, 3—11).

Старинное повѣствованіе о Петрѣ I, изъ рукописи (XIV, 7—30).

Нѣсколько собственноручныхъ писемъ Потемкина къ Суворову (XV, 3—23).

Краткое изъясненіе чертежа древняго города Казани и описаніе осады (XV, 34—64).

2. Статьи относящіяся до войны съ французами.

Сельскій праздникъ у добраго смоленскаго помѣщика, по случаю возвращенія его дѣтей, Г. Г. (Глинка) (II, 78—84).

Чувствованія русскихъ героевъ къ Государю (III, 35—39).

О пріѣздѣ гр. Милорадовича въ Петербургъ, Е. Ф. (III, 81—83).

О необходимости имѣть исторію Отечественной войны 1812 года, Ф. Глинки (IV, 25—49).

Дѣятельность кн. Д. И. Лобанова-Ростовскаго по заготовленію резервовъ (IV, 52—58).

Письмо гр. Милорадовича къ ген. Вадковскому (IV, 58—66).

Подвигъ смоленскаго дворянина въ 1812 г. (IV, 73—83).

Два празднества въ Варшавѣ въ честь Барклая де-Толли, Н. Смирновъ (VI, 37—44).

Мысль по случаю новаго покушенія буйнаго Наполеона (IX, 55—67).

Письмо гр. Платова новочеркасскому протоіерею Іоанну Долотину 10 декабря 1814 (IX, 69—71).

Претерпѣніе секретаря Разумова въ нашествіе Французовъ въ Москву (X, 40—46).

О новыхъ политическихъ затѣяхъ Наполеона Бонапарта (X, 63—71).

Замѣчаніе на дерзкое письмо Коленкура (XI, 42—55).

Нѣсколько приказовъ гр. Витгенштейна въ войну 1812 г. (XII, 3—30).

Злоумышленіе корсиканца Бонапарта противъ франц. генерала Моро (XII, 30—51).

Выписка изъ берлинскихъ вѣдомостей о благодарности русскихъ воиновъ къ попечительному врачу (XII, 56—59).

Мысли при чтеніи новой конституціи корсиканца Бонапарта (XII, 59—69).

Уваженіе герц. Александра Виртембергскаго къ русскимъ воинамъ (XII, 72—75).

Воспоминанія о дѣлахъ и смерти ген. И. С. Дорохова (XII, 77—89).

Письмо гр. Платова войсковой канцеляріи (XII, 89—93).

Подвигъ подп. Гладкова въ 1812 году (XII, 59—67).

Усердіе русскихъ воиновъ къ Государю и добрымъ начальникамъ (XIV, 30—42).

Жребій врага Европы и человѣчества, Е. Ф. (XIV, 43—45).

Желанія госуд. Маріи Ѳеодоровны русскимъ воинамъ (XIV, 66—73).

Письмо къ супругѣ покойнаго генерала Дорохова Гавр. Ермолова (XV, 73—77).

3. Статьи беллетристическаго содержанія:

Благодѣтельный русскій вельможа, полувымышленная повѣсть, Р. Р: (III, 10—30 IV, 11—25; XV, 78—86).

Подарокъ матерямъ семейства на новый годъ, или нравоучительныя письма (VI, 20—23; VII, 3—30).

Письмо къ другу изъ г. Павловска, Ф. Глинки (XIII, 3—42).

Второе письмо пустынника (Палицына) (XIV, 74—88; первое письмо, декабрь 1813 г.)

4. Прозаическія статьи, не относящіяся собственно къ беллетристикѣ:

О любви къ отечеству при чтеніи манифеста 30 августа 1814 г. (I, 66—72).

О состояніи бѣдныхъ и способахъ благотворить, Ф. Глинки (III, 40—50).

О природной способности русскихъ къ изящнымъ искусствамъ, Ф. Глинки (III, 51—59).

О нищихъ (VIII, 51—57).

Замѣчаніе о пользѣ умноженія врачей по уѣздамъ и дальнимъ городамъ (VIII, 57—63).

О жизни семейственной, отрывокъ изъ сочиненія Карамзина, съ замѣчаніями сельскаго жителя (IX, 28—45).

Возраженіе на развратное и дерзкое сочиненіе якобинца Карно, 1814 г., подъ заглавіемъ: посланіе къ королю Людвигу XVIII (X, 11—35).

Изображеніе мятежной и развратной Франціи (X, 57—63).

Историческое изображеніе бѣдствій и казней, постигшихъ французскихъ бунтовщиковъ и цареубійцъ (XI, 5—42).

Три примѣра супружеской любви въ крестьянскомъ состояніи (XII, 52—56).

б. Библіографія, рецензіи и выписки изъ книгъ:

Мысли при чтеніи книги, подъ названіемъ: „Исторія медицины въ Россіи", В. Рихтера (I, 61—65; II, 60—63).

Увѣдомленіе о двухъ славянорусскихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Вѣнѣ и сочиненныхъ Григ. Якшичемъ, словено-угро-сербиномъ (III, 69—72).

Извѣстіе о книгѣ, подъ названіемъ „Агаѳоклесъ, или письма изъ Рима и Греціи" (IV, 83—86).

Извлеченія и мысли при чтеніи книги, подъ названіемъ: „Записки относительно похода с.-петербургскаго ополченія" (V, 18—47).

Извѣстіе о книгѣ: „Руководство къ познанію военнаго законодательства" (V, 62—64).

Извѣстіе о книгѣ: „Краткая и справедливая повѣсть о пагубныхъ Наполеона помыслахъ" и пр. (VI, 33—36).

Замѣчаніе сельскаго любителя чтенія на книгу: „Военный словарь" (XIV, 45—53).

Выписка изъ иностранной книги: „Щитъ государства и справедливость противъ явнаго замысла французовъ къ обладанію вселенною", 1668 г. (XV, 24—33).

1816 годъ.

Журналъ издавался въ 12 книжкахъ; послѣдней не выходило.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, по случаю благосклонной подписки на „Русскій Вѣстникъ" (I, 39—40); посланіе о любви къ герою Блюхеру (I, 64—69); стихи музыканту Г. А. Рачинскому (I, 85—89); стихи по случаю извѣстія о прибытіи Государя въ Петербургъ (I, 93—95); пѣснь государю Александру I въ день молебствія въ Москвѣ о заключеніи всеобщаго мира (II, 75—82); посланіе къ герою благотворителю (VI, 9—12); сила благотворенія (VI, 53—54); скорбь и утѣшеніе герою, по случаю смерти брата атамана Платова (VII, 7—11); чувствія россіянина въ XIII году (VII, 11—13); стихи импер. Маріи Ѳеодоровнѣ въ день ея ангела (VIII, 3—6); на прибытіе Государя въ Москву (IX, 3—5); посланіе И. И. Дмитріеву (IX, 8—9); стихи гр. Милорадовичу, по случаю его посѣщенія (IX, 26—31); посланіе къ гр. Платову, въ благодарность за посѣщеніе (IX, 38—42); стихи К. Д. П. А., по случаю благосклоннаго отзыва о „Русскомъ Вѣстникѣ" (X, 34—35); стих. милымъ дѣтямъ П. Г. Морозова (XI, 34); стихи Н. Ф. Ртищеву, при поднесеніи билета на „Р. В." (XI, 35).

Ф. Н. Глинка: фіалка и дубъ, басня (III, 50—51).

С. Нечаевъ: стихи на выступленіе полковъ изъ Владиміра въ 1813 году, на смерть гр. А. И. Кутайсова (VII, 17—19).

Д. Глѣбовъ: стихи на вторичное возвращеніе Государя въ Россію (III, 1—7); Пяславъ (V, 27—34).

М. Бестужевъ-Рюминъ: молитва россіянина, надпись къ портрету Платова, надгробная И. А. Тутолмину, первые опыты (III, 47—48).

Ст. Гречановскій: стихи на возвращеніе гр. Платова на Донъ (X, 39—40).

Ал. Ивановскій: надпись къ портрету гр. А. А. Аракчеева (XI, 4—5).

А. Писаревъ: хоры на прибытіе въ Смоленскъ изъ-за границы 2-й гренадерской дивизіи (IV, 68—71); надписи къ портрету гр. А. А. Аракчеева (XI, 3—4).

Яковъ Бардовскій: народная пѣсня по случаю прибытія Государя въ Москву (X, 3—5).

П. Роговъ: стихи на прибытіе вел. кн. Николая Павловича въ Калугу (X, 7—8).

Гр. Алек. Кушелевъ: дражайшему родителю въ день именинъ (IV, 72—75).

Алнея Смирная: усердная жертва брату и другу, въ день его рожденія (VI, 25)

Кн. Мещерскій: стихи И. М. Ушакову (VI, 26).

С. С.: сила родства к согласія (VI, 17—18).

А. М.: стихи на пребываніе въ Смоленскѣ вел. кн. Николая Павловича (VII, 3—5).

Ал. Ог—въ: къ новому 1816 году (III, 49).

И. Н.: надписи къ портрету кн. Н. И. Салтыкова (X, 6).

Неизвѣстныхъ: стихи главнокомандующему въ Грузіи Ртищеву, изъ Тифлиса (III, 16—19).

Надгробная И. А. Тутолмину (IV, 85).

В) Статьи прозаическія:

1. Статьи историческаго содержанія:

Отрывокъ изъ письма Екатерины II къ Н. С. Мордвинову (V, 3—11).

А. И. Писарева: извѣстіе о нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ рукописяхъ Суворова, вновь отысканныхъ (I, 83—84); рукописи Суворова: распредѣленіе къ приступу Измаила 1790 г. (II, 13—41); мнѣніе о войнѣ со шведами (III, 8—11); приказъ въ іюлѣ 1789 г. (III, 11—15); письмо Суворова 1792 г. (IV, 7—19).

Извѣстіе о графѣ Д. Б. Дивіерѣ (II, 8—13).

Архитекторъ М. Ф. Казаковъ, сооб. М. К. (XI, 5—14).

М. Д. Даниловъ на Кушвинскомъ заводѣ, строитель чугуннаго моста чрезъ р. Тагалъ (IV, 81—82).

Краткое изображеніе дѣяній герцога Сюлли (II, 45—68; III, 29—46).

Возобновленіе стариннаго парламентскаго обычая во Франціи (II, 68—71).

Война Гишпанская, выписки изъ франц. книги: „Записки о войнѣ французовъ въ Гишпаніи", соч. Рокка (IV, 21—67; VI, 27—41; VII, 23—39).

Мысли о судѣ, производимомъ франц. бунтовщиками надъ королевою Маріею Антуанетой, изъ соч. г-жи Сталь (V, 58—68).

Подвигъ Десеза, защитника Людовика XII (IX, 46—54).

О причинахъ легкомыслія парижскихъ жителей, изъ книги „О защищеніи и взятіи Парижа въ 1814 г." (X, 35—38).

2. Статьи общаго содержанія:

О свойствахъ и добродѣтеляхъ россіянокъ (IV, 3—6); семейственныя добродѣтели донскихъ женъ, сооб. Кс. В. Котельниковъ (V, 35—40).

Русская бесѣда, Ив. Перинъ (V, 41—46).

Благотворительное извѣстіе объ А. П. Порошинѣ, со стихами Ф. Глинки (I, 17—23).

3. Статьи относящіяся до эпохи войны съ французами:

Воспоминаніе о битвѣ Бородинской (I, 3—14).

Общее участіе жителей Россіи къ царю и отечеству въ достопамятный 1812 г., изъ Оренб. губ. (I, 30—34).

Обозрѣніе происшествій во Франціи отъ начала 1815 г. до бѣгства Наполеона Бонапарта съ острова Эльбы (I, 41—63).

Рѣчь Людовика XVIII при новомъ собраніи новой камеры депутатовъ (XI, 19—25).

Мысли при чтеніи новой иностранной книги о послѣднихъ часахъ правительства Наполеона, со стихами Ф. Глинки (I, 76—62).

Три приказа герц. Александра Виртембергскаго при сдачѣ Данцига (II, 1—7).

Предписаніе гр. Платова ген.-майору Грекову и приказъ Атаманскому полку (VIII, 32—37).

Отвѣтъ гр. Воронцова французамъ (VI, 45).

Подвигъ генер. Дохтурова подъ Малымъ Ярославцемъ, В. М. (XI, 14—16).

Прибытіе импер. Александра I-го въ Калугу, сооб. К. Ж. (X, 10—17).

О взятіи донскими казаками гор. Намура, 3—4 февраля 1814 г. (V, 46—57).

Извѣстіе о смерти ген. Краснова 1-го, сооб. Н. Гладкій (III, 19—28).

Даръ англійскаго принца-регента гр. Платову, сооб. Н. Смирной (IV, 76—80).

Описаніе сабли, препровожденной гр. Платову отъ гор. Лондона, его же (VI, 3—8).

Письмо изъ Новочеркасска о прибытіи на Донъ атамана гр. Платова, его же (XI, 36—52).

Праздникъ атаманскаго полка въ Кременчугѣ (X, 24—29).

Подвигъ И. А. Голенки (VIII, 8—10).

Рѣдкое безкорыстіе 2-го егерскаго полка рядоваго Евдокима Комарова, сообщ. Ф. Т. (I, 15—16).

Чувствительность кн. Смоленскаго (IX, 15—17).

Два военныхъ празднества въ окрестностяхъ Петербурга (IX, 17—26).

Семейственное празднество въ честь ген. Н. Н. Раевскаго (IX, 42—45).

Письмо изъ Смоленска Правдина о пребываніи французовъ (V, 16—20).

Письмо изъ Вильны о пособіи русскимъ раненымъ, Вас. Путяты (V, 21—26).

Пожертвованіе егерями 24-го полка отбитаго у французовъ серебра моск. архіерею, сообщ. А. Ф. Куломзинъ (V, 11—15).

Пожертвованіе купца Золотарева въ пользу инвалидовъ (XI, 16—17).

Усердіе крестьянъ при проѣздѣ имп. Александра I-го въ Троицу (IX, 6—7).

Прощаніе тульскихъ жителей съ архіереемъ, сообщ. бар. В. Штейнгель (VI, 41—44).

Пожаръ на Мясницкой (X, 18—24).

4. Библіографія и критика:

Письмо къ почтенному издателю „Сына Отечества" (Булгарину) въ отвѣтъ на замѣчаніе его о „Русскомъ Вѣстникѣ" сего года (VIII, 11—22).

Увѣдомленіе о книгахъ: „Христіанская философія, или истинная религія, въ бесѣдахъ на разные тексты Свящ. Писанія" А. Трескина; вторая часть записокъ касательно с.-петербургскаго ополченія противъ враговъ отечества (I, 69—76).

О книгахъ, вновь изданныхъ во Франціи къ преобразованію воспитанія (VIII, 23—31).

О нравственной цѣли музыки и о русской музыкѣ, выписка изъ франц. книги „Мысли о музыкѣ", изданной г. Фишеромъ (IX, 35—37).

Извѣстіе о книгахъ: „Записки флота кап. Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811—1813 годахъ"; прежніе досуги Ник. Остолопова (X, 30—33).

Записки флота капитана Рикорда; журналъ Двигубскаго „Изображенія и описанія животныхъ Россійской имперіи" (XI, 26—30).

1817 годъ.

Въ 1817 г. „Рус. Вѣстн." выходилъ отдѣльными номерами (I—XXIV), соединенными въ книжки (числомъ VI), и раздѣлялся на два отдѣленія: 1) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія и 2) русская исторія.

А) *Стихотворенія:*

С. Н. Глинка: посланіе къ героямъ, сослуживцамъ ген. Дохтурова (I, 62—64); стихи на прибавленіе жалованья военно-служащимъ (I, 65—60); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ по случаю подписки на Рус. „Вѣстн." (I, 91—92); стихи на пріѣздъ въ Россію бар. Сакена (I, приб. VIII—X); стихи сыну и внуку гр. Платова, при отправленіи „Рус. Вѣстн." (II, пр. IX и X); надпись къ портрету Я. П. Булгакова (III, приб. XXIII); посланіе къ дѣтямъ И. Г. Морозова (III, приб. XXIV); посланіе къ Н. Фем—му, при отъѣздѣ его на Донъ; посланіе къ Н. В. Лангеру, при сообщеніи ему портрета Головина (IV, 107—112); стихи на обрученіе в. к. Николая Павловича съ Александрою Ѳеодоровной (VI, 99—101); стихи въ день ихъ бракосочетанія (VII, 3—5);

стихи на смерть гр. П. Ал. Строганова (VII, 29—33); буря, подражаніе Пильнаю (подп. моск. жит.) (VIII, 66—67); стихи на высочайшій указъ 25 августа 1817 г. (IX, 5—8); стихи при чтеніи устава с.-пб. общества, основаннаго въ 1813 г. для пособія разоренным войной 1812 г. (IX, 8—12); стихи на день рожденія имп. Маріи Ѳеодоровны (X, 12—13); благодѣтельницѣ бѣднаго семейства (XI, 64—65); посланіе къ Н. И. Гречу по возвращеніи его изъ-за границы (XI, 85); стихи на день рожденія имп. Александра I (XII, 73—74).

Ф. Глинка: къ душѣ (XI, 14—25).

Н. Шатровъ: посланіе друзьямъ въ 1 день 1817 г. (I, приб. X—XVIII); на кончину М. Ст. Ловягина (XII, 51—55).

И. Ивановскій: посланіе къ брату Н. А. И. въ Бессарабію (I, 30—34).

М. М—въ: стихи на пребываніе Государя въ Кіевѣ (I, 52—56).

Свящ. села Болтышки (испр. изд.): отечественный герой (Н. Н. Раевскій) въ семействѣ поселянъ своихъ (II, приб. XVII).

Неизвѣстнаго: стихи ген.-маіору Г. А. Игнатьеву (II, приб. XXX).

Нечаевъ: сестрѣ моей въ день ея рожденія; стихи, поднесенные трехлѣтнею сиротою ея бабушкѣ, утѣшеніе за добродѣтели къ К. И. Д. С...ой (III, приб. XXXIV—XXXVIII).

К. Батюшковъ: переходъ черезъ Рейнъ (III, приб. XXXVIII—XLV).

И. Морозовъ: изображеніе вел. кн. Николая Павловича по случаю шествія его черезъ мѣстечко Смѣлое въ Новороссійскій край 4 іюня 1816 г. (IV, приб. 86—99).

Н. Полевой: воспоминанія о трехъ достопамятныхъ годахъ по случаю торжества сего 1817 г. о взятіи Парижа (IV, 113—119) изъ Курска; хоръ во славу имп. Александра, съ франц.; чувства курскихъ жителей по случаю прибытія въ Курскъ гр. Барклая де-Толли (VIII, 89—93).

Арк. Родзянко: потомство (VI, 83—87).

Д—й Л—ъ: на смерть подполковника Горштейна (X, 84—85).

А. Ивановскій: въ альбомъ 12-лѣтней В. П. К. А. (XII, 20—21).

В) *Прозаическія статьи.*

1. *Отечественныя вѣдомости.*

Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева (I, 1—13), С—ъ (II, приб. XXV—XXIX).

О профессорѣ Моск. унив. Хар. Анд. Чеботаревѣ (I, 13—24).

Благодѣтельный московскій житель, А. И. Б—въ (I, 25—30); переписка по этому поводу (II, приб. XVIII—XXIV).

Добродѣтели лифляндцевъ, П. К—въ (I, 34—38).

Подвигъ капитана Г. М. Михайлова въ заграничную войну (I, 39—41).

Памятникъ признательности къ ген. Дохтурову (I, 57—62).

Воинское празднованіе въ Смоленскѣ, А. Ивановскаго (I, 98—104).

Воинское празднество въ Новочеркасскѣ, Н. С—й (I, приб. III—VI).

Двѣнадцатое число 1816 г., Н. С. (I, VI—VIII).

Жизнь и военные подвиги ген.-маіора И. К. Краснова 1-го (II, 3—27).

Донскія извѣстія (II, III, IX; IV, 99—106; X, 47—63); подвиги ген. Дм. Сер. Дохтурова (III, 3—31).

О генералѣ Моро въ россійской арміи (III, приб. XVII—XXII).

Письмо и ваза поднесенныя воспитанниками Горнаго корпуса директору А. Ѳ. Дерябину (V, 83—90).

Двухлѣтній плѣнъ въ Японіи Головнина и спутниковъ его (VI, 5—48).

Праздникъ 9 мая 1775 г. въ Кадетскомъ корпусѣ (VII, 5—9).

Прогулки по Москвѣ (VI, 69—82; VII, 9—12).

Нападеніе Пугачова на заводъ Твердышева (VII, 21—29).

Троекратное плаваніе Рикорда къ освобожденію Головина (VIII, 3—42).

Неутомимая внимательность имп. Маріи Θеодоровны къ благотворительнымъ заведеніямъ (изъ „Conserv. Imper".) (VIII, 63—65).

Мысли при чтеніи извѣстія объ освященіи храма при Сиротскомъ училищѣ женскаго патріотическаго общества (IX, 13—20).

О новыхъ строеніяхъ въ Москвѣ (IX, 20—27).

Извѣстіе о прибытіи имп. Александра I въ Кіевъ (IX, 93—97).

Жертва благодарности въ день тезоименитства импер. Маріи Θеодоровны, П—я П—ва (IX, 97—101).

Пребываніе имп. Александра I въ Москвѣ 1 и 2 октября 1817 г. (IX, 102—109).

Заложеніе храма во имя Христа-Спасителя въ Москвѣ (X, 5—11).

Письмо къ другу по этому случаю, Р. В. (XII, 5—11).

Положеніе праха И. Ак. Тутолмина въ Донскомъ монастырѣ, Θ. Захаровъ (X, 14—17).

Отрывки изъ писемъ къ другу изъ Курска о пребываніи тамъ Государя, Н. Полеваго (X, 17—26).

Посѣщеніе Московскаго Воспитательнаго Дома имп. Маріею Θеодоровною, Θ. Захаровъ (X, 78—81).

О тюремномъ Московскомъ замкѣ или острогѣ, Р. Я. (X, 87—91).

Мысли о возобновленіи памятника боярина Арт. Серг. Матвѣева (XI, 5—14).

Извѣстіе о врачѣ Троф. Дм. Минаевѣ, К—тъ (XI, 77—83).

Подвигъ священника села Ново-Спасскаго въ 1812 г., Андр. Щукина (XII, 11—15).

Извѣстіе о кончинѣ адмирала Θ. Θ. Ушакова (XII, 15—19).

Извѣстіе о службѣ и жизни М. С. Ладыгина, Н. Шатровъ (X, 62—68).

2. *Иностранныя извѣстія:*

Князь или владѣлецъ, соч. Макіавеля, съ замѣчаніями Наполеона Бонапарте (I 67—98; II, 36—40).

Мысли Наполеона Бонапарте на похищенномъ престолѣ и на островѣ Эльбѣ (III, 31—36).

Письма изъ Италіи въ 1809 году А. М. Данилевскаго (IV, 3—62; V, 3—42).

Нравственное обозрѣніе областей европейскихъ (VI, 51—60; VII, 34—37).

Текущія иностранныя политическія извѣстія (VIII, 71—77; IX, 31—35; X, 29—34).

Разсмотрѣніе сочиненій на заданную тему Ліонскою академіею (XI, 29—34).

Сообщеніе Шеллибеера о жителяхъ острова Питкернъ (XII, 25—34).

3. *Библіографія и критика:*

Извѣстія о новыхъ книгахъ: библіотека повѣстей и анекдотовъ, изданная М. Каченовскимъ. М. 1816; Филоктетъ, трагедія Софокла, съ франц. перевода Лагарпа пер. Сер. Ак—въ (С. Т. Аксаковъ). М. 1816 г. (I, 41—52).

О судебномъ вѣстникѣ, въ смыслѣ изданія судебныхъ дѣлъ (II, 28—34).

Извѣстіе о новой книгѣ, подъ заглавіемъ: „Цвѣтникъ избранныхъ стихотвореній", изд. Побѣдоносцева. М. 1816 г. (II, 34—35).

Мысли при чтеніи краткаго Начертанія военнаго журнала, изданнаго Ф. Глинкою (III, приб. III—XVI).

Мысли объ изданіи „Библейскаго Вѣстника" (IV, 45—56).

Обозрѣніе первой книжки „Военнаго журнала" (V, 91—98).

Мысли при чтеніи книжки подъ заглавіемъ „Біографія штабъ- и оберъ-офицеровъ гренадерскаго гр. Аракчеева полку", убитыхъ въ войнахъ 1812—14 гг. (V, 107—117).

Извѣстіе о сочиненіяхъ Ал. Измайлова, подъ заглавіемъ: „Новыя басни и сказки" (VI, 81—82).

Увѣдомленіе о двухъ новыхъ періодическихъ сочиненіяхъ Фердинанда Орла-Ошменьца (VII, 12—20).

Обозрѣніе шести книжекъ „Военнаго Журнала" (X, 64—70).

О драмѣ Н. Сандунова: Отецъ семейства (X, 71—73).

О переводѣ С. Нечаева Пиѳагорейскихъ женъ, соч. Виланда (X, 74—77).

Извѣстіе объ изданіи: Трудовъ Общества любителей росс. словесности при Московскомъ университетѣ; русскихъ достопамятностей, изд. Общ. ист. и древн.; стихотвореній кн. И. М. Долгорукаго (X, 70—76).

Мысли при чтеніи первой книжки журнала Импер. Человѣколюбиваго Общества (VIII, 93—97).

Извѣстіе о сочиненіяхъ К. Батюшкова подъ заглавіемъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ" (VIII, 97—100).

Отступленіе Петра I изъ Польши и побѣда подъ Полтавою (изъ VII кн. русск. ист.) (IX, 31—38; X, 37—44).

Предварительное извѣстіе о Мининѣ и Пожарскомъ, по случаю сооружаемаго имъ памятника (IX, 121—123).

4. Отдѣленіе I. Русская исторія:

Предувѣдомленіе царствованія Ѳеодора Ивановича (I, 7—24; II, 5—32) (изъ VI тома русск. исторіи).

Борисъ Годуновъ (III, 39—90) (оттуда же).

Дополненіе къ введенію въ русскую исторію и мысли (IV, 65—84).

Отрывки историческіе: изъ царствованія Алексѣя Михайловича (V, 61—65).

Добродѣтели и человѣколюбіе іеромонаха Ефрема, шестаго строителя Саровской пустыни (V, 65—68).

Дополненіе къ жизни Владиміра Мономаха (VI, 61—65).

Подвиги преосвященнаго Тихона Воронежскаго (VI, 65—77).

Мысли при обозрѣніи записокъ касательно россійской исторіи импер. Екатерины II (VII, 41—47).

О Ярославлѣ, соч. проф. ярославск. Демидовскаго училища Шмидта (VIII, 42—62), пер. Ив. Беръ.

Первый походъ царя Алексѣя Михайловича (VIII, 77—86).

Дѣйствія Петра I въ предѣлахъ Турціи (изъ VII тома русск. ист.) (XI, 37—62).

Пребываніе Петра I въ Парижѣ (изъ VII тома русск. ист.) (XII, 37—42).

Письмо далматское къ Екатеринѣ II, Стефана (изъ итал. книги) (XII, 43—46).

Дальновидность Екатерины II-й (XII, 49—51).

1818 годъ.

Римскія цифры соотвѣтствуютъ слѣдующимъ нумерамъ, имѣющимъ отдѣльную нумерацію страницъ: I=№№ 1 и 2, II=№№ 3 и 4, III=№№ 5 и 6, IV=№№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14, V=№№ 15, 16, 17, 18, 19 и 20, VI=№№ 21—24.

Вѣстникъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія; 2) семейственное чтеніе.

А) Стихотворенія.

С. Н. Глинка: торжество смиренія (I, 45—46); поученіе престарѣлаго Товита юному Товію (I, 50—52); стихи на новый годъ императору Александру I (I, 59—60); стихи Н. Н. Муравьеву, по случаю полученія Анны 1-й степени (I, 67); Моисей на горѣ Синайской (II, 53—57); стихи на отъѣздъ въ чужіе края Михаила Павловича

(III, 63—65); представленіе изъ Священнаго Писанія: Авраамъ и Исаакъ (IV, 53—62); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ по случаю подписки на „Русск. Вѣстн.“; стихи въ день крещенія вел. кн. Александра Николаевича (IV, 181—184); пѣснь Екатеринѣ II (V, 13—23); англійскій путешественникъ Мунго Паркъ на берегу рѣки Нигера; пѣсня (V, 101—112); стихи на прибытіе въ Москву прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го (V, 159—161); на смерть гр. Л. К. Разумовскаго (VI, 100—103).

Ф. Н. Глинка: переводъ 87 псалма (IV, 83—84); лучшій край (IV,92—96); гимнъ величію и всемогуществу Божьему (V, 140—146).

Н. Шатровъ: подражаніе псалму 36 (I, 13—20); осень 1816 г., посланіе князю П. М. Долгорукову (I, 21—28); переложеніе псалма 32 (II, 32—35); въ память Н. П. Николева (II, 89—90); подражаніе 28 псалму (III, 10—14); пѣснь христіанину, увѣнчанному славою причащенія божественныхъ тайнъ (III, 22—30); спасибо (III, 74—78); русскому генералу (IV, 38—44); Надежда, басня, къ Софьѣ (IV, 85—92); подражаніе 81 псалму (IV, 121—125); маленькому Бенкендорфу (IV, 125—129); посланіе къ Маслову (V, 81—92).

Ст. Масловъ: къ Шатрову въ отвѣтъ на его посланіе (V, 92—98).

Н. Грамотинъ: на избраніе С. П. Татищева костромскимъ губернскимъ предводителемъ (II, 56—58).

Н. Смирной: на кончину гр. М. Ив. Платова (II, 39—41).

А. Ивановскій: посланіе къ барону К. К. А. (III, 67—70).

Безъ подписи: стихи къ памятнику Минина и Пожарскаго (III, 78).

К. Р. Дей: весна (IV, 153—155).

Безъ подписи: ген. Ник. Март. Сипягину, въ день его обрученія съ М. Вас. Всеволожскою, отъ сослуживцевъ (V, 129—131).

Ав. Ифиловъ: спасителю Бухареста (VI, 96—99).

В) Статьи прозаическія:

1. *Статьи историческаго содержанія*:

a) По русской исторіи:

Содѣйствіе патріарха Гермогена, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына въ подвигахъ Минина и Пожарскаго (I, 5—13).

О московскомъ митрополитѣ Платонѣ, И. С. Снегиревъ (II, 15—31).

Воспоминаніе о Н. П. Николевѣ, читано С. А. Масловымъ (II, 85—89).

Происшествіе 1770 года (изъ VIII т. русск. ист.) (IV, 5—38).

Подвигъ гр. Платова подъ Измаиломъ 11-го декабря 1791 г. (IV, 119—121).

О военныхъ русскихъ анекдотахъ, особенно войны 1812 г., А. Писарева (IV, 141—157).

Милосердіе императ. Петра I-го (IV, 167—181), А. Ивановскій.

Путешествіе Екатерины въ Таврическую область (изъ VIII т. русск. ист.) (V, 5—12).

Происшествія отъ начала второй Турецкой войны до взятія Очакова (оттуда же) (V, 63—81, 115—128).

b) Иностранная исторія:

Покореніе Гренады испанцами (I, 31—40).

Текущія политическія извѣстія (II, 45—50).

Послѣдніе часы жизни Людовика XVI, изъ франц. сочиненія (III, 33—48).

Взятіе Константинополя Магометомъ II-мъ (IV, 47—50).

Мысли Людовика дофина, отца Людовика XVI (изъ книги „Жизнь дофина, сына Людовика XV“) (IV, 99—103).

Краткая выписка изъ франц. книги: „Исторія Порты Оттоманской“ (IV, 135—137).

c) Отечественныя вѣдомости:

Гласъ сердечной благодарности по случаю посѣщенія имп. Маріею Ѳеодоровною Московскаго Воспитательнаго дома, П. М. Серд—ая (I, 60—62).

Замѣчанія о Персіи и ея жителяхъ, изъ письма къ бар. Аму, Григорія Иванова (I, 58—71).

О погребеніи гр. Матв. Иван. Платова, П. Но—въ (II, 75—82); поминки Платову въ Донскомъ монастырѣ (82—85).

Открытіе памятника Минину и Пожарскому (III, 5—9).

Изъявленіе признательности особами царскаго дома, по случаю смерти Г. Андр. Глинки (III, 15—22).

Извѣстіе о рѣчи и лекціи г. Хавскаго (IV, 184—187).

О губернскомъ тюремномъ замкѣ (V, 164—179) Л. О. Д.

Посѣщеніе имп. Александромъ I-мъ дома, гдѣ жилъ гр. Платовъ (VI, 5—6).

Коли Богу подать, такъ и въ окно подастъ, Ив. Снегиревъ (VI, 7—9).

Письма короля Прусскаго Н. Г. Морозову за поднесенныя сочиненія (VI, 37—39).

2. *Прозаическія статьи, не относящіяся къ беллетристикѣ:*

Мысли о силѣ Священнаго Писанія (II, 90—93).

Сила ученія и вѣры, выписка изъ рѣчи Ф. Н. Глинки въ обществѣ гвардейскаго штаба о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ (IV, 65—82).

Плаваніе по Нѣмецкому морю, отрывокъ изъ записокъ морскаго офицера Вл. Броневскаго (VI, 10—20).

3. *Библіографическія и вообще замѣтки о книгахъ:*

Увѣдомленіе о книгахъ: „о наслѣдствѣ завѣщательномъ, родственномъ и выморочномъ", соч. П. Хавскаго; о журналахъ: „Соревнователь" и „Благонамѣренный" (III, 71—74).

Мысли при чтеніи 5-го изданія сочиненій И. И. Дмитріева (VI, 77—79).

Переводъ кн. П. Шаликовымъ новыхъ повѣстей г-жи Жанлисъ (VI, 85—86).

Мысли при чтеніи словаря русскихъ синонимовъ, изд. П. Калайдовичъ (VI, 87—91).

О книгѣ „Алфавитные списки домамъ всѣхъ частей гор. Москвы" (VI, 92—96).

1819 годъ.

Римскія цифры соотвѣтствуютъ: I—№№ 1, 2, 3 и 4, II—№№ 5, 6, 7 и 8, III—№№ 9 и 10, IV—№№ 11 и 12, V—№№ 13 и 20, VI—№№ 21 и 22, VII—№№ 23 и 24.

Вѣстникъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: I) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія и II) новое дѣтское чтеніе, или вечера добраго отца семейства.

A) *Стихотворенія:*

С. Н. Глинка: атаману Ап. Карп. Денисову, при доставленіи ему кн. „Жизнь Суворова" (II, 59—60).

Сила благотворенія, посв. имп. Маріи Ѳеодоровнѣ (VII, 89—92).

М. Бестужевъ-Рюминъ: истинный герой (IV, 79—82).

И. Снегиревъ: сынъ счастья и уединенія, подражаніе г. Попе (II, 56—57).

А. К.: надгробная гр. Платову (II, 51).

И. Поповъ: Святославъ къ дружинѣ предъ сраженіемъ при Коростенѣ (II, 58—59).

А. Ивановскій: стихи на кончину королевы Виртембергской (V, 129—132).

B) *Прозаическія статьи:*

1. *Статьи историческаго содержанія:*

a) Собственно исторія:

Отрывокъ изъ записокъ и замѣчаній о происшествіяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ (I, 5—15).

О сдачѣ Москвы, А. М. Даниловскій (II, 5—24).

О пребываніи русскихъ въ Парижѣ, А. М. Даниловскій (III, 5—44).

Краткое жизнеописаніе ген.-лейт. Гр. Ив. Глазенапа, сообщ. (IV, 5—16).

Возраженіе на мнѣніе французскихъ издателей „Минервы" о Екатеринѣ II-й (VII, 57—67).

b) Отечественныя извѣстія:

Письмо къ другу о губернской тюремной ямѣ, Л. О. З. (I, 16—19).

Приглашеніе к уставъ общества учрежденія школъ по методѣ взаимнаго обученія (II, 25—37).

Описаніе номинокъ по гр. Платовѣ въ С.-Петербургѣ, Н. Смирной (II, 47—50).

Рѣдкій примѣръ сыновней любви, П. М. Сердобинская (II, 52—56).

Письмо о колоколѣ, вылитомъ купцомъ Богдановымъ (III, 61—69).

Приглашеніе смоленскаго губернатора бар. Аша къ отысканію и представленію старинныхъ документовъ (III, 69—79).

Письмо смол. губернатора о подпискѣ на „Русскій Вѣстникъ" и отвѣтъ издателя (V, 67—80).

Кончина Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (VII, 5—16).

c) Статьи изъ иностранной исторіи:

Замѣчаніе на письмо изъ Парижа, изданное по выходѣ изъ Франціи саперныхъ войскъ (I, 23—29).

Выписка изъ новаго сочиненія г-жи Жанлисъ, подъ заглавіемъ „Словарь", заключающій въ себѣ картину двора, общества и словесности XVIII столѣтія (V, 57—61; 83—88).

Выписка изъ книги, изданной въ Парижѣ въ 1819 г. „Жизнь Іакова II-го, короля англійскаго" (VI, 51).

Мысли по случаю швейцарскихъ переселенцевъ въ Южную Америку (VII, 19—27).

2. *Статьи относящіяся къ беллетристикѣ*:

Мелкія статьи въ прозѣ: жертва усердія и благодарности въ день тезоименитства имп. Маріи Ѳеодоровны; чувствованія дѣтей при возвращеніи матери; любовь къ родителямъ; воспоминаніе о любезной моей подругѣ; письмо къ сестрѣ моей; польза наукъ, К—на Побѣдоносцева (III, 47—64).

Прогулка на Прѣсненскихъ прудахъ 28 мая 1819 г., Л. М. З. (III, 94—97).

Нѣсколько замѣчаній для воспитателей, С. Нечаева (V, 11—24).

Сила вѣры, или спасеніе крестьяниномъ образа Св. Николая, со стихами, А. И. (V, 133—136).

Статьи воспитанницъ Екатерининскаго института: чувствованія дѣтей при возвращеніи матери, Кат. Побѣдоносцева; о безсмертіи души, Кат. Глинская; сравненія ц. Іоанна Васильевича съ Петромъ Великимъ, Над. Раевская; нашествіе татаръ на Россію, Кат. Побѣдоносцева; сравненіе жизни человѣческой съ четырьмя временами года, Александра Спасская (VI, 5—47).

Отдѣлъ II. Дѣтское чтеніе:

Приключенія Робинзона Крузе, или слѣдствіе непослушанія и легкомыслія и торжество семейственныхъ добродѣтелей (I, 9—128).

Телемакъ въ пользу воспитанія (II, 5—114).

Восточный пустынникъ, или торжество великодушія, мужества и благодарности; драматическое повѣствованіе (IV, №№ X и XII, 5—64).

Вельмина, или цвѣтокъ никогда не увядающій (V, 91—105).

Историческое повѣствованіе: Фокіонъ, или неизмѣнный сынъ отечества (V, 111—125).

Мелкіе разсказы: благодѣяніе никогда не пропадаетъ; души величественныя умѣютъ

обуздывать гнѣвъ свой; можно быть счастливымъ во всѣхъ состояніяхъ; любите отомщать благодѣяніями (V, 139—146).

3. Критика и библіографія:

Извѣстіе о книгахъ: новое изданіе сочиненій Я. Б. Княжнина; записки морскаго офицера Вл. Броневскаго; военный словарь, изданный Тучковымъ; древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ (II, 37—44).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: подарокъ русскому солдату, соч. Ф. Глинки; новый пантеонъ отечественной и иностранной словесности, изд. Побѣдоносцева; генеалогическія, хронологическія и синхронистическія таблицы русской исторіи, изд. Филистри; о распознаваніи и лѣченіи геморроя, или почечуя, соч. д-ра Витта; военный журналъ, издаваемый при гвар. генер. штабѣ (III, 83—94).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, повѣсть, соч. Ф. Глинки; 3 часть записокъ морскаго офицера Броневскаго; продолженіе пантеона отечественной и иностранной словесности; сочиненія кн. П. И. Шаликова; переводы въ прозѣ В. Измайлова (V, 25—54).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: о средствахъ сберегать глаза и зрѣніе, изд. для народа Ф. А. Гильдебранда; памятникъ друзей Н. П. Николеву (VII, 31—49).

О поэмѣ „Матерняя любовь", соч. г. Мильбуа, пер. Д. Г. (VII, 67—70).

1820 годъ.

„Русскій Вѣстникъ" явился подъ заглавіемъ: „Новое Дѣтское Чтеніе", въ XI книжкахъ. Въ нумераціи страницъ по отдѣленіямъ такая путаница, что ихъ *точно* обозначить невозможно.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: торопитесь дѣлать добро, или Суворовъ подъ Варшавою, драматическій анекдотъ (II, 51—60); стихи И. И. Дмитріеву по случаю подписки его на „Русскую исторію" (II, 61—62); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ по случаю подписки на „Русскій Вѣстникъ" (II, 99—101); маскарадъ, нравоучительное зрѣлище (III, 43—63); путешественникъ, или исправленное самозванство, нравоучительное представленіе, въ стихахъ (VIII, 4—42); стихи въ память М. М. Снегирева (VIII, 72); Ватекъ, или сила правоты и ненадежность хитрости, восточный драматическій анекдотъ (X, 3—65); посланіе къ А. С. Черепанову, въ благодарность за подаренную табакерку (XI, 47—49).

Л. Р.: желанія 1820 года (I, 14—15).

М. Г., *К. Л.*, *В. Г.* — благодарныя чувства дѣтей къ матери наставницѣ (I, 16).

Ученикъ Тимковскаго: на смерть проф. Р. Ф. Тимковскаго (II, 69—71).

Ф. Коришъ: въ память А. П. Татищевой (VII, 81—84).

Ел. Васильева: пѣснь благости, жертва благоговѣнія августѣйшей матери сиротъ (VIII, 43—44).

Ал. Воробьевъ: кн. П. И. Шаликову (X, 66—69); ему же (70—73).

И. (Троицкая ул.): дѣвицамъ, обучающимся въ классахъ инст. Моск. Восп. дома (VI, 3—10, приб.).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

а) Русская исторія:

Объ адмиралахъ Крузе и Чичаговѣ, бар. фонъ-Штейнгель (IV, 16—24); замѣчаніе издателя (25—26).

Княгиня Екат. Роман. Дашкова, С. (V, 5—35).

Извѣстіе о Мих. Матв. Снегиревѣ, М. (VIII, 67--71).

Объ обращеніи въ христіанство осетинъ, изъ грузинской газеты, издаваемой въ Тифлисѣ (XI, 7—12).

b) Иностранныя извѣстія:

Иностранныя текущія политическія новости (I, 19—27; III, 25—35; IV, 35—53).

Самохвальство вольномыслящихъ издателей французской „Минервы" (III, 69—73).

О прежнемъ просвѣщеніи испанцевъ (IV, 54—57).

Единодушное возстаніе испанцевъ при нашествіи французовъ, отрывокъ изъ „Исторіи о войнѣ Испаніи противъ Наполеона" (IV, 58—63).

Что удержало англичанъ отъ волненія умовъ во время мятежа французскаго и что влекло къ оному французовъ (IV, 64—69).

Замѣчаніе и разговоръ маркиза Бульи съ Неккеромъ (IV, 70—75).

Обозрѣніе дѣяній и правилъ Мирабо, Лафаета и Сіэса (V, 55—81).

2. Статьи, не относящіяся къ беллетристикѣ:

Отвѣтъ пріятелю на вопросъ: о чемъ я буду писать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (I, 1—13).

Замѣчаніе о воспитаніи (III, 86—95).

Нѣкоторыя замѣчанія почтенному моему сотруднику въ семейственномъ моемъ заведеніи касательно донскихъ юношей (IV, 5—16).

Гулянье подъ Новинскомъ (IV, 3--5).

Безъ вины виноватъ, изъ города Б. (IV, 27—31).

Разительные примѣры любви къ отечеству древнихъ, съ лат. Гр. Щировскій и В. Николаевъ (VII, 77—80).

Письмо къ подругѣ о необходимости знанія отечественнаго языка, проф. Тимковскаго (VIII, 45—58).

О просвѣщеніи римлянъ, изъ лекціи проф. Тимковскаго (VIII, 59—66).

Выписка изъ рѣчи проф. Сандунова о необходимости знать законы гражданскіе и проч. (VIII, 73—79).

Переводы, приготовленные для Г. Р. Державина, писемъ Плинія Младшаго, П. Львовымъ (IX, 3—53).

Письмо объ „Исторіи словесности россійской", Тат. Тимковской (IX, 54—72).

Письмо изъ Москвы о причинахъ учрежденія больницъ, богадѣленъ, тюремъ, смирительныхъ домовъ и о нынѣшнемъ состояніи моск. богоугодныхъ заведеній, С. Т. Б. (IX, 73—87).

Новое учрежденіе въ Россіи почтовыхъ экипажей на образецъ дилижансовъ, изъ „Отеч. Зап.", издав. Свиньинымъ (XI, 18—29).

3. Библіографія и критика:

Извѣстіе о книгахъ: начертаніе жизни и дѣяній московскаго митрополита Платона (II, 63—68); опытъ словесности, В. Измайлова (II, 72—73); увѣдомленіе о 4-й части „Пантеона отечественной и иностранной словесности", изд. Побѣдоносцева (II, 77—83); опытъ о времеисчисленіи, В. Р. Штейнгеля; мысли при чтеніи первой книжки „Новаго магазина естественной исторіи, физики и проч.", издаваемаго И. Двигубскимъ (II, 84—96); извѣстіе о новомъ переводѣ Делилева дифирамба „Безсмертіе души", изд. А. Писаревымъ (III, 20—24); энциклопедическое обозрѣніе наукъ и проч., соч. проф. Ульриха, И. (XI, 38—40).

Предварительныя разсужденія о необходимости изученія отечественнаго слова и разсмотрѣніе второй оды Ломоносова относительно къ изобрѣтенію (XI, 30—37).

Отвѣтъ издателя „Русскаго Вѣстника" на письмо замоскворѣцкаго жителя, помѣщенное въ VII кн. „Благонамѣреннаго" (V, 85—95).

Отвѣтъ на укоризны, дѣлаемыя мнѣ въ томъ, что исторія моя во многомъ несогласна съ исторіею Н. М. Карамзина (VII, 85—88).

О прекращеніи „Русскаго Вѣстника" (XI, 3—6).

Отдѣленіе II. Дѣтское чтеніе.

Сельскій день или полезное препровожденіе времени (I, 9—91): это—краткое описаніе явленій и произведеній природы.

Нѣкоторыя происшествія и нравственность, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанія и изъ книгъ духовныхъ (стихами и прозою; 7—48); сюда входятъ статьи: сотвореніе міра и человѣка (стихи); убійство Авеля (стихи); Моисей; Моисей на горѣ Синайской (стихи); Вавила и три отрока; Анфимъ, правитель Никомидіи во время гоненія Діоклетіана, исторія Руфи (стихи).

Плутархъ для воспитанія:

Краткое обозрѣніе нравственной части сочиненій Плутарка, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній (III, 5—15).

Тезей, Ромулъ, Нума-Помпилій, Ликургъ, Солонъ (VI, 9—72).

Валерій Публикола, Фемистоклъ, Фурій Камиллъ, Периклъ, Фабій Максимъ (VII, 5—73).

Замѣчаніе на оду „Счастіе", сочиненную Ж.-Бат. Руссо и переведенную Ломоносовымъ, или разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ истинная слава (V, 37—51).

ПРИБАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества", издававшемся Н. Гречемъ съ 16 октября 1812 года по 1816 годъ.

А) Стихотворенія съ 1812 по 1816 годъ.

1. Поэты, помѣщавшіе свои стихотворенія съ 1812 года:

Державинъ.—1812: надпись къ портрету Витгенштейна и эпитафія завоевателю (1, 253—254); 1813: на отъѣздъ императрицы Елизаветы Алексѣевны для свиданія съ императоромъ Александромъ (10, 252—253); 1814: тлѣніе и нетлѣніе (11, 122); на отъѣздъ вел. кн. Николая Павловича и Михаила Павловича (12, 31—32); сочинительницѣ стиховъ къ Фантазіи и на смерть подруги Бѣлышевой (12, 154); на покореніе Парижа (14, 95—98).

Крыловъ.—1812: басни: волкъ на псарнѣ (1, 81—82); обозъ (2, 46—47); ворона (11, 87); 1813: крестьянинъ и змѣя (9, 43); 1814: бумажный змѣй и мотылекъ (11, 73); человѣкъ и тѣнь (12, 206); троеженецъ (15, 23—24); любопытный (17, 69); 1815: клеветникъ и змѣя (21, 179—180); Тришкинъ кафтанъ (23, 24); туча (23, 109).

Ив. Кованько.—1812: солдатская пѣсня (1, 45—46); ода на бѣгство Наполеона отъ Малоярославца (1, 222—224); 1815: пѣсня русскаго солдата въ походѣ 1815 г. (22, 57).

Н. Остолоповъ.—1812: лирическая пѣснь при извѣстіи о кончинѣ Багратіона (1, 79—81); 1813: моя молитва (3, 200—201); на погребеніе Кутузова (приб. № VIII, 1); лирическая пѣснь при извѣстіи о новыхъ побѣдахъ (7, 207—208); 1814: Петръ и Александръ въ Парижѣ (15, 23).

А. Востоковъ.—1812: къ россіянамъ, дифирамбъ (1, 168—172); прощаніе съ 1812 годомъ (2, 183—184); 1813: россійскія рѣки (3, 45); ода на день восшествія имп. Александра I-го 12 марта 1813 г. (4, 229—234); 1814: гимнъ Немезидѣ (11, 19—20); къ дщерямъ премудрости (12, 104—105); на возвращеніе имп. Александра въ Россію (15, 118—119).

Анна Волкова.—1812: стихи къ Витгенштейну (1, 172—173); чувствованія россіянки, возбужденныя побѣдами россійскихъ войскъ (11, 131—134).

Гр. Дм. Хвостовъ.—1812: освобожденіе Москвы (1, 174—175); Кубрѣ 1812 г. (2, 47—48); 1813: на побѣду при Лейпцигѣ (10, 253); на присягу испанцевъ въ Царскомъ селѣ (5, 343); 1814: на отъѣздъ изъ С.-Петербурга вел. кн. Николая и Михаила Павловичей 5 февраля 1814 г. (11, 251—252); на возвращеніе ополченія (12, 154); на случай испытанія воспитанниковъ въ училищѣ глухонѣмыхъ (12, 247); къ А. А. П. (Писареву) на побѣду подъ Парижемъ (13, 60—61); псаломъ XI (18, 267); 1815: на вторичное вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ (24, 93—94).

Ив. Ламанскій.—1812: ода на освобожденіе Москвы (1, 217—222).

Язвицкій.—1812: стихи, написанные по прочтеніи извѣстія фельдмаршала Кутузова, изъ г. Ельца (1, 248—249).

Н. Ильинъ.—1812: солдатская пѣснь (1, 251—253).

Маринъ.—1812: ода на побѣды надъ врагами (2, 84).

К. (Ярославль).—1812: молитва раненаго офицера (2, 85—86).

Ф. Кокошкинъ.—1812: на бѣгство Наполеона съ остаткомъ войскъ его (2, 135—136); 1814: къ изображенію безпримѣрнаго во владыкахъ Александра I (14, 151); врата счастья (14, 198—200); пѣснь народная русскихъ воиновъ (17, 27—28).

Москвитянка.—1812: стансы (2, 235—236).

Кн. Шаликовъ.—1812: стихи фельдмаршалу Кутузову (2, 279—280); 1814: на пораженіе французовъ подъ Бріенною 20 января 1814 г. (12, 105—106); 1815: надпись къ саду Г. А. К. Р. на Гороховомъ полѣ (24, 26).

Никан. Астафьевъ: пѣснь къ русскимъ воинамъ (1, 127—128).

К. З—скій: ода на пареніе орла надъ россійскими войсками при Бородинѣ (1 250—251).

2. Съ 1813 года.

Петръ Корсаковъ (П. К—въ).—1813: пѣснь барда на кончину кн. Смоленскаго (6, 44—46); эпиграмма (6, 253); 1814: отчаяніе Нерона (13, 143—144), отрывокъ траг. Элихариса и Неронъ, подражаніе Легуве.

Милоновъ.—1813: воззваніе къ Россіи отъ германскаго народа (6, 125); мысли при гробѣ Кутузова (6, 209); 1814: на свиданіе съ А, который считался убитымъ подъ Бородиномъ (14, 196—197); на срѣтеніе Государя въ Казанскомъ соборѣ 14-го іюля 1814 г. (15, 151—152); пловецъ (118—226); 1815: освобожденіе плѣнныхъ (20, 65—68).

Хотяинцовъ: пѣсня солдата арміи гр. Витгенштейна (7, 218).

Эминъ.—1813: эпитафія Кутузову (6, 210).

Б.—1813: посланіе къ Д. В. Д. (авидову) (7, 209—210).

А. Писаревъ.—1813: стихи на подвиги двухъ смоленскихъ помѣщиковъ, Энгельгардта и Шубина, и на монаршія щедроты, изліянныя на нихъ (8, 82); 1814: перечень письма къ издателямъ изъ арміи (11, 134—135); вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, при посвященіи его сочиненія; Н. Н. Раевскому изъ комнаты Вольтера (18, 61—62); 1815: стихи по полученіи повелѣнія выступить въ походъ гренадерамъ 16 марта 1815 г. (21, 140—141); стихи генералу Кутузову на назначеніе его начальникомъ гренадерской бригады (23, 23); экспромтъ въ отвѣтъ на письмо ген. Ермолова (24, 189).

Д.—1813: на побѣду при Лейпцигѣ (10, 47 — 48); ода на побѣду при Люценѣ (5, 341).

Ал. Ариамаковъ.—1813: ода на изгнаніе врага (3, 43—45).

Вас. Пушкинъ.—1813: къ жителямъ Нижняго Новгорода (3, 96—97); 1814: хоръ и народная пѣснь на дворянскомъ праздникѣ 19 мая 1814 года въ Москвѣ (14, 280—283).

Кн Вяземскій: польскій и многолѣтіе на томъ же праздникѣ (14, 280, 281—284).

Вас. Жуковскій.—1813: князю Смоленскому (3, 242—245); 1815: 2-я пѣснь Мессіяды: Аббадонна (22, 95—103); пѣснь русскому царю отъ его воиновъ (26, 95—96); молитва русскихъ (26, 96).

В. Б.—1813: эпитафія доброму тирану (3, 245); 1814: праху Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (13, 61—62).

А. Бунина.—1813: на смерть капитана Р. И. Захарова (4, 299).

Николевъ.—1813: хоръ для польскаго на новый 1813 г. (5, 95—97); 1814: чувствованія по кончинѣ гр. Гр. Сер. Салтыкова (15, 68).

К. Д. Горчаковъ.—1813: стихи на изгнаніе непріятеля изъ Россіи, посвящены Кутузову (5, 153—155).

А. Измайловъ.—1813: на кончину Кутузова (5, 342); 1814: дитя и семь нянекъ, сказка (11, 20—22); горлица и малиновка, басня (11, 156 — 157); надгробіе, М. Ф.

С—ва (12, 150); завѣщаніе Бонапарте (1814, приб. XXXII, 8); басни: котъ и крысы (16, 152—153); два крестьянина и облако (16, 193—194); насѣдка (16, 194); попугай (18, 107); эпиграммы (16, 241—242; 17, 151); 1815: басни: два человѣка и владъ (19, 22—23); Яшка поваръ (19, 150—151); дряхлый левъ (21, 218); купецъ Мошникъ (22, 20—21); агненокъ и поросенокъ (22, 182); гора въ родахъ (23, 65); соловей и воронъ (23, 160); воробьи и овсянки, басня (23, 198); лѣстница (25, 246); эпиграмма (19, 196, подписано И).

3. Съ 1814 года.

В. Капнистъ.—1814: ода о покореніи Парижа (13, 183—185); подражаніе 90 псалму (16, 150—151); стихи на случай мимолетнаго дождя, во время освѣщенія знаменъ для лейбъ-гвардіи въ день воспоминанія побѣды при Кульмѣ (16, 151); 1815: русскимъ воинамъ (23, 197).

Дм. Глѣбовъ (Дм. Гл.—б.—въ).—1814: на незабвенные подвиги россіянъ для освобожденія народовъ (11, 157).

В. К—стъ: эпиграммы (17, 69—70).

Н. Гнѣдичъ.—1814: отвѣтъ на посланіе гр. Хвостова, напечатанное въ 1810 г. (11, 200—201); эпитафія гр. А. П. Строганову, убитому подъ Краснымъ (14, 250); 1815: Иліада, пѣснь XI (25, 217—229, 251—266; 26, 15—24).

Н. Ѳедоровъ.—1814: птица и червякъ (12, 63).

Бѣлышова (*воспитанница Екатерининскаго института*).—1814: на смерть подруги А. Н. Кр—й (12, 107—108); къ фантазіи (12, 108—110); отвѣтъ на посланіе Державина (13, 185).

Тимоѳей Бѣляевъ.—1814: къ старому и новому домамъ въ дер. Ключахъ (12, 238—239).

М. Лобановъ.—1814: ожиданіе вѣстника изъ Парижа (13, 142—143); пѣсня (15, 21—22); ода на прибытіе имп. Александра (16, 116—119); элегія на смерть гр. Строганова (17, 111—112); 1815: посланіе къ друзьямъ (19, 18—22).

А. С—въ, А. С.—1814: стихи Александру I на взятіе Парижа (13, 186); пѣсня (15, 21—22); 1815: надпись Н. С. Мартову (20, 68).

А. Х.—1814: надпись къ портрету Александра I (13, 224).

П. С—въ.—1814: на проѣздъ Государя Императора (15, 119).

Сем. Боголюбовъ.—1814: эпитафія гр. А. П. Строганову, убитому въ сраженіи подъ Краснымъ (14, 250); кантата на возвращеніе Государя въ С.-Петербургъ (15, 153).

Пав. Вырубовъ.—1814: на вступленіе въ С.-Петербургъ гвардейскихъ полковъ (15, 240—241).

Грамматинъ.—1814: хоръ въ Костромской гимназіи 1 іюля 1814, по заключеніи мира (16, 24—25); на смерть одной благородной дѣвицы (18, 105—106).

Ѳ. Глинка.—1814: солдатскія пѣсни, пѣтыя на праздникѣ въ Берлинѣ (16, 65—67); 1815: заблекъ въ золотой клѣткѣ, басня (24, 57—58).

Н. Н. Н.—1814: новый родъ смерти (17, 113); эпиграммы (17, 113); 1815: эпиграмма на кн. Шаховскаго (25, 65); экспромтъ доброй жены, при возвращеніи мужа изъ похода (25, 101).

Д. Поповъ.—1814: надгробная пѣснь Моска на смерть Біона, съ греческаго, размѣромъ подлинника, читана на актѣ въ С.-Петерб. педагогическомъ институтѣ 25 сентября 1814 г. (17, 169).

М. Щулепниковъ.—1814: пѣсня ратниковъ с.-петербургскаго ополченія (17, 195—196).

Ник. Кокошкинъ.—1814: измѣнница, съ англійскаго, Л. Байрона (17, 271).

М. Севриновъ: надпись къ бюсту имп. Александра I (16, 26).

4. Съ 1815 года.

Т.—1815: эпитафія ген. Дорохову (22, 146).

Степановъ—1815: на выступленіе гвардіи въ 1815 г. (22, 240—242); Ан. П. Буниной, на отъѣздъ ея въ Англію (23, 240).

1, 14—17.—1815: Наполеонъ на Эльбѣ (22, 242—244).

Арк. Родзянко.—1815: Эней и Анхизъ, отрывокъ 2-й пѣсни Энеиды (23, 59—64).

Кат. Пучкова—1815: А. П. Буниной, на отъѣздъ въ Англію (24, 26).

Кн. Кат. Урусова.—1815: имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, на случай молебствія въ с.-пб. Казанскомъ соборѣ (24, 56).

Кн. М. Долгоруковъ.—1815: Эльфридѣ (26, 97).

Е. Кзнцъ.—1815: отвѣтъ на эпиграмму NN (25, 149).

Ген.-м. Койленскій.—1815: къ кабинету Бонапарта (15, 67).

К. В.—1815: пѣснь на день рожденія имп. Александра I, пѣснь на открытіе въ Москвѣ дома россійскаго благороднаго собранія (19, 104—106); воробьи и овсянка (23, 198).

Н. П.—1815: эпиграмма (19, 196).

Н. М.—1815: надпись къ памятнику Пожарскому и Минину (20, 68).

О изъ Во...—1815: свѣтящійся червячекъ и алмазъ, басня (20, 126—127).

Пав. Катенинъ.—1815: Наташа (21, 16—19); пѣвецъ (20, 138—139); убійца (22, 143—146); лѣшій (26, 57—60).

Безъ подписи: надпись на мечъ вел. кн. Псковскаго Гавріила (1, 253).

1812: чувствованія россіянки, возбужденныя побѣдами россійскихъ войскъ (2, 131—134); 1813: казацкая военная пѣснь, съ англійскимъ оригиналомъ (6, 83—84); авангардная пѣснь, доставлена изъ главной квартиры (6—306); австрійскій народъ своему государю, съ нѣмецкаго (7, 42—43); пѣсня петербургскихъ жителей на отъѣздъ царицы матушки къ царю батюшкѣ 19 декабря 1813 г. (10, 293—294); 1814: надпись къ портрету Александра I, изъ „Сѣверной Почты" (14, 98); стихи на послѣднія происшествія въ Европѣ (14, 200—201); пѣснь народная (14, 201—207); гласъ дѣтской благодарности къ неизвѣстному благотворителю питомцевъ Новгородской семинаріи (14, 245—249); на всерадостное прибытіе Государя Императора въ С.-Петербургъ, на освѣщеніе С.-Петербурга (15, 154); народная пѣснь (15, 240—241).

1812 годъ.

Прозаическая часть.

Журналъ не имѣлъ опредѣленнаго распредѣленія по отдѣламъ и статьи помѣщались подъ-рядъ, каждая съ отдѣльною нумераціей. Въ видѣ особаго отдѣла помѣщались *новости*, гдѣ излагались извѣстія о текущихъ событіяхъ, и выписки изъ иностранныхъ газетъ и *смѣсь*, гдѣ помѣщались анекдоты и болѣе мелкія извѣстія изъ текущей иностранной и русской военной и общественной жизни. Отдѣлъ новостей, какъ слишкомъ дробный и имѣвшій лишь текущій интересъ, мною опущенъ.

Римскія цифры означаютъ части или книги, а арабскія—страницы.

Статьи относящіяся къ эпохѣ французскихъ войнъ:

Объявленіе (декларація) главнокомандующаго Кутузова при проходѣ войскъ за границу (II, 276—278).

Приказъ по корпусамъ русской арміи (II, 241—244).

Перечень письма изъ главной квартиры отъ 23 сентября (I, 153—163).

Отрывки изъ письма одного смоленскаго помѣщика къ своему пріятелю 4 и 12 сентября (I, 122).

Перечень письма изъ Москвы въ октябрѣ 1812 г. (II, 41—47).

Письмо кн. Кутузова къ жителямъ Калуги (II, 122—124).

Письмо изъ Мурома, 20 ноября 1812 г.; Вильно, 30 ноября 1812 г. (II, 185—187); изъ Вильны отъ 1 декабря (II, 270—273).

Содержаніе разговора между королемъ Неаполитанскимъ и генер. Михорадовичемъ на аванпостахъ 29 сентября 1812 г. (II, 99—103).

Письмо къ издателямъ изъ Тамбова о памятникѣ имп. Александу I, А. П—ъ (II, 32—36).

Приглашеніе объ учрежденіи с.-петербургскими дамами патріотическаго общества, подъ покровительствомъ имп. Екатерины Алексѣевны (II, 16—18); уставъ общества (II, 53—59).

Переводныя:

Громовый ударъ, слова Наполеона о войнѣ съ Англіею, д'Иверную (II, 18—21).

Письмо французскаго витебскаго коменданта къ виленскому (I, 256—259).

Выписка изъ испанскихъ журналовъ (I, 22—25).

Отвѣтъ на донесеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ императору Наполеону, читанное, по его повелѣнію, блюстительному сенату 8 марта 1812 г. (I, 71—77, 118—122, 207—211; II, 216—223, 258—268) съ франц. изъ „Journ. du Nord" С. Л—ва.

Статьи историческія и общаго содержанія:

Гласъ русскаго (I, 47—51).

Посланіе къ русскимъ, А. Куницына (I, 177—185).

Замѣчанія на нынѣшнюю войну, его же (II, 49—53).

Бесѣда русскаго съ соотчичами своими на развалинахъ Москвы, Р—нъ (I, 225—236).

Отрывокъ изъ письма Г. В. Г. къ другу своему о звѣрствѣ Наполеона (I, 241—244).

О Бонапартѣ, А. Струговщикова (II, 3—8).

Мысли и правила: революція, хищникъ престола, Бонапартъ, Я. (II, 71—83).

О разглашеніяхъ (бюллетеняхъ), Ал. П...л...ъ (II, 89—98).

Воззваніе къ жителямъ Москвы еписк. Августина, по случаю полученія пожертвованія въ 20.000 р. отъ членовъ Императорскаго Дома (II, 237—240).

Сравненіе варваровъ XVII и XIX столѣтій (II, 253—258).

Войны и завоеванія французовъ въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, соч. Коцебу (I, 246—255; II, 8—15, 104—112, 159—167).

Походъ Дарія въ Скиѳію, соч. Г. Струве (I, 129—145).

Освобожденіе Швеціи отъ тиранства Христіана II-го короля датскаго, Ив. Найденова (II, 143—159).

Переводныя:

Гласъ истины, статьи изданныя Арендтомъ на нѣмецкомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ (I, 1—16).

Отрывки, переводъ съ нѣмецкаго изъ книги Арендта „Geist der Zeit" (I, 106—112).

Сужденіе о Бонапартѣ, сокращеніе изъ англійскаго сочиненія, появившагося въ 1807 г. (I, 17—22, 51—58, 99—105, 145—155).

Гражданскій катихизисъ, или краткое обозрѣніе должностей испанца, съ показаніемъ въ чемъ состоитъ свобода и кто врагъ его. Напечатано въ Севильѣ въ 1808 г. и роздано по училищамъ (I, 59—67).

Шпага Франциска I-го, объявленіе, обнародованное въ Севильѣ 3 авг. 1808 г., по случаю выдачи испанскимъ правительствомъ Наполеону шпаги взятаго въ плѣнъ французскаго короля Франциска имп. Карломъ V-мъ въ сраженіи при Павіи 1515 г. (68—70).

Изображеніе важнѣйшихъ причинъ, побудившихъ испанцевъ къ учрежденію верховной севильской юнты (I, 185—194, 236—245).

Осада Сарагоссы, съ англ. С. Л—въ (II, 21—33, 112—121, 206—216, 245—253).

Отвѣтъ испанскаго ген. Палафокса Лефевру на предложеніе о сдачѣ (II, 194—206).

Вступленіе въ исторію освобожденія Нидерландовъ, Шиллера (I, 89—99).

Рѣчь скиѳскаго царя Александру Македонскому, пер. изъ Квинта Курція А. Куницынъ (II. 189—194).

Исповѣдь Наполеона Бонапарта изъ сочиненія ген. Сарразена: „Confessions du général Buonoparté à l'abbé Maury". Londres 1871 г. (I, 194—206; II, 59—71).

Рѣчь, говоренная папою Піемъ VII-мъ послѣднему французскому послу Алькіеру при прощальной аудіенціи въ 1808 г. (I, 163—168).

Наставленіе данное исполнительною директоріею гражданину Шереру, главнокомандующему въ Италіи (II, 169—179).

Подвиги русскихъ во время войны: I, 43, 112—117 (отношеніе слугъ къ господамъ), 125—126, 167—168, 216, 244—247; II, 37—39 (событіе подъ Смоленскомъ при отступленіи), 40 (освобожденіе Винценгероде), 43—44, 83, 127—128, 180, 224—226, 233, 273—275 (извѣстіе изъ арміи).

Событія и анекдоты изъ военной жизни французовъ и ихъ союзниковъ: I, 44, 77—78 (объявленіе германскихъ принцевъ, служащихъ въ Россіи, внѣ законовъ и сожженіе библіотеки Бутурлина), 124 и 125, 127, 212—216 (лживость французскихъ бюллетеней и проч.); II, 44—45 (смерть испанскаго посла при Русскомъ Дворѣ, ген. Пардо де Фагероа), 83 (мнѣніе Пироне о галлахъ), 125—127, 128—130 (ссылка на каторгу 4-хъ купцовъ въ Нанси за контрабанду), 180—182, 184, 188, 224, 227—234, 268—271, Z; 275, 278.

Библіографія:

Выписка изъ книги: „Hassels statistischer Abriss des Russischen Kaiserthums" (I, 165—166).

Содержаніе и выписка изъ книги: „Napoleon administrateur et financier", par d'Uvernoua (I, 239—241) страницы перепутаны (II, 137—143).

Программа журнала на будущее время (I, 254—255).

1813 годъ.

Римскія цифры означаютъ части (съ III до X включительно).

Статьи общаго содержанія:

Слова московскаго викарія Августина: 1) въ день тезоименитства имп. Александра I-го (X, 3—24); 2) при годичномъ поминовеніи падшихъ подъ Бородиномъ (IX, 67—73); 3) рѣчь при возвращеніи хоругви московскаго ополченія (IX, 78—81).

Слова при поминовеніи падшихъ подъ Бородиномъ архим. Законноспасскаго монаст. Симеона (IX, 74—77).

Рѣчь при освященіи медалей въ память 1812 г. петер. митроп. Амвросія (IX, 89—91).

Слово въ день воспоминанія объ изгнаніи французовъ калужскаго еписк. Евгенія (X 257—272).

Слово на день рожденія имп. Маріи Ѳеодоровны вятскаго протоіерея Емел. Леонтьева (IV, 49—63).

Слово на погребеніе Кутузова арх. Филарета (VI, 219—237).

Рѣчь, въ память Кутузова, префекта Смоленской семинаріи игум. Сельвестра (VII, 164—166).

Слово при гробѣ принца Георга Ольденбургскаго, пер. съ нѣм. (IV, 13—19).

Рѣчь о любви къ отечеству проф. Дерптскаго универ. А. С. Кайсарова 12 ноября 1811 (VII, 3—20).

Рѣчи сенатора Бибикова, посвященныя митр. Амвросію (V, 169—177).

Рѣчь еврея Маркевича въ Дерптѣ, пер. съ нѣм. (III, 209—220).

Письма Оленина къ архим. Филарету и отвѣтъ его (VII, 219—235; VIII, 3—15).

Грамота пожалованная царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Козьмѣ Минину (III, 105—109).

Подлинное изображеніе Петра Великаго (X, 170—173).

Извѣстіе о жизни Платона митрополита московскаго, М. В. (III, 13—18).

Духовное завѣщаніе митроп. Платона (III, 246—251).

Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ: письмо I-е (VIII, 89—97); письмо II (129—139); письмо III (IX, 3—13); письмо IV (IX, 211—234); письмо V (IX, 259—270; X, 24—33); письмо VI (X, 97—105).

Воззрѣніе на войну французовъ, въ союзѣ съ десятью европейскими державами противъ Россіи 1812 г., со стороны ума, породившаго въ Наполеонѣ исполинскую мысль съ покореніемъ Россіи быть обладателемъ вселенной (III, 49—69).

Размышленія русскаго патріота о быстрыхъ успѣхахъ разрушительной системы французскаго просвѣщенія, Р. Р. (IV, 145—159).

Изложеніе средствъ, употребленныхъ Наполеономъ, для направленія общественнаго мнѣнія въ 1813 г., изъ „Сѣверной Почты" (V, 71—82; 123—133).

Вліяніе Россіи и Франціи, соч. Коцебу (VI, 179—185).

Общій миръ (X, 235—244).

О всеобщей монархіи въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ (IX, 171—184; 235—241).

Мысли русскаго о конкордатѣ Наполеона съ папою въ январѣ 1813 г., Р—фъ (IV, 281—289; V, 12—19); еще нѣчто о конкордатѣ (V, 317—324; VI, 19—23); еще о конкордатѣ (IX, 12—17).

Французская конскрипція (VII, 29—39; 61—72).

Характеръ войны послѣ французской революціи (VII, 40—44).

Изступленіе французской политики въ XIX вѣкѣ, А. М. (VIII, 33—40; 49—63).

Двадцатое апрѣля, А. М. (69—79).

Вѣрные союзники Римъ и Сагунтъ, П. Б. (VII, 152—159).

Отрывокъ изъ письма одного путешественника, бывшаго во Франціи (IV, 269—280).

Письмо къ друзьямъ о Бонапартѣ и о нашемъ времени, Г. (X, 217—234).

Арміи-машины (X, 290—292).

Система твердой земли или континентальная, Z. (IV, 220—223).

Некрологъ А. С. Кайсарова (VI, 237—240).

Переводныя:

Положеніе Европы въ декабрѣ 1812 г., соч. Меркеля (III, 1—12; 79—85; 109—116; 174—182; IV, 20—27; V, 177—185).

Нынѣшніе замыслы Наполеона, его же, изъ „Зрителя" (V, 211—215).

Положеніе и надежды Европы, его же (VIII, 183—199; 223—234; IX, 23—33; 55—66).

Значеніе земскаго охраннаго войска въ Германіи, его же (VII, 85—88).

Объ отступленіи союзныхъ армій къ Швейдницу, его же (VII, 201—206).

Дипломатическія учтивости имперскаго журнала (Journ. de l'empire) изъ рижскаго журнала Меркеля „die Glossen" (VIII, 152—160).

Пагубныя слѣдствія континентальной системы, изъ книги Авг. В. Шлегеля: „Sur

le système continentale et sur ses rapports avec la Suede (VII, 114—119, 135—151, 182—194; VIII, 145—152; IX, 92—105).

О всеобщей монархіи, изъ политическихъ наставленій Бимфельда (VIII, 199—203).

Мысли одного писателя о своемъ отечествѣ, съ фр., Як. Пожарскій (VII, 160—164).

Исторія Голландіи въ новѣйшія времена, переводъ нѣмецкаго предисловія къ посланію бывшаго нѣмецкаго короля Лудовика-Наполеона (X, 106—114, 156—164, 177—189, 273—283), пер. С. Л.

О просвѣщеніи россіянъ, курляндскаго ландрата бар. Шлиппенбаха, пер. съ нѣм. П. И—ъ (IX, 106—114).

Прокламація верховной юнты испанской (III, 157—173).

Бонапарте и импер. Юліанъ, сочин. одного знаменитаго англійскаго литератора (III, 220—232).

Тюрень и—прости священная тѣнь героя!—и Бонапарте, изъ Life of Buonap. L, p. 46 (IV, 223—226).

Походъ Бонапарте въ Египетъ (V, 3—12, 113—121; VI, 51—61, 241—251, 291—301), пер. Ст. Л—въ.

Письмо римскаго императора Леопольда I къ англійскому королю Іакову II, изъ „The Harleian Miscellany" (VI, 131—137).

Французская клевета на Делиля (VII, 130).

Извѣстіе о главномъ библейскомъ обществѣ въ Лондонѣ (III, 197—199).

Статьи, относящіяся до эпохи французскихъ войнъ:

Воззваніе къ государямъ германскимъ изъ русскаго стана (IV, 195—205).

Обозрѣніе кампаніи 1812 г. съ 12 іюня по 31 декабря (III, 117—141, 183—190, 232—239; IV, 124—129).

Записки, относящіяся къ исторіи войны 1812 и 1813 годовъ, К. В. (IX, 155—165, 185—199, 249—255; X, 34—42, 73—81).

Приступъ къ Лейпцигу (X, 49—57).

Капитуляція Данцига (X, 210—216).

Отступленіе французовъ, соч. русскаго офицера, на нѣмецк. яз. напечатанное при главной квартирѣ (III, 26—36, 69—78).

Списокъ взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ генераловъ (III, 42—43).

Списокъ корпусамъ, составлявшимъ французскую армію въ началѣ войны 1812 г. (III, 257—265).

Списокъ потери французской арміи отъ сраженія при Витебскѣ до битвы при Бородинѣ (III, 266—280).

Взглядъ на плѣнныхъ французовъ въ Россіи (VI, 301—306).

Краткое извѣстіе о жизни и подвигахъ ген.-майора Кульнева (IX, 131—138).

Воспоминанія о Багратіонѣ, доставленныя врачомъ 2-й арміи Гангартомъ (VII, 175—181).

Кончина кн. Багратіона (IV, 227—228).

Смерть Кутузова (V, 37—43; VI, 208; VII, 85).

Извѣстіе о подвигахъ и службѣ ген. Коновницына (VII, 21—29; IX, 83).

Извѣстіе о генер. Моро, прибывшемъ изъ Америки (VII, 259—260; VIII, 206—207; приб. XVIII, 1—3), Б. В.

Врачъ-благодѣтель, русскій дворянинъ, Ив. Дороѳ. Гильдебрандтъ, майора Лаврова (VIII, 76—80).

Поднесеніе меча командиру с.-петербургскаго ополченія сенатору Бибикову и рѣчь его (X, 58—63).

Спасеніе несчастнаго семейства вдовы Н. П. Бунинной, сооб. Анна Бунина (III, 85—90).

Письмо фельдмаршала Кутузова протоіерею Казанскаго собора, съ препровожденіемъ 40 пудовъ серебра (III, 141—142).

Скромность истиннаго героя: отказъ Кутузова въ написаніи его портрета (VII, 123—128).

Перечень письма русскаго офицера изъ арміи отъ 22 мая (VII, 95—102).

Письма русскаго офицера изъ Кенигсберга въ Москву (IV, 130—132); изъ Берлина (V, 89—91).

Письма русскаго офицера изъ Теплица отъ 17 сентября (IX, 128—129),—изъ-подъ Данцига (170).

Письмо русскаго офицера изъ арміи отъ 18/30 августа 1813 г., соч. Щ. (VIII, 161—163).

Письмо къ N. N. о сраженіи 27 и 29 августа близъ города Теплица, А. Писарева (IX, 49—54).

Подвиги русскихъ гренадеровъ, его же (VII, 51—60).

Посланіе казака Ермолая Гавриловича къ атаману Платову (V, 185—194).

Письмо изъ Москвы (VI, 61—65).

Москва въ исходѣ 1813 г., М. Макарова (X, 197—201).

Извѣстіе о нынѣшнемъ положеніи Москвы въ февралѣ 1813 г. (IV, 105—117).

Письмо изъ Витебска, С. С. и К. М. (VI, 3—17).

Перечень письма изъ Ковны, пастора Б. (V, 91—93).

Отрывки изъ записокъ виленскаго жителя, Г. Д. (IV, 170—179, 206—219).

Перечень письма, полученнаго изъ Мурома (III, 92—95).

Письмо къ издателямъ изъ Дорогобужа (помѣщики Изъединовы), отст. майора Потѣхина (IX, 14—21).

Письмо изъ Сарепты, Воейкова (V, 251—260).

Врачи въ Курляндіи, изъ книги: „Beiträge zur Geschichte des Krieges im Jahre 1812 u. 1813“, бар. Ф. Шлиппенбаха, пер. П. К—въ (V, 216—229, 260—271; VI, 24—33, 115—122, 138—145).

Присяга испанцевъ, передавшихся отъ Наполеона въ Россію (V, 301).

Освященіе знаменъ Испанскаго Александровскаго полка въ Царскомъ Селѣ 7 іюля 1813 г. (VII, 120—123).

Орденъ подвязки, изъ англійской исторіи Гюма и сочиненій *Г. Гизиміера*, Ос. Галиковскаго (X, 64—72).

Переводныя:

Воззваніе къ пруссакамъ (IV, 64—77).

Воззваніе къ нѣмцамъ въ „Виртембергскомъ Мониторѣ“, съ замѣчаніями (V, 194—204).

Манифестъ короля Виртемберскаго (X, 209—210).

Манифестъ императора Австрійскаго (VIII, 104—122).

О приступленіи Австріи къ союзу освободителей Европы, изъ нѣм. журнала (VI, 65—69).

Кампанія 1813 г. до перемирія, изъ книги: „Der Feldzug von 1813, bis zum Waffenstillstand“, соч. Гнейзенау (X, 42—44, 81—86, 165—170).

Военное описаніе театра войны, изъ „Лойда“, пер. —ъ (VIII, 169—182, 209—222).

Характеръ Наполеона, изображенный имъ самимъ (VI, 91—105, 146—159).

Подробное описаніе заговора, открывшагося въ Парижѣ въ октябрѣ 1812 г. (VI, 77—79, 105—115, 185—191).

Король голландскій Людовикъ Бонапарте (VIII, 203—206).

Фридрихъ-Августъ и Саксонія, изъ „Прусскаго Корреспондента" (VI, 201—206).

О переходѣ англичанъ черезъ Пиренейскія горы (VII, 197—201).

Приказъ фельдмаршала кн. Шварценберга 5/17 августа 1813 г. (VIII, 123—125).

Отлученіе Наполеона отъ церкви папою Піемъ VII, изъ нѣм. журн. „Der Patriot", пер. А. Реннеканпфъ (IV, 3—12, 259—269; V, 20—31, 83—89, 134—140).

Новое отлученіе Наполеона отъ церкви папою Піемъ VII (V, 229—234).

Донесеніе его велич. королю Шведскому министра Энгестрема (IV, 29—34, 78—89, 119—124, 130—169, 180—188).

Донесеніе военнаго министра герц. Фельтрскаго Наполеону (V, 31—37, 141—148).

Посланіе короля голландскаго Людовика Наполеона къ законодательному корпусу (V, 57—69).

Разговоръ Наполеона съ австрійск. генер. гр. Бубною (V, 325—333; VI, 33—37).

Письмо наслѣднаго Шведскаго принца къ Наполеону (IX, 33—39).

Выписка изъ англійскихъ журналовъ (X, 206—207).

Выписки изъ иностранныхъ вѣдомостей съ замѣчаніями (III, 37—40).

Замѣчанія англійскаго журналиста на вшествіе Наполеона въ Парижъ (III, 147—149); внизу примѣчаніе: „эта колкая насмѣшка напечатана въ англійскомъ журналѣ „The Courtier"; помѣщаемъ ее въ сокращеніи, *пропустивъ нѣкоторыя неблагопристойности*".

Слово на празднованіе мира Пруссіи съ Россіею 1763 г., пастора Д. Р. Пургольда въ Магдебургскомъ княжествѣ (VI, 209—237).

Размышленія о послѣдствіяхъ, которыя могли бы произойти отъ покоренія Россіи Наполеономъ, читано въ патріотическомъ обществѣ, пер. съ англ. А. М. (IX, 204—208, 271—281).

Воззваніе кардинала Мори во время благодарственнаго молебствія въ Парижѣ и отвѣтъ на него, пер. Ф. П—въ (VII, 237—257; VIII, 17—32, 64—75, 99—103, 141—144).

Отвѣтъ русскаго на воззваніе кардинала Мори, Ал. Арс. (IX, 243—248, 283—302).

Рѣчь Великобританскаго принца-регента при открытіи парламента (X, 92—96).

Перечень письма изъ Галліи (X, 208).

Дневныя записки дрезденскаго жителя (X, 173—176).

Испанскій генералъ Контрфасъ, изъ англ. журн. (VIII, 234—240).

Характеръ лорда Веллингтона, изъ нѣм. журнала (VII, 194—197).

Смерть и письма адмирала Вильнева (V, 40—43).

Германскій Брутъ, K. D. V. B. (VI, 171—179).

Русскіе анекдоты изъ войны 1812 г.: III, 41—42, 91—92, 150—151, 195—196 (казнь Энгельгардта), 196, 294—296 (Г. Гераковъ); IV, 94—96, 132—134, 182—184, 297—298; V, 37—40 (купецъ Живовъ), 149—150, 194—195, 235, 284—285 (пожертвованія), 341; VI, 81—82 (сибир. гостепріимство), 123—128, 160—163, 207; VII, 44—46 (поваръ и кирасиры, М. К—ва), 129 (учрежденіе почтамта), 167—168 (музык. соч. де-Гельда), 258—259; VIII, 41—42 (служба гр. Мусинъ-Пушкина), 164—165 (торжество въ Америкѣ); IX, 81—82 (награды семействамъ Энгельгардта и Шубина), 165 (гр. Остерманъ), 199—203 (Н. П. Титова), М. С. Бирюковъ; X, 205 (письма Е. Фукса къ Платову), 290—293 (глава 6 въ исторіи Отеч. войны).

Анекдоты о Наполеонѣ и его генералахъ, разборъ французскихъ извѣстій (III, 143—147, 149—150, 197, 240—242, 290—294; IV, 35—41, 90—94, 97, 134—136, 290—296; V, 93—95, 150—152, 235—237, 286—287, 338—341; VI, 79—81; VII, 130—131, 209; VIII, 81—83, 166—167 (плѣнный маршалъ Вандамъ), 241—246; IX, 39—42,

126—128, 165—170, 208—209, 303—304; X, 44—47, 126—127 (отряды прусскихъ добровольныхъ стрѣлковъ), 131—134, 254—256.

Извѣстія изъ армія (III, 191—195).

Библіографія и критика:

Біографія Наполеона Бонапарте, генер. Сарразена изъ сочин. „Исповѣдь генерала Бонапарте" (III, 19—26).

Извѣстіе о книгѣ: памятникъ французамъ, или приключенія московскаго жителя, П. Ж. (Петра Жданова) (III, 280—289).

Отзывъ о „Русскомъ Вѣстникѣ" (IV, 184—185).

Извѣстіе о книгѣ: краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву и пребываніе въ оной, Ф. Корбенецкаго, С.-Пб. 1813 г. (V, 271—283).

Отзывъ о книгѣ: разсужденія о войнѣ 1812 г., полк. Чуйкевича (V, 334—338).

Отзывъ о книгѣ: о преподаваніи исторіи относительно къ народному воспитанію, С.-Пб. 1813 г. (VI, 192—201)

Отзывъ и извлеченіе изъ книги: русскіе и Наполеонъ Бонапарте, писано московскимъ жителемъ 1813 г., М. (VII, 73—84, 103—113).

Курьезы во франц. книжкѣ Coup d'oeil sur la Russie, Z. (VII, 207—209).

Отзывъ о книгѣ: бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная сторона правленія нынѣшняго ихъ повелителя, описанная очевидцемъ-наблюдателемъ, С.-Пб. 1813 г. (IX, 115—125, 139—154); отзывъ по поводу этой книги Фабера (IX, 255—257).

О необходимости составленія исторіи 1812 г. русскимъ, Меркель (IX, 25).

Извѣстіе о новой книгѣ: опытъ россійской библіографіи, соч. В. Соколова (X, 115—125).

Къ читателямъ „Сына Отечества", будущая программа журнала (X, 244—251).

Предувѣдомленіе къ тайной „Исторіи новаго французскаго двора", перев. съ франц. Г. Г., С.-Пб. 1807 г. (X, 284—288).

1814 годъ.

Римскія цифры означаютъ части (съ XI по XVIII включительно).

Журналъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: I) *Литература, науки, художества*, куда входила подробная библіографія всѣхъ выходящихъ книгъ и критическіе отзывы о важнѣйшихъ изъ нихъ (мы не будемъ приводить простаго библіографическаго указанія вышедшихъ книгъ и тѣхъ отзывовъ, гдѣ нѣтъ никакихъ существенныхъ указаній, кромѣ голословнаго указанія хорошихъ и дурныхъ изданій) и II) *Современная исторія и политика*: разсужденія о политическихъ и военныхъ происшествіяхъ, выписка изъ иностранныхъ журналовъ и брошюръ, новѣйшія извѣстія о современныхъ происшествіяхъ. Этому послѣднему содержанію посвящены были особыя прибавленія, подъ заглавіемъ „Новости", выходившія разъ въ недѣлю или болѣе; сверхъ того, въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій въ необыкновенные почтовые дни и съ эстафетами, выдавались особые листки подъ заглавіемъ: Къ читателямъ „Сына Отечества".

Общія статьи:

Слово викарія московскаго Августина: 1) по случаю побѣды при Лейпцигѣ (XI, 3—14); 2) слово предъ молебствіемъ о взятіи Парижа (XIV, 178—188); 3) слово на заключеніе мира (XVI, 211—227).

Рѣчь говоренная при входѣ въ Казанскій соборъ митрополитомъ Амвросіемъ (XV, 155—156).

Слово по случаю торжественнаго молебствія за побѣды, воронежскаго епископа Антонія (XIII, 3—23).

Слово на заключеніе мира, тульскаго епископа Амвросія (XVII, 152—153).

Слово въ день торжества о взятіи Парижа, ректора петрозаводскаго духовнаго училища, протоіер. Іос. Ярославова (XIV, 145—150).

Рѣчь при празднованіи о заключеніи мира, рижскаго протоіер. Ник. Загорскаго (XVI, 21—23).

Слово во объявленіи манифеста о мирѣ, послушника курскаго Знаменскаго монастыря кн. Прок. Мещерскаго (XVII, 89—92).

Торжество московскихъ музъ, рѣчь проф. Р. Ф. Тимковскаго (XIV, 3—20).

Жертва сердечныхъ чувствованій, приносимыхъ питомцами музъ свыше благословенному Александру, освободителю и примирителю Европы, читана на актѣ педагогическаго института П. Георгіевскимъ (XVIII, 241—266).

Слово на торжество о заключеніи мира, учителя поэзіи А. Тихомірова въ Калугѣ (XV, 137—145).

Предопредѣленіе счастія и благоденствія Россіи (XV, 175—184).

Предвѣщаніе о славѣ императора Александра (XV, 215—229).

Другъ честныхъ людей, или стародумъ, соч. фонъ-Визина (XVII, 129—140, 177—183; XVIII, 177—179).

Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ: письмо VIII-е (XI, 62—73); письмо IX (97—109); письмо X (XII, 19—30); письмо XI (XVI, 39—54); письмо XII (XVII, 3—17, 49—60).

Допросъ, взятый Миносомъ съ Наполеонова любимца, Н. Страхова (XVI, 204—209).

Нѣчто объ орденѣ Подвязки, бывшемъ будто бы у боярина Матвѣева, К. Калайдовича (XI, 15—18).

Обликъ или портретъ вел. кн. Святослава Игоревича въ сочиненіи Льва Дьякона, А. Оленина (XI, 49—60).

Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ писателей, его же (XII, 3—19).

О серебряныхъ дѣлъ мастерѣ Парамшинѣ (XIV, 6), П. Строевъ (XI, 239—243).

О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ, его же (XIV, 284—293).

Примѣчанія на древнее состояніе Россіи, взятыя изъ введенія въ повѣствованіе о боярынѣ Арт. Сер. Матвѣевѣ, соч. П. Львова (XIV, 129—144, 189—195, 225—244).

Примѣчаніе о древнихъ русскихъ законахъ, его же (XVI, 3—20; XVIII, 17—28).

Письмо изъ Кенигсберга К. Шульца—о рукописяхъ въ кенигсбергскомъ архивѣ, касающихся русской исторіи (XVI, 145—149).

О существѣ солнца, изъ петерб. мѣсяцеслова на 1814 г. Шуберта (XI, 89—96, 149—155).

О нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Россіи, изъ соч. написаннаго Германомъ въ 1807 г. (XIII, 82—102; XIV, 41—58, 81—94).

Извѣстіе о прибытіи кап. Ченслера изъ Архангельска въ Москву и о пребываніи его въ сей столицѣ, изъ рукоп. соч. г. Крузенштерна (XI, 177—186).

Путешествіе кап. Головнина на Курильскіе острова, изъ петерб. календаря на 1814 годъ (XI, 225—238; XII, 43—52, 98—193).

Наблюденія русскаго въ Америкѣ: описаніе стимбота (пароваго судна), П. Свиньина (XVI, 135—144, 175—182).

Переѣздъ мой изъ Франціи въ Англію, его же (XVII, 18—26, 60—62, 102—110, 141—150).

Взглядъ на республику соединенныхъ американскихъ областей, его же (XVII, 253—270; XVIII, 3—17, 41—57, 85—96).

Наружный видъ Парижа, изъ книги Цвѣтаева: „Панорама Парижа“, М. 1816 г. (XIII, 176—182).

Воробьевы горы, Н. Страхова (XIV, 309—303).

Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Москвы (XVII, 36—46).

Перечень письма изъ Москвы, В. К. (XII, 93—98).

Письмо изъ Москвы, N. N. (XIV, 273—284).

Письмо изъ Германіи, о вліяніи на нее пребыванія французовъ, VII (XI, 186—193).

Прогулка въ академію художествъ, письмо стараго московскаго жителя (XVIII, 121—132, 162—176, 201—215).

О синонимахъ, Н. Ибр(агимова) (XI, 137—143).

Синонимы: способъ, средство, К(няжевича) (XII, 58—62).

Послѣдняя ночь 1813 г., У. М. (XI, 110—124).

Памятникъ Павлу I-му въ Калмыцкихъ степяхъ, Н. Страхова (XVI, 125—126).

Отрывки изъ книги: „Подвиги гр. М. Ан. Милорадовича въ Отечественную войну", Д. Д. В. (XVII, 241—247).

Некрологъ архитектора Анд. Ник. Воронихина (XII, 231—236).

Извѣстіе о жизни директора Царскосельскаго лицея, В. Ф. Малиновскаго (XIII, 220—223).

Мои чувствованія при воспоминаніи о праведникѣ, врачѣ Трохимовскомъ, Анна Т—я (XIII, 51—59).

Письмо къ земякамъ (XII, 85—93, 131—144, 179—192). *Очень курьезное.*

Машина, изобрѣтенная инж.-механик. Пуаде-Бардомъ для взвода судовъ съ грузомъ вверхъ по большимъ рѣкамъ, П. Ш. (XV, 59—66).

Переводныя.

Начертаніе славянской исторіи изъ соч. Шлецера: Allgemeine Nordische Geschichte, пер. Дм. Языковъ (VIII, 160—176, 208—219, 248—255; XIV, 20—30).

О характерѣ русскаго, соч. англійскаго генер. Итона, служившаго въ Россіи (XII, 41—56, 103—108), пер. Сп. Дети.

Соединеніе нравственности съ политикою, изъ соч. Гарве: Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, 1788 г. (XIII, 120—142), пер. К. О.

Разсужденіе объ элегіи, соч. Мальтебрёна, изъ журн. „Spectateur" (XVIII, 215—225), пер. П. К...въ.

Нынѣшняя литература западной Европы, изъ соч. Меркеля: Ansichte aus der Ferne, въ журн. „Zuschauer" (XVIII, 58—60, 132—142).

Мысли изъ исторіи, изъ „Geist der Zeit.", соч. Арндта (XI, 193—199), пер. А. К.

Краткія историческія извѣстія объ орденѣ іезуитовъ (XVII, 281—283; XVIII, 113—114).

Характеръ древнихъ галловъ и нынѣшнихъ французовъ (XV, 3—16, 97—109, 185—196, 229—240).

Изображеніе Аттилы, изъ соч. г-жи Сталь (XV, 17—21).

Парижскія письма о завоевателѣ (XV, 49—59, 109—117), изъ франц. журн.

Письмо Фенелона къ Людовику XIV, изъ книги Nouvelle vie de Fenelon (XII, 220—230; XIII, 24—28).

Путешествіе англичанина по Норвегіи, изъ англ. журн. (XVI, 183—193).

Рескриптъ Фридриха II, изъ веймарскаго журн. „Nemesis" (XVII, 152—153).

Успѣхи просвѣщенія во Франціи, пер. изъ Мюзара (XVII, 161—164).

С.-Доминго и стремленіе Франціи къ его покоренію (XVII, 164—168).

Ложный дофинъ, изъ Erinnerungen aus Paris im Jahre 1814 г. A. v. Kotzebne (XIV, 158—164, 253—258, 297—301), пер. К. О.

Содержаніе и выписка изъ книги Mémoires de la Reine d'Etrurie (Маріи-Луизы

Бурбонской, дочери Карла IV, короля испанскаго), écrites par elle même, trad. de l'italien par M. Le Mierre (XVIII, 114—117).

Статьи относящіяся къ современнымъ событіямъ:

Взглядъ на нынѣшнее состояніе европейскихъ государствъ (XV, 79—88; XVI, 122—124, 244—249).

Выписка изъ историческаго обозрѣнія достопамятнѣйшихъ происшествій 1812 г., помѣщеннаго въ С.-Петеб. мѣсяцословѣ на 1812 г. (XI, 162—168).

Взглядъ на Европу (XVII, 204—209).

Первое января 1813 г. и первое января 1814 г. (XI, 31—36).

30 августа 1814 г. и манифестъ того дня (XVI, 167—169).

Императоръ Всероссійскій и Бонапарте, Уварова (XV, 70—79, 120—127, 157—166).

Александръ I, спаситель отечества и Россіи, Н. Страхова (XIV, 60—64).

Побѣдоносный Александръ въ Парижѣ, соч. Е. Ф. (XIII, 240—246).

Императоръ Александръ въ Парижѣ (XIII, 156—159).

Описаніе Парижа (XIII, 152—155, 198—201).

Народная война 1812, 13 и 14 годовъ, Р. (XIII, 145—151, 188—192).

Описаніе областей и городовъ, завоеванныхъ союзными войсками во Франціи (XII, 34—36, 66—70, 163—164).

Обозрѣніе Наполеоновыхъ захватовъ (XV, 203—209).

Приказъ имп. Александра I-го 25 декабря 1813 г. (XI, 171—172).

Письмо ген. Милорадовича къ ген.-ад. кн. П. М. Волхонскому (XVI, 55—64).

Подвиги русскихъ гренадеръ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, А. Писарева (XI, 39—43).

Письмо изъ арміи, его же (XII, 123—128, 173—177; XIII, 204—206).

Письмо къ издателямъ о подвигахъ гренадерскаго корпуса, его же (XVIII, 65—70).

Письмо русскаго офицера изъ Парижа, 2 апрѣля, А. Б. (XIV, 101—107).

Письмо къ издателямъ изъ Парижа отъ 20 мая (XV, 41—43).

Письмо русскаго къ русскому о вступленіи въ Парижъ, Л. (XVI, 68—81).

Новѣйшія извѣстія изъ Вѣны, Б. В. (XVII, 171—173).

Русская артиллерія, отзывъ ген. Гнейзенау и отвѣтъ на него (XVII, 117—122).

Памятники въ Силезіи (XVIII, 71—74).

Переводныя:

Взглядъ на нынѣшнее время, соч. Меркеля (XI, 36—38).

Политическая картина Европы послѣ Лейпцигскаго сраженія, изъ книги, изданной въ Лондонѣ: Tableau politique de l'Europe depuis la bataille de Leipsig (XI, 127—133, 209—215).

Истинное понятіе о политическомъ равновѣсіи, изъ книги Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleich gewichts in Europa, von Fr. von Gentz, 1806 (XI, 256—262; XII, 71—76), пер. Еф. Люценко.

О порабощеніи и освобожденіи Европы, соч. Ан. Фейербаха (XII, 242—251; XIII, 30—32, 63—70, 109—112), пер. К. О.

Послѣдніе дни Бонапартова правленія во Франціи, изъ книги: La régime à Blois ou les derniers moments du gouvernement imperial. P. 1814 (XVI, 160—163, 200—204; XVII, 29—35, 72—80).

О Бонапартѣ, о Бурбонахъ и о необходимости возстановить законныхъ государей Франціи, соч. Шатобріана (XIII, 225—240, 274—283; XIV, 31—36); отрывки изъ дополненія (XIV, 308—310).

Замѣчанія на Шатобріана, изъ книги Lettera de uno italiano al signore de Cha- . . . . . 14 (XV, 38—40).

За полгода и черезъ полгода, перемѣна отношеній къ Наполеону во Франціи, изъ франц. журн. (XVIII, 185—191), пер. К. О.

О новой конституціи, изъ нѣмецк. сочиненія, по „Conserv. Imp." (XI, 79—83, 168—171, 204—208).

Конституція Франц. королевства (XIII, 193—197); тоже, утвержденная (XIV, 259—270).

Новые французскіе министры (XV, 35—37).

Партіи во Франціи, изъ „Journ des mecontants" (XVIII, 75—78).

Требованія французовъ, по парижскимъ журналамъ (XVIII, 150—153).

Слѣды революціи—преступленія во Франціи (XVIII, 153—155).

Воспоминанія о Бонапартѣ, придворной дамы, г-жи Н., изъ „Ambigu" (XIII, 269—273).

Еще сужденіе о Бонапартѣ, изъ фр. журн. (XIV, 107—111).

Замѣчанія о Бонапартѣ въ вѣнскомъ архивѣ географіи, исторіи, политики и тактики (XVII, 40—42).

Послѣднія напряженія, прощаніе и плачъ Бонапарта, самоназвавшагося Наполеономъ, переводъ одного изъ парижскихъ памфлетовъ (XIV, 71—76), пер. Ал. Д.

Надгробное похвальное слово Бонапарту, переводъ изъ памфлета: Oraison funèbre de Buonoparte par une société des gens de lettres, P. 1814 (XVII, 154—160, 198—203, 237—241).

Бонапартова исповѣдь, изъ памфлета Le mea-culpa de Bonaparte (XV, 167—173).

Находка Бонапартова въ Египтѣ, памфлетъ Découverte de Buonoparte en Egypte, par S. M. (XV, 31—32).

Знаменитый процессъ о ложномъ разглашеніи смерти Наполеона адмир. лорд. Кокреномъ (XV, 33—35).

Можно ли и должно ли говорить о Бонапартѣ, изъ „Journ. d. Déb". (XIV, 76—78, 122—124), пер. Т.

Манифестъ франц. народа противъ приверженцевъ прежняго правленія (XIV, 164—170).

О Бурбонскомъ домѣ (XIV, 64—66).

Объ освобожденіи Франціи, соч. марк. де Корголиса (XIV, 304—307).

Нравы французовъ, чистосердовъ, изъ франц. журн. (XIV, 25—30).

Письмо изъ Парижа, изъ франц. журн. (XIV, 67—71).

Рѣчь во франц. законодательномъ корпусѣ депутата отъ гор. Бордо, г. Лена, (XII, 112—119).

Рѣчь сказанная тамъ же членомъ г. Ренуардомъ (XII, 165—173).

Рѣчь сказанная тамъ же гр. Фонтаномъ (XII, 254—259; XIII, 71—73, 113—116).

Изображеніе нынѣшняго состоянія Франціи, читанное въ собраніи депутатовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ абб. Монтескьё (XV, 210—214, 248—251).

Рѣчь франц. министра иностранныхъ дѣлъ принца Беневентскаго въ палатѣ перовъ 27 августа 1814 г., съ проектомъ закона о финансахъ (XVII, 122—127).

Пренія нижней палаты великобританскаго парламента о мирѣ съ Франціею (XV, 128—135).

Рѣчь, говоренная принцемъ-регентомъ Великобританскимъ при распущеніи парламента (XVI, 81—83), пер. К. О.

Англійскій парламентъ (XVIII, 181—184).

Біографія фельдмаршала Веллингтона (XII, 76—80, 119—122, 158—162, 209—214, 251—253), пер. К. О.

Манифестъ короля Прусскаго (XIV, 271—272).

Будущее состояніе Пруссіи, изъ „Quotidienne“ (XVII, 169—171), Z.

Декретъ короля испанскаго Фердинанда VII-го (XIV, 207—215).

Разсужденіе о нынѣшнемъ состояніи Норвегіи, изъ англ. журн. (XV, 197—202; XVI, 26—34).

Замѣчанія одного депутата на норвежскомъ сеймѣ (XV, 242—247).

Датская политика (XVI, 34—36, 83—84), изъ „Preuss. Corresp.“

Американцы и англичане, Aimé Martin изъ „Journ. d. Déb.“, „Journal de Paris“, „Times“ (XVII, 284—292).

Происшествія въ Валенсіи, дѣло бар. Колли, посланнаго изъ Англіи для освобожденія испанской королевской фамиліи (XVIII, 233—238, 275—284).

Благодарность французовъ имп. Александру, соч. барона де ла Перелля (XIV, 112—117), пер. А. Писарева.

Мнѣнія французовъ о русскомъ народѣ и о намѣреніяхъ союзниковъ, соч. Bou-,ard. изъ „Journ. d. Déb.“ (XIV, 218—220).

О походѣ французовъ въ Россію, замѣчанія „Journ. d. Déb.“ на книгу: „Relation de la campagne de Russie“, par Eug. Labaume (XVII, 273—280; XVIII, 33—46).

Планъ Бородинской битвы, составленный Бертье въ лагерѣ близъ Можайска (XVIII, 192—194).

Казацкій офицеръ, высѣкшій французскаго, истинное происшествіе, изъ берлин. журн. „des Freymüthige“ (XVI, 164—167).

Критика и библіографія:

Отзывъ Меркеля о книгѣ вышедшей въ С.-Петербургѣ: Eloge funèbre de Moreau (XI, 45—47).

Перечень столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ (XI, 22—30, 74—78).

О новой книгѣ, С.-Петербургскій мѣсяцесловъ на 1814 годъ (XI, 144—148).

Письмо въ Лондонъ объ игрѣ Семеновой и о русскомъ театрѣ (XI, 244 — 251), пер. съ англійскаго.

Письмо Фабера о самовольномъ изданіи перевода отрывковъ его книги неизвѣстнымъ русскимъ издателемъ, подъ своимъ именемъ (XI, 53—57).

Бесѣда у Пекёра о содержаніи книжекъ С. От. (XII, 128—131).

Письмо отставнаго придворнаго актера изъ С.-Петербурга въ Петрозаводскъ къ другу его N. N, по поводу „письма изъ Лондона“ (XII, 145—153).

Замѣчанія на письмо отставнаго актера, Пав. Никольскій (XII, 193—205).

Отзывъ о книгѣ: новѣйшая и пространнѣйшая всеобщая географія, М. 1814 (XII, 208—209).

Отзывъ о книгѣ: жизнь Артемія Араратскаго, С.-Пб. 1813 (XII, 65); объясненіе по этому поводу автора (XII, 259—261).

Извѣстіе о выходѣ 4-й части сочиненія Монтескьё „о существѣ законовъ“ съ выписками оттуда (XIII, 256—266).

Представленіе оперы „Сандрильона“ и исполненіе г-жи Семеновой младш. (XIII, 290—292).

Одно изъ чтеній въ Бесѣдѣ любителей русс. слова, А. Т. (XIV, 153—157).

Іоаннъ, или взятіе Казани, траг. въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, с. с. Р. Б. (XIV, 203—205).

Французское просвѣщеніе: курьезы изъ книги „Elements d'Hygiene“ par le prof. Etienne Tourtelle, К. К. (XV, 146—151).

Письмо къ П. М. М. А. (Мурав.-Апостолу) о сочиненіяхъ г. Муравьева, изданныхъ по его кончинѣ, М. 1810, К. О. Б. А. (XVI, 87—116).

Timoleon der Befreier, ein drammat. Gedicht v. Ernst Raupach, St.-P. 1814 (XVI, 154—156).

Выписка изъ посланія изъ Саратова В. Л—ва о характерѣ библіографіи и отвѣтъ (XVI, 157—159).

Отзывъ о книгѣ: Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей, пер. съ греч. Спир. Деступисъ (XVI, 195—196).

Разборъ книги: исторія о Донскомъ войскѣ, Ал. Поповъ, Харьк. 1814, ч. I., П. Строевъ (XVI, 228—241).

Письмо къ издателю: опера Весталка и пѣвица Бендерова, А. К. (XVI, 249—252).

Письмо къ пріятелю о томъ же, В. Θедорова (XVII, 84—86).

Первое представленіе Антигоны, траг. Капниста, г-жи Семеновой, Гр(ечъ) (XVII, 43).

Разборъ басенъ Александра Агажи, Астрахань 1814 г., Н. Сушковъ (XVII, 184—189).

Достопамятныя произшествія всемірной исторіи, соч. Бредова, пер. М. Зубакевичъ (XVII, 235).

Исторія медицины въ Россіи, соч. Вил. Рихтера (XVIII, 29).

О выходѣ новыхъ журналовъ (XVIII, 31—32, 63—65, 149—150).

Разборъ краткой россійской грамматики, Д. Д. (XVIII, 97—105).

Письмо къ издателямъ объ обозрѣніи журналовъ (XVIII, 110—112), М. Р. М. Н. Первое представленіе ок. вод. кн. Шаховскаго „Крестьяне или встрѣча незванныхъ" (XVIII, 118—120), N.

Взглядъ издателей на критику (XVIII, 145).

Возраженіе историческому, статистическому и географическому журналу относительно книги собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году (XVIII, 145—149).

Посѣщеніе театра импер. Маріею Θедоровною и представленіе оперы Мегюля „Іосифъ прекрасный" (XVIII, 195—196).

О выходкахъ одного журнала противъ С. О. (XVIII, 196).

Чтеніе въ Бесѣдѣ и отзывъ, С. Р. (Ст.-Русовъ) (XVIII, 229—232).

Разборъ перевода французск. стихотворенія Chant dithyrambique à l'Empereur Alexandre I (XVIII, 270—274).

1815 годъ.

Журналъ состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) литература, науки, художества; 2) стихотворенія; 3) современная русская библіографія; 4) современная исторія и политика; 5) смѣсь, мелкія статьи которой не приводятся въ перечнѣ. Кромѣ того разъ въ недѣлю, а иногда и болѣе, выходили прибавленія, подъ названіемъ „Новости", гдѣ излагались текущія политическія и другія замѣчательныя извѣстія. Римскія цифры означаютъ части, которыхъ въ годъ выходило по осьми (начиная съ XIX ч.).

Статьи общаго содержанія:

Слово о вѣчности, тульскаго еписк. Амвросія (XX, 97—119).

Рѣчи Іоанна Леванды кіевск. митр. Платону и кіевск. митр. Самуилу (XXV, 203—207).

Письма изъ Москвы въ Нижній Новгородъ: письмо XIII-е (XIX, 216—228); письмо XIV-е (XXIII, 85—99); письмо XV-е (XXIV, 119—141).

О началѣ, успѣхахъ и паденіи миѳологическаго міра и богослуженія древнихъ грековъ, изъ соч. де-Санглева (XX, 3—16, 49—65, 119—125).

Родословный чертежъ поколѣній владѣтельныхъ князей русскихъ, П. Строева (XXVI, 201—219, 242—251).

Біографія П. Ив. Ягужинскаго, изъ книги „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ въ царствованіе Петра I", соч. Бантышъ-Каменскаго (XIX, 177—190, 228—235).

Освобожденіе кап. Головнина изъ японскаго плѣна, изъ соч. кап. Рикорда (XX, 137—154, 199—207, 242—252).

Освобожденіе кап. Головнина изъ японскаго плѣна, изъ его записокъ (XXIV, 79—90, 159—175, 199—209; XXV, 3—17, 43—52).

Патріотическое предпріятіе, отправленіе лейт. Коцебу въ кругосвѣтное плаваніе гр. Румянцевымъ (XXIII, 101—114, 218—220).

Извлеченіе изъ журнала путешествующаго кругомъ свѣта лейт. Лазарева (XXVI, 262—265).

Путешествіе въ Бразилію, изъ сочин.-спутника Крузенштерна, Ландсдорфа: „Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahr. 1803 bis 1807" (XXI, 73—84).

Отрывки изъ путешествій П. Свиньина: Ніагарскій водопадъ (XIX, 49—59); Гринвическій инвалидный домъ для матросовъ (XXI, 3—16); Конгревовы ракеты и Вуличъ (XXI, 126—138); Гершель (XXI, 213—217); почты и экипажи въ Англіи (XXII, 215—230); обозрѣніе Британскаго музея и другихъ кабинетовъ въ Лондонѣ (XXIII, 181—196); лондонскіе театры (XXIV, 5—25); Ньюгетская тюрьма и эшафоты (XXVI, 3—12).

Краткое обозрѣніе Бессарабіи и части Молдавіи, присоединенныхъ къ Россійской имперіи, П. Шабельскій (XXI, 33—40, 117—126, 197—213).

Свѣдѣнія о прекращеніи чумы въ Бессарабіи (XXI, 41—50).

Окрестности Москвы, Анд. Раевскій (XXV, 53—65).

Дневныя записки русскаго офицера, Ф. Глинки (XXV, 83—101, 123—139, 163—180, 207—216; XXVI, 162—178).

Воспоминанія о 1813 г., или прогулка около Дрездена, изъ 6 ч. писемъ русскаго офицера, соч. Ф. Глинки (XXIII, 30—37).

Русскій крестьянинъ философъ, Ив. Евстр. Свѣшниковъ, изъ писемъ русскаго офицера, соч. Ф. Глинки (XXII, 163—181).

Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ по Владимірской губерніи (XXI, 171—178).

Отрывки изъ новой книги М. Н. Муравьева: „Обитатель предмѣстія и Емиліевы письма" (XXI, 84—98).

Объ одѣ, отрывокъ изъ піитики, Я. (XXII, 123—142).

Отчетъ филотехническому обществу правителя его Каразина (XX, 177—198, 225—241); донесеніе его же военному министру о дѣятельности общества (XXIII, 221—241).

Новоизобрѣтенныя счеты (XXII, 13—19).

Стимботъ на Невѣ (XXIV, 210—219).

Первая поѣздка на пароходѣ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и обратно въ 1815 г. (XXVI, 37—40), морск. офиц.

Извѣстіе о построеніи гор. Тучкова (XXVI, 41—52).

Письмо Ефрема Тузова о приготовленіи картъ (XXVI, 195—200).

Вечеръ и утро, проведенные въ Павловскѣ, В. К. (XXIV, 41—55).

Письмо изъ Харькова Гр. Квитки; общество благотворенія (XXII, 231—239; XXIII, 133—145); отчетъ за IV годъ (XXVI, 121—147).

Пожаръ въ Казани (XXV, 195—197).

Переводныя:

О характерѣ и положеніи нынѣшнихъ грековъ, изъ соч. Ген. Итона: „A letter of the Earl. of D. on the politic relations of Russia in regard to Turky, Greece and France". L. 1807 (XIX, 140—150; XXI, 17—25), С. Д.

Филиппъ Македонскій, поработитель Греціи, сокр. переводъ изъ Мабли, А. Ивановъ (XXI, 157—170, 257—274; XXI, 126—138).

Отрывки изъ записокъ путешественника по Сибири г. Добеля, пер. Г. К. (XXV, 243—251; XXVI, 81—94).

Человѣкъ съ правилами, изъ „Gazette de France" (XXIII, 146—159).

Великодушное пожертвованіе Россіи самой собою, нѣм. соч. Циммермана (XXIII, 3—22, 45—59).

Отрывки изъ записокъ Наполеона, сочиненныхъ имъ на остр. Эльбѣ (X, 29—39).

О правахъ Пруссіи на пріобрѣтеніе Саксоніи, изъ книги „Sachsen und Preussen" (XIX, 110—113).

О замѣчаніяхъ на письмо англійскаго путешественника, возвратившагося изъ Италіи, изъ „Ambigu".

О возмущеніи въ Китаѣ, пер. П. Г—въ (XX. 70—79, 128—132; XIX, 198—203).

Европейская республика Генриха IV-го, XVII и XIX столѣтія, изъ „H. Pol. Journ.", пер. П. Г—въ (XX, 165—169).

Картежные дома во Франціи, изъ „Journ. de Paris" (XX, 217—221).

Французы XIX столѣтія, изъ „Cons. Imper." (XXI, 52—54).

Голосъ благороднаго француза, Бенжамена Констана (XXI, 60—64).

Саргминскій пансіонъ во Франціи, А—ъ Р—ій (XX, 156—162).

Статьи относящіяся къ современнымъ событіямъ:

Отрывокъ изъ обозрѣнія происшествій 1814 г., помѣщеннаго въ С.-Пб. карманномъ мѣсяцесловѣ на 1815 (XIX, 72—80).

Письмо русскаго офицера изъ Вѣны о конгрессѣ, изъ „Moniteur" (XIX, 39—46).

О смотрѣ россійской арміи въ Шампани, изъ „Moniteur" (XXV, 78—82).

Приказъ по корпусу Милорадовича на случай выступленія гвардіи (XXII, 119—120).

Письмо изъ Раненбурга о возвращеніи ополченія (XXII, 199—201).

Отрывокъ письма съ похода, Ал. Писарева (XXIII, 26—29); его же письмо изъ Парижа отъ 1 августа 1815 г. (XXIV, 186—189).

Поднесеніе кубка гр. Остерману Толстому изъ Богеміи, А. М. Данилевскій (XXI, 64).

О сооруженіи памятника Кутузову Прусскимъ королемъ къ Бунцлау, его же (XIX, 161—163).

Разговоры на гостиномъ дворѣ о Бонапартѣ (XXI, 28—31).

Неудачное похищеніе, письмо изъ Вѣны, A. Z. (XXI, 111—113).

Положеніе Европы въ началѣ 1815 г., соч. Меркеля, изъ журн. „die Zeiten" (XX, 85—90, 162—165).

Взглядъ на Европу въ январѣ 1815 г., оттуда же (XIX, 248—254).

Взглядъ на нынѣшнее время, оттуда же (XXV, 191—193).

О нынѣшнемъ положеніи Франціи (XXV, 35—39).

Протоколы Вѣнскаго конгресса (XXII, 63—73).

Объ окончаніи Вѣнскаго конгресса, изъ „Австр. Наблюд." (XXII, 260—262).

Рѣшеніе Вѣнскаго конгресса о Прусской монархіи (XX, 37—42).

О возобновленіи германскаго союза, изъ „Polit. Journ." (XXIII, 73—79, 214—218).

Разсмотрѣніе замѣчаній, напечатанныхъ въ Парижѣ 23 апрѣля 1815 г. на декларацію Вѣнскаго конгресса отъ 1 марта, Шатобріана, изъ „Journ. Univers." въ Гентѣ. Пер. Н. Ф. (XXII, 24—34, 73—81, 106—116, 148—157).

Изъ Вѣны, отъ 14 апрѣля, изъ № 123 „Journ. de Frankfort" (XXI, 285—289).

О нынѣшнемъ мирномъ трактатѣ, изъ газеты „der Oesterreich. Biobachter" (XXVI, 236—241).

Воззваніе къ французамъ о покушеніи корсиканца, изъ „Quotidienne“ (XXI,19—28).

О высадкѣ Бонапарта (XXI, 115—116).

Прокламація маршала Массены (XXI, 116).

Отвѣтъ маршала Мармона Коленкуру о вступленіи въ службу Наполеону (XXII, 59—62).

О бѣгствѣ Бонапарта, изъ „Journ d. Déb.“ (XX, 258—267).

Изложеніе происшествій, случившихся во Франціи со времени высадки Бонапарта до прибытія короля Людовика XVIII въ Бельгію, изъ англійскихъ вѣдомостей (XXI, 276—285), пер. П. Гв.

Общія замѣчанія на нынѣшнее правленіе, на прокламацію Наполеона французскому народу отъ 1 марта 1813 г. и на созваніе избирательныхъ коллегій на Майскомъ полѣ, изъ журнала „Le Censeur“, изд. Конта и Дюнойе, схваченнаго полиціею. Пер. А. К. (XXII, 192—197, 247—250).

Замѣчанія о французскихъ журналахъ, оттуда же (XXII, 197—198).

Объ общественномъ духѣ во Франціи, при вступленіи союзныхъ армій, изъ „Journ. de Paris“ (XXIV, 27—32), ст. Salgues.

Прогулка по полю битвы у прекраснаго союза (XXIV, 33—38).

Размышленія француза, изъ франц. журн. (XXIV, 69—73).

Письмо изъ Парижа, Деппинга, изъ „Morgenblatt“ (XXIV, 73—77, 101—105).

Исторія пятнадцати недѣль, или послѣднее царствованіе Бонапарта. Пер. изъ книги „Histoire de 15 semaines ou le dernier gouvernement de Buonoparte (XXIV, 143—151, 178—186, 220—228; XXV, 21—29), пер. Гв.

Исторія Тюльерійскаго кабинета съ 20 марта 1815 г. и заговора, призвавшаго Бонапарта обратно во Францію. Пер. изъ книги: „Histoire du cabinet des Tuilleries depuis le 20 mars 1815 et de la conspiration, qui a ramené B. en Erance“ (XXV, 29—35, 67—78, 105—116, 152—156, 182—191), пер. П. Гв.

Ночи Наполеона Бонапарта предъ отреченіемъ его отъ престола, изъ книги секретаря его Сенъ-Дидье: „Nuits de l'abdication de l'Emper. Napoleon“ (XXV, 231—238, 268—276; XXVI, 27—35), пер. П. Г—въ.

Донесеніе герц. Веллингтона о побѣдѣ 6 іюля (XXIII, 37—44).

Воззваніе къ Европѣ, съ франц. (XXI, 107—111).

Объ умерщвленіи герц. Ангіенскаго, изъ „New Monthly Magaz.“, пер. П. Гв. (XXII, 157—162).

Походъ Наполеона въ Египетъ и Сирію, по соч. Мишо де ла Вилетта (XXI, 101—107, 182—189, 221—230).

Письмо Бонапарта къ государямъ Европы, изъ с.-пб. нѣмецкихъ вѣд. (XXI, 194—196).

Оффиціальное предписаніе о заключеніи Бонапарта на остр. Св. Елены (XXIV, 152—156).

Воспоминаніе о Бонапартѣ, изъ „Gaz. de France“ (XXV, 39—41).

Сравненіе Тохмаса-Кулы хана съ Бонапартомъ, соч. Jondet, изъ „Mercure de France“ (XX, 208—217; XXI, 54—59).

Сравненіе двухъ великихъ мужей (Наполеона и Іонатана Вильда) въ романѣ Фильдинга, изъ франц. журн. (XXIV, 106—110).

Отрывокъ изъ книги Санъ-Совино: Происхожденіе и дѣла знаменитыхъ итальянскихъ фамилій. Вен. 1670 г., о кровожадномъ Нино, сынѣ Пагано, называемомъ Наполеономъ (XXII, 40).

Корсиканецъ, король вестфальскій, и вестфалецъ, король корсиканскій, изъ „Ztg. f. d. el Welt“ (XXV, 117—120).

Декларація короля Людовика XVIII (XXII, 34—36).

Размышленія по случаю перенесенія тѣла Людовика XVI въ абб. Сенъ-Дени, изъ „Journ. d. Déb." (XIX, 205—212).

Новѣйшія происшествія во Франціи, изъ франц. газетъ (XXIII, 169—175).

Письмо марк. де Шабаня къ гр. Блакасу (XXIII, 208—213).

Новые декреты короля французскаго (XXIII, 257—261).

Донесеніе Шатобріана франц. королю (XXII, 120—122).

О происшествіяхъ въ Бордо (XXII, 251—259), изъ англ. журн.

О перемѣнѣ франц. министерства, изъ „J. polit. de Leyde" (XXV, 156—159).

Рѣчь, говоренная президп. совѣта министровъ, герц. де Ришилье, въ палатѣ перовъ, при перенесеніи туда процесса маршала Нея (XXVI, 118—120).

Выписка изъ донесенія королю Обѣихъ Сицилій министра полиціи о казни Мюрата (XXV, 277—279).

Отрывки изъ рѣчей, говоренныхъ въ палатѣ депутатовъ, при предложеніи закона о всепрощеніи 30 октября (XXVI, 186—198).

Изображеніе нынѣшняго характера французовъ, преимущественно французской арміи, соч. ирландскаго католич. священника Eustace (XXVI, 231—236), пер. В. А.

Письмо изъ Франкфурта на Майнѣ и переводъ сатирической статьи о французахъ: „Орденъ Флюгера" (XXI, 189—194).

Причина несоглашенія Людовика-Флоріана-Павла де Киргорлея на актъ, подъ заглавіемъ: „Дополнительный актъ къ конституціямъ имперіи", обнародованный 10 апрѣля 1815 г. (XXII, 117—118), изъ „Times".

Письмо изъ Парижа о вывозѣ австрійцами произведеній искусствъ, „Mrgbl" (XXII, 65—68).

О вывозѣ произведеній искусствъ изъ Парижа, изъ „Quotidienne" (XXVI, 99—105).

Дѣло генерала Эксельмана (XIX, 113—120).

Англія въ концѣ 1814 г., изъ „Hamb. Pol. Journ."; статистическія замѣчанія о Саксонскомъ королевствѣ, оттуда же. Пер. П. Гъ—въ (XIX, 80—85).

Замѣчанія о Великобританіи, изъ соч. Колкгауна „о состояніи Великобританскаго госуд." (XIX, 243—248).

Великобританскій парламентъ 25 марта (XXI, 151—156); 16 апрѣля (XXI, 289—292).

Выписка изъ англійскихъ вѣдомостей (XXI, 230—235).

Объявленія Австріи о начатіи войны съ Неаполемъ (XXI, 147—151).

Дѣйствія прусской арміи до взятія Парижа (XXIII, 122—127).

Переписка кн. Блюхера съ марш. Даву (XXIII, 128—130).

Письмо кн. Блюхера къ королю Прусскому, съ отказомъ жалованья арміи, изъ газ. „d. D. Beobachter" (XXV, 160—161).

Письмо генералъ-интенданта прусской арміи къ префекту Сенскаго д-та (XXIII, 261—264).

Краткая біографія кн. Блюхера (XXIV, 95—100).

Размышленія германца наканунѣ 6 октября, изъ „Ztng. f. d. el. Welt." (XXV, 63—66).

Манифестъ испанскаго короля Фердинанда VII о сопротивленіи Наполеону (XXII, 185—191).

Послѣднія явленія войны Испанско-Французской въ 1814 г., изъ книги: „Histoire de la campagne de 1814", par. A. de Beauchamp. Пер. П. Г—въ (XXIII, 67—73, 114—122, 164—169, 200—208, 248—257; XXIV, 59—63).

Война въ Испаніи и Португаліи съ 1808 по 1814 годъ, изъ журн. „Europ. Annalen.“ (XXVI, 105—111, 151—156).

Размышленія польскаго патріота, изъ журн. „d. D. Beobachter“, пер. П. Г. (XIX, 152—154).

Выписки изъ книги архіеп. Мехельнскаго Прадта: „Histoire de l'ambassade dans le duchè de Varsovie en 1812“, изъ „Gaz. de France“ (XXIV, 192—197), пер. Д. Д.; (XXIV, 232—234), пер. В. В.

Манифестъ короля Генриха на островѣ С.-Доминго, 2 октября 1814 года, изъ „Ambigu“, пер. П. Г—въ (XIX, 155—161; XX, 78—84).

Американскіе герои: защищеніе шкуны генер. Армстронгъ, изъ англ. газ. (XXIV, 275—279), Н. К. F.

Обозрѣніе исторіи Азіи, Африки и Австраліи, пер. П. Г. (XX, 29—37).

Критика, библіографія, политика и театральное обозрѣніе. (Заглавія книгъ, которыя помѣщены только для счета или о которыхъ помѣщенъ лишь краткій, незначительный отзывъ, не перечисляются.)

Обозрѣніе русской литературы 1814 г. Н. Греча (XIX, 3—17, 60—68, 89—103, 129—139).

Смотръ журналамъ, М. р. м. н. (XIX, 25—29, 237—243; XXI, 254—258).

Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ, оп. вод. князя Шаховскаго, Греча (XIX, 120—124).

О критикѣ на представленіе Заиры, помѣщенной въ „Р. Инвалидѣ“, кн. Шаховскаго (XI, 166—170).

Жокондъ, или искатель приключенія, съ фр., муз. Николо де Мальтъ, Греча (XIX, 170—171, 254—259).

Извѣстіе о книгѣ: дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и пр., соч. Б.-Каменскаго (XX, 191—195).

Судъ надъ французскими журналами англичанъ въ Архангельскомъ клубѣ (XX, 42—48).

О театрѣ: игра Злова, О. Л—въ (XX, 94).

Замѣчанія на статью о „Сынѣ Отечества“ въ „Духѣ Журналовъ“, кн. VIII (XX, 132—135; XXI, 292—293).

Иногородныя письма съ полемическими возраженіями противъ разныхъ журналовъ (XXI, 65—71).

Извѣстіе о книгѣ М. Н. Муравьева: Обитатель предмѣстія и Эмильевы письма (XXI, 99—101).

Московскіе и с.-пб. журналы, Строева (XXI, 143—146).

Рафаилъ, или спокойная жизнь мирнаго семейства, соч. Авг. Лафонтена, пер. 2 ч. М. 1815 (XXI, 147).

Извѣстіе о книгѣ: Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную россійскую исторію, соч. Адамомъ Селліемъ, пер. въ Вологодской семинаріи. М. 1815 г. (XXI, 181—182).

Письма русскаго офицера, соч. Ф. Глинки, М. 1815 г. (XXII, 153—154).

Neue theoretisch-practische Russische Sprachlehre für Deutsche, 4 aufl., von Dr. Aug. Tappe (XXIII, 162—163).

Полемическое письмо Мавлюты Муслимова въ защиту французовъ и Наполеона (XXIII, 175—180).

Извѣстіе о книгѣ кап. Головнина: Приключенія въ плѣну у японцевъ (XXIII, 241—245).

Жена и разбойникъ, новѣйшій романъ, соч. автора „Ринальдо-Ринальдини“, 2 ч. М. 1815 г. (XXIV, 177).

Cours d'economie politique, par H. Storch, С.-Пб. 1815 г. (XXV, 18—20), С. 1.

„Nouvelle Bibliothèque des Dames". С.-Пб. 1815 г. (XXV, 102—105).

Письмо къ новѣйшему Аристофану, въ защиту Озерова, Д. (XXV, 140—148) (Дашкова).

Новѣйшая дѣтская библіотека, соч. Бланшара, 8 ч. М. 1815 г. (XXV, 149—151).

Жизнь, характеръ и военныя дѣйствія храбраго генерала Кульнева, нис. А. Н. Н—мъ. С.-Пб. 1815 г. (XXV, 230).

Отвѣтъ журналу „Bibliothèque des Dames" (XXV, 282—287).

Основанія естественнаго законодательства, соч. Г. Перро, пер. съ дополненіями М. К. С.-Пб. 1815 г. (XXVI, 61—62).

О современномъ наблюдателѣ, М. К. С. (XXVI, 111—114).

Черная маска, или завѣса таинствъ, соч. автора „Урны и могильщика", пер. съ нѣм. М. 1815 г. (XXVI, 148).

Дѣвица де ла Файетъ, или вѣкъ Людовика XIII, соч. г-жи Жанлисъ, 4 ч. М. 1815 г. (XXVI, 148—150).

Бѣдственная участь дофина, или сынъ Людовика XVI, соч. абб. Фермона, пер. съ нѣм. М. 1815 г. (XXVI, 220—222).

Разборъ записокъ и трудовъ Общ. истор. и древн. при Моск. унив.; русскихъ достопамятностей, ч. 1. М. 1815 г. Изданіе того же Общества (XXVI, 252—257).

Разборъ новѣйшей дѣтской энциклопедіи. М. 1815 г., N. N. (XXVI, 257—262).

ПРИБАВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 году.

Конспектъ главныхъ содержаній общей физики.

I. Стихіологія.

Огонь, какъ всемірная стихія неорганической природы, состоитъ изъ свѣта, горящей матеріи и теплоты, кои представляютъ весь физическій міръ, въ дѣятельной элементарной формѣ.

Всѣ видимыя и ощутительныя вещества произошли отъ огня, и суть не что другое какъ огонь, образовавшійся въ опредѣленныя формы бытія, сотвѣтственныя эѳирно-дѣятельнымъ видамъ онаго: свѣту, горящей матеріи и теплотѣ.

Воздухъ, земля и вода, какъ стихійныя вещества земной планеты, суть огонь, преобразованный въ опредѣленные виды, составляющіе особый міръ солнечной системы: и воздухъ произошелъ въ качествѣ свѣта, земля образовалась въ свойствѣ матеріи, а вода имѣетъ значеніе теплоты, относящейся равномѣрно къ свѣту и матеріи.

Солнечная система, какъ общій міръ, устроена также по значенію огня, коего свѣтъ сіяетъ отъ солнца на планеты, влекомыя, по силѣ составляющей ихъ матеріи, къ солнцу, какъ центральной тяжести оныхъ, и движимыя на своихъ путяхъ температурою собственною каждой планетѣ.

Посему огонь есть единственный предметъ общей физики неорганическаго міра; и всѣ частныя физическія изслѣдованія имѣютъ своимъ предметомъ различные токмо виды преобразованнаго огня:

1) Свѣтъ составляетъ ощутительнѣйшее явленіе природы, восхитительнѣйшее для человѣка. Но сколько форма свѣта обнаружена, столько сокрыта его сущность; и темнота обыкновеннаго знанія о свѣтѣ равна ясности солнечнаго сіянія.

Свѣтъ не состоитъ изъ матеріи, какъ обыкновенно думаютъ, но свойство онаго находится въ прямой противуположности съ вещественнымъ качествомъ, ибо онъ занимаетъ то самое мѣсто, которое занято уже совершенно воздухомъ, либо другимъ прозрачнымъ тѣломъ,—и одною прозрачностію тѣлъ доказывается удовлетворительно невещественность свѣта.

Всѣ явленія свѣта показываютъ въ немъ свойство дѣятельности, происходящей во времени; и свѣтъ не относится къ пространству, занимаемому только вещественнымъ бытіемъ.

Ньютоново мнѣніе о свѣтѣ, что оный есть тончайшая матерія, истекающая отъ солнца и отъ всякаго свѣтящагося тѣла, хотя давно уже опровергнуто, однако и теперь еще господствуетъ и у многихъ физиковъ служитъ единственнымъ основаніемъ

ихъ ученія. Другіе принимаютъ мнѣніе *Эйлера*, который выводитъ свѣтъ отъ сотрясенія эѳира, производимаго солнцемъ и горящими тѣлами. Но сія *ѳеорія* еще менѣе способна къ объясненію явленій свѣта, а потому не столь употребительна, какъ *Ньютонова*.

Атомистическая физика не имѣетъ настоящаго понятія о свѣтѣ; поелику онъ есть собственный предметъ высшаго умозрѣнія и въ чувственной области опытовъ и сужденій постигнуть быть не можетъ.

2) Безусловное основаніе матеріи есть тяжесть, оказывающаяся удѣльнымъ вѣсомъ тѣлъ, по которому занимаютъ они извѣстное мѣсто въ пространствѣ и остаются непроницаемы для другихъ. Всякое вещество должно имѣть свой вѣсъ, и такъ-называемыя *невзвѣшиваемыя вещества* (imponderabilia) въ природѣ не находятся, а выдуманы только для объясненія неизъяснимыхъ явленій.

3) Теплоту считаютъ особливымъ, чрезвычайно жидкимъ и упругимъ, веществомъ, находящимся во всѣхъ тѣлахъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, и которое, по своей упругости, переходитъ изъ однихъ тѣлъ въ другія, дабы составить въ оныхъ равновѣсіе своего содержанія.

Таковое понятіе о теплотѣ произошло отъ чувственнаго обмана; но, въ самой точности, теплота не состоитъ изъ какой-либо невзвѣшиваемой матеріи, а есть дѣятельное состояніе вещи, находящейся въ особомъ кругѣ отдѣльнаго пребыванія.

II. Геологія.

Свѣтъ, тяжесть и теплота суть явленія всемірныхъ дѣйствій, принадлежащихъ какъ земнымъ тѣламъ, такъ и небеснымъ сферамъ. Но тѣ же дѣйствія въ элементахъ земнаго міра оказываются подъ другими видами, каковые суть: *электризмъ, магнетизмъ и химизмъ*.

1) *Электризмъ* есть дѣйствіе тѣлъ, состоящее въ напряженіи къ соединенію общаго съ частнымъ, находящихся въ отдѣльномъ положеніи, и которыя суть положительное и отрицательное электричество. Собственный органъ электрическаго дѣйствія есть воздухъ, гдѣ оное оказывается во всей силѣ своей.

Электрическія явленія суть дѣятельныя происшествія, которыя однако эмпирическіе физики признаютъ вещественными, зависящими отъ мнимой электрической матеріи. Слѣдующіе *Франклиновой ѳеоріи* принимаютъ одну электрическую матерію, накопляющуюся только болѣе или менѣе въ тѣлахъ, оказывающихся *положительно* или *отрицательно электрическими*. Но послѣдователи *Зиммероваго мнѣнія* признаютъ двѣ различныхъ матеріи: *положительно-электрическую* и *отрицательно-электрическую*.

При всѣхъ усовершенствованіяхъ электрическихъ опытовъ обыкновенная физика не имѣетъ настоящей *ѳеоріи электричества*, которая можетъ только произойти отъ умозрительныхъ понятій образовательнаго дѣйствія природы.

2) *Магнетизмъ* есть дѣятельность физическаго міра, подобная электрическому дѣйствію, но въ противуположномъ направленіи ихъ процесса.—Въ *электризмѣ* двѣ различныя силы, будучи раздѣлены, стремятся къ ихъ соединенію; а въ *магнетизмѣ* тѣ же силы, но будучи соединены, напрягаются къ раздѣленію.

Собственный органъ магнитнаго дѣйствія есть желѣзо, крѣпчайшее изъ всѣхъ металловъ, по сильнѣйшему сцѣпленію (cohaesio) его состава, произведенному *магнетизмомъ*, коего полюсы въ магнитѣ, какъ орудѣломъ желѣзѣ, оказываются дѣятельными; и *магнетизмъ* происходитъ въ землѣ такъ, какъ *электризмъ* въ воздухѣ.

Магнитныя явленія въ *компасной стрѣлкѣ* показываютъ состояніе всего земнаго шара, какъ самого по себѣ, такъ и въ отношеніи онаго къ солнцу. Склоненіе *стрѣлки* на своемъ горизонтѣ означаетъ разстояніе мѣста между экваторомъ и полюсомъ; а уклоненіе оной отъ магнитнаго меридіана показываетъ положеніе земли на ея *эклиптикѣ*.

Магнитное явленіе проще электрическаго, но источникъ онаго такъ глубокъ, что эмпирическимъ физикамъ никогда не удастся достигнуть къ оному, хотя многимъ извѣстно, что все дѣйствіе искусственнаго магнита зависитъ отъ *земнаго магнетизма*.

3) *Химизмъ* есть совокупность *магнетизма* съ *электризмомъ*, которые въ *химизмѣ* достигаютъ послѣдней степени ихъ усилія, и оканчиваются химическимъ процессомъ, производящимъ качественное измѣненіе веществъ.

Разложеніе и соединеніе тѣлъ однихъ другими производятся *химическимъ сродствомъ* (affinitas chymica), которое служитъ единственнымъ основаніемъ всѣхъ *химическихъ операцій*, хотя химики также не понимаютъ онаго, какъ и физики не знаютъ, почему разноименные полюсы магнита притягиваются, а одноименные отталкиваются, и отъ чего зависитъ электрическое притяженіе и отторженіе.

Четыре элемента химическаго процесса: *кислотворъ, водотворъ, угольное вещество* и *азотъ* суть два электрическіе и два магнитные полюса, представленные въ вещественныхъ органахъ дѣятельности, и поелику химическій процессъ состоитъ изъ электрическаго и магнитнаго, то всѣ тѣла, произведенныя *химизмомъ*, въ послѣдней степени матеріальнаго развитія, состоятъ изъ четырехъ оныхъ элементовъ.

Посему *химизмъ* есть двоякій: электрическій и магнитный, и органы электро-химическаго дѣйствія суть *кислотворъ* и *водотворъ*, производящіе воду, а *субстраты* магнито-химическаго процесса суть *угольное вещество* и *азотъ*, изъ коихъ составленъ металлъ.

4) *Галванизмъ* есть такое соединеніе *электризма съ химизмомъ и магнетизмомъ*, гдѣ каждое изъ трехъ дѣйствій происходитъ въ явственной своей особенности, при взаимномъ споспѣшествованіи и зависимости между оными. Цинкъ и серебро, соприкасаясь своими поверхностями, возбуждаютъ одно въ другомъ электрическое напряженіе, которымъ разлагается находящаяся между ними жидкость; посему здѣсь электрическій и химическій процессъ обнаруживаются явственно,—и галваническое дѣйствіе есть электро-химическій процессъ.

Такъ-называемый *электро-магнетизмъ* составляетъ важнѣйшее физическое открытіе послѣдняго времени. Въ *галванизмѣ* химическое дѣйствіе происходитъ снаружи, магнитное внутри между металлическими пластинками; но въ *электро-магнетизмѣ* магнитный процессъ находится снаружи, а химическій обращенъ вовнутрь.

Съ открытіемъ *электро-магнетизма* учинилось извѣстнымъ все содержаніе галваническаго процесса, который равенъ процессу цѣлаго земнаго шара, дѣйствующаго какъ огромная *галваническая цѣпь*, составленная изъ различныхъ твердыхъ толщъ и воды. Электро-магнитныя явленія показали настоящее значеніе *магнетизма*, который свойственъ не одному только желѣзу, но всѣмъ металламъ безъ исключенія. *Электро-магнетизмъ* подтвердилъ также опытомъ прежнее положеніе *Стеффенса*, что центральное ядро земли есть металлическое, по которому земный шаръ составляетъ большой, общемірный магнитъ.

Вода и металлъ суть первоначальныя вещества земной планеты, соотвѣтственныя свѣту и тяжести, какъ двумъ начальнымъ эѳирно-дѣятельнымъ формамъ образованія физическаго міра, и вода произведена дѣйствіемъ свѣта, а металлъ составленъ силою тяжести.

Изъ химическаго соединенія и разложенія воды съ металломъ произошли земля и воздухъ—два элемента, содержащіеся между собою въ магнитной противуположность, и земля составляетъ *отрицательный* или *контрактивный*, а воздухъ *положительный* или *экспансивный полюсъ* земнаго шара, какъ общемірнаго магнита.

Земный элементъ есть *угольное вещество* (carbonium), которое, въ чистѣйшемъ его видѣ, составляетъ *алмазъ*, а большая и основная часть воздуха состоитъ изъ *азота*,

котораго чистѣйшій видъ есть *селитротворъ* (nitricum). *Алмазъ* и *селитротворъ* суть металлическаго свойства, или настоящіе металлы, но въ одностороннемъ, полярномъ образованіи, и *алмазъ* есть металлъ *контрактивной, а селитротворъ экспансивной полярности.*

Ископаемыя тѣла, какъ-то: земли, соли и горючія вещества, образовались изъ металла, составляющаго основное ядро планеты, и изъ воды, покрывавшей сначала всю поверхность земли. По мѣрѣ умноженія твердыхъ *массъ* вода убавляется, издерживаясь на образованіе оныхъ.

Нептунисты, полагающіе происхожденіе твердыхъ земныхъ тѣлъ отъ воды, и вулканисты, по мнѣнію которыхъ земный шаръ образовался горѣніемъ, имѣютъ равныя доказательства къ защищенію своихъ мнѣній. Твердая масса въ началѣ своемъ должна быть жидкая, приведенная въ твердый видъ *кристаллизаціею*, которая безъ воды произойти не можетъ. Но вода есть произведеніе горѣнія, какъ химико-электрическаго процесса; ибо *водотворъ* сгорѣвши съ *кислотворомъ* составляютъ воду.

Въ образованіи земли должны участвовать огонь и вода, которые однако между собою противны: и вулканическій огонь могъ бы выпарить всю воду; равно какъ и нептуническая вода залила бы весь огонь. Посему, не знавши сихъ элементовъ въ существенномъ ихъ началѣ и формальномъ значеніи, *вулканисты* и *нептунисты* не могутъ произвести изъ оныхъ земнаго шара.

Земля въ началѣ своемъ образовалась тѣми же силами жизненной дѣятельности, по которымъ существуетъ она и въ нынѣшнемъ ея состояніи. Таковыя силы суть: магнитная, электрическая и химическая, составляющія галваническій процессъ; и кто не чонъ..аетъ ѳеоріи *электро-химизма* и *электро-магнетизма*, тому образованіе земли понятно быть не можетъ.

III. Космологія.

Физика родилась отъ астрономіи, которая прежде *Коперниковой системы* понимаема была превратно, такъ какъ и физическія понятія того времени были ничтожны. Маѳематико-механическіе законы подали *Копернику* возможность къ открытію настоящаго положенія міровъ въ солнечной системѣ. По симъ же законамъ и физика образовалась въ другой видъ, соотвѣтственный болѣе настоящему качеству природы.

Но *Коперниково* знаніе системы міра состояло только въ опредѣленіи внѣшняго отношенія планетъ къ солнцу, по механизму ихъ движенія, котораго тройственный законъ открылъ *Кеплеръ*, а *Ньютонъ* доказалъ оное маѳематическими вычисленіями.

О внутреннемъ содержаніи солнечной системы не имѣли тогда никакого свѣдѣнія: не знали, на чемъ основывается различіе планетъ, касательно разстоянія оныхъ отъ солнца, большей или меньшей *эксцентраціи на своихъ орбитахъ*, величины и плотности ихъ толщъ (massa). О происхожденіи, состояніи и различномъ числѣ спутниковъ планетъ не было никакихъ основательныхъ положеній, ни правдоподобныхъ догадокъ. Кометы были только предметомъ удивленія и страха. Собственное значеніе оныхъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ. На чемъ основанъ толико длинный, необыкновенный путь ихъ теченія? Что означаетъ особливый, собственный имъ свѣтъ, простирающійся въ хвостъ на нѣсколько милліоновъ миль? И почему бы однѣ кометы являлись нѣсколько разъ въ нашей солнечной системѣ, а другія никогда не возвращаются въ оную?—На таковые вопросы прежніе астрономы не могли дать никакого отвѣта.

Космологія, какъ главная часть общей физики, при умозрительномъ понятіи о земныхъ вещахъ, получила также ѳеоретическое образованіе и въ познаніи небесныхъ тѣлъ, которыя должны быть одного начала и одинакой сущности съ земными.

Математико-механическая физика, со всѣми ея открытіями, остается при одномъ знаніи внѣшнихъ видовъ и соотношеній различныхъ веществъ, ибо внутреннее качество и связь веществъ для опытныхъ изслѣдованій непостижимы. Такимъ же образомъ *эмпирическая астрономія,* при тщательнѣйшихъ ея наблюденіяхъ, новыхъ открытіяхъ и вѣрнѣйшихъ вычисленіяхъ, не можетъ проникнуть въ качественное положеніе небесныхъ тѣлъ и видѣть органическое происхожденіе оныхъ и внутреннюю связь солнечной системы міра.

ПРИБАВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Письмо Александра Сергѣевича Норова къ Алек. Иван. Кошелеву.

Наконецъ, насталъ жестокій переломъ моей жизни. Ты вырвался изъ моихъ братскихъ объятій, ты перешелъ въ свѣтъ для меня чуждый.

Давно я ожидалъ этой разлуки; много было времени приготовиться къ ней. Казалось, я привыкалъ къ этой мысли; я начиналъ думать, что я уже готовъ разстаться съ тобою... Но теперь, когда грустное ожиданіе исполнилось,—теперь вижу, что я только себя обманывалъ, а не приготовлялъ. Я твердилъ себѣ: „онъ уѣдетъ, это быть должно", а между тѣмъ внутри меня оставалась какая-то надежда, которая, вопреки разсудка, обольщала меня до послѣдней минуты... Нѣтъ, не привыкнуть мнѣ къ одиночеству.

Первая разлука съ нѣжной матерью конечно тебѣ тяжела. Но ты будешь занятъ и, вступая на поприще хлопотливыхъ должностей, ты исполняешь и ея желаніе. Разстояніе и время тебя не разлучатъ съ нею; вы всегда вмѣстѣ. Мысль, что твои заслуги будутъ для нея наградой за ея попеченія,—эта мысль удвоитъ твое рвеніе и усладитъ разлуку. Нѣжная мать, она будетъ занята необходимостями твоей жизни. Все, что для твоего покоя и удовольствія,—все придумано, приготовлено ею. Что на тебѣ, что около тебя, малѣйшая твоя принадлежность напоминаетъ о ней. Гдѣ-бъ ты ни былъ, онъ вездѣ съ тобою, какъ Провидѣніе. Даже и разлука ваша сладостна: взаимная нѣжность будетъ еще нѣжнѣе; вы узнаете всю цѣну свиданія, все наслажденіе быть опять вмѣстѣ. Счастливая мать!

Было время, когда и мы крѣпко принадлежали другъ другу. Не знаю, кто кого первый полюбилъ (вѣроятно я,—ты былъ еще ребенокъ); но съ тѣхъ поръ, какъ мы сдружились, разстояніе нашихъ возрастовъ не было чувствительно между нами. Разсудокъ твой рано развивался; я и до сихъ поръ, какъ ты говоришь, въ дѣтствѣ. Пока мы были равны, и взаимная дружба была въ равновѣсіи. Но ты шелъ впередъ, а я стоялъ и не сводилъ съ тебя очей. Я наслаждался, я гордился превосходствомъ своего друга; мнѣ было пріятно стоять подъ его ногами на лѣстницѣ познаній. Ахъ, одна чрезмѣрная чувствительность, одно чувство поглотило всѣ мои умственныя силы! И я не подумалъ, что твое развитіе, а моя лѣнь—положатъ разстояніе между нашими сердцами. Теперь ты на меня смотришь какъ на ребенка скучнаго, неотвязнаго своими ласками. Ты, ты и ты—вотъ вся моя сфера. Все, что тебя не знаетъ, все, что къ тебѣ равнодушно, для меня не существуетъ болѣе. Безъ тебя я тоскую какъ младенецъ, отнятый отъ груди материнской. Не эта ли дѣтская привязанность, наконецъ, тебѣ наскучила?...

Но если до сихъ поръ еще ты не знаешь исторіи моихъ склонностей, моего развитія, то теперь узнай ее. Доберись самъ до первоначальной причины моего характера—и ты будешь ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, снисходителенъ.

Я рожденъ съ пламеннымъ сердцемъ, съ воображеніемъ и глубокою чувствитель-

ностію; итакъ, я былъ склоненъ къ сильнымъ страстямъ: вспыльчивость, гнѣвъ и тотчасъ раскаяніе—таковъ я былъ въ ребячествѣ. Прежде нежели умѣлъ думать, я уже любилъ природу и искусство: небеса, воды и горы всегда меня восхищали, звуки играли моей душой, формы изящныя врѣзывались въ моей памяти.

Едва вышоку изъ дѣтства, какъ изувѣченъ жестокимъ ушибомъ. Каждый день, болѣе и болѣе, зеркало изобличало мнѣ искаженную мою фигуру. Невзначай, взглядывая на себя, я хладѣлъ и сгоралъ отъ оскорбленія: во мнѣ страдало не тщеславіе, но любовь къ изящной формѣ. Я погружался въ меланхолію; часто внушали мнѣ, что мой несчастный станъ смѣшитъ и отталкиваетъ незнакомыхъ. Итакъ, въ первомъ пылу молодости, когда впервые разгоралось нѣжное чувство, я уже простился съ надеждою нравиться женщинамъ; стыдъ и гордость отдѣляли меня отъ нихъ хладною стѣною. Но душа чувствовала жажду любви, чувствовала—и глубоко таила это сокровище, какъ украденное: мнѣ было легче изнывать въ молчаніи, чѣмъ казаться смѣшнымъ.—Потребность любить обратилась отъ нѣжнаго пола къ искусству: любовь къ музыкѣ и живописи мною овладѣла; но это стремленіе тоскующей души оставалось безъ вниманія и безъ средствъ. Мнѣ только м твердили съ одной стороны: *ты нездоровъ, живи въ покоѣ*; а съ другой: *музыка и живопись—пустяки, а занимайся серьёзнымъ*. Это мнѣ наскучило. Раздраженное противорѣчіемъ, часто укоризнами, желаніе мое, лишенное способовъ, обратилось къ поэзіи и мечтательности. Этотъ міръ не зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ и мнѣ не мѣшали наслаждаться имъ. Но одно безплотное мечтаніе надъ книгой не удовлетворяло меня: видѣть, слушать и мечтать—вотъ чего хотѣлось. Съ книгою бродилъ я по полямъ; но наша плоская, прозаическая природа не разговаривала съ моею душой: мнѣ все хотѣлось овраговъ, долинъ, утесовъ и моря!... Шумъ водопадовъ, плесканіе волнъ, приближеніе грозы, лунная ночь или утро надъ океаномъ—вотъ что мнѣ нужно было. Все это я видѣлъ одинъ разъ ребенкомъ въ живыхъ картинахъ *Робертсона* и помню, какъ сейчасъ вижу. Какъ ни жалостно подражаніе природѣ въ декораціяхъ и панорамахъ, но, съ помощію моего собственнаго воображенія, даже холстинное море, подвижные утесы и живописные водопады меня переносили въ мой живописный міръ. Я любилъ быть въ театрѣ не для актеровъ, а для живописныхъ декорацій. Но когда я увидѣлъ въ трагедіи Семенову, а въ комедіи и оперѣ Самойлова, тогда *театроманія* овладѣла мною. О, сколько горя я вытерпѣлъ за эту несчастную страсть! Въ то же время надо было вступить въ службу, получить *аттестатъ*—и профессора съ тетрадями навалились на меня. Это было самое несчастное время моей жизни! Священная обязанность тутъ заставляетъ меня молчать: мнѣ было тяжело; но я и самъ былъ много виноватъ. Эта эпоха оставила вѣчные слѣды на мнѣ; это былъ рѣшительный переломъ моего бытія. Молодость моя вдругъ улетѣла, радости и обольщенія вдругъ пропали: осталась пустая жизнь и утомленное бореніе съ врожденной склонностію. Оставалось только одолѣть эту докучную жажду—и, наконецъ, я одолѣлъ ее. Душа моя, уже ничего не желая, коснѣла въ бездѣйствіи, сердце замерзало отъ безчувственности; я охладѣлъ къ людямъ, къ себѣ, къ семейству, къ религіи; я деревенѣлъ и жилъ одинъ, въ пустомъ, темномъ подземельи, какъ мой *узникъ*. Скука и праздность предали меня чувственности, а чувственность предала разврату... Я погибалъ.

Но кто удержалъ меня на краю погибели?—Не сильный и не мудрецъ, а ребенокъ... Я встрѣтилъ отрока, полуребенка, съ лицомъ открытымъ, ангельскимъ. Глядя на его невинность, я устыдился, ужаснулся самъ себя и сдѣлался лучшимъ. Простодушіе младенческое въ его улыбкѣ и умъ въ глазахъ меня плѣнили; я подошелъ къ нему и моя фигура его не оттолкнула. Нѣтъ, онъ меня обнимаетъ какъ своего ровесника и глядитъ на меня ласково; онъ мнѣ лепечетъ: я васъ люблю. „Невинный!—поду-

малъ я,— еслибъ ты могъ знать какъ я испорченъ, ты бы не сказалъ мнѣ: я васъ люблю!" Съ тѣхъ поръ онъ со мною былъ неразлученъ, и мы скучали другъ безъ друга. Онъ любилъ рѣзвиться около меня и, утомясь, засыпалъ на моемъ плечѣ. Юный его разсудокъ скоро сталъ развиваться; каждое новое впечатлѣніе, каждую новую идею онъ сообщалъ мнѣ—и мы сдружались нѣжнѣе и нѣжнѣе. О, братская любовь! ты имѣла на меня чудотворное вліяніе. Я былъ порочень: чтобы не заразить друга, я пожелалъ возродиться, я возненавидѣлъ себя. Его невинность была для меня какъ ночью въ лѣсу, звѣзда путеводительная. Ахъ, я чувствовалъ, что дѣлался лучшимъ не изъ любви къ добру, а для того, чтобы быть достойнымъ своего друга. Я былъ подобенъ слѣпцу, который, ухватясь за ребенка, выходилъ на истинную дорогу.—Но скоро я увидѣлъ съ ужасомъ, что страсти и его увлекаютъ... Нѣжными просьбами, страхомъ, презрѣніемъ къ разврату я удерживалъ его, а самъ... самъ внутренно боролся съ тѣми же страстями! Я бы не побѣдилъ ихъ, но одна мысль, что за собою увлеку друга,—одна эта мысль одушевляла мои силы—и мы спасали другъ друга. Вотъ повѣсть моихъ склонностей. Рожденный съ пламенною душой, я закоснѣлъ въ безчувственности, я погружался въ порокъ, погибалъ... Но ты полюбилъ меня—и душа моя воскресла, и все, что таилось въ ней небеснаго, разгорѣлось какъ неугасимое пламя, пожирающее все, что неоднородно съ нимъ. Любовь къ жизни, къ людямъ, къ искусству и къ религіи—все слилось въ одно чувство: я возлюбилъ—и позабылъ все остальное.

Мой другъ! вотъ характеръ моей братской нѣжности къ тебѣ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался лучшимъ; съ тѣхъ поръ, какъ я тебя люблю, и чувство мое стало выливаться въ сладкозвучныхъ стихахъ—и я счастливъ какъ мой *Очарованный узникъ*, пока обольщаетъ его сладостный сонъ. Ахъ, страшно будетъ ему проснуться опять въ пустомъ подземельи!... Не тронь, не разбуди его!

Прости,—не упрекъ, а изліяніе болѣзненной души! Я слишкомъ долго молчалъ, когда мы были вмѣстѣ: теперь, когда ужь мы разстались и ужь не такъ, какъ бывало разставались,—теперь дай мнѣ все высказать: это облегчитъ камень, который давно гнететъ меня.

Хладное, неотразимое сомнѣніе меня преслѣдуетъ. Твоя сестра тебѣ шутя сказала: „Ты нигдѣ не сыщешь *такова* друга, *но другова* ты можешь полюбить больше". Эти слова врѣзались ножомъ въ мое сердце: они были отголоскомъ моего грустнаго предубѣжденія. Отъ чего это предубѣжденіе?.. Отъ пустой ли меланхолической фантазіи?—Нѣтъ: отъ холодности друга.

Ты зналъ, отъ чего и давно ли я сталъ такъ молчаливъ, разсѣянъ и постоянно печаленъ. Часто, невзначай, задумавшись, ты долго на меня глядѣлъ; но въ твоихъ очахъ не проявлялось состраданія къ бѣдному другу: ты будто все забылъ. Правда, я давно и безпрестанно былъ пасмуренъ; ты привыкъ видѣть меня одинаковымъ—и привычка тебя сдѣлала нечувствительнымъ. Но неужели ни разу не пришло тебѣ на мысль: „Онъ грустенъ безпрестанно, знаю, съ которой поры, скоро годъ; видно ему нелегка эта скорбь; авось участіемъ заживлю его рану... А можетъ-быть я не все еще знаю,—авось участіемъ разорву его томительное молчаніе!"

Нѣтъ! мы по цѣлымъ вечерамъ сиживали молча; и когда я одинъ глоталъ свою грусть и слезы не выкатясь сохли на моихъ очахъ,—въ тотъ мигъ ты меня спрашивалъ: „Ну что, гдѣ побывалъ? что подѣлываешь?"

Ты былъ только невнимателенъ; наконецъ ты сталъ чуждаться своего печальнаго друга.—Нынѣшнее лѣто, послѣднее для меня, я хотѣлъ провести съ тобою вмѣстѣ, *какъ прежде бывало*. Ты отъѣзжаешь въ Ильинское не только не приглашая, но даже отклоняя меня,—говоришь: *не изъ чего, не стоитъ труда*. Однакожь я не вытерпѣлъ—и всетаки побывалъ на нѣсколько дней въ Ильинскомъ.—Возвращаюсь.—Пишу къ тебѣ изъ

Москви нѣсколько разъ: „какъ нестерпимо жаркое лѣто въ городѣ; какъ меня убиваетъ трескъ мостовой подъ моими окнами; какъ меня душитъ пыль; какъ бы я хотѣлъ подышать деревней; *рѣшеніе суда* еще не скоро, сестры твои къ вамъ не ѣдутъ...“ И на все это—ни слова! Какъ ни тяжело было сердцу, какъ ни вредно было здоровью, а лучше, сказалъ *я*, задыхаться пылью, чѣмъ быть въ тягость. И послѣднее лѣто—послѣднее—мы провели розно въ 45-ти верстахъ безъ малѣйшей нужды.—Ты не чувствовалъ какъ мнѣ это было больно; *я* понялъ, что моя печаль тебѣ наскучила, какъ тяжелая ноша. Мой другъ! ты ошибся, думая, что *я* хочу давить тебя этой ношей.

Чего, чего *я* просилъ до послѣдней минуты нашей разлуки?... Чего?... Неужли, чтобы ты сотворилъ въ себѣ другое сердце?... неужли, чтобы ты любилъ столько же, какъ и *я* тебя?... Нѣтъ, *я* не просилъ о невозможномъ. Я только жаждалъ твоего чистосердечія со мною, какъ съ другомъ; *я* умолялъ облегчить хоть на волосъ мое бремя, усладить мою скорбь участіемъ, однимъ нѣжнымъ участіемъ—и больше ничего.

Тогда бы, видя и твое прискорбіе, забывъ самъ себя, *я* бы сострадалъ только тебѣ и, видя одну твою печаль, въ тотъ мигъ *я* забылъ бы собственную; можетъ-быть *я* бы ею пожертвовалъ для тебя. Самая мука за тебя мнѣ была бы сладостна, еслибъ *я* только видѣлъ въ очахъ твоихъ нѣжность и состраданіе.—Но ты былъ холоденъ и безмолвенъ до конца.

Въ послѣдній вечеръ ты былъ уже въ постелѣ, а *я* головой своей прилегъ къ твоимъ ногамъ и, виноватъ, надоѣдалъ тебѣ своею лаской. Тогда, въ послѣдній разъ, *я* робко тебя спросилъ о томъ, что до сихъ поръ таилъ отъ меня. И твой отвѣтъ былъ: „Право не знаю о чемъ еще говорить!“—О, еслибъ ты зналъ, какой холодъ побѣжалъ по мнѣ!—Нѣтъ: это болѣе чѣмъ равнодушіе, это—презрѣніе!...

Милый мой Саша! *я* прощаю тебѣ. Постараюсь и тогда простить, когда и совсѣмъ меня покинешь. Не самъ ли Богъ наказываетъ любовь, которая творитъ себѣ идола? Даже и любовь родительскую и братскую.—Чувство мое къ тебѣ такъ безпредѣльно, что еслибъ оно было обращено къ высочайшей цѣли, *я* бы не былъ на землѣ.

Знаю, что *я* боленъ морально, знаю что былъ бы счастливѣе, еслибъ любилъ умѣреннѣе, знаю—и не желаю вылѣчить себя, и нехочу ни на волосъ уступить холодному разсудку. Напротивъ, хотѣлъ бы любить еще больше. Нѣтъ, *я* еще мало тебя люблю, ибо часто имѣю жестокость тебя возмущать. Нѣтъ, мало еще люблю, ибо и въ сію минуту можетъ-быть омрачаю зеркало твоей души. Нѣтъ, еслибъ еще больше любилъ, *я* бы вѣчно терпѣлъ одинъ; и еслибъ менѣе любилъ, *я* бы не выпрашивалъ твоего сожалѣнія!

Но—Боже мой, Боже мой!—къ чему все это пишу? Сто разъ *я* хотѣлъ все это сказать изустно—и не могъ. А теперь, на письмѣ, это такъ бездушно, и мои пламенныя письма быть-можетъ такъ же для тебя холодны, какъ мои братскія объятія, коими такъ часто *я* надоѣдалъ тебѣ. Нѣтъ, что ни говори, что ни пиши, а мою душу все-таки не пойметъ никто, никто, даже и ты—мой другъ.

О, братъ моей души! Если одно безпредѣльное чувство, въ которое всѣ другія впадаютъ, какъ ручейки въ море, если любовь обращенная не прямо къ Богу—есть безуміе, то *я* давно безуменъ. Но Онъ Самъ есть вѣчная любовь! Такъ пусть же Онъ, противъ моей воли, исцѣлитъ меня. А здѣсь никто и ничто не оторветъ меня отъ друга; а здѣсь Онъ—мое единственное сокровище.

Давно, давно, такъ обильно *я* не плакалъ—и мнѣ стало легко, словно гора съ плечъ, и сладко дышать, будто на небѣ... Не прошу отвѣта,—знаю, что тебѣ недосужно. Желалъ бы одного: скажи, что читая это письмо, ты любилъ меня, скажи.... Ахъ, *я* былъ готовъ самъ диктовать тебѣ!

Москва. Октябрь 1826 г.

Въ домѣ Фонвизина.